This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

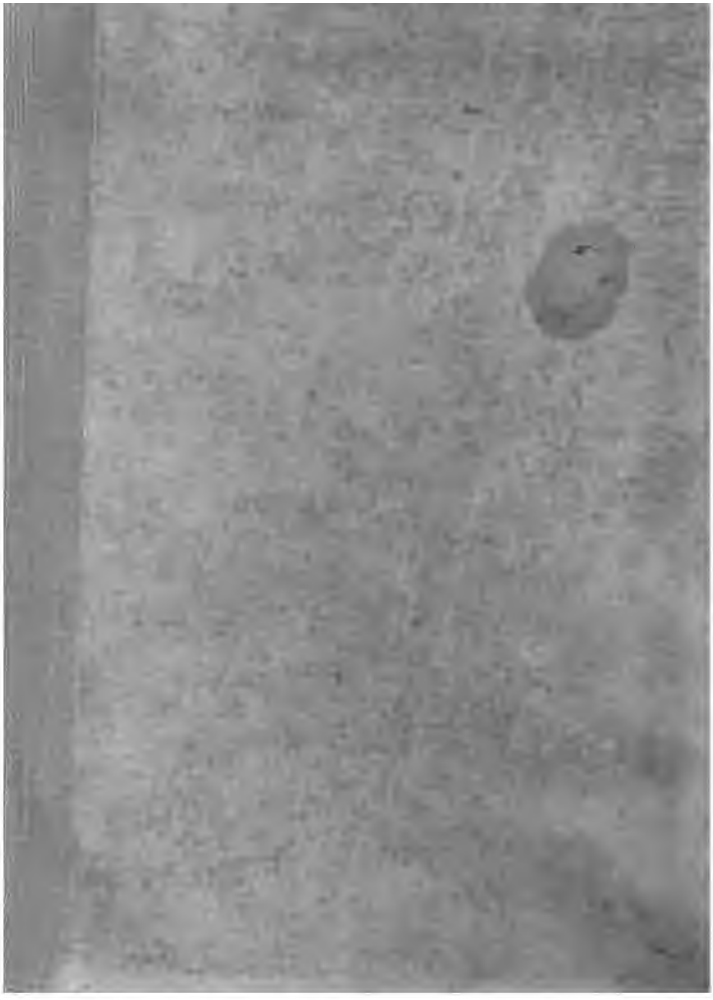
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



Sękowski, J.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО

(БАРОНА БРАМБЕУСА).

—

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1859.

AC65
S28
v.6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5 марта 1859 г.

Цензоръ *С. Палаузовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ИСТОРІЯ, ДРЕВНОСТИ, ЭТНОГРАФІЯ

AC 65
S28
v. 6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5 марта 1859 г.

Цензоръ *С. Палаузовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ИСТОРІЯ, ДРЕВНОСТИ, ЭТНОГРАФІЯ

AC65
S28
v.6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5 марта 1859 г.

Цензоръ *С. Палаузовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ИСТОРІЯ, ДРЕВНОСТИ, ЭТНОГРАФІЯ

КЛУБА
СОВѢЩЕННАГО ОБЩЕСТВА
ВЪ НОВГОРОДѢ

КАЗАКИ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИХЪ. ЗАЩИТА АЗОВА.

По поводу *Исторіи Донскаго войска.* В. Броневскаго. 1834 *.

Ничто такъ рѣзко не знаменуетъ степени образованности пишущаго класса въ каждомъ народѣ, и даже степени образованности самого народа, какъ его историческая литература. Изъ всѣхъ предметовъ, въ которыхъ упражняется перо, эта часть самая сложная, самая трудная, и можетъ назваться барометромъ не только учености писателя, но и атмосферы чувствъ и понятій, въ которой онъ пишетъ. Здѣсь отражаются въ полномъ

* Въ помѣщенныхъ въ этомъ изданіи критическихъ статьяхъ, писанныхъ С. по поводу новыхъ сочиненій для отдѣла «критики» въ «Библіотекѣ для Чтенія», издатели исключали то, что̀ имѣло лишь интересъ новости — изложеніе содержанія книгъ и выписки изъ нихъ, часто весьма обширныя, если только онѣ не служили текстомъ для замѣчаній критика. Статьи эти не имѣли въ журналѣ другихъ заглавій, кромѣ заглавія книгъ, по поводу которыхъ онѣ писаны: издатели сочли удобнѣйшимъ для читателей озаглавить каждую соотвѣтственно главному ея содержанію.—*Изд.*

свѣтѣ и его собственныя познанія, и мнѣнія, которыя онъ раздѣляетъ или старается раздѣлять съ своими соотечественниками, и нравственныя понятія страны, и наконецъ искусство, пріобрѣтаемое навыкомъ и упражненіемъ, побѣждать свои страсти, свою самонадѣянность, свои и чужіе предразсудки въ пользу истины и общаго блага, или то, что̀ называется образованіемъ.

Нельзя сказать, чтобы наши историческіе труды, которые впрочемъ обнаруживаютъ уже значительный успѣхъ во многихъ частяхъ этого искусства, могли быть провозглашены образцовою частію нашей литературы и лучшимъ зеркаломъ нашего просвѣщенія: въ крайнемъ случаѣ, это зеркало не льститъ глядящемуся въ немъ предмету, и чуть-ли не искривляетъ его слишкомъ, по винѣ мастеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ весьма немногими изъятіями, труды наши по этой части обнаруживаютъ одинъ общій недостатокъ — пріемовъ историческихъ изслѣдованій. Послѣ романа и сказки, исторію почитаютъ у насъ самымъ легкимъ предметомъ литературной дѣятельности: каждый пишетъ исторію, кому только попались въ руки двѣ старыя грамматы, три или четыре рѣдкія книги; одни безъ обиняковъ сознаются въ предисловіи, что они «сочиняютъ ее, потому-что имѣютъ время и охоту»; иные ограничиваютъ свое историческое приготовленіе простымъ вызовомъ черезъ газеты сообщать имъ, что̀ кто знаетъ, потому-что они уже пишутъ исторію. Составлять исторію изъ того, что̀ кто подарить вамъ по вѣжливости! Нѣтъ, *не* такимъ образомъ писатели приступаютъ къ

дѣлу въ истинно-ученомъ свѣтѣ, гдѣ историческія творенія считаются всегда результатомъ необыкновеннаго трудолюбія, терпѣнія, прилежныхъ изысканій, долгихъ соображеній, обширной учености и тщательно воздѣланной мысли. Тотъ, кто сбирается писать какую-нибудь исторію, долженъ сперва посвятить многіе годы совокупленію вокругъ себя всего, что только можетъ просвѣтить умъ его вразсужденіи избраннаго предмета; долженъ сличить всѣ тексты, сблизить всѣ отголоски одного и того же извѣстія, извѣдать всѣ сопряженныя съ нимъ нравственныя и физическія обстоятельства; долженъ преслѣдовать его не только на родной землѣ, но и за ея предѣлами, до послѣдней точки эха, произведеннаго имъ въ бытописаніяхъ рода человѣческаго; долженъ проникнуть во всѣ доступные источники, не пропустить ни одной строки, не увидя ея собственными глазами, и не взвѣсивъ собственнымъ безпристрастіемъ. Первая обязанность въ такомъ случаѣ—знать гдѣ искать; вторая—умѣть искать и находить. Для этого нужна безконечная начитанность. Нѣтъ такого мелкаго историческаго вопроса, который бы не требовалъ соединенія множества книгъ, бумагъ и выписокъ, и долговременнаго обзора его со всѣхъ сторонъ. Если къ чему-либо въ литературѣ впрямъ примѣняется прекрасное изрѣченіе Петра Великаго — «Не отговариваться незнаніемъ однажды обнародованнаго закона», такъ это къ историческимъ трудамъ нашего вѣка: писатель, который не знаетъ того, что уже разъ сказано было по его предмету, и что разъ внесено

свѣтѣ и его собственныя познанія
торыя онъ раздѣляетъ или старает
съ своими соотечественниками,
понятія страны, и наконецъ искусст
мое навыкомъ и упражненіемъ, по
страсти, свою самонадѣянность, свои
разсудки въ пользу истины и обще
то, что̀ называется образованіемъ.

Нельзя сказать, чтобы наши пис
ды, которые впрочемъ обнаружива
чительный успѣхъ во многихъ
искусства, могли быть провозглашен
частію нашей литературы и лучш
нашего просвѣщенія: въ крайнем
зеркало не льститъ глядящемуся
мету, и чуть-ли не искривляетъ его
винѣ мастеровъ. Въ самомъ дѣлѣ,
многими изъятіями, труды наши по
обнаруживаютъ одинъ общій недост
емовъ историческихъ изслѣдованій. П
и сказки, исторію почитаютъ у насъ
кимъ предметомъ литературной дѣятел
дый пишетъ исторію, кому только
руки двѣ старыя грамматы, три или че
книги; одни безъ обиняковъ сознают
словіи, что они «сочиняютъ ее, потому
время и охоту»; иные ограничиваютъ
ческое приготовленіе простымъ вы
газеты сообщатъ имъ, что̀ кто знае
они уже пишутъ исторію. Составля
того, что̀ кто подарить вамъ по вѣж
не такимъ образомъ писатели

свѣтѣ и его собственныя познанія, и мнѣнія, которыя онъ раздѣляетъ или старается раздѣлять съ своими соотечественниками, и нравственныя понятія страны, и наконецъ искусство, пріобрѣтаемое навыкомъ и упражненіемъ, побѣждать свои страсти, свою самонадѣянность, свои и чужіе предразсудки въ пользу истины и общаго блага, или то, что̀ называется образованіемъ.

Нельзя сказать, чтобы наши историческіе труды, которые впрочемъ обнаруживаютъ уже значительный успѣхъ во многихъ частяхъ этого искусства, могли быть провозглашены образцовою частію нашей литературы и лучшимъ зеркаломъ нашего просвѣщенія: въ крайнемъ случаѣ, это зеркало не льститъ глядящемуся въ немъ предмету, и чуть-ли не искривляетъ его слишкомъ, по винѣ мастеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ весьма немногими изъятіями, труды наши по этой части обнаруживаютъ одинъ общій недостатокъ — пріемовъ историческихъ изслѣдованій. Послѣ романа и сказки, исторію почитаютъ у насъ самымъ легкимъ предметомъ литературной дѣятельности: каждый пишетъ исторію, кому только попались въ руки двѣ старыя грамматы, три или четыре рѣдкія книги; одни безъ обиняковъ сознаются въ предисловіи, что они «сочиняютъ ее, потому-что имѣютъ время и охоту»; иные ограничиваютъ свое историческое приготовленіе простымъ вызовомъ черезъ газеты сообщать имъ, что̀ кто знаетъ, потому-что они уже пишутъ исторію. Составлять исторію изъ того, что̀ кто подарить вамъ по вѣжливости! Нѣтъ, *не такимъ* образомъ писатели приступаютъ къ

дѣлу въ истинно-ученомъ свѣтѣ, гдѣ историческія творенія считаются всегда результатомъ необыкновеннаго трудолюбія, терпѣнія, прилежныхъ изысканій, долгихъ соображеній, обширной учености и тщательно воздѣланной мысли. Тотъ, кто сбирается писать какую-нибудь исторію, долженъ сперва посвятить многіе годы совокупленію вокругъ себя всего, что только можетъ просвѣтить умъ его вразсужденіи избраннаго предмета; долженъ сличить всѣ тексты, сблизить всѣ отголоски одного и того же извѣстія, извѣдать всѣ сопряженныя съ нимъ нравственныя и физическія обстоятельства; долженъ преслѣдовать его не только на родной землѣ, но и за ея предѣлами, до послѣдней точки эха, произведеннаго имъ въ бытописаніяхъ рода человѣческаго; долженъ проникнуть во всѣ доступные источники, не пропустить ни одной строки, не увидя ея собственными глазами, и не взвѣсивъ собственнымъ безпристрастіемъ. Первая обязанность въ такомъ случаѣ—знать гдѣ искать; вторая—умѣть искать и находить. Для этого нужна безконечная начитанность. Нѣтъ такого мелкаго историческаго вопроса, который бы не требовалъ соединенія множества книгъ, бумагъ и выписокъ, и долговременнаго обзора его со всѣхъ сторонъ. Если къ чему-либо въ литературѣ впрямъ примѣняется прекрасное изрѣченіе Петра Великаго — «Не отговариваться незнаніемъ однажды обнародованнаго закона», такъ это къ историческимъ трудамъ нашего вѣка: писатель, который не знаетъ того, что уже разъ сказано было по его предмету, и что разъ внесено

свѣтѣ и его собственныя познанія, и мнѣнія, которыя онъ раздѣляетъ или старается раздѣлять съ своими соотечественниками, и нравственныя понятія страны, и наконецъ искусство, пріобрѣтаемое навыкомъ и упражненіемъ, побѣждать свои страсти, свою самонадѣянность, свои и чужіе предразсудки въ пользу истины и общаго блага, или то, что̀ называется образованіемъ.

Нельзя сказать, чтобы наши историческіе труды, которые впрочемъ обнаруживаютъ уже значительный успѣхъ во многихъ частяхъ этого искусства, могли быть провозглашены образцовою частію нашей литературы и лучшимъ зеркаломъ нашего просвѣщенія: въ крайнемъ случаѣ, это зеркало не льститъ глядящемуся въ немъ предмету, и чуть-ли не искривляетъ его слишкомъ, по винѣ мастеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ весьма немногими изъятіями, труды наши по этой части обнаруживаютъ одинъ общій недостатокъ — пріемовъ историческихъ изслѣдованій. Послѣ романа и сказки, исторію почитаютъ у насъ самымъ легкимъ предметомъ литературной дѣятельности: каждый пишетъ исторію, кому только попались въ руки двѣ старыя грамматы, три или четыре рѣдкія книги; одни безъ обиняковъ сознаются въ предисловіи, что они «сочиняютъ ее, потому-что имѣютъ время и охоту»; иные ограничиваютъ свое историческое приготовленіе простымъ вызовомъ черезъ газеты сообщать имъ, что̀ кто знаетъ, потому-что они уже пишутъ исторію. Составлять исторію изъ того, что̀ кто подарить вамъ по вѣжливости! Нѣтъ, *не такимъ образомъ* писатели приступаютъ къ

дѣлу въ истинно-ученомъ свѣтѣ, гдѣ историческія творенія считаются всегда результатомъ необыкновеннаго трудолюбія, терпѣнія, прилежныхъ изысканій, долгихъ соображеній, обширной учености и тщательно воздѣланной мысли. Тотъ, кто сбирается писать какую-нибудь исторію, долженъ сперва посвятить многіе годы совокупленію вокругъ себя всего, что̀ только можетъ просвѣтить умъ его вразсужденіи избраннаго предмета; долженъ сличить всѣ тексты, сблизить всѣ отголоски одного и того же извѣстія, извѣдать всѣ сопряженныя съ нимъ нравственныя и физическія обстоятельства; долженъ преслѣдовать его не только на родной землѣ, но и за ея предѣлами, до послѣдней точки эха, произведеннаго имъ въ бытописаніяхъ рода человѣческаго; долженъ проникнуть во всѣ доступные источники, не пропустить ни одной строки, не увидя ея собственными глазами, и не взвѣсивъ собственнымъ безпристрастіемъ. Первая обязанность въ такомъ случаѣ—знать гдѣ искать; вторая—умѣть искать и находить. Для этого нужна безконечная начитанность. Нѣтъ такого мелкаго историческаго вопроса, который бы не требовалъ соединенія множества книгъ, бумагъ и выписокъ, и долговременнаго обзора его со всѣхъ сторонъ. Если къ чему-либо въ литературѣ впрямъ примѣняется прекрасное изрѣченіе Петра Великаго — «Не отговариваться незнаніемъ однажды обнародованнаго закона», такъ это къ историческимъ трудамъ нашего вѣка: писатель, который не знаетъ того, что̀ уже разъ сказано было по его предмету, и что̀ разъ внесено

въ общій архивъ человѣческихъ знаній, ничѣмъ не извинителенъ. Надобно умѣть искать. Для того, кто пишетъ о человѣкѣ, даже различіе языковъ не есть отговорка: онъ обязанъ знать все, что̀ въ его время извѣстно людямъ объ его вопросѣ. Черезъ себя или черезъ другихъ, онъ долженъ сорвать съ посторонняго свидѣтельства завѣсу незнакомыхъ ему звуковъ, и исчерпать весь свѣтъ, сокрытый въ нѣдрахъ его. Настоящій историкъ въ XIX вѣкѣ знаетъ всѣ языки, на которыхъ есть что-нибудь полезное для его дѣла. Нынѣшнее просвѣщеніе доставляетъ нужныя для этого пособія.

Одинъ Карамзинъ, кажется, постигалъ у насъ въ точности условія и обязанности историческаго приготовленія. Если онъ не вездѣ ихъ исполнилъ, слѣдуетъ приписать это огромности предпріятія, превосходящаго силы одного человѣка; но его сочиненіе удостовѣряетъ на всякомъ шагу, что онъ имѣлъ и ясное понятіе о пріемахъ и механизмѣ историческихъ изслѣдованій, и то терпѣливое, любопытное, недовѣрчивое трудолюбіе, которое одно ведетъ къ полезнымъ для исторіи результатамъ. Карамзинъ не пренебрегалъ ни чѣмъ умышленно, и незнаніе какого-нибудь языка не было для него преградою: онъ повѣрялъ свои понятія со всѣми показаніями, и если которыя повѣрилъ недостаточно, то самыя его ошибки служатъ еще сильнѣйшимъ подтвержденіемъ потребности безпрерывной повѣрки. Неотъемлемое, неизмѣримое превосходство Карамзина состоитъ именно въ умѣніи сообщить изысканію ту подлинно ученую, образованную форму,

которой никто почти доселѣ не успѣлъ у насъ придать своему произведенію. Послѣ него уже почти никто не желаетъ украсить чело свое мученическимъ вѣнцомъ ученаго изыскателя, и тщательное историческое приготовленіе не почитается даже необходимостью: исторію пишутъ съ плеча —Карамзинъ за все отвѣчаетъ! Прискорбно видѣть великолѣпный трудъ незабвеннаго мужа расхищаемымъ тѣми, которые долженствовали бъ дополнять и усовершать его своими открытіями, своимъ трудолюбіемъ: почти нѣтъ исторической книги, гдѣ бы цѣлыя страницы Карамзина, цѣлыя главы не являлись въ подлинникѣ или передѣланными на другой ладъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя, по скромности, довольствуются простымъ заимствованіемъ изъ него своихъ доказательствъ,—какъ-будто въ исторіи свидѣтельство со второй руки имѣло какое-нибудь значеніе! какъ-будто основный законъ исторической критики не обязывалъ всякаго опирать свои сужденія только на *источникахъ* и на личномъ удостовѣреніи!

Эти общія мысли о существѣ изысканій и долгѣ изыскателя дѣйствій прошедшаго человѣка могутъ быть полезны въ томъ отношеніи, что напомнятъ молодымъ любителямъ историческихъ занятій объ условіяхъ, требуемыхъ ученымъ свѣтомъ отъ трудовъ того, кто въ нынѣшнее время беретъ въ руки въ Европѣ перо историка. Хорошее университетское ученіе одно въ состояніи раскрыть и показать эти условія въ цѣломъ ихъ пространствѣ. Примѣнять ихъ здѣсь въ особенности къ какому-нибудь сочиненію, уже вышедшему

изъ печати, было бы излишне: взыскивая съ одного за ихъ попраніе, пришлось бы взыскивать можетъ-быть со всѣхъ. Эти сочиненія такъ уже родились, попали въ стволъ, и такъ должны отживать вѣкъ въ своей грубой и неочищенной корѣ. Станемъ покрайней-мѣрѣ надѣяться на будущность — и надѣяться тѣмъ болѣе, что въ собственной нашей литературѣ имѣемъ уже одинъ прекрасный образецъ къ подражанію и благородному соперничеству.

Мы не дѣлаемъ никакихъ примѣненій. Оставимъ совершенно въ сторонѣ техническую часть историческаго творенія, лежащаго передъ нами, и обратимся къ его содержанію. Г. Броневскій написалъ, подъ именемъ «Исторіи Донскихъ Казаковъ», очень занимательную и разнообразную книгу, которую съ удовольствіемъ прочтутъ всѣ Русскіе: особенно первая часть ея представляетъ чрезвычайно сильный интересъ, какого едва можно ожидать отъ романа. Дѣйствительно: что̀ можетъ-быть болѣе похоже на вымыселъ, на картину, созданную пылкимъ и поэтическимъ воображеніемъ, какъ бытъ и подвиги донскихъ удальцовъ въ первой эпохѣ ихъ существованія? Кто изъ Русскихъ въ состояніи оставаться равнодушнымъ къ чудесной повѣсти о первоначальной судьбѣ, о претерпѣнныхъ нѣкогда бѣдствіяхъ, собранныхъ лаврахъ и причиненныхъ опустошеніяхъ нынѣ вѣрнѣйшими сподвижниками славы его отечества? Г. Броневскій раздѣлилъ ихъ исторію на четыре періода, изъ которыхъ первый обнимаетъ эпоху отъ 1520 по 1646 года: Казаки вели въ то время жизнь «рыцарскую,» говоритъ авторъ, и потому

первая эпоха названа имъ «рыцарскою». Признаемся, что это названіе чрезвычайно насъ удивило, и мы бы никакъ его не поняли, еслибъ самъ авторъ не объяснилъ намъ, что̀ значитъ—*рыцарскій*: оно значитъ «буйный, своевольный, разбойничій». Нельзя не замѣтить, что подобное опредѣленіе рыцарства довольно странно въ устахъ историка, которому должно быть извѣстно, какъ извѣстно всѣмъ историкамъ, что рыцарство было установлено для обузданія разбоевъ, а не для разбойничанія, для охраненія чести женщинъ и безопасности путниковъ, для водворенія порядка помощію частнаго мужества, когда правительственныя мѣры оказались для этого слишкомъ слабыми. Вѣдь рыцарство подчинено было̀ положительнымъ законамъ, имѣло установленные обряды — и строгія правила чести, которыми доселѣ мы руководствуемся, завѣщаны намъ этимъ сословіемъ! Рыцарство было учрежденіе..... Но мы напрасно привязываемся къ словамъ, между-тѣмъ, какъ достоинство книги состоитъ въ ея предметѣ: съ авторомъ «Исторіи Донскихъ Казаковъ» о словахъ и спорить невозможно, потому-что онъ весьма рѣдко употребляетъ ихъ въ тѣсномъ ихъ значеніи. Положимъ, что эта первая эпоха была «рыцарская», то есть, «буйная»: занимательность ея подъ перомъ г. Броневскаго нисколько не потеряетъ отъ неловкости ея заглавія.

Мы сожалѣемъ, что авторъ не приступилъ прямо къ дѣлу, но счелъ нужнымъ начать свой разсказъ общимъ историческимъ разсужденіемъ, для котораго нужно быть коротко знакомымъ съ безчисленъ-

ными трудами новѣйшей критической литературы. Производство Казаковъ отъ Амазонокъ и Сармато-Скиѳовъ можетъ прельщать однихъ учениковъ или тѣхъ, которые только вчера начали читать исторію, и не требовало опроверженія. Что̀ касается до Саркела и значенія его имени, то автору, кажется, неизвѣстны превосходныя изысканія объ этомъ гг. Френа и Клапрота: онъ еще слѣдуетъ Лербергу, который самъ не понималъ того, объ чемъ толковалъ, принимая слова персидскія за турецкія, и обманывая самого себя дурнымъ ихъ произношеніемъ. Миллеръ вводитъ его въ другое заблужденіе насчетъ смысла и начала имени Казаковъ, и заставляетъ смѣшивать ихъ съ Касогами среднихъ вѣковъ. Мы не думаемъ, чтобы можно было разсуждать о происхожденіи слова *казакъ* безъ пособія оріентализма и его исторической критики. Этотъ вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, и мы ограничимся общимъ замѣчаніемъ. Слово *казакъ* есть собственное имя народа, который мы нынѣ называемъ Киргизами. Кажется, что это поколѣніе, издревле извѣстное въ Азіи отвагою, хищничествомъ и ловкостью всадниковъ, съ давняго времени придало имя свое отрядамъ легкой конницы, употребляемымъ восточными властелинами для разныхъ воинскихъ назначеній, подобно тому какъ народное имя Швейцарцевъ превратилось въ Европѣ въ наименованіе извѣстнаго рода служителей. То вѣрно, что у Монголовъ, завладѣвшихъ Россіею, оно означало, кромѣ Киргизовъ, еще вооруженныхъ всадниковъ, не *приписанныхъ* ни къ какому улусу, не составляю-

щихъ собственности никакого хана, ни бека, бѣжавшихъ отъ своихъ владѣльцевъ — коротко сказать, «вольныхъ» воиновъ изъ разныхъ поколѣній, соединявшихся въ летучіе отряды. Не только монгольскіе ханы и беки, но и русскіе князья часто имѣли въ своей службѣ подобные отряды. Слова *казакъ* и *вольный* были какъ бы однозначащія, и поэтому первое изъ нихъ, соединяющее въ себѣ притомъ понятіе о воинѣ, такъ нравилось бѣглецамъ изъ Россіи и Литовской Руси, поселявшимся при Днѣпрѣ и Донѣ. Вотъ все, что̀ при нынѣшнемъ состояніи оріентальной исторической критики, можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностью о происхожденіи слова *казакъ*: оно, по-видимому, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Касоговъ.

Не должно однакожъ думать, чтобы понятіе «казачества» не было извѣстно на Сѣверѣ гораздо прежде слова *казакъ*. Оно, кажется, очень древнее, и въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть названо кореннымъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ, проявлявшимся въ разныя времена подъ различными именами. Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать одно сближеніе. Хотя слово *казакъ* есть собственное имя огромнаго народа, но оно очень давно сдѣлалось уже нарицательнымъ, и притомъ имѣетъ правильное производство отъ извѣстнаго корня. Какъ нарицательное, въ восточно-турецкихъ языкахъ оно значитъ—«безпріютный, скитающійся, никому неподвластный, вольный». Баберъ часто употребляетъ въ своемъ джагатайскомъ нарѣчіи слова *казаклыкъ*, *казаклямакъ* въ этомъ смыслѣ. Какъ

Но пора приступить къ исторіи. Мы пропускаемъ догадку автора, будто царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ преслѣдовать бродягъ и разбойниковъ въ цѣломъ государствѣ съ тѣмъ дальновиднымъ намѣреніемъ, чтобъ они ушли на Донъ и основали тамъ [illegible] войско, могущее впослѣдствіи служить [illegible] Россіи: она довольно похожа на [illegible] о Фридрихѣ Великомъ, кото- [illegible] въ него солдату: [illegible] въ первомъ сраже- [illegible] войны теперь только [illegible] подвигъ дон- [illegible] на поприщѣ въ [illegible] къ 1559 [illegible] и первая [illegible] на Дону. [illegible] по-временамъ [illegible] отношеніяхъ съ

рыми наполнены любопытныя, но горестныя страницы этой части книги, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой нерѣшимости.

Покореніе Азова казаками и исторія Стеньки Разина кажутся намъ лучшими статьями въ этомъ сочиненіи—особенно покореніе Азова. Этотъ блистательный, почти безпримѣрный въ исторіи подвигъ романической храбрости, чудесный образецъ дерзкаго удальства въ успѣхѣ, и потомъ героической твердости духа въ бѣдѣ, былъ достоинъ всѣхъ усилій со стороны историка, и авторъ посвятилъ ему драгоцѣннѣйшую часть своихъ изысканій. Конечно всякому изъ насъ было бы пріятнѣе найти и въ этомъ прекрасномъ, разнообразномъ отрывкѣ нѣсколько болѣе критики; самому даже автору, изъ уваженія къ столь превосходному факту, слѣдовало быть осторожнѣе и строже въ выборѣ преданій, чтобы неумѣстными преувеличеніями не превращать въ басню событія, и такъ уже почти невѣроятнаго; но и за то, что онъ намъ представилъ, мы ему благодарны. Если бы г. Броневскій, за неимѣніемъ другихъ пособій, прибѣгнулъ хотя къ Гаммеровой «Исторіи Оттоманской Имперіи», то онъ безъ-сомнѣнія не подвергъ бы насъ трудному испытанію вѣрить вмѣстѣ съ нимъ, будто 1,400 человѣкъ казаковъ могли выдержать долговременную осаду въ дрянной крѣпости противъ 200,000 Турокъ — по-крайней-мѣрѣ 200,000, потому-что авторъ говоритъ о *сотняхъ* тысячъ — и еще разбить ихъ въ добавокъ. Что касается до «четырнадцати народовъ», то есть, *говорится, четырехъ*-на-десять языковъ,

Но пора приступить къ исторіи. Мы пропускаемъ догадку автора, будто царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ преслѣдовать бродягъ и разбойниковъ въ цѣломъ государствѣ съ тѣмъ дальновиднымъ намѣреніемъ, чтобъ они ушли на Донъ и основали тамъ казачье войско, могущее впослѣдствіи служить оплотомъ Россіи: она довольно похожа на извѣстный анекдотъ о Фридрихѣ Великомъ, который закричалъ прицѣливавшемуся въ него солдату: «Стой! ты хочешь убить меня въ первомъ сраженіи, тогда какъ семилѣтняя война теперь только начинается!» Первый историческій подвигъ донскихъ Казаковъ, уже являющихся на поприщѣ въ видѣ сильнаго воеинаго отряда, относится къ 1559 году, въ которомъ разбили они Ногаевъ, а первая къ нимъ грамматa, отысканная авторомъ на Дону, къ 1571. Россійскіе государи хотя по-временамъ и переписывались съ ними, но, въ сношеніяхъ съ Турціею и крымскими ханами, безпрестанно жаловавшимися на ихъ разбои, рѣшительно отъ нихъ отказывались, и называли ихъ ворами и бѣглецами. Эта двусмысленная политика была для государства тягостнѣе явнаго имъ покровительства и принятія отвѣтственности передъ сосѣдями за ихъ поведеніе: донскіе поселенцы, видя себя оставляемыми Россіею при каждой опасности, чуждались кореннаго своего отечества, и грабили его наравнѣ съ непріятельскою землею. Убійства пословъ и воеводъ, разореніе городовъ и торговли, неистовства казаковъ въ смутныя времена самозванцевъ, безпрерывная опасность быть вовлеченнымъ въ *войну за нихъ или* съ ними, всѣ бѣдствія, кото-

рыми наполнены любопытныя, но горестныя страницы этой части книги, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой нерѣшимости.

Покореніе Азова казаками и исторія Стеньки Разина кажутся намъ лучшими статьями въ этомъ сочиненіи—особенно покореніе Азова. Этотъ блистательный, почти безпримѣрный въ исторіи подвигъ романической храбрости, чудесный образецъ дерзкаго удальства въ успѣхѣ, и потомъ геройской твердости духа въ бѣдѣ, былъ достоинъ всѣхъ усилій со стороны историка, и авторъ посвятилъ ему драгоцѣннѣйшую часть своихъ изысканій. Конечно всякому изъ насъ было бы пріятнѣе найти и въ этомъ прекрасномъ, разнообразномъ отрывкѣ нѣсколько болѣе критики; самому даже автору, изъ уваженія къ столь превосходному факту, слѣдовало быть осторожнѣе и строже въ выборѣ преданій, чтобы неумѣстными преувеличеніями не превращать въ басню событія, и такъ уже почти невѣроятнаго; но и за то, что онъ намъ представилъ, мы ему благодарны. Если бы г. Броневскій, за неимѣніемъ другихъ пособій, прибѣгнулъ хотя къ Гаммеровой «Исторіи Оттоманской Имперіи», то онъ безъ-сомнѣнія не подвергъ бы насъ трудному испытанію вѣрить вмѣстѣ съ нимъ, будто 1,400 человѣкъ казаковъ могли выдержать долговременную осаду въ дрянной крѣпости противъ 200,000 Турокъ — по-крайней-мѣрѣ 200,000, потому-что авторъ говоритъ о *сотняхъ* тысячъ—и еще разбить ихъ въ добавокъ. Что касается до «четырнадцати народовъ», то есть, какъ *говорится*, четырехъ-на-десять языковъ,

Но пора приступить къ исторіи. Мы пропускаемъ догадку автора, будто царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ преслѣдовать бродягъ и разбойниковъ въ цѣломъ государствѣ съ тѣмъ дальновиднымъ намѣреніемъ, чтобъ они ушли на Донъ и основали тамъ казачье войско, могущее впослѣдствіи служить оплотомъ Россіи: она довольно похожа на извѣстный анекдотъ о Фридрихѣ Великомъ, который закричалъ прицѣливавшемуся въ него солдату: «Стой! ты хочешь убить меня въ первомъ сраженіи, тогда какъ семилѣтняя война теперь только начинается!» Первый историческій подвигъ донскихъ Казаковъ, уже являющихся на поприщѣ въ видѣ сильнаго военнаго отряда, относится къ 1559 году, въ которомъ разбили они Ногаевъ, а первая къ нимъ грамматa, отысканная авторомъ на Дону, къ 1571. Россійскіе государи хотя по-временамъ и переписывались съ ними, но, въ сношеніяхъ съ Турціею и крымскими ханами, безпрестанно жаловавшимися на ихъ разбои, рѣшительно отъ нихъ отказывались, и называли ихъ ворами и бѣглецами. Эта двусмысленная политика была для государства тягостнѣе явнаго имъ покровительства и принятія отвѣтственности передъ сосѣдями за ихъ поведеніе: донскіе поселенцы, видя себя оставляемыми Россіею при каждой опасности, чуждались кореннаго своего отечества, и грабили его наравнѣ съ непріятельскою землею. Убійства пословъ и воеводъ, разореніе городовъ и торговли, неистовства казаковъ въ смутныя времена самозванцевъ, безпрерывная опасность быть вовлеченнымъ въ *войну за нихъ или* съ ними, всѣ бѣдствія, кото-

рыми наполнены любопытныя, но горестныя страницы этой части книги, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой нерѣшимости.

Покореніе Азова казаками и исторія Стеньки Разина кажутся намъ лучшими статьями въ этомъ сочиненіи—особенно покореніе Азова. Этотъ блистательный, почти безпримѣрный въ исторіи подвигъ романической храбрости, чудесный образецъ дерзкаго удальства въ успѣхѣ, и потомъ геройской твердости духа въ бѣдѣ, былъ достоинъ всѣхъ усилій со стороны историка, и авторъ посвятилъ ему драгоцѣннѣйшую часть своихъ изысканій. Конечно всякому изъ насъ было бы пріятнѣе найти и въ этомъ прекрасномъ, разнообразномъ отрывкѣ нѣсколько болѣе критики; самому даже автору, изъ уваженія къ столь превосходному факту, слѣдовало быть осторожнѣе и строже въ выборѣ преданій, чтобы неумѣстными преувеличеніями не превращать въ басню событія, и такъ уже почти невѣроятнаго; но и за то, что онъ намъ представилъ, мы ему благодарны. Если бы г. Броневскій, за неимѣніемъ другихъ пособій, прибѣгнулъ хотя къ Гаммеровой «Исторіи Оттоманской Имперіи», то онъ безъ-сомнѣнія не подвергъ бы насъ трудному испытанію вѣрить вмѣстѣ съ нимъ, будто 1,400 человѣкъ казаковъ могли выдержать долговременную осаду въ дрянной крѣпости противъ 200,000 Турокъ — по-крайней-мѣрѣ 200,000, потому-что авторъ говоритъ о *сотняхъ* тысячъ — и еще разбить ихъ въ добавокъ. Что касается до «четырнадцати народовъ», то есть, какъ *говорится*, четырехъ-на-десять языковъ,

«поднятыхъ султаномъ» противъ горстки дурно вооруженныхъ наѣздниковъ, то, мы думаемъ, и самъ авторъ не слишкомъ вѣритъ своей риторической фигурѣ, тѣмъ болѣе, что онъ почти никогда не приписываетъ словамъ опредѣлительнаго значенія; но числа!.... но 1,400 противъ 200,000!.... 1,400 безъ всякихъ средствъ къ защитѣ, кромѣ своей храбрости, а 200,000 съ страшною артиллеріею въ 129 *огромныхъ* осадныхъ пушекъ и 642 меньшихъ орудій разнаго калибра!.... Армія, какой султанъ не приводилъ съ собою подъ Хотинъ, съ артиллеріею, какой не было у Турокъ даже подъ Вѣною!..... Это заслуживало нѣсколько вниманія. Такія украшенія въ состояніи обезобразить и самую красоту! «Сидѣніе» въ Азовѣ—событіе само по себѣ столь прекрасное, что никакъ нельзя было страшиться, чтобы его блескъ, его поэтическая сторона не помрачились отъ приведенія обстоятельствъ, искаженныхъ невѣжествомъ и легковѣрностью, въ логическія формы, къ мѣрѣ людскихъ вѣроятностей. Уменьшите бусурманъ до десятой доли, оно и тогда еще будетъ неслыханный подвигъ.

Постараемся привести дѣло въ бо̀льшую ясность при помощи турецкихъ офиціяльныхъ лѣтописей, которыя, какъ извѣстно, составляются по государственнымъ журналамъ. Подробности осады и средства защиты, описанныя исторіографомъ Наима-эфендіемъ, могутъ быть употреблены съ пользою для исправленія очевидныхъ преувеличеній «отписки» атамана къ царю, и хорошо освѣщаютъ многія части этого достопамятнаго дѣла, *представленнаго г. Броневскимъ* по рукописному «Сказанію

объ азовскомъ сидѣніи», хранящемуся въ библіотекѣ графа Θ. А. Толстаго. Кто пишетъ исторію, тотъ долженъ всегда сличать показанія отечественныя съ разсказомъ противниковъ. Audi alteram partem! Вѣдь исторія не романъ: по-крайней-мѣрѣ въ ней безпрестанно говорятъ о безпристрастіи.

«Въ мѣсяцѣ мухарремѣ 1051 (1541) года, капи-«танъ-паша, Сіавушъ, и янычарскій кетхода, «Хайдеръ-ага-заде, выступили съ эскадрою въ Чер-«ное Море, имѣя порученіе освободить Азовъ. Въ «этотъ походъ назначены силистрійскій бейлербей, «Гусейнъ-паша, съ корпусомъ своего пашалыка; «татарскій ханъ Бегадиръ-Гирей, съ крымскимъ «войскомъ, и кафскій паша, Юсуфъ, съ своимъ «отрядомъ. Они всѣ четверо осадили крѣпость. «Находившіеся въ крѣпости невѣрные взорвали «мину: около семисотъ человѣкъ мусульманъ взле-«тѣли на воздухъ и получили мученическій вѣнецъ «за вѣру. Потомъ зажгли они вторую мину: опять «много народа сдѣлалось мучениками. На третью «ночь невѣрные сдѣлали вылазку, завязалось силь-«ное сраженіе, и нѣсколько человѣкъ правовѣр-«ныхъ попалось къ нимъ въ плѣнъ. Потомъ стали «отыскивать мины невѣрныхъ, одну нашли, и взяли «находившійся въ ней порохъ. Потомъ учредили оса-«ду, и съ *обѣихъ* сторонъ дрались съ *превосходнымъ* «мужествомъ: множество душъ погибло въ этихъ «схваткахъ какъ у осаждающихъ, такъ и осажден-«ныхъ. Между-тѣмъ одинъ Татаринъ бѣжалъ «изъ Азова и сказалъ мусульманскимъ начальни-«камъ, что, въ крѣпости, невѣрныхъ *пять тысячъ*. «Чтобы войско *не испугалось*, когда эта вѣсть

«распространится въ станѣ, и не потеряло духа,
«Ѣтарина тотчасъ упрятали. Мусульмане тоже под-
«вели мину: отъ взрыва загорѣлась внѣшняя стѣ-
«на, которую невѣрные построили изъ дерева и
«наполнили внутри землею. Они были не въ силахъ
«потушить огонь: стѣна горѣла цѣлыя сутки, раз-
«рушилась, и проклятые ушли въ цитадель. Какъ
«въ одинъ день весь мусульманскій порохъ былъ
«израсходованъ, то войско, уже до того приведен-
«ное въ разстройство, двадцать два дня въ без-
«дѣйствіи наблюдало за чертою осажденной цита-
«дели, поджидая возвращенія людей, посланныхъ
«въ Константинополь и въ Кафу за порохомъ.
«Верховный визирь, не предполагавшій, чтобы такъ
«трудно было взять Азовъ, отдалъ приказъ объ
«отпускѣ 3,000 центнеровъ пороху. Чиновники
«сказали: «Довольно 1,800 центнеровъ!»—да и от-
«правили столько. Пока вторично послали въ Кон-
«стантинополь за порохомъ и его получили, про-
«шло почти семь недѣль, и наступилъ Дмитріевъ
«день, время, въ которое войско расходится по до-
«мамъ на зиму. Волею или неволею, надобно бы-
«ло возвращаться домой, не взявъ крѣпости. Хотя
«Азовъ остался въ рукахъ невѣрныхъ, но по-край-
«ней-мѣрѣ истребили весь запасъ дерева, пригото-
«вленнаго казаками для постройки лодокъ, и со-
«жгли деревянное предмѣстье; сверхъ-того ихъ са-
«михъ погибло тутъ нѣсколько тысячъ: не будь это-
«го, они, построивъ себѣ зимою двѣсти чаекъ, въ
«началѣ весны навѣрное напали бы на берега Чер-
«наго Моря. Когда нѣсколько галеръ, отправлен-
«*ныхъ изъ Конс*тантинополя въ помощь, съ яны-

«чарами и порохомъ прибыло на мѣсто осады, вой-«ско и эскадра уже воротились-было домой: они «обратились въ Кафу, для содержанія тамъ гар-«низона и проведенія зимы».

Въ этомъ описаніи говорится о разныхъ обстоятельствахъ и подробностяхъ, которыхъ не показано въ матеріялахъ, употребленныхъ авторомъ, и слѣдственно весьма неполныхъ. Напротивъ, г. Броневскій упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, по словамъ «Сказанія объ азовскомъ сидѣніи», о вылазкѣ 5,000 казаковъ: это число осажденныхъ согласно съ повѣстью турецкаго исторіографа. Но положительное показаніе послѣдняго о пашахъ и лицахъ, назначенныхъ въ походъ, совершенно противорѣчитъ извѣстіямъ автора о «четырнадцати народахъ», поднятыхъ противъ крѣпости третьяго разряда, какою былъ Азовъ, и реляціи атамана о несмѣтности арміи и артиллеріи. Изъ самаго обстоятельства, что турецкіе начальники «упрятали» Татарина, извѣстившаго ихъ о нахожденіи въ крѣпости 5,000 непріятеля, чтобы не испугать осаждающихъ, позволительно заключить съ достовѣрностью, что Турокъ было не такъ много. Но ихъ можно исчислить. Бейлербей Силистріи выставлялъ обыкновенно, для большихъ походовъ, 10,000 ратниковъ; въ распоряженіи кафскаго паши находилось отъ 4 до 5,000; какъ на эскадрѣ, состоящей изъ галеръ, отправленъ былъ не янычарскій ага, а только кетхода, то янычаръ не могло быть болѣе 6 или 7,000: для значительнѣйшаго ихъ числа не было бъ и мѣста на флотиліи, которая сверхъ-того должна была взять съ собою из-

вѣстную часть артиллеріи и піонеръ для осадныхъ работъ, да еще толпу служителей, безъ которыхъ Турки не трогаются съ мѣста. Если высадное войско простиралось до 10,000, то и этого ужъ много. Такимъ образомъ, всего-на-все Турокъ не могло быть больше 25,000 человѣкъ. Татары доставляли султану отъ 20 до 30,000 всадниковъ; но какъ Татары назначались только къ охраненію турецкаго корпуса и къ набѣгамъ на русскія области въ время осады, къ которой они были вовсе неспособны, то число собственно осаждающихъ должно ограничить вышеприведеннымъ итогомъ. Топчу-башы не было на эскадрѣ: слѣдственно и артиллерія была не многочисленная — что̀ доказывается еще и малымъ количествомъ оправленнаго съ нею пороху, и самонадѣянностью верховнаго визиря, считавшаго взятіе Азова бездѣлицею. Во всякомъ случаѣ, защита этой крѣпости и противъ 25,000 грознаго въ то время и искуснаго въ военномъ дѣлѣ непріятеля, охраняемаго двадцатитысячнымъ корпусомъ Татаръ, и командуемаго отличнымъ полководцемъ, Хусейнъ-пашою, который незадолго передъ тѣмъ разбилъ на голову 60,000 Поляковъ, Валлаховъ и Сербовъ съ гораздо меньшими силами,—эта защита, и безъ всякихъ прикрасъ, пребудетъ навсегда въ исторіи однимъ изъ блистательнѣйшихъ чудесъ неустрашимости и самоотверженія. Авторъ описываетъ благородную рѣшимость и христіанскія чувства, одушевлявшія горстку героевъ въ опаснѣйшую минуту осады—и мы возьмемъ у него эту прекрасную страницу.

«*Осажденные* находились не въ лучшемъ поло-

женіи. Несмотря на дожди, холодные вѣтры, раны, болѣзни и всякаго рода недостатки, казаки, на развалинахъ разрушеннаго вала, почти потерявъ всю артиллерію и истощивъ снаряды, не сходя съ мѣста, бились честно и мужественно. Турки на стрѣлахъ посылали имъ грамматы, въ коихъ каждому казаку обѣщали выдать по тысячѣ талеровъ, лишь бы сдали имъ Азовъ*; но казаки *прельщеніемъ басурманскимъ* не прельстились, и, съ помощію Бога и Николая Чудотворца, за вѣру и государя (которымъ были они безпощадно отвергнуты) крѣпко стояли. Наконецъ, не имѣя чѣмъ перемѣниться, не имѣя времени отдохнуть, утомились, едва могли стоять на ногахъ: открылась цынга, и смрадъ отъ убитыхъ тѣлъ причинилъ болѣзни еще жесточайшія. Самые отважные изъ нихъ, уже не видѣли возможности сопротивляться долѣе, не имѣли надежды устоять; и за всѣмъ тѣмъ, никто не хотѣлъ сказать—*сдадимся*! Живые захотѣли быть мертвыми, и всѣ тѣ, которые еще остались на ногахъ, и въ рукахъ могли держать оружіе, положили истощить послѣднюю остающуюся въ тѣлѣ каплю крови, рѣшились, не долѣе, какъ въ слѣдующее утро, умереть, и какъ-можно дороже продать головы свои. Написали къ царю и патріарху грамматы—«да простятъ ихъ, *непотребныхъ и ослушныхъ рабовъ*, слезно умоляя, отпустить имъ вину и помянуть души ихъ грѣшныя». Всю ночь молились, прощались другъ съ другомъ, цѣловали

* Положимъ, для большей вѣроятности, по 1000 піастровъ, такъ какъ Турки всегда считали на піастры, и никогда не *имѣли ихъ много*.

крестъ и Евангеліе на томъ, чтобы при смертномъ часѣ стоять дружно и жизни не беречь. Потомъ, призвавъ Бога въ помощники, съ умиленіемъ положили по три земныхъ поклона предъ иконами угодника Николая и Іоанна Предтечи, въ послѣдній разъ обнялись — и при развѣтѣ, въ 1 день октября, на память Покрова Богородицы, строемъ, молча и перекрестясь, выступили..... Но въ передовыхъ укрѣпленіяхъ была мертвая тишина; утренній туманъ недолго скрывалъ истину: станъ враговъ оказался пустымъ. Благодарность, радость и удивленіе, ободрили истощенныхъ витязей. Въ *утороπь*, и тѣ, которые сидѣли въ крѣпости, и тѣ, кои окружали непріятельскій лагерь, пустились въ погоню, и, настигнувъ непріятеля на берегу моря, смѣло и близко подошедъ къ нестройнымъ ихъ толпамъ, почти *въ припоръ ружья* открыли бѣглый огонь. Турки, изумленные столь дерзновеннымъ нападеніемъ, измѣнили обычной имъ храбрости: въ безпорядкѣ, смятенною толпою бросились на гребныя суда, и съ судами во множествѣ утопали. Столкнувъ послѣднихъ въ воду, казаки взяли тутъ большое султанское (?!) знамя и еще семь меньшихъ знаменъ».

Большое султанское знамя развѣвается только передъ палаткою султана и на его дворцѣ, и не могло находиться тамъ, гдѣ его самого не было. Неужели азовское сидѣніе сдѣлается на волосъ славнѣе отъ этого знамени? Слова однакожъ имѣютъ какое-нибудь значеніе! Въ исторіи, особенно. Историческая критика есть только искусство *взвѣшивать* и опредѣлять точное значеніе

всякаго употребляемаго слова. Что̀ касается до описаннаго авторомъ нападенія на отступающихъ Турокъ, то оно, по-видимому, относится къ останкамъ высаднаго войска, потому-что Хусейнъ-паша удалился сухимъ путемъ по направленію къ Очакову; и какъ оттоманскіе ратники служили только до Дмитріева дня, послѣ котораго никакая власть не въ силахъ удержать ихъ въ лагерѣ, то храбрые защитники Азова безъ-сомнѣнія обязаны своимъ спасеніемъ столько же своей доблести, сколько и этому счастливому обстоятельству.

Азовъ, какъ извѣстно, взятъ былъ казаками единственно со скуки, чтобъ немножко потѣшиться въ полѣ, да показать бусурманамъ свое удальство. Они воспользовались для этого удаленіемъ въ Аккерманъ Гисамъ-Гирея, который съ сильнымъ отрядомъ Татаръ оберегалъ эту крѣпость и, по свидѣтельству Наима-эфендія, вдругъ двинулся къ Днѣстру, чтобъ соединиться съ Ногаями и вмѣстѣ съ ними свергнуть крымскаго хана съ престола. Московское правительство не имѣло никакого вліянія на ихъ предпріятіе, и даже, когда атаманъ донесъ о благополучномъ покореніи Азова, не одобрило ихъ своевольства. Турецкій посолъ, Кантакузинò, пріѣзжавшій въ Москву съ примѣчательнымъ предложеніемъ, переселить Донцевъ въ Азіятскую Турцію для спокойствія обоихъ государствъ, былъ убитъ ими. Казаки были предоставлены собственнымъ силамъ и мщенію раздраженныхъ Турокъ, передъ которыми наши послы отреклись отъ нихъ формально. Новое доказательство ихъ *безпримѣрной* храбрости и твердости

духа — незабвенная защита Азова, изумило и даже растрогало тогдашнихъ царскихъ совѣтниковъ: оно долженствовало, напротивъ, раскрыть имъ глаза, обнаруживъ несомнѣннымъ образомъ то, какую пользу можно было извлечь для государства изъ казаковъ и ихъ подвига, еслибъ тогда принять рѣшительно судьбу ихъ подъ крыло генія Россіи, и соединить ихъ пользы съ пользами отечества; еслибъ тогда же стать вмѣстѣ съ ними твердою ногою въ Азовѣ, завладѣніе которымъ тотчасъ принесло ту выгоду, что Татары перестали дѣлать набѣги на русскія области. Но такова была слабость или равнодушіе лицъ, участвовавшихъ въ правленіи, что казаки, получивъ отъ личной милости царя нѣсколько тысячъ рублей и обѣщаніе о присылкѣ двухъ сотъ поставовъ сукна, съѣстныхъ припасовъ, свинцу и пороху, были опять преданы правосудію оттоманскаго оружія, и совѣтники, къ которымъ прибѣгнулъ кроткій монархъ, не только не утвердили его въ благородной мысли удержать за Россіею важное пріобрѣтеніе донскихъ удальцевъ, пламенно бросающихся въ объятія прежняго отечества, но еще напугали его воображеніе странными опасеніями. Это видно изъ грамоты, отправленной къ казакамъ въ 1643 году, которою царь убѣждаетъ ихъ очистить Азовъ, потому-что «вѣдомо учинилось Намъ заподлинно, что разгнѣванный султанъ велитъ побить всѣхъ христіанъ, находящихся въ его владѣніяхъ». Вслѣдствіе такого извѣстія, очень хорошо придуманнаго для того, *чтобы ужаснуть* добраго царя, и вѣрнѣе подѣй-

ствовать на простодушіе неустрашимыхъ Донцовъ, Азовъ былъ отданъ имп Туркамъ, и, спустя нѣсколько лѣтъ, Россія, почувствовавъ ошибку, начала придумывать средства къ пріобрѣтенію крѣпости, отъ которой сама добровольно отказалась. Огорченные казаки скоро изъ своего бурнаго лона извергли на нее Стеньку Разина.

Мѣсто не позволяетъ намъ слѣдовать далѣе за авторомъ въ его «Исторіи Донскихъ Казаковъ»: читатели найдутъ въ ней нѣсколько статей, запечатлѣнныхъ истинно романическою занимательностью, по случаю которыхъ даже и записные любители исторіи охотно простятъ ей, по нашему примѣру, разныя погрѣшности противъ историческаго изложенія и строгой критики. Несмотря на то, что Разинъ имѣлъ «всѣ качества витязя своего (XVII) вѣка», то есть, «отвагу и буйство» (Стенька Разинъ былъ современникъ Великому Кондé, Тюренню, Карлу Лорренскому, герцогу Луксенбургскому, Витту, Руйтеру, Монтекукулли, Іоанну Собѣскому, и поэтому или они были такіе же витязи какъ Стенька Разинъ, или онъ подобный имъ витязь!); несмотря на то, что его разбои въ Персіи называются «подвигами», а его разбои въ Россіи «злодѣйствами», несмотря на множество другихъ вещей, разсказъ г. Броневскаго объ этомъ разбойникѣ отличается безспорнымъ превосходствомъ передъ всѣмъ, что только мы объ немъ читали. Исторія казаковъ по необходимости теряетъ свой чудный, фантастическій колоритъ съ того времени, какъ подвиги ихъ начинаютъ составлять только *часть безчисленныхъ* лавровъ русской

арміи; [illegible] открылъ и приписалъ въ [illegible]ненные [illegible] времени [illegible] еще огром[illegible] [illegible] ковывает[illegible] [illegible] сословій. [illegible]

Окан[illegible] [illegible] оріенталистомъ [illegible] одно обще[illegible] [illegible] порицател[illegible] [illegible] дурнаго [illegible] свѣдѣній объ исторіи восточной нашего [illegible] теплоты и [illegible] для науки [illegible] первыхъ, [illegible] который не [illegible] еще [illegible] ными, а не[illegible] ученомъ свѣтѣ. [illegible] добный слов[illegible] которыхъ [illegible] должна всег[illegible] перейти за черту, гдѣ [illegible] [illegible] и переработка стараго [illegible] [illegible] его пріобрѣтенія для науки [illegible] безвѣстности, [illegible] [illegible] онъ обращается [illegible] [illegible] не можетъ [illegible] достоинства, [illegible] [illegible]-что ей пришлось бы начать [illegible] вопросовъ отъ самаго [illegible] не-оріенталистамъ, сколько [illegible] ихъ рѣшенію. Истори[illegible] «Записокъ» о Монголіи, его «Исторія Тибета и Хухунора», богатотимъ новыхъ свѣдѣній [illegible] «Описанія Джунгаріи и Вос[illegible] [illegible]

1884.

Къ несчастію, большая часть трудовъ отца Іакинѳа не можетъ даже быть переведена на другой языкъ, потому-что она состоитъ изъ переводовъ съ китайскаго: это были бы переводы съ перевода, и слѣдственно матеріялы безъ авторитета въ ученомъ свѣтѣ. Мы надѣемся, что никто не упрекнетъ насъ въ недостаткѣ любви къ нашему отечественному языку и къ русской литературѣ; но сколько бы мы ни любили свое, это не помѣшаетъ намъ сказать, что польза наукъ, а тѣмъ самымъ и наша, требуютъ, чтобы подобные труды были издаваемы на одномъ изъ ученыхъ языковъ. Отецъ Іакинѳъ долженъ писать по-французски или по-англійски — нето по-латыни.

«Историческое обозрѣніе Ойратовъ», лежащее передъ нами и которое мы читали нѣсколько разъ съ большимъ вниманіемъ, принадлежитъ къ тому же разряду книгъ, незанимательныхъ для обыкновеннаго читателя и чрезвычайно любопытныхъ для оріенталистовъ. Это — продолженіе и дополненіе «Описанія Джунгаріи и Восточнаго Туркестана». Авторъ продолжаетъ въ немъ тѣ самыя историческія теоріи, которыя онъ основалъ въ своихъ предъидущихъ сочиненіяхъ, развертываетъ тѣ самые вопросы, ищетъ примѣненія тѣмъ же главнымъ фактамъ. Изданная по-французски, эта книга была бы понята и оцѣнена двумя или тремя сотнями читателей: теперь она понятна только двумъ или тремъ.

Мы отнюдь не говоримъ того, чтобы это послѣднее сочиненіе отца Іакинѳа не заслуживало быть читаннымъ нашими любителями нашей отече-

среды ихъ общества открылъ или привелъ въ ясность, и съ нѣкотораго времени согласилось писать на двухъ языкахъ, французскомъ и англійскомъ, какъ извѣстныхъ всему сословію. Ни одинъ быть-можетъ изъ нынѣшнихъ оріенталистовъ не вынесъ на свѣтъ изъ хаоса восточной литературы столько новыхъ фактовъ, столько любопытныхъ и важныхъ свѣденій объ исторіи восточной Азіи, какъ нашъ неутомимый синологъ, отецъ Іакинѳъ, и все это потеряно для науки, потому-что писано на языкѣ, который не имѣетъ еще правъ на извѣстность въ ученомъ свѣтѣ. Собранныя имъ данныя, изъ которыхъ многія истинно безцѣнны, не могутъ перейти за черту, гдѣ начинается преніе, критика и переработка сыраго матеріяла открытій, и его пріобрѣтенія для науки истлѣваютъ во мракѣ безвѣстности, непонятыя публикою, къ которой онъ обращается на природномъ языкѣ. Даже критика не можетъ отстоять ни ихъ внутренняго достоинства, ни заслуженной славы автора, потому-что ей пришлось бы начать исторію оріентальныхъ вопросовъ отъ самаго потопа, чтобы показать не-оріенталистамъ, сколько труды его способствовали ихъ рѣшенію. Историческая часть его «Записокъ» о Монголіи, его «Описанія» Тибета и «Исторія Тибета и Хухунора», важностью своей и богатствомъ новыхъ свѣденій уступаютъ только его «Описанію Джунгаріи и Восточнаго Туркистана» — примѣчательнѣйшему сочиненію, какое только издано въ нынѣшнемъ столѣтіи объ этой малоизвѣстной части Востока и *которое однако* прошло у насъ незамѣченнымъ.

Къ несчастію, большая часть трудовъ отца Іакинѳа не можетъ даже быть переведена на другой языкъ, потому-что она состоитъ изъ переводовъ съ китайскаго: это были бы переводы съ перевода, и слѣдственно матеріялы безъ авторитета въ ученомъ свѣтѣ. Мы надѣемся, что никто не упрекнетъ насъ въ недостаткѣ любви къ нашему отечественному языку и къ русской литературѣ; но сколько бы мы ни любили свое, это не помѣшаетъ намъ сказать, что польза наукъ, а тѣмъ самымъ и наша, требуютъ, чтобы подобные труды были издаваемы на одномъ изъ ученыхъ языковъ. Отецъ Іакинѳъ долженъ писать по-французски или по-англійски — нето по-латыни.

«Историческое обозрѣніе Ойратовъ», лежащее передъ нами и которое мы читали нѣсколько разъ съ большимъ вниманіемъ, принадлежитъ къ тому же разряду книгъ, незанимательныхъ для обыкновеннаго читателя и чрезвычайно любопытныхъ для оріенталистовъ. Это — продолженіе и дополненіе «Описанія Джунгаріи и Восточнаго Туркистана». Авторъ продолжаетъ въ немъ тѣ самыя историческія теоріи, которыя онъ основалъ въ своихъ предъидущихъ сочиненіяхъ, развертываетъ тѣ самые вопросы, ищетъ примѣненія тѣмъ же главнымъ фактамъ. Изданная по-французски, эта книга была бы понята и оцѣнена двумя или тремя сотнями читателей: теперь она понятна только двумъ или тремъ.

Мы отнюдь не говоримъ того, чтобы это послѣднее сочиненіе отца Іакинѳа не заслуживало быть читаннымъ всѣми любителями нашей отече-

ственной исторіи: напротивъ, тотъ, кто захочетъ совѣтоваться съ его книгою, найдетъ въ ней очень много полезнаго для себя и заслуживающаго перейти прямо отсюда на страницы русскаго бытописанія; но все-таки самая важная часть ея — та, которая относится къ происхожденію Калмыковъ и къ судьбамъ ихъ государства, пребудетъ исключительнымъ удѣломъ оріентализма и не прежде можетъ возвратиться въ свѣтскія исторіи, какъ послѣ критической переработки въ восточномъ мірѣ и когда вопросы о началахъ монгольскаго народа будутъ окончательно рѣшены между теоріями гг. Шмидта, Клапрота, Ремюза и отца Іакинѳа. Нельзя отвергнуть того, чтобы каждая изъ нихъ не имѣла нѣкоторой доли дѣйствительности, что́ безъ-сомнѣнія доказываетъ, что всѣ онѣ вертятся близко около истины, которая должна находиться въ срединѣ. Такъ напримѣръ г. Клапротъ признаетъ Уйгуровъ Турками, г. Шмидтъ Тангутами, отецъ Іакинѳъ Монголами, однимъ изъ поколѣній народа Тулэ, и слѣдственно предками Калмыковъ. Еслибъ сказать, что мы не видимъ другаго средства къ соглашенію ихъ между собою — потому-что каждый имѣетъ свои доказательства—какъ только признать Уйгуровъ вмѣстѣ Турками, Тангутами и Монголами, это походило бы на шутку: но, почему знать! старинный лозунгъ театральныхъ занавѣсовъ — Ridendo dicere verum, едвали не будетъ со-временемъ полезнѣе въ оріентализмѣ, чѣмъ въ комедіи. Мы предложимъ спорящимъ одно замѣчаніе, къ которому приводитъ насъ текстъ Абульгазія: этотъ

историкъ представляетъ нѣсколько производствъ слова *уйгуръ*, которыя всѣ натянуты и ложны; не менѣе того, намекъ его на глаголъ *уймакъ*, «слѣдовать», нечуждъ основательности. Въ самомъ дѣлѣ, *уйгуръ* есть одно изъ весьма правильныхъ причастій этого глагола, и въ восточно-турецкихъ нарѣчіяхъ значитъ не только — «слѣдующій, приличный», но и — «послѣдователь, приверженецъ, союзникъ» — совершенно то же, что̀ монгольское слово *ойратъ*. Послѣ этого, не естественно ли принять, что народъ Уйгуровъ, то есть «Союзниковъ», состоялъ изъ поколѣній монгольскихъ, турецкихъ и тангутскихъ, соединенныхъ подъ монгольскою династіей Хойхоръ, возвысившеюся въ одномъ изъ поколѣній народа Тулэ? Подобныя соединенія разнородныхъ племенъ подъ однимъ общимъ именемъ династіи неоднократно повторялись въ монгольскихъ степяхъ, и самое имя *Монголъ* было обще Монголамъ, Туркамъ, Тангутамъ и Манджурамъ, пока господствовалъ надъ ними родъ Монголъ, изъ котораго вышла династія Чингисханидовъ. Этимъ обстоятельствомъ легко можно отдать себѣ отчетъ, почему разные писатели давали названіе Уйгуровъ попеременно то Туркамъ, то Монголамъ, то Тангутамъ, и въ приведенномъ нами объясненіи слова *уйгуръ* г. Шмидтъ найдетъ еще оправданіе смысла «разбойникъ», которое онъ приписываетъ тому же слову на весьма уважительномъ авторитетѣ: въ самомъ дѣлѣ, *уйгуръ* значитъ тоже и — разбойникъ, то есть, приверженецъ, союзникъ извѣстнаго атамана шайки, по-

добно тому какъ слово *бандитъ*, которое равномѣрно значитъ «союзникъ».

Мы не хотимъ вести далѣе нашихъ читателей въ лабиринтъ этихъ преній, и оставимъ въ покоѣ начала Монголовъ вообще и Калмыковъ въ особенности. Что̀ касается до послѣднихъ, то довольно знать, что послѣ переворота, произведеннаго въ степи Чингисъ-Ханомъ, когда его потомки овладѣли китайскимъ прѐстоломъ, въ Джунгаріи кочевали три сильныя монгольскія поколѣнія, Чоросъ, Хошотъ и Торготъ. Около половины XIV столѣтія, въ Китаѣ возникли безпокойства, которыя скоро превратились въ войну за независимость: Китайцы свергли съ себя иго монгольское. Тогонъ-Темуръ, послѣдній ихъ императоръ изъ рода Чингисханова, видя невозможность удержаться, оставилъ престолъ, и изъ пышныхъ чертоговъ Пекина, изъ роскоши и образованности, добровольно перешелъ въ бѣдную юрту на песчаномъ берегу озера Далъ-нора, гдѣ нѣкогда кочевали его предки. Онъ не могъ пережить своего несчастія, и умеръ въ слѣдующемъ 1368 году. Потомки его, слабые и безъ уваженія, царствовали въ степи по имени. Монголія была наполнена раздорами. Наконецъ она раздѣлилась на три партіи, и всегда сильнѣйшая давала хану изъ среды себя верховнаго визиря, который властвовалъ при немъ подъ именемъ *тайши*, и склонялъ дѣла въ пользу своей стороны. Въ концѣ XIV вѣка такимъ визиремъ былъ при ханѣ могущественный князь Элютей. Три поколѣнія, жившія въ *Джунгаріи*, Чоросъ, Хошотъ и Торготъ, состави-

ли тогда между собою союзъ, чтобы противопоставить сильный оплотъ самовластію Элютея: они избрали чоросскаго князя, Махмуда, своимъ главою, и приняли титулъ *ойратовъ*, или «союзниковъ». Вотъ начало калмыцкаго народа! Съ того времени джунгарскія поколѣнія взяли рѣшительный верхъ въ Монголіи, и они уже налагали ханамъ своихъ визирей. Должность эта до половины XV столѣтія наслѣдственно занимаема была главою союза, изъ чоросскаго дома. Втеченіи времени этотъ домъ раздѣлился на двѣ линіи — Чоросъ и Дурботъ, и домъ дурботскій умножилъ собою число членовъ союза, которые обыкновенно назывались въ тѣхъ странахъ *Дурбень Ойратъ*, «Четырьмя Союзниками», и распространили свое вліяніе на всю Монголію. Постоянною ихъ цѣлію было возвращеніе Китая наслѣдникамъ Чингисъ-Хана, и отецъ Іакинѳъ съ большимъ умѣніемъ раскрываетъ коварную, но весьма искусную политику этихъ степныхъ владѣтелей. Поводы къ открытіямъ непріязненнымъ вскорѣ представились.

«Китай искони платилъ Монголамъ за спокойствіе сѣверныхъ своихъ предѣловъ; и эта плата, порука мира, производилась не въ видѣ дани, а подъ другими предлогами, не унижающими достоинства имперіи. Въ это время, миръ, существовавшій между Китаемъ и Монголіею, имѣлъ основаніемъ *мѣну лошадей*, то есть, китайскій дворъ обязанъ былъ ежегодно принимать отъ Монголовъ извѣстное число лошадей по цѣнѣ, установленной мирнымъ договоромъ. Такой образъ

монгольскаго вассальства сопряженъ былъ съ большими невыгодами и неудобствами для Китая. Монголы приводили плохихъ лошадей, и въ большемъ противъ договора количествѣ, и несмотря на то, съ дерзостью требовали условленной платы. Число чиновниковъ и пастуховъ, назначенныхъ для отвода лошадей, иногда ложно показывали отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ. Китайское правительство, съ своей стороны, уменьшало цѣну за лошадей; сверхъ того, плата за нихъ производилась шелковыми тканями, самой средственной доброты и обрѣзанными. Шелковыя ткани, доставляемыя китайскому двору съ фабрикъ, вообще бываютъ лучшей доброты; но при выдачѣ изъ кабинета подмѣниваются чиновниками на средственныя, и даже плохія, а низшіе чиновники и толмачи отъ этихъ подмѣненныхъ тканей еще отрѣзываютъ по половинѣ отъ каждаго куска, и вмѣсто того подвертываютъ прокладную мягкую бумагу. Этотъ обычай и нынче существуетъ въ Китаѣ не только при дворѣ, но и въ вельможескихъ домахъ. Сверхъ того китайское правительство старалось выдавать жалованье провожатымъ только на наличное число людей. Оттого тайныя неудовольствія съ обѣихъ сторонъ годъ отъ году возрастали, и наконецъ достигли такой степени, что однимъ только оружіемъ можно было положить имъ конецъ.»

Не отъ этого ли обыкновенія нижнихъ чиновниковъ отрѣзывать половину подарковъ, выдаваемыхъ отъ казны, происходитъ и у насъ *названіе «половинокъ»*, сохраненное въ торговлѣ да-

же цѣльнымъ кускомъ нѣкоторыхъ тканей? Предоставляя рѣшеніе вопроса тѣмъ, которые занимаются рѣшеніемъ задачи о вліяніи монгольскаго владычества на наши старинные нравы и обычаи, мы скажемъ только, что за эти «половинки» Монголы жестоко поссорились съ Поднебеснымъ Государствомъ; Китайцы были разбиты, самъ ихъ императоръ взятъ былъ въ плѣнъ, и Ойраты подступили подъ Пекинъ. Одинъ случай спасъ Китай отъ вторичнаго монгольскаго ига. Монголы возвратились въ степь, гдѣ глава союза и верховный визирь хана, Эсенъ, былъ убитъ своими измѣнниками, и съ его смертію кончился самый блистательный періодъ калмыцкаго могущества. Ойраты уже не въ силахъ были поддержать своего вліянія на Монголію, и союзъ ихъ, отъ Эсена до Хара-Хулы, впродолженіи полутора вѣка существовалъ безъ славы и почти безъ исторіи.

Въ началѣ XVII столѣтія глава союза, чороскій владѣтель, Хара-Хула, вознамѣрившись ввести единодержавіе, сталъ стѣснять права своихъ союзниковъ и хотѣлъ сдѣлаться законодателемъ народа. Многіе владѣтели поколѣній, довольно сильные сами по себѣ, не хотѣли быть подъ его распоряженіями, и объявили себя независимыми ханами. Нѣкоторые изъ нихъ даже оставили Джунгарію по случаю этихъ преобразованій, и перешли въ Сибирь, уже занятую Русскими. Съ того времени начинаются наши сношенія съ ними и, вѣроятно, тогда, по причинѣ оставленія ими союза, получили они отъ Татаръ и Киргизцевъ названіе Калмыковъ, *Калмакъ*, потому-что калма, калмакъ

и *калмаклыкъ* значитъ въ восточно-турецкихъ нарѣчіяхъ — «остатокъ, отсталой, отставшіе». Первое небольшое поколѣніе, которое вошло въ соприкосновеніе съ русскими властями въ Сибири, было теленгутское, предводительствуемое княземъ Абакою. Скоро потомъ явилось урянхайское, съ извѣстнымъ Алтынъ-Ханомъ, тоже отложившимся отъ союза. Но другіе начальники поколѣній держались еще ойратства и, содѣйствуя видамъ Хара-Хулы или повинуясь его генію, составили съ нимъ обширный планъ обложенія всей степи своими силами, чтобы возстановить прежнее свое вліяніе надъ кочующими въ ней народами и опять обратить ихъ на Китай. Сынъ его, знаменитый Баторъ-Хонъ-Тайдзи, особенно старался о приведеніи въ дѣйствіе этого обширнаго предначертанія, котораго не успѣлъ выполнить отецъ, скончавшійся въ 1634 году. Авторъ прекрасно объясняетъ ихъ замыслы, и средства, употребленныя ими.

Мы не послѣдуемъ за авторомъ по извилинамъ этой политики въ борьбу, возникшую между Ойратами, которая продолжалась почти до конца прошедшаго столѣтія и кончилась совершеннымъ уничтоженіемъ не только могущества Калмыковъ въ Джунгаріи, но и почти всего ихъ народа. Это самая занимательная часть сочиненія, и содержащая въ себѣ наиболѣе новыхъ фактовъ, которые доставили бъ большое удовольствіе всѣмъ европейскимъ и остъ-индскимъ оріенталистамъ, еслибъ они знали по-русски.

1835.

ЛИТВА,

СВИТРИГАЙЛО И КОЦЕБУ.

—

По поводу книги: *Свитригайло великій князь литовскій, сочиненіе* Августа Коцебу. *1835.*

—

Кто бы подумалъ, что намъ придется говорить въ одно время о двухъ столь примѣчательныхъ явленіяхъ, двухъ погасшихъ славахъ, двухъ нѣкогда громкихъ, нынче забытыхъ именахъ — великомъ княжествѣ Литовскомъ и великомъ комикѣ Коцебу? — потому-что это новое сочиненіе о Литвѣ, съ числомъ 1835 года, принадлежитъ тому же самому знаменитому писателю, который долго имѣлъ привилегію на смѣхъ и слезы всей Европы. И Коцебу и Литва равномѣрно вели на свѣтѣ жизнь странную, причудливую, полную ошибокъ и романическихъ приключеній; и Коцебу и Литва долго внушали страхъ своимъ сосѣдямъ, одинъ своими критиками, другая своими грабительствами; и Литва и Коцебу сами убили свою славу, оба имѣли судей пристрастныхъ и оба требуютъ нынче великодушной *защиты* — Литва противъ исторіи,

Коцебу противъ нѣмецкой словесности. Случаю было угодно соединить эти два несчастныя имени, эти двѣ дивныя жизни, Литву и Коцебу, въ одну книгу грубой, топорной работы, быть-можетъ для того, чтобы кто-нибудь защитилъ ихъ вмѣстѣ отъ самыхъ жестокихъ враговъ всякой славы — людей, которые пишутъ толстыя книги, не вникнувъ въ дѣло.

Странно, что человѣкъ — мы начинаемъ съ Коцебу — что человѣкъ, который еще такъ недавно заставлялъ Петербургъ смѣяться и плакать на двухъ языкахъ; котораго піесы недавно составляли почти весь русскій репертуаръ; который имѣлъ такое вліяніе на умы современниковъ, игралъ замѣчательную роль въ политической драмѣ нынѣшняго столѣтія, и усердно служилъ Россіи — что этотъ человѣкъ испыталъ ту же судьбу на берегахъ Невы, какъ и въ Германіи, гдѣ оскорбленное народное самолюбіе, изъ одного мщенія, караетъ его память умышленнымъ забвеніемъ. Тѣ даже, которые разстроили себѣ нервы при представленіяхъ «Ненависти къ людямъ и раскаянія», не могутъ хорошо вспомнить, кто такой былъ этотъ Коцебу, и почему столько говорили объ немъ лѣтъ двадцать тому назадъ.

Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ Коцебу родился въ Веймарѣ 3-го мая 1761 года. Онъ рано обнаружилъ рѣдкія способности, которыми надѣлила его природа, и на шестомъ году отъ рожденія уже писалъ стихи. По окончаніи курса наукъ въ веймарской гимназіи, онъ перешелъ въ іенскій университетъ, гдѣ занимался вмѣстѣ право-

вѣденіемъ и драматическимъ искусствомъ. Въ это время онъ написалъ нѣсколько небольшихъ піесъ, и самъ игралъ въ нихъ на театрѣ любителей. Въ произведеніяхъ его молодости нѣтъ ничего оригинальнаго: это подражанія тогдашнимъ нѣмецкимъ писателямъ, Гёте, Виланду, Гермесу и другимъ. Въ 1781 году, Коцебу отправился въ Петербургъ, куда вызвалъ его прусскій посланникъ, графъ Гёрцъ. Здѣсь онъ получилъ мѣсто секретаря при директорѣ нѣмецкаго театра, генералѣ Баурѣ. Въ этой должности онъ провелъ два года, до смерти Баура, который, умирая, просилъ объ немъ императрицу Екатерину. Въ 1783 году, Коцебу былъ произведенъ въ титулярные совѣтники, и назначенъ ассесоромъ въ ревельскій апелляціонный судъ, а черезъ два года получилъ мѣсто предсѣдателя эстляндскаго магистрата и чинъ коллежскаго ассесора. Здѣсь-то, во время своего пребыванія въ Ревелѣ, окруженный дѣловыми бумагами, разбирая мелкіе споры лавочниковъ и портныхъ, онъ написалъ лучшія свои творенія, которыя доставили ему блистательную извѣстность въ цѣлой Германіи. Нѣмцы унижаютъ его теперь, по личной къ нему ненависти; презрѣніе къ его таланту составляетъ постоянный лозунгъ курсовъ словесности, вышедшихъ въ послѣднія двадцать лѣтъ; но, сказать между нами и не въ обиду природному остроумію Германцевъ, они не имѣли, не имѣютъ и не будутъ имѣть лучшаго комическаго писателя. Послѣ Шекспира и Мольера, не было въ Европѣ комика, примѣчательнѣе Коцебу, котораго *мы ставимъ* гораздо выше Маривò и Гольд-

дони. Чистый, добродушный комизмъ есть явленіе чрезвычайно рѣдкое: Шериденъ, Бомаршѐ и Скрибъ владѣютъ ѣдкою эпиграммою, и ихъ веселость изливается изъ ума, а не изъ сердца. Чтобы безпристрастно судить о Коцебу, надобно сперва отличить остроуміе отъ настоящаго театральнаго комизма, который въ Коцебу сливается еще съ рѣдкимъ и пріятнымъ достоинствомъ — искреннею чувствительностью и тихою меланхоліею, позволяющею ему обозрѣвать человѣка не съ одной только смѣшной стороны. Озлобленіе новаго поколѣнія Германцевъ противъ этого необыкновеннаго писателя проистекаетъ изъ совершенно политическихъ источниковъ: въ своихъ брошюрахъ онъ не щадилъ ихъ тщеславія, нападалъ на ихъ любимую мечту о «германскомъ отечествѣ», позволялъ себѣ называть ихъ «толпою дикихъ сумасбродовъ», а глубокоученыхъ профессоровъ «безтолковыми педантами». Всѣ они взбѣсились противъ него.

Et pour pareille bagatelle
Ils se seraient fâchés vraiment?
C'est bien là ce qu'on appelle
Une querelle d'Allemand!

Но когда нынѣшнія политическія страсти утихнутъ, когда время и опытъ образумятъ Германцевъ, они отдадутъ справедливость своему единому комику. Между-тѣмъ возвратимся къ его жизни. Разстроенное здоровье заставило его предпринять, въ 1790 году, поѣздку къ пирмонтскимъ *минеральнымъ* водамъ, гдѣ онъ издалъ, подъ име-

немъ Книгге, знаменитое свое сочиненіе «Докторъ Бартъ съ желѣзнымъ лбомъ», которое много повредило ему въ общемъ мнѣніи. Изъ Пирмонта ѣздилъ онъ въ Парижъ и въ Майнцъ; потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ небольшомъ помѣстьѣ, купленномъ въ пятидесяти верстахъ отъ Нарвы. Пребываніе его здѣсь было непродолжительно: онъ былъ вызванъ въ Вѣну для занятія должности драматурга при императорскомъ театрѣ. Коцебу провелъ въ Вѣнѣ только два года. Разныя непріятности принудили его оставить этотъ городъ; вмѣстѣ съ отставкою онъ получилъ отъ австрійскаго правительства тысячу гульденовъ пенсіона. Посѣтивъ своихъ родственниковъ въ Веймарѣ, онъ отправился оттуда въ Россію, гдѣ его сыновья воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ; но въ апрѣлѣ 1800 года, при самомъ переѣздѣ его черезъ русскую границу, былъ арестованъ и посланъ въ Сибирь. Однакожъ пребываніе его въ Азіи не было продолжительно, и милость царская скоро осчастливила изгнанника. Молодой литераторъ, Краснопольскій, перевелъ одну изъ его драмъ, и удостоился счастія поднести свой переводъ императору Павлу I, который былъ такъ доволенъ содержаніемъ піесы, что повелѣлъ тотчасъ возвратить автора изъ ссылки, пожаловалъ ему прекрасное имѣніе въ Лифляндіи и назначилъ его директоромъ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ. Коцебу подробно и очень занимательно описалъ этотъ періодъ своей жизни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, переве-

дони. Чистый, добродушный комизмъ есть явленіе чрезвычайно рѣдкое: Шериденъ, Бомаршѐ и Скрибъ владѣютъ ѣдкою эпиграммою, и ихъ веселость изливается изъ ума, а не изъ сердца. Чтобы безпристрастно судить о Коцебу, надобно сперва отличить остроуміе отъ настоящаго театральнаго комизма, который въ Коцебу сливается еще съ рѣдкимъ и пріятнымъ достоинствомъ — искреннею чувствительностью и тихою меланхоліею, позволяющею ему обозрѣвать человѣка не съ одной только смѣшной стороны. Озлобленіе новаго поколѣнія Германцевъ противъ этого необыкновеннаго писателя проистекаетъ изъ совершенно политическихъ источниковъ: въ своихъ брошюрахъ онъ не щадилъ ихъ тщеславія, нападалъ на ихъ любимую мечту о «германскомъ отечествѣ», позволялъ себѣ называть ихъ «толпою дикихъ сумасбродовъ», а глубокоученыхъ профессоровъ «безтолковыми педантами». Всѣ они взбѣсились противъ него.

Et pour pareille bagatelle
Ils se seraient fâchés vraiment?
C'est bien là ce qu'on appelle
Une querelle d'Allemand!

Но когда нынѣшнія политическія страсти утихнутъ, когда время и опытъ образумятъ Германцевъ, они отдадутъ справедливость своему единому комику. Между-тѣмъ возвратимся къ его жизни. Разстроенное здоровье заставило его предпринять, въ 1790 году, поѣздку къ пирмонтскимъ *минеральнымъ* водамъ, гдѣ онъ издалъ, подъ име-

немъ Книгге, знаменитое свое сочиненіе «Докторъ Бартъ съ желѣзнымъ лбомъ», которое много повредило ему въ общемъ мнѣніи. Изъ Пирмонта ѣздилъ онъ въ Парижъ и въ Майнцъ; потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ небольшомъ помѣстьѣ, купленномъ въ пятидесяти верстахъ отъ Нарвы. Пребываніе его здѣсь было непродолжительно: онъ былъ вызванъ въ Вѣну для занятія должности драматурга при императорскомъ театрѣ. Коцебу провелъ въ Вѣнѣ только два года. Разныя непріятности принудили его оставить этотъ городъ; вмѣстѣ съ отставкою онъ получилъ отъ австрійскаго правительства тысячу гульденовъ пенсіона. Посѣтивъ своихъ родственниковъ въ Веймарѣ, онъ отправился оттуда въ Россію, гдѣ его сыновья воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ; но въ апрѣлѣ 1800 года, при самомъ переѣздѣ его черезъ русскую границу, былъ арестованъ и посланъ въ Сибирь. Однакожъ пребываніе его въ Азіи не было продолжительно, и милость царская скоро осчастливила изгнанника. Молодой литераторъ, Краснопольскій, перевелъ одну изъ его драмъ, и удостоился счастія поднести свой переводъ императору Павлу I, который былъ такъ доволенъ содержаніемъ піесы, что повелѣлъ тотчасъ возвратить автора изъ ссылки, пожаловалъ ему прекрасное имѣніе въ Лифляндіи и назначилъ его директоромъ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ. Коцебу подробно и очень занимательно описалъ этотъ періодъ своей жизни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, переве-

денномъ на русскій языкъ подъ названіемъ «Достопримѣчательнѣйшій годъ моей жизни».

При вступленіи на престолъ императора Александра I, Коцебу снова оставилъ службу и уѣхалъ въ Веймаръ. Ссора его съ Гёте до такой степени его разсердила, что онъ переселился въ Берлинъ и вмѣстѣ съ Меркелемъ началъ издавать журналъ, «Прямодушный» (der Freymütige), въ которомъ съ жаромъ нападалъ на великаго поэта и на тогдашнихъ спутниковъ этого свѣтила германской словесности, братьевъ Шлегелей. За нихъ вступился Шпациръ, издатель «Zeitung für die elegante Welt». Жестокая и не всегда благопристойная полемика между двумя журналами чрезвычайно занимала нѣмецкую публику. Утомленный этою войною, въ которой его слава много потерпѣла, онъ предпринялъ въ 1803 и 1804 годахъ путешествіе по Италіи и Франціи, и по возвращеніи въ Пруссію посвятилъ себя самымъ мирнымъ занятіямъ, тому, что̀ Нѣмцы называютъ tranquille Sachen — старымъ, забытымъ бумагамъ и сочиненію исторіи этого государства. Онъ получилъ отъ правительства позволеніе пользоваться документами, которые хранятся въ тайномъ кёнигсбергскомъ архивѣ. «Исторія древней Пруссіи» подала его врагамъ прекрасный поводъ къ новымъ и жестокимъ нападкамъ на его дарованіе: она служитъ явнымъ доказательствомъ, что авторъ вовсе не имѣлъ качествъ, необходимыхъ для выполненія подобнаго труда. При всемъ томъ, книга его замѣчательна по весьма важнымъ и новымъ матеріяламъ, которые въ ней содержатся.

То же самое можно сказать обо всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ Коцебу. Въ 1806 году, когда бѣдственное для Пруссіи сраженіе предало во власть Наполеона участь монархіи Фридриха Великаго, Коцебу удалился въ Россію. Изъ этого убѣжища, гдѣ его не могла настигнуть месть грознаго завоевателя Европы, онъ посылалъ въ Германію политическія статьи, наполненныя воззваніями къ патріотизму нѣмецкаго народа и ѣдкими выходками противъ Французовъ. Публика съ жадностью принимала эти смѣлыя обнаруженія общенароднаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что они были предметомъ особенныхъ преслѣдованій французской полиціи. Онъ сильно приготовилъ умы къ торжественному взрыву общаго негодованія, которое выразилось возстаніемъ 1813 года и способствовало возстановленію независимости Германіи. Нынѣшніе поносители его должны были бы помнить это. Имя Коцебу стояло тогда въ числѣ первыхъ и любимѣйшихъ именъ нѣмецкой литературы. Въ 1813 году онъ находился, въ чинѣ статскаго совѣтника, при главной квартирѣ русской арміи и издавалъ нѣсколько времени политическій журналъ въ томъ же духѣ.

По окончаніи кампаніи, онъ получилъ мѣсто русскаго генеральнаго консула въ Кёнигсбергѣ, а въ 1817 году, императоръ Александръ назначилъ ему пятнадцать тысячъ рублей жалованья, и возложилъ на него особенныя порученія. Коцебу недолго исправлялъ эту должность. Его политическій образъ мыслей, его сильное негодованіе на тогдашній духъ нѣмецкихъ университе-

товъ, его колкія насмѣшки надъ энтузіастами, мечтавшими о несбыточномъ единствѣ Германіи, навлекли на него ту вражду всего ученаго сословія, о которой мы уже сказали: остервенѣніе противъ него вспыхнуло въ особенности между молодымъ поколѣніемъ, управляемымъ изступленными докторами правъ и философіи, и оно провозгласило его отступникомъ и предателемъ отечества. Подробности трагической смерти Коцебу и имя фанатика, который убилъ его, безъ-сомнѣнія памятны еще всѣмъ нашимъ читателямъ. Коцебу погибъ въ Мангеймѣ, 23-го марта 1819 года; онъ былъ три раза женатъ, и оставилъ тринадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ многіе служатъ уже съ отличіемъ гостепріимной Россіи, новому отечеству ихъ знаменитаго родителя. Послѣднюю обиду его памяти суждено было нанести одной французской женщинѣ, которая запятнала славу своего блестящаго дарованія столько же усвоеніемъ себѣ кроваваго имени его убійцы, сколько безнравственными правилами своихъ романовъ.

Во время послѣдняго пребыванія въ Кёнигсбергѣ, Коцебу занялся снова исторіею, и въ этотъ разъ предметомъ его изслѣдованій была древность литовская, для которой тайный архивъ города представляетъ богатые и совсѣмъ неизвѣстные матеріялы. Изданное теперь описаніе жизни великаго князя Свитригайла составлено по актамъ этого архива. Бумаги были открыты и собраны архиваріусомъ докторомъ Генингомъ, который предполагалъ издать ихъ отдѣльно, но смерть не *позволила* ему исполнить намѣренія. Коцебу вос-

пользовался приготовленными матеріялами, и сочинилъ по нимъ книгу, которою мы здѣсь займемся. Она была послана, до напечатанія, покойному государственному канцлеру графу Н. П. Румянцову, и теперь это сочиненіе является въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ по неизданной рукописи автора.

Перейдемъ къ Литвѣ. Мы всегда позволяли себѣ думать, что многіе историки и россійскаго государства и русскаго народа, въ отношеніи къ Литвѣ не ясно понимали исторію и того и другаго. Эта посылка заставляетъ насъ изложить тотчасъ наши идеи объ общемъ положеніи и политикѣ Сѣвера до истеченія XV столѣтія.

Какъ со стороны понятія о государствѣ, такъ и въ отношеніи къ народу, до половины этого вѣка были на свѣтѣ два россійскія государства и два русскіе народа — Россія и Литва, то-есть, Россія порабощенная и Россія независимая, Русь монгольская и Русь литовская, государство русское христіанское и государство русское языческое, которыхъ политическое раздѣленіе началось со времени введенія вѣры христовой въ Кіевѣ и Новѣгородѣ, рѣшилось при вторженіи Монголовъ въ Москву, приняло новый характеръ при добровольномъ соединеніи Литвы, или Россіи независимой, съ Польшею, и прекратилось окончательнымъ сліяніемъ Литвы съ новою Россійскою Имперіею, послѣ тысячи лѣтъ раздѣла и ссоры, отъ Владиміра Великаго до Екатерины II. Еслибъ мы писали исторію русскаго народа, мы конечно приняли бъ эти *четыре важные* переворота въ его

судьбѣ за основныя эпохи нашего труда, потому-что только въ такомъ видѣ можно понимать исторически русскій народъ: съ отдѣленіемъ исторіи Литвы отъ исторіи собственной Россіи, русскій народъ исчезаетъ изъ виду логически, и для писателя остается только исторія правленія восточнаго союза русскихъ княжествъ, государственная исторія Россіи, такая, какую весьма основательно понималъ Карамзинъ. Мѣсто и время не позволяютъ намъ входить въ подробныя доказательства той исторической истины, что Литва до соединенія своего съ Польшею была та же Россія, только подъ другою династіей: мы укажемъ на главныя черты факта.

Народонаселеніе обоихъ государствъ было одноплеменное, и принадлежало къ одной и той же отрасли славянскаго народа. Не надобно основываться на томъ, что былъ особый народъ, который говорилъ другимъ языкомъ и назывался *Литува*, и отъ котораго произошло имя цѣлаго государства, Литвы: этотъ народъ составлялъ незначащее поколѣніе, каплю воды въ морѣ; онъ занималъ неболѣе пяти или шести нынѣшнихъ уѣздовъ, и не былъ господствующимъ; онъ игралъ простую роль одной изъ пятидесяти провинцій, равно подвластныхъ общей династіи; онъ находился даже въ униженіи: языкъ его исключенъ былъ изъ области правительства и законовъ, столица государства была построена не на его землѣ, а на землѣ славянской; его древняя вѣра была оставлена самими повелителями, которые подъ-конецъ *исповѣдывали* уже религію огромнаго боль-

шинства своихъ славянскихъ подданныхъ: нынче многіе не сомнѣваются, что Ягайло, крещенный католическою Польшею какъ язычникъ, въ молодости былъ греко-россійской вѣры. Собственная «Литва» была въ этомъ составѣ простымъ иноплеменнымъ поколѣніемъ, и значеніе его въ немъ было не политическое, но религіозное: объ этомъ мы скажемъ далѣе. Такихъ иноплеменныхъ поколѣній и въ Россіи было нѣсколько, и между-тѣмъ они не измѣняли ея характера славянскаго государства.

Чтожъ такое было это славянское населеніе, общее Россіи и Литвѣ, составлявшее и здѣсь и тамъ основную стихію народнаго быта? То была Русь, часть русскаго народа, отторгшаяся отъ общей его массы, сплоченной норманнскою династіей Рурика и разложившейся вдругъ на два политическія начала, когда на нее упала горячая капля вѣры Спасителя. Эта часть русскаго народа и сама себя называла Русью, между-тѣмъ какъ она употребляла новое названіе, Литвы. Да и само иноплеменное поколѣніе «Литува» было нѣкоторое время русскимъ и входило въ составъ имперіи наслѣдниковъ Рурика.

Норманны сообщили покореннымъ Славянамъ новое народное названіе Руси, или Россіи; иноземная династія литовскихъ *кунингасовъ* (koning, könig), тоже германскаго происхожденія, дала вѣроятно подобнымъ образомъ новое имя Литвы обломку прусскаго народа, открытому ею на правомъ берегу Нѣмана, и потомъ распространила это имя *на огромную часть* прежней Руси. Ос-

тается еще рѣшить, не происходятъ ли литовскіе великіе *князья*, или *куниигасы*, отъ рода первыхъ покорителей страны, то-есть, изъ дома Рурика. Мы клонимся къ этому предположенію, которое имѣетъ для насъ большіе признаки вѣроятности: Руссы нигдѣ не оставляли природныхъ князей и истребляли ихъ, гдѣ и какъ могли, чтобъ сажать своихъ.

Но откуда бы ни происходила династія кунингасовъ, ихъ владѣніе было незначительно и слабо до временъ христіанства въ Кіевѣ. Могущество и смѣлость ихъ начинается только съ этой эпохи, и они легко объясняются самымъ существомъ дѣла. Центръ языческихъ вѣрованій славянскаго Сѣвера былъ въ Литвѣ, и, позвольте сказать вамъ — славянская миѳологія, о которой мы читаемъ прекрасныя разсужденія въ исторіяхъ русскаго государства и народа, была не славянская, но литовская: это доказывается и названіями большей части божествъ. Верховный жрецъ этой вѣры имѣлъ свое пребываніе въ лѣсахъ нынѣшней Самогиціи, которая была нѣчто въ родѣ далайламскаго Тибета и подобно ему носила имя «Святой Земли», удержанное и понынѣ — новый и важный поводъ не отдѣлять исторіи Литвы отъ русской. Доколѣ языческая вѣра господствовала въ государствѣ Руссовъ, вліяніе Литвы на Славянъ могло быть только духовное, и оно естественнымъ образомъ подчинялось политическимъ обстоятельствамъ. Но какъ скоро предсталъ Сѣверу религіозный вопросъ, отношеніе Литвы къ Кіеву должно *было* перемѣниться. Литва сдѣлалась вдругъ

представительницею вѣры предковъ и всего священнаго для языческихъ племенъ, которыхъ склонность къ новой вѣрѣ, конечно, была въ обратномъ содержаніи разстоянія ихъ отъ Кіева, и прекращалась тамъ, гдѣ власть Владимірова дома не была поддерживаема достаточною силою. Славянскія поколѣнія, которыя не хотѣли принять Евангелія, приникли къ своему языческому Ватикану. Области, ближайшія къ Литвѣ, слились съ нею для защиты общаго дѣла, и уже при первыхъ потомкахъ Владиміра, вражда этой новой языческой Россіи съ новой Россіею христіанской проявляется на границахъ, довольно близкихъ къ Кіеву. Вопросъ религіозный вскорѣ соединился съ политическимъ: предводители языческой Россіи приняли званіе великихъ князей, какъ-бы въ опроверженіе титула предводителей той Россіи, которая отреклась отъ вѣры предковъ, и, подъ именемъ Литвы, явилось государство, составленное изъ однихъ и тѣхъ же началъ съ нею, но различное вѣрою и направленіемъ. Съ того времени великіе князья литовскіе постоянно стремились занять первое мѣсто въ союзѣ русскихъ князей, и когда религіозный патріотизмъ новаго государства по-необходимости измѣнился отъ пріобрѣтенія множества христіанскихъ областей, они приняли сами вѣру своихъ соперниковъ и уже другимъ путемъ старались достигнуть той же цѣли — обладанія первенствующимъ престоломъ русскаго народа и соединенія всей Россіи подъ своимъ скипетромъ. Они носили званіе «князей русскихъ» *еще до завоеванія себѣ* титула «великихъ

князей кіевскихъ», главнаго предмета ихъ честолюбія, потому-что въ немъ заключалась для нихъ древняя идея торжества язычества надъ первою метрополіей христіанскихъ мнѣній.

Начатое религіею въ XI вѣкѣ получило въ началѣ XIII новую степень развитія и силы отъ нечаяннаго событія, которое сдѣлалось основаніемъ одной изъ огромнѣйшихъ политическихъ системъ въ исторіи. Настоящій переходъ Литвы отъ религіозной оппозиціи къ обширнымъ видамъ преобладанія и величія въ общемъ русскомъ отечествѣ начинается съ этой эпохи.

Мелкія волненія кочевыхъ племенъ въ степяхъ Байкала и Хухунора поколебали всю Азію и всю восточную часть Европы. Необыкновенный человѣкъ вдругъ возставшій изъ этой ссоры улусовъ, Чингисъ-Ханъ, двинулъ созданный имъ народъ на поприще завоеваній, которыхъ пожаръ быстро охватилъ Азію и Россію, и проникъ до самаго сердца Европы. Для удержанія покоренныхъ областей на западѣ, часть его подвижной имперіи, со стадами и со всей своей свирѣпостью, прибѣжала отъ подошвы Алтая на берега Волги расположиться станомъ среди побѣжденныхъ. Неспособные управлять сами, Монголы оставили, правда, русскимъ княжествамъ наружныя формы національнаго правительства, но ихъ желѣзная рука тяжко пала на тѣхъ, которые, цѣною униженій и позора, должны были покупать у нихъ печальное право распоряжаться въ своей землѣ по-татарски. Во время этихъ терзаній, языческая Россія, которую только отдаленность спасла отъ монголь-

скаго ига, стала дѣйствовать съ полною энергіею начала, которому она была обязана своей самобытностью. Дотолѣ неизвѣстная Европѣ или непримѣченная ею, Литва, менѣе чѣмъ въ два столѣтія, достигла высочайшей степени благосостоянія, какимъ только можетъ пользоваться полудикое государство, и грозила сдѣлаться единственною обладательницею Сѣвера. Въ XIV вѣкѣ она, безъ-сомнѣнія, была самою колоссальною державою въ Европѣ. Ея владѣнія простирались съ одной стороны отъ Балтійскаго до Чернаго Моря, съ другой отъ Нѣмана и Буга до Твери и почти до самой Москвы. Она была чисто-русская держава, и по происхожденію народа, и по правительственнымъ формамъ, и по языку, и по образованности, и даже по вѣрѣ, потому-что язычество ограничивалось уже небольшою областью, постепенно уменьшалось даже и въ этой области, и греко-россійская вѣра была почти общею религіею.

Ея «господари и великіе князья» превосходно понимали выгоды своего положенія и съ удивительнымъ искусствомъ пользовались ими. Враждебные монгольской, или восточной, Россіи со временъ первой религіозной ссоры, а теперь представители независимой Руси, они не замедлили вступить въ тѣсныя связи съ ханами Золотой Орды; поддерживали своимъ могуществомъ ихъ кочевую монархію, угнетавшую противниковъ, и въ то же время присвоивали себѣ цѣлыя русскія княжества, которыя уступали свою независимость силѣ ихъ оружія *или искали* у нихъ покрова и за-

щиты и отъ грабительства Монголовъ, и отъ насилія своихъ сосѣдей. Переписка литовскихъ великихъ князей съ татарскими ханами, которая нынче находится въ Петербургѣ и хранится въ такъ-называемой «Литовской Метрикѣ», не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно политики господарей, хотя ея почти не видно въ скудныхъ лѣтописяхъ того времени.

Быть-можетъ восточная Россія изнемогла бы въ рабствѣ и униженіи отъ соединенныхъ усилій безсмысленной жестокости Орды и ловкой политики Литвы, еслибы другое неожиданное событіе не измѣнило совершенно хода дѣлъ и отношеній этихъ трехъ государствъ. До-тѣхъ-поръ, монархія наслѣдниковъ Чингисъ-Хана, которая занимала почти весь востокъ, Россія, которая была отъ нея въ настоящей зависимости, и Литва, которая со всѣхъ сторонъ ее обрывала, составляли вмѣстѣ одну, отдѣльную, политическую систему, совершенно чуждую Европѣ, такъ, что до половины XIV столѣтія Азія въ самомъ дѣлѣ начиналась у Буга и Нѣмана. Огромное зданіе этой системы, которая связывала Китай и Индію съ берегами Балтійскаго Моря, въ которой всякое потрясеніе, случившееся въ самой отдаленной части Азіи, отражалось вскорѣ на берегахъ Волги, Днѣпра и Виліи, необходимо должно было рушиться въ случаѣ отторженія какой-нибудь изъ трехъ большихъ массъ, бывшихъ составными ея частями: это приключилось съ Литвою. Она вдругъ перешла изъ азіятской политической системы въ *европейскую*, гдѣ ей опредѣлено было исчезнуть.

Сосѣдство Литвы, которая дотолѣ стремилась замѣнить собою на Сѣверѣ государство, основанное Рурикомъ, сдѣлалось слишкомъ опаснымъ для Польши. По смерти Людовика Венгерскаго, Поляки съ радостью отдали престолъ Піастовъ Ягайлу, великому князю литовскому, потому-что только такимъ образомъ могли они оградить себя отъ грозной для нихъ власти его народа. Сдѣлавшись королями польскими, литовскіе господари по-необходимости должны были принять политику своего новаго королевства, и выпустили изъ виду ту, которой они съ такимъ успѣхомъ держались въ своей русской отчизнѣ. Съ этого времени Литва уже рабски вращалась въ орбитѣ польской политики. Ягеллоны предпочли обезпечивать для своего дома престолы Венгріи, Богеміи, Силезіи, Моравіи, и не думали уже о распространеніи своихъ областей со стороны опустошенной и бѣдной Россіи. Можно сказать, что тотъ самый день, когда полномочные Польши и Литвы подписали «Актъ соединенія» обоихъ государствъ — безпримѣрный въ исторіи документъ, посредствомъ котораго юная и могущественная держава, безъ выстрѣла, однимъ почеркомъ пера, сама вычеркнула себя изъ списка народовъ—тотъ самый день конечно избранъ былъ Провидѣніемъ для рѣшенія вопроса о сохраненіи, счастіи и будущемъ величіи Россіи, вмѣсто которой, на картѣ Сѣвера, вѣроятно стояло бы теперь имя другой Россіи — Литвы, хотя все-таки русской.

Вступивъ на польскій престолъ, Ягайло удержалъ за собою *верховную* власть надъ родовыми

владѣніями. Здѣсь начинается весьма любопытная семейная борьба этой династіи, которой одни члены насильно клонили Литву на югъ, къ Польшѣ и Европѣ, а другіе влекли на сѣверъ, стараясь сохранить ей независимость и русскій характеръ. Ягайло, какъ начальникъ дома, назначилъ своего брата Скиргайлу великимъ княземъ Литвы; другому брату, Свитригайлѣ, далъ Полоцкъ; Витольдъ, сынъ умерщвленнаго имъ дяди, Кестута, получилъ Гродно. Этотъ раздѣлъ владычества не былъ продолжителенъ. Въ 1392 году, Скиргайло лишился престола, и Витольдъ, съ согласія польскаго короля, сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ. Его крѣпкая рука и смѣлыя соображенія возвратили на нѣсколько времени Литвѣ достоинство независимаго государства, и озарили лучами славы послѣдній день ея политической самобытности. И здѣсь-то мы встрѣчаемся съ сочиненіемъ Коцебу: оно передано по-русски такимъ ужаснымъ языкомъ, такимъ грубымъ и нелитературнымъ слогомъ, что тотъ, кто перескажетъ его содержаніе другими словами, сдѣлаетъ безцѣнное одолженіе и самой книгѣ и читающей публикѣ. Мы попытаемся стяжать себѣ въ потѣ лица часть этой великой заслуги, искренно сожалѣя, что безъименный переводчикъ не издалъ сочиненія понѣмецки: оно было бы понятнѣе въ подлинникѣ.

Свитригайло не безъ спора уступилъ Витольду права свои на наслѣдіе отца и брата. Онъ удалился въ Пруссію, прибѣгнулъ къ покровительству рыцарей нѣмецкаго ордена и вскорѣ явился подъ *стѣнами* Вильна: два русскіе монаха обѣщали ему

зажечь деревянныя укрѣпленія этого города и такимъ образомъ облегчить успѣхъ осады. Предпріятіе ихъ не удалось. Отбитый отъ Вильны, Свитригайло не потерялъ мужества: въ 1396 году онъ занялъ Витебскъ и нѣсколько другихъ городовъ между Двиною и Днѣпромъ. Русскіе любили Свитригайла и охотно сдавались ему. Счастіе Витольда восторжествовало: онъ осадилъ Витебскъ, взялъ въ плѣнъ Свитригайла и отправилъ его въ Польшу.

Лѣтописцы ничего не говорятъ о томъ, какъ Свитригайло освободился изъ плѣна Мы узнаемъ отъ нихъ только то, что вмѣстѣ съ свободою онъ получилъ отъ брата Подолію, значительныя помѣстья въ Польшѣ и 1,400 марокъ годоваго дохода отъ соляныхъ варницъ. Въ такомъ положеніи провелъ онъ нѣсколько лѣтъ, и вѣроятно участвовалъ въ несчастной битвѣ при Ворсклѣ, гдѣ полководецъ Тамерлановъ, Едигей, сокрушилъ однимъ ударомъ соединенныя силы Польши и Литвы и честолюбивые замыслы Витольда. Впрочемъ объ этомъ періодѣ жизни Свитригайла нельзя сказать ничего утвердительнаго. Письмо Іоанна Вельде, орденскаго повѣреннаго въ Римѣ, доказываетъ, что этотъ князь имѣлъ сношенія съ папою. Вельде доноситъ ордену отъ 4-го августа 1402 года, что онъ «заплатилъ шестьдесятъ червонныхъ за буллы, полученныя отъ папы для герцога Свитригайла». Буллы эти затеряны. Надобно думать, что онѣ заключали въ себѣ отвѣтъ римскаго первосвященника касательно притязаній Свитригайла *на литовскій* престолъ. Это тѣмъ

вѣроятнѣе, что еще въ 1401 году его происки возбудили опасенія Ягайлы и Витольда и заставили ихъ принять твердыя мѣры. Сеймъ, собранный въ этомъ году въ Вильнѣ, издалъ постановленіе, по которому, въ случаѣ смерти Витольда, княжество его должно было соединиться съ Польшею.

Свитригайло присутствовалъ на этомъ сеймѣ, который уничтожалъ навсегда его надежды. Онъ не рѣшился показать явнаго сопротивленія своимъ непріятелямъ, но привѣсилъ фальшивую печать къ акту, которымъ изъявилъ наружное согласіе на рѣшеніе короля и сейма, и при первомъ удобномъ случаѣ бѣжалъ въ Маріенбургъ. Прусскій орденъ, которому будущее соединеніе Литвы съ Польшею угрожало величайшею опасностью, радушно принялъ изгнанника и обѣщалъ помогать ему всѣми средствами. Съ своей стороны, онъ обѣщалъ рыцарямъ исполнить всѣ условія, заключенныя Витольдомъ, и сверхъ-того покорить для нихъ Псковъ.

Черезъ годъ дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Нѣсколько неудачныхъ предпріятій заставили Витольда искать мира, и орденъ, не находя болѣе выгодъ въ продолженіи войны, отказался отъ помощи, обѣщанной Свитригайлу. Несчастный князь долженъ былъ прибѣгнуть к покровительству короля польскаго, котораго политическіе разсчеты ручались ему за личную безопасность. Ягайло завидовалъ Витольду и съ тайнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на отважныя *попытки своего* брата. Онъ примирилъ соперник

Свитригайло получилъ отъ литовскаго князя княжества брянское и стародубское. Для удобнѣйшаго присмотра за нимъ, ему приказано было жить въ сѣверской землѣ. Эта вынужденная покорность не могла быть прочною. Въ 1406 году, Василій Дмитріевичъ московскій предложилъ Свитригайлу дѣйствовать вмѣстѣ противъ общаго врага. Тотъ съ радостью согласился, сжегъ замки свои въ Брянскѣ и Стародубѣ и отправился въ Москву. Онъ явился туда не въ видѣ изгнанника: свита его состояла изъ шести князей и множества бояръ. Великій князь московскій далъ знаменитому гостю Владиміръ, Переславль, Юрьевъ-Польскій, Волокъ-Ламскій, Ржевъ и половину Коломны. Лѣтописцы русскіе говорятъ объ немъ — «къ брани же устроенъ, и храбръ, и крѣпокъ на ополченіе». Ихъ похвалы и самый пріемъ, сдѣланный ему осторожнымъ и умнымъ Василіемъ, явно опровергаютъ клеветы, которыми польскіе писатели старались очернить его память. Впрочемъ новое покушеніе Свитригайла было столько же неудачно, какъ и прежнее. Витольдъ искусно обошелъ войска, которыя были подъ его начальствомъ, опустошилъ московскую область и принудилъ великаго князя заключить мирный договоръ. Въ числѣ условій, предложенныхъ побѣдителемъ, было изгнаніе изъ Россіи Свитригайла. Положеніе этого князя было ужасно: у него отняли послѣднее убѣжище. Въ отчаяніи, онъ разграбилъ Серпуховъ и бѣжалъ неизвѣстно куда. Коцебу полагаетъ, что онъ ушелъ къ Татарамъ. По-крайней-мѣрѣ его имя на *нѣсколько* лѣтъ исчезаетъ изъ

исторіи. Изъ русскихъ лѣтописей видно, что онъ наконецъ попался въ руки своего соперника и слишкомъ девять лѣтъ содержался въ Кременцѣ.

Въ 1418 году, на святой недѣлѣ, Свитригайло, при пособіи друзей, обманулъ бдительность стражи, и въ томъ же году началъ военныя дѣйствія противъ Витольда. Но слабость нѣмецкаго ордена не позволяла ему ожидать большой помощи, ни блистательныхъ успѣховъ, и вскорѣ заставила его искать посредничества императора Сигисмунда, который выпросилъ для него Черниговъ и Трубчевскъ. Видя несбыточность своихъ предпріятій, Свитригайло покорился на-время судьбѣ, и до самой смерти Витольда, то-есть, до 1430 года, былъ ему вѣренъ, храбро сражаясь противъ его враговъ. По словамъ современнаго историка Кромера, Витольдъ, незадолго до смерти, собралъ знатнѣйшихъ сановниковъ государства и объявилъ Свитригайла наслѣдникомъ великаго княжества литовскаго. Длугошъ, жившій позже, увѣряетъ напротивъ, что постановленіе виленскаго сейма, 1401 года, сохранило полную силу, и что Витольдъ завѣщалъ престолъ свой польскому королю, который въ это время лично пріѣзжалъ въ Литву.

Любовь народа была на сторонѣ Свитригайла. Литовцы и Русь единогласно признали его великимъ княземъ. Достигнувъ цѣли долговременныхъ усилій, онъ задержалъ въ своихъ владѣніяхъ Ягайла, и требовалъ за свободу его возвращенія Каменца, который тотчасъ по смерти Витольда *заняли Поляки*, для присоединенія къ королевству.

Король согласился на всѣ условія, и, возвратившись въ Польшу, не исполнилъ ни одного. Какъ доказательство уваженія, какое имѣли къ Свитригайлу современные государи, Коцебу представляетъ намѣреніе императора Сигисмунда возвысить его въ королевское достоинство; но это скорѣе доказываетъ, что Австрія желала воспрепятствовать такимъ способомъ соединенію Литвы съ Польшею и видѣть первую изъ нихъ независимымъ государствомъ. Усилія Ягайлы поселить въ императорѣ недовѣрчивость къ великому князю литовскому не имѣли успѣха: Сигисмундъ и Свитригайло остались союзниками, несмотря на связи литовскаго государя съ богемскими гуситами.

Извѣстія, которыя Кояловичъ и Длугошъ сообщаютъ о войнѣ Ягайлы съ Литвою и нѣмецкимъ орденомъ, рѣшительно противорѣчатъ оффиціяльнымъ актамъ кёнигсбергскаго архива. Изъ актовъ видно, что до начала военныхъ дѣйствій, король приглашалъ брата пріѣхать къ нему для личныхъ переговоровъ, но что Свитригайло, опасаясь измѣны, не хотѣлъ ѣхать безъ сильной охранной стражи. Тогда Поляки напали на его владѣнія и принудили его воевать съ ними. Не надѣясь на собственныя силы, Свитригайло заключилъ тѣсные союзы съ орденомъ, ханомъ татарскимъ и Волохами, склонилъ на свою сторону императора, отвлекъ гуситовъ отъ Поляковъ, которые, упрекая его въ сношеніяхъ съ еретиками, сами искали ихъ дружбы, и наконецъ вступилъ въ связи съ Силезіею и Помераніею. При такихъ *обстоятельствахъ Польша* не могла надѣяться на

выгодный конецъ борьбы; надобно было употребить другія средства: Ягайло предложилъ брату заключить перемиріе, или даже вѣчный миръ, и обѣщалъ назначить его наслѣдникомъ своего королевства. Ему нужно было выиграть время, сокрушить силы главныхъ союзниковъ Литвы — нѣмецкихъ меченосцевъ, и потомъ снова начать бой. По этой причинѣ Поляки не хотѣли допустить повѣренныхъ ордена къ переговорамъ о мирѣ. Прямодушный Свитригайло отвѣчалъ на лестныя предложенія короля: «Я не оставлю ордена, хотя бы ты обѣщалъ мнѣ цѣлый міръ».

Упрямство Поляковъ, которые не соглашались на миръ съ орденомъ, и вѣрность Свитригайла къ союзнику сдѣлали невозможнымъ собраніе сейма. Военныя дѣйствія шли вяло, но нельзя было ожидать скораго конца раздоровъ. Впрочемъ Ягайло не переставалъ увѣрять литовскаго князя въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, и въ то же время готовился нанести ему рѣшительный ударъ. Въ кёнигсбергскомъ архивѣ уцѣлѣли почти всѣ письма Свитригайла къ гросмейстеру: они доказываютъ, что онъ вовсе не подозрѣвалъ измѣны, которая лишила его престола. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, 1432 года, онъ увѣдомляетъ гросмейстера, что Новгородцы прислали къ нему пословъ съ просьбою отпустить къ нимъ на княжество племянника его, князя Юрія. «Мы охотно отпустили къ нимъ, пишетъ Свитригайло, этого князя, но съ условіемъ, чтобы онъ во всякое время готовъ былъ служить намъ и нашимъ союзникамъ. Сверхъ-того, Великій Новгородъ проситъ у

насъ позволенія воевать съ врагами своими, Шведами и Норвежцами: мы не дали еще отвѣта, желая предварительно знать, не находится ли орденъ въ союзѣ съ этими народами".

Нельзя не подивиться вліянію, которое Литва имѣла на всю независимую Россію: вольный городъ не хочетъ начать войны безъ позволенія литовскаго господаря. Лѣтописцы наши упоминаютъ о договорѣ, заключенномъ въ 1431 году Новгородцами съ Свитригайлою, но не говорятъ объ этомъ ни слова.

Въ августѣ 1432 года, замыслы Поляковъ исполнились. Сигисмундъ, братъ Витольда, неожиданно напалъ на литовскаго князя при Ошмянѣ, и заставилъ его искать спасенія въ бѣгствѣ. Обманутые обѣщаніями новаго государя, католики-Литовцы отложились отъ Свитригайла, котораго упрекали они въ излишней покорности совѣтамъ жены, дочери тверскаго князя, въ пристрастіи къ Русскимъ и тайной приверженности къ греческой религіи. Описывая паденіе Свитригайла, Кояловичъ говоритъ, что при этомъ случаѣ въ виленскомъ соборѣ читана была папская булла, которая разрѣшала его подданныхъ отъ данной присяги; но существованіе такой буллы весьма сомнительно: объ ней нигдѣ не упоминается, и сверхъ того самый ходъ происшествій доказываетъ противное. Папы постоянно покровительствовали изгнаннаго князя, и старались примирить его съ братьями. Свитригайло бѣжалъ въ Полоцкъ, и писалъ оттуда къ гросмейстеру, прося его о скорой помощи.

Орденъ не измѣнилъ своей привычной политикѣ: онъ отступился отъ вѣрнаго союзника, который не могъ болѣе приносить ему пользы, и отправилъ пословъ къ князю Сигисмунду для переговоровъ о мирѣ. Одинъ только магистръ ливонскій не захотѣлъ участвовать въ этой постыдной сдѣлкѣ, и по-прежнему твердо стоялъ за права угнетеннаго. Другіе союзники Свитригайла также не отказали ему въ помощи. Ханъ татарскій прислалъ ему двадцать тысячъ войска; къ нимъ присоединились пятьдесятъ тысячъ Волоховъ и пятьдесятъ тысячъ Руси подъ предводительствомъ кіевскаго воеводы. Эти числа явно преувеличены, но онѣ служатъ доказательствомъ, что силы Свитригайла были еще велики и соотвѣтствовали борьбѣ, которую онъ готовился начать. Видя возможность новаго переворота, нѣмецкій орденъ поспѣшилъ загладить сдѣланную ошибку, и отправилъ къ князю командора мевенскаго, Людовика Ланца, котораго хитрыя обѣщанія доставили меченосцамъ Полангенъ. Нерѣшительная битва при Ошмянѣ запутала дѣла болѣе прежняго: обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, и ни одна ничего не выиграла. Жестокость Сигисмунда уже заставила Литовцевъ раскаяться въ непостоянствѣ, но Поляки крѣпко стояли за князя, которому они доставили престолъ; Литва была наполнена ихъ войсками, и явное возстаніе вѣроятно имѣло бы гибельныя слѣдствія для утѣсненнаго народа. Мирныя предложенія Свитригайла были отринуты. Сигисмундъ приказалъ утопить его пословъ, и рѣ*шительно отказался* отъ всякихъ переговоровъ.

Меченосцы продолжали хитрить и выжидать время. Повѣренный ихъ при бывшемъ литовскомъ господарѣ, Людовикъ Ланце, требовалъ много и не обязывался ни къ чему. Письмо его къ гросмейстеру, въ іюлѣ 1433 года, превосходно объясняетъ коварную и низкую политику ордена. Ланце доноситъ своему начальнику, что довѣрчивый князь совершенно имъ преданъ, но что слухъ о полученіи имъ изъ Новгорода шести милліоновъ богемскихъ грошей не имѣетъ никакого основанія. «Въ противномъ случаѣ, говоритъ онъ, я непремѣнно далъ бы знать вамъ, что у него есть деньги». Къ этой же эпохѣ принадлежитъ увѣщательная граммата базельскаго собора, которою сановники западной церкви убѣждаютъ Свитригайла заключить миръ съ Польшею. Этотъ примѣчательный актъ находится въ числѣ дополненій къ книгѣ.

Въ началѣ 1434 года дѣла Свитригайла пришли въ лучшее состояніе. Онъ писалъ къ гросмейстеру: «Мы получили радостное извѣстіе: Юрій, великій князь московскій, и великій князь Василій, его племянникъ, сражались со многочисленными силами и жестокимъ упорствомъ. Всевышній помогъ князю Юрію низложить своего врага, разбить его войско, завладѣть городами, селами и всею землею; взять въ плѣнъ не только старую великую княгиню и супругу Василія, но и всѣхъ, поднявшихъ оружіе, и наконецъ изгнать самого Василія изъ его владѣній. Князь Юрій съ давняго времени нашъ вѣрный и искренній другъ, обѣщалъ подать *намъ помощь* и прислать своего сы-

на». Черезъ четыре дня послѣ этого извѣстія, посолъ татарскаго хана, «возведеннаго Свитригайломъ на престолъ», прибылъ въ Вязьму и увѣдомилъ его, что ханъ уже вошелъ въ область кіевскую и готовъ къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ. Къ сожалѣнію, акты не показываютъ, когда и какимъ образомъ литовскій князь доставилъ этому хану престолъ. Кромѣ того, Свитригайло твердо надѣялся на пособія ордена, не зная, что тотъ уже измѣнилъ ему. Грозная грамата, присланная императоромъ Сигисмундомъ гросмейстеру, не отвратила рыцарей отъ неблагодарнаго поступка. Они заключили съ Литвою двѣнадцатилѣтнее перемиріе, отказались отъ союза съ Свитригайломъ и обѣщали не обращать вниманія на упреки папы и императора. Все это было сдѣлано такъ скрытно, что обманутый князь не подозрѣвалъ измѣны до-тѣхъ-поръ, пока они сами ея не обнаружили.

Среди волненія своей бурной жизни, изгнанный Свитригайло замышлялъ совершить дѣло, къ которому безъ успѣха приступали сильнѣйшіе государи Европы. Онъ предпринялъ соединить восточную церковь съ западною, привлекъ на свою сторону Герасима, митрополита смоленскаго, и впослѣдствіи сообщилъ свои намѣренія знаменитому Исидору, котораго умъ ручался ему за счастливое окончаніе легкомысленнаго предпріятія. Папа Евгеній, узнавъ объ этомъ, прислалъ Свитригайлу лестное бреве; въ то же время онъ писалъ къ Герасиму, и старался заключить миръ *между Сигисмундомъ* и его неутомимымъ соперъ-

никомъ. Новыя бѣдствія и неудачи не позволили Свитригайлу осуществить свою мысль: въ 1435 году онъ былъ разбитъ Михаиломъ, сыномъ великаго князя литовскаго, лишился въ этой несчастной битвѣ вѣрнаго союзника, магистра ливонскаго, и ушелъ въ Витебскъ, откуда отправилъ пословъ къ нѣмецкому императору и гросмейстеру меченосцевъ. Первый изъявилъ желаніе и готовность помочь ему. Въ кёнигсбергскомъ архивѣ хранится нѣсколько грамматъ и писемъ императора Сигисмунда, которыя показываютъ, что онъ обѣщалъ не только содѣйствовать къ заключенію мира, но даже въ случаѣ неудачи подкрѣпить силою требованія Свитригайла. Отвѣтъ гросмейстера на просьбы о помощи состоялъ изъ пустыхъ словъ; орденъ не обѣщалъ и не далъ ничего. Всѣ надежды изгнаннаго князя, всѣ плоды его долгихъ и тяжкихъ усилій, погибли. Императоръ оставилъ его на произволъ судьбы; Татары были заняты собственными междоусобіями; у Русскихъ не было средствъ для возвращенія ему престола. Военныя неудачи нанесли его дѣлу послѣдній ударъ. Въ 1437 году Литовцы взяли Полоцкъ и Витебскъ послѣ отчаяннаго сопротивленія жителей; Смоленскъ отнятъ еще прежде.

Кояловичъ разсказываетъ, что Свитригайло побѣжденный и изгнанный изъ остальныхъ своихъ владѣній, явился въ Краковъ и просилъ заступничества короля и сената, но что Сигисмундъ рѣшительно отвергъ всѣ предложенія и не хотѣлъ ничего уступить сопернику. У того же писателя читаемъ извѣстіе, что Свитригайло,

не находя нигдѣ убѣжища, удалился въ Валахію и былъ тамъ пастухомъ. Весь этотъ разсказъ состоитъ изъ нелѣпыхъ выдумокъ. Оффиціяльные акты показываютъ, что въ 1437 году онъ заключилъ честный миръ съ Польшею и сохранилъ значительныя владѣнія; что онъ ѣздилъ въ Краковъ для личнаго свиданія съ королемъ, и удачно отразилъ войска Сигисмунда, которыя грозили Луцку и Кіеву. Сама политика Поляковъ предписывала имъ не доводить его до совершеннаго безсилія: они охотно поддерживали междоусобія, раздиравшія Литву, которой еще не переставали опасаться. Въ 1440 году Сигисмундъ, ненавидимый подданными за отвратительную скупость и безчеловѣчіе, былъ убитъ заговорщиками, которыхъ главою были князья Чарторижскіе. На сеймѣ, созванномъ для избранія новаго господаря, многіе литовскіе вельможи подали голоса въ пользу Свитригайла, но ихъ старанія не имѣли успѣха. Партія Казиміра, брата польскаго короля, одолѣла. Новый великій князь жилъ мирно съ своимъ престарѣлымъ дядею, Свитригайломъ, который не противился его избранію, вѣрно служилъ ему, и окончилъ въ Луцкѣ, 1452 года, жизнь бурную и дѣятельную.

Съ того времени начинается упадокъ вліянія литовскихъ князей на судьбу нашего отечества. Ихъ мѣсто заступили потомки Калиты: они понемногу возвратили восточной Россіи все, что она утратила втеченіи двухъ столѣтій. Но исторія Свитригайла чрезвычайно замѣчательна: еслибы *намѣренія* этого князя исполнились, еслибы онъ

не растратилъ своихъ средствъ въ безплодной борьбѣ съ братьями, то въ отношеніяхъ восточныхъ княжествъ и въ ихъ политическомъ быту произошла бы величайшая перемѣна. «Еслибы Свитригайло, говоритъ Коцебу, удержалъ за собою великокняжескій престолъ, Польша никогда не играла бы значительной роли. Стѣсненная сосѣдствомъ Литвы, Пруссіи и императора римскаго, она необходимо сдѣлалась бы въ половинѣ пятнадцатаго вѣка русско-литовскою провинціею». Это послѣднее заключеніе комика-историка не доказываетъ большаго знакомства съ дѣлами человѣческими: высшая степень образованности Польши, безъ-сомнѣнія, предохранила бы ее отъ подобной судьбы; Польша была бы только слабою и быть-можетъ скоро вошла бы, подобно Богеміи и Силезіи, въ составъ Нѣмецкой Имперіи, но независимость Литвы могла бы сдѣлаться крайне опасною для Россіи; и сообразивъ одно съ другимъ, вопреки мнѣнію Коцебу, возблагодаримъ Бога, что его пріятель Свитригайло не удержалъ за собою великокняжескаго престола.

Высшіе взгляды сдѣлались въ наше время обыкновенными до пошлости и мы ихъ не весьма жалуемъ; но нельзя не сказать, что, когда смотришь на исторію Руси съ той стороны, съ которой мы старались поставить нашихъ читателей, она кажется способною принять философическій характеръ, доселѣ ей не приданный. Обнимите всю исторію Рурикова дома, не выпускайте изъ виду ни одной части, какая только входила въ ея составъ, и тогда исторія *Россіи и* исторія Литвы соединят-

ся сами собою подъ вашимъ перомъ въ образѣ судебъ русскаго народа: онъ имѣетъ сперва одно отечество и одну вѣру; вскорѣ потомъ раздѣляется онъ на двѣ вѣры и два отечества — Русь христіанскую и Русь языческую, Россію и Литву; далѣе вы находите два новые вида—Русь порабощенную Монголами и Русь независимую, которая силится распространить свое политическое начало и на первую, тогда какъ Новгородъ, предназначенный быть добычею той или другой, старается всячески, связями, деньгами и покровительствами, удержать между ними свой особенный, торгово-муниципальный характеръ; это любопытное качаніе равновѣсія трехъ отдѣльныхъ тѣлъ русской системы, разрушается новымъ переворотомъ: Русь независимая бросается въ европейскую политику, Русь порабощенная создаетъ себѣ свою и видитъ зарю собственной независимости; первая стремится на юго-западъ, вторая на сѣверо-востокъ; та идетъ къ республиканскимъ формамъ и безпорядку; другая къ единодержавію, могуществу и благоденствію; наконецъ Провидѣніе, пекущееся о благѣ русскаго народа, соединяетъ обѣ его части послѣ тысячи лѣтъ недоразумѣній, религіозныхъ и политическихъ, и онѣ находятъ одно величественное отечество подъ сѣнію русскихъ государей. Согласитесь, что такая исторія Россіи была бы по-крайней-мѣрѣ не односторонняя.

1835.

СПОСОБНОСТИ И МНѢНІЯ

НОВѢЙШИХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ ПО ВОСТОКУ.

—

Если XIX вѣкъ намѣренъ когда-либо предстать передъ судомъ потомства съ притязаніемъ на свою проницательность, то друзья его должны бы присовѣтовать ему, чтобы онъ напередъ спряталъ свои путешествія по Турціи и не представлялъ ихъ въ числѣ документовъ. Вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ, со времени всеобщаго мира, путешественники всѣхъ европейскихъ странъ, всѣхъ званій и всѣхъ возрастовъ, посѣщаютъ Востокъ, со скуки, изъ любопытства; чтобы разсѣяться между бородачей и верблюдовъ; чтобы, обанкрутившись въ христіанскомъ краѣ, попытать счастія въ старой землѣ солнца и еще разъ обанкрутиться на счетъ невѣрныхъ; чтобы, вступивъ въ службу, нахватать жалованныхъ халатовъ и шалей и воротиться въ Европу съ фантастическимъ титуломъ египетскаго или турецкаго генерала; очень рѣдко для того, чтобы извѣдать непосѣщенныя земли и принесть пользу наукѣ, а большею частью, чтобы ничего не видѣть и написать о томъ *книгу*. Тогда какъ Гёте, патріархъ

нѣмецкой словесности, часто сожалѣлъ о томъ, что не совершилъ этого поэтическаго странствованія, три поэта въ стихахъ и прозѣ, Байронъ, Шатобріанъ и Ламартинъ, не выдержали и, каждый въ свою очередь, посѣтили разныя мѣста Востока. Протестантскій епископъ Геберъ, католическій аббатъ Дюбоа и французскій натуралистъ Жакмонъ говорили объ Индіи. Французская экспедиція въ Морею описывала Грецію. Зеценъ, Буркгардтъ, Делабордъ и Липпанъ обозрѣвали аравійскія пустыни. Моріеръ, Фрезеръ, Мальколмъ, Узли, Коноли, Бернсъ, наблюдали народы западной плоской возвышенности азійскаго материка. Шульцъ, Монтитъ, Тесіе отыскивали остатки древности въ Анатоліи и Арменіи. Гг. Мишо и Пужуля объѣздили левантскія пристани. Англійскіе туристы безпрестанно издаютъ книги и книжонки о Турціи. Сенсимонисты, изгнанные изъ европейскаго общества, пошли въ инженеры къ египетскому пашѣ и также пишутъ о Востокѣ. Наконецъ учрежденіе пароходовъ на Дунаѣ грозитъ открытіемъ еще новаго устья, черезъ которое поѣздки въ Турцію будутъ наводнять политическую и географическую литературу. Нельзя не питать уваженія къ путешественникамъ, которые, избравъ себѣ опредѣленную цѣль, съ любовью занимаясь своей частію и одушевленные благороднымъ желаніемъ распространить предѣлы науки, пускаются въ трудныя и опасныя путешествія, чтобъ обозрѣть неизвѣстныя части Востока въ отношеніи къ географіи, этнографіи, естественной *исторіи*, древностямъ или геологіи: такихъ людей

мы съ почтеніемъ исключаемъ изъ круга нашего разсужденія. Но чего хотятъ, зачѣмъ ѣздятъ, и особенно по какому праву морочатъ публику своей неспособностью ни къ какому полезному наблюденію, наводятъ на него скуку повтореніемъ давно извѣстнаго и досаждаютъ ей своимъ невѣжествомъ эти господа, которые бродятъ по Оттоманской Имперіи безъ цѣли, безъ всякаго приготовленія, съ единственнымъ намѣреніемъ прогуляться по Азіи, чтобы издать пошлую книгу, чтобы развозить по Турціи свои предразсудки и политическія теоріи и приносить съ собою въ Европу ложныя извѣстія, смѣшныя заключенія о вещахъ, имъ вовсе непонятныхъ, или элегіи на погибель чалмъ и янычаровъ? Не безполезно сравнить умъ и духъ этихъ путешественниковъ; разсмотрѣть, на какихъ особенностяхъ Востока останавливается ихъ вниманіе, какъ онъ имъ представляется, чего они боятся или ожидаютъ, и какъ сравниваютъ его съ Западомъ.

Русскій читатель, знающій духъ и политику своего правительства, не можетъ не улыбнуться комической важности, съ какою всѣ эти путешествія приписываютъ Россіи пламенное и постоянное желаніе завоевать Турцію, и о томъ жарѣ, съ которымъ они защищаютъ противъ нея имперію Махмуда, ломая подобно Донъ-Кихоту, свои шпаги на вѣтряныхъ мельницахъ. Всѣ они знаютъ какъ нельзя лучше сокровеннѣйшія намѣренія и тайны петербургскаго кабинета; нѣкоторые даже увѣряютъ, что Русскіе тайно передѣлываютъ въ рукописи *французскія и англійскія* путешествія, что-

бы представлять Европѣ Турцію сообразно съ своими видами. Эта общая ихъ нелѣпость достойна болѣе смѣха, чѣмъ опроверженія. Подлѣ нея замѣчателенъ отпечатокъ національнаго направленія ума самихъ путешественниковъ: все, что только есть пошлаго и безтолковаго въ модныхъ идеяхъ современной Франціи, Англіи и Германіи, отражается здѣсь съ полною силою для пользы и назиданія читателя. Французъ, разумѣется, ищетъ на Востокѣ «средствъ къ возрожденію рода человѣческаго» или къ улучшенію судьбы женщины. Англичанина встрѣчаете вы вездѣ занятаго болѣе враждами своего отечества, торговою жадностью и развалинами древности, нежели восточнымъ человѣкомъ. Но во всѣхъ этихъ безчисленныхъ томахъ нѣтъ ни одного наблюденія, которое бы показывало, что умъ сочинителя былъ въ состояніи чувствовать важность современныхъ фактовъ Востока и необходимость найти для нихъ настоящее объясненіе. Путешественники говорятъ только о томъ, чего, не зажмуривъ глазъ, нельзя было бы не видѣть; повторяютъ обветшалыя сказки о восточномъ обществѣ; принимаютъ всегда исключеніе за правило, и правило за исключеніе, такъ, что часто ложное мнѣніе основано у нихъ на подлинномъ случаѣ и обманываетъ всѣхъ своимъ правдоподобіемъ. Окончивъ путешествіе на скорую руку, поверхностно взглянувъ на страну и ея обитателей, собравъ скудный запасъ свѣденій, они тотчасъ произносятъ рѣшительный приговоръ обо [illegible] тяхъ предмета, столь важнаго, столь *об* [illegible] разнообразнаго, что для изъ-

явленія объ немъ простаго мнѣнія, надобно было бы знать въ совершенствѣ и военное искусство, и политику всей Европы, и науку администраціи, и финансовое производство, и малѣйшія подробности торговли, и всѣ мелочи мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и образа мыслей различныхъ поколѣній, населяющихъ эту огромную имперію, и наконецъ самыя чувства и побужденія лицъ, дѣйствующихъ въ современной турецкой драмѣ — когда междутѣмъ не было эпохи болѣе сложной, болѣе заслуживающей быть разсматриваемою тщательно, искусно и философически, какъ настоящая эпоха великихъ перемѣнъ и преобразованій на Востокѣ. Бѣгло описывая и тотчасъ же предавъ общему негодованію частные безпорядки и злоупотребленія, они черезъ нѣсколько страницъ выдаютъ тѣ же самые безпорядки и злоупотребленія за спасительныя начала, которымъ турецкая имперія обязана своимъ сохраненіемъ, и безъ которыхъ она должна погибнуть или сдѣлаться русскою провинціею. Но если бы они взяли на себя трудъ проникнуть до источниковъ злоупотребленій, тогда, съ одной стороны, они бъ имѣли болѣе уваженія къ нынѣшнимъ перемѣнамъ въ Турціи, которыя не могли бъ быть выполнены, если бы она не опиралась на великодушную помощь Сѣвера; съ другой, духъ изысканій вѣроятно увлекъ бы ихъ далѣе: они нашли бы истинную причину сохраненія и поставили бъ себя въ возможность отдѣлить въ учрежденіяхъ этого государства хорошее отъ дурнаго. Теперь изъ ихъ сочиненій нельзя вывести другаго *заключенія*, кромѣ того, что чест-

ность, праводушіе и уваженіе къ истинѣ могутъ быть прекрасными добродѣтелями въ другой странѣ свѣта, но что ихъ должно считать политическими недостатками въ Туркахъ; что учрежденія, которыя способствовали къ ихъ развитію, совершенно и неизъяснимо дурны; что гостепріимство и вѣжливость безъ нѣкоторыхъ условныхъ обрядовъ суть признаки закоренѣлаго варварства; что простота и кротость нрава препятствуютъ всякимъ полезнымъ улучшеніямъ, и что высочайшая степень образованности и утонченности заключается въ обманахъ, въ политическихъ смятеніяхъ, въ преступленіяхъ, и тысячѣ подобныхъ нелѣпостей.

Чтобы понять Турцію, надобно сперва освободиться отъ огромной тяжести своихъ предразсудковъ. Когда изыскатель свергаетъ съ себя дряхлую оболочку европейскаго человѣка, онъ долженъ еще преодолѣть безчисленныя препятствія, проистекающія отъ различія нравовъ, понятій и языка. Выраженія, которыя онъ употребляетъ въ Европѣ и которыя отвѣчаютъ у насъ за вещи, очень невѣрно изображаютъ различныя части общественнаго порядка на Востокѣ, такъ, что нашими словами многаго нельзя объяснить: онъ долженъ выучиться мыслить на чуждомъ ему языкѣ, а для этого надобно сперва узнать его. Далѣе, какое тамъ отсутствіе всѣхъ тѣхъ пособій, которыя гласность фактовъ и статистика доставляетъ намъ на Западѣ! Духъ анализа неизвѣстенъ восточнымъ. Т[illegible] для Европейца, есть политическое изъя[illegible]авила, сборникъ фактовъ, совер-

шенно отличныхъ отъ фактовъ Европы; и ни одинъ изъ нихъ не былъ обработанъ и отнесенъ къ своему разряду политическою экономіей. Оцѣнивая восточное общество, вы должны разыскать и опредѣлить ихъ, создать новую науку и привыкнуть разсуждать по другимъ началамъ и другой логикѣ. Это требуетъ большихъ усилій, и еще не все тутъ. Надобно сродниться съ народными привычками и обычаями; надобно проникнуть въ общество, которое описывали вамъ люди, никогда его не видавшіе, изучать его исторіи, пріобрѣсти знаніе нѣсколькихъ языковъ, на которыхъ онѣ написаны. Чтобы понять Турцію въ цѣломъ ея составѣ, надобно помнить, что система ея правительства не вездѣ одинакова, какъ въ сосредоточенныхъ правленіяхъ Европы, но разнообразна и приспособлена къ мѣстнымъ потребностямъ областей и округовъ. Въ ней множество вѣроисповѣданій, множество поколѣній, множество странъ, и обозрѣніе цѣлаго можетъ быть сдѣлано только послѣ совершеннаго знанія всѣхъ частей. Изученіе каждой изъ нихъ требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ прилежныхъ трудовъ и изслѣдованій; но прежде нежели вы приступите къ изслѣдованіямъ, ключъ къ нимъ долженъ быть найденъ, а онъ не что иное, какъ правильное понятіе объ основныхъ началахъ экономіи, администраціи и правительства Востока.

Какія же качества даровали новѣйшимъ путешественникамъ по оттоманскому Востоку способность справедливо оцѣнить что-нибудь? Которыя изъ этихъ *условій выполнены* ими? Какія свѣде-

нія доставили имъ возможность дѣлать свои заключенія общими? Кто изъ нихъ — исключая Буркгардта и полковника Лика — удовлетворительно разсмотрѣлъ что-нибудь изъ подробностей? Даже Ликъ и Буркгардтъ описывали только наружность; ни одинъ изъ нихъ не коснулся до силъ, соединяющихъ восточное общество; они не разсуждали ни о дѣйствіи правительства на различныя части имперіи, ни о томъ, что̀ связываетъ эти части съ правительствомъ; они не имѣли случая быть свидѣтелями послѣднихъ происшествій, которыя сдѣлали разсмотрѣніе Турціи и открытіе главной силы ея жизненности не столь труднымъ какъ прежде.

Мы знаемъ, что̀ значитъ путешествовать по Востоку. Мы должны были бороться со всѣми препятствіями, затрудняющими путь изыскателя, и нашли, что только постоянное сообщеніе съ туземцами и знаніе языковъ, лѣтописей, литературы, мнѣній и догматовъ Востока могутъ предохранить путешественника отъ опасности обмануться на каждомъ шагу въ Турецкой Имперіи. Мы сами имѣли случай не одинъ разъ наблюдать, какъ многіе изъ путешественниковъ, которые впослѣдствіи напечатали плоды своихъ изысканій, собирали такъ-называемыя ими свѣденія, и можемъ указать на источники, откуда взяты эти свѣденія, можемъ сказать причину разительнаго семейнаго сходства ихъ сочиненій. Путешественникъ, выходя на берегъ въ какомъ-нибудь портѣ Востока, бываетъ тотчасъ пораженъ множествомъ нравственныхъ чудесъ, *противо*рѣчащихъ всѣмъ его ожиданіямъ и

привычкамъ. Онъ вступаетъ въ новый міръ, гдѣ каждая вещь удивляетъ и смущаетъ его. Онъ смотритъ на предметы, какъ слѣпецъ, которому внезапно возвратили зрѣніе. Все видѣнное имъ кажется ему какимъ-то хаосомъ. Учрежденія, нравы, привычки, обычаи, образъ мыслей, словомъ все, отъ самыхъ пустыхъ условныхъ обыкновеній, до основаній, на которыхъ покоится общество, представляется ему безпрерывнымъ антитезисомъ того, что онъ видѣлъ въ Европѣ. Онъ хочетъ войти въ сношеніе съ жителями, но не знаетъ ни одного изъ языковъ, которыми они говорятъ; хочетъ приняться за ихъ изученіе, но усердіе его охлаждается отъ невѣжественныхъ удостовѣреній турецкихъ Европейцевъ, будто каждый изъ двухъ языковъ, самыхъ употребительныхъ въ этой части Азіи, требуетъ по-крайней-мѣрѣ десяти лѣтъ неутомимаго ученія — а это еще только два изъ полудюжины! Потерявъ всякую надежду получить свѣденія отъ природныхъ жителей, онъ обращается къ европейскимъ поселенцамъ, и воображаетъ, что они по-крайней-мѣрѣ удовлетворятъ его любопытство. Путешественники уже описали вамъ вдоль и поперегъ характеръ Франковъ, живущихъ въ торговыхъ городахъ Турціи: они исписали объ нихъ столько бумаги, что по-видимому бо́льшую часть времени посвящаютъ они изученію этого общества, а не того, которое составляетъ главную цѣль ихъ путешествія. Каррикатурность разлита по всѣмъ ихъ картинамъ. Они представляютъ въ самомъ смѣшномъ видѣ невѣжество, надменность *и безнравственность* этихъ бѣдныхъ

бы представлять Европѣ Турцію сообразно съ своими видами. Эта общая ихъ нелѣпость достойна болѣе смѣха, чѣмъ опроверженія. Подлѣ нея замѣчателенъ отпечатокъ національнаго направленія ума самихъ путешественниковъ: все, что только есть пошлаго и безтолковаго въ модныхъ идеяхъ современной Франціи, Англіи и Германіи, отражается здѣсь съ полною силою для пользы и назиданія читателя. Французъ, разумѣется, ищетъ на Востокѣ «средствъ къ возрожденію рода человѣческаго» или къ улучшенію судьбы женщины. Англичанина встрѣчаете вы вездѣ занятаго болѣе враждами своего отечества, торговою жадностью и развалинами древности, нежели восточнымъ человѣкомъ. Но во всѣхъ этихъ безчисленныхъ томахъ нѣтъ ни одного наблюденія, которое бы показывало, что умъ сочинителя былъ въ состояніи чувствовать важность современныхъ фактовъ Востока и необходимость найти для нихъ настоящее объясненіе. Путешественники говорятъ только о томъ, чего, не зажмуривъ глазъ, нельзя было бы не видѣть; повторяютъ обветшалыя сказки о восточномъ обществѣ; принимаютъ всегда исключеніе за правило, и правило за исключеніе, такъ, что часто ложное мнѣніе основано у нихъ на подлинномъ случаѣ и обманываетъ всѣхъ своимъ правдоподобіемъ. Окончивъ путешествіе на скорую руку, поверхностно взглянувъ на страну и ея обитателей, собравъ скудный запасъ свѣденій, они тотчасъ произносятъ рѣшительный приговоръ обо всѣхъ частяхъ предмета, столь важнаго, столь *обширнаго*, столь разнообразнаго, что для изъ-

явленія объ немъ простаго мнѣнія, надобно было бы знать въ совершенствѣ и военное искусство, и политику всей Европы, и науку администраціи, и финансовое производство, и малѣйшія подробности торговли, и всѣ мелочи мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и образа мыслей различныхъ поколѣній, населяющихъ эту огромную имперію, и наконецъ самыя чувства и побужденія лицъ, дѣйствующихъ въ современной турецкой драмѣ — когда междутѣмъ не было эпохи болѣе сложной, болѣе заслуживающей быть разсматриваемою тщательно, искусно и философически, какъ настоящая эпоха великихъ перемѣнъ и преобразованій на Востокѣ. Бѣгло описывая и тотчасъ же предавъ общему негодованію частные безпорядки и злоупотребленія, они черезъ нѣсколько страницъ выдаютъ тѣ же самые безпорядки и злоупотребленія за спасительныя начала, которымъ турецкая имперія обязана своимъ сохраненіемъ, и безъ которыхъ она должна погибнуть или сдѣлаться русскою провинціею. Но если бы они взяли на себя трудъ проникнуть до источниковъ злоупотребленій, тогда, съ одной стороны, они бъ имѣли болѣе уваженія къ нынѣшнимъ перемѣнамъ въ Турціи, которыя не могли бъ быть выполнены, если бы она не опиралась на великодушную помощь Сѣвера; съ другой, духъ изысканій вѣроятно увлекъ бы ихъ далѣе: они нашли бы истинную причину сохраненія и поставили бъ себя въ возможность отдѣлить въ учрежденіяхъ этого государства хорошее отъ дурнаго. Теперь изъ ихъ сочиненій нельзя вывести другаго заключенія, кромѣ того, что чест-

ность, праводушіе и уваженіе къ истинѣ могутъ быть прекрасными добродѣтелями въ другой странѣ свѣта, но что ихъ должно считать политическими недостатками въ Туркахъ; что учрежденія, которыя способствовали къ ихъ развитію, совершенно и неизъяснимо дурны; что гостепріимство и вѣжливость безъ нѣкоторыхъ условныхъ обрядовъ суть признаки закоренѣлаго варварства; что простота и кротость нрава препятствуютъ всякимъ полезнымъ улучшеніямъ, и что высочайшая степень образованности и утонченности заключается въ обманахъ, въ политическихъ смятеніяхъ, въ преступленіяхъ, и тысячѣ подобныхъ нелѣпостей.

Чтобы понять Турцію, надобно сперва освободиться отъ огромной тяжести своихъ предразсудковъ. Когда изыскатель свергаетъ съ себя дряхлую оболочку европейскаго человѣка, онъ долженъ еще преодолѣть безчисленныя препятствія, проистекающія отъ различія нравовъ, понятій и языка. Выраженія, которыя онъ употребляетъ въ Европѣ и которыя отвѣчаютъ у насъ за вещи, очень невѣрно изображаютъ различныя части общественнаго порядка на Востокѣ, такъ, что нашими словами многаго нельзя объяснить: онъ долженъ выучиться мыслить на чуждомъ ему языкѣ, а для этого надобно сперва узнать его. Далѣе, какое тамъ отсутствіе всѣхъ тѣхъ пособій, которыя гласность фактовъ и статистика доставляетъ намъ на Западѣ! Духъ анализа неизвѣстенъ восточнымъ. Турція, для Европейца, есть политическое *изъятіе изъ* правила, сборникъ фактовъ, совер-

шенно отличныхъ отъ фактовъ Европы; и ни одинъ изъ нихъ не былъ обработанъ и отнесенъ къ своему разряду политическою экономіей. Оцѣнивая восточное общество, вы должны разыскать и опредѣлить ихъ, создать новую науку и привыкнуть разсуждать по другимъ началамъ и другой логикѣ. Это требуетъ большихъ усилій, и еще не все тутъ. Надобно сродниться съ народными привычками и обычаями; надобно проникнуть въ общество, которое описывали вамъ люди, никогда его не видавшіе, изучать его исторіи, пріобрѣсти знаніе нѣсколькихъ языковъ, на которыхъ онѣ написаны. Чтобы понять Турцію въ цѣломъ ея составѣ, надобно помнить, что система ея правительства не вездѣ одинакова, какъ въ сосредоточенныхъ правленіяхъ Европы, но разнообразна и приспособлена къ мѣстнымъ потребностямъ областей и округовъ. Въ ней множество вѣроисповѣданій, множество поколѣній, множество странъ, и обозрѣніе цѣлаго можетъ быть сдѣлано только послѣ совершеннаго знанія всѣхъ частей. Изученіе каждой изъ нихъ требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ прилежныхъ трудовъ и изслѣдованій; но прежде нежели вы приступите къ изслѣдованіямъ, ключъ къ нимъ долженъ быть найденъ, а онъ не что иное, какъ правильное понятіе объ основныхъ началахъ экономіи, администраціи и правительства Востока.

Какія же качества даровали новѣйшимъ путешественникамъ по оттоманскому Востоку способность справедливо оцѣнить что-нибудь? Которыя изъ этихъ *условій выполнены* ими? Какія свѣде-

нія доставили имъ возможность дѣлать свои заключенія общими? Кто изъ нихъ — исключая Буркгардта и полковника Лика — удовлетворительно разсмотрѣлъ что-нибудь изъ подробностей? Даже Ликъ и Буркгардтъ описывали только наружность; ни одинъ изъ нихъ не коснулся до силъ, соединяющихъ восточное общество; они не разсуждали ни о дѣйствіи правительства на различныя части имперіи, ни о томъ, что̀ связываетъ эти части съ правительствомъ; они не имѣли случая быть свидѣтелями послѣднихъ происшествій, которыя сдѣлали разсмотрѣніе Турціи и открытіе главной силы ея жизненности не столь труднымъ какъ прежде.

Мы знаемъ, что̀ значитъ путешествовать по Востоку. Мы должны были бороться со всѣми препятствіями, затрудняющими путь изыскателя, и нашли, что только постоянное сообщеніе съ туземцами и знаніе языковъ, лѣтописей, литературы, мнѣній и догматовъ Востока могутъ предохранить путешественника отъ опасности обмануться на каждомъ шагу въ Турецкой Имперіи. Мы сами имѣли случай не одинъ разъ наблюдать, какъ многіе изъ путешественниковъ, которые впослѣдствіи напечатали плоды своихъ изысканій, собирали такъ-называемыя ими свѣденія, и можемъ указать на источники, откуда взяты эти свѣденія, можемъ сказать причину разительнаго семейнаго сходства ихъ сочиненій. Путешественникъ, выходя на берегъ въ какомъ-нибудь портѣ Востока, бываетъ тотчасъ пораженъ множествомъ нравственныхъ *чудесъ, противорѣчащихъ* всѣмъ его ожиданіямъ и

привычкамъ. Онъ вступаетъ въ новый міръ, гдѣ каждая вещь удивляетъ и смущаетъ его. Онъ смотритъ на предметы, какъ слѣпецъ, которому внезапно возвратили зрѣніе. Все видѣнное имъ кажется ему какимъ-то хаосомъ. Учрежденія, нравы, привычки, обычаи, образъ мыслей, словомъ все, отъ самыхъ пустыхъ условныхъ обыкновеній, до основаній, на которыхъ покоится общество, представляется ему безпрерывнымъ антитезисомъ того, что̀ онъ видѣлъ въ Европѣ. Онъ хочетъ войти въ сношеніе съ жителями, но не знаетъ ни одного изъ языковъ, которыми они говорятъ; хочетъ приняться за ихъ изученіе, но усердіе его охлаждается отъ невѣжественныхъ удостовѣреній турецкихъ Европейцевъ, будто каждый изъ двухъ языковъ, самыхъ употребительныхъ въ этой части Азіи, требуетъ по-крайней-мѣрѣ десяти лѣтъ неутомимаго ученія — а это еще только два изъ полудюжины! Потерявъ всякую надежду получить свѣденія отъ природныхъ жителей, онъ обращается къ европейскимъ поселенцамъ, и воображаетъ, что они по-крайней-мѣрѣ удовлетворятъ его любопытство. Путешественники уже описали вамъ вдоль и поперегъ характеръ Франковъ, живущихъ въ торговыхъ городахъ Турціи: они исписали объ нихъ столько бумаги, что по-видимому бо́льшую часть времени посвящаютъ они изученію этого общества, а не того, которое составляетъ главную цѣль ихъ путешествія. Каррикатурность разлита по всѣмъ ихъ картинамъ. Они представляютъ въ самомъ смѣшномъ видѣ невѣжество, надменность *и безнравственность* этихъ бѣдныхъ

нія доставили имъ возможность дѣлать свои заключенія общими? Кто изъ нихъ — исключая Буркгардта и полковника Лика — удовлетворительно разсмотрѣлъ что-нибудь изъ подробностей? Даже Ликъ и Буркгардтъ описывали только наружность; ни одинъ изъ нихъ не коснулся до силъ, соединяющихъ восточное общество; они не разсуждали ни о дѣйствіи правительства на различныя части имперіи, ни о томъ, что̀ связываетъ эти части съ правительствомъ; они не имѣли случая быть свидѣтелями послѣднихъ происшествій, которыя сдѣлали разсмотрѣніе Турціи и открытіе главной силы ея жизненности не столь труднымъ какъ прежде.

Мы знаемъ, что̀ значитъ путешествовать по Востоку. Мы должны были бороться со всѣми препятствіями, затрудняющими путь изыскателя, и нашли, что только постоянное сообщеніе съ туземцами и знаніе языковъ, лѣтописей, литературы, мнѣній и догматовъ Востока могутъ предохранить путешественника отъ опасности обмануться на каждомъ шагу въ Турецкой Имперіи. Мы сами имѣли случай не одинъ разъ наблюдать, какъ многіе изъ путешественниковъ, которые впослѣдствіи напечатали плоды своихъ изысканій, собирали такъ-называемыя ими свѣденія, и можемъ указать на источники, откуда взяты эти свѣденія, можемъ сказать причину разительнаго семейнаго сходства ихъ сочиненій. Путешественникъ, выходя на берегъ въ какомъ-нибудь портѣ Востока, бываетъ тотчасъ пораженъ множествомъ нравственныхъ чудесъ, *противо*рѣчащихъ всѣмъ его ожиданіямъ и

привычкамъ. Онъ вступаетъ въ новый міръ, гдѣ каждая вещь удивляетъ и смущаетъ его. Онъ смотритъ на предметы, какъ слѣпецъ, которому внезапно возвратили зрѣніе. Все видѣнное имъ кажется ему какимъ-то хаосомъ. Учрежденія, нравы, привычки, обычаи, образъ мыслей, словомъ все, отъ самыхъ пустыхъ условныхъ обыкновеній, до основаній, на которыхъ покоится общество, представляется ему безпрерывнымъ антитезисомъ того, что онъ видѣлъ въ Европѣ. Онъ хочетъ войти въ сношеніе съ жителями, но не знаетъ ни одного изъ языковъ, которыми они говорятъ; хочетъ приняться за ихъ изученіе, но усердіе его охлаждается отъ невѣжественныхъ удостовѣреній турецкихъ Европейцевъ, будто каждый изъ двухъ языковъ, самыхъ употребительныхъ въ этой части Азіи, требуетъ по-крайней-мѣрѣ десяти лѣтъ неутомимаго ученія — а это еще только два изъ полудюжины! Потерявъ всякую надежду получить свѣденія отъ природныхъ жителей, онъ обращается къ европейскимъ поселенцамъ, и воображаетъ, что они по-крайней-мѣрѣ удовлетворятъ его любопытство. Путешественники уже описали вамъ вдоль и поперегъ характеръ Франковъ, живущихъ въ торговыхъ городахъ Турціи: они исписали объ нихъ столько бумаги, что по-видимому бо́льшую часть времени посвящаютъ они изученію этого общества, а не того, которое составляетъ главную цѣль ихъ путешествія. Каррикатурность разлита по всѣмъ ихъ картинамъ. Они представляютъ въ самомъ смѣшномъ видѣ невѣжество, надменность *и безнравственность* этихъ бѣдныхъ

Франковъ, не воображая, что тѣмъ самымъ подкапываютъ зданіе собственной своей славы: что́ вы ихъ порочите, когда всѣ ваши свѣденія о Турціи отъ нихъ-то и исходятъ? Если они ослы и плуты, такъ ваши свѣденія ни къ чему не годны. Но и то и другое не противно истинѣ. Какъ ни обидны ихъ картины этого общества, какъ ни достойно порицанія это жестокое легкомысліе, способное оскорблять частныя лица и нарушать святость гостепріимства, радушно предложеннаго и съ жадностью принятаго, мы почитаемъ ихъ описанія по большей части правильными; и это очень естественно: Европеецъ можетъ лучше судить о европейскомъ, нежели объ азіятскомъ обществѣ, особенно если онъ видѣлъ одно и не видалъ другаго.

Франки въ Константинополѣ и Смирнѣ—а эти города даютъ направленіе мнѣніямъ Франковъ всего Востока—не имѣютъ никакого понятія о началахъ турецкаго общества. Они не входятъ ни въ какія близкія сношенія съ туземцами; они даже удаляются отъ нихъ. Турки нѣсколько разъ пытались завести дружескія связи съ Франками, но старанія ихъ всегда были отвергаемы. Купецъ однакожъ принужденъ вести дѣла съ туземцами. Турецкій покупщикъ и европейскій продавецъ, раздѣленные чувствами и обычаями, не знали никакого общаго языка: отсюда произошелъ новый классъ людей—маклера, которые улаживаютъ всѣ дѣла между ними и для собственной пользы постарались сдѣлать невозможнымъ всякое прямое сообщеніе. Какой Франкскій купецъ въ состояніи освободиться отъ *этого посредничества*, вести торгъ свой прямо,

если даже и знаетъ языкъ? Намъ извѣстно, что это покушеніе было дѣлано въ Смирнѣ, и не имѣло успѣха. Такимъ образомъ, естественно возникло предубѣжденіе между обѣими сторонами, и привело ихъ къ недоброжелательству, противорѣчію, взаимнымъ оскорбленіямъ.

Еще недавно, франкскіе купцы, хотя и предубѣжденные противъ туземцевъ, слѣпо привержены были къ оттоманскому правленію. Они были совершенно смѣшными турецкими патріотами. Послѣднія происшествія измѣнили ихъ образъ мыслей. Франкъ теперь уже не членъ привилегированнаго сословія; онъ долженъ вступить въ соперничество съ дѣятельностью туземнаго торговца. Чувствуя, что съ каждымъ днемъ положеніе его дѣлается невыгоднѣе, барыши бѣднѣе, онъ восклицаетъ: «Торговля упадаетъ, правительство мерзко!» На это «Оттоманскій Монитёръ» отвѣчалъ весьма основательно: «Нѣтъ сомнѣнія, что торговля въ Турціи уменьшилась для каждаго дома въ частности, но она значительно увеличилась въ отношеніи къ массѣ. Доказательствомъ служитъ то, что во всѣхъ портахъ имперіи число торговыхъ заведеній въ двадцать разъ теперь болѣе чѣмъ было прежде, когда одни Европейцы считались негоціянтами; и всѣ эти заведенія наслаждаются изобиліемъ и даже роскошью. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Французы имѣли въ рукахъ всю монополію турецкой торговли. Сравните вывозъ и привозъ того времени съ нынѣшними, и вы увидите, что торговля увеличилась вдесятеро. Но говорятъ, что количество произведеній въ Турціи уменьшилось: въ та-

комъ случаѣ, чѣмъ же платитъ она за огромные привозы товаровъ изъ Англіи, Америки и Франціи, —привозы, которыхъ прежде не было? Извѣстно, что она не можетъ платить другимъ образомъ. Здѣсь никогда не было извѣстно ученое безуміе торговаго баланса, торговля всегда была свободна, и потому каждая часть государства снабжается всѣмъ нужнымъ сообразно съ ея потребностями и по умѣренной цѣнѣ. Количество внутреннихъ произведеній, которое составляетъ плату за привозимые товары, увеличилось вмѣстѣ съ увеличеніемъ потребленія—что достаточно доказывается возрастающими требованіями богатыхъ грузовъ изъ Англіи и Америки».

Эта выписка достаточно объясняетъ причину нынѣшней враждѣ франкскихъ купцовъ противъ правительства Порты. Кромѣ того, атмосфера Перы и Смирны всегда напитана понятіями благопріятными для политики которой-нибудь изъ первенствующихъ державъ; каждый франкскій купецъ—или усердный ревнитель или заклятый противникъ господствующей на-то-время системы, и описываетъ вамъ Турцію согласно съ своими личными видами. Какихъ же вѣрныхъ свѣденій станете вы ожидать отъ такого знанія предмета и такого расположенія умовъ?

Скажутъ: все это такъ — но драгоманы? Вотъ здѣсь-то и открывается намъ начало неизгладимой черты разграниченія между обществомъ Франковъ и туземцевъ. Употребленіе драгомановъ почиталось сначала временною мѣрою. Никогда *не думали, чтобы* какое-нибудь дружеское сноше-

ніе могло существовать между двумя народами, при помощи людей, которые получаютъ свое пропитаніе отъ несогласія двухъ сторонъ. Они выслуживаются той державѣ, которая хорошо платитъ, и составляютъ дворянство Перы. Они даютъ направленіе мнѣнію публики, и всегда даютъ ложное. Но если бы драгоманы и захотѣли понять Турковъ, гдѣ будутъ они имѣть къ тому случай? Они Франки, члены того общества, которое, по добродѣтелямъ и уму своему, не принадлежитъ ни къ восточному ни къ западному, а по предразудкамъ, порокамъ и невѣжеству принадлежитъ къ обоимъ. Какъ можетъ Турокъ открыть свои мысли тому, на кого онъ такъ мало можетъ полагаться? Ктому жъ это небольшое, отчужденное общество соединено между собою безконечною цѣпью родства и дружбы. Нерѣдко случается, что первые драгоманы двухъ соперничествующихъ державъ бываютъ родные братья. Отсюда происходитъ, что драгоманы не только внушаютъ путешественникамъ ошибочныя мнѣнія, не умышленно и нарочно, но сверхъ-того обманываютъ и тѣ государства, и тѣхъ посланниковъ, которымъ служатъ.

Вотъ два источника, гдѣ почерпаются свѣдѣнія путешественниковъ. Разсмотримъ третій. Въ Турціи есть Греки, знающіе европейскіе языки, и порой путешествовавшіе по Европѣ. Они поражены были наружнымъ блескомъ европейскаго общества, который скрывалъ отъ ихъ глазъ всѣ его недостатки. Видя, что мы въ Европѣ свободны отъ тѣхъ злоупотребленій, какія они испытываютъ въ своемъ *отечествѣ, и не думая* ни о какихъ неудоб-

ствахъ просвѣщеннаго быта, они воображали, что европейская система должна быть совершенна и слѣдственно турецкое правленіе премерзко. Съ любовію обращали они взоры на новое Греческое Королевство, и его возвышеніе недавно было первымъ желаніемъ ихъ сердца. Многіе изъ нихъ поѣхали въ Грецію, восхищаясь мыслію о правленіи, устроенномъ по образцу европейскому. Съ какимъ удивленіемъ увидѣли они тамъ, что система идетъ не такъ, какъ они предполагали, и что поселяне цѣлыми общинами выходятъ въ Турцію! Если бы путешественники, основавшіе свои мнѣнія на сужденіяхъ этихъ Грековъ, нынче посѣтили Турцію, они увидѣли бы, что въ чувствахъ людей, которые снабжали ихъ свѣденіями, произошла важная перемѣна.

Вотъ еще одинъ источникъ свидѣтельствъ, по которымъ пишутся путешествія. Европеецъ, во время странствованій по столицѣ, при церемоніяльныхъ посѣщеніяхъ чиновниковъ Порты и въ поѣздкахъ во внутренность имперіи, всегда имѣетъ при себѣ толмача, и по-необходимости смотритъ на все глазами своего вѣрнаго Ахата. Занятія и доходы толмача почти прекратились бы, еслибъ тотъ, кто его нанимаетъ, разорвалъ разставляемыя вокругъ него сѣти и достигъ до возможности хоть нѣсколько понимать природныхъ жителей. Собственная выгода заставляетъ толмачей обманывать путешественника. Но эти люди обманываютъ его еще разъ, уже безъ намѣренія. Ихъ положеніе, невѣжество и чувства дѣлаютъ ихъ вовсе неспо*собными доставлять* ему какія-нибудь полезныя

свѣденія. Это обыкновенно люди изгнанные за пороки изъ своего отечества и имѣющіе только слабое понятіе о языкѣ, который берутся переводить: заслуживъ презрѣніе туземцевъ, они взаимно ихъ ненавидятъ, но при всемъ томъ пользуются правомъ Франковъ—охуждать то, чего не понимаютъ, и называть людей, честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ нежели они во всѣхъ отношеніяхъ, варварами и скотами. Путешественникъ, пораженный какимъ-нибудь случаемъ, восклицаетъ про-себя: «Вотъ странная земля!» — Товарищъ его возражаетъ: Questo è Turchia, signore! — «Кто этотъ человѣкъ съ такимъ важнымъ видомъ?» — Ba! è Turco. — «Да этотъ купецъ бездѣльникъ!» — Che volete, signore? E Turco. И тутъ онъ вамъ разскажетъ какую-нибудь стереотипную нелѣпость, въ оправданіе своего приговора. Мы слышали отъ такихъ разсказчиковъ цѣлыя исторіи, впослѣдствіи выданныя путешественниками за факты: чистота источника была, конечно, искусно скрыта метафорами и антитезисами.

Еслибъ пришлось примѣнять всѣ эти замѣчанія въ особенности къ каждому изъ многочисленныхъ путешествій, вышедшихъ въ послѣднее двадцатилѣтіе, мы впали бы въ безконечныя повторенія, и скука читателя была бы неизбѣжнымъ результатомъ безплоднаго труда критика. Девять десятыхъ этихъ путешествій такъ ничтожны, что не стоятъ даже упоминанія, а остальная одна десятая замѣчательна только по громкости именъ авторовъ и внутренней пустотѣ ихъ твореній. Одну эту часть *мы подвергнемъ* обозрѣнію.

Виконтъ Шатобріанъ является здѣсь однимъ изъ первыхъ. Воспоминанія Гомера, Библіи и Евангелія, составили въ умѣ его родъ смѣшанной вѣры, по которой онъ чувствуетъ и судитъ, странствуя изъ Парижа къ Іордану. Преувеличеніе формъ и красокъ такъ сильно въ «Itinéraire de Paris à Jérusalem», что трудно составить себѣ какое-нибудь понятіе о мѣстахъ, видѣнныхъ авторомъ и постигнуть его картины. Г. Шатобріанъ старался только живописать; но эта театральная живопись, которая нашла себѣ несчастныхъ подражателей, не допускаетъ ни оттѣнковъ, ни естественности, ни простоты: даже не знаешь, подлинно ли путешественникъ тронутъ — столько принужденія въ его порывахъ, надутости въ выраженіяхъ, напряженія въ наборѣ красокъ. По его разсказу нельзя судить ни о нравахъ, ни о средствахъ жителей; что̀ касается до учрежденій, то онъ, съ своими теоріями, не былъ даже въ состояніи понять ихъ; иногда только можно раздѣлить съ нимъ восторгъ, выраженный блестящими словами, и подвергнуться ложному очарованію. Г. Шатобріанъ, великій риторъ и всегда несчастный политикъ, искалъ, кажется, въ этомъ путешествіи не Востока, но текстовъ для рѣчей и эффекта для своей особы въ парижскомъ обществѣ.

Мысль лорда Байрона, болѣе сильная и менѣе преклонная на громкія слова безъ значенія, наиболѣе поражена противоположностію между щедрою природою и дикимъ обществомъ. Онъ поступалъ по примѣру Михаила Караваджіо, который всегда располагаетъ въ своихъ фигурахъ сильную *тѣнь подлѣ* яркаго свѣта. Онъ не описывалъ сво-

его путешествія, но выдергивалъ изъ Востока картины и искалъ вездѣ красокъ. Однакожъ восточныя подробности, такъ ослѣпительно блестящія у Байрона, отличаются точностью кисти, которой не имѣютъ картины г. Шатобріана: писатель въ стихахъ говоритъ о предметахъ яснѣе, нежели писатель въ прозѣ. Во всякомъ случаѣ, не ищите въ нихъ вѣрнаго взгляда и откровеннаго сужденія о Востокѣ: Байронъ человѣкъ страстный, который ищетъ только впечатлѣній, останавливается на чертахъ самыхъ рѣзкихъ и не проникаетъ подъ наружную оболочку.

Недавно, четыре путешествія заняли собою читающую публику, и между ними одно было превознесено необычайными похвалами. Всѣ догадаются, что дѣло идетъ о «Письмахъ съ Востока» гг. Мишó и Пужулà. Мы давно привыкли къ фокусамъ торгово-литературныхъ «объявленій», и, не хвастая, можемъ открыть объявленіе въ критикѣ, въ выноскѣ, даже въ аллегоріи, но не считаемъ себя за tête forte и не стыдимся признаться, что неразъ были жестоко обмануты фабрикантами этого проклятаго издѣлія. Чтò прикажете дѣлать! Есть множество людей, которые не вѣрятъ въ чорта, и которые между-тѣмъ вѣрятъ въ объявленія — вѣрятъ съ фанатизмомъ! Искусство доведено въ наше время до такого маккіавелическаго совершенства, производитъ такую волшебную иллюзію, что суевѣріе объявленія сильнѣе всѣхъ совѣтовъ разума, и составляетъ отличительный характеръ эпохи. Кто не былъ пойманъ обявленіемъ? По милости его, *мы прочитали* цѣлые три тома «Путешествія

по Востоку Гг. Мишó и Пужулà. Мы знали, что г. Мишò — французскій журналистъ, что онъ привыкъ разсуждать отлитыми фразами, что онъ отправился на Востокъ безъ всякаго приготовленія, были увѣрены, что онъ тамъ увидѣлъ только то, что̀ ему показали, и однакожъ прочитали его три тома—такъ хорошо торговое объявленіе было запрятано въ критики и бѣглые отзывы! Что̀ гг. Мишó и Пужулà открыли на Востокѣ? Ровно ничего. Въ ихъ письмахъ нѣтъ ни одной вещи, которая бы не была давно извѣстна и тысячу разъ описана. Это самая безцвѣтная, поверхностная книга, какая только была издана въ наше время о картинѣ богатой красками и о предметѣ высочайшей философической важности; авторы, по-истинѣ, могли сочинить ее не выѣзжая изъ Парижа, потому-что она, даже по части описаній наружнаго вида Востока и общества, не прибавила ни одного новаго извѣстія къ тѣмъ, которыя мы уже имѣли.

Второе изъ четырехъ знаменитыхъ путешествій принадлежитъ Г. Следу (Slade), Американцу, который жилъ нѣсколько времени въ Турціи и Петербургѣ, и, выдумавъ какую-то машину, отправился съ ней въ Лондонъ, гдѣ вмѣсто машины подарилъ роду человѣческому книгу. Пріятность слога и рѣзкость сужденій обезпечили ей успѣхъ самый блистательный; она была читана съ усердіемъ и много содѣйствовала къ распространенію ложныхъ понятій о предметѣ, и безъ того темномъ для Европейцевъ. Мы должны сказать объ ней подробнѣе, предваривъ, что замѣчанія объ ея общихъ недо*статкахъ примѣняются* ко всѣмъ путешествіямъ,

и тѣмъ, о которыхъ уже говорили, и тѣмъ, о которыхъ еще скажемъ.

Г. Следъ, въ книгѣ своей, исполненной софизмовъ и противорѣчій, говоритъ, напримѣръ, что жители Болгаріи получаютъ главный свой доходъ отъ земли. Это такъ далеко отъ истины, что вспомнивъ шерстяныя, шелковыя и бумажныя фабрики въ Филиппополѣ, его окрестностяхъ, и во всей Булгаріи; взглянувъ на великолѣпные каравансераи съ обширными по дорогѣ отъ Константинополя къ Филиппополю; зная, что торговля между столицею и этимъ городомъ находится почти вся въ рукахъ Булгаръ; видѣвъ какъ толпы ихъ отправляются въ извѣстное время года даже въ Алеппо на-встрѣчу персидскимъ караванамъ, и мѣняютъ тамъ собственныя издѣлія на богатыя ткани Сиріи, Персіи и Индіи, не говоря о другихъ мѣнахъ, какія они производятъ на обратномъ пути по берегамъ Малой Азіи; и основывая сужденіе только на этихъ простыхъ случаяхъ,—если бы не было вѣрнѣйшихъ основаній статистики, на которыя можно сослаться, — каждый рѣшительно скажетъ, что главнѣйшее богатство Болгаръ состоитъ въ ихъ мануфактурной и торговой предпріимчивости.

Между-тѣмъ какъ Г. Следъ называетъ источникомъ благоденствія Болгаріи то, что̀ не составляетъ ни малѣйшей его части, ни онъ, ни другіе новѣйшіе путешественники ничего не говорятъ о *коджа-баши*, «головѣ стариковъ», хотя вѣрно неразъ были они обязаны этому муниципальному чиновнику *квартирою и содержаніемъ*. У него есть

однакожъ дѣла гораздо выше смотрѣнія за удовольствіями неизвѣстнаго путешественника: можно утвердительно сказать, что коджа-баши есть учрежденіе несравненно мудрѣйшее, нежели всѣ выдумки либеральной Европы. Онъ посредникъ между правительствомъ и жителями, избираемый всѣми платящими подати; онъ представитель общественнаго мнѣнія и управляетъ имъ въ своемъ округѣ. Вникнувъ въ его положеніе, легко понять, какъ велико его вліяніе, которое онъ естественно обращаетъ противъ всего, что могло бъ нарушить спокойствіе общины. Такимъ образомъ, онъ мирно и отечески предупреждаетъ преступленія, и очень рѣдко принужденъ наказывать за совершенныя. Когда правительство налагаетъ новыя подати, онъ сзываетъ всѣхъ обязанныхъ платежомъ и предсѣдательствуетъ въ ихъ собраніи; требуемая сумма объявляется; платящіе сами раскладываютъ ее, назначая долю каждому, или относя всю подать къ такой вѣтви доходовъ, которая въ ихъ округѣ легче всего можетъ вынести увеличеніе налога. Это не сосредоточенная администрація депутатовъ спящей, шумной и безтолковой палаты, — администрація, для которой требуется и совершенное знаніе мелочныхъ подробностей мѣстности, и непзмѣримая сила общаго соображенія: это чрезвычайно простой и легкій рычагъ самаго кроткаго семейнаго управленія. Промышленость и торговля пользуются совершенною свободой, потому что казенные доходы собираются самыми необременительными способами, и правительство, легко *получая все*, что ему слѣдуетъ, не препятствуетъ

жителямъ покупать тамъ, гдѣ они находятъ дешевле и продавать тамъ, гдѣ для нихъ выгоднѣе. Общественная польза нигдѣ не жертвуется частной: здѣсь нѣтъ столкновенія выгодъ, во время котораго каждая старается сложить свою тяжесть на другую. Мѣстная выгода составляетъ общее начало управленія и вездѣ превосходно понимается самими жителями, тогда какъ въ сосредоточенныхъ администраціяхъ Англіи и Франціи главная забота состоитъ всегда въ томъ, чтобы соглашать разнородныя выгоды, приведенныя ею въ столкновеніе общими мѣрами и запутанныя парламентскими рѣчами. Эта простая стистема администраціи не производитъ законовъ, подающихъ поводъ къ мнимымъ преступленіямъ, но которыхъ совершеніе соединяется съ большими выгодами для преступниковъ и нечувствительно увлекаетъ ихъ къ попранію уставовъ нравственности, и природы. Она не выдумываетъ и не постановляетъ такихъ узаконеній, которыя обѣщаютъ нѣсколько блестящихъ послѣдствій съ одной стороны, а съ другой обширно распространяютъ стѣсненіе и бѣдность, какъ то поминутно случается въ представительныхъ правленіяхъ.

Такова въ особенности система администраціи въ Болгаріи. Любопытно было бы изслѣдовать начало столь замысловатыхъ учрежденій, обратившихъ орды, которыя нѣкогда грозили погибелью Европѣ, въ мирныхъ поселянъ, трудолюбивыхъ и искусныхъ ремесленниковъ, предпріимчивыхъ торговцевъ. Болгары принесли ли ихъ съ собою? Очень *возможно, потому*-что почти такія же учреж-

денія встрѣчаются у всѣхъ народовъ, перешедшихъ около того періода съ востока на западъ. Но хотя мы не знаемъ, кто былъ ихъ первымъ основателемъ, ничто однакожъ не даетъ намъ права презирать искусство, съ которымъ они составлены и примѣнены къ обширнымъ мѣстностямъ. Разсуждая объ учрежденіяхъ Турціи, никогда не должно говорить объ нихъ въ общихъ словахъ. Система ихъ не однообразна, потому-что отличительная черта оттоманскаго правительства состоитъ въ снисхожденіи его къ духу каждаго отдѣльнаго мѣста и даже къ привязанности его къ наслѣдственнымъ привычкамъ. Такимъ образомъ, учрежденія нагорныхъ странъ нѣсколько различны, но сношенія ихъ съ правительствомъ, касательно налоговъ и податей, почти тѣ же. На равнинахъ, система по большей части та же, что въ Болгаріи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она обработана болѣе, въ другихъ менѣе; въ третьихъ болѣе или менѣе злоупотребленій препятствуютъ ея свободному дѣйствію; но во всѣхъ низменныхъ странахъ, мы находили довольство и благоденствіе, соразмѣрныя съ состояніемъ гражданской образованности. Позволимъ себѣ спросить: кто изъ почтенныхъ путешественниковъ примѣтилъ въ Турціи эту великую черту восточной администраціи, это коренное различіе тамошняго общества отъ европейскаго? Стоитъ ли ѣздить на Востокъ для того, чтобы не видѣть самаго важнаго и удивительнаго и открыть только то, что Турки пьютъ кофе съ гущей и сидятъ поджавши ноги? Но мы *не преувеличимъ*, сказавъ, что эти господа не по-

нимаютъ даже и системы восточнаго кофеваренія, надъ которою изволятъ подшучивать.

Г. Следъ, думая, что прочность турецкаго правительства состоитъ въ фанатизмѣ и звѣрской силѣ, знаетъ такъ хорошо духъ и исторію этого государства, что почитаетъ улемовъ слишкомъ кроткими философами и увѣряетъ, что истребленіе янычаръ есть пагуба имперіи. Разсмотримъ этотъ послѣдній вопросъ, потому-что жалобы на истребленіе янычаръ дѣлаются теперь любимымъ предметомъ интересной грусти почти всѣхъ путешественниковъ.

Надобно имѣть очень ограниченное и грубое понятіе о правленіи, чтобы думать, что оно заключается все въ одной понудительной силѣ, въ одной власти заставить повиноваться себѣ. Конечно, понудительная сила содержится первоначально въ каждомъ учрежденіи; конечно, она имѣетъ вліяніе на его развитіе, но когда вы видите, чѣмъ оканчиваются въ Европѣ многія учрежденія, которыя возникаютъ подъ покровительствомъ силы и на другой день падаютъ по своей неумѣстности, и какъ между-тѣмъ другія учрежденія развиваются сами собою — не угодно ли спросить себя, какую пользу принесла бы султану рать янычаръ при нынѣшнемъ его предпріятіи? И въ какое время турецкое правительство опиралось на военную силу въ мирное время? Населеніе Европейской и Азіятской Турціи простиралось по-меньшей-мѣрѣ до тридцати милліоновъ; а янычаръ и всѣхъ другихъ войскъ никогда не было подъ ружьемъ и сорока тысячъ: *можетъ* ли это назваться силой

внутренняго охраненія? И наоборотъ, Египетъ состоитъ изъ двухъ милліоновъ жителей и Мехеммедъ-Али, до покоренія Сиріи, едва могъ съ шестидесяти-тысячною арміею усмирить феллаховъ — существъ кроткихъ, робкихъ, порабощенныхъ, достающихъ въ уничиженіи насущный хлѣбъ свой. Въ одной Кандіи необходимы были десять тысячъ войска для трехъ сотъ тысячъ жителей. Таковы слѣдствія европейскаго просвѣщенія на Востокѣ. Далѣе, въ независимой Греціи, гдѣ для 850,000 человѣкъ жителей содержится 10,000 войска, какъ въ правленіе Баварцевъ, такъ и Каподистріевъ, каждый день ожидаютъ возмущенія. Между-тѣмъ полиція въ Константинополѣ, гдѣ считается до шести сотъ тысячъ жителей, состоитъ изъ полутораста человѣкъ. Была ли она когда-нибудь многочисленнѣе? Со времени истребленія янычаръ палачи получаютъ жалованье почти безъ работы. Есть ли здѣсь политическія тюрьмы, какъ въ Парижѣ? Свободная Грецію тотчасъ завела у себя шпіоновъ: есть ли хоть одинъ шпіонъ въ Константинополѣ? Развѣ не сходятся Турки каждый вечеръ въ кофейныхъ домахъ и не разговариваютъ свободно обо всемъ? Развѣ не могли бъ они, еслибъ захотѣли, затѣвать измѣнъ и заговоровъ во время ночей рамазана, этихъ мусульманскихъ сатурналій?—тѣмъ болѣе, что тогда всякая полиція уничтожается? Слѣдственно, должна существовать другая стихія, которая соединяетъ это общество и содержитъ его въ порядкѣ, а не звѣрская сила. Покамѣстъ султанъ будетъ дѣйствовать *по направленію* этой стихіи, дотолѣ ему не будетъ

надобности въ помощи ни стариннаго ятагана, ни новаго штыка — а эта стихія есть глубокое чувство гражданской свободы, которымъ проникнутъ каждый Турокъ, и совершенное незнаніе свободы политической и западныхъ мечтательныхъ теорій. Стѣсни онъ гражданскую свободу и познакомь мусульманъ съ либеральными идеями, съ волшебствомъ пустыхъ и громкихъ словъ, которыя такъ страшно свирѣпствуютъ въ ушахъ Запада — вотъ и будутъ возмущенія — и надобно будетъ содержать нарочныя войска, чтобъ учить Оттомановъ благонамѣренности.

Но турецкое правительство удерживаетъ свои завоеванія силою, а представителями этой силы были янычары? Самый поверхностный взглядъ на исторію Турціи или Персіи и этой рати, показываетъ, что еще со временъ Мурада IV, если еще не ранѣе, присутствіе янычаръ было источникомъ внутренней слабости. Сколько разъ, въ самыя опасныя мгновенія для имперіи, когда непріятель уже вторгался въ ея предѣлы, султаны, собравъ своихъ каммердинеровъ, поваровъ и истопниковъ, защищались въ сералѣ отъ бунтующихъ ратниковъ, кастрюлями, лопатами и дровами? Знаютъ ли это пишущіе о Турціи? Но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что они вовсе не знаютъ турецкой исторіи. Янычары и въ мирное время всегда были первые къ возмущенію, всегда первые останавливали дѣйствія правительства. Они противились всякой перемѣнѣ, и хорошей и дурной. Селимъ III думалъ объ ихъ истребленіи, но въ то самое время какъ потерялъ любовь народа *введеніемъ* ошибочныхъ мѣръ фи-

нансовыхъ, переведенныхъ съ европейскаго. Янычары соединились съ недовольными, и Селимъ былъ сверженъ. Его неудача послужила урокомъ Махмуду. Махмудъ не сталъ смѣшивать съ посторонними предметами простаго вопроса о томъ, кто будетъ управлять Турціею—янычары или онъ; и они пали безъ всякой защиты со стороны народа; изъ самой среды ихъ явился человѣкъ, бывшій непосредственнымъ орудіемъ ихъ паденія. Всѣ согласно признаютъ Махмуда однимъ изъ искуснѣйшихъ правителей Турціи, лучше всѣхъ знающимъ ея исторію, и слѣдовательно лучше всѣхъ знающимъ истинныя основанія ея силы. Вѣдь не всѣ янычары погибли, а только одни зачинщики безпрестанныхъ заговоровъ и тѣ, которыхъ нашли вооруженными. Отчего же Египтяне не старались, во время послѣдней войны съ Турками, пробудить привязанность народа къ янычарамъ? Неужели это обстоятельство не открыло глазъ путешественникамъ, знающимъ политику паши, который усильно стремится подкрѣплять себя всѣмъ, что только можетъ ослабить Порту и уменьшить преданность народа къ султану? Албанцы бунтовали на западѣ Румеліи; когда Ибрагимъ-паша шелъ черезъ Азію къ Кютахіи—и онъ не покушался воскресить янычаръ. Почему жъ это? Потому-что ему было извѣстно, что народъ съ ненавистью произнесъ смертный приговоръ надъ этой жестокой ратью, а султанъ только исполнилъ его. Для насъ совершенно ново то, какимъ образомъ мѣра, удовлетворившая всѣхъ, можетъ клониться къ ослабленію правительства!

Этотъ софизмъ часто бываетъ усиленъ еще предположеніемъ, будто уничтоженіе дере-беевъ (начальниковъ долинъ) также уменьшило силу Порты. Г. Следъ, въ особенности, такъ хорошо понимаетъ учрежденіе дере-беевъ, что смѣшиваетъ ихъ съ аянами. Первые были нарушителями законовъ правительства, а аяны суть гражданскіе чиновники, которые первоначально были избирательны, такъ же какъ коджа-баши. Многіе изъ дере-беевъ успѣли прибрать къ рукамъ выгодныя привилегіи, и сдѣлали должность свою наслѣдственною. Прекративъ такія злоупотребленія, Порта показала только намѣреніе возвратиться къ прежнимъ началамъ народнаго правленія.

Но надобно привести еще нѣсколько примѣровъ разсѣянности и противорѣчій г. Следа. Смотря на безчисленныя зданія константинопольскія, онъ говоритъ:

«Естественно представляется уму вопросъ, какимъ образомъ существуютъ ихъ обитатели? Константинополь не представляетъ, какъ большія христіанскія столицы, пособій для тѣхъ, которые принуждены жить умомъ и смѣтливостью. Порокъ, великій питатель праздности, находится здѣсь подъ строгимъ прещеніемъ религіи. Торговля здѣсь небольшая, мало искусствъ, невелико число путешественниковъ. Богачи изъ разныхъ областей не пріѣзжаютъ сюда пожить. Самыя необходимыя вещи привозятся изъ отдаленныхъ странъ: хлѣбъ изъ Одессы, рогатый скотъ и овцы изъ Малой Азіи, сарачинское пшено изъ Филиппополя, дворовыя птицы изъ *Болгаріи*, плоды и вся зелень изъ Нико-

мидіи и Македоніи. Такимъ образомъ постоянная выдача денегъ производится безъ всякаго *видимаго* возврата, исключая въ казну или въ карманъ улемовъ. Всѣ эти мѣста могутъ назваться странами чуждыми: жители ихъ никогда не посѣщаютъ столицы для возстановленія равновѣсія. Хотя и не могу съ точностію опредѣлить доходовъ Константинополя, но постараюсь сдѣлать строгій очеркъ ихъ», и прочая.

Сказавъ, что непонятно, чѣмъ живутъ жители Константинополя, путешественникъ продолжаетъ: «На главнѣйшихъ фабрикахъ константинопольскихъ выдѣлываются шпажные клинки, ружейные стволы, трубки, сѣдла, золотые позументы, кисеи, шелкъ, кожи. Ружейные стволы необыкновенно хороши: ихъ дѣлаютъ изъ раскаленной и сбитой вмѣстѣ проволоки, набираютъ золотомъ, придаютъ имъ прекрасную переливчатую наружность, обдѣлываютъ перламутромъ, а замки оставляютъ черными. Пестрая кисея и всякія вышивки, иногда золотомъ и серебромъ, дѣлаются превосходнѣе всего, что̀ въ этомъ родѣ производится въ Англіи и Франціи. Съ большимъ искусствомъ дѣлаются также чубуки, серебряныя чашки для кофе и все что̀ принадлежитъ къ конской сбруѣ. Превосходство здѣшнихъ шерстяныхъ матерій, особенно ковровъ, и закалка турецкаго желѣза, слишкомъ извѣстны всѣмъ. Алкораны, отлично написанные и раскрашенные, прелестны, также какъ календари на длинныхъ свиткахъ пергамена. Турки довели до большаго совершенства красильное искусство; *ихъ* растительная краска sang de boeuf не-

подражаема и въ отливѣ и въ прочности. Въ дѣланіи монетъ, они уступаютъ только Венеціянцамъ».

Изъ другихъ частей сочиненія мы могли бы извлечь еще описанія другихъ искусствъ, процвѣтающихъ въ Константинополѣ. Развѣ этого недостаточно для избытка жителей и соразмѣрности ихъ приходовъ съ расходами? Еслибы авторъ также хорошо замѣтилъ выходы каравановъ и судовъ изъ Константинополя, какъ приходъ ихъ туда, онъ увидѣлъ бы, что равновѣсіе между столицею и областями возстановляется какъ и во всякомъ другомъ государствѣ, и что тутъ нѣтъ никакого чуда. Далѣе, сочинитель говоритъ намъ, что Турки наблюдаютъ приличія только по наружности, но что гаремы ихъ представляютъ однѣ сцены безпутства. Не по личному ли опыту г. Следъ утверждаетъ это? Мы всегда думали, что необузданность въ чувственныхъ удовольствіяхъ заглушаетъ всѣ кроткія и честныя чувства нашей природы, разрываетъ связи родства — и между-тѣмъ находимъ въ этихъ чувственныхъ скотахъ самыхъ нѣжныхъ родителей, самыхъ почтительныхъ, покорныхъ и послушныхъ дѣтей. По собственному сознанію сочинителя, законы Магомета позволяютъ Туркамъ имѣть четырехъ женъ, а между-тѣмъ многоженство у нихъ есть исключеніе изъ правила: общая мода — довольствоваться одною женою.

Вразсужденіи Грековъ г. Следъ замѣчаетъ довольно правильно, что они, нѣкоторымъ образомъ, пользовались преимущественнымъ покровительствомъ Порты въ числѣ всѣхъ ея подданныхъ. Это ведетъ г. *Следа* къ тому заключенію, что

Грекамъ совсѣмъ не на что жаловаться. Простое обстоятельство ихъ отчаяннаго возмущенія есть лучшій отвѣтъ на это. Люди этихъ странъ не бьются за теоріи; жалобы ихъ падаютъ всегда на что-нибудь существенное, хотя оно и можетъ скрыться отъ вниманія европейскаго наблюдателя, ищущаго въ облакахъ того, что лежитъ у него подъ ногами. Греки терпѣли угнетеніе, и особенно угнетеніе религіозное, оскорбительное для чувствъ всякаго гражданина. Правда, что обиды ихъ были преувеличены; положеніе ихъ было несравненно лучше нежели поселянъ многихъ другихъ странъ въ Европѣ, но тѣмъ не менѣе они жестоко страдали, и въ Турціи не было того устройства государственнаго, которое бы могло облегчить ихъ бремя или удержать ихъ въ повиновеніи. Г. Следъ съ товарищи, который такъ крѣпко стоитъ за благоденствіе Оттоманской Имперіи и такъ любитъ янычаръ, главной, по его мнѣнію, опоры ея могущества, долженъ бы вспомнить, что именно эта знаменитая опора и была источникомъ торжества Грековъ. Мы прибѣгнемъ еще разъ къ «Оттоманскому Монитёру», чтобъ показать, какъ сама Порта объясняетъ греческій вопросъ.

«Если Греція возстала противъ насъ—мы отвѣчаемъ, что обстоятельства скопились какъ бы нарочно длятого, чтобы благопріятствовать возстанію. Греція отдѣлилась, потому-что гражданская сила имперіи была лишена свободнаго дѣйствія отъ превосходства военной власти. Греція подняла оружіе въ духѣ тѣхъ же преобразованій, какія *представлялись* уже уму султана Махмуда. Эта са-

мая революція и способствовала его успѣхамъ; и если Греція теперь отдѣлена, такъ это потому, что впродолженіи первыхъ пяти лѣтъ возстанія правительство и оттоманскій народъ были еще подъ гибельнымъ владычествомъ янычаръ».

Г. Следъ, стараясь унизить вездѣ характеръ Грековъ, говоритъ даже, что ихъ литература имѣла мало вліянія на умственное развитіе народа. Мы готовы вѣрить, что г. Следъ не имѣетъ большихъ притязаній на ученость, но и въ этомъ случаѣ онъ подаетъ свое мнѣніе о вещи, которой вовсе не понимаетъ.

Оставимъ наконецъ въ покоѣ г. Следа, на котораго мы употребили болѣе времени, нежели сколько заслуживаетъ этого внутреннее достоинство его книги, и перейдемъ къ другому незабвенному наблюдателю Востока.

По предварительному знакомству со способностями и мнѣніями г. Корнилля, мы всегда считали его послѣднимъ человѣкомъ, отъ котораго можно ожидать, не обзора турецкихъ учрежденій, но даже вѣрной картины самыхъ обыкновенныхъ чертъ восточнаго общества. Легкомысліе, недостатокъ логики, были примѣтны во всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Страсть переходить къ заключеніямъ тотчасъ послѣ первыхъ посылокъ силлогизма, сооружать теоріи на пустыхъ основаніяхъ, представлять сравненія тамъ, гдѣ нѣтъ никакого сходства, не могла превратиться въ немъ въ способность къ дѣлу, требующему терпѣливыхъ изысканій и осторожности въ опредѣленіяхъ. Его политическое убѣжденіе заранѣе искривляетъ все

въ его глазахъ. Французскій республиканецъ, онъ хватается только за наружныя формы, дѣло замѣняетъ умозрѣніями и принимаетъ слова за вещи. Желая знать, счастливъ ли такой-то народъ, онъ ищетъ его хартій, не примѣчая того, что главная заповѣдь хартій собственнаго его отечества — «Всѣ Французы равны передъ лицемъ закона», есть жесточайшая насмѣшка надъ всѣми хартіями и надъ логикою его соотечественниковъ. Способенъ ли наблюдать общество тотъ, кто смотритъ на религію какъ на предметъ вкуса и осмѣливается даже шутить надъ нею! Онъ видитъ у Турковъ великія нравственныя добродѣтели, но только для того, чтобы, по случаю ихъ, ругаться надъ религіею своего отца и своей матери, которые вѣроятно были христіане. «Турки, утверждаетъ онъ, исключая гражданскихъ чиновниковъ ихъ племени, всегда говорятъ правду и всегда поступаютъ честно». Если это предположеніе справедливо—оно справедливо какъ нельзя болѣе—то изъ него слѣдуетъ, что учрежденія такого народа не могутъ быть совершенно дурны—какъ бы они ни были несходны съ республиканскими—потому-что этихъ добродѣтелей нельзя приписать особенному дѣйствію мусульманской вѣры: Персіяне—отъявленные лжецы и плуты, хотя они тоже магометане и еще набожнѣе Турокъ.

Г. Корнилль разсуждаетъ о магометанской религіи. Первое замѣчаніе его показываетъ, что ему совершенно неизвѣстны самыя обыкновенныя обстоятельства, которыя къ ней относятся. Онъ *смѣшиваетъ улемовъ*, «ученыхъ», то-есть законо-

вѣдцевъ, съ *эмирами*, «князьями», или потомками пророка, которыхъ отличительный знакъ есть, какъ извѣстно всякому ребенку, зеленая чалма. Послушайте, какъ этотъ великій наблюдатель, проживши три года въ Турціи, говоритъ объ улемахъ: «Родственники и дѣти Магомета, если вѣ«рить ихъ разсказамъ, повязываютъ голову трой«нымъ зеленымъ платкомъ, въ знакъ своего зна«менитаго происхожденія. Мы знаемъ, что зеленый «цвѣтъ былъ любимымъ цвѣтомъ пророка, и *одни «улемы имѣютъ право носить его*». «Улемы, про«должаетъ онъ, пользуются высокимъ уваженіемъ «по причинѣ зеленыхъ чалмъ своихъ, несмотря на «тупость своихъ понятій, вошедшую даже въ по«словицу». Мы весьма желали бъ знать эту пословицу о тупости улемовъ, класса, составленнаго изъ людей всѣхъ состояній, и въ который самъ г. Корнилль могъ бы попасть наравнѣ съ каждымъ Туркомъ, еслибы выдержалъ испытаніе въ мусульманскомъ правѣ: смѣемъ думать, что намъ извѣстно нѣсколько болѣе турецкихъ пословицъ, чѣмъ знаменитому французскому республиканцу, но о такой пословицѣ мы никогда не слыхивали. Наоборотъ, мы знаемъ одну русскую пословицу, которая весьма можетъ пригодиться для его политическихъ соображеній: когда кто несетъ вздоръ или дѣйствуетъ безтолково, наши солдаты говорятъ: «экая республика». Потомъ онъ разсказываетъ, что улемы составляютъ «привилегированное сословіе, ко«тораго собственность неприкосновенна». Г. Корнилль не говоритъ, какая собственность принадлежитъ этому сословію; но зато онъ открываетъ намъ

тайны его привилегій, по-крайней-мѣрѣ тайну главнѣйшей изъ всѣхъ — права быть истолченнымъ въ иготи, въ случаѣ смертнаго приговора! Просьба, которую онъ влагаетъ въ уста бѣднаго улема, идущаго на казнь и гнушающагося мыслію быть повѣшеннымъ подобно собакѣ, чрезвычайно остроумна: «Вы должны истолочь меня, государь! «Истолочь меня! Потому-что написано (вѣроятно «въ Алкоранѣ): Ты будешь истолченъ».—Вся книга въ такомъ родѣ. Мы чувствуемъ, что упомянувъ объ немъ, сдѣлали ему слишкомъ много чести, но упомянули длятого, чтобы показать публикѣ, какими сочиненіями подчиваютъ ее подъ именемъ «путешествій по Востоку», и что̀ такое французскіе журналы называютъ — un livre de haute portée.

Мы должны при этомъ случаѣ отвѣчать однажды навсегда на одно нелѣпое сравненіе, которое теперь въ большой модѣ почти у всѣхъ писателей. Г. Корнилль, подобно другимъ, сравниваетъ султана Махмуда съ Петромъ Великимъ—какъ-будтобъ между ними было какое-нибудь сходство кромѣ того, что Петръ Великій истребилъ стрѣльцевъ, а Махмудъ янычаръ! Больше ничего. И гражданскія установленія обоихъ народовъ, и ихъ предразсудки, и вліяніе, оказанное двумя повелителями—все было различно. Петру Великому надобно было бороться съ сословіями, сильными, многочисленными и имѣвшими свои привилегіи, а въ Турціи нѣтъ сословій—нѣтъ ни дворянства, ни духовенства, ни мѣщанъ, ни поселянъ; нѣтъ разря*довъ, нѣтъ* родословныхъ, ни частныхъ историче-

скихъ преданій, ни сосредоточенныхъ выгодъ. Тамошнее общество—ново, какъ было въ Сѣверной Америкѣ при учрежденіи Соединенныхъ Штатовъ. Изъ него можно все сдѣлать безъ большихъ усилій генія. Это масса, которой легко придать всякую форму, не переливая. Преобразователь вполнѣ свободенъ дѣйствовать, какъ ему угодно: стоитъ только захотѣть и приказать—особенно съ-тѣхъ-поръ какъ ниспровержено единственное сословіе, какое доселѣ существовало — янычары. Безсмыслицы, которыя г. Корнилль разсказываетъ о народѣ, «состарѣвшемся въ своихъ мнѣніяхъ и не-«поколебимомъ въ вѣрѣ», заставляютъ думать, что онъ разумѣетъ подъ этимъ перемѣну одежды. Какія жалобы слышалъ онъ въ народѣ въ 1833 году? Султанъ боялся, что презрѣніе ко всякимъ нововведеніямъ такъ долго обитало подъ чалмою и особеннаго рода платьемъ, что они всѣ трое сдѣлались неразлучными, и длятого онъ снялъ чалму и явился народу въ одной фескѣ, которую всегда носилъ внизу. Этотъ головной уборъ уничтожаетъ всѣ прежнія различія своимъ одинаковымъ покроемъ, и вотъ въ чемъ состояла тайна преобразованія турецкаго общества: стоило только снять чалму, чтобы всѣ головы сдѣлались равны. Право, это не хитро! Утверждать, какъ утверждаетъ г. Корнилль, что чалма есть такой же признакъ исламизма какъ крестъ христіанства, значитъ не имѣть понятія ни о той ни о другой вѣрѣ. Ему должно быть извѣстно, что въ числѣ мусульманъ есть много лицъ и классовъ, которые никогда не носили чалмы—напримѣръ артиллеристы, бомбардиры, дели,

дервиши и другіе. Персіяне, Афганцы, Узбеки принадлежатъ къ магометанскимъ народамъ и также не носятъ чалмы. Неужели авторъ не видалъ въ самомъ Константинополѣ Грековъ и Армянъ въ чалмахъ? Этотъ уборъ заимствованъ модою у Аравитянъ, которые употребляютъ его не по силѣ догматовъ вѣры, но для предохраненія головы отъ вреднаго дѣйствія солнечныхъ лучей.

Но вотъ что̀ можно было сказать: что многіе Турки, которые принимаютъ живѣйшее участіе въ возрожденіи своего отечества, желаютъ, не возвратить древній нарядъ, но промѣнять настоящій на что-нибудь болѣе восточное, единственно отъ страха, чтобы слишкомъ короткая дружба съ европейскими системами не измѣнила ихъ народнаго характера и духа. И это желаніе мы охотно раздѣляемъ съ ними. Оно постепенно усиливается въ лучшей части общества, и, безъ сомнѣнія, султанъ обратитъ на него свое вниманіе. Если когда-нибудь вмѣстѣ со шляпами, фраками и узкими панталонами, заведется между Турками парижскій либерализмъ, тогда въ Константинополѣ будутъ — двѣ чумы.

Мы уважаемъ г. Ламартина и не смѣемъ дѣлать никакихъ сближеній между его гармоническимъ и набожнымъ умомъ и легкомысліемъ его республиканскаго соотечественника — но не ему суждено было разгадать восточное общество. Въ его поступкахъ, разговорѣ, сочиненіяхъ, въ его прозѣ и стихахъ, трудно было замѣтить что-нибудь доказывающее способность его къ наблюденіямъ. Коротко сказать, онъ не имѣетъ тѣхъ качествъ космо.

полита, которыя необходимы для разсматриванія сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ общества, такъ различно устроеннаго отъ французскаго. Онъ совершенный Французъ. Онъ привыкъ дѣйствовать въ обществѣ, гдѣ много пустаго, много великихъ словъ безъ смысла, много смѣшнаго, пріятнаго и блестящаго. Онъ слишкомъ долго былъ законодателемъ, чтобы чувствовать потребность преобразованія своихъ мнѣній; слишкомъ долго былъ учителемъ, чтобы сдѣлаться ученикомъ. Одно качество поэта уже лишаетъ его способности къ политическимъ изслѣдованіямъ. Поэты, въ простыхъ обществахъ, были лучшими наставниками въ законодательствѣ и лучшими творцами системъ общественныхъ, потому-что предметомъ изученій ихъ была всегда природа, физическая или нравственная; но въ европейской системѣ, природа и политика такъ долго жили въ несогласіи между собою, что наблюдатель первой не постигаетъ нынче тайнъ второй и дотого не привыкъ къ дѣлу, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ политическія учрежденія основаны на самой природѣ, онъ, подобно г. Ламартину, не можетъ замѣтить связи ихъ съ нею.

Но здѣсь было еще другое препятствіе. Сочиненія г. Ламартина долго имѣли предметомъ остановить такъ-называемое *движеніе* во Франціи. Средствомъ къ тому онъ почиталъ возрожденіе привязанности своихъ соотечественниковъ къ католицизму. Пріѣхавъ въ страну, гдѣ онъ нашелъ, что способности маронитскихъ католиковъ развиты воспитаніемъ, сообщеніемъ съ итальянскими священниками и *собственною* ихъ понятливостью бо-

лѣе чѣмъ у сосѣдей ихъ, Друзовъ, неимѣющихъ никакой вѣры и прославившихся своимъ невѣжествомъ, онъ замѣчаетъ, что относительно къ своей нравственности, католики не пользуются въ Сиріи тѣмъ уваженіемъ, какое бы ему хотѣлось имъ доставить: магометане, управляющіе общимъ мнѣніемъ по причинѣ своей многочисленности и связи съ господствующею религіею, презираютъ ихъ. Г. Ламартинъ видитъ терпимость и полную достоинства снисходительность мусульманъ, чувствуетъ ихъ нравственное превосходство, но не смѣетъ сообщить объ этомъ открытіи самому себѣ. Такимъ образомъ, онъ приведенъ въ смущеніе, обремененъ ужасною тяжестью. Понятія его жестоко потрясены, но предразсудки остаются непоколебимыми. Ктомужъ, отправляясь въ путешествіе на Востокъ, онъ уже былъ огорченъ: оно было родъ добровольнаго изгнанія. Онъ оставилъ Францію въ минуту досады, возбужденной тѣмъ оборотомъ, какой принимали тамъ дѣла, и всегда желалъ имѣть предлогъ къ возвращенію. Мы видѣли его восторгъ, когда назначеніе въ депутаты Діеппа доставило ему этотъ предлогъ.

Съ такою борьбою чувствъ, онъ былъ слишкомъ занятъ и предубѣжденъ, чтобы видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. У него не было испытательнаго духа. Въ разговорѣ своемъ съ леди Стенгопъ, которая, несмотря на всѣ свои странности, могла бы доставить ему гораздо лучшія свѣденія о Сиріи, нежели какія онъ собралъ, онъ не обратилъ вниманія ни на одинъ предметъ, касающійся *Востока*. Сердце его стремилось къ Европѣ:

онъ говорилъ о Парижѣ, Лондонѣ, Флоренціи. Читатели наши знаютъ уже этотъ разговоръ — единственную часть книги, нѣсколько занимательную, и, вѣроятно, помнятъ мнѣнія, добродушныя до ребячества, которыя знаменитый поэтъ обнаружилъ при этомъ случаѣ о дѣлахъ Сиріи. Онъ вѣритъ всему, что̀ ни скажетъ его толмачъ, и тщательно подбираетъ всѣ сказки бейрутскихъ Франковъ.

Онъ путешествуетъ по Сиріи, чтобы опровергать сенсимонизмъ, и должно признаться, что онъ сдѣлалъ бо̀льшіе успѣхи въ знаніи его догматовъ, нежели въ изученіи восточныхъ обычаевъ. Французскіе критики, неспособные судить ни объ чемъ существенномъ, разбирали его слогъ, и одно ихъ замѣчаніе справедливо: всѣ его виды Востока такъ похожи другъ на друга, такъ одинаково зелены, утесисты, дики и очаровательны, что нѣтъ возможности различить ихъ между собою. Сверхъ-того авторъ такъ часто позволяетъ себѣ поэтическія вольности съ истиною, что нельзя сомнѣваться, что всѣ эти описанія были составлены въ Парижѣ по темнымъ воспоминаніямъ.

Но какое обширное поле для розысканій представляла ему Сирія! Возьмемъ, напримѣръ, Дамаскъ. Мы встрѣчаемъ въ этомъ торговомъ городѣ и кочующаго раба, и горца, и гражданина, и поселянина; нравы ихъ частію согласны, частію различны; глаза поражаются смѣшанными образцами и патріархальной системы, сохранившейся въ пустыняхъ, и нагорныхъ поколѣній, и гражданственности, *господствующей* на равнинахъ. Не-

ужели эти характеристическія черты не могли быть замѣчены умомъ испытательнымъ? Неужели этихъ явныхъ противоположностей недостаточно было для возбужденія всей дѣятельности мысли въ человѣкѣ съ высшими логическими способностями?

Цвѣтущее состояніе земледѣлія въ горахъ Ливанскихъ поражаетъ г. Ламартина, но только въ отношеніи живописномъ. Онъ удивляется стремнинамъ и искусственнымъ террасамъ ихъ, покрытымъ до самыхъ вершинъ хребта виноградными лозами и шелковичными деревьями. Отличною обработкой тѣхъ равнинъ, гдѣ присутствіе воды доставляетъ возможность бороться съ безплодіемъ почвы, онъ и не восхищается, потому-что она не такъ очевидна; и воображая, что онъ передаетъ намъ исторію нагорнаго правленія, онъ не покушается изслѣдовать причины этого благосостоянія. Читатели наши легко поймутъ, чему должно приписать его, когда мы скажемъ, что мѣстное управленіе основано здѣсь на тѣхъ же началахъ какъ въ Болгаріи; что земская собственность раздѣлена довольно правильно; что преступленія и наказанія почти неизвѣстны, исключая смутныхъ временъ; что мануфактурная и торговая промышленость очень велики. Не припишетъ ли г. Ламартинъ этихъ послѣдствій тому, что Маронаты католики? Но тѣмъ же благосостояніемъ пользуются здѣсь и Греки, и Друзы, и Мутевали, и Носейри.

Онъ подаетъ Маронитамъ надежду на блестящую *будущность*. Не постигаемъ, что̀ внушаетъ

ему эту надежду, которая кажется намъ мечтательною. Вѣрно лишь то, что, еслибъ не мусульмане, Марониты теперь уже не существовали бы! Фахръ-Эддинъ былъ послѣдній изъ князей друзскихъ. Марониты составляли въ то время секту небольшую, очень слабую, хотя и были образованнѣе Друзовъ. Естественно, что князь покровительствовалъ собственное поколѣніе и преслѣдовалъ Маронитовъ. По этой причинѣ, турецкое правительство смѣняло друзскихъ князей, и сдѣлало горнымъ владѣтелемъ мусульманина изъ благороднаго дамасскаго дома Шаабъ. Такимъ образомъ, правосудіе перешло въ руки человѣка, который могъ безпристрастно разбирать ссоры двухъ поколѣній, и междоусобія утихли; средства страны развились, и перевѣсъ высшей степени образованности и смѣтливости оказался такъ ясно, что теперь Марониты такъ же многочисленны какъ и Друзы, и безпрестанно увеличиваютъ число свое новообращенцами. Это равновѣсіе могущественно способствовало къ утвержденію благоденствія Ливанской страны. Нынѣшній князь Маронитовъ и Друзовъ, эмиръ Беширъ — христіанинъ, но онъ долго скрывалъ свое обращеніе, чтобы не повредить равновѣсію, хотя впрочемъ явно покровительствовалъ Маронитамъ. Одинъ изъ весьма ученыхъ англійскихъ критиковъ, но большой мусульманофилъ, порицалъ г. Ламартина за то, что онъ признаетъ эмира Бешира христіаниномъ, и приписывалъ это выдумкѣ сирійскихъ Франковъ. Мы должны принять сторону поэта, которому такъ мало удается сказать *что-нибудь* вѣрнаго о Востокѣ и

удостовѣрить критика, что г. Ламартинъ правъ; мы сами имѣли честь быть въ домашней церкви его свѣтлости. Тѣмъ не менѣе перемѣна вѣры со стороны царствующаго лица была несчастна для подданныхъ: послѣднія происшествія доказали это. Поколѣніе Друзовъ, замѣтивъ, какой вредъ причиняютъ ихъ обществу Мароните своимъ фанатизмомъ и ревностью къ обращеніямъ, взбунтовались и прогнали эмира Бешира. Онъ снова возведенъ былъ на престолъ небольшимъ отрядомъ турецкихъ войскъ, посланнымъ на помощь ему акрскимъ пашею. Изъ этого видно, что Ливанскія горы не такъ неприступны для Турковъ, какъ полагаетъ путешественникъ. Кромѣ-того, Мароните не любятъ согласія—въ партіи противной эмиру Беширу было много христіанскихъ шейховъ — а эта склонность къ раздорамъ жестоко мѣшаетъ блестящей будущности, которую г. Ламартинъ обѣщаетъ этимъ католикамъ для поддержанія своей теоріи и зато, что они одного вѣроисповѣданія съ нимъ.

Отсюда онъ продолжаетъ странствованіе до Іерусалима и тамъ только замѣчаетъ, что турецкая система не такъ глупа, какъ онъ давно рѣшился думать, и что она даже умнѣе иной представительной. Онъ подходитъ къ Святому Гробу съ понятіями и чувствами, восторженными до высочайшей степени. Онъ ожидалъ, что причетники, живущіе въ этой священной оградѣ, должны быть люди святые, набожные, благочестивые, давно забывшіе свѣтъ и его суеты, и вдругъ видитъ *ихъ корыстолюбивыми*, невѣждами, развратными;

слышитъ, что они шутятъ и ругаются подлѣ самаго Гроба; узнаетъ, какъ они стараются раздувать суевѣріе и фанатизмъ, чтобы ими пользоваться. Въ минуту горькаго разочарованія, онъ бросаетъ взоръ на мусульманскихъ стражей храма, и глазамъ его является досадная противоположность. Съ достоинствомъ и внимательностью оказывая уваженіе къ чувству, которое ведетъ сюда странника, они охраняютъ Гробъ, чтобы не допустить одного исповѣданія христіанскаго нарушать молитвы другаго: взаимная ненависть этихъ исповѣданій, къ несчастію, такъ велика, что они всегда готовы сдѣлать это, и безъ посредничества Турковъ Гробъ нашего Спасителя былъ бы недоступенъ. «Я не вижу причинъ, восклицаетъ онъ, обвинять и обижать Турковъ. Упреки въ звѣрской нетерпимости, которою ихъ опорочиваютъ, показываютъ только невѣжество обвинителей: *они единственный народъ по своей терпимости*». Такъ набожный путешественникъ переходилъ изъ одной крайности въ другую. Онъ и здѣсь былъ не въ состояніи открыть настоящей причины явленія: эта выспренняя вѣротерпимость іерусалимскихъ Турковъ есть только слѣдствіе денежнаго разсчета.

Мы не имѣемъ мѣста входить во всѣ ошибочныя мнѣнія, которыя проливаютъ такой ложный свѣтъ на всѣ картины восточнаго общества и быта, написанныя г. Ламартиномъ. Странная теорія, которую онъ создалъ себѣ о Востокѣ, была изложена въ рѣчи, торжественно произнесенной имъ по возвращеніи передъ собраніемъ представителей отечества, *и вся книга* есть только распро-

страненіе этой знаменитой рѣчи. Европа читала рѣчь въ газетахъ, и столько же изумлена была слабостью прозаическихъ сужденій того, чьи стихи составляли ея наслажденіе, сколько г. Ламартинъ вѣротерпимостью Турковъ. Какъ хорошо онъ понималъ Турцію, можно видѣть изъ того, что онъ принялъ ея жизненную силу за стихію разрушенія. Онъ такъ тонко оцѣнилъ преобразованія султана, что все, что̀ стѣсняетъ самовластіе чиновниковъ, обуздываетъ военную жестокость, защищаетъ собственность отъ грабежа, увеличиваетъ народныя средства, названо имъ основаніемъ слабости; такъ хорошо изучилъ духъ различныхъ поколѣній и вѣроисповѣданій, что, по его словамъ, всѣ они были бы въ союзѣ между собою, всѣ соединились бы симпатіей, еслибы власть Оттомановъ перестала связывать ихъ между собою; такъ хорошо читалъ исторію, что считаетъ возможнымъ объявить, посредствомъ простаго договора, Востокъ (нѣкогда Турцію) неутральнымъ государствомъ, и завести въ немъ образцовые города нравственности для возрожденнаго человѣка, и что, такимъ образомъ, посреди борющихся вѣръ, выгодъ и страстей мы увидимъ новый Элизіумъ, возобновленный, безъ его недостатковъ.

Французы, въ своемъ пустословіи, признали эту рѣчь достойною удивленія, исполненною новыхъ и глубокихъ видовъ, словомъ — un discours de haute portée. Тѣ, которые живутъ умомъ французскаго издѣлія, безъ-сомнѣнія, имъ повѣрили. Подробное опроверженіе этихъ грезъ было напечатано въ «*Аугсбурской* Газетѣ» и потомъ повторено съ замѣ-

чаніями въ «Оттоманскомъ Монитерѣ». Газета, въ своемъ опроверженіи, написанномъ, по словамъ ея, не на доказательства человѣка государственнаго, но на метафоры поэта, удачно противопоставляла добродушіе намѣреній г. Ламартина непослѣдовательности его логики. Въ безпокойствѣ своемъ объ укрѣпленіи силъ Востока, онъ озирается вокругъ, чтобы найти гдѣ-нибудь матеріялы къ его перестройкѣ; видитъ, что «подъ нашею блестящею образованностью» бѣдный страдаетъ и жалуется, и не придумаетъ ничего лучшаго къ исправленію зла въ своемъ отечествѣ — отправляясь въ законодательное собраніе — какъ совѣтовать самымъ несчастнымъ страдальцамъ этой образованности, самой порочной и безнравственной части народа, переселиться на «варварскій Востокъ», чтобы просвѣтить и возродить его. Такъ вотъ къ чему приводитъ автора торжественное человѣколюбіе?—бросить Деянирино платье западныхъ злоупотребленій на простоту восточныхъ нравовъ и учрежденій! Рѣчь г. Ламартина заключаетъ въ себѣ собственное свое опроверженіе, и если бы его знаменитые «Souvenirs» не напомнили объ ней, мы забыли бы ее, какъ слабость человѣка любезнаго и геніяльнаго, но погруженнаго въ мистическія созерцанія, болѣе близкія къ небесамъ, нежели къ землѣ.

Изо всѣхъ политическихъ и поэтическихъ путешествій по Востоку, которыхъ болѣе сорока томовъ перешло черезъ наши руки въ послѣдніе годы, одна только брошюрка, подъ заглавіемъ «Turkey, its ressources, its organisation and free trade», «Турція,

ея средства, государственное устройство и свобо
ная торговля», остановила наше вниманіе основ
тельностью нѣкоторыхъ взглядовъ, которые пок
зываютъ въ сочинителѣ человѣка наблюдател
наго и способнаго къ изслѣдованіямъ. Мѣсто
позволяетъ намъ уже вдаваться въ разборъ е
тѣмъ болѣе, что мы не раздѣляемъ всѣхъ ея мн
ній; заключимъ статью замѣчаніемъ, которое в
зываетъ само заглавіе брошюрки и покажемъ
шущимъ «путешествія по Востоку», что Тур
не есть предметъ, о которомъ можетъ говорп
всякій, кто знаетъ различіе между шляпою и ча
мою. То, до чего наука политической эконом
дошла посредствомъ умозрѣній и глубочайши
выводовъ; то, что̀ Европеецъ почитаетъ нын
верхомъ блаженства, сужденнаго не намъ, а бы
можетъ нашимъ потомкамъ черезъ нѣсколько с
лѣтій; то, что̀ «Санктпетербургская Коммерческ
Газета» весьма справедливо назвала однажды
чаломъ, отъ котораго людямъ никогда не слѣд
вало отступать, но къ которому, теперь, нѣтъ в
можности возвратиться, словомъ свободная тор
вля — это выспреннее наведеніе ума, озаренна
тысячью томовъ ученыхъ изысканій — свободн
торговля — искони существуетъ въ Турціи безъ
ѳедръ политической экономіи и проникаетъ в
ея государственное устройство. Кто этого не
нимаетъ и не видѣлъ, тотъ не долженъ писать
Турціи, потому-что, благодаря Бога, книгъ
стыхъ и безтолковыхъ и безъ того у насъ довольн

1835.

ДВА ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ГЕРОДОТОВУ ОПИСАНІЮ СКИѲІИ.

—

I. О ДРЕВНѢЙШИХЪ НАЗВАНІЯХЪ СЛАВЯНЪ.

II. О ГОЛУБОМЪ И ОГНЕННО-КРАСНОМЪ НАГОДѢ ВУДИНОВЪ.

—

При чтеніи статьи господина Эйхвальда *, заключающей въ себѣ столь свѣтлый разборъ скиѳской географіи Геродота, которая наконецъ попала въ руки ученаго естествоиспытателя, равно знакомаго съ классическою древностью какъ и съ природою описываемой мѣстности, многочисленныя воспоминанія прежняго моего, прилежнаго, изученія того же самаго предмета, естественно должны были пробудиться въ умѣ, и я рѣшился извлечь изъ нихъ нѣсколько замѣчаній, быть-можетъ не совсѣмъ безполезныхъ.

Прежде всего скажу нѣсколько общихъ словъ

* «О древнѣйшихъ обиталищахъ племенъ славянскихъ, финскихъ, турецкихъ и монгольскихъ въ южной Россіи, по Геродоту». Напечатана была въ одной книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» съ этими «Двумя Примѣчаніями». Изд.

о географическихъ изслѣдованіяхъ ученаго виленскаго профессора въ области Геродотовой Скиѳіи и Сарматіи. Никто безъ-сомнѣнія, во всемъ безконечномъ ряду толкователей Геродота, не соединялъ въ себѣ болѣе правъ на званіе объяснителя четвертой книги его исторіи, какъ г. Эйхвальдъ, который, обладая столь многообразными познаніями, прошелъ двѣ трети Россіи съ микроскопомъ натуралиста, и изучалъ обширныя полосы своего отечества не только съ наружной стороны, но и съ внутренней, внимательно наблюдая и то, что̀ дѣлается на землѣ, и то, что̀ кроется подъ землею. Столь тщательный и подробный обзоръ мѣстъ долженъ былъ озарить для него совершенно новымъ свѣтомъ древнѣйшій памятникъ землеописанія южной Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, это ясное и точное опредѣленіе обиталищъ Вудиновъ, или Вендиновъ, въ Пинскихъ болотахъ, могло быть плодомъ только подобнаго изученія мѣстности. Оно составляетъ новый фактъ въ исторической критикѣ, фактъ, утвержденный нынче и показаніями Геродота, и природою края, и любопытными этимологическими сближеніями автора. Руководствуясь своимъ превосходнымъ критическимъ взглядомъ, авторъ какъ-нельзя лучше привелъ въ ясность все Геродотово описаніе Скиѳіи, раздѣливъ его на двѣ категоріи, именно, на положительныя свѣденія, собранныя самимъ Геродотомъ, и на сказку о походѣ Дарія, слышанную отъ черноморскихъ Грековъ и которую онъ повторилъ буквально, не заботясь о томъ, что эта народная повѣсть, гдѣ

все перепутано и преувеличено, противорѣчить во многомъ собственнымъ его географическимъ показаніямъ. Лучшій изъ критиковъ по этой части, графъ И. Потоцкій, не сдѣлавъ этого раздѣленія, заведенъ былъ сказкою о походѣ Дарія, по слѣдамъ его, въ Тулу и Суздаль и тамъ помѣстилъ Будиновъ — предположеніе несбыточное, котораго, однакожъ, по той же причинѣ, должны были держаться и Бюшингъ и Гель. У г. Эйхвальда, напротивъ, всѣ части Геродотова разсказа укладываются сами собою въ самомъ естественномъ порядкѣ.

Все, что̀ самъ Геродотъ изслѣдовалъ, вполнѣ подтверждается у автора физическимъ образованіемъ странъ; все, что̀ отецъ исторіи приводитъ какъ преданіе о Даріевомъ походѣ, носитъ на себѣ печать легкомысленности и невѣжества тѣхъ, которые ему разсказывали. Это простое разложеніе повѣсти на ея природныя начала рѣшаетъ разомъ всѣ трудности и служитъ ключомъ къ простому и ясному понятію текста. Далѣе, прекрасное изслѣдованіе автора о значеніи словъ *тана*, *танъ*, *тона*, *дона*, *донъ*, *тенъ*, осязательно показываетъ, что запутанность произошла отъ существованія многихъ Танаисовъ въ разсказахъ того времени. Дунай, котораго имя Турки до-сихъ-поръ пишутъ *Тона*, а Германцы *Донау*, дѣйствительно назывался въ древности также *Тана* — съ греческимъ окончаніемъ, *Танаисъ*: это видно даже изъ римскаго названія его — *Danubis*. Страбонъ положительно объясняетъ намъ даже, что̀ такое звали въ древности Истеромъ, а что̀ было Дану-

висъ (*Дàнуисъ*, *Танаисъ*): одна только нижняя, приморская, часть Дуная извѣстна была Грекамъ подъ именемъ Истера; все верхнее теченіе напротивъ называлось Дáнувисомъ *. И это слово *тана* было очевидно скиѳское, быть-можетъ финскаго корня, потому-что Страбонъ тутъ же упоминалъ о другомъ имени Дуная, чисто-славянскомъ, *Màтова*, или *Матоа*. Мѣсто это пропущено въ нашихъ новѣйшихъ спискахъ Страбоновой географіи, но онъ находился въ спискѣ комментатора Евстафія, который приводитъ его слова **. Стефанъ Византіецъ еще прежде его говорилъ то же самое, очевидно по другому списку Страбона, полнѣйшему нежели всѣ наши. Такимъ образомъ ясно, что, въ древнѣйшемъ скиѳскомъ преданіи о походѣ Дарія, играла главную роль одна изъ рѣкъ Тана, или Танаисовъ. Эта Тана, или Танаисъ, положительно была Дунай, Дàнуй, Дàнувисъ — или Истеръ, какъ Греки называли ее поближе къ устью. Греки смѣшали ее съ рѣкою, которой они исключительно присвоили имя Танаиса, то есть, съ Дономъ, и послѣ этого они должны были заставить Дарія путешествовать по всей Скиѳіи, къ Будинамъ, Меланхленамъ и донскимъ Сарматамъ. Но, принимая за основаніе всего событія гетскій Танаисъ, или Дунай, гдѣ оно и случилось въ самомъ дѣлѣ, всѣ географическія несообразности сказки сами собою превращаются въ данныя, со-

---

* Rerum geographicarum, VII, 8.

** *In Dionysium* Perieget., vers. 301.

вершенно согласующіяся съ прочими показаніями Геродота.

Существованіе третьяго Танаиса въ вудинской землѣ, и примѣненіе общаго названія Славянъ — Вудины, Вендины, Анты — къ тюркскимъ, или днѣстровскимъ, поколѣніямъ Гетовъ, неизбѣжно проистекаютъ изъ того же критическаго факта, и такимъ образомъ всѣ остальныя трудности вопроса устранены проницательнымъ и блестящимъ разборомъ г. Эйхвальда. Многіе отличные критики, которыхъ нельзя упрекнуть въ словяноманіи, согласны нынче въ томъ, что Славяне всегда были туземными обитателями, что Даки и Геты рѣшительно принадлежали къ ихъ племени, что Вудины были того же корня какъ и Анты, и г. Эйхвальдъ прекрасно подтвердилъ намъ это разборомъ Геродотова описанія Скиѳіи. Но я сомнѣваюсь, даже имѣю поводы не вѣрить, чтобы сами Славяне когда-либо употребляли имя Вендовъ, Вендиновъ, Вудиновъ, Вандовъ, Антовъ, Энетовъ, и прочая, какъ родовое названіе своего племени. Нельзя и оспоривать, что финскія поколѣнія Скиѳовъ такъ ихъ называли, потому-что Финны и до-сихъ-поръ называютъ насъ Энтами, Вентами, Вине, Вене, Эне, и такъ далѣе. Поэтому греческіе колонисты береговъ Чернаго Моря, на которыхъ, какъ самъ Страбонъ пишетъ, и какъ мы видимъ изъ Овидія, гетскіе, сарматскіе и скиѳскіе народы были перемѣшаны, греческіе колонисты по-необходимости давали Славянамъ попеременно различныя названія Даковъ, или Даіевъ, Мызовъ (Moesi, Mysii), Будиновъ, Вудиновъ, Видиновъ (сокращенно Ви-

висъ (*Дáнуисъ*, *Танаисъ*): одна только нижняя, приморская, часть Дуная извѣстна была Грекамъ подъ именемъ Истера; все верхнее теченіе напротивъ называлось Дáнувисомъ *. И это слово *тана* было очевидно скиѳское, быть-можетъ финскаго корня, потому-что Страбонъ тутъ же упоминалъ о другомъ имени Дуная, чисто-славянскомъ, *Мáтова*, или *Матоа*. Мѣсто это пропущено въ нашихъ новѣйшихъ спискахъ Страбоновой географіи, но онъ находился въ спискѣ комментатора Евстафія, который приводитъ его слова **. Стефанъ Византіецъ еще прежде его говорилъ то же самое, очевидно по другому списку Страбона, полнѣйшему нежели всѣ наши. Такимъ образомъ ясно, что, въ древнѣйшемъ скиѳскомъ преданіи о походѣ Дарія, играла главную роль одна изъ рѣкъ Тана, или Танаисовъ. Эта Тана, или Танаисъ, положительно была Дунай, Дáнуй, Дáнувисъ — или Истеръ, какъ Греки называли ее поближе къ устью. Греки смѣшали ее съ рѣкою, которой они исключительно присвоили имя Танаиса, то есть, съ Дономъ, и послѣ этого они должны были заставить Дарія путешествовать по всей Скиѳіи, къ Будинамъ, Меланхленамъ и донскимъ Сарматамъ. Но, принимая за основаніе всего событія гетскій Танаисъ, или Дунай, гдѣ оно и случилось въ самомъ дѣлѣ, всѣ географическія несообразности сказки сами собою превращаются въ данныя, со-

---

* Rerum geographicarum, VII, 8.

** *In Dionysium* Periegel., vers. 301.

вершенно согласующіяся съ прочими показаніями Геродота.

Существованіе третьяго Танаиса въ вудинской землѣ, и примѣненіе общаго названія Славянъ — Вудины, Вендины, Анты — къ тюркскимъ, или днѣстровскимъ, поколѣніямъ Гетовъ, неизбѣжно проистекаютъ изъ того же критическаго факта, и такимъ образомъ всѣ остальныя трудности вопроса устранены проницательнымъ и блестящимъ разборомъ г. Эйхвальда. Многіе отличные критики, которыхъ нельзя упрекнуть въ словяноманіи, согласны нынче въ томъ, что Славяне всегда были туземными обитателями, что Даки и Геты рѣшительно принадлежали къ ихъ племени, что Вудины были того же корня какъ и Анты, и г. Эйхвальдъ прекрасно подтвердилъ намъ это разборомъ Геродотова описанія Скиѳіи. Но я сомнѣваюсь, даже имѣю поводы не вѣрить, чтобы сами Славяне когда-либо употребляли имя Вендовъ, Вендиновъ, Вудиновъ, Вандовъ, Антовъ, Энетовъ, и прочая, какъ родовое названіе своего племени. Нельзя и оспоривать, что финскія поколѣнія Скиѳовъ такъ ихъ называли, потому-что Финны и до-сихъ-поръ называютъ насъ Энтами, Вентами, Вине, Вене, Эне, и такъ далѣе. Поэтому греческіе колонисты береговъ Чернаго Моря, на которыхъ, какъ самъ Страбонъ пишетъ, и какъ мы видимъ изъ Овидія, гетскіе, сарматскіе и скиѳскіе народы были перемѣшаны, греческіе колонисты по-необходимости давали Славянамъ попеременно различныя названія Даковъ, или Даіевъ, Мызовъ (Moesi, Mysii), Будиновъ, Вудиновъ, Видиновъ (сокращенно Ви-

новъ, *Вине*), Энетовъ, Генетовъ, Гентовъ (сокращенно, съ пропускомъ носоваго звука, Гетовъ), впослѣдствіи даже Андовъ, и прочая, смотря по тому, черезъ посредство какого языка и племени черноморскіе Греки узнавали эти названія. Уже во время Перикла, Славяне бывали часто невольниками въ Аѳинахъ: Страбонъ ясно говоритъ это, толкуя (VII, 8) происхожденіе словъ *Даіосъ* и *Гета*. «Второе *древнее* раздѣленіе этого народа, пишетъ «онъ, и до-сихъ-поръ существующее, распредѣ«ляетъ его на Даковъ и Гетовъ: Гетами называ«ются тѣ, которые живутъ восточнѣе, поближе «къ Черному Морю, а Даками поколѣнія, обитаю«щія къ западу, около предѣловъ Германіи и вер«ховьевъ Дуная.... Отсюда и происходятъ имена «Гета» и «Даіосъ», которыя Аѳиняне большею «частью давали своимъ невольникамъ: тогда было «обыкновеніе называть невольниковъ по имени «ихъ родной страны». Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ присовокупляетъ, что Даки и Геты — то есть, Энеты, Энты, Эне, Вине, Видины, Вудины или Вендины — говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ. Въ наше время уже не подлежитъ никакому сомнѣнію ни спору, что Геты и Даки были чистые Славяне: къ убѣдительнымъ доводамъ другихъ изыскателей я могъ бы, изъ того же Страбона, еще привесть слѣды славянскихъ формъ въ окончаніяхъ на *ски, скій* или *скіе* тѣхъ народныхъ названій, которыя черноморскіе Греки узнавали черезъ прибрежныхъ Гетовъ, напримѣръ (VII, 3) Тугі*ski*, то есть, тюрійскіе (днѣстровскіе, Днѣ*стровцы*), вмѣсто обыкновеннаго Тугіі или Туга-

getæ; Skordi*ski*, вмѣсто Scordii; Tauri*ski*, вмѣсто Tauristæ или Taurii, и прочая: *нѣкоторые такъ произносятъ*, прибавляетъ Страбонъ, и могъ бы еще прибавить — *потому, что такъ произносятъ приморскіе Геты, или Славяне.* Но почему жъ, послѣ столькихъ и столь явныхъ доказательствъ, что Славяне всегда, постоянно, съ первыхъ историческихъ временъ, жили въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мы и теперь ихъ находимъ, почему, говорю я, имя «Славянъ» неизвѣстно ни Аѳинянамъ, которымъ они часто служили рабами, ни Геродоту, ни его преемникамъ? На это я уже прежде отвѣчалъ, когда, по поводу «Эймундовой Саги» имѣлъ случай коснуться вопроса о происхожденіи слова «Славяне». Оно — *ученое*, а не первобытное, названіе племени; оно принято имъ въ позднѣйшее время, а не выдумано первыми его предками для всего своего потомства. Это слово Славяне сами узнали только отъ Грековъ, когда Греки узнали его отъ Германцевъ, у которыхъ наше племя всегда именовалось Slave, Schlave, Sklave, и такъ далѣе, какъ у Финновъ именовалось оно Венде, Ванде, Анде, Эне, Вине. И это весьма естественно: всякое огромное племя раздѣляется на народы и поколѣнія, которые называются у себя по мѣстамъ своего жительства или по именамъ предводителей, и вовсе не думаютъ о общемъ племенномъ названіи. Я не знаю ни одного племени, которое бы первоначально имѣло свое родовое имя. Германцы его не имѣли: слово Deutsch водворилось уже на памяти исторіи, и то не вездѣ: Скандинавы и Англичане донынѣ *не признаютъ* его своимъ назва-

ніемъ, хотя они такіе же Deutsche, какъ и всѣ прочіе. Кельты никогда знать не знали, что всѣ ихъ одноязычники имѣютъ удовольствіе быть Кельтами, или Галлами: имъ сказали это книги иностранцевъ. Многочисленныя финскія поколѣнія не выдумали для своего племени никакого общаго прозванія, доколѣ ученые не позаботились объ этомъ. Курдъ никакъ не хочетъ называться Персіяниномъ, и разнообразное персидское племя, несмотря на разительное сходство своихъ языковъ и нарѣчій, живетъ безъ всякаго общаго наименованія. Сирійцы, Халдеи, Евреи и Аравитяне — всѣ происходили отъ одного корня; однакожъ не знали никакого племеннаго имени: уже оріенталисты дали ихъ породѣ титулъ Арамейцевъ. Турки впервые прочитали у Аравитянъ извѣстіе, что всѣ народы, говорящіе языками турецкими, должны называться Турками: при всемъ томъ, большая часть ихъ племени отвергаетъ это имя и донынѣ, а Оттоманы даже обижаются, если кто назоветъ ихъ *Тюрк*. Монголы также не имѣютъ племеннаго прозванія: только часть ихъ племени носитъ это имя, и то единственно потому, что домъ Чингисхановъ назывался *Монголъ*. Какимъ же чудомъ, на какомъ основаніи, и по какому странному изъятію изъ всеобщаго правила, одни Славяне имѣли бы, въ первобытныя и безграмотныя времена, особенное, незаимствованное, фамильное названіе для всѣхъ отдѣленій и подраздѣленій своего племени? Этого и быть никогда не могло! Тѣ, которые допускаютъ первобытный народъ *Славянъ*, или первобытный *языкъ* «славянскій», забываютъ первые, основ-

ные, факты сравнительной филологіи. Новгородцы, во время Нестора, напыщенно называли себя Славянами — Славянами по-превосходству — потому-что уже были грамотные, не имѣли никакого народнаго наименованія кромѣ Новогородцевъ, и узнали отъ первыхъ проповѣдниковъ христіанской вѣры, что они тѣ же Славяне, почти такъ же какъ мосьё Журденъ узналъ отъ своего учителя, что онъ во всю жизнь говорилъ прозою. Если было какое-нибудь общее имя, нѣсколько похожее на родовое прозваніе многочисленныхъ отраслей славянскихъ, связанныхъ между собою только тѣмъ, что всѣ онѣ говорили болѣе или менѣе близкимъ *Словомъ*, такъ это «Человѣкъ», имя, произносимое впрочемъ весьма различно — *чловекъ*, *шловекъ*, *словекъ*, *словакъ*, и прочая — и породившее у сосѣднихъ Германцевъ выраженія Slave, Schlave, Sklave, которыхъ смыслъ вовсе не далекъ отъ того, въ какомъ и мы сами часто употребляемъ выраженіе «человѣкъ». Но въ какомъ бы значеніи ни употреблялось у Германцевъ, но дѣло въ томъ, что у разныхъ славянскихъ поколѣній оно было поставляемо только въ противоположность выраженію *нѣмецъ*, не-умѣцъ, нѣмой на Слово, то есть, не говорящій Словомъ, а само теряло тутъ же свое первоначальное значеніе подлѣ мѣстнаго названія поколѣнія. Такимъ образомъ племя опять было безъ родоваго имени, и только «нѣмецъ» оставалось у него общимъ эпитетомъ для всѣхъ иноплеменниковъ и, весьма естественно, бранчивымъ эпитетомъ. Такія общія наименованія, и притомъ всегда обидныя, *выдумали* для постороннихъ всѣ

племена. У Аравитянъ *аджемъ* значило въ то же время *нѣмой, невѣжда* и *иностранецъ*. Греки, во время Гомера, хотя уже составляли одно семейство, не имѣли еще опредѣленнаго родоваго прозванія: между-тѣмъ они уже всякаго, кто не былъ Грекомъ, чествовали «варваромъ». Скажу болѣе: въ это время существовало въ греческомъ языкѣ одно слово, сочиненное буквально по образцу славянскаго «нѣмецъ»: это — νήπιος, *непіосъ*, которое составилось изъ *на*, нѣтъ, и *эпосъ*, рѣчь, слово, и значитъ «неговорящій», безсловесный, не умѣющій говорить, не-умецъ, нѣмецъ. Слово *варваръ*, получивъ болѣе общее приложеніе, отняло у *непіосъ* первоначальный смыслъ «иностранца», и этотъ эпитетъ поступилъ въ число простыхъ бранныхъ рѣченій со значеніемъ «безтолковый»; но между-тѣмъ, если хотите чувствовать всю силу, всю рѣзкость развязной простонародной рѣчи Гомера, въ слѣдующихъ стихахъ Одиссеи:

Πολλὰ δ' ὅγ' ἐν πόντῳ πάθεν ἄλγεα ὃν κατὰ θυμὸν,
Ἀρνύμενος ἥν τε ψυχὴν καὶ νόστον ἑταίρων.
Ἀλλ' οὐδ' ὣς ἑταίρους ἐρρύσατο, ἱεμενός περ.
Αὐτῶν γὰρ σφετέρῃσιν ἀτασθαλιῇσιν ὄλοντο,
Νήπιοι, οἳ κατὰ βοῦς ὑπερίονος ἠελίοιο
Ἥσθιον, —

то вы должны перевести ихъ по-русски простонароднымъ нашимъ языкомъ, единственнымъ изъ всѣхъ европейскихъ, на который можно буквально переводить Гомера, съ сохраненіемъ подлиннаго характера грубыхъ красотъ его:

«Многія-то онъ на-морѣ вытерпѣлъ печали на своемъ сердцѣ,

Хлопоча и о своей-то душѣ и о возвратномъ пути
товарищей.
Да все-таки товарищей не спасъ, хоть и желалъ:
Они собственными своими глупостями погибли,
Нѣмцы, зато что быковъ Солнца Высокохода
Покушали!»

Я увѣренъ, что ни одинъ умный Нѣмецъ не приметъ въ обиду себѣ этого сближенія: оно имѣетъ цѣлію простое филологическое изслѣдованіе равносильныхъ выраженій въ разныхъ языкахъ, ихъ древности, ихъ одинаковаго вездѣ состава и употребленія. Мы вовсе не обижаемся тѣмъ, что въ германскихъ языкахъ общее названіе Славянъ, Slave, Schlave, Sklave, передѣланное изъ нашего роднаго *Словекъ*, *шловекъ*, *чловекъ*, *человькъ*, имѣетъ также не очень лестное для насъ значеніе; и не болѣе станемъ тоже сердиться на древнихъ Грековъ за присвоеніе словамъ «Гета» и «Дакъ» того же смысла, какой, въ другой сторонѣ, Германцы сопрягли со словами Slave и Sklave. Я не знаю, что̀ такое собственно означало въ древнихъ финскихъ языкахъ слово *вендъ*, *андъ*, или *вине*, но увѣренъ, что оно тоже не было похвалою добродѣтелямъ нашихъ предковъ. Пока образованность не научила племенъ уважать другъ друга, они на всемъ лицѣ земли унижали своихъ сосѣдей употребленіемъ ихъ названій въ оскорбительномъ смыслѣ. Результатъ все тотъ же: имени Славянъ не существовало — не могло существовать — но Славяне жили всегда въ Европѣ, и извѣстны были Европейцамъ съ глубочайшей древности подъ именами Гетовъ, Даковъ, Энетовъ, Вудиновъ, Тюрисковъ, и прочая. У Финновъ они

слыли Вендами, у Германцевъ назывались Slave или Sklave, у Грековъ и Римлянъ не имѣли общаго названія и носили только частныя, мѣстныя, имена Даковъ, Гетовъ, Мызовъ, Тюрисковъ, Будиновъ, иногда Скиѳовъ, и сами не знали для себя никакого общаго названія, пока вмѣстѣ съ христіанствомъ и грамотностью не приняли ученаго термина «Славянъ». Желательно, чтобы этотъ важный фактъ этнографическій и филологическій былъ лучше понятъ тѣми, которые пишутъ у насъ о Славянахъ и ихъ языкѣ.

Нѣкоторые, увлекаясь иллюзіями корнесловія, хотѣли видѣть Славянъ даже въ Сарматахъ, которыхъ имя превращаютъ они въ Сербовъ. Ни слова сарматскія, которыя мы знаемъ, ни собственныя имена этого племени, которыя находимъ въ исторіи и на медаляхъ, не представляютъ ничего славянскаго. При разборѣ именъ Sarmatæ, Iassamatæ, и тому подобныхъ, надобно прежде всего помнить, что tæ есть окончаніе чисто греческое, которое должно отдѣлить отъ нихъ; а по отдѣленіи его мы получимъ названія *Сарма*, *Ясама*, и прочая, совершенно сходныя съ другими названіями финскихъ поколѣній, *Бярма*, *Вязма*, *Клязма*, *Мурома*, *Кострома*, и прочая.

Но я слишкомъ далеко уклонился отъ настоящаго предмета этой статьи. Вотъ въ чемъ дѣло: всѣ прежнія мои изысканія по части древней и средней географіи южной Россіи, которыя еще надѣюсь я издать со-временемъ, всегда вели меня къ убѣжденію, что въ общей этнографіи этихъ

странъ не произошло никакой существенной перемѣны съ начала историческихъ временъ — даже съ начала временъ героическихъ, такъ какъ, по доказательствамъ самого же Страбона, Геты жили при Дунаѣ уже въ Гомеровы годы — и что въ древней Скиѳіи искони обитали тѣ самыя три племени, Славяне, Финны и Турки, которыя и теперь раздѣляютъ между собою весь нашъ сѣверъ; и это убѣжденіе какъ-нельзя болѣе подкрѣпляется нынче прекрасными изысканіями г. Эйхвальда. Они превосходно и безъ натяжки возвращаютъ Геродотову Скиѳію въ ея естественныя границы, на ея настоящую родину, между Дунаемъ и Днѣпромъ, изъ которой вытѣсняли ее неосновательныя догадки прежнихъ толкователей. Они имѣютъ еще важное преимущество передъ всѣми подобными трудами именно тѣмъ, что основаны на тщательномъ изученіи мѣстности. Отдавая полную справедливость этому блистательному разбору Геродотова описанія Скиѳіи, я желаю теперь предложить одно замѣчаніе касательно знаменитаго спорнаго мѣста, которое относится къ цвѣту народа Будиновъ. Простой и, по мнѣнію моему чрезвычайно естественный, способъ, какимъ я объясняю это мѣсто, несмотря на свое несогласіе съ объясненіями, которыя донынѣ были предлагаемы, можетъ-быть, нѣсколько пособитъ къ приведенію въ ясность самаго страннаго изъ всѣхъ показаній Геродота, что Будины — народъ *голубой весь крѣпко и огненный*. Чтобы не затруднить многочисленныхъ читателей греческими письме-

нами, я, по примѣру г. Эйхвальда, буду выражать слова этого мѣста латинскими буквами.

Нѣтъ сомнѣнія, что принимая слова ethnos glaukòn pan ischyrôs kæ pyrrhòn въ буквальномъ ихъ значеніи, они не представляютъ другаго смысла какъ — «народъ голубой весь крѣпко и огненный». Ларшѐ, переводчикъ Геродота, и маіоръ Реннель, понимали эти слова точно такъ же, какъ понимаетъ ихъ и ученый профессоръ Эйхвальдъ, по мнѣнію котораго они значатъ, что Будины расписывали себѣ тѣло голубою и огненно-красною краскою. Г. Эйхвальдъ сверхъ-того приводитъ очень хорошія доказательства, что Будины могли дѣлать это, потому-что такое же обыкновеніе существовало и у ихъ сосѣдей. Потоцкій, Геренъ, Гель и Рихтеръ относятъ, напротивъ того, эпитетъ glaukòs, «голубой», къ глазамъ, а другое прилагательное pyrrhòs, «огненный», къ волосамъ, и переводятъ его словомъ «рыжій», такъ, что, по ихъ мнѣнію, Геродотъ хотѣлъ только сказать — народъ съ голубыми глазами и рыжими волосами.

Мнѣ кажется, что оба эти перевода невѣрны, и что обѣ стороны недовольно вникаютъ въ настоящій смыслъ текста.

Разберемъ сперва предположеніе, будто Будины расписывали себѣ *тѣло* голубымъ и огненно-краснымъ; маіоръ Реннель думаетъ даже, что они дѣлали это изъ кудесничества. Но, въ такомъ случаѣ, надобно допустить, что уже не суевѣрные сосѣди прославили ихъ кудесниками, страшась ихъ колдуновъ и грязнаго вида, а что они въ *самомъ дѣлѣ* занимались этимъ ремесломъ. Этого

Геродотъ не говоритъ. Притомъ ученый маіоръ, предполагая цѣлый «народъ колдуновъ», не сообразилъ одного важнаго обстоятельства: по законамъ природы, всему народу никакъ нельзя быть колдунами; надобно непремѣнно, чтобы одна половина народа колдовала другую — иначе нѣтъ прибыли отъ колдовства. Такимъ образомъ только половина многочисленнаго вудинскаго племени, то есть, колдующіе, должны были расписывать себѣ тѣло голубымъ и огненнымъ; вторая половина, колдуемые, не имѣла никакой надобности прибѣгать къ этому средству, а между-тѣмъ Геродотъ говоритъ, что «весь» народъ былъ крѣпко голубой и огненный. Оставимъ маіора Реннеля и, предположимъ съ другими, что расписываніе тѣла двумя красками было у нихъ обыкновеніемъ щегольства, какъ у островитянъ Южнаго Океана. Этого рода щегольство не совсѣмъ идетъ къ грязнымъ вошеѣдамъ, но такъ и быть. Возможно ли дѣло, въ сѣверномъ климатѣ, въ пинскихъ болотахъ, щеголять размалеваннымъ тѣломъ? Для этого надобно было бы ходить нагимъ, а Геродотъ описываетъ одежду Вудиновъ и говоритъ, что они одѣвались въ тулупы, sisyra. Очевидно, что если бы они и расписывали тѣло какою-нибудь краскою, этой живописи никто не могъ бы видѣть сквозь платье. Положимъ, что они татуировали себѣ руки и лицо: нѣсколько тонкихъ, мелкихъ узоровъ, разбросанныхъ на щекахъ и на верхней части кисти, конечно, не подали бы Геродоту повода назвать весь народъ «*крѣпко* голубымъ и огненнымъ». Наконецъ, послѣднее и *самое* важное возраженіе про-

тивъ расписыванія тѣла двумя такими красками состоитъ въ вопросѣ, на который прежде всего надобно было бы отвѣчать: какія красильныя вещества могли служить народу дикому и бѣдному для наведенія тѣла или лица крѣпко-голубымъ и огненнымъ, и откуда они ихъ добывали? Положимъ, что волынскій червецъ могъ доставлять имъ красную краску: но эта краска темна, грязна и вовсе неспособна придать чему бы то ни было цвѣтъ огненный или огненно-красный. Для крѣпко-голубаго цвѣта я не вижу другаго матеріяла кромѣ индиго, котораго Вудины навѣрное не употребляли.

Что касается до извѣстнаго стиха второй книги Виргиліевыхъ «Георгикъ», гдѣ поэтъ упоминаетъ о «*расписанныхъ* Гелонахъ», picti Gelones, то уже Гель весьма справедливо замѣтилъ, что въ изысканіяхъ этого рода на поэтическіе эпитеты никакъ полагаться невозможно. Притомъ, Вудиновъ называетъ Геродотъ «голубыми крѣпко и огненными», а не Гелоновъ, греческихъ выходцевъ, которые только построили себѣ городъ въ одномъ уголку земли вудинской, но совершенно отличались отъ нихъ и цвѣтомъ кожи, и видомъ, и происхожденіемъ, и нравами. Виргилій могъ заимствовать свое извѣстіе о «расписанныхъ» Гелонахъ изъ какой-нибудь плохой географіи, составленной для народнаго чтенія человѣкомъ, который, по обыкновенію компиляторовъ, не понялъ смысла источниковъ или исказилъ извѣстія своими прибавками. Подобными ошибками изобилуютъ и *наши новѣйшія* географіи. Зачѣмъ далеко искать.

Возьмемъ двѣ весьма извѣстныя у насъ книги этого рода: въ географіи, или статистикѣ, г. профессора Зябловскаго — не помню въ которой изъ нихъ — нашелъ я однажды, показаннымъ между произведеніями Китая, лекарственное снадобье *Эшну*, вѣроятно потому, что Китай по-нѣмецки называется China, а въ географіи Guthrie, подъ статьей «Вильна», сказано, что тамъ издревле существуетъ une célèbre école de navigation. Положимъ теперь, что Виргилій, который образовался самоучкою, случайно прочелъ творенія г. Зябловскаго или Guthrie: тогда онъ, вмѣсто picti Gelones, навѣрное выставилъ бы въ этомъ стихѣ Георгикъ chinophagi Sinae, или indomita Neptuni proles, aequoris domitores, Vilnenses — «хиноѣды Китайцы», или «непобѣдимые потомки Нептуна, укротители моря, Вильняне», и тѣ, кому нужны плохія доказательства для оправданія плохихъ переводовъ, ссылались бы подобно Ларшѣ и Реннелю на свидѣтельство Виргилія. Но чтожъ оно доказываетъ? Ровно ничего. Однимъ словомъ, авторитетъ Виргилія не можетъ поддержать мнѣнія, противнаго всѣмъ условіямъ критики и правдоподобія.

Что̀ касается до втораго объясненія, которое, въ Геродотовомъ текстѣ, относитъ голубой цвѣтъ къ глазамъ Будиновъ, а огненный къ ихъ волосамъ, то оно такъ смѣшно и противно логикѣ, что почти не заслуживаетъ разбора. Г. Эйхвальдъ самъ призналъ несбыточность этого толкованія, предпочитая ему скорѣй первое, котораго я только-что показалъ, кажется, всю невозможность. Онъ —

слыли Вендами, у Германцевъ назывались Slave или Sklave, у Грековъ и Римлянъ не имѣли общаго названія и носили только частныя, мѣстныя, имена Даковъ, Гетовъ, Мызовъ, Тюрисковъ, Будиновъ, иногда Скиѳовъ, и сами не знали для себя никакого общаго названія, пока вмѣстѣ съ христіанствомъ и грамотностью не приняли ученаго термина «Славянъ». Желательно, чтобы этотъ важный фактъ этнографическій и филологическій былъ лучше понятъ тѣми, которые пишутъ у насъ о Славянахъ и ихъ языкѣ.

Нѣкоторые, увлекаясь иллюзіями корнесловія, хотѣли видѣть Славянъ даже въ Сарматахъ, которыхъ имя превращаютъ они въ Сербовъ. Ни слова сарматскія, которыя мы знаемъ, ни собственныя имена этого племени, которыя находимъ въ исторіи и на медаляхъ, не представляютъ ничего славянскаго. При разборѣ именъ Sarmatæ, Iassamatæ, и тому подобныхъ, надобно прежде всего помнить, что tæ есть окончаніе чисто греческое, которое должно отдѣлить отъ нихъ: а по отдѣленіи его мы получимъ названія *Сарма*, *Ясама*, и прочая, совершенно сходныя съ другими названіями финскихъ поколѣній, *Бярма*, *Вязма*, *Клязма*, *Мурома*, *Кострома*, и прочая.

Но я слишкомъ далеко уклонился отъ настоящаго предмета этой статьи. Вотъ въ чемъ дѣло: всѣ прежнія мои изысканія по части древней и средней географіи южной Россіи, которыя еще надѣюсь я издать со-временемъ, всегда вели меня къ убѣжденію, что въ общей этнографіи этихъ

странъ не произошло никакой существенной перемѣны съ начала историческихъ временъ — даже съ начала временъ героическихъ, такъ какъ, по доказательствамъ самого же Страбона, Геты жили при Дунаѣ уже въ Гомеровы годы — и что въ древней Скиѳіи искони обитали тѣ самыя три племени, Славяне, Финны и Турки, которыя и теперь раздѣляютъ между собою весь нашъ сѣверъ; и это убѣжденіе какъ-нельзя болѣе подкрѣпляется нынче прекрасными изысканіями г. Эйхвальда. Они превосходно и безъ натяжки возвращаютъ Геродотову Скиѳію въ ея естественныя границы, на ея настоящую родину, между Дунаемъ и Днѣпромъ, изъ которой вытѣсняли ее неосновательныя догадки прежнихъ толкователей. Они имѣютъ еще важное преимущество передъ всѣми подобными трудами именно тѣмъ, что основаны на тщательномъ изученіи мѣстности. Отдавая полную справедливость этому блистательному разбору Геродотова описанія Скиѳіи, я желаю теперь предложить одно замѣчаніе касательно знаменитаго спорнаго мѣста, которое относится къ цвѣту народа Вудиновъ. Простой и, по мнѣнію моему чрезвычайно естественный, способъ, какимъ я объясняю это мѣсто, несмотря на свое несогласіе съ объясненіями, которыя донынѣ были предлагаемы, можетъ-быть, нѣсколько пособитъ къ приведенію въ ясность самаго страннаго изъ всѣхъ показаній Геродота, что Вудины — народъ *голубой весь крѣпко и огненный*. Чтобы не затруднить многочисленныхъ читателей греческими письме-

нами, я, по примѣру г. Эйхвальда, буду выражать слова этого мѣста латинскими буквами.

Нѣтъ сомнѣнія, что принимая слова ethnos glaukòn pan ischyrôs kæ pyrrhòn въ буквальномъ ихъ значеніи, они не представляютъ другаго смысла какъ — «народъ голубой весь крѣпко и огненный». Ларшѐ, переводчикъ Геродота, и маіоръ Реннель, понимали эти слова точно такъ же, какъ понимаетъ ихъ и ученый профессоръ Эйхвальдъ, по мнѣнію котораго они значатъ, что Будины расписывали себѣ тѣло голубою и огненно-красною краскою. Г. Эйхвальдъ сверхъ-того приводитъ очень хорошія доказательства, что Будины могли дѣлать это, потому-что такое же обыкновеніе существовало и у ихъ сосѣдей. Потоцкій, Геренъ, Гель и Рихтеръ относятъ, напротивъ того, эпитетъ glaukòs, «голубой», къ глазамъ, а другое прилагательное pyrrhòs, «огненный», къ волосамъ, и переводятъ его словомъ «рыжій», такъ, что, по ихъ мнѣнію, Геродотъ хотѣлъ только сказать — народъ съ голубыми глазами и рыжими волосами.

Мнѣ кажется, что оба эти перевода невѣрны, и что обѣ стороны недовольно вникаютъ въ настоящій смыслъ текста.

Разберемъ сперва предположеніе, будто Будины расписывали себѣ *тѣло* голубымъ и огненно-краснымъ; маіоръ Реннель думаетъ даже, что они дѣлали это изъ кудесничества. Но, въ такомъ случаѣ, надобно допустить, что уже не суевѣрные сосѣди прославили ихъ кудесниками, страшась ихъ колдуновъ и грязнаго вида, а что они въ *самомъ дѣлѣ* занимались этимъ ремесломъ. Этого

Геродотъ не говоритъ. Притомъ ученый маіоръ, предполагая цѣлый «народъ колдуновъ», не сообразилъ одного важнаго обстоятельства: по законамъ природы, всему народу никакъ нельзя быть колдунами; надобно непремѣнно, чтобы одна половина народа колдовала другую — иначе нѣтъ прибыли отъ колдовства. Такимъ образомъ только половина многочисленнаго вудинскаго племени, то есть, колдующіе, должны были расписывать себѣ тѣло голубымъ и огненнымъ; вторая половина, колдуемые, не имѣла никакой надобности прибѣгать къ этому средству, а между-тѣмъ Геродотъ говоритъ, что «весь» народъ былъ крѣпко голубой и огненный. Оставимъ маіора Реннеля и, предположимъ съ другими, что расписываніе тѣла двумя красками было у нихъ обыкновеніемъ щегольства, какъ у островитянъ Южнаго Океана. Этого рода щегольство не совсѣмъ идетъ къ грязнымъ вошеѣдамъ, но такъ и быть. Возможно ли дѣло, въ сѣверномъ климатѣ, въ пинскихъ болотахъ, щеголять размалеваннымъ тѣломъ? Для этого надобно было бы ходить нагимъ, а Геродотъ описываетъ одежду Вудиновъ и говоритъ, что они одѣвались въ тулупы, sisyra. Очевидно, что если бы они и расписывали тѣло какою-нибудь краскою, этой живописи никто не могъ бы видѣть сквозь платье. Положимъ, что они татуировали себѣ руки и лицо: нѣсколько тонкихъ, мелкихъ узоровъ, разбросанныхъ на щекахъ и на верхней части кисти, конечно, не подали бы Геродоту повода назвать весь народъ «*крѣпко* голубымъ и огненнымъ». Наконецъ, послѣднее и самое важное возраженіе про-

нами, я, по примѣру г. Эйхвальда, буду выражать слова этого мѣста латинскими буквами.

Нѣтъ сомнѣнія, что принимая слова ethnos glaukòn pan ischyrôs kæ pyrrhòn въ буквальномъ ихъ значеніи, они не представляютъ другаго смысла какъ — «народъ голубой весь крѣпко и огненный». Ларшѐ, переводчикъ Геродота, и маіоръ Реннель, понимали эти слова точно такъ же, какъ понимаетъ ихъ и ученый профессоръ Эйхвальдъ, по мнѣнію котораго они значатъ, что Вудины расписывали себѣ тѣло голубою и огненно-красною краскою. Г. Эйхвальдъ сверхъ-того приводитъ очень хорошія доказательства, что Вудины могли дѣлать это, потому-что такое же обыкновеніе существовало и у ихъ сосѣдей. Потоцкій, Геренъ, Гель и Рихтеръ относятъ, напротивъ того, эпитетъ glaukòs, «голубой», къ глазамъ, а другое прилагательное pyrrhòs, «огненный», къ волосамъ, и переводятъ его словомъ «рыжій», такъ, что, по ихъ мнѣнію, Геродотъ хотѣлъ только сказать — народъ съ голубыми глазами и рыжими волосами.

Мнѣ кажется, что оба эти перевода невѣрны, и что обѣ стороны недовольно вникаютъ въ настоящій смыслъ текста.

Разберемъ сперва предположеніе, будто Вудины расписывали себѣ *тѣло* голубымъ и огненно-краснымъ; маіоръ Реннель думаетъ даже, что они дѣлали это изъ кудесничества. Но, въ такомъ случаѣ, надобно допустить, что уже не суевѣрные сосѣди прославили ихъ кудесниками, страшась ихъ колдуновъ и грязнаго вида, а что они въ *самомъ дѣлѣ* занимались этимъ ремесломъ. Этого

Геродотъ не говоритъ. Притомъ ученый маіоръ, предполагая цѣлый «народъ колдуновъ», не сообразилъ одного важнаго обстоятельства: по законамъ природы, всему народу никакъ нельзя быть колдунами; надобно непремѣнно, чтобы одна половина народа колдовала другую — иначе нѣтъ прибыли отъ колдовства. Такимъ образомъ только половина многочисленнаго вудинскаго племени, то есть, колдующіе, должны были расписывать себѣ тѣло голубымъ и огненнымъ; вторая половина, колдуемые, не имѣла никакой надобности прибѣгать къ этому средству, а между-тѣмъ Геродотъ говоритъ, что «весь» народъ былъ крѣпко голубой и огненный. Оставимъ маіора Реннеля и, предположимъ съ другими, что расписываніе тѣла двумя красками было у нихъ обыкновеніемъ щегольства, какъ у островитянъ Южнаго Океана. Этого рода щегольство не совсѣмъ идетъ къ грязнымъ вошеѣдамъ, но такъ и быть. Возможно ли дѣло, въ сѣверномъ климатѣ, въ пинскихъ болотахъ, щеголять размалеваннымъ тѣломъ? Для этого надобно было бы ходить нагимъ, а Геродотъ описываетъ одежду Вудиновъ и говоритъ, что они одѣвались въ тулупы, sisyra. Очевидно, что если бы они и расписывали тѣло какою-нибудь краскою, этой живописи никто не могъ бы видѣть сквозь платье. Положимъ, что они татуировали себѣ руки и лицо: нѣсколько тонкихъ, мелкихъ узоровъ, разбросанныхъ на щекахъ и на верхней части кисти, конечно, не подали бы Геродоту повода назвать весь народъ «*крѣпко* голубымъ и огненнымъ». Наконецъ, послѣднее и самое важное возраженіе про-

тивъ расписыванія тѣла двумя такими красками состоитъ въ вопросѣ, на который прежде всего надобно было бы отвѣчать: какія красильныя вещества могли служить народу дикому и бѣдному для наведенія тѣла или лица крѣпко-голубымъ и огненнымъ, и откуда они ихъ добывали? Положимъ, что волынскій червецъ могъ доставлять имъ красную краску: но эта краска темна, грязна, и вовсе неспособна придать чему бы то ни было цвѣтъ огненный или огненно-красный. Для крѣпко-голубаго цвѣта я не вижу другаго матеріяла кромѣ индиго, котораго Вудины навѣрное не употребляли.

Что̀ касается до извѣстнаго стиха второй книги Виргиліевыхъ «Георгикъ», гдѣ поэтъ упоминаетъ о «*расписанныхъ* Гелонахъ», picti Gelones, то уже Гель весьма справедливо замѣтилъ, что въ изысканіяхъ этого рода на поэтическіе эпитеты никакъ полагаться невозможно. Притомъ, Вудиновъ называетъ Геродотъ «голубыми крѣпко и огненными», а не Гелоновъ, греческихъ выходцевъ, которые только построили себѣ городъ въ одномъ уголку земли вудинской, но совершенно отличались отъ нихъ и цвѣтомъ кожи, и видомъ, и происхожденіемъ, и нравами. Виргилій могъ заимствовать свое извѣстіе о «расписанныхъ» Гелонахъ изъ какой-нибудь плохой географіи, составленной для народнаго чтенія человѣкомъ, который, по обыкновенію компиляторовъ, не понялъ смысла источниковъ или исказилъ извѣстія своими прибавками. Подобными ошибками изобилуютъ и *наши новѣйшія* географіи. Зачѣмъ далеко искать!

Возьмемъ двѣ весьма извѣстныя у насъ книги этого рода: въ географіи, или статистикѣ, г. профессора Зябловскаго — не помню въ которой изъ нихъ — нашелъ я однажды, показаннымъ между произведеніями Китая, лекарственное снадобье *хину*, вѣроятно потому, что Китай по-нѣмецки называется China, а въ географіи Guthrie, подъ статьей «Вильна», сказано, что тамъ издревле существуетъ une célèbre école de navigation. Положимъ теперь, что Виргилій, который образовался самоучкою, случайно прочелъ творенія г. Зябловскаго или Guthrie: тогда онъ, вмѣсто picti Gelones, навѣрное выставилъ бы въ этомъ стихѣ Георгикъ chinophagi Sinae, или indomita Neptuni proles, aequoris domitores, Vilnenses — «хиноѣды Китайцы», или «непобѣдимые потомки Нептуна, укротители моря, Вильняне», и тѣ, кому нужны плохія доказательства для оправданія плохихъ переводовъ, ссылались бы подобно Ларшѣ и Реннелю на свидѣтельство Виргилія. Но чтожъ оно доказываетъ? Ровно ничего. Однимъ словомъ, авторитетъ Виргилія не можетъ поддержать мнѣнія, противнаго всѣмъ условіямъ критики и правдоподобія.

Что̀ касается до втораго объясненія, которое, въ Геродотовомъ текстѣ, относитъ голубой цвѣтъ къ глазамъ Будиновъ, а огненный къ ихъ волосамъ, то оно такъ смѣшно и противно логикѣ, что почти не заслуживаетъ разбора. Г. Эйхвальдъ самъ призналъ несбыточность этого толкованія, предпочитая ему скорѣй первое, котораго я только-что показалъ, кажется, всю невозможность. Онъ —

слишкомъ хорошій физіологъ, и слишкомъ уче
натуралистъ, чтобы въ числѣ породъ челов
скихъ допустить, съ Потоцкимъ, Гереномъ, Ла
Гелемъ и Рихтеромъ, появленіе цѣлаго *рыж
племени*. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ за такой стран
народъ, у котораго всѣ глаза голубые и всѣ
лосы рыжіе? Но этого даже нельзя допусти
по грамматическому смыслу греческой фразы
который съ умысломъ не вникаютъ приверже
втораго толкованія. У Геродота сказано — *на
голубой весь крѣпко:* что̀ же это за глаза *кр*
голубые?... синіе, что̀-ли? И надобно еще замѣ
что всѣ эти толкователи, при переводѣ с
ethnos glaukòn pan ischyrôs, принимаютъ
pan, «весь», за нарѣчіе, соединяющееся съ слѣ
щимъ нарѣчіемъ ischyrôs, и читаютъ pan-isch
такъ, что послѣ соединенія смыслъ фразы в
дитъ — «народъ, голубой *всекрѣпчайше*»,
крѣпко-на-крѣпко голубой». Относя это выр
ніе къ глазамъ, они прежде всего должны
спросить себя — какіе же это могли быть г
голубые *всекрѣпчайшимъ* образомъ? есть ли ка
нибудь смыслъ въ этомъ выраженіи? может
оно быть допущено у писателя яснаго, внима
наго и дѣльнаго? При всемъ уваженіи къ ло
столь знаменитыхъ ученыхъ, каковы Пото
Геренъ, Гель и Рихтеръ, долгъ справедлив
велитъ признаться, что они рѣшительно за
вляютъ Геродота сказать нестерпимую глуп
отъ которой этотъ умный человѣкъ пришелъ
самъ *въ огненно-красную* краску, еслибъ она
рвалась у него «изъ-за забора зубовъ», как

воритъ Гомеръ. Въ безтолковыя времена троянской войны, Минерва, богиня мудрости, сказала глупость вполовину меньше этой, а и тутъ Юпитеръ, отецъ боговъ, спросилъ ее *:

Τέκνον ἐμόν, ποῖόν σε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδόντων.

Если бы Геродотъ вздумалъ такимъ смѣшнымъ образомъ говорить о чьихъ-нибудь глазахъ, то ужъ скорѣе сказалъ бы онъ о сѣверныхъ глазахъ нашихъ, что они *всекрьпчайшимъ образомъ* сѣрые или *крьпко-на-крьпко* зеленые. Но оставимъ это непостижимое объясненіе, противъ котораго вопіютъ вмѣстѣ физіологія, здравый смыслъ и духъ греческаго языка: если есть чему-нибудь въ немъ удивляться, такъ это единственно тому, что столь отличный эллинистъ, каковъ Гель, могъ пристать къ нему и поддерживать его всѣми филологическими мѣрами въ разныхъ мѣстахъ своей Géographie d'Hérodote.

Что̀жъ такое разумѣлъ Геродотъ подъ словами glaukòn pan ischyrôs kæ pyrrhòn?

Прочь отъ меня всякая тѣнь мысли доказывать Швейггёйзеру, Ларшѐ, Міонне, Гелю и Реннелю, Герену, Потоцкому, Рихтеру, что они не знаютъ по-гречески. Я вполнѣ умѣю цѣнить ихъ умъ, ихъ труды, и удивляюсь ихъ глубокимъ познаніямъ; но между-тѣмъ не считаю непозволительнымъ думать, что всѣ они ошиблись въ этомъ мѣстѣ, и даже льстить себя надеждою, что, призвавъ на

* «Дитя мое, что̀ за вздорная рѣчь выскочила у тебя изъ-за частокола *зубовъ*?» — *Odyss.* A, 64.

помощь прежнія мои прилежныя упражненія въ классической литературѣ, я могу нѣсколько пособить имъ въ этомъ дѣлѣ своей крошкою свѣденій. Въ затруднительномъ и спорномъ пассажѣ, о которомъ идетъ рѣчь, никто изъ нихъ, кажется, не попалъ на настоящую точку зрѣнія, потому-что никто напередъ не сообразилъ и не предвидѣлъ всѣхъ возраженій, какія могутъ быть сдѣланы противъ того и другаго образа толкованія. Междутѣмъ, здѣсь повторяется исторія Коломбова яйца. Они, съ большими усиліями, искали ключа къ таинственному смыслу пассажа —

«А ларчикъ просто открывался!»

Способъ, какимъ я хочу объяснить это мѣсто, будетъ совершенно категорическій.

Я удержусь сначала отъ всякаго толкованія слова glaukòn, которое всѣ переводятъ словомъ «голубой», и слова purrhòn, которому всѣ придаютъ смыслъ словъ «огненно-красный» или «рыжій». Но —

I. Если я покажу, что, по свидѣтельству греческихъ писателей, не одни только Геродотовы Будины, но *всѣ вообще* Скиѳы были purrhi, то будетъ ясно, съ одной стороны, что Будины не были расписаны ни огненно-красною краскою, ни слѣдственно голубою, а съ другой, что они не были рыжіе, такъ какъ мы знаемъ, что прочіе Скиѳы не наводили себя никакимъ колеромъ и не слыли рыжими.

II. Если мы, посредствомъ сближенія этого мѣста съ другимъ мѣстомъ въ томъ же Геродотѣ,

удостовѣримся, что слова glaukòn и pyrrhòn относятся здѣсь прямо и исключительно къ *цвѣту кожи* Будиновъ, то будетъ очевидно, что оба эти эпитета вовсе не относятся ни къ глазамъ, ни къ волосамъ, а просто къ кожѣ, и притомъ не наведенной никакою краскою.

III. Если наконецъ мы найдемъ у древнихъ писателей, что цвѣтъ glaukòn на кожѣ Скиѳовъ происходилъ отъ вліянія нашего сѣвернаго воздуха, то надобно будетъ согласиться, что онъ долженъ составлять какое-нибудь явленіе, весьма обыкновенное у насъ и въ нынѣшнее время, и что притомъ онъ долженъ имѣть тѣсную связь съ цвѣтомъ glaukòn, который находился въ той же кожѣ.

Послѣ этого, намъ останется только доказать убѣдительно, что слово glaukòs, которое дѣйствительно значило «голубой», и pyrrhòs, которое несомнѣнно означало «огненный» и «рыжій», употреблялись еще въ греческомъ языкѣ первое (glaukòs) въ значеніи *бѣлокурый*, а второе (pyrrhòs) въ значеніи *веснушковатый*, покрытый веснушками; и тогда таинственный пассажъ Геродота представитъ намъ смыслъ удивительно простой, логическій, вѣрный во всѣхъ отношеніяхъ—а именно, что Будины были только народъ *бѣлокурый весь крѣпко и покрытый веснушками*. Лишь бы только намъ дойти правильно и безъ натяжки до такого смысла, а тамъ уже мы будемъ въ состояніи повѣрить этотъ фактъ, въ первой чухонской или русской деревнѣ, на нашихъ крестьянскихъ мальчишкахъ, которые и до-сихъ-поръ живутъ совершенно какъ *Будины и прочіе* Скиѳы, проводя весь

Божій день на солнцѣ и безъ шапокъ, и оттого дѣлаются *бѣлокурыми всѣ крѣпко и веснушковатыми.*

Имѣя здѣсь дѣло преимущественно съ ученымъ врачомъ, г. профессоромъ Эйхвальдомъ, я буду искать прежде всего доказательствъ въ Иппократѣ и Галенѣ.

Именно Иппократъ, который былъ почти современникъ Геродоту и еще лучше его зналъ Скиѳовъ, какъ это видно изъ весьма подробнаго описанія ихъ болѣзней и образа жизни *, Иппократъ говоритъ, что *всѣ* Скиѳы были pyrrhi. Вотъ его слова: «Въ Европѣ, напротивъ, есть народъ Скиѳовъ, который обитаетъ около Азовскаго Моря..... *Скиѳское поколѣніе видомъ—pyrrhòn* (веснушковато), *по причинѣ холода* **». Далѣе я приведу все это мѣсто. Здѣсь, для отвѣта на первый пунктъ, довольно видѣть, что между Скиѳами не одни Будины были pyrrhi, и что слѣдственно этотъ эпитетъ, примѣненный къ нимъ Геродотомъ, не можетъ означать ни рыжихъ, ни расписанныхъ какою бы то ни было краскою, тѣмъ болѣе, что холодомъ нельзя никого ни расписать, ни сдѣлать рыжимъ. Перейдемъ ко второму пункту.

Описавъ сложеніе Будиновъ и сказавъ, что они всѣ крѣпко glauki и pyrrhi (*голубые* и *огненно-красные,* какъ донынѣ переводятъ), Геродотъ начинаетъ разсказывать о Гелонахъ, и говоритъ, что

---

* Hippocratis De aëre, locis et aquis, sect. iij. Ex recens. Anutii Fæsii, 1657.

** *Ibid.* p. 291, 292.

они «не похожи на Вудиновъ ни *сложеніемъ* ни *цвѣтомъ* *». Цвѣтъ (chrôma) несомнительно относится здѣсь къ природному цвѣту кожи. Слѣдственно и тамъ, гдѣ онъ говорилъ о сложеніи и о цвѣтахъ glaukòn и pyrrhòn Вудиновъ, оба эти цвѣта относились прямо къ естественному, нераскрашенному, виду кожи.

Теперь третій пунктъ. Возвратимся къ Гиппократу, къ его прекрасной книгѣ «О воздухѣ, мѣстоположеніи и водахъ», изъ которой я уже привелъ показаніе, что все скиѳское племя—pyrrhòn. Здѣсь онъ объясняетъ, откуда цвѣтъ pyrrhòn происходитъ у Скиѳовъ, и само заглавіе книги показываетъ, что онъ долженъ приписывать его вліянію воздуха, мѣстоположенія и воды. Разсужденіе это очень длинно, и нѣтъ никакой надобности выписывать его цѣликомъ. Я приведу только главнѣйшія мѣста, которыя состоятъ въ связи съ нашимъ дѣломъ. «Въ Европѣ напротивъ есть народъ Ски«ѳовъ, который обитаетъ около Азовскаго Моря, «народъ различающійся со всѣми прочими: его «зовутъ Савроматами..... *Что̀ касается до тѣло«сложенія прочихъ Скиѳовъ*, то они всѣ похожи «между собою и не похожи на другихъ людей: то «же самое можно сказать и объ Египтянахъ, съ «тѣмъ только различіемъ, что эти зноемъ обезсиле«ны, а тѣ холодомъ. Такъ-называемая Скиѳская «Пустыня представляетъ равнину, луговидную, «нагую, посредственно обильную водой.... Она ле«житъ уже около самаго Медвѣжьяго Пояса и Горъ

*. Herodot. IV, 109.—οὐδὲν τὴν ἰδέην ὁμοῖοι οὐδὲ τὸ χρῶμα.

«Рипейскихъ, откуда дуетъ сѣверный вѣтеръ и гдѣ «солнце бываетъ уже очень близко къ предѣламъ «(уклоненія своего къ сѣверу), когда движется по «лѣтнимъ путямъ. Въ эту пору оно согрѣваетъ ее «на короткое время, и приходитъ туда нѣсколько «вѣтровъ, дующихъ изъ теплыхъ странъ, да и тѣ «рѣдки и слабы. Но изъ Медвѣжьяго Пояса без- «прерывно дуютъ вѣтры холодные отъ снѣгу, «льдовъ и обширныхъ водъ..... Жители употребля- «ютъ одну и ту же пищу, одну и ту же одежду, «зимою и лѣтомъ; дышатъ воздухомъ сырымъ и «густымъ; воду пьютъ изъ снѣгу и льду; тѣлес- «ныхъ упражненій никакихъ не имѣютъ..... По «этимъ причинамъ сложеніе у нихъ толсто и до- «родно, суставы мокры и безсильны, а желудки и «очень отягчены мокротами, особенно нижній. Да «и невозможно, чтобы тѣло нѣсколько просыхало «въ такомъ краѣ, по однимъ уже свойствамъ при- «роды и временъ года. Оттого, по причинѣ до- «родности и безволосья тѣлъ, всѣ тамъ похожи «другъ на друга, мужчина на мужчину, женщина «на женщину..... Женщины ихъ въ особенности «удивительно одутловатаго, лимфатическаго сло- «женія. *Веснушковато* (pyrrhòn) поэтому *племя скиѳ- «ское, отъ холода, такъ какъ палящаго солнца тамъ «не бываетъ:* такимъ образомъ *бѣлизна нагарает* «отъ холоду, и дѣлается веснушковатою (pyrrhè*).

---

* Если угодно, то и—*рыжею*, но «рыжее лицо» по-русски не говорится. Мы говоримъ—лицо веснушковатое или по- крытое веснушками, которыя Французы называютъ «пя- нами *рыжеволосости*», taches de rousseur. Вотъ греческій *текстъ этого* любопытнаго мѣста: Τὰ δὲ ϑήλεα ϑαυμαστὸν

«Такой породѣ нельзя и быть плодородной.....» и прочая. Возможно ли послѣ этого сомнѣваться, что̀ такое Иппократъ понималъ подъ *нагаромъ*, который появляется на *бьлизнѣ* отъ дѣйствія холода и вѣтровъ? Не очевидно ли изъ всего разсужденія, что онъ описываетъ бѣлокурыя и свѣтло-русыя, одутловатыя, мягкія, бѣлыя, физіономіи нашего края, которыя во время весеннихъ вѣтровъ такъ легко покрываются рыжеватыми пятнами? Какова бы ни была теорія веснушекъ, которую онъ предлагаетъ, дѣло въ томъ, что онъ дѣйствительно говоритъ объ этихъ пятнахъ, придающихъ части лица иногда рыжій, золотистый цвѣтъ, потому-что pyrrhòs, «огненный», значитъ въ греческомъ языкѣ также и «рыжій». Римляне, въ своемъ языкѣ называли такой цвѣтъ—rufus: у Марціала, въ четырнадцатой книгѣ, есть извѣстное выраженіе—rufus *цвѣтъ не совсѣмъ красный*, rufus, color non plane ruber, а Гигинъ, приводимый Гелемъ, говоритъ положительно въ одной своей баснѣ, что «латинское rufus и греческое pyrrhòs—слова однозначащія» *. Поэтому неосновательно многіе переводчики Иппократа переводятъ pyrrhòs латинскими fulvus и flavus, которые выражаютъ уже желтые цвѣта, а не оттѣнки краснаго. Ученый Кораи передалъ pyrrhòs французскимъ словомъ basané,

---

οἵτε ῥοϊκὰ εἶναι τὰ εἴδεα· πυῤῥὸν δὲ τὸ γένος ἐστιν τὸ Σκυθικὸν, διὰ τὸ ψύχος, οὐκ ἐπιγενομένου ὄξέως τοῦ ἡλίου. ὑπο δὲ τοῦ ψύχεος ἡ λευκότης ἐπικαίεται, καὶ γίγνεται πυῤῥὴ· πολυγόνον δὲ οὐχ εἶόν τε εἶναι φύσιν τοιαύτην.—Hipp. De aëre, locis et aquis, sect. 3, p. 292, T. I.

* Géographie d'Hérodote, I, 203.

«загорѣлый»: но это совсѣмъ несправедливо, и сверхъ-того несогласно съ общимъ содержаніемъ всей диссертаціи «корифея врачей». Во-первыхъ, Иппократъ положительно говоритъ, что скиѳское племя дѣлается purrhòn отъ *недостатка палящаго солнца и отъ холода*, что̀ конечно не производитъ загорѣлости, а во-вторыхъ — изъ чего бы онъ хлопоталъ такъ длинно описывать причины этого цвѣта, когда всѣ Греки были загорѣлые? Притомъ онъ и здѣсь упоминаетъ о «бѣлизнѣ», и далѣе приводитъ примѣры богатыхъ Скиѳовъ, которые естественно менѣе другихъ подвергались вліянію солнечныхъ лучей. Все его разсужденіе клонится къ тому, чтобы болѣзни Скиѳовъ и самый цвѣтъ purrhòs вывести изъ изобилія мокроты въ одутловатомъ тѣлѣ, которое *«въ такой землѣ* не можетъ достаточно *высохнуть»*. Сюда-то принадлежитъ, по его понятіямъ, и обильное отдѣленіе свѣтлорусаго пигмента, или окрашивающаго начала, который въ нашихъ климатахъ бросается весною въ лицо даже черноволосыхъ людей, выступаетъ черезъ его поры, застываетъ на его поверхности, по мнѣнію греческаго физіолога отъ холоду, не выжигается солнцемъ, и образуетъ, болѣе или менѣе рыжія пятнышки. Потому онъ и говоритъ, что бѣлизна «отъ холоду» покрывается *нагаромъ*, *нагараетъ*, epikæetæ, а не—*загараетъ*, kæetæ.

Въ греческомъ языкѣ были слѣдующія слова для выраженія главныхъ оттѣнковъ свѣтлыхъ волосъ: glaukòs, *бѣлокурый* (я скоро приведу доказательства, что glaukòs имѣло это значеніе); *xanthòs, свѣтлорусый*, *blond*; phæòs, *темнорусый*,

hatain, и purrhòs, *рыжій*. У древнихъ можно найти нѣсколько различныхъ и весьма подробныхъ опредѣленій цвѣта purrhòs, «огненнаго», смотря по тому, какъ кто представлялъ себѣ цвѣтъ огня, pur, который, какъ извѣстно, болѣе желтый, нежели красный, и еще смотря по предметамъ, къ которымъ примѣняли это слово. Такъ Платонъ въ «Тимеѣ» говоритъ, что цвѣтъ purrhòs «раждается изъ смѣси желтаго и коричневаго*». У Галлена, въ первой книгѣ, «О кризисахъ», есть предлинное разсужденіе о цвѣтѣ purrhòn, котораго всѣ оттѣнки, въ одномъ мѣстѣ, онъ заключаетъ между предѣлами бѣлаго, leukòs, и желтаго, xanthòs, пускаясь въ тонкости, не совсѣмъ понятныя, а въ другомъ причисляетъ къ грязному: «горькая желчь, говоритъ онъ, иногда кажется то purrhà, то желтая, то бѣлая: часто она болѣе клонится къ бѣлому и грязному, и тогда называется purrhà». Междутѣмъ, далѣе, онъ же уподобляетъ отливъ purrhòs цвѣту можжевеловой смолы, или сандарака. Вообще, Галенъ кажется, разумѣлъ подъ словомъ purrhòs цвѣтъ пепельный, сѣрый. Въ третьемъ мѣстѣ, забывъ свои опредѣленія, онъ примѣняетъ это же самое слово къ свѣтлорусымъ волосамъ, говоря, по Аристотелю, что Германцы, Иллирійцы, Далматы, Скиѳы и всѣ живущіе въ холодныхъ климатахъ имѣютъ на головѣ purrhàs trichas**. Но Иппократъ, азійскій Грекъ какъ и Геродотъ, при жизни котораго онъ родился, Иппократъ рѣши-

* Ξανθοῦ τε καὶ φαιοῦ χρόας γίγνεται.

** Aristot., Quaestiones naturales, sectio ult., quaest. 2. — Galenus, de Temp. *libro II.*

тельно принималъ слово pyrrhòs въ значеніи «рыжій», и въ одномъ мѣстѣ «Афоризмовъ» называетъ этимъ словомъ красноватыя песчинки, а въ прогностикахъ говоритъ о болѣзненномъ цвѣтѣ мочи—pyrrhòn ouron. Слѣдовательно, когда то же самое слово примѣняетъ онъ къ кожѣ лица, оно не можетъ означать никакого другаго цвѣту кромѣ рыжаго, кромѣ того, какой веснушки придаютъ природной *бѣлизнѣ*, leukótes.

Но довольно о цвѣтѣ pyrrhòs: кажется ясно, что ни Геродотъ, ни Гиппократъ вовсе не думали о волосахъ Скиѳовъ, и что, слѣдственно, такъ какъ въ ихъ сторонѣ, вѣкѣ и нарѣчіи, pyrrhòs значило «рыжій», то они говорили только о рыжеватомъ цвѣтѣ лица, происходящемъ отъ особеннаго «нагара», называемаго веснушками. Всѣ эти подробности могли еще убѣдить читателя въ другой истинѣ, именно, что одни и тѣ же эпитеты цвѣтовъ принимались въ разныхъ странахъ и діалектахъ Греціи въ совершенно различныхъ значеніяхъ. Такъ, я надѣюсь еще показать, что эпитетъ glaukòs, «голубой», употреблялся тоже въ смыслѣ — свѣтлый, бѣлокурый. Эта часть изысканія будетъ гораздо легче и короче, потому-что уже Гель, во время своего спора о Гомеровой glaukopis Athene, выраженіи, которое обыкновенно переводятъ «голубоглазая Минерва», собралъ множество примѣровъ употребленія словъ и glaukòs и glaukopis въ смыслѣ *—свѣтлый, блестяще-бѣлый*, и слѣдственно, по-нашему, «бѣлокурый». Гомеръ употреблялъ слово ops въ значеніи *видъ, лицо*, а не «глаза» или «взоръ»: *это уже* приведено нынче въ надлежащую ясность.

е Діодоръ Сицилійскій смѣялся надъ тѣми,
орые glaukopis Athene толкуютъ—«голубогла-
» Минерва, и говорилъ, что это выраженіе зна-
о только *голубовидная* Минерва, потому-что она
бражала воздухъ, и символически такъ назы-
ась. Новѣйшія открытія по части полихроміи
ковъ показали осязательно, что они раскраши-
и свои идолы подобно Египтянамъ, у которыхъ
а боговъ до-сихъ-поръ являются размалеван-
ли желтою, красною или голубою краскою:
довательно glaukopis Athene имѣло еще болѣе
ый смыслъ — *голуболицая* Минерва. Сверхъ-
о есть нѣсколько примѣровъ у Теокрита и Эв-
ида, гдѣ Минерва названа уже не glaukopis, а
сто glaukà, «голубая». И такъ какъ это слово
омнѣнно принималось, во многихъ мѣстахъ,
бенно у азійскихъ Грековъ, въ значеніи—свѣт-
і, свѣтло-лицый, свѣтловолосый. бѣлокурый, то
ъ откуда и произошло, что поэты и живописцы
ли придавать волосамъ Минервы столь извѣст-
і блѣдно-желтый оттѣнокъ. Что̀ касается до это-
тораго значенія словъ glaukà и glaukopis—свѣт-
ицая, свѣтло-волосая, бѣлокурая—то оно не-
овержимо доказывается выраженіями древнихъ
говъ glaukopis mene, glaukà selene, свѣтло-ли-
, свѣтлая, бѣлая луна. Никто, я думаю, не ста-
ъ утверждать, чтобы это значило—голубогла-
или голубая луна. Эвстаѳій, знаменитый ко-
таторъ Гомера, по случаю 206-го стиха второй
ни «Иліады» положительно говоритъ, что glaukòs
ачало также бѣловатый цвѣтъ или, по его сло-
ъ, «*подъ-бѣлый* (hypoleukon), свѣтлый и мило-

видный». Схоліастъ Аполлонія Родосскаго объясняетъ, по случаю Денницы, Eô, что charops (радостно-лицый) и glaukòs суть синонимы и оба значатъ —свѣтлый. Да это и быть не могло иначе: glaukòs, и leukòs, (бѣлый), происходятъ въ греческомъ языкѣ отъ одного корня glaô, glaussô или laô, laussô и leussô, быть свѣтлымъ, свѣтиться, бѣлѣть, такъ что glaukòs есть только измѣненіе leukos, и если второе значило чисто бѣлый цвѣтъ, первое естественно выражало бѣловатый—«подъ-бѣлый», какъ говоритъ Эвстаѳій. Слѣдовательно тогда, какъ въ одной сторонѣ, именно у іонійскихъ Грековъ, оно сохраняло первобытное свое значеніе—свѣтлаго, свѣтло-лицаго, бѣлокураго, въ другой произвели совершенно такой же звукъ, glaukòs, отъ glaux, «сова», у которой глаза голубые, и вотъ откуда произошло второе значеніе — «голубой» или, правильнѣе, «совиный» цвѣтъ: это были два различныя слова glaukos, изъ которыхъ одно значило—свѣтло-волосый, бѣлокурый, а другое—голубой. Я не буду настаивать долѣе на эти различія, потому-что они слишкомъ ясны для каждаго и очень вѣрно опредѣлены древними поэтами и ихъ схоліастами. Любители мелочныхъ доводовъ могутъ найти ихъ множество въ занимательныхъ изслѣдованіяхъ Геля о голубоглазой Минервѣ. Замѣчу только, что у тѣхъ Грековъ, которые glaukòs употребляли въ значеніи «свѣтлый,» свѣтло-русый, бѣлокурый—голубой цвѣтъ выражался обыкновенно словомъ *charops*, которое въ другихъ мѣстахъ, и собственно, значило «миловидный», ясный, веселый, *пріятный для* глазъ.

Мнѣ остается еще показать, что, въ вѣкѣ Геродота, и именно у азійскихъ Грековъ, слово glaukòs дѣйствительно принималось въ смыслѣ «бѣлокурый», и я прибѣгну опять къ Иппократу. Въ изложеніи физіогномическихъ примѣтъ, описавъ брюнетовъ съ глазами большими, *черными* (mélanes), онъ ставитъ въ противоположность имъ слѣдующее*: «глаза *голубые* (chaorì), большіе, голова ма«лая, шея тонкая, грудь узкая, показываютъ благо«устроенное тѣлосложеніе; при малой головѣ, нель«зя быть ни заикою, ни лысымъ, развѣ ужъ бу«дешь glaukós», то есть, *бѣлокурый*. Это такъ чисто какъ золото. Никто не вздумаетъ утверждать, будто-бы glaukòs можетъ означать здѣсь «голубо-глазый», потому-что въ началѣ періода голубые глаза уже поименованы: предположивъ это, надобно было бы допустить, что Иппократъ сказалъ нелѣпость. Какой смыслъ представитъ тогда все это разсужденіе? Если у тебя *глаза голубые* и голова малая, то нельзя тебѣ быть лысымъ, *развѣ ужъ будешь голубо-глазый!* Притомъ же голубые глаза, при темныхъ или черныхъ волосахъ, ни мало не подвергаютъ головы опасности скоро сдѣлаться лысою. Кажется, что это мѣсто, котораго, сказать мимоходомъ, Фезіусъ вовсе не понялъ, торжественно подтверждаетъ предлагаемое мною объясненіе, и что послѣ того знаменитый

---

* (Ὀφθαλμοὶ) χαροποὶ, μεγάλοι, κεφαλὴ σμικρὴ, αὐχὴν λεπτὸς, στῆθεα στενὰ—εὐάρμοστοι· κεφαλὴ σμικρὴ, οὐδ' ἂν εἴη τραυλὸς, οὐδὲ φαλακρὸς, ἢν μὴ γλαυκὸς εἴη. Hipp. De morbis vulgaribus, lib. 2, sect 6.

вопросъ о голубомъ и огненномъ народѣ Будиновъ можно считать разрѣшеннымъ удовлетворительно и по всѣмъ правиламъ классической критики.

Этотъ народъ былъ, не голубой, а *бѣлокурый* весь *крѣпко;* не огненный или огненной-красный, а *покрытый веснушками*, веснушковатый или, если угодно, «рыжелицый», если подъ этимъ словомъ согласимся разумѣть цвѣтъ, который лицу сообщаютъ веснушки. Я смѣю думать, что мой переводъ одинъ изъ всѣхъ донынѣ предложенныхъ удовлетворитъ требованіямъ и греческой филологіи, и физіологіи, и мѣстности, и яснаго, ненатянутаго смысла; онъ имѣетъ еще и то важное преимущество, что въ немъ только одномъ Геродотово нарѣчіе «крѣпко», ischyrôs, находитъ себѣ употребленіе раціональное, естественное, строго логическое. *Крѣпко бѣлокурый* — вотъ настоящій, единственный, возможный смыслъ спорной фразы; и мы видѣли изъ Гиппократа, что все тѣлосложеніе Скиѳовъ, слабое, одутловатое, лимфатическое, въ точности соотвѣтствовало характеру «крѣпко-бѣлокурой» породы, какую мы до-сихъ-поръ видимъ у себя на сѣверѣ, хотя она уже значительно уменьшилась отъ смѣшенія расъ и лучшаго образа жизни, и продолжаетъ быстро уменьшаться.

Я очень сожалѣю, что обстоятельство, которое многимъ изъ моихъ читателей можетъ показаться незанимательнымъ или маловажнымъ, заняло столько мѣста въ журналѣ, посвященномъ ихъ удовольствію. Кромѣ ученаго автора статьи о Геро-

дотовой географіи Скиѳіи, съ которымъ пріятно спорить, немногіе вѣроятно обратятъ полное вниманіе на предметъ этого разсужденія, и весьма немногіе будутъ въ состояніи судить о существѣ его съ приличнымъ знаніемъ дѣла. Я только теперь объ этомъ и подумалъ: еслибъ разсудилъ прежде, я навѣрное и не начиналъ бы этого пренія, которое можетъ возбудить любопытство только очень ограниченнаго круга слушателей, а прочимъ должно показаться даже злоупотребленіемъ ихъ терпѣнія и времени. Тѣ только, которые приняли въ молодости купель классической филологіи и потомъ съ удовольствіемъ погружались въ бездны ея критики, извинятъ длинноту этихъ замѣчаній, потому-что они знаютъ, какъ легко при подобныхъ изысканіяхъ множатся воспоминанія и безпрерывно завлекаютъ васъ въ новыя справки, повѣрки, сближенія, доказательства. Я очень хорошо понимаю, какимъ образомъ иные могли написать цѣлые томы объ одной запятой въ текстѣ классическаго писателя.

Вотъ уже второй разъ имѣю я честь поддерживать мнѣніе несогласное съ понятіями знаменитаго виленскаго профессора. Въ первый разъ дѣло шло о древнемъ теченіи Оксуса, который, по общепринятому повѣрію въ ученомъ свѣтѣ, основанному также на худо-обсуженномъ показаніи Геродота, нѣкогда впадалъ будто-бы въ Каспійское Море: одинъ противъ всѣхъ, я рѣшился доказывать, что въ историческія времена ничего не измѣнялось въ теченіи этой знаменитой рѣки, и почерпалъ мои доказательства изъ молчанія древ-

видный». Схоліастъ Аполлонія Родосскаго объясняетъ, по случаю Денницы, Еô, что charops (радостно-лицый) и glaukòs суть синонимы и оба значатъ —свѣтлый. Да это и быть не могло иначе: glaukòs, и leukòs, (бѣлый), происходятъ въ греческомъ языкѣ отъ одного корня glaô, glaussô или laô, laussô и leussô, быть свѣтлымъ, свѣтиться, бѣлѣть, такъ что glaukòs есть только измѣненіе leukos, и если второе значило чисто бѣлый цвѣтъ, первое естественно выражало бѣловатый—«подъ-бѣлый», какъ говоритъ Эвстаѳій. Слѣдовательно тогда, какъ въ одной сторонѣ, именно у іонійскихъ Грековъ, оно сохраняло первобытное свое значеніе—свѣтлаго, свѣтло-лицаго, бѣлокураго, въ другой произвели совершенно такой же звукъ, glaukòs, отъ glaux, «сова», у которой глаза голубые, и вотъ откуда произошло второе значеніе — «голубой» или, правильнѣе, «совиный» цвѣтъ: это были два различныя слова glaukos, изъ которыхъ одно значило—свѣтло-волосый, бѣлокурый, а другое—голубой. Я не буду настаивать долѣе на эти различія, потому-что они слишкомъ ясны для каждаго и очень вѣрно опредѣлены древними поэтами и ихъ схоліастами. Любители мелочныхъ доводовъ могутъ найти ихъ множество въ занимательныхъ изслѣдованіяхъ Геля о голубоглазой Минервѣ. Замѣчу только, что у тѣхъ Грековъ, которые glaukòs употребляли въ значеніи «свѣтлый,» свѣтло-русый, бѣлокурый—голубой цвѣтъ выражался обыкновенно словомъ *charops*, которое въ другихъ мѣстахъ, и собственно, значило «миловидный», ясный, веселый, *пріятный* для глазъ.

Мнѣ остается еще показать, что, въ вѣкѣ Геродота, и именно у азійскихъ Грековъ, слово glaukòs дѣйствительно принималось въ смыслѣ «бѣлокурый», и я прибѣгну опять къ Иппократу. Въ изложеніи физіогномическихъ примѣтъ, описавъ брюнетовъ съ глазами большими, *черными* (mélanes), онъ ставитъ въ противоположность имъ слѣдующее*: «глаза *голубые* (charopì), большіе, голова малая, шея тонкая, грудь узкая, показываютъ благоустроенное тѣлосложеніе; при малой головѣ, нельзя быть ни лысымъ, ни лысымъ, развѣ ужъ будешь glaukós», то есть, *бѣлокурый*. Это такъ чисто какъ золото. Никто не вздумаетъ утверждать, будто-бы glaukòs можетъ означать здѣсь «голубо-глазый», потому-что въ началѣ періода голубые глаза уже поименованы: предположивъ это, надобно было бы допустить, что Иппократъ сказалъ нелѣпость. Какой смыслъ представитъ тогда все это разсужденіе? Если у тебя *глаза голубые* и голова малая, то нельзя тебѣ быть лысымъ, *развѣ ужъ будешь голубо-глазый!* Притомъ же голубые глаза, при темныхъ или черныхъ волосахъ, ни мало не подвергаютъ головы опасности скоро сдѣлаться лысою. Кажется, что это мѣсто, котораго, сказать мимоходомъ, Фезіусъ вовсе не понялъ, торжественно подтверждаетъ предлагаемое мною объясненіе, и что послѣ того знаменитый

---

* (Ὀφταλμοὶ) χαροποὶ, μεγαλοὶ, κεφαλὴ σμικρὴ, αὐχὴν λεπτὸς, στῆθεα στενὰ—εὐάρμοστοι· κεφαλὴ σμικρὴ, οὐδ' ἂν εἴη τραυλὸς, οὐδὲ φαλακρὸς, ἢν μὴ γλαυκὸς εἴη. Hipp. De morbis vulgaribus, lib. 2, sect 6.

вопросъ о голубомъ и огненномъ народѣ Будиновъ можно считать разрѣшеннымъ удовлетворительно и по всѣмъ правиламъ классической критики.

Этотъ народъ былъ, не голубой, а *бѣлокурый* весь *крѣпко;* не огненный или огненной-красный, а *покрытый веснушками*, веснушковатый или, если угодно, «рыжелицый», если подъ этимъ словомъ согласимся разумѣть цвѣтъ, который лицу сообщаютъ веснушки. Я смѣю думать, что мой переводъ одинъ изъ всѣхъ донынѣ предложенныхъ удовлетворитъ требованіямъ и греческой филологіи, и физіологіи, и мѣстности, и яснаго, ненатянутаго смысла; онъ имѣетъ еще и то важное преимущество, что въ немъ только одномъ Геродотово нарѣчіе «крѣпко», ischyrôs, находитъ себѣ употребленіе раціональное, естественное, строго логическое. *Крѣпко бѣлокурый* — вотъ настоящій, и единственный, возможный смыслъ спорной фразы; и мы видѣли изъ Иппократа, что все тѣлосложеніе Скиѳовъ, слабое, одутловатое, лимфатическое, въ точности соотвѣтствовало характеру «крѣпкобѣлокурой» породы, какую мы до-сихъ-поръ видимъ у себя на сѣверѣ, хотя она уже значительно уменьшилась отъ смѣшенія расъ и лучшаго образа жизни, и продолжаетъ быстро уменьшаться.

Я очень сожалѣю, что обстоятельство, которое многимъ изъ моихъ читателей можетъ показаться незанимательнымъ или маловажнымъ, заняло столько мѣста въ журналѣ, посвященномъ ихъ удовольствію. Кромѣ ученаго автора статьи о Геро-

дотовой географіи Скиѳіи, съ которымъ пріятно спорить, немногіе вѣроятно обратятъ полное вниманіе на предметъ этого разсужденія, и весьма немногіе будутъ въ состояніи судить о существѣ его съ приличнымъ знаніемъ дѣла. Я только теперь объ этомъ и подумалъ: еслибъ разсудилъ прежде, я навѣрное и не начиналъ бы этого пренія, которое можетъ возбудить любопытство только очень ограниченнаго круга слушателей, а прочимъ должно показаться даже злоупотребленіемъ ихъ терпѣнія и времени. Тѣ только, которые приняли въ молодости купель классической филологіи и потомъ съ удовольствіемъ погружались въ бездны ея критики, извинятъ длинноту этихъ замѣчаній, потому-что они знаютъ, какъ легко при подобныхъ изысканіяхъ множатся воспоминанія и безпрерывно завлекаютъ васъ въ новыя справки, повѣрки, сближенія, доказательства. Я очень хорошо понимаю, какимъ образомъ иные могли написать цѣлые томы объ одной запятой въ текстѣ классическаго писателя.

Вотъ уже второй разъ имѣю я честь поддерживать мнѣніе несогласное съ понятіями знаменитаго виленскаго профессора. Въ первый разъ дѣло шло о древнемъ теченіи Оксуса, который, по общепринятому повѣрію въ ученомъ свѣтѣ, основанному также на худо-обсуженномъ показаніи Геродота, нѣкогда впадалъ будто-бы въ Каспійское Море: одинъ противъ всѣхъ, я рѣшился доказывать, что въ историческія времена ничего не измѣнялось въ теченіи этой знаменитой рѣки, и почерпалъ мои доказательства изъ молчанія древ-

нѣйшихъ восточныхъ географовъ о вт
рукавѣ Аму-дерьи, изъ физическаго образ
арало-каспійскаго края, или выведенной мно
темы предположительныхъ *вторыхъ* рукаво
которой классическіе географы такъ часто
гали, когда не могли согласить извѣстій о
ніи большихъ рѣкъ съ любимою своей т
«окружнаго океана», и прочая. До новых
крытій на-мѣстѣ, споръ остается нерѣшен
а между-тѣмъ мы навѣрное не поссоримся
Эйхвальдомъ за Аму-дерью, хотя уже нѣс
лѣтъ оба усердно защищаемъ два противо
ныя мнѣнія. Я нисколько не сомнѣваюсь
что и голубо-огненный цвѣтъ Будиновъ, ск
ужасные колдуны были они въ свое время, н
жетъ зловреднаго дѣйствія на дружескія от
нія наши, которыя могутъ только укрѣпить
преніи, веденномъ съ искреннимъ желаніем
крыть истину.

1838.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ

ИМЕНИ РУССОВЪ.

По поводу изслѣдованій гг. академиковъ ФРЕНА и БРУГА.

Начало имени нашего народа, несмотря на многочисленныя изысканія и разныя, болѣе или менѣе смѣлыя, ипотезы, доселѣ составляетъ предметъ, покрытый мракомъ сомнѣній. Вопросъ о происхожденіи Руссовъ, конечно, стоитъ уже внѣ спора, для основательной и безпристрастной исторической критики: Руссы положительно были Нордманны и пришли къ намъ изъ Скандинавіи. Покойный Эверсъ предложилъ-было странную ипотезу о происхожденіи Руссовъ отъ Хазаровъ, ипотезу, которой невозможно ничѣмъ поддержать разсудительно, и отъ которой самъ онъ отказался впослѣдствіи, дотого, что былъ уже готовъ признать Руссамъ готоское начало. Должно сожалѣть, что кратковременное заблужденіе человѣка столь ученаго имѣло такое сильное дѣйствіе на умы, неспособные къ основательнымъ изысканіямъ и всегда склонные подхватывать готовыя теоріи другихъ, чтобы блеснуть новостью мнѣнія. Парадоксъ Эверса нашелъ себѣ защитниковъ, которые *недостатокъ* въ положительныхъ свѣдѣ-

ніяхъ замѣняли фанатизмомъ къ новому уч
горячились тамъ, гдѣ надлежало изучать.
парадоксъ сбилъ съ пути многія дарованія,
рыя, при лучшемъ направленіи своего тр
бія, могли бъ подвинуть къ свѣту разныя т
статьи нашей первоначальной исторіи, вмѣ
го, чтобъ останавливать ходъ историческо
тики неумѣстными спорами о предметѣ я
до очевидности. Всѣ указанія, наши отече
ныя, византійскія, западныя, восточныя, со
утверждаютъ, что Руссы были Нордманны и
ходили изъ Скандинавіи: никакая критика
только она дѣйствуетъ безпристрастно и
стоящимъ познаніемъ дѣла, не можетъ о
вать этого достовѣрнаго факта. Но тутъ и
чивается достовѣрность. Весьма естественн
даются вопросы: какая же часть нордма
народа носила имя Руссовъ въ Скандинав
почему не находимъ мы слѣдовъ этого им
исторической литературѣ самихъ Скандина
— было ли это незначительное поколѣніе,
вавшееся въ снѣгахъ сѣверо-западной Швец
лоизвѣстный кланъ, который ничѣмъ не от
ся въ своемъ отечествѣ, и прославился
вышедши изъ его предѣловъ? — или имя Р
быть-можетъ возникло внѣ Скандинавіи? В
вопросы, ни мало не затемняя основнаго
относительнаго къ происхожденію самаго н
могутъ быть предлагаемы добросовѣстно,
шеніе ихъ достойно всѣхъ усилій критики.
зимся опредѣлительнѣе. Вопросъ состоитъ
томъ, откуда пришли Руссы въ нынѣшнюю

сію — они положительно пришли изъ-за Балтійскаго Моря, изъ Скандинавіи — но собственно и единственно въ томъ, откуда взялось названіе *Руссъ*?

Давно уже, мимоходомъ, изъявили мы мнѣніе, что *имя Руссъ было, кажется, общимъ названіемъ всѣхъ Нордманновъ*. Мы предоставляли себѣ подробнѣе изложить впослѣдствіи это предположеніе, къ которому приводилъ насъ неизбѣжно прямой смыслъ двухъ извѣстныхъ мѣстъ у Люитпранда, епископа кремонскаго, гдѣ этотъ писатель говоритъ — *Руссы* (Russi), *которыхъ мы* (то есть, мы Лонгобарды и всѣ Германцы) *иначе называемъ Нордманнами*, и потомъ — народъ, который *по качеству тѣла Греки зовутъ Руссами, а мы* (Германцы) *по положенію мѣста Нордманнами*. Подкрѣпленіемъ этому важному показанію служило для насъ еще извѣстное и столько уже разъ разбираемое признаніе шведскихъ пословъ, которыхъ византійскій императоръ Ѳеофилъ отослалъ въ 839 году къ франкскому императору Людовику Благочестивому, и которые — se Rhos vocari dicebant, «называли *себя* Руссами». Это знаменитое признаніе, два мѣста у Люитпранда, на которыя мы только-что указали, и наконецъ то обстоятельство, что нынѣшніе Финны до-сихъ-поръ всѣхъ Шведовъ и Норвежцевъ называютъ *Руоцилайнъ* или *Руоссилане*, всегда внушали намъ убѣжденіе, что имя «Русъ» было нѣкогда общее всѣмъ безъ изъятія Нордманнамъ: въ этой общности названія видимъ мы даже единственное логическое средство *согласить трудность*, заключающуюся въ

несомнѣнномъ выходѣ нашихъ Руссовъ изъ Скандинавіи и въ отсутствіи ихъ имени въ скандинавскихъ преданіяхъ. При всемъ томъ, мы спѣшимъ сознаться откровенно, что важное сомнѣніе останавливало насъ всякій разъ, какъ мы желали, при разныхъ случаяхъ, развить мысль, предложенную нѣкогда въ видѣ простаго намека: сами ли Нордманны называли себя Руссами, или только другіе народы давали имъ это названіе? Если сами они называли себя Руссами, то очень трудно придумать благовидную причину, почему въ сагахъ это имя не является почти на каждой страницѣ. Если только другіе народы давали имъ названіе Руссовъ, то очень странно, что Нордманны, покоривъ славянскія земли, приняли имя, чуждое своему языку и себѣ, и основали имперію подъ иностраннымъ и, конечно, обиднымъ для себя прозвищемъ! Эта трудность была для насъ почти неразрѣшимою и казалась столь великою, что слѣдствія ея уничтожали въ умѣ нашемъ занимательность догадки касательно общаго всѣмъ Нордманнамъ названія «Русъ». Мы весьма рады, что новыя изслѣдованія гг. академиковъ Френа и Круга по этому предмету, помѣщенныя недавно въ четвертомъ томѣ Bulletin scientifique de l'Académie Impériale des Sciences, n° 9 et 10, подаютъ намъ поводъ возвратиться къ вопросу и разсмотрѣть его нѣсколько внимательнѣе. Но съ самаго начала мы должны сказать, что сколько блистательное открытіе знаменитаго русскаго оріенталиста въ одномъ арабскомъ писателѣ восхитило насъ, какъ фактъ, подтверждающій всегдашнее

наше предположеніе, столько ученыя замѣчанія искуснаго изыскателя отечественной исторіи, г. Круга, вслѣдъ за тѣмъ умѣрили нашъ восторгъ и повергли насъ въ прежнее мучительное сомнѣніе, изъ котораго надобно однакожъ выйти какимъ-нибудь образомъ.

Сперва — объ открытіи г. Френа, которому исторія обязана уже столькими важными и положительными открытіями. Одинъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ молодыхъ оріенталистовъ, г. Мухлинскій, преподаватель арабскаго языка и исторіи Востока при Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ, пріобрѣлъ въ Каирѣ, во время своего путешествія, твореніе одного изъ древнѣйшихъ арабскихъ географовъ, по имени Ахмеда эль-Катиба. Оно до-сихъ-поръ было только по названію извѣстно оріенталистамъ. Д'Эрбло и де-Росси мимоходомъ упоминали объ его авторѣ, но самой книги никогда не видали. Между-тѣмъ Абульфеда пользовался ею при составленіи своей географіи, какъ однимъ изъ лучшихъ источниковъ, и часто ссылается на авторитетъ Ахмеда эль-Катиба. Настоящее заглавіе этого любопытнаго творенія, данное самимъ авторомъ, было — *Мухтасаръ ихбаръ эль-бульданъ*, то есть «Сокращенное изображеніе странъ», но обыкновенный титулъ его — *Китабъ эль-бульданъ*, или «Книга странъ». Ахмедъ писалъ его, по изслѣдованіямъ г. Френа, около 276 или 278 года гиджры, то есть, около 890 года по Р. Х. Слѣдственно этотъ писатель древнѣе Табарія, Эвтихія, Ибнъ-Фодлана, Масъуди, Истахри, Ибнъ-Хаукала, *и прочихъ*, которые упоми-

наю о Руссахъ, и почти двумя столѣтіями ст
рѣе нашего Нестора. Онъ былъ египетскій ур
женецъ; полное его имя *Ахмедъ ибнъ-аби-Яку
эль-Катибъ эль-Мысри*, то есть, Ахмедъ, сы
Абу-Якубовъ, Грамотей, Каирецъ, и жилъ е
въ такое время, когда въ арабской литерату
почти не существовало географическихъ творен
для компиляціи. По-крайней-мѣрѣ онъ не зна
ихъ; ни въ предисловіи, ни въ текстѣ своемъ о
нигдѣ не указываетъ на источники и не прив
дитъ словъ другихъ писателей; всѣ свѣденія
извѣстія, столь любопытныя для географіи, ко
рыя онъ помѣстилъ въ своей книгѣ, собраны и
посредствомъ личнаго наблюденія во время пу
шествій по разнымъ странамъ, или изъ разспр
совъ у достовѣрныхъ людей. Сочиненіе е
имѣетъ форму вмѣстѣ систематической геогра
и дневника путешествія. Замѣтимъ, что онъ дол
жилъ въ западныхъ африканскихъ владѣніях
Аравитянъ, потому-что написалъ также истор
города Африкіи, книгу, которой заглавіе при
дитъ Хаджи-Калфа. Слѣдственно онъ посѣща
также Испанію, и говоритъ объ ней то, что
дѣлъ или узналъ на-мѣстѣ. Это обстоятельст
весьма важно, потому-что, какъ мы скоро увидим
дѣло идетъ о Руссахъ въ Испаніи. Замѣти
еще, что онъ первый называетъ Нордманно
«магами», *магусъ* — мы пишемъ *магусъ*, а не
джусъ, потому-что Ахмедъ былъ Египтянинъ
слѣдственно произносилъ *дж* какъ *г*. Господи
Френъ уже прежде превосходно объяснилъ, ч
это названіе маги у позднѣйшихъ арабскихъ

сателей относится къ Нордманнамъ, и что оно значило только «язычники», или, какъ сказалъ бы Несторъ, *погани*; а теперь онъ показываетъ, что оно отнюдь не произвольно; что было только переводомъ употребительнаго въ Европѣ прозвища Нордманновъ, и что въ старо-фрисландскихъ законахъ жители Скандинавіи означены также общимъ нарицательнымъ именемъ hethana thiude, «поганскіе народы», *погане*.

Родерикъ Толедскій, Конде, Деппингъ, Ашбахъ, и другіе западные писатели, показываютъ, что, въ 844 году, *Нордманны*, выступивъ изъ Гаронны съ своимъ разбойничьимъ флотомъ, нападали на Лиссабонъ и оттуда проникли въ испанскую рѣку Гвадалькибиръ и ограбили Севилью.

Г. Френъ, разсматривая сочиненіе Ахмеда эль-Катиба, привезенное г. Мухлинскимъ, нашелъ въ этой книгѣ слѣдующее, чрезвычайно замѣчательное, мѣсто: «Къ западу отъ города Альхесирасъ «лежитъ городъ Севилья при большой рѣкѣ, ко«торая течетъ и въ Кордовѣ: *въ двѣсти-двадцать-«девятомъ году гиджры* (844 отъ Р. Х.) *проникли «въ нее Погане* (магусъ), *которыхъ зовутъ* Руссъ, «плѣнили много народа, ограбили и сожгли городъ, «и избили жителей».

Вотъ безъ-сомнѣнія свидѣтельство, заслуживающее полнаго вниманія критиковъ, и котораго обнародованіемъ знаменитый оріенталистъ снова умножилъ, если еще возможно, безчисленныя права свои на признательность отечественной исторіи къ его неутомимому и полезному трудолюбію! Слѣдственно народъ, извѣстный подъ именемъ

Нордманновъ, замѣчаетъ самъ г. Френъ, въ одно и то же время на западѣ и востокѣ, на сѣверѣ и югѣ, называется Руссами! — въ Испаніи и Италіи *Руси*, у Грековъ *Росъ*, у Финновъ *Руоци* или *Руосси:* прибавимъ, что и самъ себя, въ договорахъ съ Греками, онъ производитъ *отъ русскаго рода*, и послы шведскіе передъ франкскимъ императоромъ сознаются въ томъ, что они Руссы. Удивительное согласіе въ годахъ событія, показываемыхъ Ахмедомъ и западными историками, пріобрѣтаетъ полное наше довѣріе къ точности и основательности всѣхъ прочихъ выраженій арабскаго путешественника-географа. Онъ очевидно почерпнулъ эти свѣденія на-мѣстѣ, въ Испаніи и записалъ въ свой дневникъ слова, которыя слышалъ отъ жителей о происшествіи, случившемся за тридцать четыре года до того времени, въ которое онъ сочинялъ свою книгу, и можетъ-быть только за десять или пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ посѣщалъ Севилью. Тотъ же самый народъ, который западные называютъ *Нордманнами* или *Иоганами*, у него названъ здѣсь *Иоганами* или *Руссами*. Очевидно, что оба эти имена были даваемы въ тѣ времена Нордманнамъ также по западнымъ берегамъ Франціи и по берегамъ Испаніи: иначе откуда бы Ахмедъ ихъ заимствовалъ? Положимъ, что слова Люитпранда основательны, то есть, что «Греки называли, по качеству тѣла, Руссами тотъ самый народъ, которому Германцы, по географическому положенію, давали имя Нордманновъ». Но въ первый разъ Греки познакомились съ Руссами (*Росъ*) въ 839 году, а Се

вилья была ограблена Руссами (*Русъ*) въ 844. Возможно ли предположить, чтобы названіе византійское, еслибы оно было придумано только Греками, «греческимъ просторѣчіемъ», *по качеству тѣла* этихъ Скандинавовъ, распространилось въ пять лѣтъ по всей южной Европѣ и притомъ во владѣніяхъ западныхъ мусульманъ, которые не имѣли сношеній съ Греками? Нѣтъ, этого нельзя допустить. Сами Нордманны непремѣнно называли себя Руссами: но въ какомъ смыслѣ, въ какихъ обстоятельствахъ, употребляли они это второе имя? почему у себя, въ Скандинавіи, не назывались Руссами? по какой причинѣ имя «Русъ» нигдѣ не встрѣчается въ сагахъ или, быть-можетъ, оно нарочно избѣгается ихъ сочинителями? Этого, покамѣстъ, нельзя объяснить ничѣмъ, развѣ только болѣе или менѣе правдоподобными ипотезами. Одна догадка, изъ всѣхъ, которыя намъ часто приходили въ голову, кажется самою близкою къ истинѣ: должно предполагать, что имя *Нордманнъ*, Nordhmann, «Сѣверный человѣкъ», считалось болѣе почетнымъ, болѣе благороднымъ, нежели обыкновенное и простонародное *Русъ*; что *Нордманнъ* было имя скальдическое и военное, которое любили и герои и поэты, а *Русъ* — коренное названіе всего скандинавскаго племени. Примѣровъ подобныхъ именъ можно довольно много набрать въ исторіи. Не далѣе какъ европейскіе Турки имѣютъ два названія, одно простонародное, *Тюркъ*, другое почетное, *Османлы*: нѣтъ сомнѣнія, что они собственно называются *Тюркъ*, и въ крайнемъ случаѣ сами сознаются въ этомъ;

но между-тѣмъ они почитаютъ слово *Тюркъ* и
лымъ, неблагороднымъ, и вы нигдѣ, во всѣхъ
лѣтописяхъ и книгахъ, не встрѣтите другаго
роднаго имени кромѣ *Османлы*, хотя тутъ
языкъ свой называютъ они языкомъ *тюркй*.
нѣшній Персіянинъ, говоря языкомъ *фарси*
парси и сознаваясь самъ, что и онъ тоже *Фа*
величаетъ себя однакожъ другимъ, болѣе по
ческимъ, именемъ, *Иранй;* и еслибы, по прошес
тысячи лѣтъ, потомки наши пожелали узнать
книгъ персидскихъ, какой народъ обиталъ вт
ше время въ Тегеранѣ и Испаганѣ, въ этихъ
гахъ они нашли бъ только «Иранцевъ», *Ира*
нигдѣ бъ не отыскали въ нихъ слѣда имени
сіянъ, *Фарси*. Византійскіе Греки тоже несом
но были Греками, знали это имя, считали его
имъ природнымъ, а между-тѣмъ они упорно
зывали себя Римлянами. Мы ограничимся эт
примѣрами, которыхъ число и разительность
ко можно было бы увеличить, еслибы позво
мѣсто. Но нельзя пропустить одного замѣч
которое быть-можетъ не представлялось ни
изъ нашихъ читателей, хотя, какъ мы надѣе
многіе найдутъ его чрезвычайно простымъ и
нымъ. Возможно ли, чтобы какой-нибудь нар
первоначально, собственно, назывался *Нордм*
то-есть, *Сѣверными людьми?* Народъ самъ вт
ношеніи къ себѣ не можетъ быть ни сѣверны
ни южнымъ: онъ можетъ быть только народ
мѣстнымъ; отъ своего мѣста или отъ друг
личныхъ и домашнихъ, обстоятельствъ онъ
женъ заимствовать свое коренное народное

а не отъ географическихъ соображеній. Какъ «сѣверные» люди? Чего и кого они сѣвернѣе? Неужели сѣвернѣе самихъ себя и своего роднаго мѣста? Да въ этомъ названіи, если признать его первоначальнымъ, кореннымъ, домашнимъ наименованіемъ племени, будетъ скрываться явная несообразность! Названіе «*Сѣверный* народъ» само собою показываетъ уже относительность его къ другимъ, и носитъ на себѣ печать искусства, метафоры, поэтической выдумки, тѣмъ болѣе произвольной, что эти *Сѣверные люди*, во-первыхъ, не были самымъ сѣвернымъ народомъ: выше ихъ обитали еще Лапландцы; а во-вторыхъ, многіе изъ нихъ должны бы называться *Южными людьми* относительно къ прочимъ, которые жили далѣе къ сѣверу. По какому праву Датчане, главный и знаменитѣйшій изъ нордманскихъ народовъ, могли первоначально назваться Нордманнами, когда выше ихъ, къ сѣверу, лежалъ еще весь огромный Скандинавскій Полуостровъ, со всѣми своими народами? Но въ отношеніи къ Датчанамъ мы положительно знаемъ, что имя «Нордманнъ» было только поэтическимъ прилагательнымъ, потому-что у нихъ существовало въ то же время другое народное имя, *Денъ*, Dan, которое за ними и осталось, какъ-скоро первое исчезло и было забыто вмѣстѣ съ поэмами скальдовъ и сагами. Свеоны, или Свены, второй нордманскій народъ, какъ-скоро усилились и приняли христіанскую вѣру, начали называться Свенами (Шведами) и болѣе не употребляли названія Нордманновъ. У Норвежцевъ, которые *состояли* изъ множества мел-

кихъ клановъ и напротивъ того удержали навсегда имя «Норманнъ» или «Нордманнъ», непремѣнно были тоже мѣстныя народныя названія поколѣній, но здѣсь эти названія слились всѣ въ одно общее, *Нордманнъ*, и исчезли. Кто же могъ быть первоначально названъ *Нордманны* и кѣмъ? Ясно, что одни только Датчане могли прозвать *Сѣверными людьми* Норвежцевъ и Шведовъ. Когда это имя прославилось въ древней Германіи, сами Датчане должны были получить отъ Германцевъ имя *Нордманнъ*, во-первыхъ потому, что они были одноплеменны съ Нордманнами большаго Скандинавскаго Полуострова, а во-вторыхъ и потому, что для жителей Германіи они дѣйствительно составляли сѣверныхъ людей. Такимъ только образомъ имя *Нордманнъ* могло распространиться и на южныхъ Скандинавовъ, Датчанъ, и сдѣлаться общимъ всему племени. Но это самое показываетъ, что оно не было коренное, а выдуманное, принятое по обстоятельствамъ, сообщившееся всѣмъ поколѣніямъ обоихъ скандинавскихъ полуострововъ по случаю общихъ экспедицій, которыя они предпринимали въ отдаленныя страны, однимъ словомъ, имя военное, поэтическое, увѣнчанное общепріобрѣтенною славою и дорогое всѣмъ отраслямъ народа. Между-тѣмъ этотъ народъ, какъ одноплеменная масса, долженъ былъ имѣть также свое племенное имя, которое для иностранцевъ большею частію исчезало подлѣ общаго военнаго названія *Нордманны* и подлѣ частныхъ названій поколѣній, каковы напримѣръ *Денъ*, *Свенъ*, *Ютъ*, *Готъ*, и прочая. Это племенное

имя, по всей вѣроятности, было *Русъ*. Вотъ почему *Руссы* и *Нордманны* были слова однозначащія и для Европейцевъ и для самихъ Нордманновъ; вотъ почему они, въ своихъ набѣгахъ и путешествіяхъ называли себя и были называемы то Нордманнами, то Руссами; и наконецъ вотъ почему, въ Помераніи, Пруссіи и Германіи мы часто находимъ мѣста съ именемъ *Русъ:* это значитъ просто — *мѣста нордманскія,* мѣста, гдѣ бывали или владѣли какіе-нибудь Нордманны, но большею частью датскіе. Вовсе не нужно отыскивать здѣсь, откуда пришли Руссы, которые оставили имя свое въ этихъ мѣстахъ: они приходили со всѣхъ сторонъ Скандинавіи и, откуда бы ни явились, всегда были Руссами. То же самое и въ исторіи нашей Руси: безполезно и хлопотать о томъ, гдѣ жили въ Скандинавіи Руссы, которые переселились въ нашу сторону и дали ей свое имя. Вѣроятнѣе всего, они вышли изъ Швеціи, но еслибы даже они вышли изъ Даніи, Норвегіи, Исландіи или Грёнландіи, все-таки, какъ-скоро они были Нордманны, Скандинавы или Варяги, земля наша должна была прозваться или Норманнею или *Русью.* Она *назвалась Русью,* потому-что имя *Руссъ* было здѣсь болѣе и древнѣе извѣстно чѣмъ, нежели имя Нордманнъ, гораздо новѣйшее и присвоенное преимущественно Норвежцамъ. Еслибы финно-славянскія земли были покорены однимъ какимъ-нибудь скандинавскимъ народомъ, Венами, Свенами, Готами, и прочая, тогда вся эта страна получила бы названія Даніи, Свеціи или *Готіи: но, видно,* Рюриковы сподвижники не

имѣли права называться никакимъ частнымъ именемъ; видно, состояли они изъ набора людей всѣхъ скандинавскихъ поколѣній, особенно восточныхъ, и потому этотъ сбродъ принужденъ былъ называться по-просту *Русью*. Какъ *Чудь* было общее названіе финскихъ поколѣній, такъ *Русь* общее названіе скандинавскихъ клановъ. Если Нормандія не назвалась *Русью*, такъ это отъ того, что въ сбродѣ сподвижниковъ Роллона преобладало число Норвежцевъ и Датчанъ, которые предпочтительно величали себя Нордманнами. Если, наоборотъ, Россія не назвалась *Мурманіей* причиною этого должно полагать между прочимъ то, что въ дружинахъ Рюрика болѣе было восточныхъ Скандинавовъ, Готовъ, Свеновъ, Ингровъ и другихъ, нежели Норвежцевъ. Допущеніе у всѣхъ древнихъ скандинавскихъ поколѣній трехъ народныхъ именъ, одного почетнаго, книжнаго и поэтическаго, «Нордманъ», а другаго простонароднаго и подлиннаго, «Руссъ», и третьяго частнаго, Денъ, Свенъ, Готъ, Ингръ, и прочая кажется намъ единственнымъ логическимъ средствомъ согласить всѣ противорѣчія; но какъ и правдоподобна эта ипотеза, и какъ ни согласна съ историческими примѣрами, она только простая ипотеза, которая нисколько не уменьшаетъ трудности вопроса и не должна останавливать ревности нашей къ изысканіямъ, которыя со-временемъ могли бъ открыть намъ истину. Между-тѣмъ, благодаря указанію, извлеченному г. Френомъ изъ Ахмеда эль-Катиба, и его остроумнымъ объясненіямъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что

названіе «Русъ» было общее всѣмъ Нордманнамъ въ IX столѣтіи, то есть, въ вѣкѣ основанія Руси.

Ученый академикъ Кругъ, въ примѣчаніяхъ своихъ къ запискѣ г. Френа о книгѣ Ахмеда эль-Катиба, старался еще другими доводами подкрѣпить ту же самую истину, но мы, къ сожалѣнію, не можемъ воспользоваться имп, по причинѣ особенной теоріи, которой они служатъ объясненіемъ и которая нѣсколько противна нашимъ понятіямъ. Почтенный изыскатель опирается преимущественно на наружный смыслъ одного изъ приведенныхъ здѣсь мѣстъ Люитпранда («народъ, который *по качеству тѣла Греки зовутъ Руссами*, а «мы, по положенію мѣста, Нордманнами»), и думаетъ, что имя «Русъ» сочинено Греками, что Нордманны были названы въ греческомъ «простор҃ѣчіи» *Руссами* (hous hê kœnê dialektos *Rôs* eiôthen onomazein), потому-что у нихъ были, да и до-сихъ-поръ есть, *русые* волосы. Это предположеніе, безъ-сомнѣнія, одно изъ самыхъ необыкновенныхъ, какія только поддерживались въ наше время, но въ прошломъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ оно довольно было принято польскими писателями, которые основывались просто на случайномъ сходствѣ двухъ словъ, за недостаткомъ въ такихъ ученыхъ доказательствахъ, какими г. Кругъ подкрѣпляетъ обновленную ихъ ипотезу. Маститый академикъ полагаетъ, что Греки сначала, увидѣвъ Скандинавовъ, назвали ихъ xanthon ethnos и pyrrhon ethnos, *желтымъ* и *краснымъ*, или *огненно-краснымъ* народомъ, точно такъ же, какъ они называли *прежде* Готовъ и другихъ Герман-

цевъ. Но кажется, что прилагательное pyrrh
или pyrsòs не означало въ позднѣйшее время н
чего краснаго, ни огненнаго: Галенъ, котора
слова приводили мы въ другомъ мѣстѣ, очень
дробно опредѣляетъ этотъ оттѣнокъ цвѣта и р
шительно причисляетъ его къ свѣтло-желты
отливамъ. Какъ бы то ни было, г. Кругъ на
дитъ очень естественнымъ, что впослѣдст
этотъ огненный народъ греческое «просторѣ
привыкло называть *Росъ*», то-есть, краснымъ (rot
Мы откровенно сознаемъ наше невѣжество
счетъ значенія слова rhôs въ византійскомъ п
сторѣчіи, но если оно когда-либо значило «кр
ный» или «русый», то форма его, по духу гре
скаго языка, была вѣроятно rhossos, а не rh
Такое измѣненіе формы не совсѣмъ понятно,
можетъ-быть слова — «которыхъ просторѣчіе п
выкло называть *Росъ*» — значатъ только, ч
просторѣчіе привыкло называть ихъ *Росъ*, Рос
ми, а не правильнѣе Руссами, а также и не С
ѳами, не Таврисками и не другимъ какимъ-нибу
классическимъ терминомъ. Притомъ слово xanth
выражало желтый цвѣтъ, а pyrrhos или pyrs
какъ мы уже сказали, означало свѣтло-желтый
просторѣчію не было никакой благовидной п
чины переводить два желтыхъ цвѣта одни
краснымъ — предполагая, что rhôs дѣйствите
но значило «красный» (roth). Можно бы еще с
зать и то, что нѣтъ никакой нужды искать
византійскомъ просторѣчіи начала названія Ска
динавовъ Россами, или Красными: если они засл
живали по какимъ-нибудь соображеніямъ тако

имени, то всѣ европейскіе народы должны были прозвать ихъ Россами еще прежде Византійцевъ, потому-что во всѣхъ славянскихъ языкахъ «русый» значитъ свѣтловолосый и красноволосый, или рыжій, а въ романскихъ есть rosso, roux, rousse, въ германскихъ roth, ross, red, и прочая. Во всякомъ случаѣ, остроумный изслѣдователь утверждаетъ, что Греки назвали Скандинавовъ *Росъ*, или Красными; что скоро и сами Скавдинавы стали называть себя въ ихъ землѣ Россами, подобно тому какъ Германцы безпрекословно принимаютъ въ Россіи мѣстное имя «Нѣмецъ», а во Франціи имя Allemand; что, бывъ потомъ призваны Славянами, чтобы ими *володѣть*, они сообщили имъ свое знаменитое прозвище Красныхъ, или Русыхъ, *Росъ*, *Русь*, данное Скандинавамъ Греками, и что Славяне съ гордостью приняли этотъ новый титулъ и слились съ ними подъ одно общее имя, какъ нѣкогда Аланы и другіе варвары слились подъ общее имя Вандаловъ, какъ потомъ мелкіе сосѣди Франковъ тщеславились званіемъ слугъ этого славнаго народа. Замысловатая теорія г. академика Круга можетъ, конечно, породить въ умѣ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, по какому случаю Скандинавы, которые пришли къ Славянамъ изъ-за Балтійскаго Моря, а не изъ Греціи, и тотчасъ по прибытіи оказали великую непочтительность къ Грекамъ, отправившись грабить окрестности ихъ столицы, по какому случаю они предпочли греческое насмѣшливое прозвище *Росъ*, Красные, что вѣроятно значило Рыжіе, своему народному и славному имени? Еслибы это

прозвище и не заключало въ себѣ ничего об
наго, и значило только «Русые», свѣтлорус
blonds, то принимать его какъ свое отличите
ное имя между Славянами было бы чистою
смѣшкою: вѣдь и Славяне были ровно столько
русые, или свѣтлорусые, какъ и они! Притомъ
видно, почему нынѣшніе Финны называютъ всѣ
Шведовъ и Норвежцевъ *Руосси* или *Руоци:* тр
но объяснить переходъ греческаго эпитета
дебри финляндскія, развѣ только предположи
что возвратившіеся изъ Константинополя ск
динавскіе наемники убѣдили весь полуостр
принять свой византійскій титулъ, или что Ск
динавы были рѣшительно красные и *руосси*
фински значило также «красный». Но ученый
чинитель примѣчаній къ запискѣ г. Френа вес
справедливо возражаетъ: «кто возьметъ на с
«доказать намъ, что *тогда уже* Шведы у Ч
«назывались *Руоцалайсетъ и Рооцлане?*» Вп
чемъ, можно бы предложить этотъ самый вопр
и наоборотъ: кто возьметъ на себя доказ
намъ, что они и тогда уже такъ не называли
Чуди? При разборѣ дѣла судебнымъ порядк
по общимъ положеніямъ правовѣденія, вопр
былъ бы рѣшенъ въ пользу Чуди. Законное п
почтеніе на ихъ сторонѣ: Финны такъ называ
Шведовъ теперь, такъ называли ихъ за пят
сятъ, за сто, за двѣсти лѣтъ, и слѣдственно н
никакого повода отнимать у нихъ, безъ писы
ныхъ доказательствъ, право на обычай назы
Шведовъ и въ девятомъ столѣтіи точно такъ
какъ они величаютъ ихъ въ девятнадцат

Правосудіе, при составленіи этого приговора, весьма основательно приняло бы въ соображеніе еще и то обстоятельство, что Чудь тупа, на выдумки не скора, и что̀ однажды затвердила, то и сохранятъ навсегда въ памяти съ свойственнымъ себѣ упрямствомъ. Мы излагаемъ всѣ эти сомнѣнія единственно потому, что они могутъ родиться, но тутъ же должны мы сказать, что подобныя возраженія ни мало не ослабляютъ замысловатости ипотезы маститаго ветерана русской исторической критики, тѣмъ болѣе, что онъ основывается на доказательствахъ, которыя непремѣнно надобно читать въ подлинникѣ, чтобы оцѣнить всю ихъ послѣдовательность и силу. Хотя мы не совсѣмъ согласны съ нимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, умѣемъ однакожъ вполнѣ уважать мнѣніе такого ученаго, и весьма далеки отъ того, чтобы противопоставлять его мнѣнію свое собственное. Мы даже не коснулись здѣсь многихъ прекрасныхъ его замѣчаній, которыя не идутъ къ нашему дѣлу, но весьма дѣльны и совершенно для насъ убѣдительны: читатель найдетъ ихъ самъ въ «Bulletin scientifique». Тѣсные предѣлы статьи позволили намъ говорить только о тѣхъ подробностяхъ, на которыя можно также смотрѣть и съ другой точки зрѣнія. Послѣднее наше замѣчаніе будетъ относиться къ пассажу Люитпранда, уже нѣсколько разъ приведенному, въ которомъ г. Кругъ полагаетъ главную силу своей ипотезы, а именно: «народъ, который *Греки*, по качеству тѣ«ла, называютъ Руссами, а *мы*, по положенію мѣ«ста, Нордманнами». Ученый академикъ думаетъ,

что эти слова явно доказываютъ изобрѣтеніе Г
ками прозвища *Росъ* и значеніе «красный», ко
рое онъ ему приписываетъ. Но, если смотрѣть в
тотъ же самый пассажъ съ другой точки зрѣні
то онъ ровно ничего не доказываетъ. Епископ
кремонскій явно увлекся здѣсь корнесловіемъ, к
торое такъ часто вводитъ въ заблужденіе: пот
му только, что nordh mann значитъ *сѣверный ч
ловѣкъ*, ему и кажется, что это *они*, то-есть, Ло
гобарды и Франки, прозвали такимъ образом
Скандинавовъ, по географическому положені
ихъ отечества, а это совершенно несправедлив
Скандинавы, въ своихъ сагахъ, сами говорятъ
себѣ — *мы Нордманны*, Nordhmannir. Какъ ск
ро второе его предложеніе ложно, то уже тѣм
самимъ ложно и первое. Обманутый этимологіе
имени Nordhmann, онъ искалъ также этимолог
употребляемаго Византійцами названія *Росъ* и
Русъ, очень просто попалъ на италіянское
галло-франкское rosso, rossore, rousseur, и так
же произвольно какъ и въ первомъ случаѣ объя
нилъ себѣ значеніе греческаго прозванія. За ст
лѣтъ до Люитпранда, слово *Русъ*, по свидѣтель
ству Ахмеда эль-Катиба, раздавалось на бере
гахъ Гвадалькибира — въ то же самое врем
какъ о Росахъ впервые заговорили на Босфорѣ
Это мѣсто у Люитпранда доказываетъ ясно
неоспоримо одно только то обстоятельство, чт
Русъ и *Нордманнъ* — названія *совершенно одно
значащія и общія всѣмъ Скандинавамъ.*

1838.

=

НѢКОТОРЫЯ СОМНѢНІЯ

КАСАТЕЛЬНО ИСТОРІИ ГРУЗИНОВЪ.

—

Довольно многимъ извѣстно, что я никогда не отвѣчаю на замѣчанія, которыя могутъ ко мнѣ относиться, въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Я это дѣлаю изъ уваженія къ публикѣ, которая, по моему мнѣнію, сама въ состояніи лучше меня оцѣнить достоинство и цѣль этихъ замѣчаній. Но изъ одного весьма ученаго журнала — съ другаго рода журналомъ я бы и не осмѣлился вступать въ пренія; считая это преступною тратою времени, которое всегда можно употребить на что-нибудь болѣе полезное — изъ одного, говорю я, журнала, который очень высоко стоитъ въ области наукъ, раздался недавно глубокій вздохъ весьма уважаемаго ученаго, вздохъ по-видимому исторгнутый мной грѣшнымъ. Г. Броссе, членъ Императорской Академіи Наукъ по части литературъ армянской и грузинской, горько жалуется въ «Bulletin scientifique», что *въ одномъ русскомъ журналѣ отвергаютъ даже существованіе Грузиновъ въ Грузіи прежде двѣнадцатаго столѣтія*. Прежде всего я спѣшу

отдать полную справедливость отличному вк
съ какимъ ученый академикъ выразилъ свою
лобу: онъ не называетъ обидчика грузинской п
ріи, а жалуется только на обиду, ей нанесен
Не помню, быть-можетъ я и не подписалъ св
имени подъ мнѣніемъ, которое такъ огорчило
прекрасную ревность о чести всего грузинск
но какъ рѣчь идетъ о вопросѣ ученомъ и ч
вычайно занимательномъ для исторической кр
ки, то очень неумѣстно было бы замять дѣло п
словами или занавѣсомъ безъименности закры
его важность. Отрекаться тутъ нечего. Hic
sum, qui dixi: это я сказалъ, что, какъ мнѣ ка
ся, *Грузиновъ не было въ Грузіи до двѣнадца*
столѣтія, и буду чрезвычайно благодаренъ,
ученый академикъ захочетъ разсѣять мои на эт
счетъ сомнѣнія, которыя я изложу открове
Относительно грузинской исторіи нѣтъ ника
стыда не только сомнѣваться, но даже и
биться. Кромѣ господина Броссѐ никто въ Евр
не изучалъ ея въ грузинскихъ источникахъ.
что́ касается до меня — я безъ обиняковъ
знаюсь, что—какъ Богъ святъ!—ни одного с
не знаю по-грузински. Правда, надѣясь найти
историческихъ сказаніяхъ этого народа нѣкото
полезныя свѣденія для своихъ розысканій, я
когда пустился-было въ изученіе языка Грузин
но послѣ двухъ мѣсяцевъ самаго мучитель
труда принужденъ былъ, по причинѣ тогдаш
недостатка въ необходимыхъ пособіяхъ, отказ
ся отъ надежды читать ихъ лѣтописи въ под
инкѣ. Я знаю ихъ, какъ всѣ знаютъ — тольк

тѣмъ отрывкамъ, которые были напечатаны, по выпискамъ, какія могъ я достать, и по дурнымъ, русскимъ или персидскимъ, переводамъ извѣстныхъ мѣстъ, которыя меня болѣе всего занимали. Слѣдственно, я долженъ напередъ просить у ученаго академика прощенія, если, по невѣжеству своему или моихъ наставниковъ, скажу что-нибудь ужасное противъ величія грузинскихъ лѣтописей. Ему одному принадлежитъ великое право просвѣтить и прекрасное преимущество миловать ошибки несвѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ.

Г. Броссѐ первый началъ насъ знакомить съ «сокровищами» грузинской литературы, которая со времени его сдѣлалась даже литературою академическою и получила ученую важность. Мы уже обязаны ему изданіемъ двухъ обстоятельныхъ и весьма любопытныхъ каталоговъ произведеній этой литературы, которыхъ число простирается до трехъ сотъ пятидесяти, и между которыми есть до тридцати оригинальныхъ твореній по части исторіи и словесности. Энтузіазмъ, съ какимъ онъ развиваетъ передъ нами высокія поэтическія красоты *эпопей*, *поэмъ* и *романовъ* грузинскихъ, въ состояніи воспламенить всякаго рвеніемъ къ языку, въ которомъ такъ долго скрывались богатства могучаго кавказскаго воображенія, и я теперь болѣе чѣмъ когда-либо сожалѣю, что не могъ научиться по-грузински. Я бы и теперь еще принялся за дѣло со всѣмъ прилежаніемъ, къ какому только я способенъ: къ несчастію, меня останавливаетъ одно затрудненіе. Я знаю всю прелесть энтузіазма, когда дѣло идетъ о эпопеяхъ, поэмахъ

грузинской литературѣ, положительное увѣреніе, что Вахушти есть *Карамзинъ своего народа.*

Ни время, ни мѣсто не позволяютъ мнѣ заняться здѣсь правильнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ вопросовъ, которые могутъ имѣть связь съ разными показаніями такъ-называемой исторіи Грузиновъ. Я постараюсь изложить только результатъ личныхъ моихъ понятій о дѣлѣ, и то какъ-можно короче, устраняя всѣ второстепенныя обстоятельства, которыя завлекли бъ меня слишкомъ далеко, тѣмъ болѣе, что для рѣшенія, были ли Грузины въ Грузіи прежде двѣнадцатаго столѣтія, необходимо нужно коснуться чрезвычайно запутаннаго вопроса — о томъ, гдѣ была Иберія, кто были Иберы, и какое право имѣютъ Грузины присвоивать своему народу и племени царствованія разныхъ владѣтелей иберскихъ, о которыхъ упоминаетъ исторія. Само собою разумѣется, что для принятія такого канона царей, какой мы находимъ въ двухъ грузинскихъ лѣтописяхъ, надобно прежде всего допустить, что Грузины, которыхъ политическое имя, какъ кажется, не должно бы быть старѣе одиннадцатаго вѣка, существовали прежде подъ другимъ названіемъ, именно, подъ названіемъ Иберовъ. Сами они въ этомъ не сомнѣваются, и многіе европейскіе критики согласны съ ихъ мнѣніемъ.

Конечно, если они Иберы, и если притомъ Иберія была нынѣшняя Грузія, то-есть Карталинія, Сомхетія и Кахетія, то они съ древнихъ временъ находились въ Грузіи. Мнѣ совѣстно противорѣчить мнѣнію многихъ отличныхъ ученыхъ, и осо-

бенно мнѣнію г. Эйхвальда, но мнѣ кажется, что довольно старинное предположеніе, которое защищаетъ и ученый виленскій профессоръ, будто древняя Иберія есть нынѣшняя Грузія, происходитъ единственно оттого, что прежніе географы и критики не имѣли передъ глазами вѣрной карты кавказскаго края и принуждены были дѣлать свои заключенія почти на-угадъ. Внимательное чтеніе текстовъ Страбона, Плинія, Діонисія, Птоломея, Плутарха, Тацита и позднѣйшихъ писателей классической древности, всегда приводило меня къ тому убѣжденію, что Иберія собственно была нынѣшнія Имеретія, Радча, Осетія и значительная часть Лезгистана, часто до самаго Дербента; что самая большая ширина Иберіи заключалась между Владыкавказомъ и Мцхетомъ, «гдѣ Арагви сливается съ Куромъ»; что *народа* Иберовъ собственно никогда не существовало, и имя ихъ было только общее названіе извѣстнаго числа разноплеменныхъ поколѣній горцевъ, въ родѣ названій Скиѳы, Сарматы, Албаны, Аланы, Германы, и прочая; и, наконецъ, что вся эта страна за Куромъ, гдѣ нынѣ Тифлисъ и самая значительная часть Грузіи, всегда принадлежала Арменіи, и населена была Армянами, Медами, Массагетами, или Турками, и нѣсколькими изъ тѣхъ поколѣній, которымъ древніе давали другое общее названіе, Албановъ. Одно только это распредѣленіе края и приводитъ въ удовлетворительное согласіе всѣ противорѣчія древнихъ географовъ. Всѣ они очень плохо знали кавказскій край, и слѣдовать за подробностями, которыя эти писа-

тели сообщаютъ по слухамъ, нѣтъ никакой во
можности. Но въ нихъ надобно взять главны
черты разсказа: эти черты однѣ могутъ бы
вѣрны, и онѣ дѣйствительно приводятъ все
порядокъ.

Одна изъ этихъ главныхъ чертъ — сѣверн
граница Великой Арменіи на Курѣ, и южная гр
ница Иберіи у сліянія Арагви съ Курóмъ. Плин
положительно говоритъ, что Великая Арменія «
ширину переходитъ за Араксъ и *простирает
до Кура*» (VI, 4). Птоломей ведетъ сѣверную гр
ницу Арменіи вдоль по Куру (V, 13). Выписки и
Страбона, приводимыя г. Эйхвальдомъ, могутъ
казать всякому, что этотъ географъ, если не
зываетъ Кура, о теченіи котораго онъ не имѣ
яснаго понятія, зато границею Арменіи полагае
хребетъ, который, начинаясь у Безабдала, иде
черезъ Сомхетію, огибаетъ Тифлисъ и тянет
далѣе по кахетской области, а это все-равно, как
бы онъ показалъ границу вдоль Кура. Наконец
что̀ значатъ эти слова у Страбона: «Горный пр
«ходъ (ведущій въ Иберію) *изъ Арменіи*, лежи
«у Кура и Арагви, которыя, прежде чѣмъ сливаю
«ся, имѣютъ два укрѣпленные города, разсто
«ніемъ другъ отъ друга на шестнадцать стадій
Одинъ изъ этихъ городовъ, Гармозика, на Кур
былъ армянскій, и слѣдственно лежалъ по близ
сти, если не на мѣстѣ, нынѣшняго Тифлиса; др
гой, Сеусáмора, на Арагви, близъ Мцхета, пр
надлежалъ уже къ Иберіи. Не ясно ли, что стр
на, гдѣ нынче Тифлисъ, была Арменія, и во вр
мена Страбона, какъ и при Плиніи и Птоломе

Послѣ этого, четыре горные прохода, ведущіе въ Иберію, которые затрудняютъ г. Эйхвальда дотого, что онъ принужденъ «угадывать» ихъ положеніе, какъ-будто главныя ущелья въ горахъ могутъ перемѣнять мѣста свои, эти четыре прохода рѣшаются сами собою безъ помощи догадокъ. Иберія есть *горная* полоса кавказскаго края, «*отвсюду* (kuklô) окруженная горами», какъ говоритъ Страбонъ, которая тянется отъ Имеретіи и Рачи включительно, черезъ Осетію, до западнаго Лезгистана включительно, и слѣдственно западный проходъ въ нее, со стороны Колхиды, будетъ дорога изъ Мингреліи въ Кутаисъ; сѣверный, изъ Сарматіи — военно-грузинская дорога у Владыкавказа, восточный — знаменитая дербентская тѣснина; южный, *изъ Арменіи* — опять военно-грузинская дорога около Мцхета, къ сѣверу отъ Тифлиса. Эти проходы такъ знамениты, что Страбонъ не могъ бы не говорить объ нихъ, и онъ рѣшительно на нихъ указываетъ.

Теперь совершенно понятны слова Тацита: Iberi, locorum potentes, caspia (*lege*, caucasia) via raptim Sarmatam in Armeniam effundunt — «Иберы, владѣющіе горными мѣстами, черезъ Кавказскій проходъ вдругъ Сармату выливаютъ *на Арменію*»; замѣтимъ только, что, еслибы Иберы занимали нынѣшнюю Грузію, они бы «выливали Сармату» на себя самихъ, а не на Арменію.

Теперь совершенно понятно также, отчего всѣ древніе географы утверждали, что Фазисъ, нынѣшній Ріонъ, который имъ такъ хорошо былъ извѣстенъ, течетъ *отъ границъ Арменіи*. Г. Эйх-

вальдъ прекрасно доказалъ, что они за главную рѣку принимали притокъ Ріона, Квирилу; но это еще не удовлетворяетъ текстамъ: Квирила тогда только будетъ течь отъ границъ Арменіи, когда предѣломъ Арменіи, согласно Страбону, Плинію и Птоломею, назначимъ теченіе Кура.

Я не стану преслѣдовать далѣе совпаденія множества другихъ подробностей съ этимъ положеніемъ Иберіи: тѣ, которые захотятъ безъ предубѣжденія и безъ предвзятой системы сравнить древніе тексты, относящіеся къ кавказскому краю, сами, я надѣюсь, увидятъ совершенное согласіе ихъ съ такимъ распредѣленіемъ страны и легкость, съ какою по немъ объясняются трудности, приводившія въ отчаяніе комментаторовъ. Мнѣ очень легко было бы показать, какъ естественно подходитъ все, что̀ древніе говорятъ объ Албаніи, къ тому же мѣстоположенію Иберіи, которое мы для ней отыскали, но я долженъ предоставить это другому времени и обратиться къ вопросу о мнимомъ «народѣ» Иберовъ.

Этого вопроса я даже не считаю вопросомъ. Онъ слишкомъ ясенъ для всякаго, кто только имѣлъ дѣло съ географами и прочими писателями классической древности. Тогда называли народы по странамъ: племена, жившія въ Скиѳіи, какъ-бы они разнородны ни были, всѣ получали общее имя Скиѳовъ; жившія въ Сарматіи назывались Сарматами, въ Дакіи Даками, въ Германіи Германами, хотя нѣтъ сомнѣнія, что между этими Германами были народы славянскіе и даже финскіе. Эта система обобщенія примѣнена была и

къ многочисленнымъ кавказскимъ народамъ. За исключеніемъ немногихъ, болѣе извѣстныхъ поколѣній, прочія раздѣлены были на Иберовъ и Албановъ, не по роду своему, но по странамъ, Иберіи и Албаніи, въ которыхъ они укрывались. Албаны занимали полосу прибрежную вдоль Каспійскаго Моря; а первые, то есть, Иберы, помѣщаемы были въ поперечной нагорной полосѣ кавказскаго перешейка, которая, простираясь отъ границъ Колхиды, или Мингреліи, до Лезгистана, составляла почти прямой уголъ съ албанскою полосою; вся же страна, заключенная въ этомъ углу, именно, нынѣшняя Грузія, принадлежала къ Арменіи, а за поперечною, иберскою, полосою лежала Сарматія. Чтòжъ, слѣдственно, такое были Иберы, если не то же самое, чтò мы теперь называемъ *горцами?* Они не могли составлять «народа» Впрочемъ Плиній и Птоломей поименно называютъ различные народы, жившіе въ Иберіи и Албаніи, и которымъ они въ то же время даютъ общія названія Иберовъ и Албановъ. Непонятно даже, какимъ образомъ, противъ столь положительнаго свидѣтельства, и вопреки извѣстному обыкновенію древнихъ давать народамъ собирательныя названія, заимствованныя всегда отъ ихъ страны, утвердилось въ ученомъ свѣтѣ повѣріе о существованіи *народа Иберовъ!* Говорятъ, что слово *иберъ*, или какъ иные произносятъ *иверъ*, происходитъ изъ армянскаго языка, на которомъ *иверацъ* должно означать — *горецъ*. Если этимологія эта справедлива, то мы съ Армянами одного образа мыслей: я тоже говорю, что *Иберцы* были просто

«Горцы». Но я не думаю, чтобы слѣдовало п
носить *иверъ*: Страбонъ, когда хочетъ выр
звукъ *в*, пишетъ oui. Римляне также никог
писали Iverus, а всегда Iberus, и я вижу в
нѣшнемъ названіи одной кавказской страны,
рэти, положительный слѣдъ сохранившагос
нынѣ древняго географическаго названія *И*
Отбросьте обыкновенное грузинское окон
именъ провинцій, *эти:* останется *имеръ*. Вот
нужно толковать оріенталистамъ, какимъ
зомъ *б* превратилось въ *м* и изъ *иберъ*,
вышло *имеръ*, Имеретія: такія превращенія
м очень обыкновенны и въ кавказскихъ язы
Точно также сохранилось до нашего времени
нее названіе другой кавказской области, леж
рядомъ съ Имеретіей: Suani или Soani дре
географовъ и теперь называются *Суанети*.
лые десятки подобныхъ примѣровъ можно
бы привести въ доказательство того, как
изгладимы на Кавказѣ названія разныхъ уро
По-крайней-мѣрѣ я не сомнѣваюсь, что Ibe
Имерети одно и то же слово. Это сближеніе
нится здѣсь къ тому, чтобъ еще показать
древняя Иберія, собственно говоря, и была
только нынѣшняя Имеретія: въ самомъ дѣл
согласному свидѣтельству всѣхъ географовъ
начиналась у границъ Колхиды (Мингреліи)
юга опиралась на Мосхійскія горы, которы
дѣляютъ ее отъ Ахалцыха. Одну эту Ибе
знали древніе: на остальную часть полосы,
стирающуюся далѣе на востокъ поперегъ
шейка до Лезгистана, и составляющую ка

продолженіе Имеретіи, они только распространяли имя Иберіи, по принятому тогда обыкновенію. При чтеніи древнихъ текстовъ должно безпрерывно обращать вниманіе на то, когда они подъ именемъ Иберіи разумѣютъ одну только Имеретію, и когда дѣлаютъ изъ него общее названіе для всей полосы нагорной стороны, идущей поперегъ перешейка, потому-что отъ этого Иберія ихъ становится то короче, то длиннѣе. Мнѣ кажется, что отсюда проистекаетъ и вся сбивчивость ихъ показаній, которыя однакожъ дѣлаются очень ясными, когда помнишь, что Иберіей попеременно называютъ они то одну собственную, сосѣднюю съ Колхидой, Иберію, или Имеретію, то опять Имеретію, Радчу, Осетію и часть Лезгистана. Такъ, Страбонъ говоритъ однажды, что въ Иберіи есть только одинъ дрянной городишко, а потомъ онъ же, и Плиній, и Птоломей, показываютъ въ ней нѣсколько городовъ. Такъ Плутархъ, въ жизни Помпея (V, 11), утверждаетъ, что Иберы живутъ между Мосхійскими горами и *Чернымъ Моремъ*, причисляя Гурію къ Имеретіи и дѣлая изъ Иберіи черноморскую провинцію, чего рѣшительно никто изъ географовъ не дѣлаетъ. Опираясь на авторитетъ географовъ, Плутарха можно было бы упрекнуть въ невѣжествѣ, а между-тѣмъ и онъ правъ, и они правы: стоитъ только хорошо понять ихъ разсказы, ихъ систему, и противорѣчія исчезнутъ.

Замѣтимъ еще мимоходомъ, что равнины нынѣшней Мингреліи и Имеретіи принадлежали тогда къ Колхидѣ, а горы той и другой области со-

ставляли Иберію, которой западные, такъ же какъ и южные, предѣлы начинались отъ горъ.

Какой народъ жилъ въ древней Имеретіи, или Иберіи, какіе «Горцы» тамъ обитали? объ этомъ я не берусь говорить, и считаю даже подобный вопросъ неразрѣшимымъ, если вспомнимъ, сколько перемѣщеній массъ совершилось на Кавказѣ, сколько племенъ погибло, сколько языковъ погасло. Эти мелкія, воинственныя владѣнія безпрерывно то составляли сильныя царства подъ начальствомъ храбрыхъ предводителей, то распадались на мелкія гнѣзда разбойничьи. Все тамъ пережглось въ пожарахъ вѣчной войны, растаяло въ крови, и неразъ переливалось въ новыя формы. Многолюдныя поколѣнія были истребляемы; незначительныя усиливались и размножались побѣдами. Римляне, по свидѣтельству Плинія, употребляли въ Діоскуріи сто тридцать человѣкъ различныхъ толмачей для объясненія съ жителями Кавказа: теперь и двадцати языковъ не насчитаешь во всѣхъ этихъ горахъ. Но я готовъ даже допустить, что въ Имеретіи жили какіе-нибудь *Картвели*, соплеменники и одноязычники нынѣшнихъ Грузиновъ: это нисколько не перемѣняетъ существа вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ ихъ рода возникали по-временамъ завоеватели, которые основывали на-мгновеніе сильныя владѣнія. Такъ напримѣръ въ шестомъ и седьмомъ столѣтіи царство Лазовъ было довольно-значительно, и имена царей Губаза и Хоріана покрылись нѣкоторою славою. Одна княгиня владѣла всѣмъ черноморскимъ прибрежьемъ отъ Колхиды до Трапезунта.

Но какую же это имѣетъ связь съ Грузинами, которые тогда еще и не существовали какъ народъ? Одноплеменность никому не даетъ права на присвоеніе себѣ исторіи другаго народа. Въ противномъ случаѣ Пруссаки могли бъ сказать, что ихъ государство славится въ исторіи со временъ Юлія Цезаря, потому-что Германцы были уже въ то время исторически-извѣстны, или присвоить своему народу лѣтописи Австріи. Древнее существованіе племени Картвели отнюдь не доказываетъ древности народа Грузиновъ. Дѣло въ томъ, что въ Грузіи тогда ихъ не было; что это была еще Арменія, населенная Армянами, отчасти Массагетами, или Турками, проникнувшими туда черезъ Мавераннегръ и Адербаеджанъ, и можетъ-быть еще другими народами, только не Грузинами, и не Иберами, съ которыми они не имѣютъ ничего исторически-общаго. Мы скоро увидимъ, что когда, въ седьмомъ вѣкѣ, Аравитяне взяли столицу Арменіи, Тифлисъ тотчасъ, безъ войны, покорился побѣдителю какъ армянская провинція: еслибъ тамъ жилъ другой народъ, имѣвшій своего независимаго царя, у него было бы войско, и онъ бы защищался, но этого не случилось. Потомъ еще, изъ статистическихъ данныхъ о народонаселеніи Грузіи, мы должны будемъ тоже заключить, что, до покоренія Грузіи Аравитянами, главное населеніе ея по-необходимости было армянское, а не картвелическое, или грузинское, которое гораздо-позже нагрянуло сюда изъ Абхазіи.

Нужно ли еще къ свидѣтельствамъ классиковъ

прибавить показанія Аравитянъ въ подтвержде
ніе того, что нынѣшняя Грузія была чистою Ар
меніей? Въ грамматѣ Хабиба, полководца Осма
нова, данной жителямъ тифлисской области, ко
торая, какъ мы сейчасъ упомянули, сама покори
лась мусульманамъ по взятіи столицы Арменіи
сказано, что эта область лежитъ около *рѣки Гю
зана*, то-есть Кура, и *границъ Меджлиса*, или С
рира, древней Албаніи, которой западнымъ пр
дѣломъ служила, какъ извѣстно, рѣка Алазань

---

* Несмотря на намѣреніе не входить здѣсь ни въ как
лишнія подробности, я не могу не сдѣлать объ Албан
коротенькаго замѣчанія, которое можетъ имѣть свою з
нимательность для трудящихся надъ географіей Кавказ
Много толковали о происхожденіи имени *Албанія:* весь
замѣчательно, что едва появились Аравитяне въ Велик
Арменіи, они тотчасъ перевели слово «Албанія» дву
своими словами *меджлисъ* и *сериръ*, которыя оба значат
«престолъ». Слѣдственно, *Албанъ* или *Альванъ* значило то
да по-персски «престолъ». Впослѣдствіи Аравитяне поп
ремѣнно употребляли, одно вмѣсто другаго, названія *С
риръ*, *Албанъ*, и даже *Арранъ*; иногда писали они *Серы
эль-дегебъ*, «Золотой престолъ». Это относилось къ пред
нію тѣхъ странъ, что одинъ очень древній царь Дагест
на сдѣлалъ-было себѣ великолѣпный престолъ изъ чист
го золота, и что царь персскій, Беграмъ-Чубинъ, усл
шавъ объ этомъ, пошелъ на него войною, побѣдилъ
увезъ золотой престолъ его въ Персію. Это имѣетъ явну
связь съ золотымъ руномъ Аргонавтовъ: сказка объ их
походѣ въ Колхиду, вѣроятно, возникла изъ того обстоя
тельства, что одна изъ областей Кавказскаго края назы
валась *Албанъ* или *Альванъ*, что значило «престолъ», и на
родное повѣріе гласило, что тамъ существуетъ золото
престолъ и множество золота.

того времени Аравитяне обыкновенно назы-
и этотъ край *Курскою* областью, *Гюрзанъ*, или
сюрзанъ, именемъ, очевидно произведеннымъ
старинаго прозванія рѣки Кура — *Кюросъ*,
росъ, у Птоломея *Кюрросъ*, и Плутарха *Кюр-*
ъ (Kyros, Kyrrhos, Kyrnos), которая, вѣроятно,
седьмомъ вѣкѣ на-мѣстѣ у туземцевъ слыла
заномъ или *Гургяномъ:* окончаніе *анъ* свой-
енно нѣсколькимъ рѣкамъ того края, какъ
примѣръ *Алазанъ*, *Кубанъ*, и прочая. Якутъ,
торыя слова древнѣйшихъ арабскихъ геогра-
ъ, въ статьѣ «Джюрзанъ» говоритъ: «Джюр-
ъ — область *въ Арменіи*; главный городъ ея—
лисъ». И опять, въ статьѣ «Тефлисъ», онъ го-
итъ по ихъ же авторитету: «Тефлисъ — го-
ъ въ *Первой Арменіи*: иные причисляютъ его
Аррану. Это столица области *Гюрзанъ* (Кур-
), не въ дальнемъ разстояніи отъ Дербенда,
одъ древній, нетлѣнный, который лежитъ подъ
долготы и 42° широты». Но онъ рѣшительно
ибается, «предполагая» — это его выраженіе
будто слово *Джюрзанъ*, названіе рѣки и стра-
можетъ быть исковерканное Аравитянами
рджъ, собирательное имени народа. *Джурзанъ*
по названіемъ области и рѣки, а не народа, и
впослѣдствіи, по водвореніи Грузиновъ въ
юрзанѣ, было дотого забыто, что черезъ оши-
ное правописаніе превратилось у восточныхъ
ителей, и даже у кавказскихъ мусульманъ, въ
ранъ, чего бы конечно не могло случиться,
бъ *Джюрзанъ* и *Гюрджъ* значили одно и то
Такимъ образомъ, отъ Страбона до арабскихъ

предшественниковъ Якута, мы постоянно находимъ Арменію въ нынѣшней Грузіи, гдѣ, на равнинахъ, орошаемыхъ Куромъ, какъ выражается Страбонъ, «люди жили по обычаю армянскому и мидійскому».

Что̀ касается до древности народа грузинскаго, то, во-первыхъ, пока мы не увидимъ несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ памятниковъ, доказывающихъ противное, мое оріенталистское убѣжденіе никакъ не позволяетъ мнѣ думать, чтобы онъ былъ старѣе половины одиннадцатаго вѣка. Этотъ народъ называется Грузинами, *Гюрджи*, что̀ значитъ *Георгіане* или, говоря чисто по-русски, *Юрьевцы*. По вѣковому обыкновенію Востока, и въ особенности странъ при-каспійскихъ и кавказскихъ, онъ не могъ назваться или быть названъ этимъ именемъ иначе какъ по имени своего полководца, предводителя, перваго государя, котораго звали *Гюрджъ*, Георгіемъ, или Юріемъ. Грузины утверждаютъ, что они нареклись Гюрджинами, Георгіянами, или Юрьевцами, отъ святаго Георгія, который просвѣтилъ ихъ около 300 года вѣрою Христовой. Вѣрить этому можетъ только закавказская критика. Еслибы они приняли имя Георгіанъ по случаю проповѣди святаго Георгія, то Византійцы первые поспѣшили бы чествовать ихъ этимъ именемъ, а между-тѣмъ оно и до двѣнадцатаго столѣтія было неизвѣстно Византійцамъ, которые однакожъ имѣли почти безпрерывныя сношенія съ кавказскими народами, военныя, торговыя и дипломатическія, и называли уже *классическую* область Фазиса не Колхидою, а по-

просту Мингреліей. Первый ихъ князь Георгій явился въ Абхазіи между 1014 и 1027 годами, по ихъ же собственной исторіи, которая и здѣсь, какъ почти во всѣхъ другихъ случаяхъ, ошибается въ числахъ годовъ, въ чемъ и г. Броссѐ отдаетъ ей должную справедливость. Этотъ Георгій, котораго, къ счастію, мы знаемъ черезъ Византійцевъ, княжилъ между 1030 и 1050 годами нашей эры. Онъ первый осмѣлился воевать съ Римлянами, и слѣдственно былъ уже силенъ, славенъ и честолюбивъ, потому-что до того времени слабыя княжества абхазскія находились подъ властію или подъ покровительствомъ то Римлянъ, то Персовъ. Гюрджъ, или Георгій, князь Абасговъ (Абхазовъ), воевалъ долго и удачно, основалъ независимое абхазское княжество, и онъ-то конечно, своими подвигами, укрѣпилъ на Кавказѣ за поколѣніемъ, ему подвластнымъ, имя Гурджи, Георгіанъ, или Грузинъ. Оно укрѣпилось и стало еще болѣе общимъ и извѣстнымъ при Георгіи II, его внукѣ и отцѣ Давида, который покорилъ Имеретію, Тифлисъ и всю нынѣшнюю Грузію. Но еще и этотъ знаменитый Давидъ, по признанію самихъ же историковъ грузинскихъ, началъ царствовать въ Абхазіи. Первыя сношенія Русскихъ съ Грузинами, которыя г. Броссѐ такъ прекрасно изложилъ намъ, имѣли мѣсто около этой эпохи тоже въ Абхазіи. Здѣсь-то возникъ и образовался изъ постепенно покоряемыхъ племенъ нынѣшній *народъ Грузиновъ*, или Юрьевцевъ, и онъ ни политически, ни исторически не можетъ быть старѣе своего *основателя и родоначальника*, того, кто

оставилъ ему свое имя и еще въ 1047 воевалъ с
византійскимъ императоромъ Константиномъ-Мо
номахомъ. Для всякаго оріенталиста это ясн
какъ солнце. По-крайней-мѣрѣ непонятно, к
кимъ образомъ Юрьевцы были бы старѣе своег
перваго Юрія!

Ясно также, что, въ странахъ, гдѣ поколѣні
принимали имена предводителей, успѣвшихъ со
динить ихъ подъ свои знамена, и гдѣ имя Геор
гій было столь обыкновеннымъ, неоднократн
могли являться породы Юрьевцевъ, *Гурджи*. Са
ми ли они такъ себя называли, или сосѣди да
вали имъ это имя, это все-равно для нашего пред
мета; дѣло въ томъ, что между-тѣмъ какъ поло
жительно извѣстно, что нынѣшніе Грузины вы
шли изъ Абхазіи и что первый ихъ Георгій н
старѣе одиннадцатаго вѣка, въ другой области
которая находилась не въ Абхазіи и не въ ны
нѣшней Грузіи, существовалъ какой-то мелкій на
родъ Юрьевцевъ. Масъуди, если не ошибаюсь
первый объ немъ упоминаетъ подъ именемъ *Джюр
зіе*, Юрьевцы, и помѣщаетъ ихъ *подлѣ* Абхазіи
Якутъ говоритъ, что эти Юрьевцы, со времен
покоренія Джюрзана Аравитянами до царствова
нія халифа Мутевеккиля, платили дань владѣте
лямъ Тифлиса; но онъ тутъ же прибавляетъ, чт
тѣ Юрьевцы, *Гюрджъ*, которые въ двѣнадцатом
вѣкѣ завоевали Тифлисъ и Джюрзанъ, *жили пр
жде въ Абхазіи*. Это очевидно два различные на
рода Юрьевцевъ, и я, несмотря на все желані
никакъ не могу въ умѣ своемъ логически связат
ихъ между собою. Кажется, что эти первые, дре

нѣйшіе Юрьевцы, *Джурзіе*, о которыхъ упоминаетъ Масъуди, и Якутъ говоритъ, что они съ седьмаго столѣтія были данниками мусульманъ, жили въ нынѣшней Имеретіи. Но отчего они неизвѣстны Византійцамъ подъ именемъ *Георгіанъ*? Какимъ образомъ это христіанское названіе могло пять или шесть столѣтій ускользать отъ вниманія набожныхъ христіанъ Цареграда? Для меня это, покамѣстъ, совершенно непонятно. Отъ какого Юрія могли они получить свое названіе? Списки грузинскихъ царей не показываютъ никакого Георгія раньше одиннадцатаго вѣка. Но за этимъ дѣло не стало бы. Мы знаемъ, изъ Прокопія, что въ царствованіе Юстиніяна I жилъ въ Иберіи (Имеретіи) одинъ царь Георгій, или *Гургенъ*, который впослѣдствіи принужденъ былъ отъ огнепоклонническаго фанатизма Хосроя, спасаться въ Лазику съ остаткомъ своихъ подданныхъ, пребывшихъ вѣрными христіанскому ученію. Онъ, конечно, могъ дать начало христіанскому поколѣнію Юрьевцевъ въ эту эпоху гоненій и отступничества. Но около той же эпохи былъ еще другой Георгій, знаменитый до баснословности герой кавказскихъ странъ, котораго тамошнія преданія называютъ *Юріемъ*-Львомъ, или *Гюрь*-Асланомъ, и котораго грузинскіе лѣтописцы, неизвѣстно на какомъ основаніи, зачислили въ списокъ своихъ царей, пожаловавъ въ Вахтанги Первые. Конечно, ни одинъ основательный оріенталистъ не повѣритъ ихъ нелѣпому толкованію, будто-бы онъ носилъ на шлемѣ изображенія вола (по-персидски *гюрь*) и льва (по-турецки *асланъ*),

и такъ пугалъ этимъ Персовъ, что они въ ужасѣ прозвали его *гюргъ-асланомъ*, волко-львомъ, забывъ вѣроятно со страху, что «левъ» называется по-персидски *ширъ*, а не *асланъ*. Подобная этимологія, по своей безтолковости, можетъ стоять наряду только съ тѣмъ, что грузинскіе Карамзины разсказываютъ о покореніи Грузинами всей Азіи, и даже Индіи, подъ предводительствомъ этого гибридскаго Гюргъ-Аслана. Для каждаго разсудительнаго оріенталиста будетъ очевидно, что, въ названіи *Гюргъ*-Асланъ, *Гюргъ* не есть персидское слово, но собственное имя христіанское, Георгій, то же самое что *Гургенъ*, *Гюрджъ*, или Юрій. Этотъ Юрій могъ также быть основателемъ перваго, не-абхазскаго, народа Юрьевцевъ, тѣмъ болѣе, что и лѣтописи грузинскія разсказываютъ, вѣроятно по кавказскимъ преданіямъ, что потомки Гюргъ-Аслана были покорены мусульманами. Но, судя по его имени, онъ долженъ быть турецкаго племени а не картвелическаго, къ которому принадлежатъ Грузины. До прибытія мусульманъ, въ Закавказскомъ краѣ были, въ самомъ дѣлѣ, и турецкія христіанскія поколѣнія. Сдѣлаемъ здѣсь одно общее замѣчаніе о способѣ, какимъ грузинскіе лѣтописцы прошедшаго вѣка составили древнюю исторію для своего народа. Они по-видимому на хватали преданій и царей со всего Кавказа, и справляясь къ какому народу и вѣку принадлежали лица и событія, которыя вносили они в свои писанія: разноплеменные владѣтели иберскіе армянскіе, персскіе, лазскіе, албанскіе, турецкіе, *которыхъ* нашли они упоминанія въ лѣтописях

антійцевъ, Армянъ, Персіянъ, герои народ-
ъ преданій Кавказа, богатыри нянюшкиныхъ
юкъ, все это пошло въ прокъ, и такимъ обра-
ь составилась прекрасная, безпрерывная цѣпь
ей и царствованій отъ временъ Александра
ікаго до девятаго или десятаго столѣтія. Съ
времени до покоренія Тифлиса повѣствова-
ихъ представляютъ мѣстами тѣнь истины,
то похожее на историческій разсказъ, потому-
здѣсь попадаются уже факты, заимствован-
изъ случайныхъ свидѣтельствъ мусульман-
литературы, хотя по обыкновенію и изуро-
анные перепутаніемъ вещей, совершенно раз-
одныхъ, и въ добавокъ приправленные вымы-
ли самихъ лѣтописцевъ. Основаніемъ этой ча-
ихъ разсказовъ служитъ, по моему мнѣнію,
шеніе трехъ различныхъ элементовъ, а имен-
перваго народа Юрьевцевъ, *Джюрзіе*, обитав-
о внѣ Абхазіи, втораго народа Юрьевцевъ,
джъ, вышедшаго въ двѣнадцатомъ вѣкѣ изъ
азіи, и наконецъ страны *Джюрзанъ*, или Кур-
области, составлявшей часть Арменіи; все
принято за одно, по созвучію названій, и, какъ
кажется, смѣшано съ Грузіей и Грузинами,
рыхъ исторія, нѣсколько достовѣрная, не мо-
ъ начинаться раньше Георгія I или, точнѣе,
да III, покорителя Тифлиса и нынѣшней Гру-
въ первой половинѣ двѣнадцатаго вѣка.
кутъ, писатель точный и старательный, кото-
обязаны мы сохраненіемъ разныхъ памят-
въ, драгоцѣнныхъ для исторіи и этнографіи
нихъ вѣковъ, довольно-подробно описываетъ

это событіе въ своемъ географическомъ слов
Я выпишу слова его вполнѣ, и постараюсь
вести ихъ какъ-можно ближе. Я полагаю,
этотъ отрывокъ, который мнѣ пріятно из
здѣсь впервые на одномъ изъ европейскихъ
ковъ, есть, пока, единственный достовѣрны
кументъ исторіи Грузиновъ въ двѣнадцато
тринадцатомъ столѣтіяхъ: не думаю, чтобы
могли показать въ своей литературѣ что-ни
достойное бо̀льшаго довѣрія.

«Мусульмане покорили Тефлисъ въ царст
ніе халифа Османа, сына Аффанова. Двинулся
бибъ-ибнъ-Сельма въ Арменію, и покорилъ
шую часть городовъ ея. Когда занялъ онъ
дину края, прибылъ посолъ изъ Джюрзана.
бибъ тогда сбирался идти воевать эту обл
Посолъ просилъ мира и опасной грамматы от
биба. Хабибъ-ибнъ-Сельма написалъ письмо
жителямъ) и вмѣстѣ съ нимъ вручилъ ему
ную граммату. Вотъ ея копія: «Во имя Бога,
«лостиваго, милосердаго! Се бысть граммата
«Хабиба, сына Сельмова, людямъ тефлисск
«отъ границъ области Золотаго Престола,
«Джюрзана-Рѣки. Пожаловали есьмы безопасн
«душамъ ихъ, и церквамъ ихъ, и монасты
«ихъ, и вѣрѣ ихъ, съ условіемъ быть покор
«да платить подушное, со всякой семьи по д
«рію. А вашему брату не соединять нѣсколь
«семей въ одну ради умаленія подушнаго; а
«тоже не раздѣлять одной семьи на нѣско
«ради умноженія. А вамъ по-добру предостере
«нашего брата о врагахъ Бога и пророка его

«лико возможете, да угощать пристойно всякаго «мусульманина, нуждающагося въ ночлегѣ, яства- «ми дозволенными намъ изъ яствъ новозавѣтнаго «народа. А ежели кто-нибудь изъ мусульманъ бу- «детъ убитъ у васъ, то вамъ же платить и мзду «за кровь его, даже за самаго подлаго изъ мусуль- «манъ, развѣ у нихъ мзды не положено. А если «пребудете вѣрными и молитву станете творить «по-нашему, такъ вы братья намъ во всемъ; нето, «вамъ платить подушное. А буде мусульманамъ «понадобится помощь отъ васъ, то служить имъ «имѣете людьми и имуществомъ. А кто не ста- «нетъ дѣйствовать по сему, тотъ нарушитель до- «говора. Таковы вамъ льготы и повинности. Сви- «дѣтельствуемся Богомъ и его ангелами; да и од- «ного Бога достаточно въ свидѣтели». Съ тѣхъ поръ Тефлисъ постоянно находился во владѣніи мусульманъ, и жители приняли мусульманскую вѣ- ру. Наконецъ, въ 515 году гиджры (1121 по Р. Х.) вышло изъ ближнихъ къ Тефлису горъ* по- колѣніе, христіанскаго вѣроисповѣданія, по име- ни Грузины (*Гюрджъ*), въ великомъ множествѣ, и стало дѣлать набѣги на ближайшія къ себѣ земли мусульманскія. Правители въ нихъ были тогда постановлены отъ царей сельджукскихъ; но они были слабы; партіи и раздоры господство-

---

* Въ подлинникѣ эти горы поименованы, но я не могу разобрать ихъ имени въ моемъ спискѣ. *С.*

Въ академической рукописи арабскаго географическаго словаря, Якута, горы эти названы (*А*)*бхазъ*, то-есть Абхаз- скими. *Изд.*

вали между ними, и каждый хотѣлъ быть независимымъ владѣтелемъ; а тутъ еще случилась въ томъ же году война между Махмудомъ и Масъудомъ, внукомъ Меликъ-шаха: мѣстные правители, занятые кознями, начали переходить отъ одной стороны къ другой, и никто не думалъ о защитѣ горныхъ проходовъ. Грузины напали на правителей Арменіи (нынѣшней Грузіи) и принудили ихъ къ сраженіямъ, которыхъ конецъ былъ тотъ, что Грузины явились побѣдителями, а мусульмане были разбиты. Тогда Грузины пришли подъ Тефлисъ и осажали его съ намѣреніемъ принудить къ сдачѣ. Во время осады убили они у мусульманъ множество народа; наконецъ взяли городъ и утвердились въ немъ. Они поступили съ жителями милостиво, и только обратили ихъ въ своихъ иновѣрныхъ подданныхъ. Съ того времени не переставали Грузины усиливаться и дѣлать болѣе и болѣе дальніе набѣги на мусульманъ, вторгаясь то въ Арранъ (Бердаа), то въ Адербаеджанъ, и проникая даже до Хелата, а мѣстные правители, преданные пьянству и дѣламъ непозволительнымъ, и не думали давать имъ отпора. Но наконецъ выступилъ противъ Грузиновъ Джелаль-эддинъ, сынъ Харезмъ-шаховъ, въ 623 году гиджры (1226 по Р. Х.), взялъ Тефлисъ и перебилъ почти всѣхъ Грузиновъ. Съ остальными онъ еще имѣлъ нѣсколько сраженій, и побѣдилъ ихъ во всѣхъ случаяхъ. Потомъ постановилъ онъ въ Тефлисѣ своего генералъ-губернатора (*вали*), и возвратился во-свояси. Этотъ губернаторъ сталъ *очень худо* обращаться съ жителями города: тѣ

ызвали къ себѣ *остальныхъ Грузиновъ, которые были еще не побиты*, и сдали имъ городъ, а Харезмцы бѣгомъ ушли изъ него къ своему царю. Однакожъ Грузины побоялись, что Харьезмъ-шахъ возвратится, и что они съ нимъ не справятся: такимъ-образомъ сами они сожгли городъ въ 624 (1227) году и ушли въ горы. Это — послѣднее извѣстіе, какое я объ нихъ имѣю.»

Читая это описаніе просвѣщеннаго современника, который съ любовію изучалъ географію, этнографію и политическія дѣла своего времени, нельзя почти на каждомъ словѣ не прійти къ тому же заключенію, къ какому приводились мы уже другими данными, а именно, что Грузины — пришлецы въ нынѣшней Грузіи, что ихъ тамъ не было до взятія Тифлиса Давидомъ III, и что, спустя цѣлое столѣтіе по водвореніи ихъ въ этомъ краю, они были еще тамъ не многочисленны. Грузинскія сказанія, по которымъ Тифлисъ взятъ былъ ими около 1121 года, согласны въ этотъ разъ съ показаніями иностранныхъ писателей; но походъ Джелаль-эддина въ Грузію, который воспослѣдовалъ въ правленіе царицы Русуданы, описанъ въ нихъ невѣрно: они относятъ его къ 228 году, и говорятъ, что Тифлисъ находился пять лѣтъ въ рукахъ Турковъ, между-тѣмъ какъ современникъ Якутъ помѣщаетъ это событіе въ 226 и разсказываетъ обстоятельно, что Харезмы ушли изъ Тифлиса сами въ слѣдующемъ же году. О сожженіи города самими Грузинами, лѣтописи ихъ вовсе умалчиваютъ. Какое послѣ этого можно имѣть *довѣріе* къ грузинскимъ Карам-

зиным?ъ? Весьма сомнительно, чтобы Вах
или Вахушти пользовался какими-нибудь по
ными лѣтописями или документами: иначе,
примѣчательныя событія не были бы опис
нихъ такъ сбивчиво. Гораздо вѣроятнѣе, чт
почерпали свѣденія свои въ бѣглыхъ нам
мусульманскихъ писателей на разныя дѣла
зіи и дополняли эти слабыя данныя съ пом
своего воображенія. Но не надобно даже у
ляться въ тринадцатое столѣтіе, чтобы най
добные, и еще большіе, промахи въ знамен
грузинскихъ историкахъ. Г. Броссѐ издал
давно, въ переводѣ съ подлиннаго доку
кровный договоръ имеретинскаго царя Ал
дра съ дадіаномъ Маміемъ въ 1432 году, за
пою *великаго грѣшника* Фалаванди Фалаванд
ли, и оказалось, что, въ грузинскихъ лѣтоп
этого дадіана уморили и схоронили за осе
цать лѣтъ до подписанія имъ договора, и ч
1432 году уже давно и благополучно царств
сынъ его Липаритъ. Ученый академикъ пр
купляетъ: «Нельзя не сказать, что число
важнаго документа представляетъ больш
трудненіе.... Вмѣсто того, чтобъ теряться в
гадкахъ, лучше конечно оставить вопросъ
шеннымъ, пока счастливый случай не обнару
истины». Что̀ тутъ и теряться въ догад
Ясно и очевидно, что лѣтописи, которыя
жестоко противорѣчатъ «важнымъ докумен
составленнымъ по законной формѣ, за скр
великаго грѣшника, не заслуживаютъ ник
довѣрія критики.

Нѣсколько словъ о пропорціи племенъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи Грузіи могутъ также быть полезны для приведенія въ ясность вопроса, были ли тамъ Грузины до взятія Тифлиса Давидомъ. Въ 1832 во всей Грузіи считалось: Грузиновъ 101,000 душъ муж. пола; Армянъ 56,300; Татаръ 41,200; Осетинцевъ 15,440; Пшавовъ 2,040; Тушей 2,400; Хеврусовъ 1,510; Грековъ 1,810; Нѣмцевъ 1,040; Евреевъ 500. Итого 224,300.

Слѣдственно Грузины и теперь еще, послѣ семи столѣтій пребыванія въ краю, далеко не составляютъ половины туземнаго народонаселенія хотя, какъ извѣстно, господствующее племя всегда умножается въ теченіи времени отъ постепеннаго перенятія его обычаевъ и языка подвластными. И теперь еще, противъ 101,000 Грузиновъ мы видимъ тамъ 56,300 Армянъ, 41,200 Татаръ и 15,440 Осетинцевъ. Что̀ значитъ 101,000 душъ мужескаго пола! Это едва 20,000 людей, способныхъ носить оружіе. Конечно, не менѣе этого числа воиновъ пришло осаждать Тифлисъ въ 1121 году. Можно рѣшительно сказать, что еще и въ наше время настоящее основаніе народонаселенія Грузіи, по числу, составляютъ Армяне и Турки, тѣмъ болѣе они были туземцами для Грузинъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Если допустимъ, что со времени покоренія число Армянъ и мусульманъ уменьшилось до половины — особенно число мусульманъ подъ владычествомъ христіанскаго народа — то нельзя будетъ не убѣдиться ариѳметическою очевидностью, что до 1121 года Грузиновъ и не могло быть въ Грузіи.

Вотъ въ чемъ заключаются мои сомнѣнія относительно исторіи Грузиновъ, и вотъ главныя причины этихъ сомнѣній. Излагая ихъ, я не имѣю другой цѣли какъ способствовать къ открытію истины, побужденіемъ знатоковъ и любителей грузинской исторіи къ собранію доказательствъ, памятниковъ, документовъ, для опроверженія этихъ сомнѣній, если они неосновательны. Я первый получу отъ этого пользу, и встрѣчу истину съ почестью, хоть бы она была противна нынѣшнему моему убѣжденію. Если будетъ доказано памятниками, или по-крайней-мѣрѣ правильнымъ, ученымъ разборомъ источниковъ Вахтанга и Вахушти, что Грузины всегда обладали Курскимъ краемъ, я отъ всей души уступаю имъ Грузію и заранѣе поздравляю ихъ съ глубокою древностью. Но кавказскія сказанія донынѣ принимаются въ наукѣ, какъ мнѣ кажется, съ благосклонностью, нѣсколько предосудительною для выгодъ исторической критики и истины. Противорѣчіе можетъ быть здѣсь полезно. По-крайней-мѣрѣ оно покажетъ необходимость тщательно разобрать и устранить сперва все, что̀ позволяетъ смотрѣть на предметъ съ другой точки зрѣнія *.

1838.

---

* Статья эта написана С. для возбужденія нетронутаго дотолѣ вопроса, и достигла своей цѣли. Г. Броссе отвѣчалъ на эти сомнѣнія статьею, напечатанною въ V-мъ томѣ «Bulletin scientifique» С.-Петербургской Академіи Наукъ, и съ-тѣхъ-поръ издалъ «Сборникъ Грузинскихъ Лѣтописей (Histoire de la Géorgie), критическая разработка которыхъ можетъ пролить свѣтъ на исторію Грузіи. *Изд.*

МЕХМЕДЪ-АЛИ.

По поводу *Путешествія по Египту и Нубіи*, Авраама Норова. 1840.

Это сочиненіе составлено преимущественно по ранцузкимъ источникамъ, но русскій путешественникъ, пользуясь ими, смотритъ на политическое лицо похитителя верховной власти въ Египтѣ, его правительство, и на всѣхъ мусульманъ, предпочтительно съ духовно-христіанской стороны. а сторона, безъ-сомнѣнія, чрезвычайно почтенна, но она, какъ кажется, закрываетъ отъ глазъ нашего наблюдателя много такихъ вещей, которыя хорошо видны со всѣхъ другихъ точекъ зрѣнія. Норовъ, взвѣшивая достоинства и недостатки Мехмеда-Али, вмѣняетъ ему въ главную и превосходящую все заслугу, защиту, которую этотъ человѣкъ или, какъ авторъ выражается, мужъ, оказываетъ христіанамъ: но, въ порядочной филантропіи, не должно забывать и о мусульманахъ, между которыхъ тамошніе христіане составляютъ самую незначительную частицу общей массы подданныхъ. Каковъ онъ для мусульманъ, то есть для девяти-десятыхъ народонаселенія, авторъ не

говоритъ этого, во-первыхъ потому-что самъ онъ
находитъ неловкимъ говорить дурно о человѣкѣ,
который такъ любезенъ съ путешественниками, а
во-вторыхъ, очевидно потому, что и его египет-
скіе пріятели, и книги, принятыя ими въ руко-
водство при описаніи своего путешествія, принад-
лежали къ оффиціяльнымъ друзьямъ паши. Такіе
наставники не совсѣмъ выгодны для наблюдателя,
который объявляетъ желаніе быть безпристраст-
нымъ. Авторъ предпочтительно почерпалъ свои
свѣденія изъ французскихъ книгъ и изъ бесѣдъ
Французовъ, съ которыми познакомился онъ въ
Египтѣ. Французы всегда имѣли странныхъ фаво-
ритовъ: нѣкогда Али-Паша, тигръ янинскій, поль-
зовался любовью ихъ политиковъ и журналистовъ
точно такою же любовью, какъ нынче Мехмедъ-
Али, изъ котораго они, въ своемъ воображеніи
легкомысленно сдѣлали великаго человѣка и героя.
Теперь имъ кажется, что будучи его друзьями и
покровителями, они получатъ перевѣсъ на Среди-
земномъ Морѣ и когда-нибудь приведутъ въ дѣй-
ствіе, при его помощи, планъ Наполеона о нападе-
ніи на англійскую Индію черезъ Египетъ: поэто-
му не мудрено, что Мехмедъ-Али такъ имъ милъ,
что онъ составляетъ для нихъ нѣчто народное и
дорогое сердцу. Адвокаты и газетчики, владыче-
ствующіе во Франціи, всѣ эти люди, принадлежа-
щіе къ толпѣ, увлекаемые страстями и невѣже-
ственными надеждами толпы, и вовсе незнакомы
съ политическими и военными возможностями, пи-
таютъ къ египетскому деспоту истинно-дѣтское
удивленіе и даже, по рыцарской любви къ этом

призраку своей разгоряченной фантазіи, охотно ввергли бы свое отечество въ пожаръ всеобщей войны, не разсуждая о послѣдствіяхъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ Французамъ не удалось овладѣть Египтомъ, они почитаютъ Мехмеда-Али спасителемъ своей народной чести, потому-что онъ поспѣшилъ прибрать къ рукамъ ихъ завоеваніе, которое легко могло сдѣлаться добычею Англичанъ. Мелкое торжество, одержанное имъ надъ ничтожною англійскою экспедиціей, отправленною въ помощь мамлюкамъ, заставило униженныхъ Нельсономъ Французовъ смотрѣть на этого Арнаута даже какъ на мстителя за свои горькія неудачи. Дѣйствительно привязанность нынѣшнихъ французскихъ политиковъ къ нему не имѣетъ другихъ источниковъ: она основывается на мечтѣ и на народномъ чувствѣ, которыя только для виду прикрываютъ они болѣе или менѣе смѣшными соображеніями мнимой политической дальновидности. Послѣ несчастнаго похода 1799 года, Мехмедъ-Али необходимо долженъ былъ сдѣлаться идоломъ толпы во Франціи: изъ ненависти къ Англичанамъ, она окружала его своимъ участіемъ, своею дружбою, предложеніями совѣтовъ и услугъ, и французскій консулъ Дроветти, одинъ изъ офицеровъ Бонапартовскаго похода и личный другъ Мехмеда-Али, долгое время былъ главнымъ руководителемъ новаго паши. И до-сихъ-поръ въ Александріи и Каирѣ приверженцы и панегиристы этого паши—исключительно Французы или тѣ, которые обыкновенно живутъ съ ними; одни Французы и видятъ въ немъ героя, мудраго политика, пре-

образователя Египта, друга и надежду африканскаго просвѣщенія. Почитая себя за самый образованный народъ на земномъ шарѣ, они любуются на своего каирскаго пріятеля, какъ на представителя парижской образованности на берегахъ Нила. Французское правительство долго не раздѣляло этихъ забавныхъ понятій, и мы лично знаемъ, какъ это огорчало Дроветти и тѣхъ, которые смотрѣли на египетскаго пашу съ точки наполеоновскихъ проектовъ. Бурбоны, при которыхъ дипломатическая часть была наполнена людьми, опытными въ дѣлахъ и хладнокровными, оцѣнили настоящимъ образомъ эти странныя мечтанія и не придавали Мехмеду никакой политической или народной важности для Франціи; но, послѣ іюльскаго переворота, когда въ политику этого государства вторглись всѣ страсти и всѣ предразсудки толпы, Мехмедъ-Али долженъ былъ получить въ ней то же самое значеніе, которое имѣлъ онъ въ простонародной повѣсти, а противорѣчіе и преувеличеніе вскорѣ сдѣлали изъ него родъ гиганта или, какъ сказалъ бы Персіянинъ, родъ *отца Французовъ*, котораго честь и выгоды добрыя дѣтки должны защищать словомъ и дѣломъ.

Мы сочли нужнымъ сперва объяснить происхожденіе пристрастія французскихъ писателей и политиковъ къ этому человѣку, частію чтобы дать ключъ читателямъ газетъ къ загадкѣ, которая такъ сильно ихъ озадачиваетъ, но еще болѣе чтобы возстановить въ настоящемъ видѣ вопросъ о достоинствѣ египетскаго паши какъ политическаго *преобразователя* устраненіемъ ложнаго свѣта

бросаемаго на эти достоинства страстями народа, поставленнаго въ особенныя къ нему отношенія. Оградимъ себя отъ вліянія этихъ страстей и будемъ разсуждать по собственному нашему воззрѣнію на дѣло. Мы не проиграли абукирскаго сраженія, и, слѣдовательно, египетскій паша намъ ни братъ ни сватъ; онъ для насъ простое историческое лицо, человѣкъ далекій и чужой: ничто не препятствуетъ намъ говорить объ немъ хладнокровно. Будучи сами народомъ преобразованнымъ, видѣвъ у себя образецъ великаго преобразователя, испытывая донынѣ вліяніе его генія и наслаждаясь плодами его безсмертныхъ трудовъ, мы, Русскіе, имѣемъ нѣкоторое право, и даже хорошія средства, судить о преобразователяхъ и преобразованіяхъ своимъ собственнымъ умомъ.

Въ чемъ заключаются права египетскаго паши на славу преобразователя? Въ построеніи нѣсколькихъ кораблей? въ сформированіи нѣсколькихъ полу-регулярныхъ полковъ?... Но прежде чѣмъ Мехмедъ-Али подумалъ о возможности имѣть свой корабль, у его султановъ были прекраснѣйшіе флоты, огромные и блестящіе корабли, построенные отличнѣйшими архитекторами; даже частные люди имѣли прежде него въ Турціи, не только лучшіе въ Средиземномъ Морѣ корабли, но и цѣлыя флотиліи. Доказательство—греческая революція. Когда она вспыхнула, у египетскаго паши было всего два или три военныя судна, построенныя во Франціи и Англіи, и служившія ему для перевозки въ Марсель пшеницы и волчьихъ бобовъ. Флотъ его создался во время греческой

революціи, по полученіи изъ Константинополя указа о снаряженіи нужнаго числа кораблей для экспедиціи въ Морею, и по назначеніи сына его Ибрагима, морейскимъ пашою. Формированіе регулярнаго войска не новость въ оттоманткой имперіи, со временъ *низамъ-джедида*. Пашамъ неоднократно было предписываемо строить флотилію, образовать полки по «новому устройству». Для безъ этого вовсе не надобно быть геніемъ или необыкновеннымъ человѣкомъ, чтобы отгадать пользу или чувствовать потребность корабле порядочнаго войска въ Египтѣ, на берегахъ котораго сражались флоты Нельсона и Бонапарте, который цѣлые два года находился подъ власт регулярной арміи. Тамъ всѣ были убѣждены этой потребности, и препятствій не предстояло какихъ: ни стрѣльцовъ, ни янычаръ, тамъ не было; мамлюки были разсѣяны Французами; и, всемъ томъ, опять до греческой революціи Мехмеда-Али не было ни одного регулярнаго дата. Онъ содержалъ въ повиновеніи Египет велъ войны въ Африкѣ и Аравіи на старин турецкій ладъ, нанимая Арнаутовъ. Когда сооб нія съ Греціей пресѣклись и нельзя уже б выписывать Албанцевъ, тогда только египет паша, по-необходимости, приступилъ къ фор рованію мѣстнаго войска. И что̀ придумалъ новаго на этотъ случай? Онъ по-просту прод жалъ систему «мамлюковъ». *Мамлюкъ* знач *рабъ*. Прежніе султаны этой страны, покупая вольниковъ у кавказскихъ народовъ, составили *себя* изъ этихъ выписныхъ рабовъ корпусъ т

телей, которые потомъ присвоили себѣ всю
, въ государствѣ и сдѣлались единствен-
его обладателями. Они образовали между
родъ военной республики, и комплектовались
ъ же образомъ: каждый бей, прежній неволь-
египетскаго султана, имѣлъ теперь своихъ
ьниковъ, купленныхъ также на Кавказѣ и
вляющихъ собственную его военную стражу.
го изъ нихъ, своего любимца, онъ назначалъ
ъ наслѣдникомъ: тотъ опять выписывалъ
новыхъ невольниковъ изъ Абхазіи. Египет-
паша, вмѣсто того, чтобы воскресить воин-
духъ и національность угнетенныхъ Егип-
какъ сдѣлалъ бы геніяльный человѣкъ и
разователь, заботящійся о будущихъ успѣ-
страны, послѣдовалъ той же варварской си-
, когда онъ не могъ уже нанимать для себя
женнаго сброда въ Македоніи: первые полки
бразовалъ, то есть, другіе для него образо-
изъ своихъ собственныхъ *мамлюковъ*, или
зенныхъ извнѣ невольниковъ. И прежніе
ки были гораздо нравственнѣе его въ этомъ
леніи: они по-крайней-мѣрѣ покупали себѣ
и воиновъ на наличныя деньги, а Мехмедъ-
напалъ съ своими Арнаутами вооруженною
на мирныя и независимыя царства негровъ
и Африки, на Донголу, Сеннааръ, Дарфуръ,
тилъ толпы этихъ несчастныхъ людей въ
во, съ неслыханными жестокостями при-
ъ ихъ въ Египетъ, и отдалъ французскимъ
рамъ и ренегатамъ, съ тѣмъ, чтобы они обра-
и изъ нихъ *регулярное войско*. Во всемъ этомъ

еще нѣтъ никакого «преобразованія»; такая ар
не новость въ Египтѣ, и она по-прежнему
имѣетъ никакой связи съ страною, которая д
жна кормить и одѣвать ее. Когда не достало в
ровъ-рабовъ, Мехмедъ-Али былъ принужденъ
обходимостью пополнять ихъ ряды Арабами-Еги
тянами, которыхъ онъ набираетъ и теперь е
такъ же, какъ набиралъ негровъ внутри Афри
то есть, нападеніями вооруженныхъ шаекъ
собственные свои города и селенія, откуда жи
ли съ ужасомъ прячутся въ ямы или разбѣга
ся по смежной пустынѣ, тогда какъ послан
паши хватаютъ ихъ безъ разбора и, кучами, взва
ваютъ связанныхъ на суда, стоящія на Нилѣ, ч
бы отвезти въ рекрутскія депо Нижняго Егип
Все это не доказываетъ, ни великаго ума, ни бо
шихъ правительственныхъ способностей, ни да
простой распорядительности: всякій турецкій па
въ состояніи умудриться такъ же искусно, е
притомъ позволятъ ему еще неограниченно г
бить подвластное себѣ народонаселеніе произво
ными налогами и монополіями, отнимая послѣд
кусокъ хлѣба у земледѣльцевъ, чтобы продать
въ свою пользу иностранцамъ и превратить
золото для своихъ сундуковъ. Въ одномъ тол
отношеніи Мехмедъ-Али заслуживаетъ тит
преобразователя Египта: изъ страны обильно
хорошо заселенной, онъ преобразовалъ его въ п
тыню! Еще 1821 году было тамъ цвѣтущіе го
да и многолюдныя селенія: они теперь въ разва
нахъ; жители разбѣжались; поля остаются нев
дѣланными; повсюду водворилась нищета и ужа

При мамлюкахъ Египетъ наполненъ былъ ворами, точно такъ же какъ при Фараонахъ и во время Геродота, какъ потомъ при Птоломеяхъ, Римлянахъ и Фатимитахъ, въ лучшія времена свои; поѣздки къ пирамидамъ не были безопасны отъ нападеній бедуиновъ, кочующихъ въ пустынѣ; но Египетъ пользовался довольствомъ, имѣлъ свободную торговлю, хорошее земледѣліе, многочисленные города; что̀ онъ теперь, при мнимомъ преобразователѣ, при своихъ знаменитыхъ успѣхахъ въ просвѣщеніи? Самая бѣдная, самая опустошенная земля въ мірѣ!

Мехмедъ-Али завелъ въ немъ нѣкоторыя плантаціи и мануфактуры. Но завелъ ли онъ ихъ для Египта, для пользы его жителей? Ни сколько. Онъ завелъ все это исключительно для себя, на своихъ земляхъ, на собственный свой счетъ, и для умноженія своихъ личныхъ доходовъ. Египетъ обращенъ весь въ его крѣпостное помѣстье: онъ объявилъ себя владѣльцемъ всѣхъ его земель и произведеній; плоды трудовъ земледѣльца отдаются ему, и онъ предоставилъ одному себѣ право продавать ихъ на внутреннихъ и заграничныхъ рынкахъ поцѣнамъ, которыя самъ онъ опредѣляетъ. Во всемъ Египтѣ онъ одинъ — сельскій хозяинъ, мануфактуристъ и купецъ. Чтобы создать себѣ такое положеніе, опять не нужно быть геніемъ, тѣмъ болѣе, что Мехмедъ-Али даже не выдумалъ и этого: со временъ Сезостриса извѣстна на Востокѣ подобная система политической экономіи; къ ней прибѣгали почти всѣ знаменитые азіятскіе владѣтели, которые *нуждались* въ большихъ деньгахъ

для своихъ честолюбивыхъ предпріятій. Со ст
роны египетскаго паши не видно здѣсь даже
генія на зло: онъ—только подражатель и приве
женецъ старинныхъ пагубныхъ понятій.

Перейдемъ теперь къ его внутренней политик
тутъ мы увидимъ Мехмеда-Али, не только чу
дымъ всякой преобразовательной геніяльности,
даже человѣкомъ съ весьма ограниченными по
тіями о правительствѣ. Что Мехмедъ-Али испо
ненъ честолюбія, въ томъ нѣтъ никакого спо
какъ нѣтъ и никакого достоинства съ его сто
ны: честолюбіе тогда только бываетъ благор
нымъ, когда ему соотвѣтствуютъ въ человѣкѣ у
и стремленіе къ общей пользѣ, когда оно создае
что-нибудь великое и прочное. Мехмедъ-Али
лаетъ теперь быть независимымъ отъ Тур
чтожъ! всѣ, даже самые плохіе, паши турецкіе
прочь отъ такого желанія: но сообразилъ ли о
хорошо слѣдствія подобной независимости? Мож
право, подумать, что онъ вовсе не понимаетъ с
его положенія. Онъ хочетъ быть независимы
отъ Турціи, и между-тѣмъ остаться Туркомъ!
питанный предразсудками и гордостью своего п
мени, и не обладая довольно сильнымъ умомъ,
побѣжденія ихъ, онъ презираетъ арабское наро
населеніе Египта, его языкъ, дарованія и спос
ности, между-тѣмъ какъ исторія и литература э
го поколѣнія, если бы онъ зналъ грамотѣ, убѣ
ли бы его положительно, что едва-ли есть на
стокѣ народъ остроумнѣе, способнѣе ко всему,
даровитѣе Аравитянъ. На кого же онъ може
опереться, разорвавъ связь съ Турецкою Импері

До-сихъ-поръ, какъ турецкій паша, онъ выписывалъ изъ Турціи волонтеровъ для военной службы и чиновниковъ для гражданской. Правда, эти волонтеры и чиновники состояли изъ послѣдней сволочи во всемъ государствѣ, сволочи, которая своей безнравственностью только усиливала презрѣніе и ненависть арабскаго племени ко всему турецкому; но Арабы терпѣли ее изъ преданности къ законному государю, султану, о котораго правахъ, какъ духовнаго халифа, и могуществѣ, какъ политическаго «повелителя правовѣрныхъ», они имѣютъ весьма высокое понятіе. Не матеріяльная сила—потому-что во всемъ Египтѣ едва-ли есть пять тысячъ Турковъ—а одинъ страхъ константинопольскаго султана удерживалъ ихъ въ повиновеніи его намѣстнику, Мехмеду-Али. Но, сдѣлавшись независимымъ, что онъ такое, одинъ посреди Арабовъ, оскорбленныхъ его невѣжественнымъ презрѣніемъ и ненавидящихъ въ немъ своего жестокаго грабителя? Порта, конечно, не дозволитъ вербовать людей въ своихъ владѣніяхъ! Тогда Турками въ Египтѣ будутъ только онъ, его дворъ и нѣсколько десятковъ подъячихъ, изгнанныхъ изъ султанской службы и преданныхъ разврату. Не нужно и доказывать, что такое государство не можетъ держаться и полстолѣтія. Эта турецкая наклейка на арабскую массу лопнетъ сама или будетъ сорвана при первомъ сотрясеніи. Если Мехмедъ-Али, къ удивленію всей Европы, такъ долго не объявлялъ себя независимымъ, то причиною скромности его было единственно это уваженіе, или, другими словами, съ одной стороны, опасеніе

лишиться важной подпоры въ нравственномъ влія
ніи имени султана, и лишиться средствъ къ набо
ру турецкихъ солдатъ и чиновниковъ, съ другой
неумѣнье перестать быть Туркомъ и породниться
языкомъ, нравами и чувствами съ подвластным
себѣ народомъ. Человѣкъ съ «необыкновеннымъ
умомъ, какой ему приписываютъ, поступилъ б
совсѣмъ иначе. Будь онъ геній, онъ бы создал
что-нибудь новое, а не истощался на поддержив
ніе смѣшной и непрочной турецкой надстройк
надъ зданіемъ арабскаго общества. Какъ же он
спросятъ, теперь рѣшился искать независимост
Онъ, собственно, и не искалъ ея: теперь, на худ
конецъ, онъ и готовъ быть независимымъ, хо
чувствуетъ вѣроятно и самъ, что въ этомъ закл
чается его погибель. Онъ мечталъ о другомъ—
престолѣ султана. Самолюбіе его чрезмѣрно: евр
пейскіе искатели приключеній, спекуляторы и пр
жектеры, чтобы удачнѣе вовлечь этого жадна
старика въ разныя разорительныя предпріяті
увѣрили его, что онъ—второй Наполеонъ, и он
такъ крѣпко убѣдился въ этой истинѣ, что, ещ
лѣтъ двадцать тому назадъ, не было для него ра
сужденія пріятнѣе бесѣды о Наполеонѣ, среди к
торой онъ всегда ожидалъ услышать сравненіе с
бя съ этимъ всеобъемлющимъ геніемъ. Онъ пр
зиралъ Египетъ, считая эту длинную и узкую по
лосу земли слишкомъ недостойною себя. Констан
тинопольскій престолъ сильно прельщалъ его че
столюбіе, и, если бы не Россія, онъ вѣроятно до
стигъ бы своей цѣли, не трогаясь съ мѣста. Когд
Россія великодушно приняла этотъ престолъ под

свое покровительство, онъ желалъ по-крайней-мѣрѣ обладать Сиріей, потому-что, разоривъ Египетъ въконецъ, не находилъ уже въ немъ никакихъ для себя пособій; но болѣе всего желалъ онъ удержать за собою часть Малой Азіи: для него важно было то, что этотъ уголокъ населенъ природными Турками, на которыхъ, какъ на своихъ соотечественниковъ, могъ онъ по-крайней-мѣрѣ положиться для надежнѣйшаго угнетенія Арабовъ въ случаѣ совершеннаго разрыва съ Оттоманскою Имперіей. Такая правительственная система, безъ сомнѣнія, можетъ помѣститься только въ очень темной головѣ, но это настоящая система Мехмеда-Али, котораго французскія газеты величаютъ титулами генія, преобразователя и просвѣтителя Египта. Если отнять у египетскаго паши пріобрѣтенный имъ уголъ въ Малой Азіи и Сирію, то его геній и не осмѣлится быть независимымъ: онъ охотно согласится быть наслѣдственнымъ вассаломъ султана, чтобы только имѣть возможность набирать въ Турціи тѣхранителей и чиновниковъ, которые помогали бы ему грабить Арабовъ.

Таковъ этотъ «необыкновенный» человѣкъ. Всѣ дѣйствія его дышатъ самымъ грубымъ тиранствомъ, хотя онъ и не кровожаденъ. Разговоръ его—самый обыкновенный и вовсе не обличаетъ высокаго ума. Понятія его о дѣлахъ—безграмотныя. Но предложите ему что-нибудь обѣщающее большіе барыши, это онъ поймете превосходно и даже удивитъ васъ своей изобрѣтательностью! Врожденная смѣтливость у него велика на все, что имѣетъ отношеніе къ личной выгодѣ, къ ум-

ноженію доходовъ; но и тутъ непрозорливость с
пой жадности напечатлѣна на всѣхъ его распо
женіяхъ, клонящихся къ этой великой цѣли. Ч
бы получить большой доходъ сегодня, онъ ни
гда не подумаетъ о томъ, что̀ будетъ завтра:
разсчитываетъ, долго ли прослужитъ ему вновь
крытый источникъ дохода, осушаетъ его ка
можно скорѣе, ищетъ новаго. Не только отнима
онъ у земледѣльца почти весь сборъ съ полей,
и безразсудно подрѣзываетъ въ корнѣ сельс
хозяйство, главное основаніе богатства Еги
каждое плодовое дерево, каждая скотина, кажд
колодецъ для поливанія полей, всѣ первыя потр
ности жизни, всѣ средства къ пропитанію, обло
ны у него непомѣрною податью. Такимъ образо
изъ четырехъ милліоновъ жителей, которые
были въ двадцатомъ году, благодаря мудрости
го просвѣтителя Египта, народонаселеніе стра
какъ намъ извѣстно, уменьшилось нынче до дв
милліоновъ и продолжаетъ уменьшаться съ к
дымъ годомъ; земледѣліе совершенно упало;
говля и доходы паши исчезли — потому - что к
его чиновникамъ нечего взять съ пустыхъ д
вень и невоздѣланныхъ полей, то и ему самому
чего продать иностранцамъ; частная ремеслен
промышленость также рушилась. Руководству
одною только корыстью, онъ развелъ на свой сч
плантаціи индиго, сахарнаго тростника и хло
той бумаги, предпріятіе, изъ котораго для б
ныхъ *феллаховъ* (поселянъ) проистекли безчисл
ныя притѣсненія, имѣвшія тоже очень вред
вліяніе на земледѣліе. Европейскіе прожекте

видомъ доставленія ему огромныхъ барышей,
ли его въ раффинеріи, филатуры и разные
заводы, которые сдѣлались только новымъ
никомъ бѣдствіи для феллаховъ, а ему не
ли большой пользы: многіе даже обратились
ачительный убытокъ и давно уже оставлены.
то пріятели паши называютъ мануфактурною
шленостью Египта! Заведеніе двухъ или
училищъ было также спекуляціей, которую
вѣтовали ему другіе прожектеры. Каналы вы-
онъ для себя, для своей собственной тор-
потому-что одинъ онъ ведетъ ее въ Египтѣ:
акъ вырылъ онъ!... при рытьѣ александрій-
канала, названнаго, въ честь покойному сул-
Махмудіе, умерло отъ голоду и жаровъ до
ати тысячъ несчастныхъ феллаховъ, насиль-
гнанныхъ на работу изъ разныхъ частей
а. Господинъ Норовъ, вмѣстѣ съ каирскими
лями паши, думаетъ, что Мехмедъ-Али
ъ нѣкоторое право отнимать у хлѣбопашцевъ
ую часть ихъ жатвы, потому-что Египетъ
ится въ «особенныхъ» земледѣльческихъ об-
ельствахъ и правительство должно тамъ со-
ть въ исправности каналы, служащіе къ оро-
полей. Объ этой исправности содержанія
было бы сказать многое; но положимъ, что
акъ: зато, тамъ, оросительные каналы—един-
ный предметъ общественной пользы, лежа-
а попеченіи правительства; дорогъ нѣтъ, мо-
нѣтъ, монументовъ не воздвигаютъ, театры
ѣстны, высшія и низшія учебныя заведенія
аны всѣ на частныхъ вкладахъ, публичныхъ

зданій почти не существуетъ: что же остается е
петскому правительству содержать для обществ
наго удобства кромѣ этихъ ничтожныхъ каналов
Сколько различныхъ путей сообщенія, водяны
и сухопутныхъ, какое множество всякаго рода з
веденій, содержатъ европейскія правительства,
между-тѣмъ ни одно изъ нихъ не полагаетъ се
за это въ «особенныхъ обстоятельствахъ»!

Мы весьма сожалѣемъ, что, относительно е
петскаго паши, настоящаго бича этой злополучн
страны, личное знаніе ея и внутреннее убѣжде
заставили насъ вполнѣ различествовать въ мнѣ
съ господиномъ Норовымъ. Зато мы охотно от
димъ полную справедливость прочимъ частямъ
прекраснаго труда. Въ первомъ томѣ собралъ о
много новыхъ и хорошихъ данныхъ для статис
ки Египта; во второмъ почти исключительно за
мается обозрѣніемъ его древностей. Конечно, м
нія автора и объ этихъ любопытныхъ предмета
нерѣдко могли бы подлежать важнымъ возра
ніямъ и спору, но разборъ ихъ увлекъ бы на
слишкомъ далеко въ темные вопросы объ истор
хронологіи, языкѣ, письменахъ и искусствахъ др
няго Египта.

1840.

ЧУВАШИ,

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ВѢРОВАНІЯ.

—

По поводу сочиненія: *Записки* Александры Фуксъ *о Чувашахъ и Черемисахъ Казанской Губерніи. Казань*, 1840.

—

Есть время, въ супружеской жизни, когда два сердца, связанныя вѣчными узами и раздѣленныя на нѣсколько недѣль стеченіемъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ, стараются только считать, и сообщать другъ другу, свои взаимныя біенія: письма ихъ пламенѣютъ, каждая фраза клокочетъ кипящимъ чувствомъ, каждая строка кажется огненною струей лавы, которая сжигаетъ все на пути своемъ, прорываетъ горы, опрокидываетъ всѣ преграды, въ томъ числѣ иногда и орѳографію; это — извержения тоски, нѣжности, восторговъ, надеждъ, объятій, поцѣлуевъ; супруги, въ эту эпоху внутренняго блаженства, пишутъ одинъ къ другому, какъ писалъ Абеларъ къ Элоизѣ, какъ Элоиза писала къ Абелару. Но, мало-по-малу, проходитъ это волшебное время: примѣръ дублинскаго врача, который попалъ въ мѣдный котелъ во время пожара пивоварни, показываетъ, что къ

огню можно привыкнуть такъ же какъ къ н
тельному табаку, что можно даже въ раска
номъ жерлѣ дѣлать наблюденія съ термометр
и вести ученыя записки; не мудрено, послѣ э
что и супругамъ кажется холодно среди пост
ныхъ жаровъ брачной любви: въ Индіи вода
мерзаетъ часто при осьми градусахъ теплоты
атмосферѣ—такова сила испаренія! Сильное и
реніе горячаго чувства въ бракахъ должно
необходимости производить то же самое явл
два сердца ощущаютъ ознобъ, не переставая
лѣе или менѣе, горѣть внутри; счастіе станов
привычкою, и восторги смѣняются диссертац
нѣжность принимаетъ важную осанку разсу
нія, порой даже учености: тогда супруги, *об*
венно, начинаютъ писать другъ другу писы
Чувашахъ и Черемисахъ, что̀, однакожъ, не
шаетъ имъ быть вполнѣ счастливыми супру
И увѣряю васъ, что такія письма занимате
не менѣе тѣхъ, которыя пишутъ они въ пе
эпоху. Для меня такія письма даже занимател
огнедышащихъ посланій Юліи къ Сенъ-Прё
ратно, и я могу поставить въ примѣръ пи
господина и госпожи Фуксъ, изданныя тепер
Казани подъ заглавіемъ «*Записокъ* о Чуваша
Черемисахъ». Слово «Записки» употреблено з
не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете — от
не въ значеніи «мемуаровъ» — а въ корен
русскомъ значеніи: это настоящія *записки*
записочки, то есть, маленькія посланія, пись
безъ церемоній, съ дружескимъ «отвѣтомъ» т
же формы; такъ сказать — супружескія bi

ших о Чувашахъ и Черемисахъ, совершенно въ
одѣ тѣхъ, какія обыкновенно пишутся между
упругами.

Я вполнѣ одобряю эту форму, и, по прочтеніи
ниги, чувствую на опытѣ всѣ преимущества ме-
ды трактовать супружескимъ образомъ темный
запутанный вопросъ о Чувашахъ и Черемисахъ.
кіе вопросы, для приведенія въ надлежащую
ость, требуютъ всей откровенности въ приво-
ыхъ фактахъ, всей кротости въ разборѣ, всей
ноты обоюднаго довѣрія и согласія въ мнѣ-
хъ, всего отсутствія соперничества, зависти и
олюбія; и одна только переписка нѣжныхъ су-
говъ можетъ соединять въ себѣ столь важныя
ѣдкія качества. Многіе ученые смертельно пе-
сорились за Чувашей и Черемисовъ, упрекали
гъ друга въ невѣжествѣ и шарлатанствѣ, и
гатели до-сихъ-поръ не знаютъ что̀ думать о
ашахъ, Черемисахъ и этихъ ученыхъ. Въ су-
жескомъ образѣ трактованія, этого случиться
можетъ. Сверхъ-того вопросъ самъ по себѣ
вольно сухъ и скученъ: но, когда его разбира-
ъ дружески два супруга съ тѣмъ примѣрнымъ
асіемъ, съ тѣмъ взаимнымъ уваженіемъ къ
имъ мнѣніямъ, и съ той нѣжностью, которыя
гда знаменуютъ счастливые браки, онъ стано-
гся не только интереснымъ, но даже трогатель-
мъ. Прежде я чувствовалъ къ Чувашамъ и
ремисамъ только холодное любопытство: теперь,
прочтеніи «Записокъ» госпожи Фуксъ, и «От-
говъ» господина Фукса на ея записки, я люблю
ъ какъ родныхъ. При чтеніи многихъ страницъ

этой книги, мнѣ страхъ хотѣлось самому быть Чувашемъ или Черемисомъ, чтобы объяснить супругамъ-изслѣдователямъ разныя обстоятельства, которыхъ эти простые люди не умѣли растолковать имъ. Давно не читалъ я книги, сильнѣе и пріятнѣе увлекающей вниманіе. Видъ дружныхъ усилій этого ученаго брака сообщаетъ ей особенный интересъ, котораго никогда не представляютъ сочиненія, писанныя женами и мужьями врозь. Въ ней есть что-то почтенное, что-то достойное благоговѣнія. Видишь, кажется, супруговъ Дасіе, объясняющихъ при вечернемъ поцѣлуѣ греческія рѣченія, съ усердіемъ и искусствомъ, которыя принесли столько пользы классическимъ наукамъ и нельзя припомнить безъ умиленія, что этимъ счастливымъ союзомъ, постоянно благословляемымъ судьбою и музами, небо наградило ученаго иностранца, который, въ новомъ своемъ отечествѣ, Россіи, положилъ столько заслугъ какъ врачъ, профессоръ, начальникъ университета, естествоиспытатель, антикварій, этнографъ и любитель исторіи, и благородную русскую даму, которая умѣла оцѣнить его достоинства и сама возлѣ него стала извѣстною какъ поэтъ и изящная писательница.

Чуваши и Черемисы очень справедливо обратили на себя ихъ вниманіе. Эти два загадочныя поколѣнія давно безпокоятъ ученыхъ, которые и до-сихъ-поръ не знаютъ, куда ихъ отнести при классификаціи народовъ. Одни принимаютъ ихъ за Финновъ, другіе за отрасль турецкаго поколѣнія. Іоаннъ Аделунгъ, въ «Наукѣ Всеобщаго Язы-

знанія», помѣстилъ ихъ въ двухъ особенныхъ дѣлахъ подъ странными названіями «Турко-*тары*» и «*Разныхъ* смѣшанныхъ племенъ». Фаберъ, въ «Митридатѣ», не лучше Аделунга объяснилъ вопросъ объ ихъ происхожденіи. Объ нихъ писали также Палласъ, Георги, Миллеръ, господа Гарманъ, Клапротъ, Аноровъ, Леопольдовъ. Двѣ грамматики чувашскаго языка, одна даже со словаремъ, изданы въ Петербургѣ и въ Казани. Евангеліе, катехизисъ и нѣсколько духовныхъ наставленій, напечатаны на томъ же языкѣ въ разныя времена. По этимъ матеріяламъ господинъ фонъ-деръ-Габеленцъ пытался недавно составить ученую грамматику его и, основываясь на своихъ открытіяхъ относительно характера языка, причислилъ Чувашей къ Финнамъ. Госпожа Фуксъ еще умножила прежніе источники новыми и многочисленными текстами чувашской народной поэзіи, сравненно лучшимъ матеріяломъ для подобныхъ изображеній нежели переводы съ русскаго, сдѣланные Русскими для Чувашей и которыхъ Чуваши не понимаютъ. И что же? Несмотря на столько пособій, столько изслѣдованій, нельзя сказать положительно, къ какому корню принадлежитъ этотъ странный языкъ. Продолжительное господство *татаръ* турецкаго племени надъ приволжскими странами могло прилить къ нему множество словъ и оборотовъ, но никакъ не могло бы оно сообщить ему множества отличительныхъ формъ турецкаго языка; а эти формы въ немъ находятся, и между-тѣмъ языкъ рѣшительно не турецкій, тѣмъ болѣе что, съ другой стороны, онъ представляетъ такое

же число коренныхъ словъ и формъ финскихъ
монгольскихъ, маньджурскихъ, даже америка
скихъ, и кромѣ-того своихъ собственныхъ. С
чайности простаго смѣшенія не произвели бы сто
полной и самостоятельной системы языка.
этомъ-то языкѣ ученый академикъ Френъ
крылъ настоящій корень названія древней сто
цы Хазаровъ, *Саркиль*, которое должно значи
Бѣлый домъ: въ самомъ дѣлѣ *сара*, *сора*,
шора, значитъ по-чувашски — бѣлый, а *киль* з
читъ — домъ: любопытное и важное открытіе,
торое Клапротъ занялъ у него и, по обыкновен
выдалъ за свое; оно показываетъ, что Хаза
по-крайней-мѣрѣ Бѣлые, принадлежали къ эт
племени. Господинъ Фуксъ того же мнѣнія,
его супруга совершенно съ нимъ согласна.
даже думаютъ, что и Булгары были тоже Чува
но это требуетъ ограниченія: конечно, самая з
чительность нынѣшняго чувашскаго народона
ленія въ древней приволжской Булгаріи не поз
ляетъ сомнѣваться въ томъ, что оно нѣкогда
ставляло важную часть булгарскаго народа,
нельзя также отвергнуть и того, что Аравитя
которые принесли исламизмъ въ Великіе Болга
хорошо знали Булгаровъ и имѣли очень осно
тельныя причины постоянно называть царя
царемъ Славянъ. Въ то по-крайней-мѣрѣ врем
булгарскій царь и его столица совершенно-б
ославянились: нравы и языкъ Великихъ Болга
въ описаніи Ибнъ-Фодлана, представляютъ
сомнѣнные слѣды славянскаго характера.
конецъ въ языкѣ Чувашей находится также

настоящее объясненіе древняго и новаго названій Волги: *адыль* (Идиль, Итиль, Атель, Этель) значитъ въ немъ «рѣка», а *волга*, *олга* — «святой», такъ, что оба названія, древнее и новое, составляютъ по-настоящему одно собственное имя, *Волга Адыль*, которое значило — «Святая Рѣка». Замѣчательно, что въ выраженіи «*Волга*-Рѣка», употребительномъ въ русскомъ просторѣчіи, существительное *Адыль* замѣнилось одно-значащимъ славянскимъ словомъ «рѣка», тогда-какъ чувашское или хазарское прилагательное *волга* осталось въ немъ въ подлинникѣ. Впрочемъ, примѣры такихъ полу-переводовъ не рѣдки въ лексикографіи собственныхъ именъ.

Госпожа Фуксъ въ своихъ «Запискахъ» и мужъ ея въ «Отвѣтахъ» на эти записки, сообщаютъ много любопытныхъ свѣденій о религіи некрещеныхъ Чувашей, которые вовсе не идолопоклонники: они признаютъ два начала, доброе и злое; добраго бога называютъ Тора; съ нимъ легко ужиться, но этотъ почтенный и кроткій хозяинъ вселенной имѣлъ несчастіе «дурно жениться», а именно, на Керемети, или началѣ зла, сварливой и бѣшеной богинѣ, которая обманываетъ мужа, мучитъ его, боговъ и людей. Торы они вовсе не боятся: онъ такой добрый! Но съ его проклятою хозяйкою, настоящимъ дьяволомъ, не знаютъ какъ управиться, и стараются умилостивить ее жертвоприношеніями. Кромѣ двухъ главныхъ, есть множество второстепенныхъ божествъ. Каждый ихъ богъ происходитъ отъ матери безъ отца, и какъ сами Чуваши очень лѣнивы, то, предполагая то-

же качество и въ своихъ богахъ, они придали каждому изъ нихъ помощника, а къ помощникамъ опредѣлили множество посланцовъ, *кебе*, которые всѣ ѣздятъ въ телегахъ и саняхъ по дѣламъ человѣчества. Между очень замысловатыми изобрѣтеніями Чувашей по этой части можно помѣстить обычай ихъ, собравшись на моленіе, раздѣлять боговъ между присутствующими, такъ, чтобы каждый молился одному божеству и весь чувашскій Олимпъ былъ удовлетворенъ въ одно время. На вопросъ — что̀ такое Богъ? — они откровенно признаются въ своемъ совершенномъ невѣденіи, присовокупляя: «Какъ можно знать, что̀ Онъ такое!»

Въ одной деревнѣ путешественница застала большія хлопоты: хозяинъ съ хозяйкой сильно горевали. Госпожа Фуксъ пожелала знать причину ихъ печали, и узнала, что у Чувашей есть обычай отдавать дочерей замужъ непремѣнно въ чужія деревни. Этотъ обычай сдѣлался почти догматомъ ихъ вѣры или, по-крайней-мѣрѣ, ихъ нравственности. Хозяйскій сынъ хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ изъ своей деревни, и нѣжная мать приняла сторону его сердца, но отецъ никакъ не соглашался и приходилъ въ отчаяніе. «Что̀ же тутъ грустнаго? спросила путешественница: чѣмъ ближе невѣста, тѣмъ меньше хлопотъ». Но отецъ утверждалъ, что родителямъ стыдно выдавать дочерей или женить сыновей въ своихъ деревняхъ: всѣ могутъ подумать, будто они любили другъ друга до свадьбы. «Да и грѣшно, очень грѣшно! прибавилъ одинъ изъ стариковъ, собран-

для совѣщанія: какъ-можно жениться на
шкѣ, которую каждый день видишь!» По
случаю, путешественница описываетъ празд-
«капустку» и чебоксарскую систему избранія
ств.

ѣ болѣзни, и всѣ несчастія, Чуваши припи-
ютъ злому началу, или Керемети, у которой
заведенъ такой порядокъ, что выздоровѣть
му не позволяется, не давъ ей въ жертву же-
нка. Приведя избраннаго жеребенка въ мѣ-
посвященное этой страшной богинѣ, они под-
ают его, для ея потѣхи, всѣмъ возможнымъ
аніямъ, описываютъ вокругъ него большой
ероугольникъ, кладутъ на эту черту сухихъ
ъ со всѣхъ сторонъ и зажигаютъ, а сами
у-тѣмъ бѣгуть прочь, съ крикомъ — *гай!* —
— *гай!* — и возвращаются, когда жеребенокъ
ится и умретъ. Тогда они вынимаютъ печенку
и ребра съ правой стороны, все остальное со-
ютъ въ пепелъ, а печенкой кормятъ больнаго,
то лекарства. Эта чувашская медицинская си-
а производитъ почти тѣ же дѣйствія какъ и
ія другія методы врачеванія. Чуваши, люди
не глубокомысленные и осторожные, гово-
: «Какъ знать, отчего человѣкъ выздоравли-
ъ!» Но между-тѣмъ они приводятъ множество
тельныхъ примѣровъ явнаго и кореннаго из-
нія, по этой системѣ, такихъ недуговъ и бо-
ей, противъ которыхъ даже сама симпатиче-
симметрическо-антагонистическо-праграмати-
кая метода оказывается недѣйствительною.

тотъ мудрый народъ, столь близкій къ приро-

акомъ-нибудь амбарѣ. Въ прошломъ году свя-
щенникъ одной деревни, разсердившись на суе-
вѣріе своихъ прихожанъ, приказалъ продать два
амбара съ Теркулями. Ломая амбары, русскій
крестьянинъ, который купилъ ихъ, нашелъ въ
щеляхъ и углахъ до пятнадцати рублей мелкихъ
денегъ, принесенныхъ въ жертву Чувашами. «Да-
же и теперь, говоритъ путешественница, многіе
изъ Чувашей, крещеныхъ и не-крещеныхъ, пріѣз-
жаютъ къ крестьянину и кладутъ деньги въ углу
его амбара, а недавно впустили туда курицу и
утку». Древній обычай, столь полезный для анти-
кваріевъ, зарывать въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ
любимыя его вещи, сохраняется у Чувашей въ
первобытной простотѣ. Когда кто умретъ въ се-
мействѣ, тѣло его тотчасъ выносятъ на дворъ,
обмываютъ, наряжаютъ въ праздничное платье,
кладутъ въ гробъ, и опять вносятъ въ избу, гдѣ
потихоньку отъ священниковъ, помѣщаютъ возлѣ
мертвеца все, что̀ нужно было для живаго. Если
покойникъ былъ ремесленникъ, то въ гробъ скла-
дываютъ его инструменты; умершихъ женщинъ
и дѣвицъ снабжаютъ всѣмъ нужнымъ для руко-
дѣлья: полотномъ, шелкомъ и иголками ту, кото-
рая хорошо вышивала, прялкою и куделью ту, ко-
торая славилась своей пряжей, и такъ далѣе; на
всѣмъ вообще даютъ денегъ на мелкіе расходы.
Отъ этого иногда случаются «забавныя» происше-
ствія. Въ одной богатой семьѣ умеръ отецъ: его
похоронили со всѣми обрядами, и положили въ
гробъ сто рублей денегъ. Мошенники, узнавъ, что
съ Чувашиномъ положено въ землю много денегъ

разрыли могилу, раскрыли гробъ, вынули деньги, и, посадивъ мертвеца въ гробу, дали ему въ одну руку карты, въ другую штофъ вина. Сдѣлавъ это, они сказали дѣтямъ, что отецъ ихъ ведетъ въ могилѣ развратную жизнь, играетъ въ карты и мертвецки пьетъ вино. Чуваши сбѣжались на кладбище, и въ самомъ дѣлѣ увидѣли покойника съ картами и со штофомъ; денегъ у него уже не было ни копѣйки: ясно, что онъ проигралъ и пропилъ весь свой капиталъ. Они его просили, увѣщевали, оставить эту безпорядочную жизнь и вести себя прилично, вторично положили въ гробъ денегъ и зарыли могилу. Мошенники не пропустили случая воспользоваться ихъ добродушіемъ: снова разрыли могилу, взяли деньги, и увѣдомили родныхъ, что покойникъ не перестаетъ кутить и пьянствовать. Они были увѣрены, что Чуваши всякій разъ будутъ снабжать его деньгами, но эти благонравные люди, пришедши на кладбище, взяли отца, держащаго въ рукахъ штофъ и карты, положили его наземь и высѣкли плетьми за развратное поведеніе послѣ смерти. Наказавъ мертвеца въ примѣръ всѣмъ его товарищамъ, они уже безъ денегъ заколотили гробъ и плотно зарыли могилу. Съ тѣхъ поръ безденежный покойникъ велъ себя честно и добропорядочно.

Іомза, или *іомса* — вмѣстѣ колдунъ, жрецъ и лекарь. Кажется, что у Чувашей есть особенный богъ медицины, который покровительствуетъ врачей, и которому молятся паціенты. Это — Ирихъ. Изображенія его, вылитыя изъ олова, имѣютъ видъ маленькихъ истукановъ, величиною въ вершокъ,

съ руками, ногами и глазами. Его вѣшаютъ в клетяхъ на рябиновой вѣткѣ, которую по проше ствіи девяти лѣтъ перемѣняютъ. Ириху приносят въ жертву кисель и прѣсныя лепешки, и молятс ему, когда болятъ глаза, зубы, уши, или когд бываютъ сыпь и вереда.

У этого народа, который, какъ говоритъ госпо динъ Фуксъ въ своихъ «Отвѣтахъ», чуждается всякаго сношенія съ другими народами, и у кото раго тотъ почитается образованнымъ, кто тянул лямкою судно отъ Чебоксаръ до Рыбинска или возилъ Русскаго на нижегородскую ярмарку, не должно искать ни богатаго языка, ни отвлечен ныхъ идей. Ежедневная молитва Чувашина вы ражаетъ всѣ его нужды и понятія о счастіи: она проста, благородна и даже трогательна.

«Тора, сирлахъ!	Тора, помилуй!
Тора, анъ-брахъ!	Тора, не оставь!
Сюлди Тора!	Всевышній Тора!
Сирлахъ сирди Падша,	Спаси земнаго царя,
Ыволданъ, хырданъ!	Сыновей, дочерей!
Тыреранъ, пыланъ,	Хлѣба, меду,
Тора, бадыръ!	Тора, дай!
Исмяшкянъ, симяшкянъ,	Пить, ѣсть!
Сывлыхне, Тора, бадыръ!	Здоровья, Тора, дай!
Вылихранъ чирлихранъ	Скотомъ здоровымъ
Толыяхъ карда,	Наполни дворы.
Утба карда,	Лошадьми дворъ,
Иняба карда,	Коровами дворъ,
Сорыхба карда,	Овцами дворъ,
Тора, бадыръ!	Тора, дай!
Карданъ киль жолданъ выслся киляпана ярасъ,	Странника, издалека приходящаго и уставшаго отъ пути, въ домъ пустить,

ра, бадыръ тудухъ. Тора, дай всегда!
Чайтандань сирлахъ, Отъ чорта освободи, выгнавъ
Куза ядерь, Тора! его, о Тора!»

Нѣтъ сомнѣнія, что, для филологическихъ соображеній, древняя ежедневная молитва Чувашей-язычниковъ несравненно лучшій матеріялъ нежели переводы съ русскаго на чувашскій, которые господинъ Фонъ-деръ-Габеленцъ принялъ въ основаніе своихъ разысканій и выводовъ; но мы боимся, что и эта подлинная молитва можетъ повести къ ложнымъ заключеніямъ. Намъ кажется, что языкъ ея — не совсѣмъ чувашскій, что это — старинная молитва какого-нибудь турецкаго или, если угодно, татарскаго, народа, отъ котораго Чуваши заимствовали свою вѣру или, по-крайней-мѣрѣ, религіозные обряды. Вся она, за исключеніемъ нѣсколькихъ выраженій, составлена изъ словъ турецкихъ, исковерканныхъ чувашскимъ произношеніемъ, которое обыкновенно *джи* превращаетъ въ *ши* или *си*, *з* въ *р*, *у* въ *ы*, *г* въ *в*, и такъ далѣе, и часто къ гласнымъ прибавляетъ лишнее *в*. *Сирлахъ* (помилуй) вмѣсто *джирлахъ*, *брахъ* (оставь) вмѣсто *бракъ*, *сюлди* (высокій, подзвѣздный) вмѣсто *джюлди* или *джюлдюзъ*, *сирди* (земной) вмѣсто *джирди*, *падша* (царь) вмѣсто *падшахъ*, *ыволданъ* (сыновей) вмѣсто *огулданъ*, *хырданъ* (дочерей) вмѣсто *кызданъ*, *бадыръ* (дай) вмѣсто *беръ*, *исмяшканъ* (для питья, пить) вмѣсто *ичмякянъ*, *симячикянъ* (для ѣды, ѣсть) вмѣсто *джимякянъ*, *толыяхъ* (наполни) вмѣсто *толудуръ* или *толдуръ*, *сорыхъ* (овца), *ине* (корова), и такъ далѣе, все это не что̀ иное какъ исковерканныя

татарскія слова, которыхъ нельзя не узнать съ перваго взгляда, несмотря на уклоненіе чужезем-наго выговора и не совсѣмъ вѣрную передачу русскими буквами. Примѣчательная форма двухъ дѣепричастій, *исмяшканъ*, *симяшканъ* (для питья, для ѣды) — коренныя татарскія и, какъ кажется, не свойственны чувашскому языку, а самая длин-ная фраза — «*Странника издалека приходящаго и уставшаго отъ пути въ домъ пустить, Тора, дай*», — эта фраза, которую мы сейчасъ повто-римъ и по-чувашски и по-татарски, не только по словамъ и фразамъ, но и по словосочиненію — та-тарская:

Карданъ киль жолданъ вы-сяся килягана ярасъ, Тора, бадыръ.

Карданъ киля, джолданъ узаджа килегяни ярата, То-ра, беръ.

Буквально, въ обоихъ случаяхъ, это значитъ: «Изъ поля приходя, изъ дороги далеконько при-шедшаго, спасти, Тора, дай».

Нѣтъ сомнѣнія, что во многомъ чувашскій языкъ близокъ къ турецкому; спряженія и склоненія его какъ-бы преобразованы по татарскимъ правиламъ: но все же они въ сущности не татарскія и такого разительнаго сходства между двумя языками, какъ въ этомъ примѣрѣ, мы вовсе не видимъ въ про-чихъ текстахъ, приводимыхъ путешественницею: тамъ, напротивъ, и слова, и формы, и словосочи-неніе, довольно различны. Это обстоятельство не заставляетъ насъ подозрѣвать, что приводимая господиномъ Фуксомъ ежедневная молитва, вѣ-роятно, перенесена въ чувашскій языкъ изъ слу-*жебника* другаго народа. Скандинавское назва-

о бога, *Тора, Торъ*, не должно удивлять потому-что, по преданіямъ самой Эдды, итаніе Тора перешло къ Норманнамъ отъ ъ Каспійскаго Моря. Во всякомъ случаѣ, донынѣ сохранившійся у Чувашей слѣдъ богопочитанія весьма замѣчателенъ. У совъ, напротивъ, главный богъ носитъ з имя, *Юма* — въ дательномъ падежѣ *нъ* — также очень любопытное слово, по-о отъ него явственно происходитъ нѣмец-nmel. Коснувшись этого предмета, должно всего отмѣтить нѣкоторыя ошибки, вкрав-юдъ перомъ госпожи Фуксъ въ ея списокъ ;скихъ боговъ.

Юма.
Ома абаджа.
Оманъ піямъ.

Этанъ сакча.

нъ Юма.	Богъ царя.
нъ Юманъ абажа.	Богъ матери государя.
нъ Юманъ піямбаръ.	Богъ пророка государева.
нъ Юманъ сакча.	Богъ ангела государева.
ча.	Первый у бога святой.
Оманъ абаджа.	Мать перваго святаго.
Оманъ сакча.	Богъ ангела перваго святаго.
ча.	Богъ всего свѣта.
нъ.	Богъ боговъ.
онъ.	Богъ вѣтровъ.
аба.	Мать земли.
.	Богъ солнца.
ъ.	Богъ луны.
онъ.	Богъ звѣздъ.
онъ.	Богъ пчелъ.
.	Богъ воды».

Названій первыхъ боговъ путешественн
переводитъ на русскій языкъ; три первыя
значатъ:

1. Великій богъ. (*Ильянъ Юма.*)
2. Великаго бога мать. (*Ильянъ Юманъ ан*
3. Великаго бога про-
рокъ. (*Ильянъ Юманъ п*
4. ..... *Баръ.*)
5. Великаго бога ангелъ,
или посланецъ.

Что̀ касается до четвертаго божества в
спискѣ, то оно не должно въ немъ сущест
Мы увѣрены, что такого божества нѣтъ
миѳологіи Черемисовъ. Этотъ мнимый богъ
не что̀ иное какъ послѣдній слогъ предъи
слова *піямъ;* должно читать, не отдѣльно
янъ Юманъ піямъ и *Баръ*, но вмѣстѣ —
Юманъ піямбаръ, что̀ значитъ «Великаг
пророкъ». Слово *піамбаръ* очевидно—иско
ное персидское *пейгамберъ*, которое имѣетъ
самое значеніе. Далѣе —

ВМѢСТО:	СЛѢДОВАЛО ПЕРЕВЕС
Богъ матери государя	Мать государева бога
Богъ пророка государева	Пророкъ государева
Богъ ангела государева	Ангелъ государева б
Богъ ангела перваго святаго	Ангелъ перваго у бо святаго.
Мать земли	Земля-мать.
Богъ боговъ	Духъ (*онъ*) боговъ.
Богъ вѣтровъ	Духъ вѣтровъ.
Богъ солнца	Духъ солнца.
Богъ луны	Духъ луны.

Богъ звѣздъ	Духъ звѣздъ.
Богъ пчелъ	Духъ пчелъ.
Богъ воды	Духъ воды.

и прочая.

Исправленный такимъ образомъ переводъ названій даетъ совсѣмъ другое понятіе о сущности черемисской миѳологіи; но, безъ-сомнѣнія, въ этомъ спискѣ недостаетъ еще многихъ именъ.

При всѣхъ натяжкахъ, трудно было бы открыть въ черемисскомъ языкѣ малѣйшее лексикографическое сходство съ турецкими нарѣчіями. Это совсѣмъ другой языкъ, который даже, какъ кажется, испыталъ очень мало татарскаго вліянія. Общій типъ языка конечно — турецкій, но всѣ финскіе, монгольскіе, маньджурскіе и турецкіе языки представляютъ одинаковый общій типъ; это языки, такъ сказать, одной фабрики. Въ черемисской молитвѣ встрѣчается слово *волга*, «святой», «свѣтлый», отъ котораго происходитъ названіе знаменитой рѣки: здѣсь оно употреблено въ видѣ нарѣчія — *волгыдынъ*, «свѣтло». Госпожа Фуксъ очень мило описываетъ черемисскій праздникъ, который называется *ага-парямъ*. Слово *парямъ* — это татарское *байрамъ*, или *пайрамъ*, и значитъ праздникъ.

1841.

СОКЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНАГО

—

ЗАПИСКИ РЕСМИ-АХМЕДЪ-ЭФЕНДІЯ,

ТУРЕЦКАГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛ

О СУЩНОСТИ, НАЧАЛѢ И ВАЖНѢЙШИХЪ СОБЫТІЯХЪ
НЫ, ПРОИСХОДИВШЕЙ МЕЖДУ ВЫСОКОЮ ПОРТОЮ И
СІЕЙ ОТЪ 1182 ПО 1190 ГОДЪ ГИДЖРЫ (1769—17

—

ПЕРЕВОДЪ СЪ ТУРЕЦКАГО *.

—

ВСТУПЛЕНІЕ.

Воздавъ долгъ хвалы Господу Всезнателю и
гословенія его пророку, обращаюсь къ люд
благороднымъ и почтеннымъ. Вотъ въ чемъ д
Съ-тѣхъ-поръ какъ вселенная стала обитае
съ-тѣхъ-поръ какъ начались перевороты царс

---

* Въ библіотекѣ Императорскаго Санктпетербурго
Университета находятся два рукописные экземпляра
го любопытнаго сочиненія, которое, кромѣ своей ва
сти для нашей отечественной исторіи, примѣчательно
въ томъ отношеніи, что оно, можетъ-быть, единстве
въ своемъ родѣ: по-крайней-мѣрѣ, я не знаю, во
турецкой литературѣ ничего подобнаго этому жи
юмористическому описанію военныхъ и политичес
событій эпохи, къ которой оно относится. Авторъ

одовъ, постепенно происходившія событія
ѣка въ вѣкъ, вносимы были въ лѣтописи, и
торые жили на свѣтѣ послѣ, поучались при-
ли несчастій, случившихся съ тѣми, которые
редшествовали. Это не подлежитъ ни спору,

ь наблюдательный, дѣльный, и остроумный по-сво-
-турецки, былъ въ 1763 и 1764 годахъ посломъ От-
ской Порты къ Фридриху Великому, а потомъ рейсъ-
емъ, или министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ со-
овалъ верховнымъ визирямъ въ походахъ Турковъ
съ Русскихъ, и въ своемъ «Сокѣ достопримѣчатель-
за-просто, *«будничнымъ* слогомъ», безъ напыщен-
метафоръ, безъ цвѣтовъ восточной риторики, но
умно и рѣзко, описываетъ происшествія, которыхъ
былъ, не только свидѣтелемъ, но и участникомъ,
ажное государственное лицо. Откровенность и смѣ-
съ какими говоритъ онъ объ нихъ или судитъ о
гельственныхъ мѣрахъ и лицахъ своего государства,
огихъ мѣстахъ изумятъ читателя. Но эти-то каче-
придаютъ его труду особенную цѣну въ глазахъ
еля исторической истины. Сочиненіе Ресми откры-
намъ весь тайный механизмъ причинъ, побужде-
расчетовъ противной стороны; оно обнаруживаетъ
ость дѣйствій, движеній, успѣховъ и неудачъ; оно,
ещъ, позволяетъ намъ проникнуть взоромъ въ самыя
турецкаго правительства и его политики, въ ха-
ръ и способности дѣйствующихъ лицъ, въ понятія,
ды и средства тѣхъ, съ кѣмъ имѣли мы дѣло. Все
ой подлинной картинѣ странныхъ обычаевъ и стран-
людей любопытно для наблюдательнаго читателя и
нятливаго историка. Разумѣется, что, для надлежа-
щѣнки такого документа со стороны критики, надле-
сохранить въ переводѣ его весь колоритъ и тонъ
ника. Всякій пропускъ, всякое смягченіе, дали
жное понятіе о писателѣ и отняли бы у читателей
жность опредѣлить мѣру довѣрія къ его показа-

ное, и, предпочитая миръ войнѣ, всегда доставляли они правительствамъ, которымъ служили, и народу Божію, драгоцѣнныя выгоды покоя и безопасности. То ли дѣло наши государственные мудрецы! Не далъ имъ Аллахъ ни ума, ни опытности—чтеніе исторіи не ихъ занятіе — и, не зная цѣны этому великому правилу, они, сердечные, добродушно увѣрены, будто первый и священнѣйшій долгъ мусульманскаго народа—истребить невѣрныхъ на всей земной поверхности или, по-крайней-мѣрѣ, пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы свернуть шею врагу и научить его почтенію. Вотъ они и завопили: «Покуда не двинемся, проку не будетъ! Это государство мечомъ добыто, и мечомъ только можетъ быть поддержано! У нашего правовѣрнаго султана звѣзда высока, мужи храбры, сабли остры: будь только у насъ визирь человѣкъ набожный, благочестивый, да распорядительный какъ Аристотель, который бы регулярно пять разъ въ сутки творилъ со всей арміей молитву и хорошенько совершалъ омовенія, такъ намъ, по милости Аллаха, не мудрено завоевать весь свѣтъ: да мы, съ двѣнадцатью тысячами отборнаго войска, дойдемъ даже до Краснаго-Яблока (Рима), гдѣ живетъ самъ папа!» Эти пошлыя хвастовства не доказываютъ ли невѣжества? Не похожи ли тѣ, которые несутъ такую околесицу, на шутовъ, пересказывающихъ народу богатырскія сказки изъ *Гамзе-намё*? Не думаютъ ли напримѣръ они, будто Красное-Яблоко (Римъ)—нѣчто въ родѣ тѣхъ красныхъ какъ огонь молдаванскихъ яблокъ, *которыя* зовутъ «руку-жжетъ», и что его можно

ть да съѣсть?.... Между-тѣмъ, именно такое-то
стословіе, при наущеніяхъ простяковъ, не умѣ-
щихъ соображать никакихъ послѣдствій, пове-
насъ къ войнѣ съ Москвитяниномъ, которая,
чавшись въ 1182 году, продолжалась по 1190
769—1776)! Подробное описаніе этой войны со-
тавитъ для меня предметъ другаго сочиненія, пи-
аннаго языкомъ болѣе торжественнымъ, болѣе
вѣтистымъ и изысканнымъ, и предназначеннаго
ъ поученію тѣхъ, которые послѣ насъ будутъ
ить на этомъ суетномъ свѣтѣ и захотятъ дѣла
рошедшія соображать съ предстоящими. Здѣсь,
милости Всевышняго, и въ угожденіе нѣскол-
мъ доброжелателямъ Высокой Порты — такъ
къ дѣло само по себѣ очень важно—я напро-
въ постараюсь говорить какъ можно понятнѣе,
совѣстливо, чистосердечно, разскажу *будни-*
мъ слогомъ все, какъ что́ было, раздѣливъ по-
ный трудъ свой на шесть главъ, съ предисло-
мъ, и заключеніемъ, и назвавъ его *Хулясе-и*
стибаръ, «Сокомъ достопримѣчательнаго».

—

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Здѣсь будутъ изложены причины, подавшія по-
дъ къ упомянутой войнѣ.

Какъ народъ Москва имѣетъ столицу, и живетъ
странахъ, весьма далекихъ отъ границъ на-
ихъ владѣній, то вниманіе Высокой Порты да-
о уже было отвлечено отъ него. Съ 1130 года
ъ бѣгства пророка (1717) миръ съ этимъ наро-

домъ утвержденъ былъ на прочномъ основ
Москва вовсе не чувствовала склонности нач
новую войну съ нами. Но, втеченіи четырех
лѣтъ, душѣ ея жестоко надоѣли Татары: он
ея дома и, среди мира, не переставали, по
нѣ близкаго сосѣдства, дѣйствовать против
непріязненно и наносить вредъ ей при вс
удобномъ случаѣ. Знатокамъ исторіи извѣст
Татары, именно, и бывали всегда причиною
ва нашего мира съ Москвою и враждебны
предпріятій противъ Высокой Порты. Ког
конецъ Татары, оставивъ свое толокно и св
зу, начали покушивать борщъ, и покуриват
умъ, запивая его чаемъ да кофе, эти пьяни
турально, сдѣлались слабыми и тяжелыми,
ду-тѣмъ Москва усилилась и пожелала от
имъ за свои обиды. Такимъ образомъ въ
(1737) году она произвела два нападенія на К
и, проучивъ Татаръ знать честь и мѣру,
пила въ союзъ съ Нѣмцами*, пошла воеват
(Очаковъ) и Хотинъ, и утвердила за собою
народа храбраго и воинственнаго. Въ 1152
году былъ заключенъ миръ съ нею подъ Б
домъ. Вскорѣ послѣ того начались продолж
ныя войны между Нѣмцомъ и королемъ Г
бурка**. Москва, вмѣшавшись въ эту борьбу
предлогомъ помощи Нѣмцу, приглядѣлась к
военнымъ хитростямъ, которыхъ прежде

---

* Подъ именемъ Нѣмцевъ, *Немсе*, Турки всегда
ютъ только Австрійцевъ.

** Бранденбурга, Пруссіи.

ала. У Грандабурка выучилась свои маленькія ушки прилаживать къ лафетамъ, владѣть ружьмъ, и дѣлать разныя другія штуки, вызвала къ себѣ искусныхъ полководцевъ и офицеровъ отъ Нѣмца и отъ другихъ народовъ, и, устроивъ хорошенько свои дѣла, силою принудила грандабуркскаго короля къ покорности: хотя-не-хотя онъ долженъ былъ плясать по ея дудкѣ. «Москва была пустой народъ, отзывается онъ: у меня она «выучилась правиламъ войны, а потомъ вотъ и меня схватила за ногу!» Эти слова самъ я слышалъ изъ устъ грандабуркскаго короля, во время посольства моего въ Берлинъ.

Когда, такимъ образомъ, Москва припасла у себя войскъ болѣе обыкновеннаго, нужно было найти для нихъ помѣщеніе. Между ея сосѣдями находилось ляхское царство, страна чрезвычайно плодоносная и обширная, но, такъ-сказать, безъ хозяина, и безъ защиты. Втеченіи 1176 (1763) года, посадивъ своего дуку въ пограничной области, Курляндіи, Москва впервые стала распространять свое вліяніе на другіе народы, а въ 1177 (1764), когда умеръ ляхскій король, сынъ Подковолома*, она, согласясь съ грандабуркскимъ королемъ, который наконецъ-таки преодолѣлъ Нѣмца, одного бывшаго у нея польскаго шляхтича произвела въ короли и послала править Ляхами. Но—не въ обычаѣ, ни у судьбы, ни у народовъ, чтобы поддан-

* Августъ Второй, по причинѣ своей тѣлесной силы, извѣстенъ былъ Туркамъ подъ именемъ *Налъ-кырăнъ*, «Подковолома».

ные такого обширнаго царства всѣ вдругъ
ли повиновеніе присланному извнѣ королю
ская земля управляется миромъ (республика
которые изъ ея жителей стали мятежничать,
нялась суматоха. Москва послала туда част
ихъ войскъ, чтобы непокорныхъ взять на
послушанія и чтобы въ то же время найти для
ратниковъ кормъ и помѣщеніе. Когда пре
дѣленіе захочетъ исполнить какой-нибудь из
ихъ приговоровъ, такъ не знаешь, откуда
ся случаи да обстоятельства. Вотъ почему
это злополучное войско вступило въ предѣ
ховъ, Крымъ-Гирей вздумалъ поскорѣе отп
гонца къ Порогу Счастія*, съ представл
что Москва нарушаетъ договоры, и тутъ я
чилось, что румилійскому намѣстнику поруч
вѣдываніе Очаковомъ. Это подало поводъ
щей молвѣ въ пограничныхъ областяхъ, ч
детъ война, что Высокая Порта дѣлаетъ
товленія. Говорили повсемѣстно, что Татар
готовы сдѣлать грабительскій набѣгъ на л

---

* Порогъ Счастія, *аситанѣ-и-сеадетъ*, то же
сокая Порта или Высокая Дверь—жилище турецк
тана — оттоманское правительство. Италіянско
Porta (la Sublime *Porte*, Высокая Порта) значитъ
какъ извѣстно, дверь. Слова «счастіе» и «правит
однозначащи у восточныхъ: почти не нужно напо
что и римское слово augustus, источникъ новѣйша
стѣйшій», заключаетъ въ себѣ то же самое понят
стливый», и заимствовало этотъ смыслъ отъ augur
стливыхъ предзнаменованій», которыя древніе с
примѣчать при вступленіи цезарей на престолъ ил
особахъ.

мію, что Москва, посадивъ новаго короля на преолѣ этой земли, и наводняя ее своими войсками, ѣйствуетъ въ противность обязанностямъ своимъ къ Высокой Портѣ, и тому подобное. Эти плетни, безпрерывно усиливаемыя новыми выдумками, стали повторяться и въ вѣдомостяхъ. Тогда по-необходимости нужно было войти въ объясненія съ гяуромъ, по имени *Апрышкуфъ* (Обрѣзковъ), старостою московской Высокой Двери при оттоманскомъ Порогѣ Счастія. Рейсъ-эфендіемъ (министромъ, или статсъ-секретаремъ, по части иностранныхъ дѣлъ) числился въ то время Абди-Эфенди, старикъ дряхлый и хворый. Онъ не могъ вести этихъ переговоровъ. На виду, какъ пупъ на срединѣ живота, торчалъ одинъ только человѣкъ, именно, мектубджи, или статсъ-секретарь при верховномъ визирѣ, по части внутреннихъ дѣлъ, Гинди-Эминъ-Эфенди, которому слѣдовательно и поручено вступить въ объясненія. Онъ имѣлъ свиданіе съ посланникомъ, чтобы спросить у него о сущности этого движенія войскъ въ ляхскую землю. Староста московской Высокой Двери, по всегдашнему ихъ обыкновенію, отвѣчалъ умно и кротко: «Миръ нашъ съ Порогомъ Счастія цѣлъ и крѣ«покъ. Наша Дверь и не думаетъ ссориться съ ва«шимъ Порогомъ. У насъ съ вами нѣтъ никако«го дѣла, противнаго любви и дружбѣ; а есть у «насъ съ Ляхомъ кое-какія распри, по вѣрѣ да по «государству». Вотъ нашъ мектубджи-эфенди и раздулся; вотъ и началъ хвастаться: «Ну, отдѣлалъ же я московскаго старосту! Чудо, какъ умно я съ нимъ переговаривался! Такъ и заставилъ его

молчать!.... убѣдилъ совершенно!» Между-
вдругъ скончался Абди-Эфенди, и за эту зна
тую услугу пожаловали почтеннаго мектубд
рейсъ-эфендіи. Съ того времени онъ уже
раздулся тщеславіемъ, что рѣшительно не вм
ся въ залѣ Дивана и безпрестанно говар
«Да кромѣ меня никто этихъ дѣлъ не зн
Одинъ я умѣю вести ихъ!»

Эти мудрые переговоры длились до без
ности; наконецъ, какъ всегда бываетъ въ
ныхъ случаяхъ, превратились въ досадну
прю. Три или четыре года, мы съ великимъ
инствомъ, ровно ничего не дѣлали—зани
нерадѣніемъ—а между-тѣмъ молва усили
умы воспаменялись, всѣ кричали: «Москвит
«вступленіемъ своимъ въ Польшу нарушаетъ
«татъ съ нами! Надо возстать на него!»
сдѣлалась неизбѣжною. Мнѣ, ничтожному ра
жію, обстоятельства эти тѣмъ лучше изв
что въ то самое время, по волѣ предопредѣл
долженъ былъ, въ качествѣ посла, слѣдова
резъ ляхскую землю въ грандабуркское го
ство*. Изъ нашихъ (оффиціяльныхъ) лѣтопис
не узнаешь!

Миръ съ сосѣдними народами продолж
насъ уже лѣтъ тридцать: людей, видѣвшихъ

---

* Любопытное описаніе этого посольства, предс
ное султану по возвращеніи автора изъ Берлина, в
ся у турецкаго историографа Васыфа, во второмъ т
сочиненія, напечатаннаго въ Константинополѣ пр
нѣ Селимѣ III. *С.*

Эта «Записка Ресми-Ахмедъ-Эфендія о посольс

е походы и умѣющихъ толкомъ разсуждать о
йнѣ, уже не существовало, а у тѣхъ, которые
це оставались въ живыхъ, бороды, правда, имѣ-
ись бѣлыя какъ снѣгъ—да видно въ мельницѣ
укой запылились—потому-что ужъ навѣрное не
тъ ума онѣ у нихъ посѣдѣли: чуждые всякой
опытности, неспособные сообразить никакихъ по-
слѣдствій, привыкшіе жить со дня на день не ду-
мая о завтрашнемъ, эти шуты полагали, будто идти
въ походъ то же, что̀ идти на прогулку. «Что̀ тутъ
«мудренаго?» говорили они: «врага еще нѣтъ въ по-
«лѣ; крѣпостей для осады не предвидится; въ три
«мѣсяца сходимъ, въ другіе три воротимся; пой-
«детъ производство въ чины, а тамъ и дѣлежъ до-
«бычи; слава Аллаху, войска у насъ много, казны
«много: головы только нѣтъ!» Распаливъ свои че-
репы такими разсужденіями, они увлекли и паши
шаха, въ смыслѣ котораго всѣ говорили. Тогдаш-
ній верховный визирь, Мухсинъ-задѐ-Мухамедъ-
Паша, былъ человѣкъ знающій и дѣловой: онъ слу-
жилъ еще при отцѣ своемъ Абдаллахъ-Пашѣ, быв-
шемъ въ походѣ 1150 (1737) года сераскеромъ
подъ Бендерами, хорошо понималъ управленіе во-
енною и провіянтскою частью, тридцать лѣтъ сря-
ду наблюдалъ и развѣдывалъ, зналъ всѣ способы
и правила Москвитянина употреблять въ дѣло во-
оруженную силу, и, естественно, не одобрялъ это-

въ Пруссію въ 1763—64 годахъ» переведена была Сенков-
скимъ на польскій языкъ, въ его «Collectanea», томъ II,
стр. 222—289; а на русскій В. В. Григорьевымъ, въ жур-
налѣ «Москвитянинъ», 1855 года, томъ V. — *Изд.*

го предпріятія. Онъ вздумалъ оказать сопротивленіе. За это, въ мѣсяцѣ ребіѣ-первомъ 1182 (въ іюлѣ 1768) года, его и удалили отъ должности, и печать государева была отдана айдынскому мухасылю, Силихдару-гамзе́-Пашѣ, который такимъ образомъ достигъ наконецъ цѣли своихъ надеждъ и желаній.

Съ той минуты быстро начали обнаруживаться худыя примѣты, предзнаменовывавшія неудачу этого несчастнаго похода. Первою дурною примѣтою было сверженіе такого опытнаго, знающаго свѣтъ, визиря, каковъ Мухсинъ-задѐ. Второю—назначеніе верховнымъ возиремъ такого безтолковаго человѣка, каковъ Гамзе́-Паша. Третьею—то обстоятельство, что у Эминъ-Пашц, человѣка новаго, неизвѣстнаго, больнаго, который вдругъ попалъ въ полководцы, начали пухнуть ноги, когда онъ пріѣхалъ въ Адріанополь. Четвертая дурная примѣта—сборъ сто-тысячной арміи безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ къ обезпеченію ея продовольствія. Пятая—избіеніе, въ день выступленія изъ Стамбула, многихъ честныхъ христіанъ, подъ несправедливымъ предлогомъ наказанія этихъ несчастныхъ зато, что они осмѣлились, изъ любопытства, смотрѣть на священное знамя пророка ханжи и дураки утверждали, будто христіанамъ жидамъ это не позволительно. Шестая—опредѣленіе къ должности главнаго квартирмейстера какого-то сумасшедшаго, по имени Тагиръ-Аги, ослѣпъ который неба отъ земли различить не могъ. Седьмая—взятіе съ собою необыкновеннаго числа тяжелыхъ орудій—сорока или пятидесяти огро

ныхъ осадныхъ пушекъ—тогда какъ непріятельская земля Богъ-вѣсть гдѣ находилась и арміи никакихъ осадъ не предстояло: слѣдствіемъ столь чудесной предусмотрительности было единственно то, что буйволы, тащившіе эту грозную артиллерію, погибли отъ голоду, и пушки, разбросанныя повсюду, безполезно пропали. Наконецъ осьмая, и самая скверная, примѣта—выступленіе въ походъ въ самое неблагополучное по звѣздамъ время, именно, когда планета, подъ которою родился царствующій султанъ, начинала вступать въ созвѣздіе Рака!....

Къ этому должно еще прибавить мѣры, доказывающія совершенное отсутствіе правительственнаго соображенія.

Одинъ бѣглецъ изъ Ляховъ, бродяга, по имени Путуски (Потоцкій), прибылъ въ Стамбулъ съ ватагой человѣкъ въ пять-сотъ своихъ послѣдователей, и отдалъ себя подъ защиту Высокой Порты. Этотъ Путуски привезъ съ собою какія-то бумаги, въ родѣ довѣрительныхъ грамматъ, съ большими красными печатями на-манеръ франкскихъ, и жаловался на Москвитянина: «Ляхская, дескать, республика съ давняго времени состоитъ подъ покровительствомъ Высокой Порты, и, по условіямъ карловицкаго мира, она независима: никто не долженъ угнетать ея; а между-тѣмъ Москва разоритъ нашу землю: просимъ явить къ намъ милость!» Но дознано опытомъ вѣковъ, и извѣстно, что люди, спасшіеся изъ рукъ грознаго властелина и ищущіе защиты у другихъ правительствъ, всегда бываютъ лица, ознаменованныя за свои дур-

ныя дѣла печатію несчастія и крайне нес
лучныя, и что тѣ, которые принимаются
кровительствовать, накликавъ врага на св
дарство, непремѣнно подвергаютъ себя б
нымъ бѣдствіямъ. Таковъ былъ конецъ
тельства, оказаннаго покойнымъ султаномъ
рымъ-Баезидомъ багдадскому владѣтелю
Джелаири, который спасся къ нему отъ Ка
фа, предводителя чернобараньихъ Турков
пострадалъ, нынѣ въ раю обрѣтающійся,
Сулейманъ, когда въ 954 (1547) году взя
подъ свою защиту бѣглаго ширванскаго х
зы-Мирзу. Такъ навлекли мы на себя пр
тельныя войны съ Ляхомъ зато, что, в
(1688), при султанѣ Мухаммедѣ IV, казак
шанку (Дорошенко) пожаловали бунчугъ
Такъ наконецъ попали въ напрасныя х
когда, въ 1122 (1710) году, шведскій коро
вая на наше покровительство, забрался въ
ры, за что̀ Дели-Петрунъ (Петръ Великій)
нашествіе на исламскія земли. Подобнымъ
гамъ не должно оказывать никакого сни
нія. Какую пользу принесло покровительст
му поганому Ляху, Путуски́? На него, да е
верженцевъ, выдано отъ правительства о
рока мѣшковъ денегъ въ видѣ ежемѣсячн
лованья; сверхъ-того, въ разныя времена,
образно отпущено ему изъ собственной ка
тана до семидесяти мѣшковъ: и между-тѣ
ни къ чему не пригодился!

Второе доказательство непрозорливост
ютъ мѣры, принятыя относительно къ тат

огда Москва овладѣла Крымомъ, у насъ при-
соображать, и сообразили, что Татары мо-
ригодиться на берегу Дуная; и сперва Се-
ирею, а потомъ и Максудъ-Гирею, были ока-
ючести отъ Высокой Двери. Наконецъ имъ
отправиться въ ту сторону, съ тѣмъ что-
охраняли правый берегъ Дуная и, если воз-
отрядами въ двѣ или три тысячи человѣкъ
нападенія на непріятеля, при появленіи его
ъмъ. Между-тѣмъ у этихъ обоихъ Гиреевъ
ю и ста человѣкъ настоящихъ Татаръ, спо-
къ нести службу. Тотъ и другой набрали къ
въ Румиліи, по триста или четыреста него-
висѣльниковъ сорвавшихся съ веревки, и
ми явились, чтобы заготовленное на полгода
зольствіе пожрать въ сорокъ дней времени
рить казну, которая истратила до пятидеся-
шковъ денегъ на жалованье, да на сахаръ и
рицу, для дорогихъ гостей.

ройство арміи представляетъ третій при-
удивительнаго соображенія. На эту войну со-
нно достаточно было, для начала, тридцати
рока тысячъ войска. Но наши распорядите-
ючили, что съ большою арміей они сдѣлаютъ
ое дѣло, и набрали болѣе ста тысячъ чело-

На бумагѣ о ень легко снарядить какую
о армію: на это довольно пяти или десяти дней:
ь только тысячникамъ выдать по восьми-
и мѣшковъ денегъ, а въ именныхъ спискахъ
ръ и латниковъ показать сорокъ или пять-
ъ тысячъ именъ. Но когда пятьдесятъ ты-
наличныхъ солдатъ соберутся въ одномъ

мѣстѣ для выступленія въ походъ, имъ
дать десять тысячъ палатокъ, и для каждо
латки надобно выставить отъ трехъ до пяти
ныхъ лошадей. На пятьдесятъ тысячъ чел
требуется не менѣе пятидесяти тысячъ ве
довъ, лошадей и лошаковъ. Всей этой толп
та и народу необходимо, каждыя сутки, дост
продовольствіе—а нѣтъ хлѣба, нѣтъ корму,
день—такъ вотъ и мятежъ! По этому поло
очень трудно продовольствовать сто-тысячн
мію. Въ походъ 1150 (1738) года, когда ар
мовала въ Баба́-дагы, *киле́* ячменю, какъ ска
ютъ оставшіеся въ живыхъ свидѣтели, пр
лось по пяти денегъ: подари, бывало—ни
благодаритъ. А теперь, уже въ день высту
изъ Стамбула, голодъ протянулъ между со
свою тощую шею, и въ хлѣбъ стали подс
проса. По естественному порядку вещей,
слѣдуетъ за походомъ, а за голодомъ чу
этотъ разъ, напротивъ, всѣ три бѣдствія я
разомъ. Когда армія прибыла въ Исакчи,
только впервые увидѣла она сухари: для
товленія ихъ, квартирмейстеры брали стар
ку, пролежавшую въ амбарахъ лѣтъ сорок
хожую на известку, и найденные тутъ же
сухари, черные какъ земля; они терли в
вмѣстѣ, смѣшивали со свѣжею мукою, и ка
всѣхъ станціяхъ амбары и хлѣбныя печи
устроены въ землѣ, то и не надобно было
ходить за землею, чтобы подбавлять ея въ
сколько душѣ угодно. Изъ песку хлѣба не
четь! Тотъ, который давалъ народу, совер

ылъ похожъ на сушеную грязь. Дѣлать нечего: о-неволѣ пришлось питаться этими сухарями; и тѣ, которые питались ими дней десять, въ Ханъ-тепеси простясь со свѣтомъ, легли въ свѣженькія могилы, вытянулись, и уснули навѣки. Какъ съ тѣхъ-поръ они уже не давали о себѣ извѣстія въ свои команды, то десятники и ротные головы янычарскіе съ сокрушеннымъ сердцемъ прочитали имъ отходную, говоря: «Ихъ жалованье намъ останется! Они—мученики!.... погибли, бѣдняжки, за вѣру, идучи сражаться съ невѣрными!» Эта смертность породила чуму. Язва быстро начала распространяться между народомъ; и тогда, за жертвами голода, послѣдовали въ могилу и тѣ, которые ѣли нѣсколько лучшій хлѣбъ.

Изъ Ханъ-тепеси притащились мы съ верховнымъ визиремъ въ Бендеры. Жившіе тамъ мусульмане съ перваго слова встрѣтили насъ привѣтствіемъ: «А вы зачѣмъ сюда пришли?.... Да намъ самимъ ѣсть нечего!» Черезъ десять дней послѣ нашего прибытія, цѣны на съѣстные припасы такъ возвысились, что за одинъ маленькій хлѣбъ мы платили по сороку серебряныхъ денегъ. Простоявъ восемнадцать дней въ Бендерахъ, воротились мы въ Ханъ-тепеси въ крайнемъ разстройствѣ.

Коротко сказать, слишкомъ многочисленное войско—безъ врага, само себѣ врагъ, а для государевой казны, оно—сущій разбойникъ. Себѣ врагъ но до такой степени, что, отъ нищеты и недостатка въ продовольствіи, бѣжитъ еще до появленія непріятеля. Между-тѣмъ у каждаго яны-

чарскаго тысячника, по именнымъ спискамъ,
ся тысяча человѣкъ солдатъ, и онъ крѣп
жится привычки ежемѣсячно получать изъ
жалованье на полное число людей, тогда-к
нимъ не пришло и половины этого. Но пол
что «тысяча» значитъ ровно «пять сотъ»,
сорокъ дней, изъ этихъ пяти сотъ непремѣн
бредутся четыреста, подъ предлогомъ от
ванія пищи. При тысячникѣ, подчиненных
жителей всего на-лицо человѣкъ сто, не б
а между-тѣмъ, бездѣльникъ, требуетъ выд
лованья на цѣлую тысячу: заплати ему де
или, вмѣсто денегъ, убѣди принять хлѣбо
амбаровъ, въ казнѣ все-таки не останется
пѣйки. Вздумай спорить,—эти люди сейчас
наютъ кричать: «Визирь—болванъ! Главны
начей—плутъ! Списокъ войсковаго писаря
чарскаго аги—святой документъ! По немъ
житъ производить всѣ отпуски и уплаты. К то
оспаривать его вѣрность?.... Эй, братцы
силы ни крѣпости кромѣ какъ у Аллаха!...
шли мятежничать!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Удаленіе Мус хинъ-задѐ. Двадцати-восьми-дневно
ство Гамзѐ-Паши. Его странные поступки. В
Эминъ-Паши. Выносъ Священнаго Знамени. Выс
въ походъ. Визирство Бостанджи-Али-Паши. Его д

Въ ребіѣ-второмъ 1182 (августѣ 1768
Мухсинъ-задѐ, какъ уже сказано, былъ у
отъ должности, и ему приказано жить на с

ı впредь до повелѣнія, а печать государева,
ъ власти верховнаго визиря, отправлена съ
ıъ къ Гамзѐ-Пашѣ, который тотчасъ же при-
ъ въ столицу, больной и разстроенный. Въ
, его не все обстояло благополучно; но у на-
ıковъ пророка нравъ не сходенъ съ нашимъ,
ıмъ нравомъ: будь человѣкъ больной или
ıый, для нихъ это все-равно; и умъ и сума-
віе также удобны имъ въ извѣстныхъ слу-
, какъ парчевой кафтанъ, который можно
ь когда ни вздумается. Гамзѐ-Паша, чтобы
:но не терять времени, въ тотъ же день рас-
ıлся въ присутственной залѣ Дивана, и, бро-
зъ толку деньги, хватая взятки, продавая
вмѣсто рѣшенія дѣлъ, представляемыхъ
ıчиками и просителями. сталъ имъ деклами-
, персидскіе любовные стихи, въ родѣ слѣ-
ıго:

ıи джемійети дильгастъ перишаніи ма *.

гретій день послѣ прибытія его въ Стам-
начались совѣщанія о войнѣ, въ присут-
:осударя. Падишахъ ничего не зналъ объ
ственномъ разстройствѣ по поводу сердеч-
лагоустройства, и онъ. твердо какъ пень,
ѣлъ два часа насупротивъ султана, поддѣ-
сь льстивыми рѣчами подъ его желанія, хра-

ремясь къ *устройству* сердечныхъ дѣлъ, я при-
ъ *разстройст*[illegible]. Но это только приблизительный
стиха: игра словъ *джемійетъ* и *перишани*, на ко-
основана вся его замысловатость, не дозволяетъ
ть ея яснѣе по-русски.

го предпріятія. Онъ вздумалъ оказать сопротив
леніе. За это, въ мѣсяцѣ ребіѣ-первомъ 1182 (в
іюлѣ 1768) года, его и удалили отъ должности,
печать государева была отдана айдынскому муха
сылю, Силихдару-гамзе́-Пашѣ, который такимъ об
разомъ достигъ наконецъ цѣли своихъ надежд
и желаній.

Съ той минуты быстро начали обнаруживаться х
дыя примѣты, предзнаменовывавшія неудачу эт
го несчастнаго похода. Первою дурною примѣто
было сверженіе такого опытнаго, знающаго свѣт
визиря, каковъ Мухсинъ-задѐ. Второю—назначе
ніе верховнымъ возиремъ такого безтолковаго ч
ловѣка, каковъ Гамзе́-Паша. Третьею—то обсто
тельство, что у Эминъ-Паши, человѣка новаго, и
извѣстнаго, больнаго, который вдругъ попалъ в
полководцы, начали пухнуть ноги, когда онъ при
халъ въ Адріанополь. Четвертая дурная приме
та—сборъ сто-тысячной арміи безъ всякихъ пре
варительныхъ мѣръ къ обезпеченію ея продовол
ствія. Пятая—избіеніе, въ день выступленія и
Стамбула, многихъ честныхъ христіанъ, подъ п
справедливымъ предлогомъ наказанія этихъ н
счастныхъ зато, что они осмѣлились, изъ люб
пытства, смотрѣть на священное знамя проро
ханжи и дураки утверждали, будто христіанам
жидамъ это не позволительно. Шестая—опред
леніе къ должности главнаго квартирмейстера к
кого-то сумасшедшаго, по имени Тагиръ-Аги, ос
который неба отъ земли различить не могъ. Сед
мая—взятіе съ собою необыкновеннаго числа т
желыхъ орудій—сорока или пятидесяти огро

лхъ осадныхъ пушекъ—тогда какъ непріятельская земля Богъ-вѣсть гдѣ находилась и арміи никакихъ осадъ не предстояло: слѣдствіемъ столь удесной предусмотрительности было единственно то, что буйволы, тащившіе эту грозную артиллерію, погибли отъ голоду, и пушки, разбросанныя повсюду, безполезно пропали. Наконецъ осьмая, и самая скверная, примѣта—выступленіе въ походъ въ самое неблагополучное по звѣздамъ время, именно, когда планета, подъ которою родился царствующій султанъ, начинала вступать въ созвѣздіе Рака!...

Къ этому должно еще прибавить мѣры, доказывающія совершенное отсутствіе правительственнаго соображенія.

Одинъ бѣглецъ изъ Ляховъ, бродяга, по имени Путуски (Потоцкій), прибылъ въ Стамбулъ съ ватагой человѣкъ въ пять-сотъ своихъ послѣдователей, и отдалъ себя подъ защиту Высокой Порты. Этотъ Путуски привезъ съ собою какія-то бумаги, въ родѣ довѣрительныхъ грамматъ, съ большими красными печатями на-манеръ франкскихъ, и жаловался на Москвитянина: «Ляхская, дескать, республика съ давняго времени состоитъ подъ покровительствомъ Высокой Порты, и, по условіямъ карловицкаго мира, она независима: никто не долженъ угнетать ея; а между-тѣмъ Москва разоряетъ нашу землю: просимъ явить къ намъ милость!» Но дознано опытомъ вѣковъ, и извѣстно, что люди, спасшіеся изъ рукъ грознаго властелина и ищущіе защиты у другихъ правительствъ, всегда бываютъ лица, ознаменованныя за свои дур-

ныя дѣла печатію несчастія и крайне неблагополучныя, и что тѣ, которые принимаются ихъ покровительствовать, накликавъ врага на свое государство, непремѣнно подвергаютъ себя безполезнымъ бѣдствіямъ. Таковъ былъ конецъ покровительства, оказаннаго покойнымъ султаномъ Ибрымъ-Баезидомъ багдадскому владѣтелю Ахмеду-Джеланри, который спасся къ нему отъ Кара-Юсуфа, предводителя чернобараньихъ Турковъ. Такъ пострадалъ, нынѣ въ раю обрѣтающійся, султанъ Сулейманъ, когда въ 954 (1547) году взялъ онъ подъ свою защиту бѣглаго ширванскаго хана, Казы-Мирзу. Такъ навлекли мы на себя продолжительныя войны съ Ляхомъ зато, что, въ 1079 (1688), при султанѣ Мухаммедѣ IV, казаку Дурашанку (Дорошенко) пожаловали бунчугъ и знамя. Такъ наконецъ попали въ напрасныя хлопоты, когда, въ 1122 (1710) году, шведскій король, уповая на наше покровительство, забрался въ Бендеры, за что̀ Дели-Петрунъ (Петръ Великій) сдѣлалъ нашествіе на исламскія земли. Подобнымъ бродягамъ не должно оказывать никакого снисхожденія. Какую пользу принесло покровительство этому поганому Ляху, Путускій? На него, да его приверженцевъ, выдано отъ правительства около сорока мѣшковъ денегъ въ видѣ ежемѣсячнаго жалованья; сверхъ-того, въ разныя времена, запмообразно отпущено ему изъ собственной казны султана до семидесяти мѣшковъ: и между-тѣмъ онъ ни къ чему не пригодился!

Второе доказательство непрозорливости являютъ мѣры, принятыя относительно къ татарскому

кану. Когда Москва овладѣла Крымомъ, у насъ принялись соображать, и сообразили, что Татары могутъ пригодиться на берегу Дуная; и сперва Селимъ-Гирею, а потомъ и Максудъ-Гирею, были оказаны почести отъ Высокой Двери. Наконецъ имъ велѣно отправиться въ ту сторону, съ тѣмъ чтобы они охраняли правый берегъ Дуная и, если возможно, отрядами въ двѣ или три тысячи человѣкъ дѣлали нападенія на непріятеля, при появленіи его на лѣвомъ. Между-тѣмъ у этихъ обоихъ Гиреевъ не было и ста человѣкъ настоящихъ Татаръ, способныхъ нести службу. Тотъ и другой набрали къ себѣ, въ Румиліи, по триста или четыреста негодяевъ, висѣльниковъ сорвавшихся съ веревки, и съ ними явились, чтобы заготовленное на полгода продовольствіе пожрать въ сорокъ дней времени и разорить казну, которая истратила до пятидесяти мѣшковъ денегъ на жалованье, да на сахаръ и на корицу, для дорогихъ гостей.

Устройство арміи представляетъ третій примѣръ удивительнаго соображенія. На эту войну совершенно достаточно было, для начала, тридцати или сорока тысячъ войска. Но наши распорядители разочли, что съ большою арміей они сдѣлаютъ большое дѣло, и набрали болѣе ста тысячъ человѣкъ. На бумагѣ очень легко снарядить какую угодно армію: на это довольно пяти или десяти дней: стоитъ только тысячникамъ выдать по восьмидесяти мѣшковъ денегъ, а въ именныхъ спискахъ ямычаръ и латниковъ показать сорокъ или пятьдесятъ тысячъ именъ. Но когда пятьдесятъ тысячъ наличныхъ солдатъ соберутся въ одномъ

мѣстѣ для выступленія въ походъ, имъ нужно дать десять тысячъ палатокъ, и для каждой палатки надобно выставить отъ трехъ до пяти вьючныхъ лошадей. На пятьдесятъ тысячъ человѣкъ требуется не менѣе пятидесяти тысячъ верблюдовъ, лошадей и лошаковъ. Всей этой толпѣ скота и народу необходимо, каждыя сутки, доставить продовольствіе—а нѣтъ хлѣба, нѣтъ корму, одинъ день—такъ вотъ и мятежъ! По этому положенію очень трудно продовольствовать сто-тысячную армію. Въ походъ 1150 (1738) года, когда армія зимовала въ Баба-дагы, *киле* ячменю, какъ сказываютъ оставшіеся въ живыхъ свидѣтели, продавалось по пяти денегъ: подари, бывало—никто не благодаритъ. А теперь, уже въ день выступленія изъ Стамбула, голодъ протянулъ между солдатъ свою тощую шею, и въ хлѣбъ стали подсыпать проса. По естественному порядку вещей, голодъ слѣдуетъ за походомъ, а за голодомъ чума: въ этотъ разъ, напротивъ, всѣ три бѣдствія явились разомъ. Когда армія прибыла въ Исакчи, тогда только впервые увидѣла она сухари: для изготовленія ихъ, квартирмейстеры брали старую муку, пролежавшую въ амбарахъ лѣтъ сорокъ и похожую на известку, и найденные тутъ же старые сухари, черные какъ земля; они терли все это вмѣстѣ, смѣшивали со свѣжею мукою, и какъ на всѣхъ станціяхъ амбары и хлѣбныя печи искони устроены въ землѣ, то и не надобно было далеко ходить за землею, чтобы подбавлять ея въ тѣсто сколько душѣ угодно. Изъ песку хлѣба не испечешь! Тотъ, который давалъ народу, совершенно

лъ похожъ на сушеную грязь. Дѣлать нечего: -неволѣ пришлось питаться этими сухарями; и ѣ, которые питались ими дней десять, въ Ханъ-епеси простясь со свѣтомъ, легли въ свѣженькія огилы, вытянулись, и уснули навѣки. Какъ съ-ѣхъ-поръ они уже не давали о себѣ извѣстія въ вои команды, то десятники и ротные головы яны-арскіе съ сокрушеннымъ сердцемъ прочитали имъ тходную, говоря: «Ихъ жалованье намъ останет-я! Они—мученики!.... погибли, бѣдняжки, за вѣру, дучи сражаться съ невѣрными!» Эта смертность ородила чуму. Язва быстро начала распространяться между народомъ; и тогда, за жертвами го-юда, послѣдовали въ могилу и тѣ, которые ѣли нѣсколько лучшій хлѣбъ.

Изъ Ханъ-тепеси притащились мы съ верхов-ымъ визиремъ въ Бендеры. Жившіе тамъ мусуль-ане съ перваго слова встрѣтили насъ привѣт-твіемъ: «А вы зачѣмъ сюда пришли?.... Да намъ амимъ ѣсть нечего!» Черезъ десять дней послѣ ашего прибытія, цѣны на съѣстные припасы акъ возвысились, что за одинъ маленькій хлѣбъ ы платили по сороку серебряныхъ денегъ. Про-тоявъ восемнадцать дней въ Бендерахъ, воротив-ись мы въ Ханъ-тепеси въ крайнемъ разстрой-твѣ.

Коротко сказать, слишкомъ многочисленное вой-ко—безъ врага, само себѣ врагъ, а для государ-евой казны, оно—сущій разбойникъ. Себѣ врагъ но до такой степени, что, отъ нищеты и не-остатка въ продовольствіи, бѣжитъ еще до по-вленія непріятеля. Между-тѣмъ у каждаго яны-

чарскаго тысячника, по именнымъ спискамъ,
ся тысяча человѣкъ солдатъ, и онъ крѣп
жится привычки ежемѣсячно получать изъ
жалованье на полное число людей, тогда-к
нимъ не пришло и половины этого. Но пол
что «тысяча» значитъ ровно «пять сотъ».
сорокъ дней, изъ этихъ пяти сотъ непремѣн
бредутся четыреста, подъ предлогомъ от
ванія пищи. При тысячникѣ, подчиненных
жителей всего на-лицо человѣкъ сто, не б
а между-тѣмъ, бездѣльникъ, требуетъ выд
лованья на цѣлую тысячу: заплати ему де
или, вмѣсто денегъ, убѣди принять хлѣбо
амбаровъ, въ казнѣ все-таки не останется
пѣйки. Вздумай спорить,—эти люди сейчас
наютъ кричать: «Визирь—болванъ! Главны
начей—плутъ! Списокъ войсковаго писаря
чарскаго аги—святой документъ! По немъ
житъ производить всѣ отпуски и уплаты. Кто
оспаривать его вѣрность?.... Эй, братцы
силы ни крѣпости кромѣ какъ у Аллаха!...
шли мятежничать!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Удаленіе Мус хинъ-задѣ. Двадцати-восьми-дневно
ство Гамѣ-Паши. Его странные поступки. В
Эминъ-Паши. Выносъ Священнаго Знамени. Вы
въ походъ. Визирство Бостанджи-Али-Паши. Его

Въ ребіѣ-второмъ 1182 (августѣ 1768
Мухсинъ-задѣ, какъ уже сказано, былъ у
отъ должности, и ему приказано жить на

годосѣ впредь до повелѣнія, а печать государева, символъ власти верховнаго визиря, отправлена съ гонцомъ къ Гамзѣ-Пашѣ, который тотчасъ же прискакалъ въ столицу, больной и разстроенный. Въ головѣ его не все обстояло благополучно; но у наѣстниковъ пророка нравъ не сходенъ съ нашимъ, простымъ нравомъ: будь человѣкъ больной или здоровый, для нихъ это все-равно; и умъ и сумасшествіе также удобны имъ въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ парчевой кафтанъ, который можно надѣть когда ни вздумается. Гамзѣ-Паша, чтобы напрасно не терять времени, въ тотъ же день расположился въ присутственной залѣ Дивана, и, бросая безъ толку деньги, хватая взятки, продавая мѣста, вмѣсто рѣшенія дѣлъ, представляемыхъ докладчиками и просителями, сталъ имъ декламировать персидскіе любовные стихи, въ родѣ слѣдующаго:

Бегри джемійети дильгастъ перишанїи ма *.

На третій день послѣ прибытія его въ Стамбулъ, начались совѣщанія о войнѣ, въ присутствіи государя. Падишахъ ничего не зналъ объ его умственномъ разстройствѣ по поводу сердечнаго благоустройства, и онъ, твердо какъ пень, просидѣлъ два часа насупротивъ султана, поддѣлываясь льстивыми рѣчами подъ его желанія, хра-

* «Стремясь къ *устройству* сердечныхъ дѣлъ, я пришелъ въ *разстройство*». Но это только приблизительный смыслъ стиха: игра словъ *джемійетъ* и *перишани*, на которой основана вся его замысловатость, не дозволяетъ выразить ея яснѣе по-русски.

предложилъ своего любимца. «Паша! кого маешь сдѣлать реисомъ?» спросилъ госу «Эфенди мой», отвѣчалъ визирь: «рабъ ва тубжи годится къ этой должности». Над было, чтобы такая рѣчь совпала съ пред леніемъ! Но судьба приговорила, и Индіецъ Эфенди, осчастливленный саномъ реиса еще знаменитѣе прежняго. Между-тѣмъ М Паша наскучилъ его присутствію повел государь вздумалъ создать и вывести въ ные визири своего человѣка. На этотъ вмѣсто Мустафы, назначенъ былъ Мухси а Индійца вскорѣ изволили предварител жаловать въ паши и свои зятья: на нег ственно надѣли почетную шубу, наимено пашою морейскимъ и айдынскимъ, и со всѣ ми титулами оставили въ столицѣ, при Ди званіемъ нишанджи. Когда Мухсинъ-за удаленъ отъ визирства и преемникъ его Паша, былъ вызванъ изъ своего пашалык прибытія этого новаго визиря въ Стамбул Эминъ-Паша, втеченіи семнадцати дней, должность каймакама, чтобы взять урок куствѣ судить и рядить въ Диванѣ. Спустя времени, Гамзѣ-Пашу прогнали, и Гинди возсѣлъ наконецъ на визирскую подуш приготовленія къ войнѣ были уже сдѣл новому визирю остался только трудъ избра сановниковъ, которые должны были слѣд нимъ въ походъ, поручить другимъ исп ихъ должностей въ столицѣ, и пережаловат *чинами*. Пока, будучи реисъ-эфендіемъ

ларивался онъ о войнѣ со старостою Московской-Цвери, и Апрышкуфъ увѣрялъ его въ миролюбіи своего Порога, говоря—«Мы не расторгнемъ мира съ вами; если пойдете воевать насъ, мы противъ васъ не выступимъ»—купчина, попавшій въ приказные, не допускалъ даже возможности этой войны, и о приготовленіяхъ къ ней отзывался: «Это — пустое движеніе!» Но, сдѣлавшись визиремъ, приказный, попавшій въ полководцы, долженъ былъ говорить совсѣмъ иначе, и волею или неволею приняться за воинскіе подвиги. Да и тутъ еще онъ былъ увѣренъ, что совершенно отъ него будетъ зависѣтъ открыть переговоры и заключить миръ когда ни вздумается, и въ этомъ упованіи взялъ даже Апрышкуфа съ собою въ походъ.

Все было готово. Восемнадцатаго сефера *, въ седьмой день послѣ весенняго равноденствія (16 марта 1769), верховный визирь Эминъ-Папша, взваливъ на свои плеча священное знамя, торжественно выступилъ изъ внѣшнихъ воротъ Сераля и черезъ городъ отправился на Даудъ-паушинское Поле. Отсюда, спустя шесть или семь дней, двинулись мы въ Адріанополь.

Въ первыхъ дняхъ мѣсяца зиль - гиджжѐ, на карыштыранской станціи распространилась мол-

* Въ рукописяхъ здѣсь должна быть ошибка: вѣроятно, мѣсяца *сефера* выставлено здѣсь вмѣсто мѣсяца *зиль-каде*, потому-что сеферъ того года не соотвѣтствуетъ марту 1769, и притомъ въ рукописяхъ, вслѣдъ за нимъ, является мѣсяцъ *зиль-гиджжде*, тогда-какъ между сеферомъ и зиль-гиджжѐ, въ мусульманскомъ календарѣ, есть разстояніе девяти лунныхъ мѣсяцевъ.

ва о смерти Кырымъ-Гирей-Хана. Велѣно тотчасъ привезти Девлетъ-Гирея изъ деревни, въ которой онъ жилъ, и ханское достоинство было пожаловано этому неблагополучному Татарину. Это обстоятельство должно также причислить къ худымъ предзнаменованіямъ начинавшагося похода. Кырымъ-Гирей былъ древній богатырь, страшный человѣкъ, послѣдній изъ Татаръ. Онъ умѣлъ погрозить, и исполнить угрозу. Татары и невѣрные боялись его. За тридцать дней до весенняго равноденствія, находясь въ Кавшанѣ, узналъ онъ о вступленіи Москвитянина въ землю Ляховъ, и въ ту жъ минуту рѣшился, со всѣмъ татарскимъ народомъ, вторгнуться въ эту землю, выжечь и опустошить ее, и, не трогая московскаго войска, разстроить его уничтоженіемъ всѣхъ средствъ къ продовольствованію; но, по волѣ предопредѣленія, смерть, въ нѣсколько дней, настигла его среди этихъ замысловъ. Если бы пособили звѣзды, если бы Кырымъ-Гирей въ это время произвелъ нападеніе на ляхскую землю, онъ дѣйствительно надѣлалъ бы страшныхъ хлопотъ Москвитянину и, навѣрное, воспрепятствовалъ бы смѣлому движенію его на Хотинъ. Но Господь-Истина судилъ иначе. Кырымъ-Гирей вдругъ умеръ. Мѣсто его заняло ничтожество, Девлетъ-Гирей называемое. Этотъ человѣкъ, во-первыхъ, былъ неспособный къ подобному предпріятію, а во-вторыхъ, чтобы отнять ханство у Сагибъ-Гирея, вздумалъ, по прибытіи въ Крымъ, открыто дѣйствовать наперекоръ условіямъ мира, за годъ передъ тѣмъ заключеннаго съ такою трудностью, и отправилъ

ъ Стамбулъ своего представителя съ двумя-ста-
и татарскихъ мирзъ и съ увѣреніемъ, что онъ
перва разобьетъ Москву и вытѣснитъ ее изъ
Крыма, а потомъ все въ этомъ краю приведетъ
ъ прежній порядокъ. Не только этотъ поступокъ
ылъ явнымъ нарушеніемъ трактата, но и самый
опытъ давно убѣдилъ всякаго, что Татары не въ
состояніи бороться съ Москвитяниномъ. Безмы-
сленность ихъ козней была яснѣе солнца. Между-
тѣмъ наши мудрецы приняли татарскую болтов-
ню за что̀-то толковое, и стали разсуждать между
собою: «Посмотрите! на Татаръ, ни-вѣсть откуда,
«нашла удивительная храбрость! Вотъ и они оду-
«шевились фанатизмомъ къ вѣрѣ! Что̀ жъ! непрія-
«тель теперь утомленъ: право, не худо, если они,
«пока что̀ будетъ, порядкомъ потеребятъ его!» И,
такимъ-то образомъ, сказанные мудрецы, повѣ-
ривъ татарскому хвастовству, къ заваренной кашѣ
еще подбавили гнилой воды, и, кипятя ее три го-
да, цѣлый міръ бѣдствій опрокинули на рабовъ
Аллаховыхъ и сдѣлались орудіемъ ихъ погибели!

*Кяне залике фи' ль китаби местуранъ!**

Изъ Карыштырана пришли мы въ Адріанополь.
Здѣсь войско праздновало байрамъ и курбанъ-
байрамъ, и спустя десять дней выступило въ даль-
нѣйшій походъ. Въ Праводахъ получено извѣстіе
о неожиданномъ нападеніи непріятеля на Хотинъ
и погибели коменданта этой крѣпости. Четеджи-

* «Такъ было написано въ книгѣ судебъ!» Слова Ал-
корана.

Хусейнъ-Паши, вмѣстѣ съ многочисленнымъ гар
низономъ.

Осьмаго мухаррема 1183 (3 мая 1769) года при
были мы въ Исакчи, гдѣ уже строился мостъ н
Дунаѣ. Какъ, по святому велѣнію Бога Всевышня
го, во все это время не было дождей и земля крѣп
ко высохла, то рабы Аллаховы, страдая отъ ужас
ной пыли, и животныя, истощенныя недостаткомъ
въ травѣ, гибли уже во множествѣ, и эта смерт
ность еще усилилась впослѣдствіи. Три недѣли
времени были употреблены на окончаніе моста.
Двадцать-седьмаго мухаррема армія переправилась
на Картальское-Поле, откуда, спустя четыре дня,
она снялась и пришла къ Царскому-Холму, лежаще
му въ пяти или шести часахъ пути отъ Прута и
Яссъ, столицы Молдавіи, и пятнацати отъ Днѣстра
и Хотина. Покойный султанъ Мухаммедъ-Ханъ IV,
остановясь здѣсь во время каменецкаго похода,
приказалъ насыпать этотъ курганъ, и у подошвы
его построили нѣсколько землянокъ. Отсюда на
званіе — *Ханъ - тепеси*, или Царскій - Холмъ. Какъ
это мѣсто находится на пути въ Молдавію и Хо
тинъ, то впослѣдствіи были здѣсь учреждены об
ширные амбары, въ которыхъ накопилось огром
ное количество съѣстныхъ припасовъ. Несмотря
на это, простоявъ дней десять въ Ханъ-тепеси,
начали мы разсуждать, куда намъ удалиться от
сюда, идти ли въ Хотинъ, или принять направленіе
къ Бендерамъ, городу, лежащему также на Днѣ
стрѣ, но гораздо ниже. Изъ опыта однакожъ мо
гло быть намъ извѣстно, что когда главная квар
тира расположена въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сосредо

очены всѣ жизненныя средства арміи, то всякое даленіе отъ этой точки неминуемо влечетъ за собою разстройство въ ея продовольствованіи. Предполагаемое движеніе изъ Ханъ-тепеси было несообразно, и трогаться съ этого мѣста значило— наѣсться грязи и въ логическомъ и государственномъ отношеніяхъ. Но съ нами были огромныя пушки, да штукъ двѣсти заводскихъ лошадей, да тысяча человѣкъ придворныхъ господчиковъ, въ красныхъ капотахъ, съ раззолоченными стременами, удивительныхъ мастеровъ разбивать мостовыя копытами: хотѣлось, непремѣнно, порыскать въ полѣ, порисоватся, развить грозное воинское великолѣпіе: зачѣмъ идти въ Хотинъ!.... непріятель, будучи однажды отраженъ отъ этой крѣпости, вѣрно уже не возвратится туда!.... такъ пойдемъ лучше въ Бендеры! — и въ военномъ совѣтѣ эта мѣра была одобрена. Арміи приказано двинуться въ этомъ направленіи. Но какъ въ Бендерахъ не было магазиновъ, то распорядились взять съ собою нѣсколько съѣстныхъ припасовъ на подводахъ. Да будетъ извѣстно всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что везти съѣстные припасы на телегахъ за многочисленною арміей—все-равно что̀ велѣть, отправляясь на гульбище, везти за собою закуску въ чашкѣ. Послѣдствіе не могло быть сомнительно. Ну, да мы имѣли очень важныя причины къ этому движенію: «Бендеры— большой городъ, говорили мы: городъ, смежный съ татарскою землею—слѣдовательно, хлѣба тамъ пропасть; если и не увидимъ непріятеля, то все же, перейдя въ другое мѣсто, пріобрѣтемъ боль-

шую выгоду — освободимся отъ этихъ ужа
тучъ мошекъ, которыми здѣсь наполненъ во
И мы начали сниматься. Въ одномъ изъ з
ній военнаго совѣта, верховный визирь обр
къ главному казначею:

— Что же ты скажешь на это? спросил

— Эфенди мой, продовольствіе!.... отвѣчал
тердаръ, пожавъ плечами.

И больше о продовольствіи не было рѣч
ужъ главный квартирмейстеръ отличился:
воръ Тагиръ благосклонно догадался нав
пять сотъ тележекъ ячменемъ, и мы взя
съ собою. Часть этого ячменя съѣли быки,
шіе тележки; другую часть съѣли пог
этихъ быковъ; а третью расхитили моше
слуги.

Дорога изъ Ханъ-тепеси въ Бендеры ок
вовсе не такова, какъ мы предполагали: горк
горки—то внизъ, то вверхъ—воды мало: пр
ная дорога!.... Семь дней мучительно мы
тащились. Наконецъ притащились въ Бенд

Въ день нашего прибытія въ этотъ
жители его, объявивъ, что у нихъ нѣтъ
предложили намъ къ рѣшенію вопросъ—зач
къ нимъ пожаловали?. И тотчасъ пришло
тить по двадцати серебряныхъ денегъ за
хлѣбъ; потомъ по тридцати, и такъ далѣе
отъ котораго изнемогали мы въ Ханъ-тепес
ки — какъ-будто съ нами прилетѣли — ок
насъ еще страшнѣйшими тучами: свѣту Б
не видно было за нимъ! Визирь давно уже
вовалъ себя нездоровымъ: здѣсь, болѣз

ласно усилилась, и врачи увѣряли, что не сегодня
къ завтра онъ непремѣнно долженъ умереть.
то ему дѣлать! хотѣлъ бы сослужить службу!
оворитъ: «Я не теряю надежды; звѣзда государева высока; она устроитъ все къ лучшему». А
ежду-тѣмъ про себя разсуждаетъ: «Москвитянинъ отбитъ отъ Хотина съ урономъ: ушелъ,
уръ!.... вторично не посмѣетъ онъ аттаковать
той крѣпости!.... а какъ тѣмъ-временемъ онъ всѣ не приходилъ въ Бендеры, то уже и не придетъ въ нынѣшнемъ году; семка мы, подобно тому,
акъ онъ разорилъ и ограбилъ окрестности Хотина, разоримъ и ограбимъ край въ тылу у него, за
Днѣстромъ, до Буга и Новой-Сербіи — такъ и
удемъ квиты: а тамъ мы поговоримъ о мирѣ!» И,
основаніи этихъ разсужденій, нашъ полководецъ
традилъ туда одного изъ пашей, по имени Гюль-Паша-задѣ, а Молдаванджи-Али-Пашу послалъ онъ
ащищать Молдавію, съ тою цѣлію, чтобы тотъ,
ойдя всторону, не стоялъ на дорогѣ къ визирю. Гюль-Паша-задѣ, въ этомъ безхлѣбьѣ, охотно согласился переправиться съ главными силами
резъ Днѣстръ; но Молдаванджи-Али находилъ
редлагаемое ему движеніе затруднительнымъ,
говаривался, требовалъ пяти-сотъ мѣшковъ денегъ. Въ то же самое время пришло жалобное донесеніе изъ Хотина, что непріятель вторично напалъ на эту крѣпость. Походъ на Новую-Сербію
ылъ оставленъ. Простоявъ восемнадцать дней въ
ендерахъ, мы начали собираться въ обратный путь
ъ Ханъ-тепеси. Но нашъ полководецъ, и болѣнъ,
ему страхъ хочется чѣмъ-нибудь отличиться въ

Бендерахъ; его присутствіе никакъ не поднимае
ся! Съ трудомъ мы его подняли, и въ самые кан
кулы, двадцать-седьмаго числа ребія-перваго, во
вратились въ Ханъ-тепеси. Черезъ десять дн
получено извѣстіе, что, по милости Господа Истин
гяуръ вторично отраженъ съ урономъ отъ Хоти
на, перевалился обратно на правый берегъ Дн
стра, и ушелъ въ адъ. Вселенная наполнилась р
достью. Да что пользы! Вѣдь Москвитянинъ дѣ
ствуетъ всегда въ противность натурѣ! Послѣ не
удачнаго бою онъ не разсѣется: онъ будетъ стоя
на-мѣстѣ; не пойдетъ обратно во-свояси под
предлогомъ приближенія зимы, но преспокойн
займется, въ ляхской землѣ, исправленіемъ своих
уроновъ, и, пока не устроитъ всѣхъ средствъ к
новому движенію, станетъ черезъ Днѣстръ смот
рѣть на разсѣяніе нашихъ войскъ, не испыта
шихъ никакой неудачи въ сраженіи!

Между-тѣмъ болѣзнь верховнаго визиря усил
лась дотого, что умственныя способности его пер
путались. Молдаванджи-Али уклонился отъ начал
ства надъ войсками, занимавшими Молдавію. Д
стремени падишаха дошло свѣденіе, что Боста
джи-Али-Паша, стоявшій противъ непріятеля, ок
залъ ему мужественное сопротивленіе. Слѣдствіем
этого было то, что Бостанджи-Али, который п
спѣшилъ первый вступить въ бой, удостоился печа
ти государевой. Въ девятый день мѣсяца ребі
втораго, въ началѣ августа, второй конюшій сул
на, Фейзи-Бей, въ восемь сутокъ прискакалъ из
Стамбула въ Ханъ-тепеси, взялъ государеву пе
чать у Эмин-Паши, и отвезъ ее подъ Хотинъ къ

Бостанджи-Али, надѣвъ, въ главной квартирѣ, по-
ѣтную шубу на янычарскаго агу, Эбресъ-Сулей-
мана, въ знакъ пожалованія его трехъ - бунчуж-
нымъ пашою и каиммакамомъ, или намѣстникомъ
верховнаго визиря, до прибытія новаго главно-
командующаго. Эминъ - Паша былъ сосланъ въ
Димотику, но на пути, въ Адріанополѣ, простясь
съ этимъ міромъ испытанія, освободился отъ не-
пріятныхъ послѣдствій визирскаго сана. Да про-
ститъ ему Аллахъ всѣ его прегрѣшенія!

Получивъ печать въ началѣ августа, Бостан-
джи-Али-Паша одушевился ревностью и сталъ дѣ-
лать приготовленія къ переходу черезъ Днѣстръ.
По нашимъ обыкновеніямъ, противно—требовать,
чтобы, послѣ пятнадцатаго августа, янычарскія
палаты (баталіоны) стояли въ грязи, подъ откры-
тымъ небомъ, и утомленное различными трудами
войско шло сражаться съ непріятелемъ: слѣдова-
тельно, надлежало на этотъ годъ удовольствовать-
ся тѣмъ, что̀ сдѣлано, и, снабдивъ крѣпости гар-
низонами, отправиться на зимнія квартиры. Не
такъ однакожъ разсудилъ новый визирь: ему очень
хотѣлось отпугнуть непріятеля отъ противоположна-
го берега и отличиться славнымъ подвигомъ. Онъ
приказалъ строить мостъ на Днѣстрѣ несвое-
временно, переправилъ артиллерію, и послалъ часть
войскъ на ту сторону. Вопламенясь фанатизмомъ,
наши полки произвели, правда, два или три хоро-
шія нападенія: да гяуръ съ мѣста не трогается!....
разстроенные ряды свои тотчасъ приводитъ онъ
въ прежній порядокъ, и валяетъ изъ пушекъ по
нашему лагерю и по крѣпости безъ-умолку!.... Про-

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Визирство Халиль-Паши. Картальское сраженіе.

Халиль-Паша, какъ мы сказали, вступилъ в
должность верховнаго визиря семнадцатаго шаба
на 1183 (10 декабря 1769) въ Баба-Дагы. Тотчас
собранъ былъ совѣтъ для совѣщанія о потребно
стяхъ похода. Между-тѣмъ Москвитянинъ овла
дѣлъ Молдавіей и Валахіей, въ Бухарестѣ взял
въ плѣнъ валахскаго воеводу, разсѣялъ мусуль
манъ, отряженныхъ для защиты этого города, и
въ февралѣ, напалъ на Юрьево, или Джурджево
крѣпость, лежащую при Дунаѣ, насупротивъ Ру
чука, но отступилъ назадъ, порядкомъ покушав
сабли, по храбрости войска, переправившагося с
противоположнаго берега. При всемъ томъ, как
Юрьево лежитъ только въ семи или осьми часах
пути отъ Бухареста, столицы Валахіи, и находи
лось по сосѣдству съ непріятелемъ, то отъ врем
ни до времени не переставалъ онъ производит
нападенія на эту крѣпость, пока слѣдующею весно
не принудилъ насъ оставить ее такъ же, как
мы оставили Хотинъ: тогда, окопавъ ее рвам
и наполнивъ войскомъ, гяуръ въ ней и утвердилс

Весна приближалась. Въ послѣднихъ числах
мѣсяца шеваля, который въ томъ году совпадал
со временемъ самой сильной стужи (отъ 22 янв
ря по 20 февраля 1770), новый ханъ Татаръ, Ка
ланъ-Гирей, прибылъ въ Баба-Дагы, и зашла рѣч
о томъ, чтобы, переправясь черезъ Дунай, выт
снить непріятеля изъ Буджака, смежнаго съ Кар

ьскою Равниною. Въ этотъ годъ, по мудрости
аха, въ Дунаѣ, воды явилось чрезвычайно-
го: моста, по примѣру предъидущаго года,
ьзя было навести; но какъ Исмаилъ, Килія и
ьево еще находились въ нашихъ рукахъ, то
безъ труда могли переправить армію на паро-
ъ и лодкахъ. Множество войска накопилось
имъ-образомъ за рѣкою, и начальство надъ
ъ было ввѣрено нынѣшнему айдынскому бей-
бею, Абди-Пашѣ, который построился лаге-
ъ поближе къ Дунаю, тогда-какъ подальше,
сѣверу, рыскалъ Капланъ-Ханъ съ своими Та-
ами. Сорокъ дней простояли они насупротивъ
пріятельскаго лагеря, расположеннаго по-близо-
ихъ, на разстояніи отъ пяти до десяти ча-
ъ пути. У Москвитянина есть обыкновеніе
творяться бѣдняжкою: поэтому, непріятель сна-
а показывалъ видъ слабости и нищеты, и, не
гаясь съ мѣста, распустилъ слухи, будто у не-
ѣсть нечего. Абди-Паша и ханъ развернулись
правую и по лѣвую сторону его лагеря, и увѣ-
и себя, будто нѣтъ ничего легче какъ аттако-
ъ неподвижнаго врага. Обманывая себя насчетъ
тожества непріятельскихъ силъ, они посылали
главную квартиру записочки, которыя ходили
асъ по рукамъ, и въ которыхъ неоднократно
ю сказано: «Буде угодно Аллаху, мы на дняхъ
изведемъ ночную аттаку, и непріятеля сметемъ
лица земли». Но непріятель провѣдалъ объ
хъ затѣяхъ. То, что̀ они называли «ночною
акой», Москвитянинъ имѣетъ скверную при-
ку дѣлать всегда прежде насъ. Онъ подослахъ

горсть гяуровъ къ нашей позиціи. Эти ле
отряды, разъѣзжая вокругъ лагеря, хорош
обозрѣли мѣстоположеніе, взяли и дали взяти
ло десяти человѣкъ плѣнныхъ, и проникли
состояніе исламской рати. Узнавъ объ ея г
ности къ ночному нападенію, гяуръ, по сі
обычаю однажды, впотьмахъ, на зарѣ, неча
схватилъ ее за бороду и измялъ правовѣрны
родъ какъ маленькихъ перепелокъ.

Но, прежде чѣмъ это случилось, види
бейлербей, Капыкыранъ-Паша, вызванъ бы
главную квартиру для занятія мѣста янычар
аги. Начальствуя въ Видинѣ, онъ такъ же
ро раздѣлывался съ непріятелемъ, разсѣяни
по Валахіи, какъ тотъ мужикъ, въ баснѣ,
встрѣтясь съ мишкою, говорилъ ему издали:
рово, братъ-медвѣдь?» Потомъ однакожъ с
лось его благополучію, переправясь на д
берегъ, кое-гдѣ одержать нѣчто въ родѣ по
ности надъ непріятельскими отрядами. Онъ
писалъ эти викторіи своему воинскому счас
ничтожеству Москвитянина, и, когда Абди-
расположился съ татарскимъ ханомъ на Кар
ской Равнинѣ, ему ужасно захотѣлось
третьимъ сподвижникомъ въ ихъ предпріяті
мѣсяцъ до сраженія, въ военномъ совѣтѣ,
нѣсколько разъ приступалъ къ верховному ви
съ просьбою: «Эфенди мой, дай мнѣ янычар
бовъ! позволь перейти на ту сторону! я буду
вой ногой пашѣ и хану!... По милости Аллах
втроемъ сдуемъ непріятеля со свѣта какъ
съ зеркала!» На-видъ, желаніе его казалось

ымъ, и верховный визирь согласился. Новый янычарскій ага, собравъ всѣхъ янычаръ, бывшихъ въ визирскомъ лагерѣ, съ пушками и съѣстными припасами, переправился на правый берегъ, употребивъ на это около сорока дней времени. День или два дня пути оставалось ему до лагеря Абди-Паши и татарскаго хана: но непріятель, узнавъ объ этомъ движеніи, поспѣшилъ произвесть свою ночную аттаку на пашу и на хана. За сутки до соединенія янычарскаго аги съ ними, часть бѣгущихъ войскъ вдругъ опрокинулась на лагерь храбро шествующаго аги. Видя ее въ этомъ состояніи, ага понялъ, что Абди-Паша и ханъ, разбиты на-голову. Онъ и его янычары поворотили назадъ: разбитые и неразбитые, всѣ вмѣстѣ, бѣгомъ устремясь къ Дунаю, въ безпорядкѣ столпились въ ближайшемъ къ рѣкѣ углу Картальской Равнины, такъ, что мы эту суматоху могли видѣть изъ главной квартиры визиря, находившейся въ Исакчи. Мы остолбенѣли, и, переглядываясь, начали восклицать: «Аллахъ! Аллахъ!... что теперь будетъ?» Спустя немного, пришли письма отъ Абди и отъ хана. Жалобный вопль нашихъ полководцевъ поднимался изъ этихъ бумагъ выше созвѣздія Большой-Медвѣдицы. «Да гяуръ совсѣмъ не таковъ, какъ мы полагали!» изъяснялись они. «Да его тьма тмущая! Напалъ невзначай на «нашъ лагерь и разсѣялъ всю армію! Отнынѣ «впредь, держаться съ этими силами противъ гяу«ра невозможно. Нужно, чтобы его присутствіе «верховный визирь самъ изволилъ пожаловать

«сюда съ шестьюдесятью тысячами отборнаг «войска».

У верховнаго визиря, глаза уже и безъ-тог страшно пучились, но послѣ этого донесенія он стали вдвое огромнѣе. Онъ смѣкнулъ, что его пе переходъ на правый берегъ не только не принесет никакой пользы, но даже будетъ гибеленъ, и на писалъ къ разбитымъ челобитчикамъ: «Мы за благоразсудили, самимъ подождать здѣсь нѣ сколько дней, а вамъ между-тѣмъ пришлемъ по мощь людьми и припасами». Эту бумагу, на сочи неніе которой употреблено было все искусств слога, отправили къ Абди-Пашѣ съ Хатибъ-задѣ агою сипаговъ. Въ одинъ день посолъ съѣздилъ и воротился. Прискакавъ обратно, онъ доложил верховному визирю: «Васъ, эфенди нашъ, требуют непремѣнно!» Отвѣтъ былъ рѣшительный. Халиль Паша покраснѣлъ, задумался, пріунылъ. Как быть? Идти? — бѣда! Не идти — страшно!... ар мія будетъ совсѣмъ уничтожена и падишахъ ска жетъ: «Ты былъ причиною ея низложенія!» На добно было согласиться. «Пойдемъ! сказалъ бѣд няжка: но тяжести всѣ оставимъ здѣсь; пойдем на-легкѣ». Но у нашихъ воиновъ таковъ норовъ что, когда непріятель въ глаза имъ не смотритъ они тотчасъ говорятъ: «Гяуръ не смѣетъ бороть ся съ нами! Куда ему! — Очевидно, что мы пой демъ прямо въ Хотинъ, продолжали они разсуж дать въ настоящемъ случаѣ: а тамъ перейдемъ и за Днѣстръ. Придется долго стоять около Хоти на». И, разсуждая такимъ образомъ, кажды *бралъ* съ собою что̀ только могъ — съѣстные при

сбруи, ковры, утварь: все это столпилось у
оза, поднялась суматоха, и, толкая другъ
, мы цѣлый мѣсяцъ переходили черезъ рѣ-
теченіи этого времени низложеніе за-дунай-
рміи было совершенно забыто: испытанное
стіе казалось всѣмъ какъ-бы сновидѣніемъ;
ятый врагъ по-прежнему прикинулся раз-
нымъ, слабымъ—бѣднякомъ, который знать
аетъ о случившемся — и мы, дня черезъ
ре, снявшись съ Картальской Равнины, хра-
стремились впередъ.
ойдя десять часовъ пути, мы вдругъ очути-
передъ непріятельскимъ лагеремъ. Армія рас-
лась станомъ подъ-вечеръ. Янычары, ар-
исты и латники, немедленно отправлены
ивать укрѣпленія за полчаса пути впереди.
реи насыпаны. Осадныя пушки разставлены.
тоимъ здѣсь двое сутокъ, сказали распоря-
и: устроимся; тылъ арміи еще тащится:
подойдетъ, посмотримъ». Но въ ту же ночь,
рѣ, гяуръ, по своему обычаю, устремился на
укрѣпленія, словно черная туча. «Непрія-
идетъ!» закричали паши. Они не успѣли про-
ть раза два вдоль баттарей, какъ день раз-
лъ, и вся непріятельская колонна, подобно
ькой горѣ, вылитой изъ огня шестидесяти
ъ, обрушилась на эти укрѣпленія. Мало то-
ттареи, насыпанныя въ четыре часа време-
крѣпостные валы не удержали бы ея на-
Несчастные ихъ защитники, попавшіе подъ
гяуру, раздавлены на-мѣстѣ. Бѣгствомъ
ись весьма *немногіе*. Артиллеристы, два ра-

за выстрѣливъ изъ орудій, при третьемъ бр
пушки и единороги, разсѣялись. Непріятел
шелъ впередъ, безпрерывно метая бомбы и
наты. Въ лагерѣ раздался крикъ — «Мы р
ты!»— и вся армія побѣжала толпами—все с
главъ мчалось къ Картальской Равнинѣ — п
приговаривая — «Въ пятахъ спасеніе!» —
ные восклицая — «Въ кнутѣ благословеніе
и все свалилось въ безпорядкѣ на берегъ Д
Всѣ снаряды и припасы остались въ рукахъ
пріятеля. Ѣсть было нечего: да еслибъ и б
не прошло бы горломъ. Всю ночь, до самаго
простояли мы надъ рѣкою, глядя въ воду
цапли. На противномъ берегу стоитъ мелкая
тилія — да рука не хватаетъ — голосъ не
дитъ — а эти гяуры, моряки, не благово
даже прислать хоть-бы одну лодочку, чтобъ,
учтивости, спросить насъ о здоровьѣ! До пят
сяти тысячъ человѣкъ, столпившись, стояли
кимъ образомъ, пока не начали расходиться
дый въ свою сторону. Бо́льшая часть однак
обратилась въ Исмаилъ и тамъ сосредоточи
Оставшіеся на Картальской Равнинѣ испытал
себѣ образчикъ дня преставленія. Цѣлые с
ждали мы прибытія лодокъ изъ Исакчи. Нако
на другой день, показались барки и плашк
Но имъ нельзя къ берегу причалить — намъ
труднѣе подойти къ нимъ въ бродъ — и дѣл
томъ, что лишь-только судно къ намъ прибл
ся, то на него нагрянетъ вдругъ человѣкъ
ста, и оно потоплено; а гдѣ есть случай доб
водою, тамъ нѣтъ возможности взобраться н

у. Съ тысячью мученій, однакожъ, прежде
его начали перевозить янычаръ; другіе, между-
мъ, не дождавшись очереди, стали бросаться
лавь и погибли на срединѣ рѣки. Къ вечеру
ого дня, бо́льшая половина бѣглецовъ успѣла
реправиться. Къ счастію, гяуръ насъ не пре-
ѣдовалъ. Не прежде какъ на третій день около
удня, появился непріятельскій авангардъ, съ
умя пушками, и захватилъ въ плѣнъ нѣсколько
тъ человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые еще о-
авались на Картальской Равнинѣ: онъ бралъ
лько здоровыхъ людей, такихъ, у которыхъ ру-
и ноги были цѣлы: на бродягъ, ни къ чему не-
особныхъ, не обращалъ даже вниманія.

Такими-то судьбами прибыли мы обратно въ
акчи. Здѣсь каждый принялся устраивать свое
ре и вновь обзаводиться палаткою, а гяуръ меж-
-тѣмъ, расположившись насупротивъ насъ, раз-
ъ отнятые у насъ богатые шатры и разлегся
нашихъ постеляхъ. Отсюда, по обыкновенію,
правилъ онъ, для рекогносцировки, двѣ или три
сячи человѣкъ и нѣсколько пушекъ въ Исма-
ъ, лежащій въ разстояніи восьми часовъ пути.
Исмаилѣ находились татарскій ханъ, янычар-
й ага и множество офицеровъ, съ сорока тыся-
ми человѣкъ, способныхъ къ бою. Они, конечно,
ли оказать сопротивленіе гяуру, и могли также,
степенно, переправиться всѣ въ Тулчу, крѣпость,
строенную на правомъ берегу; но эти люди не
ждали и трехъ дней — не сожгли и двухъ пу-
чныхъ зарядовъ — и предпочли постыдное
гство чрезъ Днѣстръ въ Очаковъ, длинным и

болотнымъ путемъ, состоящимъ изъ тридц
реходовъ. Гяуры, пришедшіе послѣ ихъ
ленія, заняли Исмаилъ безъ выстрѣла, п
пивъ его по своему вкусу, утвердились в
городѣ.

Здѣсь нужно сдѣлать одно отступленіе. В
(1685) году, Фазыль-Ахмедъ-Паша сража
Нѣмцемъ-гяуромъ на берегу рѣки Раабъ, в
цати часахъ отъ Вѣны *. Надобно был
правляться обратно черезъ рѣку, на котор
варительно не устроили моста. Гяуръ прия
шихъ къ берегу, войска столпились, и мн
народа утонуло въ морѣ мученичества
Раабское сраженіе прославилось во вселен
шимъ несчастіемъ. Спустя тридцать четы
ныхъ года, именно 1109 (1698), Эльмас
былъ верховнымъ визиремъ и главноком
щимъ противъ Нѣмца. Сбирались, также б
ста, перейти Дунай и устремиться въ зе
вѣрныхъ, и въ Бѣлградѣ происходилъ в
совѣтъ, въ присутствіи нынѣ въ раю об
щагося султана Мустафы-Хана. Амуджа-о
сейнъ-Паша, отличнѣйшій изъ тогдашни
лербеевъ, находился въ этомъ засѣданіи, и
рѣчь зашла о переходѣ черезъ рѣку, он
замѣтилъ: «Это ни съ чѣмъ несообразно
ждетъ новое раабское дѣло!» Мудрое, сове

---

* Авторъ, вѣроятно, говоритъ здѣсь о побѣд
Карла Лотарингскаго надъ Турками, одержанно
іюля 1685. Это сраженіе дѣйствительно происход
въ 1075 году гиджры, за три дня до его окончан

книжное, изрѣченіе! Оно и въ самомъ дѣлѣ внесено въ лѣтописи. Точно также, и въ настоящемъ случаѣ, при естественной невозможности навести мость, когда самъ Аллахъ запрещалъ переходить за рѣку, Халиль-Пашѣ ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало предпринять этого опаснаго движенія за Дунай, какъ-будто нарочно придуманнаго для того, чтобы всѣ припасы и орудія отвезти въ подарокъ гяуру и сдѣлаться виною бѣдствія, почти равнаго тому, которое постигло насъ при Сентѣ *. Но, впрочемъ, не одинъ онъ виноватъ въ этой винѣ. Во-первыхъ, у насъ не было ни одного умнаго человѣка, который бы зналъ и напомнилъ о раабскомъ сраженіи, а во-вторыхъ, визирь имѣлъ предписаніе отъ Порога Счастія непремѣнно идти на непріятеля, взять крѣпость и очистить мусульманскую землю отъ врага. Притомъ и самое нетерпѣніе войскъ принудило его къ этому несчастному переходу за рѣку, которому суждено было возобновить память о раабскомъ пораженіи. Сохрани насъ, Всевышняя Истина, отъ другаго подобнаго!

Перейдя Дунай, верховный визирь расположился въ окрестностяхъ Исакчи, а Москва заняла Картальную Равнину и Исмаилъ. Вслѣдъ за тѣмъ маршалъ написалъ къ Халиль-Пашѣ письмо, которое привезъ къ намъ одинъ гяуръ, его посланникъ, человѣкъ, знавшій языки турецкій и пер-

---

* Побѣда принца Евгенія надъ Турками, при Сентѣ (Zenta), одержана 30 августа (11 сентября) 1697 года.

сидскій и множество персидскихъ стихо
письмо намекало на удобство для насъ за
миръ, прежде чѣмъ непріятель перейдет
Дунай, и маршалъ давалъ уразумѣть,
уполномоченъ рѣшить это дѣло съ Халиль
Верховный визирь удержалъ посланника
на девять или десять дней, чтобы донес
мени государеву о сдѣланномъ предложе
отъ стремени пришелъ слѣдующій отвѣтъ
заключимъ мы сами, здѣсь на-мѣстѣ, а т
ши дружеское письмо къ маршалу и сиди
но». Обѣщаніе «заключить миръ здѣсь на
значило то, что письма были отправлены
ролямъ нѣмецкому и грандабуркскому с
бою о посредничествѣ, и что въ Стамбул
лись ожидать созрѣнія плодовъ этой мѣ
помощію Аллаховой, мы увидимъ впосл
что эти плоды созрѣли только чрезъ пол
да: но какъ?... въ визирство Мухсинъ-з
манъ-Эффенди и Яшенджи-задѣ по-напрас
рались съ нѣмецкимъ и грандабуркскимъ
никами, и разошлись ничего не сдѣлавъ!

По завѣтамъ мудрецовъ, миръ есть во
ное состояніе и похвальное дѣло, и правит
слѣдующія законамъ мудрости, не сходя
гой дороги, всегда къ нему склонны и
На этомъ основаніи, и маршалъ писалъ
ховному визирю письмо, о которомъ мы г
Дѣйствуя въ томъ же духѣ, онъ, и послѣ,
кратно настаивалъ на заключеніе перемир
дѣло не рѣшится. Наши великіе мудрецы
тивъ, не переставали кричать: «Москва

Она хочетъ насъ обмануть! Саблей Москву, саблей!...» Не нужно и объяснять, что, запутавъ такимъ образомъ дѣло, которое за три года легко могло быть кончено, они-то были причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій. Зато теперь, въ своихъ глупостяхъ они обвиняютъ другихъ, безстыдно хвастаясь: «Насъ не послушались! Гяура не отдѣлали саблей! Чтòжъ вышло?... Сдѣлай только по-нашему; такъ ли бы пошли дѣла!... Въ насъ однихъ еще есть мусульманскій фанатизмъ!» Это пустословіе отнюдь не ново: оно искони ведется между людьми, и весьма странно, что многіе еще слушаютъ такой пошлый вздоръ и вѣрятъ хвастунамъ, когда они утверждаютъ, будто у *такого-то* эфендія было много мусульманскаго фанатизма, но что, къ сожалѣнію, его не употребили, и отсюда произошло все несчастіе. Господи, Господи, Боже мой!...

Послѣ-того главнокомандующій гяуровъ послалъ сильное войско противъ Бендеръ. Жители этого города, несмотря на чуму и голодъ, оказали мужественное сопротивленіе и перебили множество невѣрныхъ. Но гяуръ упрямъ какъ чортъ: не отказался отъ намѣренія, пока не взялъ города! Другое войско было отправлено имъ противъ Килiи: гарнизонъ этой крѣпости, послѣ слабой защиты, принялъ предложенную капитуляцію и, оставивъ Килію, перешелъ въ Тулчу. Потомъ, въ 1184 году гиджры *, гяуры, однажды поутру,

* Этотъ годъ гиджры начинался 16 апрѣля 1770.

подошли съ лѣстницами къ стѣнамъ Ибраила; но, по милости Аллаха Всевышняго, не успѣли покорить крѣпости, и, изрядно покушавъ сабли, отступили въ безпорядкѣ. Пѣхота и конница, находившіяся въ Ибраилѣ, нуждаясь въ съѣстныхъ припасахъ, рѣшились наконецъ оставить его, и безпрепятственно ушли въ Мачинъ. Узнавъ объ этомъ, гяуръ послалъ небольшой отрядъ, который безъ бою овладѣлъ Ибраиломъ. Молдавія, Валахія — весь правый берегъ Дуная — были теперь въ его власти: за нами, кромѣ Юрьева и Никополя, не оставалось по ту сторону рѣки ни одной пяди земли. Зима и лѣто для гяура все-равно: онъ не чувствуетъ ни жару ни холоду. Наконецъ однакожъ, когда уже не съ кѣмъ было сражаться, онъ зарылся въ землю и сѣлъ отдыхать.

Дмитріевъ день и зима приближались. Нужно было подумать о зимнихъ квартирахъ. Баба-Дагы — гадкое и нездоровое мѣсто. Хаджи-Оглу-Базаръ казался гораздо удобнѣе. Этотъ красивый и промышленый городокъ извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что, въ 1084 (1673) году, по случаю каменецкаго похода, въ немъ зимовалъ нынѣ въ раю обрѣтающійся султанъ Мухаммедъ, и въ немъ же родился раежитель султанъ Ахмедъ, незабвенный родитель его присутствія, могущественнаго эфендія нашего, султана Абдуль-Хамидъ-Хана, нынѣ благополучно тѣнь свою царскую распространяющаго надъ рабами Божьими. Халиль-Паша представилъ стремени государеву о выборѣ этого мѣстечка для главной квартиры на зимніе мѣсяцы, но тамъ уже рѣшено было удалить его отъ визирства: не-

ать царская предназначалась тогдашнему прави-
лю Босніи, умнѣйшему изъ бейлербеевъ, его
агополучію Силихдаръ-Мухаммедъ-Пашѣ, и Ха-
ль-Паша не получилъ никакого отвѣта по дѣлу
зимнихъ квартирахъ. Къ нему только написали,
ю Селимъ-Гирей-Ханъ, который былъ вызванъ
ь Порогу Счастія и осыпанъ тамъ милостями и
дротами, отправляется въ главную армію. Ха-
ль-Паша провелъ въ полѣ весь реджебъ и ша-
нъ мѣсяцы. Рамазанъ и зима наступили вмѣстѣ.
ы снялись съ равнинъ Исакчи и подошли къ
ба̀-Дагы. Селимъ-Гирей уже тамъ находился,
о онъ разъѣзжалъ верхомъ въ окрестностяхъ,
не заглядывалъ въ главную квартиру. Наконецъ,
жду-тѣмъ какъ мы стояли въ сырости и грязи,
кидая повелѣнія идти въ Хаджи-Оглу-Базаръ,
вился, изъ Адріанополя, бостанджи-баши Ах-
дъ-Паша, чтобы объявить Халилю объ его уда-
ніи отъ должности и занять мѣсто каймакама
о прибытія новаго визиря. Это каймакамство
родолжалось только двое сутокъ, потому-что, на
ретій день, новый визирь, Силихдаръ-Мухаммедъ-
аша, прискакалъ въ Баба̀-Дагы на почтовыхъ,
слѣдъ за тѣмъ показался и Селимъ-Гирей. Со-
ѣщанія о зимнихъ квартирахъ начались въ ра-
азанѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ
ѣшили, что верховный визирь будетъ зимовать
ъ Баба̀-Дагы, а татарскій ханъ въ Юрьевѣ, меж-
у Баба̀-Дагы и Тулчею. Визирь занялъ старый
ба̀-дагскій дворецъ, и армія расположилась во-
ругъ него.

Халиль-Паша, *послѣ* отъѣзда своего изъ арміи.

былъ нѣсколько времени негропонтскимъ
беемъ; оттуда перевели его въ Сивасъ, и онъ
въ 1185 (1771) году, въ Анатоліи, на пути
вому намѣстничеству. До пожалованія въ
ные визири, онъ занималъ должность ве
конюшаго и получилъ чинъ трехъ-бунчужн
ши, съ условіемъ отправиться въ походъ
мандовать въ Силистріи. Верховнымъ ви
назначенъ онъ семнадцатаго рамазана 118
на мѣсто Бостанджи-Али-Паши: слѣдова
визирство его продолжалось ровно годъ,
ченіи этого года мы испытали отъ него ка
ское бѣдствіе, и еще тысячу другихъ бѣдс
которыхъ здѣсь сказано. Халиль-Паша
не былъ злой человѣкъ; но онъ былъ г
толстъ, краснощекъ, дирявый карманъ, уя
мотъ, и всегда по уши въ долгахъ: доходы
скаго сана были недостаточны на его изд
и онъ способствовалъ къ разоренію арм
казны, взявъ изъ нея заимообразно шест
мѣшковъ денегъ *.

—

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Визирство Силихдаръ-Мухаммедъ-Паши.

Между-тѣмъ какъ мы сидѣли въ Баба-

* Триста тысячъ турецкихъ піастровъ. Піастръ
время равнялся семидесяти копѣйкамъ серебром
двумъ съ половиною рублямъ ассигнаціями.

яуръ сдѣлалъ одно нападеніе на Тулчу, другое
ерезъ Дунай на Исакчи, откуда взялъ онъ всѣхъ
ристіанъ, нашихъ подданныхъ, и перевезъ на
правый берегъ. Въ то же время гяуры, стоявшіе
у Бухареста, устремились на Юрьево: гарнизонъ,
находившійся въ этой крѣпости, сдалъ ее непрія-
телю и пришелъ въ главную квартиру.

Когда наступила весна, мы, по обыкновенію,
расположились въ полѣ возлѣ Баба-Дагы. Къ ви-
зирю пришло отъ стремени государева тайное
предписаніе не переходить Дуная. Армія осталась
на-мѣстѣ. Но визирь счелъ за нужное воздвигнуть
грозную баттарею возлѣ Тулчи, и Ахмедъ, ага
сипаговъ, удостоился этого порученія. Устроивъ
прекрасную баттарею, онъ вооружилъ ее трид-
цатью или сорока пушками: для защиты ея отря-
жено нужное количество войска подъ начальствомъ
трехъ-бунчужнаго паши, и ага сипаговъ, однажды
утромъ, отправился самъ прикрывать новое укрѣп-
леніе своей конницей. Вскорѣ гяуръ, перейдя Ду-
най у Исмаила, напалъ на нихъ, съ нѣсколькими
пушками. Войска, находившіяся въ укрѣпленіи и
вокругъ него, двинулись нѣсколько шаговъ впе-
редъ, на-встрѣчу непріятелю, и тотчасъ же побѣ-
жали въ лѣсъ. Гяуръ безпрепятственно занялъ
баттарею, и началъ дѣйствовать ея же орудіями.
Это происходило не далѣе какъ въ двухъ или
трехъ часахъ пути отъ главной квартиры. Свѣ-
жее войско немедленно было послано. Оно стѣсни-
ло невѣрныхъ. Въ то же время, по мудрости Ал-
маха, пошелъ сильный дождь съ градомъ. Гяуръ
не могъ стоять въ грязи, и ушелъ въ адъ.

Послѣ этого успѣха, состоявшая изъ чаекъ флотилія, о которой уже была рѣчь прежде, бросала якорь передъ Тулчею, и между-тѣмъ какъ она, согласно приказанію, сбиралась произвести аттаку противъ Исмаила, непріятель, выпаливъ нѣсколько разъ изъ ружей, навелъ добродушный мусульманскій народъ на засаду, устроенную въ тростникѣ. Одни суда были сожжены, другія притащены на буксирѣ къ непріятельскому берегу, и столько приготовленій, столько работъ, предпринятыхъ въ противность законамъ мудрости, не принесли пользы ни на одну копѣйку. Флотилія исчезла. Значительная часть людей погибла.

Втеченіи этого времени, Мухсинъ-задѐ-Мухаммедъ-Паша, послѣ хлопотливой борьбы съ появившимся въ Морѣ Москвитяниномъ, былъ назначенъ сгонять ратный народъ въ Румиліи. Прогнанныя имъ войска, изъ Русчука и съ лѣваго берега Дуная, перевезены подъ Юрьево: правый берегъ наполнился ими, и крѣпость эта снова перешла въ мусульманскія руки. Безпрепятственно сосредоточившись въ этомъ мѣстѣ, наши двинулись впередъ, чтобы вытѣснить гяура изъ Бухареста и Валахіи. Но на половинѣ пути непріятель встрѣтилъ ихъ у небольшой рѣки, и лишь-только десять или пятнадцать человѣкъ были ранены, прочіе разбѣжались во всѣ стороны. Это было за трое сутокъ до Дмитріева дня, 1185 (1771) года. Поскорѣе послали туда самого Мухсинъ-задѐ, и онъ, хлопоча всю ночь, которая, казалось, никогда не кончится утромъ, съ большимъ трудомъ пере*правилъ* разбитые полки въ Русчукъ. Будущія

шій визирь, Мухсинъ-задѐ-Мухаммедъ-Паша, былъ тогда въ арміи простымъ начальникомъ штаба, съ титуломъ турнаджи-баши, и самъ мнѣ разсказывалъ, что въ эту ночь, платя по двадцати пяти піастровъ, не могъ онъ набрать ста человѣкъ для содержанія караула.

Верховный визирь между-тѣмъ стоялъ лагеремъ въ трехъ часахъ пути отъ Тулчи и ждалъ благопріятнаго переворота обстоятельствъ отъ дѣйствій Мухсинъ-задѐ. Но въ тотъ же самый несчастный день, три или четыре тысячи гяуровъ, изъ числа находившихся около Исмаила, напали на Тулчу. Разсѣявъ стоявшія здѣсь войска, непріятель устремился на лагерь верховнаго визиря, расположенный въ окрестностяхъ Баба-Дагы. Въ лагерѣ, въ этомъ году сильно свирѣпствовала чума, и народъ, соскучившись, разсѣялся еще до Дмитріева дня. Не было возможности собрать двухъ тысячъ человѣкъ, способныхъ къ сопротивленію. Жители мѣстечка, взваливъ женъ и дѣтей на телеги, бѣжали. Верховный визирь постигъ всю опасность своего положенія, и, схвативъ священное знамя, съ начальникомъ сипаговъ, Силихдаромъ и всѣми государственными чиновниками, бросился по дальше къ югу. Гяуръ, пришедши въ Баба-Дагы, взялъ все, что тамъ находилось, и черезъ два дня ушелъ въ свою сторону.

Очутясь въ Хаджи-Оглу-Базарѣ, визирь собралъ именитыхъ гражданъ для совѣщанія съ ними о наборѣ людей, которыхъ можно было бы противопоставить непріятелю. Во время этого совѣщанія, чернь мѣстечка *столпилась* у подъѣзда двор-

ца, и, негодяи начали уже заряжать ружья,
ча: «Вы отдали Крымъ гяуру, да и пришли
разорять нашу область!...» Чуть-чуть всѣ доб
чада Магометовы, находившіяся тогда у визир
погибли въ этой суматохѣ: но Аллахъ осѣн
насъ своимъ покровомъ, чернь разсѣялась, и
остались невредимыми.

Какъ бы то ни было, мы простояли здѣсь о
десяти дней. Въ исходѣ этого времени, мектуб
Абдуръ-реззакъ-Эфенди пріѣхалъ изъ Стам
съ почетною шубою и съ чиномъ полнаго п
для янычарскаго аги, которому велѣно зан
должность каймакама въ главной кварти
между-тѣмъ какъ мектубджи, отобравъ гос
реву печать у Силихдаръ-Мухаммеда, отвез
въ Русчукъ, Мухсинъ-задѣ-Мухаммедъ-Пашѣ.

Новый верховный визирь, для зимовки избр
Шумлу. Тотчасъ начали приготовлять тамъ к
тиры, и каймакамъ переѣхалъ въ эту крѣп
со Священнымъ знаменемъ. Мухсинъ-задѣ
былъ туда изъ Русчука въ рамазанѣ 1185 (1
каймакамъ сдалъ ему Священное знамя, съ
комъ, въ полѣ подъ Шумлою, и мы поступил
зимнія квартиры.

Предшествующій верховный визирь сперва
лучилъ приказаніе отправиться на житель
прямо въ Галлиполи. Впослѣдствіи времени,
стремени государева былъ ему пожалованъ а
бахтскій санджакъ. Потомъ, постепенно, управ
онъ Салоникою, Видиномъ и Босніей, въ к
ствѣ бейлербея. Спустя нѣсколько лѣтъ, въ
(1780), перевели его на анатольское намѣстн

во, и, когда я началъ писать эти записки, имен-
, въ джумадіѣ-первомъ 1195 (апрѣлѣ 1781), онъ
вительствовалъ въ Кютахіи. Изо всѣхъ слу-
вшихъ въ этой войнѣ трехъ-бунчужныхъ па-
й, Силихдаръ-Мухаммедъ-Паша былъ, безспор-
, человѣкъ самый благородный, самый умный
самый почтенный. Онъ обладаетъ красивою на-
жностью и приличною своему сану важностью,
порядительнымъ умомъ, познаніями, и множе-
мъ другихъ прекрасныхъ качествъ. Всѣмъ
ѣстно, что, занимая визирскую должность вте-
іи цѣлаго года, онъ ни отъ кого извнѣ не ви-
ъ пособія, а отъ государевой казны не полу-
ъ даже ни одного мѣшка денегъ; и между-
ъ никому въ свѣтѣ не сдѣлалъ онъ неумѣст-
го притѣсненія.

—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

вый годъ визирства Мухсинъ-задѣ-Мухаммедъ-Паши.

Въ рамазанѣ 1185 (декабря 1770), Мухсинъ-
дѣ-Мухаммедъ-Паша, какъ мы сказали, торже-
венно принялъ Священное знамя и вступилъ
должность верховнаго визиря, въ Шумлѣ.
сна приближалась. Между-тѣмъ у Высокаго
рога окончательно рѣшено употребить посред-
ество Нѣмца и Грандабурка. Уже пять или
сть мѣсяцевъ не происходило никакихъ не-
вненныхъ дѣйствій. Но, до приступленія къ
реговорамъ о мирѣ, надлежало заключить пере-

мирія на берегахъ Дуная и въ Архипелаг
этою цѣлью, одинъ изъ начальниковъ отд
Дивана, Абдулькеримъ-Эфенди, отправлен
Юрьево (Джурджево), а управляющій чино
водствомъ, Мустафа-Бей, на острова Накс
Паросъ, въ главныя сборныя мѣста Москви
на въ Архипелагѣ. Условія перемирій подп
и, вслѣдъ за тѣмъ, изъ государственныхъ
никовъ, прежній реисъ, Османъ-Эфенди,
улемовъ, или законниковъ, шейхъ Святой-
Ясенджи-задѐ, назначены уполномоченными
росты нѣмецкой и грандабуркской Двере
Высокомъ Порогѣ приняли на себя званіе п
никовъ. На приготовленія ихъ къ отъѣзду
жано нѣсколько мѣшковъ денегъ, и всѣ о
суетнымъ великолѣпіемъ, прибыли въ Ад
поль въ ребіѣ-второмъ слѣдующаго года
1771). Москва также назначила уполномоче
имъ былъ одинъ знатный гяуръ, по имени О

Обѣ стороны разбили свои палатки, друг
тивъ друга, на лѣвомъ берегу Дуная, между
вымъ и Ибраиломъ. Но, когда, по древнему
чаю, наступила минута открыть переговоры
квитянинъ сказалъ: «Наша Дверь самостоя
«и не нуждается въ посредничествѣ н
«другой Двери; дѣло наше съ Высокимъ
«гомъ рѣшимъ мы сами». Такимъ-образом
средники и не являлись въ засѣданія.

Переговоры начались между Орлуфомъ и
шкуфомъ съ одной стороны, и Османъ-Эфен
и Ясенджи-задѐ съ другой. Орлуфъ и Апры
откровенно и повторительно твердили, что

ю точкою подпоры всего разсужденія о мирѣ
ажна быть независимость Татаръ отъ Высокаго
рога, и что, покуда эта статья не будетъ рѣ-
на, никакой трактатъ не состоится. Османъ-
енди возражалъ на это: «Какъ вамъ не стыдно
ержать такія рѣчи! Независимость Татаръ по
ашему закону — вещь непозволительная. Мы
мѣемъ приказаніе кончить этотъ вопросъ день-
ами *». Втеченіи сорока дней было три или

* Турецкіе законники, или *улемы*, потому именно почи-
ли признаніе независимости Крыма попраніемъ догма-
въ мусульманской вѣры, что, по ученію, принятому
е въ древнемъ халифатѣ, всѣ магометане составляютъ
инъ духовный и политическій народъ, котораго общій
ва — халифъ, намѣстникъ пророка. Оттоманскіе султа-
, какъ извѣстно, пріобрѣли отъ послѣдняго изъ Аббад-
довъ званіе и права халифовъ «*всего* мусульманства».
этомъ основаніи они, и сословіе улемовъ, которому
ѣрено охраненіе чистоты и неприкосновенности поло-
ній вѣры, считаютъ всѣ мусульманскія земли нераз-
ьными частями Оттоманской Имперіи и отторженіе ка-
й-нибудь области разрушеніемъ религіозно-политиче-
аго единства священной *всемусламской* державы. Понятіе
о такъ глубоко укоренено въ умахъ мусульманъ суннит-
аго вѣроисповѣданія, что еще недавно нужно было во-
ужённое посредничество четырехъ великихъ державъ
вропы, чтобы согласить съ нимъ притязанія побѣдонос-
го египетскаго паши и спасти Оттоманскую Имперію
ъ погибели, которою угрожалъ ей единственно этотъ
гнатъ. Дѣло египто-турецкое до-сихъ-поръ не ясно для
вропейцевъ. Въ Турціи рѣчь шла, отнюдь не о томъ,
детъ ли египетскій паша независимымъ обладателемъ
скольнихъ областей, или нѣтъ; тамъ рѣшался другой
просъ: будетъ ли продолжаться оттоманская *всеислам-*
ая имперія, или она должна замѣниться египетскою

четыре засѣданія. Орлуфъ постоянно требовалъ, чтобы независимость Татаръ была принята въ основаніе переговоровъ, объявляя, что безъ нея ничего не будетъ. Османъ-Эфенди, удивительный мастеръ на аргументы, говорунъ, пустомеля, лицо зловѣщее, тщеславившееся быстроподвижностью своихъ челюстей, питалъ съ своей стороны надежду, что онъ, повторяя — «Денегъ не беретъ?.... дѣло не пойдетъ!» — этого рода прибаутками, Москвитянина утомитъ и переувѣритъ. Но, въ подобныхъ дѣлахъ, Франки, то есть, Европейцы — народъ чрезвычайно твердый и медлительный: хоть жерновово верти имъ на головѣ, съ толку не собьешь этихъ людей! Краснорѣчіе Османъ-Эфендія производило въ нихъ точно такое же дѣйствіе, какъ будто онъ игралъ имъ на дудкѣ. Наконецъ онъ разсердился: «Что хотятъ они сказать этимъ?» вскричалъ нашъ уполномоченный: «да они тяжбу «политическую превращаютъ въ религіозную! да «за Аллаховъ завѣтъ вся Анатолія поднимется!...

всеисламскою. Алкоранъ законнымъ обладателемъ престола признаетъ одного только *побѣдителя*. Мехмедъ-Али былъ побѣдителемъ и, по религіознымъ понятіямъ народа, онъ получалъ отъ Аллаха право быть главою всего мусульманства. Оттого вся имперія вдругъ поколебалась: войска не хотѣли сражаться, цѣлыя провинціи переходили на сторону избраннаго небомъ бича дому Османовъ, и одно только покровительство Европы, оказанное старой династіи, удержало верховную власть за нею. Не удивительно, послѣ этого, что независимость Крыма, какъ первое нарушеніе того же великаго догмата, возбуждала со стороны Турковъ такое отчаянное сопротивленіе, хотя Крымъ и не былъ *ихъ провинціей*, имѣя собственныхъ своихъ хановъ. С.

нная будетъ вывернута вверхъ-ногами!»
онъ сталъ отпускать эти безсмысленныя
, Франки, не выходя изъ предмета, и тольвляясь такимъ несообразностямъ, спокойно
ли: «Сказать, что этотъ эфенди — сумасій человѣкъ, было бы неучтиво. Мы этого
зоримъ. У него есть умъ; только, признатьо умъ не похожъ ни на одинъ изъ умовъ,
мы знаемъ». И, потерявъ надежду на удорительное окончаніе дѣла, Орлуфъ началъ
ься къ отъѣзду туда, откуда пріѣхалъ.
анъ-Эфенди находился, впрочемъ, въ чрезно затруднительномъ положеніи. Ему было
но, что независимость Татаръ противна и
и вѣрованіямъ обоихъ казыль-аскеровъ,
никовъ законовѣдственной части. Окажи
лѣйшую склонность къ признанію этой немости, казыль-аскеры какъ-разъ сказали
«Этотъ интригантъ подлежитъ удаленію отъ
сти», — и на придачу сочинили бы письюрисконсультацію о томъ, что ему, по заслѣдуетъ еще снять голову. Это Османъ-
зналъ такъ вѣрно, какъ-будто самъ собою рукою положилъ ихъ бумагу въ свой
ъ. Слѣдовательно, онъ и не чувствовалъ
й охоты продолжать переговоры: настойь противной стороны на этой статьѣ предла ему средство поскорѣе воротиться къ
Счастія и удостоиться чести личной бесъ падишахомъ, убѣжищемъ міра, и онъ,
рося позволенія ни у верховнаго визиря ни
мени государева, черезъ двадцать или трид-

цать дней снялъ свои палатки и возвратился прямо въ Юрьево.

Узнавъ объ этомъ, Мухсинъ-задé-Мухаммедъ-Паша былъ крайне опечаленъ, во-первыхъ, тѣмъ, что цѣль переговоровъ не была достигнута, во-вторыхъ, расторженіемъ перемирія, которое представляло случай собрать новыя военныя силы. Онъ не зналъ что̀ дѣлать. Нѣсколько человѣкъ умныхъ людей составили совѣтъ между собою, и рѣшили, что, хоть Орлуфъ и уѣхалъ, маршалъ остается здѣсь; онъ-то собственно, еще со времени визирства Халиль-Паши, болѣе всѣхъ желаетъ мира: слѣдовательно, написавъ письмо къ нему, можно еще исправить дѣло. Согласно съ этимъ заключеніемъ, прежде чѣмъ Османъ-Эфенди изъ Юрьева переправился на правый берегъ Дуная, верховный визирь написалъ къ маршалу письмо, въ которомъ было сказано: «Вашъ Орлуфъ и «нашъ Османъ Эфенди — оба хвастуны, горденцы, «безбожники: погорячились и испортили благое «дѣло!.... гораздо было бы лучше — продлить пе«ремиріе и, назначивъ новыхъ уполномоченныхъ, «обоюдное желаніе привесть къ благополучному «окончанію». Маршалъ, человѣкъ кроткій, понимая, что миръ выгоденъ для обѣихъ сторонъ, сказалъ — «Это умная рѣчь!» — и согласился на продолженіе перемирія.

Въ этомъ промежуткѣ времени, съ разрѣшенія стремени, новымъ уполномоченнымъ былъ назначенъ тогдашній реисъ, Абдуръ-реззакъ-Эфенди. Взявъ съ собою двухъ начальниковъ отдѣленій Дивана, Пенагъ-Сулейманъ-Эфендія и Ата-уллахъ-

ея, и флотскаго капитана Хайри-Эфендія, этотъ
сударственный сановникъ, изъ Юрьева, съ бле-
ящимъ поѣздомъ, прибылъ въ Бухарестъ и
мѣлъ тотчасъ свиданіе съ Апрышкуфомъ. На-
упленіе зимы позволило продлить перемиріе еще
а шесть мѣсяцевъ. Начались переговоры о мирѣ.
Москвитянину, несмотря на всѣ его побѣды, война
аскучила: онъ искренно желалъ примириться, и
теченіи четырехъ мѣсяцевъ всѣ статьи трактата
ыли рѣшены безъ затрудненія. Но наконецъ
ѣло опять дошло до этой несчастной независи-
ости Татаръ.

— Мы дадимъ сорокъ, даже пятьдесятъ ты-
ячъ мѣшковъ денегъ, сказалъ Абдуръ-реззакъ-
фенди: отступитесь отъ этой неблагопристойной
ѣчи! *.

— Нельзя! отвѣчалъ Апрышкуфъ. Мы дали Та-
арамъ слово, что сдѣлаемъ ихъ самостоятельны-
, и слова нашего измѣнить не можемъ.

Но онъ не могъ преклонить Абдуръ-реззака, и
требовалъ сорока-дневнаго срока, чтобы отне-
ись къ своей Двери и испросить разрѣшенія.
истеченіи этого времени, Апрышкуфъ, выни-
я изъ кармана бумагу, сказалъ:

— Вотъ пришелъ отвѣтъ изъ *Шутурбурка*. Мы
хотимъ отъ васъ ни гроша денегъ, но вы

---

* Въ мѣшкѣ считается пятьсотъ піастровъ. Двѣ тысячи
шковъ составляютъ милліонъ. Такимъ образомъ, Турки,
оставленіе Крыма на прежнемъ положеніи, предлагали
адцать пять милліоновъ піастровъ, или до шестидесяти
ухъ милліоновъ рублей ассигнаціями.

должны отказаться отъ верховной власти надъ Татарами. Зато мы сдѣлаемъ вамъ другія уступки. Самостоятельности Татаръ мы требуемъ для того, что, пока они состоятъ подъ вашимъ покровительствомъ, намъ нельзя спокойно у себя жить: надѣясь на вашу защиту, они всегда готовы причинять вредъ намъ. Это безпрестанно подаетъ поводъ къ ссорамъ съ Высокою Портою, и равно невыгодно для васъ какъ и для насъ. Не говорите, будто мы имѣемъ въ виду овладѣть Крымомъ. Крымъ теперь — въ нашихъ рукахъ: однакожъ мы отдаемъ его! Еслибъ мы не захотѣли оставить Крыма, вы не могли бы отнять его у насъ; но въ такомъ случаѣ, съ одной стороны, примиреніе съ вами сдѣлалось бы затруднительнымъ, съ другой, мы принуждены были бы послать туда сорокъ или пятьдесятъ тысячъ войска для занятія всѣхъ крѣпостей, а это намъ не сходно. Мы оставимъ Крымъ, оставимъ всѣ острова въ Архипелагѣ и всѣ области, завоеванныя нами въ здѣшней сторонѣ, и уйдемъ во-свояси. Миръ нашъ съ вами будетъ проченъ: *иншаллахъ*, если угодно Аллаху, до дня преставленія свѣта не случится причины къ ссорѣ! За что ссориться? Нашего государства намъ достаточно!

Отвѣтъ былъ рѣшительный, и Абдуръ-реззакъ-Эфендію эти условія показались благодатью Божіею, потому-что предложеніе, неоднократно сдѣланное непріятелю, удовлетворить его за независимость Крыма пожертвованіемъ пятидесяти тысячъ мѣшковъ денегъ, было рѣшительно непостижимое. Нашъ уполномоченный, списавъ слова

уфа, представилъ ихъ съ своимъ мнѣніемъ
му визирю. Мухсинъ-задѐ и бывшіе при
лчарскіе аги и государственные сановн
нѣ одобрили его соображенія. «Пятьде-
сячъ мѣшковъ выговорить легко», раз-
они: «но найти ихъ весьма трудно.
атары будутъ независимы, неужели отъ
роизойдетъ болѣе вреда для Высокой
нежели отъ нынѣшняго занятія Крыма
оснымъ непріятелемъ? Втеченіи времени
етъ прійти въ прежній порядокъ: теперь,
въ томъ, чтобы поскорѣе запереть дверь
въ. Надо принять эту сдѣлку. Бо̀льшаго
лучія и желать нельзя!»
сденія ихъ были совершенно основатель-
о въ томъ, что если бы мы еще десять
звали, то лучшаго мира никогда бы не
лючить: это было ясно какъ день, и вер-
визирю, по-настоящему, слѣдовало тотчасъ
ить государеву стремени, что выгоднѣй-
ловій и вообразить невозможно, что они
имъ и военнымъ совѣтомъ, что слово
ѣло кончено. Но Мухсинъ-задѐ, человѣкъ
ый и чрезвычайно дорожившій своимъ
омъ, полагая, что эта сдѣлка не можетъ
явиться убѣжищу міра, вздумалъ поверг-
на благоусмотрѣніе государя. Донесеніе
ченнаго было отправлено къ Порогу Сча-
ста-уллахъ-Бѣемъ и прочитано въ совѣтѣ,
ившемъ въ присутствіи падишаха. Къ не-
гутъ же находился Османъ-Эфенди: этотъ
сущее божеское попущеніе, былъ тамъ

для всѣхъ сума ума, и началъ врать да хв
ся: «Я Москвитянина видѣлъ своими глаз
«хорошенько ощупалъ его пульсъ, и п
«сколько плутовства у него въ мозгу! Это
«миръ! Цѣль гяура — обманъ и коварство
имъ цвѣтистымъ языкомъ, и нѣсколькими
лоченными фразами лести, этотъ человѣ
тилъ свѣтлый разумъ убѣжища міра. Н
аскеры поддержали его, воскликнувъ оба в
голосъ: «Упаси Аллахъ!... независимость Т
«да это ужасный грѣхъ!» И, въ заключе
закричали: «Нельзя! нельзя! Въ народѣ
«мѣнно вспыхнетъ усердіе за вѣру! Гя
«еще на-славу отдѣлаемъ саблей, и тогда
«чимъ такой миръ, какой намъ самимъ
«угоденъ!» Одинъ только великій муфтій х
молчаніе: онъ былъ убѣжденъ, что мы не
гуемъ у судьбы ничего лучшаго, но, ви
совѣтъ одобряетъ другую мѣру, не могъ
всѣмъ сопротивляться.

«Нельзя! нельзя!» было отвѣтомъ, съ ко
Ата-уллахъ-Бей возвратился въ главную кв
Визирь тотчасъ сообщилъ рѣшеніе нашем
номоченному, и тотъ, передавая печально
стіе Апрышкуфу, извинился передъ нимъ
манѣ общаго ожиданія. «Прощайте!» сказ
Абдуръ-резсакъ: «ступайте обратно отку
ѣхали!» Самъ онъ воротился въ Русчукъ, и
вился въ главную квартиру, гдѣ по-нево
женъ былъ ободрять всѣхъ и говорить,
непріятель находится въ стѣсненномъ пол
«Чума, увѣрялъ онъ, истребляетъ множест

ъ; они теперь слабы, и есть надежда, что корѣ сами откажутся отъ независимости Татаръ». акимъ образомъ осуществленіе надеждъ должно ыло отложить до слѣдующаго года, или, какъ казалъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ:

Кюшáди гунчѐ-и-диль калды́ биръ бегарá дахы́, —

Раскрытіе почекъ розана сердца еще разъ оста- ось до будущей весны».

Миръ, и по закону вѣры, и по логикѣ, есть дѣло охвальное и нравственное: не только побѣжден- ыя, но даже и послѣ самой блистательной побѣ- ы, правительства обязаны не упускать случаевъ къ возстановленію согласія и дружбы съ сосѣдни- ми народами, и опытъ постоянно доказываетъ, что примиреніе въ первое удобное время никогда не вредитъ дѣламъ государства; напротивъ, до- ставляетъ ему безцѣнныя выгоды и огромныя преимущества. Надобно видѣть, что̀ такое походъ и война — сколько въ это время несутъ потерь жители всѣхъ состояній — какъ сгоняется подъ- емный скотъ для арміи — какъ тащатъ тяжести и гибнутъ подъ ними лошади и верблюды — какъ пустѣютъ и разрушаются дома̀ въ селахъ и горо- дахъ! Ничего этого не видали и не знаютъ наши стамбульскіе политики: и что̀ же прекраснаго сдѣ- лали они, съ своимъ коробомъ хвастливыхъ воз- гласовъ — «Саблей гяура! саблей! — усердіе за вѣру! — мусульманскій фанатизмъ!» — и тому по- добными вздорами? Они сдѣлали только то, что ъ неба посланное, благое для рабовъ Божіихъ, дѣло невѣжественно испортили и отсрочили на

неопредѣленное время! Если бы, согласно т
какъ писалъ маршалъ послѣ картальскаго не
стія, позволено было Халиль-Пашѣ вступить
нимъ въ переговоры о мирѣ, мы предупредил
цѣлую бездну бѣдствій: въ это время Крымъ
не былъ покоренъ непріятелемъ. и о независ
сти Татаръ не могло быть рѣчи. Равнымъ-о
зомъ и во время переговоровъ, веденныхъ
дуръ-реззакомъ: непріятель былъ утомлен
шимъ упрямствомъ, и — даромъ, что онъ отказ
отъ денежнаго вознагражденія — по собствен
его признанію, если бы его тогда рѣшительно
жали, съ искреннимъ желаніемъ примириться, д
войны и раздоровъ могла бы быть затворен
не издержали бы по-напрасну ста тысячъ
ковъ денегъ на новыя неудачныя кампанія
были бы доведены, спустя два года, до печал
крайности заключить миръ по-неволѣ. Но хо
говоритъ пословица, «гдѣ много пѣтуховъ в
«ревнѣ, тамъ утро всегда наступаетъ поз
Слава Аллаху, и государь и его намѣстни
насъ полновластны: когда дѣло, по ихъ мн
было право и основательно, такъ имъ слѣдо
тому или другому, своей личною волею и вла
какъ ножомъ отрѣзать всѣ трудности. В
нужда заглядывать кругомъ во всѣ рты и п
совѣтовъ у встрѣчнаго и поперечнаго? Разв
сящія понятія цѣлой толпы людей сложит
одинъ умъ очень трудно. Когда случай упу
изъ рукъ, тогда остается только раскаяв
да восклицать, по старому обычаю: «Суд
«видно, такъ было предопредѣлено!» Свящ

дъ-эррахманъ-ибнъ-Ауфъ, одинъ изъ
къ товарищей Пророка, обладалъ огром-
ѣтствомъ, которое пріобрѣлъ онъ посред-
рговли; когда у него спрашивали, какими
жилъ онъ столь значительное состояніе,
овѣкъ говаривалъ въ отвѣтъ: «Живымъ
я не торговалъ никогда; въ долгъ ни-
отпускалъ; видя выгоду, не разбиралъ,
она, или мала». А можно ли оспаривать
, что нѣтъ торговли прибыльнѣе мира?
никто еще не несъ убытку. Если же
едливо, то, когда представляется малѣй-
й къ мировой сдѣлкѣ, не грѣхъ ли про-
о, медля и откладывая? Тысячи несчаст-
товъ, происшедшихъ отъ такого образа
нія, можно было бы привесть изъ лѣто-
вольно вспомнить событія борьбы, воз-
ъ осьмомъ вѣкѣ гиджры между Абу-
и Музафферидами; бѣдствія, которымъ
ись хорасанскій султанъ Абу-саидъ-Гу-
багдадскій владѣтель Джиганъ-Шахъ,
прямство въ войнѣ съ Узунъ-Хасаномъ,
икомъ нынѣ въ раю обрѣтающагося
улеймана-Завоевателя; паденіе караман-
стіи, отличавшейся своей склонностью
естаннымъ нарушеніямъ мирныхъ дого-
и тому подобные незабвенные примѣры,
счету нѣтъ въ исторіи. Всѣ эти при-
ть какъ-бы поученія, ниспосланныя лю-
годатью Господа Истины, и для тѣхъ,
умѣютъ, поучаться ими, ясно и очевидно
о, и въ настоящемъ случаѣ, кроткія и

умѣренныя письма и предложенія врага в
означали ни его слабости ни страху. Нап
они показывали только то, что христіанскі
дарства читаютъ книги древнихъ мудрецов
бенно, увѣщательное посланіе Аристотеля
ксандру Великому, гдѣ излагается прави
когда миръ возможенъ, то война неприл
непозволительна, и что они всегда и во
время руководствуются этимъ правиломъ.
кой степени умѣютъ они предпочитать мир
нѣ, что, не только послѣ картальскаго дѣ
мы были на-голову разбиты и разсѣяны,
маршалъ письменно предлагалъ Халиль-Па
мириться, но, какъ всѣмъ извѣстно, даже
сраженія при Козлуджѣ пріѣзжалъ посл
сказать покойному Мухсинъ-задѣ: «Вотъ
теперь, послѣ такой знатной побѣды, н
каемся отъ нашего слова! Мы по-прежне
лаемъ мира. Миритесь!» Словомъ, если взять
или семь столѣтій сряду и разсмотрѣть по
лѣтописяхъ знаменитые раздоры, происхо
втеченіи этого времени между различными
тельствами, то повсюду окажется, что выг
стоянно оставалась на сторонѣ тѣхъ, к
предпочитали мѣры кротости и миролюбія.
оборотъ, мы видѣли на самихъ себѣ, чѣмъ
лись затѣи нашихъ мудрецовъ, которые,
ни натуры судьбы, ни обстоятельствъ, с
ждавшихъ прежніе историческіе разрывы
миренія, ни цѣны сдѣлкѣ, на-силу заклю
съ тысячью хлопотъ Абдуръ-реззакомъ в
рестѣ, вздумали судить и рядить на-обумъ:

къ, какъ намъ хочется! Дѣйствовать непреклон-
! Мириться на-чистоту, безъ фальши и плутов-
ва!» — Пожалуй! Но сперва передѣлайте судьбу
а свой образецъ; а въ книгахъ написано, что во
ремя борьбы между его присутствіемъ Аліемъ,
ятемъ и законнымъ наслѣдникомъ Пророка, и
оаввіей, мятежнымъ посягателемъ на его пре-
толъ, мужи мудрые, знавшіе по опыту натуру
удьбы, сказали непреклонному въ своихъ пра-
ахъ халифу: «Повелитель правовѣрныхъ! не из-
вольте упрямиться. Судьба вѣдь создана по образу
человѣческаго ребра: она крива! Погнешь, изло-
мается! Надо осторожно употреблять ее въ томъ
видѣ, какъ она есть». Коротко сказать, когда
удьба не благопріятствуетъ правительству или
астному лицу, и изъ первыхъ опытовъ видно,
то она и дальше благопріятствовать не намѣре-
а, такъ ужъ тутъ нужно дѣйствовать не по сво-
мъ богословскимъ теоріямъ, а по арабской по-
ловицѣ, которая говоритъ: «Складывай холстъ
о складкамъ!» Даже и грубые Туркмены, кото-
ые эту пословицу перевели на свой языкъ сло-
ами — «По спинѣ подбирай вьюкъ» — очень хо-
ошо постигли, что практику всегда должно пред-
очитать теоріи.

Въ чемъ сила? Опытъ показалъ, что отмѣнить
уществующіе договоры весьма нелегко, а оружі-
мъ вытѣснить врага изъ Крыма, по-видимому, и
резвычайно трудно. Пока вы разсуждали да спо-
ли, Москва — не доведи, Аллахъ, въ другой
азъ! — подступила къ Очакову, а изъ окрестно-
ей Хотина протянула ногу черезъ всю Молдавію

въ Буджакъ. Явно и несомнѣнно было, что уже это надѣлаетъ вамъ ужасныхъ хлопотъ, захотите вы проводить ее отсюда. Слѣдоват въ отношеніи къ крымскимъ дѣламъ, ва оставалось никакого другаго спасенія кро безности и ласкательства. Послѣ письма маршала, надлежало тотчасъ вступить съ въ сношенія, и, не смѣшивая содержанія м ста о войнѣ съ дѣломъ Шагинъ-Гирея, отв кротко и смиренно: «Кровопролитіе, о кот упоминается въ нашемъ посланіи, также и шему закону — вещь богомерзкая и отверж Мы тоже любимъ покой и доброе согласіе. В хана, по существующему трактату, предост самимъ Татарамъ. Какъ-скоро ханомъ не человѣкъ безпокойный и пронырливый, об роны, безспорно, извлекутъ равную выго этого условія. Но Шагинъ-Гирей подалъ у водъ къ безпорядкамъ: онъ производитъ м между Татарами, и смущаетъ дружескія от нія двухъ державъ. Можно быть увѣрен что и впередъ одна часть татарскаго наро детъ признавать его своимъ повелителемъ, непремѣнно будетъ отвергать, и что этотъ вѣкъ составитъ собою постоянное препятст полному и совершенному согласію, къ ко стремятся оба правительства. Поэтому нео мо, чтобы Россія, дружбы и любительства благоволила отказаться отъ поддерживани гинъ-Гирея. Пусть, намѣсто его, Татары вы другаго: съ своей стороны, Высокая Пор *удовольствіемъ* утвердитъ новаго хана,

и былъ, а всѣ прочія условія трактата оста-
къ соблюденію въ прежнемъ видѣ. Эта
самая приличная достоинству обоихъ пра-
ствъ, будетъ и самая благодѣтельная для
нныхъ имъ народовъ Божіихъ». Если бы
отвѣчали въ свое время, миръ былъ бы тутъ
ключенъ безъ большихъ затрудненій. Но,
ь, вывести Москву изъ Крыма посредствомъ
ностей — было претрудное дѣло! При на-
ихъ обстоятельствахъ, оставалось только
иться, что Шагинъ-Гирей, хворый, слабый,
тый параличомъ, по милости Аллаха долго
оживетъ на этомъ суетномъ свѣтѣ, или что
а, какимъ-нибудь случаемъ, уберетъ его со
, подобно какъ въ 1182 (1764) году вдругъ
Дели-Кырымъ-Гирея, который надѣлалъ
со шуму въ 1178. Если бы на это послѣдо-
милосердіе Божіе, то, по методѣ леченія хро-
кихъ болѣзней, *постепенно* и мы излечили
ши крымскія раны. Станемъ твердо уповать
ость подателя всѣхъ благъ, что такимъ об-
ь все въ этомъ краю придетъ въ прежній
окъ и случившееся отъ войны бѣдствіе не-
тно устранится тихими и легкими средствами.

—

ГЛАВА ПЯТАЯ.

годъ визирства Мухсинъ-задѐ-Мухаммедъ-Паши.
Происшествія 1187 (1773) года.

съ, Абдуръ-реззакъ-Эфенди, производившій
воры въ Бухарестѣ, воротился въ главную

квартиру въ рамазанѣ 1187 года, то есть, въ ма
(1773). Едва онъ изложилъ визирю положеніе д
и донесъ въ Стамбулъ о необходимости быть сн
готовыми къ войнѣ, какъ проклятый врагъ, с
нувъ, что перемиріе кончено, началъ непріязн
ныя дѣйствія: подвинулъ войска свои отъ Ба
Богазы черезъ Дунай къ Тулчѣ и овладѣлъ Б
Дагомъ. Зимнее время кончилось: по случаю
чала весны, его присутствіе верховный виз
оставилъ Шумлу въ двадцатый день сеф
(3 апрѣля) и расположился въ своей палаткѣ,
смежномъ съ крѣпостью полѣ. Здѣсь уже
нялся онъ торопливо хлопотать о военныхъ
ждахъ и потребностяхъ. Между-тѣмъ непріят
дѣлалъ безпрерывныя нападенія, то на Русч
то на Кара-Су, то на Балія-Богазы, и съ грозн
силами подступилъ къ Силистріи. Чуть-чуть гя
не взялъ этой крѣпости: но Аллахъ явилъ с
милость, и непріятель, порядкомъ покушавъ са
разбитый и опрокинутый, ушелъ въ разстройс
Одинъ отрядъ нечистой силы завернулъ въ Т
руканъ, мѣстечко, лежащее близъ Силистріи: ст
шее тамъ мусульманское войско разбѣжалос
одинъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ нашихъ, аб
скій казначей, Фейзъ-уллахъ-Паша, сдѣлался
ченикомъ за вѣру.

Въ то же время, невѣрный флотъ, зимовав
въ Архипелагѣ, узнавъ о прекращеніи перем
пустился захватывать мѣста налѣво и напр
однакожъ, въ главной квартирѣ, получили мы
вѣстіе, что одно отдѣленіе этого флота пр
къ острову Стангó (Ко) и высадило войско

Будрунѣ, мѣстѣ, лежащемъ насупротивъ острова, на азіятскомъ берегу; что гяуры начали тамъ дѣлать ужасныя неистовства, но, по милости Аллаха, претерпѣли пораженіе на сушѣ и на морѣ, и разсѣялись.

Въ первыхъ числахъ реджеба (въ сентябрѣ), непріятель овладѣлъ Хорсовою, укрѣпленнымъ мѣстечкомъ на берегу Дуная. Изъ главной квартиры посланы были туда на помощь кютагійскій бейлербей Омеръ-Паша и чаушъ-баши Эсперъ-Ага; но на пути оба попали въ плѣнъ. Омеръ-Паша скончался въ непріятельской землѣ. Эсперъ-Ага, по заключеніи трактата, воротился къ порогу счастія; удостоившись особеннаго благоволенія эфендія нашего, падишаха, убѣжища міра, онъ вторично возродился къ жизни: сдѣланъ былъ главноначальствующимъ надъ высочайшею кухнею, и сталъ знаменитъ между государственными людьми. Впослѣдствіи изволили пожаловать ему эмиргюнскій берегъ, который онъ обстроилъ и превратилъ въ красивый кварталъ столицы. Наконецъ ему поручено было привести къ окончанію постройку дворца Ага-Капысы. Онъ умеръ въ 1197 (1782) году, во время этой службы.

Въ половинѣ шабана (октября) непріятель, двумя отрядами, напалъ на Хаджи-оглу-Базаръ. Жители разбѣжались. Онъ выжегъ и разорилъ мѣстечко. Одинъ отрядъ гяуровъ поворотилъ отсюда назадъ, а другой пошелъ прямо на Варну. Въ этой сторонѣ есть степь, которую зовутъ Добруцкою. Она крайне безводна, а въ лѣтнее время нѣтъ никакой возможности вести войско черезъ нее; но

на-ту-пору зима уже была на дворѣ, дожди шли безпрерывно, и гяуръ поднялся на великую смѣлость пройти всю степь и открыто напасть на Варну. Крѣпость съ давняго времени была окружена глубокими рвами, и сверхъ того въ гавани стоялъ съ эскадрою Гюлледжи-Османъ-Паша, который тотчасъ же принялъ искусныя мѣры къ защитѣ. Пока непріятель не собрался весь подъ стѣнами крѣпости, Омеръ-Паша не приказалъ стрѣлять по немъ ни изъ ружей ни изъ пушекъ. Увѣренный въ слабости мусульманъ и гордый своими повсемѣстными побѣдами, врагъ смѣло кинулся на стѣны, но вдругъ былъ встрѣченъ дождемъ пушечнаго и ружейнаго огня, который полился на него со всѣхъ пунктовъ и принудилъ къ отступленію. Гяуръ обратился къ лиману: тутъ пушечный огонь съ эскадры насквозь прожегъ его душу; не было средства ни оставаться ни выйти; нечистый бросилъ на-мѣстѣ около двадцати пушекъ и часть своихъ тяжестей, и ушелъ въ адъ. Это благополучное событіе подарило великою радостью чадъ Магометовыхъ, только-что вступившихъ на зимнія квартиры; но, устрашась такой дерзости непріятеля, мы поскорѣе вырыли рвы вокругъ Шумлы, обнесли мѣстечко частоколомъ, и за этими укрѣпленіями принялись молиться безпрерывно о счастіи падишаха, убѣжища міра. На Русчукъ врагъ вѣры тоже нападалъ неоднократно втеченіи этой кампаніи, и хотя благодаря небесному покрову всемогущаго Господа Истины, всегда былъ отражаемъ съ урономъ, крѣпость эта однакожъ, для своей безопасности,

явственно нуждалась въ гораздо грознѣйшихъ средствахъ къ защитѣ. Поэтому кютаійскій бей-лербей, нынѣшній капитанъ-паша, Гази-Хасанъ, получилъ приказаніе занять ее, на зиму, съ титуломъ и властью сераскера *. Въ рамазанѣ (ноябрѣ) пришелъ онъ въ Шумлу съ многочисленнымъ войскомъ, и, посовѣтовавшись съ его присутствіемъ верховнымъ визиремъ о важнѣйшихъ дѣлахъ, немедленно отправился къ мѣсту своего назначенія.

—

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Третій годъ визирства Мухсинъ-задѐ-Мухаммедъ-Паши. Событія 1188 (1774) года.

Мухсинъ-задѐ спокойно провелъ зиму въ Шумлѣ, въ ожиданіи весны. Когда уже сбирался онъ выступить изъ мѣстечка въ поле, пришло въ главную квартиру изъ Стамбула извѣстіе о вступленіи на престолъ султана Абдуль-Хамидъ-Хана, послѣдовавшемъ въ осьмой день зиль-кадѐ истекшаго года гидржы (26 января 1774), и свѣтъ принялъ совсѣмъ другой видъ. Изъ опыта вѣковъ извѣстно, что перемѣна повелителя въ одномъ изъ двухъ государствъ, которыя воюютъ между собою, всегда устраняетъ поводы къ несогласію и ведетъ къ примиренію. Наконецъ-то, по милости Бога милосердаго, дѣла наши примутъ, казалось, болѣе благопріятный оборотъ! Въ самомъ дѣлѣ, каждую

* Командиръ отдѣльнаго корпуса.

недѣлю стали пріѣзжать къ намъ пос
маршала. «Уполномоченныхъ и посре
«насъ нѣтъ», писалъ онъ къ визирю: «
«правиться въ Русчукъ, а я поѣду въ
«мы сами потолкуемъ о мирѣ; между-
«обѣ стороны сидятъ спокойно». Уж
готово къ открытію переговоровъ, ка
Мухсинъ-задѣ получилъ изъ Стамбула
которыхъ ему писали: «Не слушайте э
Надо непремѣнно поколотить гяура на
этого нельзя!» Въ то же самое время
слухи, что въ московскій землѣ появи
никъ, что непріятель слабъ, что онъ со
свои отряды, ищетъ предлоговъ удал
ныя головы тотчасъ сказали: «Ну, так
«сдѣлаемъ съ нимъ то же самое, что о
«дѣлывалъ: ударимъ въ него тремя
«сметемъ товарища съ лица земли!.... сл
«пріобрѣтемъ!.... службу Высокому По
«жимъ!... Надо только принять умныя
«собрать вновь огромное войско и бо
«чество военныхъ снарядовъ, да пост
«на Дунаѣ подъ Силистріей. Какъ-скоро
«готово, назначенныя войска выступя
«джи-оглу-Базара, подъ предводительст
«скера, завернутъ по пути подъ Хорс
«эту крѣпость безъ малѣйшаго труда,
«Силистріи: оттуда вдругъ устремимся
«лахію и Молдавію, на самое гнѣздо
«припугнемъ его, и побѣдоносно зак
«врагомъ вѣчную любовь и дружбу». Т
планъ дѣйствій, принятый въ главной

одобренный въ Стамбулѣ, и для исполненія его
ислали намъ легкой артиллеріи и всякихъ раз-
ихъ снарядовъ.

Но картальское дѣло ясно доказывало, что для
съ вовсе не годится переходить за Дунай. Не
воря уже объ опасностяхъ отъ встрѣчи съ не-
іятелемъ, каждому было извѣстно, что̀ насъ
етъ за Дунаемъ: кое-какъ пройдемъ три пере-
да; на четвертомъ наши ратники бросятъ всѣ
аряды и разойдутся во всѣ стороны. Но кто
гъ оказать сопротивленіе столь мудро обдуман-
му плану? На всѣ возраженія вамъ отвѣчали:
Пустяки! Чего бояться за снаряды? Что̀ худаго
ожетъ сдѣлаться съ ними? Безъ благородной
ѣшимости, безъ этакой отважной экспедиціи,
пръ у насъ никогда не состоится: какимъ дру-
имъ средствомъ принудимъ мы непріятеля от-
азаться отъ своихъ тягостныхъ условій?»

Около трехъ мѣсяцевъ занимались мы устрой-
вомъ нашей отважной экспедиціи. Могли ли эти
иготовленія оставаться неизвѣстными непріяте-
ю? Онъ узналъ обо всемъ, и сказалъ: «А вотъ я
амъ покажу, какъ дѣлаются удары тремя флан-
ами!» Наступилъ май. Травы и посѣвы достигли
олнаго возраста. Въ это время непріятель при-
лъ всѣ свои силы въ движеніе, и однимъ флан-
мъ осадилъ Русчукъ, другимъ стѣснилъ Силис-
рію, а третій послалъ прямо на Хаджи-оглу-Ба-
ръ — чемъ никто у насъ не зналъ и не вѣ-
лъ! — на встрѣчу войскамъ, которыя должны бы-
выступить противъ него изъ этого мѣста. Са-
му визирю выступать съ ними, конечно, не при-

ходилось: двинься онъ съ мѣста, весь устроенный имъ порядокъ продовольствія перепутается, и—армія пропала! Это онъ зналъ какъ нельзя-лучше, и потому вмѣсто себя, далъ выступающимъ войскамъ, въ предводители, сераскера. Выборъ палъ на янычарскаго агу, полнаго, трехъ-бунчужнаго, пашу, по имени Егинъ-Мухаммеда. Ему ввѣрена была вся пѣхота. Начальникомъ надъ всею конницею и путеводителемъ въ благую сторону успѣховъ сдѣлали голову дьяковъ Дивана, реисъ-эфендія, министра иностранныхъ дѣлъ, словомъ, того же самаго Абдуръ-реззака, котораго видѣли мы съ Апрышкуфомъ въ Бухарестѣ. Мухсинъ-Заде украсилъ его пышнымъ титуломъ *башъ-бога*, то есть, «главнаго воеводы», и дьякъ надъ дьяками выступилъ изъ Шумлы съ грознымъ великолѣпіемъ и блестящею военною свитою*. Въ двое сутокъ пришли они въ Козлуджу. Между-тѣмъ у села Ушенли, по одну сторону Хаджи-оглу-Базара, показались передовые отряды непріятеля. Но они тотчасъ же и ушли. По разсчету нашихъ полководцевъ, это ясно доказывало малочисленность гяура: онъ очевидно хлопочетъ о Хорсовѣ и о нашемъ мосту подъ Силистріей. И, слѣдовательно, они вообразили, что гяуръ будетъ стоять здѣсь. Рѣшено очистить дорогу отъ непріятеля, появившагося въ Ушенли, и съ этою цѣлію отряженъ

---

* *Башъ-богъ*, собственно значитъ главный господинъ. Слово *богъ*, извѣстное всѣмъ славянскимъ языкамъ, извѣстно также и многимъ азіятскимъ, въ которыхъ оно означаетъ только—главу, начальника, господина.

ъ, съ частью войскъ, дву-бунчужный паша,
-Абдаллахъ.
непріятель всегда этакъ притворяется мало-
нымъ и слабымъ, чтобы народъ мусульман-
авлекать въ засады. Онъ расположился ла-
ь въ лѣсу, и стоялъ тамъ смирно. Пѣхота
-Абдаллахъ-Паши, пройдя три часа пути лѣ-
совершенно утомилась. Москвитянинъ вы-
зъ лагеря часть своихъ войскъ на-показъ па-
аши завязали бой. Они уже жестоко страдали
ною и безводья, какъ-вдругъ въ лѣсу загре-
пушки непріятельскаго лагеря. Они обрати-
ъ бѣгство. Тѣ отъ огня, другіе отъ жажды,
на-мѣстѣ мучениками за вѣру. Прочіе, въ
ройствѣ, опрокинулись на лагерь сераскера
злуджѣ. Воины отважной экспедиціи, уви-
людей раненыхъ и разстроенныхъ, тотчасъ
елились, но, когда полководцы захотѣли ве-
хъ впередъ, негодяи, обрадованные предло-
къ побѣгу, начали расходиться вправо и влѣ-
епріятель выстроилъ на эти толпы сорокъ
съ и аттаковалъ ихъ. Войска и полководцы,
егдашнему своему обыкновенію, бросивъ по-
, пушки, снаряды, припасы, всѣ разомъ по-
ъ разсыпную.
другой день полководцы явились обратно
авную квартиру съ извиненіями въ своемъ
стіи, но бо́льшая часть ихъ арміи не воро-
ь вмѣстѣ съ ними: она разбѣжалась въ раз-
стороны еще въ началѣ дѣла. Непріятель
у-тѣмъ устремился какъ ястребъ на покину-
агерь и три или четыре дня сряду грабилъ

пожитки экспедиціи; потомъ, оглянувшись, пр
шавшись, двинулся онъ впередъ, послалъ ра
ды вправо и влѣво, и по-тихоньку подошел
самаго Ени-базара, селенія, лежащаго въ д
часахъ пути отъ главной квартиры. Лишь-т
у насъ узнали, что онъ появился тамъ на в
шеніи, визирь тотчасъ назначилъ новаго сер
ра въ лицѣ Дагыстани-Али-Паши. Въ лагерѣ
ло множество пѣхоты и кавалеріи, только-чт
бравшейся изъ вчерашняго побѣга. Эти в
поступили подъ его команду. На ени-базар
возвышеніи приказано поставить часть артил
и сильное прикрытіе. Непріятель, по обыкно
не показывая вдругъ всѣхъ своихъ силъ, дв
впередъ двѣсти или триста всадниковъ. От
нашихъ азіятскихъ сипаговъ, считая эту г
гяуровъ бездѣлицей для себя, погнался за
черезъ посѣвы. Едва проскакалъ онъ небол
пространство, непріятельская конница повор
лошадей на него, и бой завязался въ хлѣбѣ.
шесть человѣкъ пало на мѣстѣ. Остальная
тольская кавалерія, съ своими тысячниками,
валась на возвышеніи спокойною зрительн
стычки, и не только не пошла въ дѣло, но
всего на все, не выждала часу времени въ
позиціи; случай былъ превосходный: она пов
ла лошадей, и ускакала. На пути находилось м
гдѣ были свалены всѣ тяжести нашего л
Служители, на всякій случай, укладывали л
вещи своихъ господъ въ мѣшки и чемоданы.
тольцы, захвативъ у нихъ безъ церемоніи вс
нашли готоваго, разсѣялись по равнинѣ, и

вились не ближе какъ въ Адріанополѣ. Здѣсь ъ дѣлать было нечего: они пошли къ Босфору прибывъ въ Бешикъ-Ташъ, снарядились переавиться на азіятскій берегъ, въ Анатолію. Что̀ ло дальше, какъ казыль-аскеры сочинили юрисонсультацію, доказывая, что это — *бѣглецы и поежатъ избіенію*, и какъ храбрая анатольская онница, услышавъ объ этомъ рѣшеніи, напереомъ перебралась въ Скутари, все это такъ хороо извѣстно каждому, что не нужно и описывать.

Не смотря на коренное благополучіе года, осчагливленнаго вступленіемъ на престолъ новаго гоударя, вотъ однакожъ не суждено намъ было дотигнуть мира побѣдою! Но не странно ли сказать, то этотъ самый побѣгъ азіятской кавалеріи, поѣгъ постыдный и ничѣмъ неизвинимый, умноивъ смѣлость непріятеля и побудивъ его двиуться отъ Дуная двадцать часовъ пути впередъ, тобы нагрянуть на Шумлу, насильно привелъ асъ къ благопріятному концу дѣла?.... Господь Істины иногда заключаетъ лекарство въ ядѣ, и, ля людей, умѣющихъ поучаться, эта смѣлость вра, сдѣлавшаяся окончательною причиною прекраенія борьбы и источникомъ нашей несомнѣнной ыгоды, будетъ всегда составлять одинъ изъ саыхъ тонкихъ предметовъ размышленія.

Возвратимся къ дѣламъ лагеря. Когда, какъ мы казали, толпа висѣльниковъ, не дожидаясь непріяльской аттаки, безъ всякаго повода бѣжала съ озиціи и разграбила наши тяжести, визирь совершенно потерялъ голову. Мы находились въ ужасомъ страхѣ, *опасаясь* аттаки гяура. Но въ это

время Всевышняя Мудрость судила пойти пр
му дождю, и вскорѣ сдѣлалась такая гря
други и недруги не могли предпринять
го важнаго движенія. Мы убрались за нас
и частоколы, построили новыя батареи, и,
палатки въ удобныхъ мѣстахъ, нѣсколько у
лись подъ ихъ защитою. Черезъ три дня
тельская армія медленно притащилась на
ный выстрѣлъ и окружила нашу крѣпост
нечего-дѣлать гяуръ, покамѣстъ, въ чис
чихъ мерзкихъ потѣхъ своихъ, забавля
окрестностяхъ разоренiемъ хлѣбныхъ мага
выжигалъ посѣвы около города, и, однажды
ославъ гусаръ на балканскаго коменданта
Пашу, растрепалъ его отрядъ. Юсуфъ-Па
кетхода, и часть ихъ свиты, взяты были въ
найденные въ Балканахъ христіане посаж
тележки и увезены въ преисподнюю: мы из
лы видѣли, какъ тащился этотъ обозъ, на
ный нашими райями. Маршалъ между-тѣмъ
рывно присылалъ къ намъ людей съ прос
мирѣ. Для устроенія этого благотворнаг
верховный визирь нарядилъ уполномоченны
его кетходу, Ресми-Ахмедъ--Эфендія, соч
этихъ записокъ, и новаго реиса, Мунибъ-
ма *.

---

* Обѣ, извѣстныя переводчику, рукописи эти
сокъ не имѣютъ настоящихъ заглавій, но на о
нихъ находится слѣдующая турецкая помѣтка, чу
«Сокъ достопримѣчательнаго, сочиненіе *ресмъ-эфен*
ми-Ахмеда», и прочая. Эта надпись удержана въ
вмѣсто заглавія, и, на основаніи ея, Ресми-Ах

Въ двѣнадцатый день осады, въ среднихъ чи-
слахъ ребія-втораго (іюня), уполномоченные вы
ѣхали изъ Шумлы и, при покровительствѣ коман-

званъ въ немъ «министромъ иностранныхъ дѣлъ»: такъ принято въ европейской дипломаціи переводить оттоманскій титулъ *реисъ-уль-кюттабъ* или *реисъ-эфенди*, хотя это званіе скорѣе соотвѣтствуетъ должности статсъ-секретаря чѣмъ настоящаго министра. Но здѣсь мѣсто сказать, что переводчику неизвѣстно, въ какое именно время Ресми-Ахмедъ-Эфенди былъ *реисомъ*, министромъ, или статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ: развѣ, послѣ 1782 года; потому-что до того времени, какъ видно изъ оффиціяльныхъ лѣтописей Порты, онъ занималъ гораздо важнѣйшій постъ, именно, должность *кетходы верховнаго визиря*, или *каймъ-бея*, въ которой онъ и здѣсь является. Въ этомъ званіи, будучи первымъ исполнителемъ приказаній, помощникомъ и правою рукою нѣсколькихъ верховныхъ визирей, Ресми имѣлъ непосредственное вліяніе на всѣ дѣла арміи и, слѣдовательно, показанія его заслуживаютъ еще большаго любопытства. Притомъ онъ, и до вступленія въ это званіе, могъ, гораздо лучше и обстоятельнѣе всякаго реисъ-эфендія, знать все, что происходило, потому-что, какъ сейчасъ увидимъ, имѣлъ порученіе вести въ главной квартирѣ дневникъ всѣхъ событій и случаевъ съ самаго начала войны. Изложимъ коротко біографію его по тѣмъ матеріяламъ, какіе представляетъ намъ турецкая исторія. Кто онъ былъ, и какъ началъ свое служеніе, этого вовсе не видно изъ оттоманскихъ лѣтописей. Но несомнѣнно то, что, еще въ молодости, *Хаджи*-Ресми-Ахмедъ получилъ весьма тщательное литературное образованіе, путешествовалъ по Азіи, и былъ въ Меккѣ. Впервые является онъ у Васыфа тотчасъ послѣ смерти султана Османа III и вступленія на престолъ Мустафы III: тогда онъ служилъ по министерству финансовъ, и уже правилъ должность *кючюкъ-мухалбеджи*, меньшаго контролера разныхъ сборовъ. По случаю воцаренія новаго султана, получилъ онъ званіе втораго дефтердара, то есть, втораго статсъ-

довавшаго здѣсь генерала *Каманскóвъ*, на ше
день прибыли въ главную квартиру маршала.
шалъ прежде стоялъ въ Балія-Богазы, въ ч

секретаря по части финансовъ или, если угодно, това
министра финансовъ, и въ этомъ званіи отправленъ
въ 1758 году, посломъ въ Вѣну для извѣщенія тамо
двора о перемѣнѣ царствующаго лица въ Турціи. Во
тясь на слѣдующій годъ въ Константинополь, онъ
ставилъ султану отчетъ въ своемъ посольствѣ, ко
исторіографъ Васифъ помѣстилъ у себя цѣликомъ,
малѣйшаго измѣненія, какъ сочиненіе, написанное
сходнѣйшимъ перомъ, слогомъ, *заслуживающимъ неи*
мой похвалы, и какъ *образецъ отчетовъ* для всѣхъ по
Высокаго Порога». Этотъ отзывъ со стороны В
тѣмъ болѣе примѣчателенъ, что самъ онъ считает
турецкой литературѣ образцовымъ и неподражаемы
стеромъ слога. Кажется, что, по возращеніи изъ
до начала войны съ Россіей, Ресми оставался вто
дефтердаромъ, исключая только то время, когд
заключеніи первыхъ капитуляцій между Портою и
сіей, ѣздилъ онъ, въ 1763 и 1764, посломъ въ Бер
Отчетъ въ этомъ второмъ посольствѣ, и въ наблюде
сдѣланныхъ посломъ въ Польшѣ и Пруссіи, внесен
же цѣликомъ въ оттоманскія лѣтописи: это также чр
чайно оригинальное сочиненіе. Приводя его, ту
исторіографъ отзывается о сочинителѣ какъ о чело
«*знаменитомъ* своими достоинствами и талантами».
вѣстно, въ какое время послѣдовало его новое назна
но, по лѣтописямъ, въ началѣ войны, Ресми-А
является въ дѣйствующей арміи «первымъ *рузнаме*
и ведетъ журналъ имперіи. Послѣ низложенія верхо
визиря Гинди-Эминъ-Паши—который по повелѣнію
на тайно былъ удавленъ въ Адріанополѣ, хотя
авторъ какъ-будто избѣгаетъ говорить объ этомъ с
ей привычною откровенностью — когда Бостанджи
Паша въ 1770 году получилъ на короткое время
султана, прежній визирскій кетхода пожалованъ бы

ехъ часахъ пути отъ Силистріи, пока посланный мъ на Шумлу генералъ *Каманскій*ъ запиралъ

ымъ пашою и назначенъ сераскеромъ отдѣльнаго корпуса, дѣйствовавшаго около Бендеръ, а Ресми-Ахмедъ, «какъ человѣкъ, отлично исправлявшій многія важныя дѣла государственныя, извѣстный по своимъ способностямъ, и одинъ изъ самыхъ знающихъ людей того времени, опредѣленъ на *высокое мѣсто* визирскаго кетходы». Но скорое паденіе Бостанджи-Али-Паши увлекло съ собою и его кетходу. При назначеніи визиремъ Халиль-Паши, Ресми-Ахмедъ былъ удаленъ отъ этой должности, за *рехавет*ъ, «мягкость нрава», оказанную «въ нѣкоторыхъ случаяхъ»: ему снова поручено вести журналъ имперіи и какъ кажется, въ то же время занималъ онъ весьма почетное званіе *нишанджи*, сановника, который обязанъ чертить султанскій вензель на фирманахъ, издаваемыхъ визиремъ отъ имени падишаха, но который также *въ правѣ* не приложить этого государственнаго герба, когда распоряженіе полновластнаго намѣстника кажется ему противозаконнымъ или несообразнымъ съ пользою правительства. Вскорѣ однакожъ, при возведеніи Силихдаръ-Мухаммедъ-Паши въ достоинство верховнаго визиря, именно въ 1770 году, тогдашняго кетходу произвели въ полные паши, и Ресми-Ахмедъ занялъ снова прежнее мѣсто, а журналъ имперіи и званіе нишанджи поручены временно реисъ-эффендію, Абдуръ-Реззаку. Съ-тѣхъ-поръ, до конца войны, и далѣе, Ресми-Ахмедъ оставался безсмѣннымъ кетходою при многихъ визиряхъ, и изъ лѣтописей, которыя мы имѣемъ, вовсе не видно, когда и на какое новое званіе промѣнялъ онъ эту важную, но чрезвычайно скользкую должность. Замѣтимъ только, что въ «Обозрѣніи царствованія Екатерины Великія» (Спб. 1832, 3 части), Ресми-Ахмедъ-Эфенди названъ *Кнай-Эфендіемъ*, а товарищъ его, реисъ-эфенди, Мувибъ-Ибраимъ, *Мюбасомъ*. Не говоря уже о прежнихъ сочиненіяхъ, стоитъ только взять эту книгу въ руки, чтобы увидѣть, какія забавныя свѣденія объ этой знаменитой войнѣ выдаются *у насъ за* историческія. С.

насъ въ этой крѣпости; но теперь онъ, съ небольшимъ корпусомъ войскъ, подвинулся-было на пять часовъ къ югу отъ лѣваго берега Дуная и находился уже въ селеніи Кайнарджа. Здѣсь-то уполномоченные имѣли съ нимъ свиданіе и, по милости Аллаха, въ два дня и въ два засѣданія рѣшили всѣ условія будущаго мира.

Какъ это былъ послѣдній годъ борьбы, то судьба, казалось, хотѣла извергнуть на насъ всѣ жестокости, которыя еще были у ней въ остаткѣ чтобы мы тѣмъ лучше знали цѣну радости, послѣдовавшей за бѣдствіями. Въ этомъ именно году Русчукъ и Силистрія претерпѣли губительныя осады; разградскій комендантъ Чатаджалы-Али-Паша былъ разбитъ отрядомъ гяуровъ, налетѣвшимъ изъ Тутурукана; помощь посланная Силистріи подъ начальствомъ Арабгирли-Ибрагимъ-Паши, разсѣяна, и Арабгирли еще поставилъ верховнаго визиря въ жесточайшее затрудненіе, написавъ къ нему, чтобы послѣ этого онъ и не думалъ держаться въ тѣхъ мѣстахъ, но искалъ бы спасенія въ Балканахъ; балканскій комендантъ Юсуфъ-Паша уничтоженъ въ самомъ гнѣздѣ своемъ; наши главныя силы разогнаны при Козлуджѣ появленіемъ одного непріятельскаго корпуса; нашъ лагерь разграбленъ нашимъ собственнымъ войскомъ, гяурами, носившими имя мусульманъ, которые бросили насъ, обокрали и ушли—и въ какое время?—когда настоящіе гяуры грозили намъ послѣднею погибелью!—Священное знамя и всѣ столбы и подпоры государства заперты въ Шумлѣ страшною осадою; и помощь, отправленная изъ

Стамбула, вовсе къ намъ не являлась: татарскій ханъ и Испинакчи-Паша, которые вели ее, дойдя до Адріанополя и до Карынъ-Абада, тамъ и остались. Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ должно еще присоединить болѣзненное состояніе визиря, которое лишало его способности заниматься дѣлами и отдавать приказанія.

Въ такомъ-то ужасномъ положеніи были наши дѣла, когда уполномоченные оставили Шумлу въ двѣнадцатый день осады, чтобы отправиться къ непріятельскому полководцу. Какія условія ни предписалъ бы намъ тогда маршалъ, съ нашей стороны не было никакой возможности сопротивляться его волѣ. Сколько бы онъ ни потребовалъ денегъ въ вознагражденіе за военные убытки, намъ ничего болѣе не оставалось какъ выдать сумму и поблагодарить за пощаду. Намѣстникъ верховной власти уполномочилъ дипломатовъ, отправляемыхъ къ непріятелю, соглашаться до итога сорока тысячъ мѣшковъ денегъ, и даже приказалъ не предлагать съ перваго слова менѣе двадцати тысячъ мѣшковъ*. Если всѣ эти бѣдственныя событія не явились непреодолимою преградою къ миру, если непріятель не вздумалъ долѣе и жесточе пользоваться торжествомъ своимъ надъ нами, если маршалъ не сдѣлалъ кислой рожи уполномоченнымъ и не обошелся съ ними грубо и неучтиво, эте надобно приписать единственно тому, что вступленіе на престолъ новаго падишаха, могущественнѣйшаго

* Россія, однакожъ, какъ извѣстно, получила только четыре съ *половиною милліона* серебромъ.

эфендія нашего, случилось въ весеннее время и что, слѣдовательно, счастіе его было тогда въ полномъ цвѣту и во всей силѣ. Ресми-Ахмедъ-Эфенди, который ѣздилъ посломъ къ Нѣмцу и Грандабурку и былъ, не только извѣстенъ, но и уважаемъ въ Европѣ, особенно понравился маршалу. Предводитель гяуровъ не захотѣлъ явиться къ нему строгимъ и взыскательнымъ. Въ двое сутокъ все были слажено. Въ три недѣли уполномоченные съѣздили и воротились. Въ день возвращенія ихъ въ Шумлу, верховнаго визиря не было въ этой крѣпости: по причинѣ сильной болѣзни, онъ переѣхалъ въ одну деревню въ трехъ часахъ пути отъ Шумлы. Уполномоченные отправились туда, и донесли ему о своихъ дѣйствіяхъ. «Спасибо вамъ!» сказалъ его присутствіе: «вы сослужили падишаху отличную службу». Онъ не въ состояніи былъ произнести болѣе ни одного слова. Когда мы, двинувшись отсюда, въ три дня пришли въ Карынъ-Абадъ, онъ тутъ и скончался, двадцать-шестаго числа джумадія-перваго. Тѣло его, сперва преданное землѣ въ Адріанополѣ, было потомъ перевезено въ Стамбулъ. Въ этомъ мѣстѣ мы пробыли три дня, по причинѣ выдачи четвертнаго жалованья войскамъ, и въ началѣ реджеба, со Священнымъ знаменемъ, торжественно вступили въ столицу. Шесть лѣтъ служа Порогу Счастія въ водѣ и въ огнѣ, мы уже потеряли-было надежду когда-нибудь увидѣть Стамбулъ и, въ этотъ день только, снова возродились на свѣтъ. Слава, слава, слава Аллаху! Слава, да слава, да еще разъ слава!

Что же! милосердіемъ Господа Тайновѣдца и ся-

стія августѣйшаго и благополучнѣйшаго
и заключенъ рѣдкій миръ, миръ, какому
имѣра во временахъ минувшихъ и подоб-
съищется отъ начала учрежденія Высо-
рога: и этотъ самый миръ не понравился
мъ, которые, не зная натуры судьбы,
дѣла не умѣя осматривать, сидятъ-себѣ въ
ѣ да несутъ высокопарный вздоръ! «Мы
миръ уничтожимъ!» закричали они.«Мы за-
ь другой, получше! Мы не допустимъ, что-
ры сдѣлались гяурами, чтобы ихъ браки
казены невѣрными законами, чтобы въ
етяхъ читались многолѣтія не-мусульман-
овелителямъ!» Закричали—и свѣтъ снова
ли смутами—въ Исмаилъ сераскера посла-
Черное Море флотъ снарядили—а сколь-
ь навлекли бѣдствій и страданій на рабовъ
, сколько въ три года причинили потерь
й Портѣ, за то пусть наградитъ ихъ Ал-
тораго Божеской волѣ и предоставимъ ихъ
ie

е судьбы къ этому вожделѣнному миру,
ій Мухсинъ-задѐ-Мухаммедъ-Паша, былъ
ерховнаго визиря Мухсинъ-Абдаллахъ-Па-
вшокомандовавшаго въ 1150 (1737) году
ндерами. Въ томъ же именно году—ему
же было лѣтъ около пятидесяти — полу-
ъ и званіе полнаго паши, въ Баба-Дагѣ.
даленія отца его отъ должности, былъ онъ
нъ комендантомъ главной морейской крѣ-
Наполи-ди-Романіи. Съ того времени трид-
тъ переводили его изъ бейлербейскихъ на-

мѣстничествъ въ простые санджаки, и обратно, пока въ 1179 (1765) году не сдѣлался онъ въ первый разъ верховнымъ визиремъ. Удалили его отъ этого сана, какъ сказано, единственно за сопротивленіе несчастной шести-лѣтней войнѣ, которая тогда затѣвалась безумцами, и которую ему же пришлось потомъ прекратить своимъ благоразуміемъ. Сначала приказали ему жить въ Родосѣ. Послѣ-того снова сдѣлали морейскимъ комендантомъ. Въ это время московское гяурство овладѣло Мореей, и прекрасныя способности Мухсинъ-задѐ явились въ полномъ блескѣ: онъ получилъ повелѣніе набирать войско въ Румиліи и вести его на Дунай, гдѣ, въ Русчукѣ, вторично былъ возведенъ въ санъ намѣстника верховной власти, чтобы сдѣлаться благодѣтелемъ рабовъ Аллаховыхъ, доровавъ имъ миръ, честный и выгодный, и умереть отъ огорченій на семидесятомъ году жизни. Мухсинъ-задѐ былъ человѣкъ наблюдательный, любилъ вникать во все, что̀ вокругъ него происходило, прилежно читалъ Вѣдомости, пріобрѣлъ значительныя познанія въ разныхъ наукахъ и, между визирями, отличался обширною опытностью, благочестіемъ, почтеннымъ видомъ и образованностью. Да помилуетъ Аллахъ душу его!

—

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

мѣнъ ратификацій. Сопротивленіе крымскихъ Татаръ овіямъ трактата. Безтолковыя дѣйствія по случаю крымскихъ смутъ.

Крымскіе Татары съ давняго времени были бре-немъ для Высокой Порты. Это—народъ безпо-йный и зловѣщій. Сами они сговорились съ Мо-витяниномъ быть независимыми отъ Порты, са-и желали и просили этой благодати. Порта, что-и удалить рѣчь объ ихъ независимости, какъ о ѣхѣ, могущемъ запятнать душу ея, лишнихъ тре-да вела упорную войну, цѣлый міръ бѣдствій кликала на себя. Наконецъ трактатъ подписанъ, олы обѣихъ державъ размѣняли мирныя грам-ты, Татары независимы и могутъ жить своимъ мъ, своей головой: въ статьѣ, которая къ нимъ носится, положительно сказано, что ни Высокая рта не станетъ оказывать имъ защиты, ни Мо-витянинъ не будетъ угнетать ихъ. По своему ственному разумѣнію, съ согласія обѣихъ дер-въ, они избрали Сахибъ-Гирея своимъ ханомъ повелителемъ. Высокая Порта, по древнему обы-ю, послала въ Крымъ утвердительную грамма-и почетную шубу. Всѣ споры кончены, всѣ бѣ-и устроены. Но Аллаху было угодно, чтобы въ о время прежній ханъ, Девлетъ-Гирей, находил-въ Крыму. Спустя восемнадцать дней, этому зло-чественному Татарину захотѣлось отнять хан-во у Сахибъ-Гирея. Онъ собралъ своихъ привер-нцевъ и отправилъ къ Порогу Счастія депута-

товъ, съ двумя сотнями мирзъ и коварными ставленіями. «Мы не принимаемъ независим говорили они. «Мы не хотимъ нести такого п «ленія передъ лицомъ всего свѣта! Всѣ собе «Сабли не положимъ, пока Москвитянина не «вемъ изъ Еникалѐ и Кылбурна!» Девлетъ- и его представители умоляли Порту оказат пособіе и доставить средства къ совершен двига.

Этотъ поступокъ былъ явнымъ наруше мирнаго договора, и простой разсудокъ по валъ, что дѣло непремѣнно повлечетъ за непріятныя послѣдствія. Не слушая татар вздора, и представивъ самого Девлетъ-Гире дозрительнымъ человѣкомъ, предстояло т употребить надлежащія мѣры къ устранен жданныхъ хлопотъ этого визита*. Но вдруг стали интриганы, неспособные сообразить в лахъ начала съ концомъ, и государственны ди, хлопотавшіе единственно о своемъ мусу скомъ благочестіи.

—Это что̀ за рѣчи? вскричали они. Тат мусульмане! Имъ непремѣнно должно оказа мощь!

И вотъ, прибывшихъ изъ Крыму Татаръ

---

* По особенному, оправдательному, способу изл этихъ записокъ и по участію автора въ тогдашни лахъ, должно полагать, что *онъ* и *его партія* именно с вали такъ поступить съ татарскою депутаціей — п что, какъ сейчасъ увидимъ, противная партія, к онъ вездѣ осмѣиваетъ и бранитъ безпощадно, ста ражать противъ этого.

лись угощать съ честью, провожать съ уваже-
емъ, отводить имъ квартиры, отпускать изъ вы-
чайшей кухни столъ цѣною въ пятнадцать или
вадцать мѣшковъ денегъ въ мѣсяцъ. Татары из-
ѣстно, что̀ за народъ!... за трубкой табаку они
отовы пять часовъ пути карабкаться по горамъ!
Можно было знать напередъ, что когда они уви-
дятъ такую султанскую трапезу, то не уйдутъ от-
сюда до дня преставленія, весь день станутъ про-
водить въ безконечныхъ церемоніяхъ и поклонахъ.
Вмѣсто того, чтобы прогнать ихъ, наши умныя го-
ловы удержали этихъ негодяевъ обѣщаніемъ на-
писать къ Москвитянину бумагу съ предстатель-
ствомъ въ пользу мятежниковъ: авось гяуръ со-
гласится!... И въ самомъ дѣлѣ, бумага была напи-
сана и отправлена.

Москвитянинъ былъ крайне огорченъ внима-
ніемъ, оказаннымъ Татарщинѣ, бунтующей про-
тивъ условій мирнаго договора, и ему слѣдовало
отвѣчать на-отрѣзъ. Къ сожалѣнію, онъ, по сво-
му обычаю, сталъ присылать любезныя письма и
нѣжливыя записки. Наши простодушные государ-
ственные мужи, не испытавшіе московской нату-
ры прежде, сказали: «Видите ли? Такъ и есть,
какъ мы говорили. Гяуръ слабъ! Онъ не смѣетъ
противиться волѣ Высокой Порты!... Конецъ кон-
цовъ, этотъ пьяница Раифъ-Бей только и знаетъ
что̀ курить опіумъ, да за все благодарить старо-
сту московской Двери при нашемъ Порогѣ. Онъ
ничего растолковать ему не умѣетъ. Будь у насъ
ренсъ-эфендіемъ голова, у которой бы челюсти
хорошенько шевелились—напримѣръ, такой-то—

«человѣкъ подлинно единственный въ своемъ ро-
«дѣ,—это дѣло непремѣнно можно было бы
«устроить!» Бѣднаго Рапфъ-Бея начали бранить
на-повалъ и всю вину взваливать на него. Рапф-
Бей не обращалъ на это вниманія. Бывъ, при
покойномъ султанѣ, во время нашихъ походовъ,
долго при дѣлахъ и въ личныхъ сношеніяхъ
съ государемъ, онъ увѣрялъ всякаго, что Вы-
сокій Порогъ равнаго ему служителя не имѣетъ,
и, примѣшивая къ опіуму самолюбія и тщеславія,
успѣлъ и прославиться свѣтиломъ правленія и ко-
лодцемъ мудрыхъ совѣтовъ: всѣ къ нему обраща-
лись, особенно верховные визири. Но, однажды,
Дервишъ-Паша, выхваляя его чудесныя качества
передъ султаномъ, окончилъ панегирикъ замѣ-
ніемъ—«Жаль только, государь, что онъ предан
«опіуму и что такого человѣка употребить нельзя»
—и убилъ бѣдняжку во мнѣніи Убѣжища міра.
Несчастнаго Рапфъ-Бея сослали въ Кипръ, и на
его мѣсто поставили куль пустыхъ рѣчей, рѣзка-
го болтуна, сокровище, которое до-сихъ-поръ пра-
витъ эту должность. Слѣдуя во всемъ понятіямъ
и желаніямъ казыль-аскеровъ, этотъ человѣкъ за-
велъ переговоры со старостой московской Двери.
Староста, на-видъ пошлый дуракъ, но въ сущно-
сти дѣлецъ, плутъ, претонкій гяуръ, въ обращеніи
съ нимъ являлъ себя очень милымъ и кроткимъ.
Прошло нѣсколько времени. При одномъ ихъ сви-
даніи, на софѣ валялся сынокъ нашего дипломата, и, играя съ гостемъ, вдругъ засунулъ ему вы-
шитый еменскій платокъ за-пазуху. Староста, не
чувствовавъ, что платокъ тяжелъ, отъ удово

оцѣловалъ ручку ребенка и, вмѣсто благо-
ги, сталъ поздравлять батюшку съ такимъ
ь и прелестнымъ чадомъ *. «Эфенди мой!»
лъ онъ: «еслибъ мы съ вами съ самаго на-
ели это дѣло, оно давно уже было бы кон-

подлинности этого страннаго анекдота нельзя ру-
потому-что все происшествіе могло быть выдумано
мъ «сокровищемъ», котораго авторъ вездѣ пред-
гъ безтолковымъ хвастуномъ. Но если анекдотъ
ливъ, то онъ показываетъ, что нашъ повѣренный
хъ былъ очень умный человѣкъ, и приноситъ честь
ломатической смѣтливости. Когда турецкій ми-
сдѣлалъ такую глупость, нашему повѣренному въ
не оставалось ничего болѣе, какъ не дать ему за-
до какой степени онъ глупъ, и обратить все на
ю шалость ребенка. Дать Турку почувствовать всю
его поступка или, еще хуже, отвергнуть *подарокъ*,
Востокѣ равняется жесточайшей обидѣ, значило бы
ться съ министромъ султана и сдѣлать дальнѣй-
еговоры невозможными. Турки, у которыхъ про-
ь—дѣло самое естественное, нерѣдко позволяютъ
добныя попытки съ европейскими дипломатами. Въ
случаяхъ, дипломаты, не оскорбляя ихъ гордости
ніемъ подарка, имѣющаго обидный видъ взятки,
ся всегда отблагодарить ихъ съ лихвою, присыл-
другой день, дорогой лошади въ великолѣпной
и другаго равноцѣннаго ихъ приношенію подарка,
о Турокъ, разумѣется, не можетъ не принять по
мъ восточной учтивости. Нѣтъ сомнѣнія, что и
овѣренный поступилъ такимъ же образомъ, пото-
какъ увидимъ далѣе изъ словъ Ресми-Эфендія, онъ
подкупить себя, остался твердъ какъ желѣзо,
одно исполнилъ долгъ свой, не разсорившись съ
. Самъ Ресми-Эфенди жестоко насмѣхается надъ
ю своего товарища, вздумавшаго употребить эту
». *С.*

«чено!» Пустую лесть гяура глупецъ принял
чистосердечное признаніе, и я самъ, собстве
ми моими ушами, слышалъ, какъ онъ въ зас
ніяхъ совѣта, чтобы похвастаться своимъ и
ствомъ, разсказывалъ этотъ случай и повто
отзывъ старосты: слышалъ, и только удивл
какъ можно быть такимъ болваномъ!

Между-тѣмъ Татары съ отличнымъ апети
глотали блюда съ султанскаго стола. Реисъ-э
ди долго возился со старостою, взявшись сдѣ
изъ него вещь невозможную—желѣзо превра
въ воскъ!—наконецъ объявилъ: «Умомъ и усе
«емъ тутъ ничего не сдѣлаешь! Дѣло нейде
Пустословіе, однакожъ, все-еще валило изъ
рта столбомъ выше минарета. Какая нужда,
дѣло нейдетъ, когда посредствомъ этого
возможность около трехъ лѣтъ удержаться
мѣстѣ! Онъ только о томъ и хлопоталъ. Но,
занное въ одномъ засѣданіи повторяя въ дес
слѣдующихъ, и всегда съ одинаковымъ успѣх
пріятель исчерпалъ напослѣдокъ всю свою
товню. «Конецъ концовъ, я одинъ не могу ни
сдѣлать!» сказалъ онъ: «нужно, чтобы мнѣ пом
государственные вельможи». Это значило призн
ся въ своей неспособности.

Видя, что такою чепухою можно три года
хранить за собою званіе реисъ-эфендія, на ег
видное мѣсто поскорѣе взобрался другой гор
и самолюбивый пустомеля, проныра, искусн
мѣдный лобъ, Сатурнъ-планета, и повелъ н
переговоры. Но какъ, при всемъ своемъ остро
онъ не могъ придумать ничего новаго, то доля

лъ старыя рѣчи своего предшественника рас-
ысывать только другими фигурами — много тру-
лся—и тоже ничего не сдѣлалъ; сѣлъ и, съ от-
аянія замололъ вздоръ: «Москвитянинъ грубъ, а
его староста оселъ!... ничего не понимаетъ!... Надо
начать приготовленія къ войнѣ, такъ онъ испу-
гается и заговоритъ совсѣмъ иначе. Взявъ трид-
цать тысячъ человѣкъ изъ Анатоліи и шесть-
десятъ тысячъ изъ Румиліи, и пославъ Али-Бея
да Хасанъ-Пашу, дѣло тотчасъ рѣшится!» Куда,
зачѣмъ, вы идете? Что вы сдѣлаете съ девяно-
сто тысячами войска? Легко ли выставить такую
армію? И, въ результатѣ, что вы получите? Если
ойдете на Москвитянина, конецъ извѣстенъ: бу-
детъ то же, что было недавно. Если на Татаръ:
то — противно условіямъ трактата, и вы опять-
аки разсоритесь съ Москвитяниномъ. Но никто
е могъ обнаружить всей безтолковости такихъ
редложеній. «Ничего!» говорили умныя головы:
въ Румиліи снарядимъ новую армію; въ Черное
Море отправимъ флотъ: подеремся; потомъ отдох-
немъ; а тамъ опять станемъ драться». Сколько,
акимъ образомъ, въ три года, причинено горя ча-
амъ Магометовымъ, сколько растрачено мусуль-
анской казны, что сталось съ флотомъ, который,
ъ одно лѣто стоялъ на якорѣ передъ Бешикъ-
ашемъ, въ другое претерпѣвалъ въ морѣ без-
олезныя бѣдствія, этого и описывать не нужно.
юди, уповавшіе единственно на свое званіе му-
ульманъ, безъ познанія настоящихъ условій исла-
изма; безумцы, вооруженные однимъ только невѣ-
ественнымъ *фанатизмомъ*, которые, не умѣя быть

благодарными Аллаху за милость, ниспосл
имъ подъ именемъ мира, безсмысленно от
лись—«Какая нужда любезничать съ врагом
«ры? Мусульмане всегда побѣждали его!»—о
одни они, и ввергли правовѣрный народъ и
бездну несчастій. Отъ такихъ злополучны
глупыхъ совѣтниковъ да сохранитъ Господь
на Высокую Порту и весь мусульманскій ми
Аминь!

Нури, въ своей исторіи разсказываетъ, ч
655 (1257) году гиджры, когда Менгкю-Х
одинъ изъ потомковъ и наслѣдниковъ Чинги
послалъ монгольское войско въ Анатолію,
водителемъ этихъ полчищъ былъ нѣкто по
Бейху. Пришедши въ Анатолію, Бейху устре
прямо на Конію, съ намѣреніемъ осадить эт
лицу Сельджуковъ. Иззъ-эддинъ-Кейкавусъ,
шній владѣтель Коніи, выступилъ противъ
изъ города съ своими силами, но онѣ не мог
держать натиска Татаръ. Кейкавусъ былъ
битъ, отдѣленъ отъ арміи, и ушелъ въ д
часть своего государства. Жители Коніи запе
въ стѣнахъ города. Монгольскій полководец
дилъ его. Въ столицѣ Сельджуковъ госпо
вали ужасъ и отчаяніе. Но въ числѣ ея жи
былъ одинъ умный *хатибъ*, то есть, проповѣд
Собравъ бусы, кольца, браслеты своей жены
завязалъ все это въ узелокъ и, въ пятницу,
съ собою въ соборную мечеть. Взойдя на а
и прочитавъ многолѣтіе, вмѣсто духовнаго
вленія проповѣдникъ сказалъ слушателямъ: «
«шный врагъ окружилъ нашъ городъ и гр

амъ погибелью. Отъ государя нашего помощи
икакой ожидать нельзя. Конія будетъ взята при-
тупомъ, и вы знаете, какая судьба ждетъ насъ,
я жителей: женъ и дѣтей нашихъ. Монголъ уве-
етъ въ полонъ, все имущество наше расхитятъ
ти волки. Вотъ я принесъ сюда серьги и запястья
оей жены; сдѣлайте и вы то же: принесите всѣ
ои драгоцѣнности, чтобы этимъ пожертвова-
іемъ выкупить головы и имущества ваши. Я пой-
у къ монгольскому полководцу и буду умолять
го о помилованіи: можетъ-быть онъ даруетъ
амъ свободу, и мы спасемъ семейства наши отъ
розы татарской». Эта рѣчь показалась слуша-
ямъ благоразумною: всѣ снесли дорогія укра-
нія своихъ женъ и вручили проповѣднику, ко-
рый, составивъ изъ этого приличные подарки,
правился съ ними въ непріятельскій станъ, пря-
въ палатку монгольскаго полководца. Бейху не
ло на ту пору въ палаткѣ: посланца жителей
оніи представили его супругѣ. У Татаръ въ то
емя, какъ нынче у Франковъ, женщины прини-
ли участіе въ бесѣдахъ и вмѣшивались во всѣ
ла. Подарки, принесенные проповѣдникомъ,
езвычайно понравились монгольской барынѣ:
а стала разспрашивать гостя и, узнавъ причину
осѣщенія, приказала подать разныхъ кушаньевъ,
ла съ нимъ за столъ и начала угощать его. Во
емя этого обѣда, когда подали напитки, пропо-
дникъ, отвѣдавъ поднесенную чашу, не рѣшил-
выпить ея.

— Зачѣмъ вы не пьете? спросила жена Бейху.

— По нашей вѣрѣ, это запрещенный напитокъ, отвѣчалъ проповѣдникъ.

— Да кто же запретилъ его?

— Аллахъ запретилъ.

— Зачѣмъ же намъ не запрещено пить все, что угодно? возразила монгольская барыня.

— Ваша вѣра сама по себѣ, сказалъ мусульманскій проповѣдникъ: а наша вѣра сама по себѣ.

Барыня, услышавъ, что на свѣтѣ есть другая вѣра кромѣ татарской, спросила:

— Которая же вѣра лучше, наша или ваша?

— Наша вѣра лучше, утвердительно отвѣчалъ ей проповѣдникъ.

— Э!!!.... воскликнула *хадунъ*, то есть, барыня, если ваша вѣра лучше нашей, такъ зачѣмъ же мы васъ вездѣ побѣждаемъ?

Проповѣдникъ посмотрѣлъ на платье этой женщины, которое состояло изъ богатаго золототканнаго кафтана съ жемчужными пуговками, и сказалъ, въ видѣ притчи:

— Если бы ты вздумала подарить этотъ кафтанъ, кому бы ты его подарила?.... тому ли, кого любишь изволишь, или чужому человѣку?

— Конечно, тому, кого люблю! отвѣчала она.

— Ну, а если бы, продолжалъ проповѣдникъ, твой любимецъ, не зная цѣны такому богатому подарку, взялъ да запачкалъ или изорвалъ этотъ кафтанъ, прогнѣвалась ли бы на него?

— Непремѣнно! воскликнула барыня: душѣ моей стало бы очень досадно. Да я можетъ-быть приказала бы убить мерзавца!

— Такъ вотъ, примолвилъ проповѣдникъ, тв

ртанъ есть подобіе мусульманства, въ которомъ
лахъ пожаловалъ намъ, своимъ любимцамъ,
разъ драгоцѣннаго, осыпаннаго жемчугомъ,
итья; но мы не умѣли оцѣнить его великой мило-
, и за это онъ подвергъ насъ бичу вашего
ржія.

Эта рѣчь произвела въ монгольской барынѣ
бокое впечатлѣніе. Она заплакала. Смекнувъ,
мусульманство должно быть прекрасная вещь,
друга грознаго врага нашей вѣры сдѣлала умна-
проповѣдника своимъ духовнымъ отцомъ и по-
ила возлѣ себя. Мужъ ея на ту пору возвратил-
въ палатку и увидѣлъ ихъ сидящихъ рядомъ.
— Что это за человѣкъ? сурово спросилъ Бейху.
Жена объяснила ему, что это посолъ отъ города,
онъ принесъ подарки и проситъ о пощадѣ,
ито она уже обѣщала ему свое ходатайство и
жаловала его въ свои духовные отцы. Монголка
къ усердно просила мужа оказать снисхожденіе
просьбѣ гостя и предводитель хаганскихъ
ичищъ былъ такъ доволенъ умомъ и обраще-
мъ мусульманскаго проповѣдника, что онъ по-
рилъ Конію своей барынѣ, которая тотчасъ по-
рила ее своему духовному отцу. Вѣсть объ этомъ
астливомъ событіи была подана осажденнымъ.
рота города отворились. Бейху строжайше за-
етилъ своимъ волкамъ всякое насиліе надъ се-
йствами и имуществомъ обывателей, и гроза
ичилась благополучно. Нравоучительный смыслъ
ого разсказа состоитъ въ томъ, что, въ самомъ
лѣ, всякій разъ какъ мусульманскій народъ, за-
въ истинныя условія исламизма, погружается въ

порокъ и развратъ. Всевышняя Истина выдастъ его врагу для наказанія. Говорить — когда мы мусульмане, то какъ же гяуръ можетъ побѣдить насъ? — есть такое безуміе, такой грѣхъ, такая мерзость, что изъ рукъ вонъ!... Одно только грубое невѣжество можетъ питать подобныя понятія, и этотъ фактъ, по моему мнѣнію, послѣ того, что мы недавно испытали отъ гяура, не требуетъ никакихъ другихъ доказательствъ ни аргументовъ.

Какимъ же образомъ этотъ гяуръ, народъ, прежде слабый и безвѣстный, сдѣлался могущественнымъ орудіемъ Аллахова гнѣва и разгромилъ насъ?

Да будетъ извѣстно, что до 1150 (1737) года гиджры, московскаго короля называли, въ мужскомъ родѣ, *чарь*, а въ женскомъ *чарычá* *. Московскіе короли такъ и писались въ своихъ грамматахъ. Около того времени, соединясь съ нѣмецкимъ *императоромъ*, четыре года сряду враждовали они противъ Высокой Порты, и овладѣли Крымомъ, Азовомъ и нѣкоторыми частями Румиліи; но когда въ 1150 году миръ съ Нѣмцемъ былъ заключенъ въ Бѣлградѣ, они возвратили всѣ мѣста, отторженныя отъ мусульманской державы, и за это пожалованъ имъ отъ Высокой Порты дипломъ на император-

---

* Для ясности того, что слѣдуетъ, должно предупредить читателя, что въ турецкомъ языкѣ, точно такъ же какъ въ венгерскомъ и другихъ того же корня, имена не имѣютъ родовъ: *султанъ* значитъ и государь и государыня, *кыралъ* значитъ и король и королева, и такъ далѣе. Отсюда — необходимость оговорокъ, которыя иногда бываютъ довольно забавныя.

*. Въ *Европѣ*, то есть, во Франкистанѣ, тимъ *императорѣ* гордились, въ разныя времетолько Франція, Испанія и земля нѣмецкая. бы не быть ниже этихъ трехъ государствъ ломъ, и не уступать имъ въ военной силѣ и кѣ, московскіе короли сформировали у себя премное войско, настроили множество галеръ, нали пропасть маленькихъ пушекъ, не трудныхъ потребленію, и, въ 1175 (1761), подъ видомъ по- Австрійцу, то есть, Нѣмцу, послали свою ю на Грандабурка, котораго и побѣдили соенно. Съ-тѣхъ-поръ, слава и знаменитость возрасла еще выше прежняго и, между себѣ ыми, они уже дѣйствительно стали править ъ императорскій. Впослѣдствіи, не разстраивая о заведенія, старались они еще болѣе возвыся и усилиться. Съ нѣкотораго времени, по ому распоряженію Аллаха для наказанія муманскаго народа за его развратъ, всѣ ихъ ли бываютъ женскаго рода, и нынѣшній пхъ литель принадлежитъ, какъ извѣстно, къ тому олу: потому обыкновенно и зовутъ его, на омъ основаніи, *чарычá*. Племя Франковъ, или у нихъ говорится, Европейцевъ, чрезвычайодобострастно къ своему женскому полу. Оттто они такъ удивительно покорны, послушны еданны этой чарычѣ: они почти считаютъ ее ою; около нея толпятся отличнѣйшіе своими

то значитъ, въ дипломатическомъ языкѣ Турковъ, Порта только въ это время оффиціяльно признала ераторскій титулъ русскихъ государей.

способностями и знаменитѣйшіе люди, не только московской земли, но и разныхъ другихъ народовъ, и, полные восторга къ чарычѣ, всѣ они мечутся рвеніемъ положить за нее душу свою. Надо сказать и то, что она также претонкая женщина: чтобы привязать къ себѣ этихъ людей, она выучилась у скончавшейся въ прошломъ году нѣмецкой императрицы всѣмъ ласкамъ и любезностямъ, и, оказывая являющимся къ ней государственнымъ мужамъ и воеводамъ болѣе радушія, чѣмъ кто-либо имъ оказывалъ, осыпая ихъ вниманіями, отличая вѣжливостями, образовала себѣ множество такихъ полководцевъ какъ Орлуфъ или какъ маршалъ Руманчуфъ, тотъ, что заключилъ миръ съ нами. При усердномъ содѣйствіи всѣхъ этихъ людей, счастіе ея развернулось, и она свободно поплыла по морю успѣховъ, дотого что сдѣлалась какъ-бы обновительницею русскаго царства. Въ 1177 (1764) году, по случаю смерти короля Ляховъ, вмѣшалась она въ дѣла этого народа, которыя на нѣсколько лѣтъ заняли ея вниманіе по причинѣ необходимыхъ сдѣлокъ съ сосѣдями, а въ 1182 (1768), по волѣ предопредѣленія, начала войну съ нами.

Племя Франковъ, какъ я сказалъ, удивительно дорожа вниманіемъ женщинъ, всегда готово пожертвовать имъ жизнію и душою. Я вспомнилъ одинъ примѣръ этой черты ихъ характера, и приведу его.

Въ 1170 (1756) году, слѣдуя въ качествѣ посла въ Вѣну, по обыкновенію, остановился я съ сво-имъ судномъ на три дня у набережной столи-

ціяровъ, Буды. Жители, чтобы меня видѣть, ирались на берегу, и многіе приходили ко мнѣ судно. Однажды, въ числѣ прочихъ, явился тнадцати-лѣтній мальчикъ, съ добрымъ и отвеннымъ лицомъ.

– Откуда вы родомъ? чѣмъ вы занимаетесь? осилъ я у него.

– Я изъ Англіи, сынъ одного тамошняго купца, ѣчалъ онъ. Отецъ привезъ меня сюда, къ комен-ту города, на воспитаніе. Я здѣсь уже около ырехъ лѣтъ.

– А послѣ воспитанія надо подумать о профи-іи. Чему намѣрены вы посвятить себя?.... саблѣ перу?

– Саблѣ; то есть, военной службѣ.

– Теперь у императрицы война съ Грандабу-ъ: пойдете ли вы въ походъ?

– Въ этомъ году нельзя. *Иншаллахъ*, если уго-Аллаху, въ будущемъ пойду непремѣнно!

– Но вы еще такой молоденькій, замѣтилъ я: — дитя! Неужели не боитесь вы смерти?

– О, нѣтъ! воскликнулъ юный Англичанинъ. пути изъ моего отечества сюда, мы заѣзжали Вѣну, и дочери императрицы позволили мнѣ ѣловать свои ручки. Если бы во мнѣ, вмѣсто ой души, было сто душъ, все это охотно от-ъ за нихъ!

І привелъ этотъ разговоръ длятого, чтобы по-ать нравъ и понятія Франковъ. У этого племе-въ отношеніяхъ отъ старшаго лица къ млад-му, дать поцѣловать руку — большая честь и

милость *. Если это лицо — изъ породы женщинъ и оно, снявъ перчатку, дастъ поцѣловать голую руку, какъ дѣлаетъ *чарыча*, то это—такое блаженство, что и сказать нельзя: рабы женскихъ ласкъ, за одно это, они, какъ сумасшедшіе, готовы сѣсть верхомъ на крѣпостной ровъ и, на немъ, перепрыгнуть черезъ стѣну твердыни. На этотъ счетъ они чрезвычайно простодушны. Но такимъ-то образомъ они побѣждаютъ мусульманъ: орудія гнѣва Аллахова неисповѣдимы!.... Надобно еще прибавить, что они душой и тѣломъ привязаны къ своимъ государямъ, и удивительно послушны офицерамъ старше себя чинами: тамъ, гдѣ ихъ поставятъ — покуда не кончится собраніе, они стоятъ какъ камни.

Все это очень странно; но оно именно такъ есть, какъ я говорю. Возвратимся къ дѣлу.

Желая, какъ мы сказали, прилично править чинъ императорскій, Москвитянинъ тридцать лѣтъ сряду умножалъ на морѣ и сушѣ свои военныя средства, и къ 1150 (1737) году, эпохѣ продолжительныхъ войнъ между Высокою Портою и врагомъ вѣры, уже очень грозно снарядился къ борьбѣ. Потомъ онъ употребилъ въ дѣло разныя хитрости, посылая съ попами въ Грузію и Морею шапки и прельстительныя грамматы, и совращая нашихъ *раевъ* (иновѣрныхъ подданныхъ) съ пути повиновенія. Наконецъ, изъ *Путурбурка*, лежащаго на

* Восточные, въ такомъ случаѣ, цѣлуютъ край платья и церемонія, которую въ Европѣ зовутъ baise-main, «поцѣлованіе хожденіемъ къ рукѣ», носитъ у нихъ названіе — *дамен бусъ*, «лобзанія полы».

аю моря, называемаго *Балтыкъ*, черезъ Гибралрскій Проливъ, послалъ па воды Мореи и въ рхипелагъ нѣсколько мелкихъ военныхъ судовъ ртѣться между островами; въ Англіи и другихъ мляхъ нанялъ нѣсколько кораблей; въ Архипегѣ нахваталъ барокъ въ родѣ саколевъ и дровозокъ, и, однѣ нагрузивъ войскомъ, другія съѣстыми припасами, въ четыре или пять мѣсяцевъ ставилъ себѣ значительный флотъ изъ стараго аму. Когда этотъ флотъ появился, опытные атоки моря предсказывали, что первая порядочя буря эту странную ладью опрометчиваго гяура, знающаго здѣшнихъ водъ, непремѣнно истолтъ въ щепки и размечетъ по морю. Но, по законуспѣховъ, предопредѣленныхъ бичу мусульнъ, судьба и вѣтры постоянно благопріятствовали его ничтожному флоту, и, съ перваго нападенія, ничтожилъ онъ нашъ прекрасный флотъ, столквшись съ нимъ въ Чешмѣ, мѣстѣ, лежащемъ супротивъ острова Хіосъ.

Много также помогло гяуру одно изъ тѣхъ слуйныхъ бѣдствій, которыя никому и въ голову могутъ прійти заранѣе. Въ Египтѣ появился тежникъ, по имени Али-Бей. Въ Сиріи бунтолъ другой бродяга, Друзъ Тагиръ-Омаръ. Эти а негодяя согласились между собою овладѣть йдою и Триполи, на сирійскомъ берегу. Тутъ е и не нужно было гяуру посылать шапки и есты, чтобы ободрить рабовъ Порты къ возанію; дѣло само шло въ руку: Али-Бей добровольотправилъ подарки и дружескія письма къ мо-

сковскимъ капитанамъ, на острова Накс
росъ, приглашая ихъ на воды Яффы и
Но примѣчательнѣе всего—слѣдующ
тельство. Для порядочнаго флота, весь
провести даже одну зиму въ Архипелаг
тѣмъ, при особенномъ покровительств
непріятель три года сряду, зимой и лѣто
ся по этимъ опаснымъ водамъ безъ м
вреда, и даже нашелъ средство запере
неллы своей дрянною эскадрою, такъ, что
нашъ корабль не могъ выйти изъ проли
Все это одна изъ тѣхъ рѣдкостей,
историковъ называются *хадисѣ-и-кюбрà*,
событіемъ», потому-что онѣ выходятъ из
натуры судьбы и въ три столѣтія разъ
Таковы, напримѣръ, были — походъ
нынѣ въ раю обрѣтающагося султана
въ Аравію; покореніе Египта султаномъ
возстаніе, въ Кандагарѣ, Миръ - Вейса
будучи простымъ княземъ кочующихъ А
пришелъ въ Испагань, столицу Персіи
кинулъ династію Сефидовъ; и, въ наше
воеваніе Хорасана и всей Персіи Надир
и походъ его въ Индію. Словомъ, такія н
ныя нравственныя явленія, которыя моя
бить, въ вещественномъ порядкѣ
однимъ только потопамъ и другимъ вел
трясеніямъ, совершаются рѣдко, быс
дятъ, и не могутъ продолжаться. Точн
и Москвитянинъ только одинъ разъ
лѣтъ былъ въ состояніи подняться на
ополченіе: судьба не можетъ безконечно

пятствовать; онъ не можетъ быть всегда побѣдителемъ и вездѣ смущать спокойствіе мусульманъ. Ослы, неумѣющіе сообразить этой тонкости, принадлежащей къ философіи, шуты, непостигающіе сущности этихъ судьбозданныхъ рѣдкостей въ порядкѣ дѣлъ вселенной, несутъ непозволительный вздоръ, утверждая: «Вотъ, взяло московское гяурство перевѣсъ! Впередъ отъ него житья не будетъ! Теперь оно насъ уничтожитъ!» Говоря такіе пустяки, съ примѣсью множества другихъ глупыхъ, пошлыхъ рѣчей, они только по-напрасну смущаютъ духъ правовѣрнаго народа.

Заключимъ рѣчь исчисленіемъ главныхъ хитростей, которыя Москвитянинъ употреблялъ въ дѣло втеченіи этой войны. Онѣ, искони, были въ употребленіи во всѣхъ земляхъ, описаны въ книгахъ, и извѣстны. Но сила — не въ извѣстности, а въ умѣньѣ приводить ихъ въ дѣйствіе.

Первая ихъ хитрость: нисколько не нарушая существующаго мира, безпрерывно приготовляться къ войнѣ, но такъ, чтобы этого никто не могъ примѣтить.

Вторая хитрость: въ присутствіи непріятеля, разбить нѣсколько палатокъ въ какомъ-нибудь видномъ мѣстѣ, но всѣхъ силъ своихъ не показывать, распоряжаясь всегда такъ, чтобы вы почитали ихъ малочисленными и слабыми.

Третья: смекнувъ, что непріятель намѣренъ аттаковать ихъ, напасть на него днемъ раньше, впотьмахъ, въ сумерки, и разбитъ его на-голову, сообразуясь въ точности съ арабскою пословицею: «По-

потчивай гостя обѣдомъ прежде чѣмъ ему захочется ужинать».

Четвертая: передъ главною аттакою, они всегда дѣлаютъ одну, маленькую, чтобы пощупать пульсъ у непріятеля и извѣдать степень твердости его ратниковъ.

Пятая ихъ хитрость состоитъ въ искусствѣ придавать въ нужномъ случаѣ маленькому отряду видъ огромнаго войска: тутъ поставятъ пять сотъ гяуровъ—тамъ поставятъ четыреста — да и станутъ передвигать ихъ такъ быстро, что у васъ въ глазахъ зарябитъ; или одинъ и тотъ же отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ начнутъ водить вокругъ холма, а вамъ кажется, будто это проходитъ стотысячная армія.

Шестая хитрость: показать гдѣ-нибудь нѣсколько всадниковъ, и завлечь непріятеля туда, гдѣ никого нѣтъ.

Седьмая: бѣгущаго непріятеля не останавливать преслѣдованіемъ: угодно бѣжать?—изволь!.... дорога открыта! Аллахъ помощь!

Осьмая и послѣдняя хитрость: съ плѣнными мусульманами не употреблять ни жестокостей ни побоевъ. Гяуръ позволяетъ имъ жить по своему обычаю, и не говоритъ ничего обиднаго для ихъ вѣры; многимъ даже даетъ свободу, длятого чтобы они безполезно его не обременяли. У него нѣтъ и въ заводѣ выдавать по червонцу награды за всякаго взятаго плѣнника, за всякую голову, отрѣзанную Аллахъ - вѣсть гдѣ и у кого. Притомъ бо́льшая часть старѣйшинъ и начальниковъ его принадлежитъ къ сектѣ фармасу́нъ, а правила этой

ты поставляютъ имъ въ обязанность — не стѣ-
ить ничьего вѣроисповѣданія и не причинять
ому вреда ложными рѣчами. Господь Всевыш-
і Истина, правителей да повелителей нашихъ
положивъ къ кротости и справедливости, да
лаетъ народъ правовѣрный всегда побѣдонос-
ъ и торжествующимъ. Молимъ его о томъ
тостью Пророка безпогрѣшнаго. Онъ мило-
дъ, всемогущъ и единъ—аминъ!

1842.

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ.

I.

По поводу сочиненія: *Китай, его жители, нравы, о просвѣщеніе.* Монаха Іакинѳа. 1840.

Когда горсть смѣлыхъ пришлецовъ при
въ трепетъ огромнѣйшую имперію въ мір
жаву въ *триста шестьдесятъ два милліона*
лей; когда государство, устоявшее три тысяч
сотъ лѣтъ противъ всѣхъ бурь, покорившi
ей власти всѣ сосѣдніе, воинственные нар
со страхомъ почитаемое этими народами, обр
ное, трудолюбивое, промышленое и болѣе
вполтора раза многолюднѣе всей Европы,
ходитъ у себя другаго оружія противъ ар
три баталіона кромѣ комическихъ прокл
когда тысяча триста девяносто три человѣк
пейскихъ солдатъ берутъ приступомъ кол
ный городъ, равный народонаселеніемъ и
ствомъ Парижу, окруженный высокими ст
снабженный страшною артиллеріей и обо
мый пятидесятью тысячами гарнизона; когда
пароходъ сожигаетъ всѣ флоты этого нар

ста шестьдесять два милліона душъ, одинъ капи-
нъ заставляетъ городъ въ восемьсотъ тысячъ
телей заплатить себѣ контрибуцію въ тридцать
милліона рублей, одинъ полковникъ въ красномъ
ндирѣ беретъ въ плѣнъ пятьдесять тысячъ вои-
въ и эта плѣнная армія дефилируетъ со сверну-
ми знаменами, но съ оружіемъ въ рукахъ, среди
ьмисотъ сорока человѣкъ своихъ побѣдителей,
торыхъ она могла бы, буквально, закидать шапка-
; когда всѣ эти неслыханныя, невѣроятныя, не-
зможныя событія происходятъ передъ нашими
азами — теперь-то или никогда и должно спра-
ивать почтеннѣйшаго отца Іакинѳа, что это за
юди, эти любимые его Китайцы. Полно-те, я не
ѣрю, что бы такой народъ былъ на свѣтѣ! Китаи
олженъ быть басня, Китаецъ — мистификація.
ти мнимые «люди» навѣрное не что иное какъ
арфоровыя куклы, которыя кивають головками
одъ стекляннымъ колпакомъ, и которыхъ одинъ
еловѣкъ можетъ разбить и изломать нѣсколько
ысячъ для своей потѣхи. Эта прославленная им-
ерія—какое-нибудь бумажное, расписанное и по-
акированное государство, которое можно сжечь
одною стеариновою свѣчою. Иначе я не могу объ-
снить себѣ того, что происходитъ въ Кантонѣ. И
апрасно ищу объясненія столь непостижимыхъ
актовъ въ книгѣ ученаго нашего синолога: вотъ
же третій разъ читаю я эту книгу въ изумленіи;
чѣмъ больше читаю, тѣмъ сильнѣе старается
на убѣдить меня, что Китаи — самое благо-
строенное государство на земномъ шарѣ, самое
удрое, *умное*, *образцовое*, распорядительное,

дальновидное, дѣятельное, непобѣдимое. Если
дить по ней, то Китаецъ—идеалъ всѣхъ челов
скихъ добродѣтелей; я не вижу даже, чтобы
былъ трусъ или взяточникъ: все въ этомъ г
дарствѣ обстоитъ такъ благополучно, все съ та
точностью слѣдуетъ установленному порядку,
коны такъ хорошо исполняются, правители т
усердны, чиновники ихъ такъ исправны, нравст
ность такъ чиста, даже и философія такъ во
шенна, что, читая книгу отца Іакинѳа, нельз
удивляться и не завидовать Китаю.

Спору нѣтъ, порядокъ и любовь къ порядк
Китаѣ должны быть безпримѣрны: въ противн
случаѣ невозможно было бы постигнуть,
тамъ «губернаторы» могутъ управиться съ «г
ніями» многолюднѣе сильнѣйшихъ нашихъ
рій—потому-что нерѣдко китайскія «губерніи»
ютъ по семидесяти милліоновъ человѣкъ народ
селенія, которыми управляетъ одинъ «губернат
съ нѣсколькими мандаринами Между - тѣм
безпорядокъ долженъ быть въ той же самой
пени неимовѣрный: богдоханъ, сынъ неба, не
ниченный повелитель, государь, который а
свою считаетъ не тысячами, а милліонами, в
ніи двухъ лѣтъ отправляетъ огромныя войск
строжайшимъ приказаніемъ *истребить* Англи
нетолько на берегахъ Китая, но даже въ Ин
въ Англіи, объявляетъ, что это — «единстве
средство *усмирить гнѣвъ его*», пилитъ по-по
своихъ министровъ и полководцевъ, а войск
дрожа, сдаются въ плѣнъ почти безъ бою н
жиому отряду непріятеля, города его, чтобы

иться отъ горсти «красныхъ людей», платятъ
мъ со страхомъ неслыханныя контрибуціи, почти
ю ста рублей со всякой мужеской души, втеченіи
шести дней—сумму, равную той, какую цѣлое пер-
идское или турецкое государство могло бы втече-
ніи нѣсколькихъ лѣтъ собрать для вознагражде-
нія побѣдителя за убытки упорной и кровопролит-
ной войны. Какой областной городъ въ Европѣ,
какая даже изъ столицъ нашихъ, изъ которой за-
ранѣе были бы вывезены капиталы правительства
и публичныхъ банковъ, въ состояніи представить
въ нѣсколько дней наличными тридцать два мил-
іона рублей? Слѣдовательно, огромная промыш-
леность и богатства Китая нисколько не преуве-
ичены; а порядокъ, какъ мы сказали, долженъ
существовать тамъ повсемѣстно: безъ него обще-
ство въ триста шестьдесять два милліона человѣкъ
не могло бы простоять одного года въ нераздѣль-
номъ видѣ. Дѣйствіе верховной власти безпреко-
словно признается цѣлымъ обществомъ и равно
проникаетъ во всѣ отрасли этой плотной, исполин-
ской массы народонаселенія. И при такихъ нача-
лахъ величайшаго политическаго могущества, такіе
признаки крайняго, невообразимаго разслабленія!....
Вотъ самая удивительная сторона Китая. Вотъ
загадка, которой изумленная Европа не можетъ
рѣшить никакими наведеніями, извлеченными изъ
своей исторіи или изъ наблюденія. Но кто объя-
снитъ намъ это непостижимое явленіе, очевидно
выходящее изъ круга политическихъ данныхъ и
принадлежащее уже къ психологическимъ феноме-
намъ человѣчества? Отецъ Іакинѳъ одинъ могъ

бы подать намъ нить-руководительницу
лабиринтѣ; но онъ крѣпко держитъ ее в
для себя, и нисколько не помогаетъ
блуждающему въ темнотѣ странныхъ уч
которыя онъ описываетъ съ наслажде
показывая нигдѣ, какое дѣйствіе имѣл
практикѣ на характеръ народа, и ка
конечный результатъ въ отношеніи к
ству. Между - тѣмъ нигдѣ болѣе какъ
учрежденіяхъ должны скрываться насто
чины, и того удивительнаго благоустро
кое онъ изображаетъ, и еще болѣе уди
для насъ слабости Китая, о которой не
онъ ни слова, какъ - будто и не подозрѣ
своихъ многоцеремонныхъ любимцахъ.
былъ однакожъ достоинъ всего вним
софа-наблюдателя: жаль, очень жаль,
авторъ, имѣя всѣ средства къ правильно
вательному изслѣдованію такого важна
та, выпустилъ изъ виду именно то, чего
ство наше могло исключительно искат
книгѣ, и предпочелъ дать намъ взам
описаніе того, что̀ уже столько разъ б
описываемо другими синологами.

Да! нигдѣ болѣе какъ въ самыхъ учр
Китая должно искать причинъ и чудн
устройства и баснословной слабости э
линскаго государства. Духъ его учрежде
изобразить въ нѣсколькихъ словахъ: эт
нее, доведенное до педантизма, до ребяче
увеличеніе системы такъ - называема
архальнаго правленія. Какъ всѣ политич

я, оно имѣло втеченіи вѣковъ самое ги-
ніяніе на умъ и характеръ народа. Китай
кой древности представлялъ странное
разованнаго государства безъ религіи—
о нельзя назвать религіей шаманства,
енаго вѣрованія въ существованіе Неба,
аго Духа, и нѣсколькихъ десятковъ низ-
овъ, безъ всякаго духовнаго и нравствен-
ія, которое въ этомъ вѣрованіи замѣняет-
ніями и магическими обрядами. До рас-
нія системы политеизма, или многобожія,
господствовало по всему сѣверу, отъ
въ Невровъ до Корейцовъ, то есть, отъ
ѣмана до береговъ Желтаго Моря, и про-
Америку, гдѣ эта форма вѣрованія со-
и донынѣ между туземцами. Конфуцій за-
ъ Китаѣ. Этотъ странный человѣкъ не
кой религіи своему отечеству; онъ оста-
нство въ видѣ прежняго, темнаго вѣрова-
увствуя необходимость какой - нибудь
ной пищи для души, превратилъ въ отвле-
лософическую систему начала патріар-
равленія, издревле введеннаго въ Китаѣ.
хотѣлъ онъ замѣнить пользы и утѣшенія
й и положительной вѣры. Принятое съ уди-
и восторгомъ, его философско-политиче-
е объ отвлеченно-совершенномъ патріар-
правленіи сдѣлалось нѣкоторымъ родомъ
я Китайцевъ. Преувеличивая до край-
послѣдствія своихъ основныхъ понятій,
кновенно дѣлаютъ умозрители, пускаю-
отвлеченности, онъ облекъ верховное

лицо въ таинственное званіе «сына Неба». Онъ требовалъ отъ китайскаго повелителя, чтобы онъ былъ *отцомъ* своихъ подданныхъ, не только по чувствамъ сердца, но и по занятіямъ, возлагая на него всѣ мелочныя заботы и хлопоты настоящаго отца семейства, лично воспитывающаго свое потомство, обучающаго его нравственности, учтивости, правиламъ общежитія, и прочая, и, служащаго ему вмѣстѣ кормильцемъ, нянькою, дядькою, учителемъ и послѣднимъ экзаминаторомъ, въ буквальномъ значеніи всѣхъ этихъ словъ. Отсюда та необыкновенная важность церемоній, отцепочитанія, трауровъ, публичныхъ наставленій, экзаменовъ и ученыхъ степеней, въ китайскомъ правительствѣ, которое по справедливости можно назвать огромнымъ училищемъ, гдѣ одинъ верховный учитель стоитъ посреди трехъ сотъ шестидесяти двухъ милліоновъ своихъ школьниковъ, слушающихъ со вниманіемъ его наставленія о почитаніи родителей, о хорошемъ поведеніи, о совершенствованіи человѣческой природы, объ идеальномъ правительствѣ, о началѣ вещей — все это, прибавьте, въ догматическомъ, отвлеченномъ и темномъ изложеніи—и, въ заключеніе, задаетъ имъ сочинить пятистопные *стихи*, которые потомъ самъ же онъ имъ поправляетъ.

Усердное, неутомимое развитіе этой странной системы правленія втеченіи двадцати четырехъ вѣковъ имѣло послѣдствіемъ, то умственное состояніе, въ какомъ мы теперь видимъ Китайцевъ, вѣчно играя роль школьниковъ, вѣчно слушая тѣ дѣтскія побасёнки, изъ которыхъ составлено ихъ нравственное и политическое образованіе, тѣ не-

ѣроятныя фикціи, которыя съ офиціяльною важно-
тію выдаютъ имъ за великія общественныя и
илософическія истины, они наконецъ сдѣлались
астоящими школьниками, не только по благонра-
ію, но и по уму. Это — триста шестьдесятъ два
илліона пяти-лѣтнихъ ребятишекъ съ совершен-
о дѣтскими понятіями — робкихъ, послушныхъ,
ріученныхъ къ порядку, отлично знающихъ пра-
ила учтивости и благочинія, искусныхъ во всемъ,
о не разсуждающихъ своимъ умомъ, вѣрящихъ
ъ своемъ младенческомъ воображеніи всему, что
мъ сказано или скажутъ, и, вообще, чуждыхъ
сякаго мужскаго чувствованія. Пусть, нечаянно,
арсъ вторгнется въ эту толпу: учитель кричитъ
Бейте его! ловите! истребите!... это единственное
редство усмирить мой гнѣвъ!»—школьники пугливо
росаются въ противную сторону, отдаютъ звѣрю
вой завтракъ и спасаются бѣгствомъ, оставляя
чителя одного въ классѣ. Таково именно зрѣли-
це, которое Китайцы всегда являли въ случаѣ
ародной опасности, а слѣдующій анекдотъ пока-
етъ читателямъ, до какой степени они дѣйстви-
гельно — настоящія дѣти по своему воображенію.
Въ 1809 или 1810 году нѣсколько англійскихъ
кораблей стояло въ Макао и командовавшій ими
контръ-адмиралъ вздумалъ произвести на берегу
ученье своимъ экипажамъ съ ружейною и пушеч-
ною пальбою. Нѣсколько знатнѣйшихъ мандари-
новъ пріѣхали изъ Кантона съ своими свитами,
тобъ быть свидѣтелями этого новаго зрѣлища.
волюціи европейскаго войска чрезвычайно ихъ
бавляли: эти высокіе *сановники* тѣшились ими

какъ мальчики; сильная и правильная пушечная пальба привела ихъ въ неописанный ужасъ, хотя стѣны Кантона уставлены грозною артиллеріей и никто лучше Китайцевъ не умѣетъ сожигать пороху въ различныхъ видахъ; но бѣглый ружейный огонь восхитилъ ихъ до крайности. По окончаніи ученья, контръ-адмиралъ изъ учтивости спросилъ своихъ знатныхъ гостей, какъ оно имъ понравилось. «Это очень любопытно, отвѣчалъ ему самый ученый и самый важный изъ мандариновъ: но противъ врага ни къ чему не служитъ. Вотъ посмотрѣли бы вы у насъ, внутри Серединной Имперіи: тамъ есть люди ростомъ въ пять аршинъ и такіе силачи, что одною рукою поднимаютъ огромнѣйшую пушку. Изъ нихъ набранъ у насъ цѣлый корпусъ. Они вооружены саблями въ двѣ сажени, и, во время сраженія, съ одного взмаху разсѣкаютъ по-поламъ двѣнадцать человѣкъ непріятелей». Недовѣрчивость контръ-адмирала нисколько не привела въ смущеніе разказчика: онъ сталъ божиться, что это правда, и по лицу его было видно, говорилъ намъ свидѣтель этой сцены, что онъ былъ убѣжденъ въ совершенной истинѣ своего разсказа. Впослѣдствіи оказалось, что не одинъ онъ душевно вѣрилъ этой дѣтской баснѣ: многіе изъ коренныхъ жителей Кантона были убѣждены въ дѣйствительности факта. Да и самъ отецъ Іакинѳъ разсказываетъ, что Китаецъ, видя въ ярославскомъ гербѣ медвѣдя, вооруженнаго алебардою, ни мало не сомнѣвается, что на свѣтѣ есть такіе люди — косматые, съ хвостомъ, и собачьей головой. Авторъ приписываетъ это незнанію

го, что̀ происходитъ нынѣ Китая, между-тѣмъ
къ такое явственное ребячество ума и вообра-
нія у людей, съ другой стороны чрезвычайно
разованныхъ и понятливыхъ, проистекаетъ пря-
изъ существа ихъ политическихъ учрежденій,
торое придало имъ не только чувствованія, но и
нятія дѣтей, вышколенныхъ по данной книгѣ.
гласитесь, что всему на свѣтѣ можетъ повѣрить
ловѣкъ, который оффиціяльно и съ чувствомъ
убокаго убѣжденія пишетъ и толкуетъ такія
лософическія шарады, какъ напримѣръ слѣдую-
ія: прочитайте ихъ со вниманіемъ, потому-что
зъ нихъ — нѣтъ Китая. Все «Поднебесье» тутъ
этой мудрости:

«*Безначальное или Первое начало* есть собствен-
е существо теплорода, происшедшаго отъ дви-
нія, и водорода, происшедшяго отъ покоя. Впро-
мъ Первое начало не отдѣлилось отъ теплорода
водорода, а составляетъ собственное существо
слѣднихъ.

«Отъ движенія Перваго начала произошелъ
еплородъ, отъ его покоя — водородъ.

«Движеніемъ теплорода открылось дѣйствова-
ie перваго начала. Покой водорода постановилъ
ущество перваго начала. Покой водорода есть ко-
ень движенія теплорода; движеніе теплорода есть
орень покоя водорода.

«Изъ превращеній теплорода и соединеній съ
имъ водорода произошли пять стихій: вода,
онь, дерево, металлъ, земля. Соединеніе огня съ
талломъ черезъ землю есть превращеніе, произ-
димое теплородомъ; соединеніе воды съ дере-

вомъ есть соединеніе, производимое водородомъ. Вода есть преизбытокъ водорода, и посему занимаетъ правую сторону. Огонь есть преизбытокъ теплорода, и посему занимаетъ лѣвую, то-есть, преимущественную сторону. Дерево есть огустѣніе теплорода, и посему слѣдуетъ за водою. Земля, какъ вмѣстилище воздуха, занимаетъ средоточіе.

«Водородъ произошелъ изъ теплорода, а теплородъ изъ водорода; изъ воды произошло дерево, изъ дерева огонь, изъ огня земля, изъ земли металлъ; металлъ опять превращается въ воду. Симъ образомъ стихіи, подобно кольцу, не имѣютъ начала; но съ началомъ ихъ пять воздуховъ распространились; четыре времени года образовались.

«Пять стихій суть одно съ теплородомъ и водородомъ, и въ совокупности они составляютъ двѣ подлинности въ пяти разныхъ видахъ, безъ излишества и недостатка, то-есть, въ соразмѣрномъ содержаніи. Теплородъ и водородъ суть единое съ первымъ началомъ, и между ними нѣтъ разности ни въ тонкости ни въ грубости, ни по началу ни по концу. Первое начало собственно есть безначальное. Дѣйствія верховнаго Неба не имѣютъ ни звука, ни запаху. Каждая изъ пяти стихій при рожденіи получила свою природу; не одинаковъ воздухъ ихъ, различное вещество; каждая имѣетъ свое первое начало — безъ заимствованія отъ другихъ.

«*Небо — мужъ*, *Земля — жена* имѣютъ отношеніе къ рожденію изъ воздуха, то-есть къ первоначальному рожденію человѣка въ двухъ по-

ъ. Мужъ и жена, каждый имѣютъ свою при-
у: но оба суть одно первое начало.
Каждое существо въ мірѣ имѣетъ свою при-
у: но всѣ суть одно первое начало.
Одинъ только человѣкъ, получившій тончай-
е передъ прочими (существами), есть разумнѣй-
е существо, и въ семъ самомъ заключается его
рвое начало. Впрочемъ образъ, то-есть тѣлес-
е существо его, есть произведеніе покоя водо-
да, а духъ, или душа, есть дѣйствіе движенія
плорода. Пять свойствъ его (человѣколюбіе,
раведливость, благоприличіе, иначе церемонія,
аніе и вѣрность въ словахъ, предпріятіяхъ и
лахъ) суть качества пяти стихій: огня, дерева,
ды, металла и земли. Добро и зло составляютъ
зличіе между мужчиною и женщиною. Дѣла че-
вѣческія суть изображенія вещей, то-есть суть
же въ нравственномъ мірѣ, что̀ вещи въ мірѣ
изическомъ. Отсюда въ подлунномъ мірѣ проис-
одитъ то разнообразное смѣшеніе движеній, ко-
орое производитъ между людьми счастіе и не-
частіе, раскаяніе и сожалѣніе (о прошедшихъ
оступкахъ). Одинъ только святой человѣкъ (пра-
ильнѣе, *мудрецъ*), получившій чистое и единое,
о-есть, безпримѣсное изъ тончайшаго, имѣетъ во
семъ совершенствѣ существо и употребленіе пер-
ого начала (то есть, столько же совершенъ, какъ
рвое начало). По сей причинѣ и въ движеніи и
покоѣ всегда стоитъ онъ на высшей точкѣ
вершенства, и посреди безмолвія и недвижимо-
и всегда чувствуетъ и внутренно видитъ все
роисходящее въ поднебесной. Ибо средина, че-

ловѣколюбіе и созерцаніе суть движеніе теп
да, открывшее дѣйствія перваго начала. П
та, справедливость и безмолвіе суть покой
рода, постановившій существо перваго на
Средина, прямота, человѣколюбіе и справ
вость составляютъ въ немъ цѣлое и соверше
существо; покой всегда служитъ имъ основан
Какъ-скоро первое начало (человѣка) состав
изъ помянутыхъ добродѣтелей, то первое на
движеніе теплорода, покой водорода, проис
шія изъ сего пять стихій, небо и земля, со
луна, четыре времени годовыхъ, духи въ
ствѣ и духи освободившіеся отъ вещества н
гутъ разнодѣйствовать съ нимъ. Благоро
человѣкъ (*дзюнь-дзы*) съ опасеніемъ и стр
сохраняя добродѣтели, составляетъ счастіе
себя. Низкій человѣкъ, по разсѣянности и ра
ству, вопреки имъ дѣйствуетъ, и черезъ т
ставляетъ несчастіе для себя. Законъ неба
конъ земли и законъ человѣка имѣютъ е
первое начало. Теплородъ, твердость и бла
суть движеніе теплорода, начало тварей.
родъ, повиновеніе и справедливость суть
водорода, конецъ тварей (смерть, разрушеніе
«Книгѣ перемѣнъ» это названо постановле
закона трехъ началъ, *санъ-дзи-дао*; а въ само
щи есть одно первое начало. Почему сказан
«Книгѣ перемѣнъ» первое начало есть дви
теплорода и покой водорода.» И проч. и про

Это офиціяльная философія китайскаго п
тельства и всего народа: ее излагаетъ самъ
доханъ; ее усердно изучаютъ всѣ его подда

гъ рожденія до семидесяти-лѣтняго возраста; въ ей экзаминуютъ мандариновъ; за нее получаютъ первыя мѣста въ государствѣ. Почтеннѣйшій тецъ Іакинѳъ, который такъ прекрасно, такъ ѣрно и отчетливо, перевелъ ее, конечно согласится съ нами, что въ ней нѣтъ ни тѣни человѣческаго смысла. Невозможно представить себѣ ичего болѣе ребяческаго и въ сущности и въ ормѣ; и если стать изучать эти загадочныя бредни съ *китайскимъ прилежаніемъ* впродолженіи вадцати четырехъ столѣтій сряду, то рѣшительно можно оглупѣть до степени груднаго ребенка амому смышленному народу на земномъ шарѣ. Посмотримъ еще — потому-что это также очень ажно — каковъ, по положенію, долженъ быть совершенный Китаецъ, мудрецъ, святой человѣкъ, идеалъ того, къ чему стремятся триста шестьдесятъ милліоновъ этихъ людей.

«*Джу-дзы* пишетъ: одинъ воздухъ теплорода и водорода и пяти стихій кипитъ въ мірѣ. Чистѣйшій и дѣятельнѣйшій изъ него находится въ человѣкѣ, мутный и грубый въ прочихъ существахъ; тончайшій изъ чистѣйшаго находится въ святыхъ и мудрыхъ, грубый изъ чистѣйшаго въ глупыхъ и безпутныхъ. — Можетъ-быть спросятъ: гдѣ находится разумность, въ душѣ или въ природѣ человѣка? Разумность въ душѣ, а не въ природѣ человѣка; природа есть только порядокъ. — Еще пишетъ онъ: природа человѣколюбія, справедливости, благоприличія, знанія и вѣрности есть порядокъ воды, огня, дерева, металла и земли. Дерево — человѣколюбіе, металлъ — справедливость,

огонь — благоприличіе, вода — знаніе. Каждая изъ сихъ стихій имѣетъ свое мѣсто; одна земля не имѣетъ онаго, и составляетъ подлинность четырехъ прочихъ стихій. Симъ образомъ вѣрность также не имѣетъ мѣста, и составляетъ подлинность четырехъ прочихъ добродѣтелей.

«Святой человѣкъ, утверждаясь на срединѣ, «прямотѣ, человѣколюбіи и справедливости, и пре- «бывая въ покоѣ, постановилъ (въ себѣ) совер- «шенство человѣка».

«Законъ святаго человѣка составляютъ только человѣколюбіе, справедливость, средина и прямота. Святой чуждъ желаній, и потому всегда спокоенъ.

«По сей причинѣ святой человѣкъ по добродѣ- «телямъ согласуется съ небомъ и землею; солнце «и луна соединяются съ нимъ въ свѣтѣ, четыре «времени годовыя согласуются въ своемъ послѣ- «дованіи; духи въ веществѣ и духи освободив- «шіеся отъ вещества согласуются съ нимъ въ «счастіи и несчастіи». И при движеніи и въ покоѣ онъ въ совершенной цѣлости сохраняетъ законъ перваго начала безъ малѣйшаго ущерба. По сей-то причинѣ не могутъ въ немъ ни желанія волноваться, ни страсти брать верхъ, ни пользы со вредомъ сражаться. Впрочемъ, покой есть отсутствіе истины и подлинность природы. По сей-то причинѣ святой человѣкъ сохраняетъ средину, прямоту, человѣколюбіе и справедливость. Его движеніе и покой всемѣстны, и самыя движенія имѣютъ основаніе въ покоѣ. Симъ образомъ [illegible] утвердился на срединѣ.

«Начальное и истинное суть дѣйствіе истины
ть движеніе; *полезное и правое суть отсутствіе*
тины, суть покой. Начальное есть зачало дви-
нія; оно происходитъ изъ покоя. Правое есть
ество покоя; оно проявляется изъ движенія.
иженіе и покой взаимно слѣдуютъ другъ за дру-
мъ безконечно. Симъ образомъ истина полагаетъ
нецъ бытію существъ и даетъ имъ начало. По
й причинѣ хотя человѣкъ не можетъ быть безъ
иженія, но постановляющій совершенство чело-
ка непремѣнно имѣетъ основаніемъ *покой* (от-
тствіе истины?). Имѣющій основаніемъ покой,
гда проявляется въ движеніи, все у него со-
сно съ закономъ, и притомъ не лишается онъ
тественнаго покоя.

«Чувствованія (страсти), еще не открывшіяся,
ть природа, и это ихъ состояніе есть *средина,*
ликій корень въ поднебесной. Открывшаяся при-
да есть чувствованіе (страсть). Сообразность
крывшихся чувствованій (страстей) съ средин-
ю есть гармонія, всеобщій законъ въ поднебес-
й. Все сіе свойственно небесному порядку. Душа
ть таинственное вмѣстилище чувствованій (стра-
ей) природы: и по сей причинѣ достигшій сре-
ны и согласія, постановившій великій корень и
ствующій по всеобщему закону есть властитель
беснаго порядка. (Это святой человѣкъ, *шенъ-*
инъ.)»

Все это указная философія китайскаго прави-
ьства. Въ такомъ же духѣ и точно такимъ же
ыкомъ разсуждаетъ она о существѣ и обязан-
стяхъ образцоваго правителя, гражданина и

члена семейства. Нельзя не видѣть, что китайскій святой, мудрецъ поднебеснаго государства, человѣкъ, достигшій совершенства посредствомъ такихъ умозрительныхъ логогрифовъ, долженъ быть существо не выше разговаривающей куклы. Правда, что въ китайскомъ подлинникѣ эти безсмыслицы нѣсколько удобопонятнѣе нежели въ переводѣ, который мы выписали: но, придавъ имъ даже сто на сто ясности и логики, все же они совершенно въ состояніи сбить съ толку, сдѣлать автоматомъ, превратить въ ребенка, самаго умнаго человѣка. И дѣйствительно, давно замѣчено, что Китаецъ, при всей своей природной смышленности, тѣмъ ограниченнѣе умомъ, чѣмъ онъ ученѣе, чѣмъ совершеннѣе Китаецъ. Если Конфуцій создалъ эту непостижимую чепуху съ разсчетомъ, съ намѣреніемъ, чтобы отуманить ею головы слишкомъ многочисленнаго народонаселенія, чтобы лишить его свободнаго употребленія своихъ умственныхъ способностей и огромное общество людей превратить такимъ-образомъ въ огромное стадо барановъ, безотчетно слѣдующее за звукомъ колокольчика, то онъ былъ самый искусный человѣкъ въ мірѣ: онъ перещеголялъ даже Магомета въ умѣньѣ парализировать разумъ въ зародышѣ. Не приписывая ему такого тонкаго и дальновиднаго макіавелизма, нельзя однакожъ не подозрѣвать въ его ученіи и нѣсколько злаго намѣренія. Эта система дураченія людей посредствомъ непонятныхъ отвлеченностей политической философіи существовала еще до него въ Китаѣ: Конфуцій застalъ ее въ полномъ дѣйствіи. Будучи самъ

громъ, онъ не могъ не видѣть явственной поль-
ея для затмѣнія умовъ народа высокопарными
мыслицами объ его счастіи, и онъ только уси-
ъ ее, придалъ ей новую форму. Всѣ послѣдую-
правительства, за исключеніемъ одного умна-
государя, который велѣлъ повсюду истреблять
ги Конфуція и его школы, приняли этотъ усо-
шенствованный способъ насажденія слабоумія
родѣ человѣческомъ, окружали его торжествен-
тью въ приложеніи, распространяли съ удиви-
ьнымъ раченіемъ. Невозможно предположить,
бы въ трехъ-стахъ-милліонахъ человѣкъ, вте-
ли двухъ-тысячъ-четырехъ-сотъ лѣтъ, не встрѣ-
ось множества благомыслящихъ государствен-
хъ людей, прежде и послѣ Ши-хуанъ-ди, кото-
е бы были въ состояніи примѣтить, что про-
вленная философія Конфуція просто мистифи-
ція, и что дѣйствіе ея смертоносно для успѣ-
ъ разума: нѣтъ сомнѣнія, что, бо́льшею частью,
айскія правительства знали и знаютъ, въ чемъ
тоитъ ея сила; но въ то же время всѣ они чув-
овали, какъ для нихъ полезно это ужасное по-
ическое средство, и всѣ вообще, съ большою
костью, употребляли въ дѣло рогатое гасило,
, устроенное «святымъ человѣкомъ» для упо-
бленія своего и своихъ преемниковъ. Посмо-
имъ теперь, какъ разъигрывается эта жестокая
едія.

Учебная или ученая часть занимаетъ главное
то въ правительственной іерархіи Китая. Пер-
потребность китайской утонченной системы
ріархальнаго правленія, и главная цѣль всѣхъ

философическихъ хитросплетеній Конфуція и его школы, состоятъ въ утвержденіи въ семействахъ деспотической родительской власти, на которую могла бы опереться власть «сыновъ неба». Всѣ его неразгадаемыя положенія о началѣ вещей стремятся окончательно къ тому, чтобы вывести власть главы семейства изъ законовъ мірозданія, и внушить дѣтямъ глубочайшее благоговѣніе передъ родителями, слѣпое повиновеніе ихъ волѣ, суевѣрный страхъ гнѣва ихъ душъ послѣ смерти, и необходимость строжайшихъ трауровъ, безчисленныхъ обрядовъ, жертвъ и другихъ доказательствъ восторженной сыновней любви и преувеличенной горести послѣ ихъ кончины, для исходатайствованія милости ихъ и другихъ предковъ оставшемуся потомству. Ясно, что, для достиженія ужъ одного этого результата, надобно порядочно запутать понятія людей посредствомъ особенной философической кабалистики. Но полное, совершенное запутаніе ихъ понятій имѣетъ еще другія выгоды для тѣхъ, которые намѣрены имъ пользоваться; и къ этому-то великому дѣлу направлено все общественное воспитаніе въ Китаѣ. Въ немъ то собственно состоитъ то, что̀ нашъ авторъ называетъ *китайскимъ народнымъ просвѣщеніемъ*, а что̀ гораздо вѣрнѣе онъ могъ бы назвать *народнымъ затмѣніемъ* — страшнѣйшее иго, какое гдѣ либо и когда-либо душило за горло умъ человѣческій — система во сто разъ хуже исламизма — потому-что тутъ же приняты строжайшія политическія мѣры, чтобы никакія другія, новыя поня-

не могли проникнуть въ государство извнѣ и
что̀ не разоблачало бы отуманенныхъ умовъ.
Вся имперія покрыта сѣткою постепенныхъ
илищъ, въ которыхъ единогласно преподаютъ,
ъясняютъ, и толкуютъ тѣ умныя вещи, кото-
хъ только часть мы здѣсь читали. Училища
здѣляются на первоначальныя, второстепенныя
областныя, которыя отецъ Іакинѳъ, слѣдуя
ей обманчивой системѣ переименованій, назы-
етъ *уѣздными* и *губернскими*. Каждое училище
ѣетъ одного или двухъ наставниковъ, опредѣ-
емыхъ правительствомъ, но первый учитель —
ъ государь; онъ же и верховный экзамина-
ръ. «Попечители учебныхъ округовъ» (!), то-есть,
-просту, экзаминаторы, безпрерывно посылае-
е изъ столицы, пользуются необычайными пре-
уществами и почестями: когда одинъ такой чи-
вникъ пріѣзжаетъ въ который-нибудь изъ глав-
хъ городовъ, правитель провинціи, иногда рав-
й по народонаселенію всей Россіи, является къ
му съ рапортомъ и во время экзаменовъ исправ-
етъ должность сторожа у воротъ училища. Въ
авныхъ городахъ есть особенныя зданія для
заменовъ: въ другихъ устраиваютъ временные
лаганы, въ которые почти весь грамотный на-
дъ сгоняютъ на экзаменъ. Въ первоначальныхъ
еденіяхъ обучаютъ только чтенію, письму и
щіяльному нравоученію, въ которомъ, разумѣет-
главную роль играетъ отцепочитаніе, первѣй-
я добродѣтель въ Китаѣ. Второстепенныя учи-
ща, находящіяся во всѣхъ городахъ, имѣютъ
е право признавать *первую* ученую степень,

студента. Въ областныхъ получается вторая степень, кандидатская. Для полученія степени магистра надо отправляться въ столицу. При всѣхъ училищахъ учреждены бурсы для воспитанниковъ казеннокоштныхъ и сверхштатныхъ; кромѣ-того бываютъ воспитанники прибавочные, или посторонніе: это раздѣленіе само по себѣ — уже родъ предварительныхъ степеней, потому-что воспитанники, еще до полученія первой степени студента, за успѣхи, повышаются экзаминаторами, изъ постороннихъ въ сверхштатные, а изъ тѣхъ въ казеннокоштные, и за нерадѣніе на-оборотъ понижаются. По окончаніи курса и полученіи какой-нибудь степени, они поступаютъ на службу чиновниками, или мандаринами.

До-сихъ-поръ все очень хорошо и похвально: но этимъ цѣль Конфуціевой системы не была бы достигнута; молодые люди, кое-какъ выслушавъ курсъ его рогатой мудрости, выходили бы изъ училищъ со свѣжею головою и со здравымъ смысломъ, а это въ Китаѣ почитается совершенно противнымъ государственному благоустройству. Приняты мѣры, чтобы потушить въ нихъ весь разсудокъ: кто однажды поступилъ въ учебное заведеніе, тотъ уже закабалилъ себя до гроба Конфуціевымъ логогрифамъ и, волею или неволею, долженъ непремѣнно сдѣлаться ученымъ болваномъ. Все обдумано: самыя лестныя поощренія увлекаютъ націю къ блаженству слабоумія, почерпаемаго въ классическихъ или, какъ отецъ Іакинѳъ называетъ, «священныхъ» книгахъ Конфуція, Мынъ-дзы, Джу-дзу и другихъ глубокихъ

лителей этого разбора. Кромѣ почестей и до-
ныхъ мѣстъ при жизни, Китаецъ, лишившійся
аваго смысла отъ этихъ книгъ, если еще при-
ъ онъ надѣлалъ кучу странностей, чтобы вы-
ать свою неукротимую любовь къ покойнымъ
ителямъ, можетъ по смерти попасть въ число
мудрыхъ, мудрыхъ или знаменитыхъ: ему соо-
ятъ храмъ и будутъ поклоняться съ безконеч-
ми церемоніями какъ святому. Но если этого
щренія недостаточно для тупаго самолюбія, то
тайцу, который вздумалъ получить первыя на-
а воспитанія, уже на всю жизнь нѣтъ возмож-
ти отдѣлаться отъ офиціяльной философіи. Уче-
къ, не получившій по экзамену степени студен-
, студентъ, неудостоенный званія кандидата,
изаны до скончанія вѣка, гдѣ и чѣмъ бы ни
ли, являться каждый годъ на новый экзаменъ,
оправдывать свое отсутствіе законными при-
нами, доколѣ не получаютъ слѣдующей степе-
, то-есть, доколѣ начальство не удостовѣрится,
о у нихъ умъ уже совершенно зашелъ за ра-
ъ, что они разсуждаютъ такъ толково, какъ
тайскіе мудрецы, которыхъ разсужденія мы
дѣли. Не раньше какъ на семидесятомъ году
зни, освобождаются они отъ этой пытки ума:
да имъ, какъ совершенно неспособнымъ нести
изную философическую околесицу, выдаютъ въ
дѣ утѣшенія награду платьемъ или жалуютъ
нетную ученую степень, и увольняютъ несчаст-
хъ рабовъ движенія въ покоѣ и покоя въ дви-
ніи отъ дальнѣйшихъ экзаменовъ. Многіе уди-
ся, что Китайцы иногда до глубокой старости

не въ состояніи выдержать испытанія, для котораго требуется только написать удовлетворительное разсужденіе на тему, взятую изъ положеній недалекой философіи Конфуція: но вѣдь всѣ эти положенія, которыя мы здѣсь читали, таковы, что отъ каждаго изъ нихъ право можно призадуматься на семьдесятъ лѣтъ, пока въ немъ добьешься до логическаго смысла!

Ученики безъ степени, и студенты, которыхъ въ Китаѣ несмѣтное множество, ежегодно препровождаются отвсюду въ свои областные города, куда пріѣзжаетъ и экзаминаторъ для произведенія имъ испытанія. Правитель области первый является къ нему съ рапортомъ, въ которомъ означено: 1, кто будетъ приставомъ у воротъ экзаминальнаго двора (этимъ приставомъ бываетъ онъ самъ); 2, служба подчиненныхъ ему чиновниковъ; 3, служба чиновниковъ по учебной части; 4, храмы и могилы премудрыхъ, мудрыхъ и знаменитыхъ людей области, которымъ поклоняются въ настоящее время; 5, имена отцепочтительныхъ, утвердившихся *на срединѣ*, и сохранившихъ цѣломудріе; 6, имена ученыхъ, не желающихъ выказывать своей мудрости и своихъ добродѣтелей, съ показаніемъ тѣхъ лицъ, которыя объ нихъ представляли; 8, число всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная съ деревенскихъ; 9, количество земель, принадлежащихъ этимъ заведеніямъ, и доходовъ, которые съ нихъ собираются; 10, имена студентовъ, подвергающихся испытанію. При рапортѣ правитель представляетъ еще карту провинціи, описаніе этой карты, описаніе всѣхъ ка-

нныхъ памятниковъ съ надписями, и кни-
изданныя уроженцами области. Начинаются
пытанія, сопровождаемыя бездною мелочныхъ
едосторожностей и странныхъ церемоній, для
данія государственной важности столь просто-
педагогическому дѣйствію. Являющіеся къ эк-
мену должны представить множество свидѣ-
льствъ и поручительствъ въ томъ, что они отце-
бивые и примѣрные сыновья, что строго испол-
ли всѣ обряды продолжительнаго и тягостнаго
аура по родителяхъ, что въ эту минуту не под-
жатъ трауру, что родители ихъ не рабы, не
лицейскіе шпіоны или трупосвидѣтели, не ору-
ейные мастера, не актеры или музыканты, что
ли являются не подъ чужимъ именемъ, не со-
оятъ подъ судомъ, не уличены въ дурномъ по-
деніи, и такъ далѣе. При малѣйшей неправиль-
ости въ которомъ-нибудь изъ этихъ отношеній,
сами они и поручители подвергаются суду. Та-
ой же отвѣтственности должны они страшиться
а всякое нарушеніе безконечныхъ обрядовъ, со-
людаемыхъ при испытаніи. Ихъ объискиваютъ,
тобы удостовѣриться, нѣтъ ли съ ними приго-
овленныхъ сочиненій, выдаютъ имъ тетради чи-
той бумаги, предписанной величины и формы,
рѣпленныя печатями и содержащія въ себѣ двѣ
мы, одну изъ классическихъ книгъ, для испы-
тельнаго разсужденія, другую для *стиховъ;* по-
мъ усаживаютъ ихъ по мѣстамъ, на которыхъ
лжны они работать, не трогаясь и не огляды-
ясь; запираютъ ихъ, и *запечатываютъ*. Прави-
ль области становится у дверей зданія, окру-

женнаго войскомъ. Ни онъ, ни кто-либо, желая представить о чемъ-нибудь экзаминатору, не можетъ говорить съ нимъ на-единѣ, но долженъ объясняться въ присутствіи всѣхъ. Экзаминаторъ, во все время своего пребыванія въ городѣ, не въ правѣ принимать никакихъ писемъ, ни визитовъ. Разсужденія и стихи, написанные соискателями степеней, по нѣскольку разъ запечатываются, распечатываются, разсматриваются, разбираются по разрядамъ сообразно съ своимъ внутреннимъ достоинствомъ. Наконецъ соискатели получаютъ награды, которыхъ удостоилъ ихъ экзаминаторъ, и одну изъ двухъ низшихъ ученыхъ степеней. Степени эти раздѣляются еще на безчисленные разряды, и, при полученіи ихъ, конца нѣтъ церемоніямъ.

За что же эти люди получаютъ степени и награды? Ровно ни за что, развѣ только за то, что запрягли свой умъ въ тяжелую колесницу нѣсколькихъ отвлеченныхъ безсмыслицъ, которую всю жизнь будутъ они тащить въ данномъ направленіи и въ глубокомъ мракѣ, не находя возможности, ни выйти изъ старинной колеи, ни своротить съ темной дороги на свѣтлое пространство. Они ничего не знаютъ; они не пріобрѣли ни одного положительнаго свѣденія во все время своего ученія, не получили ни одного луча свѣта, который могъ бы хоть со-временемъ раскрыть ихъ понятія. Первыя награды и первыя степени принадлежатъ тѣмъ, которые въ училищахъ убили свой умъ изученіемъ наизустъ всего текста классическихъ книгъ, темнаго, загадочнаго и бо́льшею частью рѣшительно безсмысленнаго. Въ этихъ училищахъ

реподаютъ имъ только китайскую философію и
Ѣсколько отечественной исторіи: главное внима-
іе обращено на то, чтобы истребить въ нихъ
сякое разсужденіе и запутать умъ ихъ въ сѣть
осторженныхъ понятій и суевѣрныхъ обрядовъ,
пособствующихъ къ сохраненію и усиленію вла-
ти главъ семействъ, какъ основанія патріархаль-
аго правленія. Забота объ этомъ дѣлѣ не огра-
ичивается стѣнами учебныхъ заведеній: учители
аждый годъ объѣзжаютъ деревни, собираютъ
ростой народъ и толкуютъ ему тайны нрав-
твенности и счастія, основанныхъ на возвышен-
омъ отцепочитаніи. Главамъ многочисленныхъ
емействъ, которые до глубокой старости искусно
правляли ими и никогда не допускали дѣтей сво-
ихъ выйти изъ слѣпаго повиновенія, сыновьямъ,
оторые отличились семейнымъ рабствомъ, ста-
ятъ тріумфальные ворота и памятники. Все на-
равлено къ этой великой цѣли; ей пожертвовано
всѣмъ въ этомъ маккіавелическомъ образованіи,
благодаря которому Китай — страна самыхъ пре-
данныхъ сыновей и самыхъ дурныхъ отцовъ.
Отцы естественнымъ образомъ усердно поддер-
живаютъ систему, и составляютъ надежнѣйшую
опору для богдоханскаго правительства. Если Ки-
тай неподвиженъ, то онъ неподвиженъ именно по
илости своей системы воспитанія или, какъ авторъ
азываетъ, *просвѣщенія:* это Пеліонъ и Осса, взва-
енныя на грудь гиганта, подъ которыми онъ не
ожетъ пошевелиться. Народное образованіе въ
Китаѣ неподвижно, и потому онъ вѣчно стоитъ
а одной и той же умственной точкѣ; а въ не-

той неизмѣнности нравственнаго и политиче
вида, какой являетъ Китай втеченіи тысяче
при всей своей колоссальности, при всемъ не
разимомъ многолюдствѣ.

Чтобы получить достаточное понятіе о не
новенной важности, придаваемой китайским
вительствомъ статьѣ воспитанія народа въ
тіяхъ столь выгодной для себя Конфуціево
лософіи, надобно посмотрѣть государственну
жественность испытаній для полученія тр
ученой степени. Черезъ годъ послѣ испытан
главномъ городѣ провинціи, всѣ кандидаты
дуютъ въ столицу для полученія званія *гу*
или *дзинь-ши*, то есть, магистра. Правите
отпускаетъ имъ деньги на проѣздъ. Особ
экзаминаторы назначаются для этого испы
Самъ государь избираетъ ихъ изъ своихъ
стровъ, предсѣдателей правительственных
латъ и другихъ сановниковъ, которые вышл

овъ при вступленіи въ залы бываютъ приближенные князья. Для снятія копій съ задачъ отряжаютъ семь сотъ писцовъ изъ разныхъ приказовъ. Четыре члена изъ палаты церемоній вводятъ кандидатовъ на роковое испытаніе. Батеши ставятъ столъ съ предложеніемъ для задачъ. Восемь чиновниковъ раздаютъ бумагу съ предложеніемъ. Тетрадь этой бумаги стоитъ почти тринадцать лановъ серебра; въ длину имѣетъ она одинъ футъ, въ ширину четыре дюйма. Въ первые два входа дается одна тетрадь въ семь бѣлыхъ листовъ для чернового сочиненія. Въ началѣ и въ концѣ поставлено по красной буквѣ, для избѣжанія подлога. Другая тетрадь имѣетъ четырнадцать листовъ, съ красною клѣтчатою графировкою, для переписки набѣло. На каждомъ листѣ двѣнадцать строкъ, по шести на страницѣ; въ каждой строкѣ двадцать пять клѣточекъ для двадцати пяти буквъ. На концѣ тетради печать чиновника, выдавшаго бумагу. На первой страницѣ бѣловой тетради означаютъ губернію, прозваніе съ именемъ, возрастъ и родину. Когда принесутъ бумагу въ экзаминальный дворъ, то смотрители прикладываютъ къ ней еще свои печати. Для одѣянія кандидатовъ во время испытанія есть положеніе. Шапочка валеная, однорядная, кафтанъ, курма и платье исподнее безподкладные, чулки валеные однорядные, башмаки съ тонкими подошвами, вмѣсто тюфяка войлокъ съ тонкимъ подкладомъ, чернильная плитка тоненькая, трубочка съ кистью просверленая, подсвѣчникъ изъ оловяннаго листа съ пустымъ стволомъ. Хлѣбъ и прочее съѣстное должно быть

изрѣзано въ кусочки; дровяной уголь длиною въ два дюйма; корзинка съ вещами изъ бамбуковыхъ или таловыхъ прутьевъ, рѣшетчатая. Зданіе состоитъ изъ многихъ отдѣленій съ комнатами и эти отдѣленія означены буквами изъ *Цянь-дзы-вынь*, или Тысячебуквія, исключая буквъ—*Небо*, *Государь*, *Императоръ*, *Мынъ-дзы*, числительныхъ знаковъ, и буквы *Хуанъ* (августѣйшій). Подъ каждою буквою сто нумеровъ. Бумага для сочиненій и переписки задачъ разносится по нумерамъ. Въ отвѣтахъ на программы дозволяется прибавлять и поправлять; но въ концѣ тетради должно означить, сколько буквъ прибавлено или исправлено. Черновыя и бѣловыя тетради выдаются вмѣстѣ. Прозваніе и имя сочинителя на бѣловыхъ заклеивается бумажкою въ особенной комнатѣ. Фирма на обѣихъ тетрадяхъ ставится одинаковая. Съ черновыхъ снимаютъ копіи, въ которыя не вносятъ только прибавленныхъ и поправленныхъ буквъ. Эти копіи поступаютъ на разсмотрѣніе экзаминаторовъ и ихъ помощниковъ.

Разсматриваніе задачъ производится въ отдѣльной залѣ и вносить ихъ въ свои комнаты не дозволяется. Писцамъ, назначеннымъ для переписки задачъ, не позволяется отлучаться до окончанія экзаменовъ, чтобы отнять всѣ способы къ развѣдыванію и порученіямъ. Отрядъ гвардіи содержитъ караулы за всѣми воротами, чтобы ни одно извѣстіе не могло выйти изъ внутренности. Вельможи, назначенные для просмотра задачъ, надзиратели и другіе чиновники, должны ночевать въ двухъ флигеляхъ тронной *Вынь-хуа-дянь*, съ за-

ертыми воротами. Испытаніе состоитъ ихъ трехъ ходовъ, или пріемовъ. Въ первый входъ задаютъ ри предложенія изъ Четырекнижія и одно для тиховъ; во второй — пять разсужденій на предложенія изъ пяти классическихъ книгъ; въ третій ходъ пять программъ китайской политики. Для ервaго входа самъ государь назначаетъ всѣ три ріи и одинъ сюжетъ для *стиховъ*. Эти задачи олучаетъ отъ него членъ палаты церемоній, и тноситъ въ экзаминальный дворъ, гдѣ главный мотритель передаетъ ихъ во внутренность; ключъ тъ ларчика съ предложеніями присылается отдѣльно изъ кабинета государева. Предложенія для втораго и третьяго входовъ избираются экзаминаторами. По окончаніи испытанія, палата церемоній препровождаетъ докладъ къ кабинетъ для представленія государю. Для дополнительнаго испытанія она испрашиваетъ еще одно предложеніе изъ Четырекнижія и одно стихотвореніе. За день передъ этимъ дополнительнымъ дворцовымъ испытаніемъ, чтецъ задачъ тайно представляетъ государю программу на утвержденіе, и, по утвержденіи, относитъ куда слѣдуетъ для напечатанія. Въ день новаго испытанія онъ и прочіе чиновники въ церемоніяльномъ одѣяніи являются у тронной *Бао-хо-дянь*, и становятся по обѣимъ сторонамъ Краснаго Крыльца (сходъ изъ тронной). Чиновникъ кабинета въ церемоніяльномъ одѣяніи кладетъ предложеніе въ тронной на столъ, стоящій на восточной сторонѣ. Когда чиновники и всѣ представленные ими кандидаты совершатъ

обрядъ поклоненія, членъ палаты церемоній раздаетъ программу.

По окончаніи дополнительнаго испытанія представляютъ государю десять первыхъ, отличнѣйшихъ магистровъ. Послѣ-того чтецъ задачъ является съ тетрадями въ комитетъ красныхъ докладовъ, и записываетъ тамъ этихъ десять человѣкъ изъ перваго разряда. Потомъ идетъ въ другой государственный приказъ, и записываетъ тамъ прозванія и имена остальныхъ по порядку магистровъ. Этотъ реестръ, предназначенный къ объявленію, онъ отдаетъ двѣнадцати письмоводителямъ, для переписки его на маньджурскомъ и китайскомъ языкахъ. Государственный дьякъ, взявъ это объявленіе, приходитъ къ воротамъ Цянь-цинъ-мынь получить императорскую печать для приложенія къ бумагѣ. Въ назначенный часъ государь входитъ въ тронную *Тхай-хо-дянь*, гдѣ объявленіе въ его присутствіи утверждается царскою печатью. По окончаніи церемоніи, которая безконечна, чиновникъ, назначенный нести объявленіе, беретъ его и приноситъ къ воротамъ Бумынь, гдѣ съ колѣнопреклоненіемъ кладетъ объявленіе въ носилки и дѣлаетъ ему три поклона. Служители придворной экипажной, съ музыкою, царскимъ кортежемъ и девятью батеши, выносятъ объявленіе за ворота Чанъ-ань-мынь и выставляютъ на городской стѣнѣ. Первый магистръ, со всѣми прочими магистрами, приходитъ посмотрѣть объявленіе, которое по прошествіи трехъ дней относятъ въ государственный приказъ для храненія. За воротами Да-чень-мынь ставятъ ка-

нный памятникъ съ поименованіемъ всѣхъ но-
ихъ магистровъ по разрядамъ.

Какъ-скоро новые магистры выйдутъ изъ двор-
а за ворота Чанъ-ань-мынь, главноуправляющій,
ластной правитель и помощникъ его приглаша-
тъ магистровъ въ балаганъ, нарочно устроен-
ый при тѣхъ же воротахъ. Послѣ взаимнаго при-
ѣтствія, три первые магистра изъ перваго раз-
яда надѣваютъ приготовленное почетное одѣяніе.
лавноуправляющій, областной правитель и его
омощникъ трижды подносятъ имъ вино, которое
сами пьютъ съ ними, стоя. Тутъ опять взаим-
ыя привѣтствія, всѣ садятся на лошадей, и съ
узыкою впереди пріѣзжаютъ въ областное пра-
леніе. Первый магистръ съ товарищами всходитъ
о западному сходу, а главноуправляющій, прави-
ль и помощникъ по восточному, и на крыльцѣ
редъ столомъ съ куреніями совершаютъ обрядъ
оклоненія, а по вступленіи въ залу привѣтству-
тъ другъ друга легкимъ наклоненіемъ головы.
лавноуправляющій, правитель и помощникъ, пот-
ивая магистровъ виномъ, двукратно имъ кланя-
тся; магистры тѣмъ же отвѣчаютъ, и потомъ,
заимно ихъ потчивая, также кланяются двукрат-
, на что имъ тѣмъ же отвѣтствуютъ. Начи-
ается угощеніе. По окончаніи пира совершаютъ
рядъ поклоненія передъ столомъ съ куреніями.
аконецъ главноуправляющій, правитель и помощ-
къ, переодѣвшись въ обыкновенное платье съ
шивками, провожаютъ перваго магистра до его
артиры.

На *другой день новые* магистры входятъ въ

передъ таблицею Конфуція и равномудрыхъ
мыслителей, второй передъ таблицами мудре
на восточной, третій передъ таблицами мудре
на западной сторонѣ. Въ то же время первый
гистръ втораго разряда совершаетъ предлож
въ восточномъ, а первый магистръ третьяго
ряда въ западномъ флигелѣ. Прочіе маги
исполняютъ тотъ же обрядъ, стоя въ рядахъ
окончаніи, ведутъ магистровъ къ храмовой к
вой снять шерстяное одѣяніе. Отсюда маги
идутъ въ педагогическій институтъ и на пло
передъ залою дѣлаютъ привѣтствіе наклоне
головы, которое ректоры и инспекторы инсти
принимаютъ сидя. Послѣ-того первыхъ трехъ
гистровъ перваго разряда вводятъ въ залу со
нія, ректоры и инспекторы встаютъ на ноги
редъ ними, служители подносятъ магистрамъ
Послѣ трехъ кубковъ магистры выходятъ, а
торы и инспекторы провожаютъ ихъ до дв

одушно, безъ намѣренія, по уваженію къ
б, по пристрастію къ старинным обычаямъ.
Бы не такъ! Въ Китаѣ давно уже совер-
я важный нравственный переворотъ, кото-
безъ искусныхъ мѣръ, принятыхъ благовре-
о, придалъ бы совсѣмъ другой видъ поня-
, народу и государству: новая религія, со-
тельная и чисто-духовная, хотя и ложная,
ро распространилась по всей имперіи. Мы
римъ о буддизмѣ, или вѣрѣ Фо. Самъ повe-
ль Китая, со всѣмъ своимъ семействомъ, тай-
сповѣдуетъ эту вѣру. Между-тѣмъ, онъ, всѣ
ы его дома, все правительство, всѣ его чи-
ники, все народное образованіе, публично, слѣ-
ть философіи Конфуція, которая однакожъ —
гѣйшій матеріялизмъ! Напрасно ученый ав-
ъ, стараясь подводить все китайское подъ на-
названія, возлѣ слова «Небо» ставитъ въ скоб-
ъ (Богъ). Конфуцій не имѣлъ понятія о Богѣ:
«небо», его «первое начало» и «природа» —
вершенно матеріяльные дѣятели, и даже его
ухи» не что̀ иное какъ «чистѣйшее изъ чистѣй-
го вещество», *физическія силы* матеріи. Какимъ
образомъ правители Китая, исповѣдуя со всѣмъ
родомъ духовную религію Фо, жертвуютъ сво-
ъ убѣжденіемъ, чтобы офиціяльно поддержи-
ть другую вѣру или философію, и притомъ мате-
ализмъ? Это странное явленіе объясняется имен-
тѣмъ, что они чувствуютъ и видятъ всю пользу
нфуціевой философіи для своего владычества и
ашатся того дня, когда умы начнутъ выходить
клещей ученія великаго мудреца, сдавившихъ

разумъ ограниченными понятіями и хаосомъ мелочныхъ обрядовъ. Снимите съ Китая желѣзныя оковы этого ученія: онъ распадется на части. Всѣ религіи терпимы въ Китаѣ, исключая одного христіанства. Почему это? Да потому, что христіанская религія, святѣйшій даръ неба, сильно способствуетъ къ развитію ума, тоже великаго дара небеснаго. Прельщенные познаніями и скромною любезностью езуитовъ, одинъ или два богдохана сдѣлали ошибку: новыя вѣрованія, новыя идеи быстро начали проникать въ общество. Опасность скоро примѣтили. Съ буддизмомъ можно было заключить сдѣлку: Будду приняли въ число древнихъ мудрецовъ, дали ему второе мѣсто послѣ Конфуція: Буддѣ можно было поклоняться какъ одному изъ «святыхъ», и двѣ системы кое-какъ пошли рядомъ. Но Евангеліе совершенно опрокидывало все затѣйливое зданіе великаго учителя. Свѣтъ вторгался въ эту пропасть вѣчнаго мрака. Наслѣдники этихъ государей тотчасъ спохватились, и къ жестокимъ гоненіямъ на христіанъ присоединили разрывъ всякаго сообщенія своихъ подданныхъ съ иностранцами. Эти мѣры явственно показываютъ, что китайскіе правители знаютъ свое дѣло и не такъ добродушны, какъ кажется инымъ наблюдателямъ. Да и странно предполагать добродушіе въ хитрѣйшемъ народѣ на земномъ шарѣ! Что̀ касается до «*нравственности* китайскаго правительства», о которой мы по-временамъ встрѣчаемъ рѣчь въ книгѣ почтеннѣйшаго отца Іакинѳа, то можно удивиться, какъ ему *пришло* въ голову примѣнить слово «нравствен-

ость» къ самому коварному правительству изъ
ѣхъ азіятскихъ, къ знаменитому сословію ман-
арпновъ, отъявленныхъ комедіянтовъ и лихоим-
цевъ! Въ одномъ мѣстѣ, послѣ упоминанія о
нравственности» китайскихъ правителей, онъ го-
оритъ: «Нынѣ *сія часть* (часть взятокъ) приве-
ена въ такую извѣстность, что находятся по-
робныя расписанія, сколько каждое должностное
ѣсто приноситъ положительнаго дохода въ годъ
изъ взятокъ), и по сему расписанію положено,
колько получившій мѣсто долженъ *предваритель-
о* (за свое назначеніе) заплатить служащимъ въ
алатѣ чиновъ. Въ Пекинѣ есть страховыя обще-
тва, которыя новоопредѣленныхъ чиновниковъ
снабжаютъ для сего деньгами. Нынѣшній госу-
дарь, при вступленіи на престолъ, указалъ всѣмъ
чиновникамъ имперіи представлять себѣ о недо-
статкахъ и злоупотребленіяхъ въ правленіи и о
средствахъ исправить оныя. Одинъ изъ стряп-
чихъ, исчисляя злоупотребленія, между прочимъ
пишетъ: «Чиновники корпуса (!) путей водянаго
сообщенія при работахъ по Желтой Рѣкѣ посту-
паютъ *добросовѣстнѣе* другихъ. Они изъ суммъ,
отпускаемыхъ на производство работъ, берутъ
себѣ *только* $^{6}/_{10}$, а при прочихъ казенныхъ ра-
ботахъ вообще берутъ себѣ $^{7}/_{10}$. Что̀ касается
до средствъ къ прекращенію сихъ злоупотребле-
ній, *то трудно что̀-нибудь придумать». Такимъ
же образомъ, съ своей стороны, поступаетъ и пра-
вительство: оно производитъ чиновникамъ доста-
точное жалованье, изъ котораго они обязаны со-
держать свои канцеляріи со множествомъ* писарей

и сторожей». Хотя нашъ ученый синологъ вообще пишетъ въ стилѣ Конфуція и Джу-дзы, и послѣдній періодъ такъ мало вяжется съ предъидущимъ, что мы даже и не беремся разгадывать таинственнаго смысла его словъ; однакожъ, изъ предъидущаго, соображая эти $^{6}/_{10}$ и $^{7}/_{10}$, очень ясно выводится, что самые *добросовѣстные* члены восхваляемаго за свою *нравственность* правительства, когда имъ отпустятъ десять тысячъ рублей на общественныя надобности, крадутъ изъ нихъ *только* шесть тысячъ на Желтой рѣкѣ, а на всѣхъ другихъ рѣкахъ и рѣчкахъ *только* семь тысячъ. Надобно поэтому полагать, что недобросовѣстные, изъ десяти тысячъ рублей отпущенныхъ денегъ, крадутъ по-крайней-мѣрѣ двадцать тысячъ!

Къ наивному замѣчанію поднебеснаго стряпчаго объ умѣренномъ обыкновеніи самыхъ добросовѣстныхъ китайскихъ чиновниковъ *брать себѣ только* $^{6}/_{10}$ и $^{7}/_{10}$ изъ суммъ, ввѣряемыхъ имъ правительствомъ, присовокупимъ еще замѣчаніе автора о мошенничествѣ и подлогахъ въ присутственныхъ мѣстахъ. «Симъ занимаются, говоритъ онъ, жители области Шау-синъ-Фу, которые служатъ письмоводителями въ присутственныхъ мѣстахъ, и стряпчими по дѣламъ, во всей имперіи, и на выдумки подлоговъ и обмановъ *отъ природы* имѣютъ большую наклонность и способность.» Авторъ, кажется, хочетъ обвинить въ томъ бѣдствіи, не китайскія высшія начальства, а природу, которая дала жителямъ Шау-синъ-Фу способность къ мошенничеству и наклонность быть повсюду *письмоводителями*: но сколько же, послѣ этого,

остается на долю «нравственности» правительства, котораго всѣ чиновники — воры и лихоимцы, и всѣ секретари — плуты и обманщики? Авторъ утверждаетъ, будто всѣ эти маленькіе недостатки китайскаго правительства съ избыткомъ вознаграждаются *отличнымъ исполненіемъ законовъ*. Но мы знаемъ, что взятки изобрѣтены именно для того, чтобы законы не исполнялись или исполнялись только въ своихъ наружныхъ формахъ! Все это, право — вещи несогласимыя! И не странно ли слышать объ отличномъ исполненіи законовъ въ Китаѣ въ то самое время, какъ несчастная привычка поднебесныхъ мандариновъ продавать свои законы подала поводъ къ войнѣ между Сыномъ Неба и англійскою королевою и Кантонъ платитъ огромныя контрибуціи за прегрѣшенія своихъ правителей!

Мы чрезвычайно уважаемъ глубокія познанія нашего знаменитаго синолога въ китайскомъ языкѣ и его литературѣ, и знаемъ всю цѣну его полезнымъ трудамъ, изданнымъ по этой части, но его даръ наблюдательности надъ обществомъ всегда намъ казался сомнительнымъ. Чтобы судить о нравственной и политической сторонахъ народа, о полезномъ или вредномъ дѣйствіи его учрежденій, объ относительномъ ихъ достоинствѣ, надобно всегда имѣть въ виду множество точекъ сравненія, и, главное, не должно обманывать себя произвольными переименованіями предметовъ, называя азіятскія вещи европейскими терминами: это — вѣрнѣйшее средство поставить все въ ложномъ *свѣтѣ* и, вмѣсто настоящаго ви-

да, дать маскарадъ истины. Когда авторъ
ритъ о китайскихъ *министерствахъ, государ*
ныхъ кабинетахъ, герольдіяхъ, казенныхъ и
морскихъ палатахъ, и такъ далѣе, мы рѣшит
не понимаемъ, что̀ это значитъ и какое вну
нее сходство видитъ онъ между этими прика
китайскаго патріархальнаго правленія и со
ными учрежденіями правильныхъ, просвѣщен
правительствъ Европы? Слѣдуя этой обманч
методѣ, онъ и китайское общественное обра
ніе, какъ мы видѣли, прозвалъ *народнымъ пр*
щеніемъ, потому-что соотвѣтствующая часть
вленія такъ именуется въ Европѣ. Въ Россіи
примѣръ, гдѣ просвѣщенное правительст
самымъ благороднымъ рвеніемъ употребляет
свои усилія, чтобы просвѣщать народъ, р
страняя положительныя и полезныя свѣ
развивая понятія, устремляя умы ко всякаг
успѣхамъ, эта часть по-справедливости наз
ся народнымъ просвѣщеніемъ; но въ Азіи *и, ос*
бенно, въ Китаѣ, правительства не просвѣщают
напротивъ, враги всякаго свѣта, они дѣйствуют
въ пользу полнаго затмѣнія. Философія Кон
ція, которую авторъ гдѣ-то называетъ «порыв
глубокомыслія», и которая, за исключеніемъ
многаго истинно хорошаго, представляетъ про
наборъ высокопарныхъ безсмыслицъ, эта фил
фія и выдумана съ цѣлію устранить навсегда
Китая просвѣщеніе, воспрепятствовать всѣмъ
ственнымъ успѣхамъ, сдѣлать умъ крѣпкимъ
ринѣ, и съ тою же цѣлію поддерживается
донынѣ. Конфуцій не питаетъ надежды на бу

ie предвидитъ для человѣчества ничего луч-
со-временемъ, не толкаетъ ума впередъ, къ
канію, къ открытіямъ, къ успѣху, подобно
ну или Бекону, но всѣми силами тащитъ его
ь, ко мраку былаго, старается возбудить
женное благоговѣніе передъ минувшимъ, и
етъ счастіе не иначе какъ съ условіемъ
гнуть великой мудрости и идеальнаго совер-
ва предковъ. То, что̀ мы называемъ «про-
ѣніемъ», кажется, сообщаетъ душѣ діаме-
но противоположное направленіе.

сматривая картину «Китая, его жителей, нра-
, обычаевъ и *просвѣщенія*», написанную от-
Іакинѳомъ по карманной книжкѣ для церемо-
йстеровъ и придворнымъ пекинскимъ альмана-
читатель воображаетъ видѣть передъ собою
ованную землю гражданскаго благоденствія,
шеннѣйшее правительство и счастливѣйшій
ъ на лицѣ земли. Пристрастіе нашего синолога
ему китайскому, конечно, основывается на
а благородныхъ побужденіяхъ, и свойствен-
ученымъ увлеченіи своимъ спеціяльнымъ
етомъ, и дружбѣ къ народу, среди котораго
лъ онъ лучшія лѣта своей жизни, пользуясь
степріимствомъ и уваженіемъ. Но когда пи-
ь, желающій познакомить насъ съ этимъ на-
ъ въ самую занимательную минуту современ-
событій, почерпаетъ въ такихъ чувствахъ
гонъ и колоритъ своей картины, то онъ дѣй-
тъ вопреки потребностямъ и пользамъ сво-
нитателей и навлекаетъ на себя подозрѣніе
поверхностномъ и одностороннемъ наблюденіи.

Никто лучше нашего знаменитаго синолога
знаетъ китайскихъ церемоній, придворныхъ,
вительственныхъ и семейныхъ: доказательств
эта книга, которая исполнена самыхъ мелки
точныхъ подробностей въ этомъ отношеніи
нельзя же недѣлать различія между церемоніял
нравственнымъ или политическимъ значеніемъ
ствій, которыя ими сопровождаются, и смѣш
наружныя формы учрежденій съ внутрен
достоинствомъ ихъ въ отношеніи къ человѣч
и его потребностямъ. Отнюдь не зато возст
мы противъ этого любопытнаго сочиненія,
авторъ его удивляется китайщинѣ: мы толь
одобряемъ въ немъ наклонности удивлять
тому именно, что̀ дѣйствительно заслужив
удивленія при правильномъ ея разборѣ. Филос
Конфуція и его школы мы никогда не назо
«глубокомысліемъ»; гасильной системы китай
народнаго образованія не удостоимъ имен
роднаго просвѣщенія; о нравственности подд
наго правительства, перещеголявшаго всѣ пр
азіятскія въ утонченномъ маккіавелизмѣ под
ружностью патріархальнаго добродушія, и
ствующаго на умы посредствомъ явнаго шарл
ства, мы и не желали бы заводить рѣчи, есл
авторъ не принудилъ насъ къ этому. Но спр
ливость требуетъ сказать, что и философія
фуція, и китайское народное образованіе, и
образованный по немъ Китаецъ, и даже ус
шенствованное премудрыми патріархальное
вительство ихъ отечества, имѣютъ многія в
хорошія стороны, которымъ мы охотно удив

и со всѣми хорошими наблюдателями Китая. Эта обыкновенная важность, которую Конфуцій приписалъ безчисленнымъ обрядамъ и церемоніямъ, та строгая дисциплина принятыхъ однажды навсегда обыкновеній, подъ которую подвелъ онъ жизнь частную, семейную и общественную, довели ихъ и понятія Китайцевъ до послѣдней степени мельченія, но въ то же время придали имъ любовь къ порядку, къ благочинію, къ изяществу, и самая мелочность ума не была имъ безполезною въ вещественномъ отношеніи: изъ ней-то образовались тотъ педантизмъ, та точность и аккуратность, которыя такъ необходимы для успѣховъ въ ремеслахъ и искусствахъ и такъ похожи, въ результатѣ, на геніяльность. Оба эти качества, при одинаковомъ образованіи, естественно сообщились равно и народу и его правителямъ. Въ народѣ они возвели трудолюбіе, дѣятельность, духъ промышлености, и ту неподражаемую ловкость, которая дѣлаетъ Китайца превосходнѣйшимъ ремесленникомъ и фабрикантомъ въ мірѣ. Въ правителяхъ они послужили къ развитію народныхъ средствъ въ бо́льшемъ видѣ и къ водворенію, по-крайней-мѣрѣ того государственнаго благоустройства, какое можетъ быть достигнуто одною любовью къ порядку и аккуратности, безъ глубокихъ соображеній ума и безъ помощи наукъ. Дѣйствуя совокупно, снизу и сверху, эти два качества произвели чудеса: имперія покрыта величественными каналами, хорошими дорогами, монументальными мостами, сверленными колодцами; внутренняя торговля кипитъ на всемъ пространствѣ; промышленость производитъ

отличныя издѣлія и въ огромномъ количес
ледѣліе доведено до совершенства; всякій
земли превосходно обработанъ и оживл
тущимъ селеніемъ или многолюднымъ город
численные рынки соединены удобными пут
щенія; во многихъ точкахъ государства на
значительныя богатства; каждый чинно и
биво занимается своимъ дѣломъ, и довольст
родѣ разлито столь ровно, сколько это
при чрезмѣрномъ народонаселеніи. Съ
терпѣнія изобрѣтены даже разные мех
способы, которые хорошо замѣняютъ ве
крытія Запада. Словомъ, это — образова
родъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ,
ограниченности понятій, и благоустроен
дарство, при всѣхъ *страховыхъ обществ*
взятокъ, при продажности чиновниковъ
номъ грабительствѣ, произволѣ въ исполне
новъ и отсутствіи правосудія. Внимате
сматриваемый въ своихъ учрежденіях
естественномъ ихъ дѣйствіи на характер
духъ народа, Китай никому собственно не
быть *«загадочнымъ явленіемъ* въ полит
мірѣ» (стр. 113): въ политическомъ мірѣ
гадокъ; есть только неизбѣжныя слѣдс
чинъ, а писатель, потому именно, что онъ
долженъ умѣть ихъ отъискивать, про
испытующимъ взоромъ подъ кажущуюся
ность, которая, не въ одномъ Китаѣ, но в
перваго взгляда представляетъ что-то *не*
(стр. 114).

Авторъ видитъ, что мы отдаемъ похва

[illegible] въ Китай, хотя смотримъ на [illegible] съ другой точки и безъ [illegible] [illegible]. Скажемъ болѣе: если настоящая [illegible] есть [illegible] раціональное владычество надъ самимъ собою и надъ своими страстями, то Китаецъ безспорно — человѣкъ гораздо образованнѣе Европейца: и это также — одно изъ хорошихъ послѣдствій Конфуціевыхъ учрежденій. Китаецъ, хорошо сказалъ Моррисонъ, будетъ еще разсуждать спокойно тамъ, гдѣ Англичанинъ употребитъ въ дѣло кулаки, а Итальянецъ навозъ проколетъ кинжаломъ». Честь и слава Китайцу! Стыдъ и срамъ Европейцу, который [illegible] етъ себя самымъ просвѣщеннымъ и самымъ образованнымъ человѣкомъ во всемъ человѣчествѣ! Онъ — дикарь подлѣ чиннаго сына Поднебесья! Но доведеніе человѣка до такой утонченности образованности весьма предосудительно для нравственности. Мы вовсе не должны [illegible]ствовать этому преимуществу Китайцевъ. Они [illegible]е — порокъ. Такое владычество надъ [illegible] [illegible]сно граничитъ съ лицемѣріемъ, [illegible], [illegible]царствомъ, низостью, [illegible] и [illegible] [illegible] авторъ сознается, что эти [illegible] [illegible]ствующіе въ китайскомъ характерѣ [illegible] [illegible]ныя, очень дурныя послѣдствія [illegible] Конфуціевыхъ учрежденій. [illegible] [illegible] оставаться [illegible] [illegible] [illegible] Европеецъ [illegible] [illegible] [illegible] передъ Китайцемъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]городства.

Имѣла ли патріархальная система правленія, составляющая отличительную черту китайскаго политическаго постановленія, какое-нибудь вліяніе на тѣ многочисленныя работы и постройки, какія верховная власть произвела тамъ въ пользу торговли и земледѣльческой промышленности? Конечно, никакого. Патріархальная система можетъ соединяться со всѣми образами правленія, отъ персидскаго деспотизма до аѳинской демократіи. Во время Конфуція она соединялась съ удѣльною, и отчасти даже феодальною, системою. Счастливому случаю обязанъ Китай тѣмъ, что она сошлась впослѣдствіи съ единодержавіемъ, и ему-то собственно обязанъ онъ сооруженіями, которыя придаютъ Поднебесной Имперіи видъ просвѣщеннаго государства. Одни только единодержавные государи могли ихъ предпринять и исполнить. Если бы Китай просуществовалъ донынѣ въ коренной, классической формѣ, онъ не имѣлъ бы своего Великаго Канала. Здѣсь помогло ему измѣненіе формы, то есть, противоположное той вѣчной неизмѣнности, къ которой стремится его мудрость.

Это неимовѣрное народонаселеніе Китая, постоянный предметъ удивленія путешественниковъ, можетъ ли быть отнесено къ послѣдствіямъ утонченнаго патріархальнаго правленія? Мы не думаемъ. Законы народонаселеній совершаются подъ вліяніемъ обстоятельствъ, независящихъ отъ человѣческой воли или мудрости. Въ самомъ бѣдномъ уголкѣ Европы, въ этой голодной Ирландіи, о которой нельзя сказать, чтобы она была управля-

а очень патріархально, въ послѣднія сто-
идцать лѣтъ народонаселеніе усилилось почти
втеро. Въ 1713 году оно было изъ 2.010,219
шъ, а въ іюлѣ нынѣшняго года найдено
379,713. Поэтому и въ Китаѣ, при особенныхъ
зическихъ обстоятельствахъ, втеченіи полутора
олѣтія оно могло умножиться отъ пятидесяти
лліоновъ до нынѣшняго итога. Въ Японіи,
ѣ и Индіи, при совершенно другихъ правиль-
ственныхъ системахъ, народонаселенія также
езмѣрны.

Въ нынѣшнемъ положеніи отношеній Запада
Китаю, самый любопытный вопросъ для Евро-
йцевъ состоитъ въ томъ, откуда происходитъ
кое отвращеніе поднебеснаго правительства къ
юбодной торговлѣ съ иностранцами, къ тор-
влѣ, которая доставила бы ему огромные до-
ды, и какими средствами можно было бы за-
сти съ Китайцами болѣе тѣсныя и правильныя
рговыя связи. Вопросъ этотъ чрезвычайно ва-
енъ для всей Европы; триста-шестьдесятъ мил-
оновъ потребителей, и потребителей образован-
лхъ, трудолюбивыхъ, привычныхъ къ изящной
роскошной жизни — не бездѣлица для нашей
омышленности. Западъ, которому уже некуда
ывать избытковъ своей изобрѣтательной дѣя-
льности, рано или поздно долженъ будетъ, или
оворить Китай къ добровольному вступленію въ
щество народовъ трудящихся и обмѣниваю-
ихъ труды свои, или вломиться силою въ этотъ
олпинскій рынокъ. Напрасно обожатели китай-
ины стараются своимъ краснорѣчіемъ оградить

ея неприкосновенность, утверждая, что По
бесная Имперія довольна своими внутрен
средствами и въ насъ, западныхъ, не нужда
Вопросъ не въ томъ, имѣетъ ли Китай нужд
насъ, или нѣтъ: мы имѣемъ нужды въ Китаѣ
какъ мы гораздо сильнѣе его, хоть и малочис
нѣе, то остается только разсудить съ синолог
которые такъ хорошо знаютъ все китайское, и
ли какихъ-нибудь средствъ, не прибѣгая тот
къ насилію, добромъ растолковать многоцер
ному государству огромныя обоюдныя вы
свободнаго обмѣна произведеній? Откуда б
происходило отвращеніе китайскаго правител
ства къ открытію подобныхъ связей — почте
нѣйшій отецъ Іакинѳъ приписываетъ его просто
двумъ коротенькимъ китайскимъ словечкамъ, пу
и *бяо*, «дань» и «поздравительный адресс» —
дѣло въ томъ, что надобно найти средство пре
возмочь это невѣжественное упрямство. Нашъ
авторъ утверждаетъ, что нѣтъ ничего легче
стоитъ только признать себя данниками богдо
хана и, въ этомъ качествѣ, регулярно поздравлять
его съ новымъ годомъ, и ворота завѣтнаго госу
дарства откроются для всего Запада. Авторъ ру
чается, что это и не дорого обойдется; потому
что за подарки, представленные богдохану въ
видѣ *дани*, онъ великодушно пожалуетъ послам
такіе же подарки. Мы выписываемъ подлинныя
слова:

«Съ другой стороны должно признать, что эт
же два слова суть самые вѣрные посредники къ
сближенію съ Китаемъ: стоитъ только признат

висимымъ отъ него и положить въ договоръ
янно представлять дань въ извѣстные годы.
средствомъ нынѣ пользуются разные мел-
адѣтели въ Азіи, и посланцы ихъ частенько
даютъ столицу Китая, потому-что за доста-
ую дань получаютъ равноцѣнную награду и
ъ сего пользуются безденежнымъ проѣздомъ
ъ китайскія владѣнія и безпошлиннымъ
мъ своихъ товаровъ въ Пекинъ» (стр. 150).
о любопытное мѣсто можетъ быть принято
ипъ всѣхъ разсужденій нашего ученаго си-
га о Китаѣ: оно превосходно показываетъ,
какой точки зрѣнія смотритъ онъ на пред-
. При всемъ должномъ уваженіи къ причи-
ь постояннаго клоненія его въ пользу Китай-
, нельзя не замѣтить, что едва ли пристра-
было когда-либо простираемо такъ далеко.
оръ очевидно понимаетъ дѣло въ томъ смы-
что эта дань, эти поздравленія — не что̀ иное
церемоніи пекинскаго придворнаго этикета,
рыми не должно обижаться, и которымъ, хо-
о постигнувъ ихъ духъ и сущность, не трудно
о бы подвергнуться для важныхъ торговыхъ
одъ. Иначе и невозможно растолковать
о мѣста приличнымъ образомъ. Но такой по-
ки не можетъ усвоить себѣ никакая дер-
, у которой есть чувство своей силы и свое-
достоинства. Съ какой стати Западу давать
мнимую дань богдохану, когда Западъ явно
етъ брать дѣйствительную дань съ него?
е и съ новымъ годомъ всегда слабѣйшій по-
вляетъ сильнѣйшаго; еслибы богдоханъ хо-

Имѣла ли патріархальная система правленія, составляющая отличительную черту китайскаго политическаго постановленія, какое-нибудь вліяніе на тѣ многочисленныя работы и постройки, какія верховная власть произвела тамъ въ пользу торговли и земледѣльческой промышленности? Конечно, никакого. Патріархальная система можетъ соединяться со всѣми образами правленія, отъ персидскаго деспотизма до аѳинской демократіи. Во время Конфуція она соединялась съ удѣльною, и отчасти даже феодальною, системою. Счастливому случаю обязанъ Китай тѣмъ, что она сошлась впослѣдствіи съ единодержавіемъ, и ему-то собственно обязанъ онъ сооруженіями, которыя придаютъ Поднебесной Имперіи видъ просвѣщеннаго государства. Одни только единодержавные государи могли ихъ предпринять и исполнить. Если бы Китай просуществовалъ донынѣ въ коренной, классической формѣ, онъ не имѣлъ бы своего Великаго Канала. Здѣсь помогло ему измѣненіе формы, то есть, противоположное той вѣчной неизмѣнности, къ которой стремится его мудрость.

Это неимовѣрное народонаселеніе Китая, постоянный предметъ удивленія путешественниковъ, можетъ ли быть отнесено къ послѣдствіямъ утонченнаго патріархальнаго правленія? Мы не думаемъ. Законы народонаселеній совершаются подъ вліяніемъ обстоятельствъ, независящихъ отъ человѣческой воли или мудрости. Въ самомъ бѣдномъ уголкѣ Европы, въ этой голодной Ирландіи, о которой нельзя сказать, чтобы она была управля-

а очень патріархально, въ послѣднія сто-
адцать лѣтъ народонаселеніе усилилось почти
атеро. Въ 1713 году оно было изъ 2.010,219
шъ, а въ іюлѣ нынѣшняго года найдено
79,713. Поэтому и въ Китаѣ, при особенныхъ
ическихъ обстоятельствахъ, втеченіи полутора
олѣтія оно могло умножиться отъ пятидесяти
ліоновъ до нынѣшняго итога. Въ Японіи,
ѣ и Индіи, при совершенно другихъ правиль-
ственныхъ системахъ, народонасленія также
езмѣрны.

Въ нынѣшнемъ положеніи отношеній Запада
Китаю, самый любопытный вопросъ для Евро-
йцевъ состоитъ въ томъ, откуда происходитъ
кое отвращеніе поднебеснаго правительства къ
ободной торговлѣ съ иностранцами, къ тор-
влѣ, которая доставила бы ему огромные до-
ды, и какими средствами можно было бы за-
сти съ Китайцами болѣе тѣсныя и правильныя
рговыя связи. Вопросъ этотъ чрезвычайно ва-
ънъ для всей Европы; триста-шестьдесятъ мил-
оновъ потребителей, и потребителей образован-
ыхъ, трудолюбивыхъ, привычныхъ къ изящной
роскошной жизни — не бездѣлица для нашей
омышлености. Западъ, которому уже некуда
вать избытковъ своей изобрѣтательной дѣя-
льности, рано или поздно долженъ будетъ, или
оворить Китай къ добровольному вступленію въ
щество народовъ трудящихся и обмѣнивающихъ
ихъ труды свои, или вломиться силою въ этотъ
олпискій рынокъ. Напрасно обожатели китай-
ины стараются своимъ краснорѣчіемъ оградить

ея неприкосновенность, утверждая, что Н
бесная Имперія довольна своими внутре
средствами и въ насъ, западныхъ, не нужд
Вопросъ не въ томъ, имѣетъ ли Китай нуж
насъ, или нѣтъ: мы имѣемъ нужды въ Кит
какъ мы гораздо сильнѣе его, хоть и малочи
нѣе, то остается только разсудить съ синол
которые такъ хорошо знаютъ все китайское,
ли какихъ-нибудь средствъ, не прибѣгая то
къ насилію, добромъ растолковать многоцер
ному государству огромныя обоюдныя вы
свободнаго обмѣна произведеній? Откуда
происходило отвращеніе китайскаго прави
ства къ открытію подобныхъ связей — по
нѣйшій отецъ Іакинѳъ приписываетъ его п
двумъ коротенькимъ китайскимъ словечкам
и *бяо*, «дань» и «поздравительный адресс
дѣло въ томъ, что надобно найти средство
возмочь это невѣжественное упрямство.
авторъ утверждаетъ, что нѣтъ ничего
стоитъ только признать себя данниками б
хана и, въ этомъ качествѣ, регулярно поздра
его съ новымъ годомъ, и ворота завѣтнаго
дарства откроются для всего Запада. Автор
чается, что это и не дорого обойдется; по
что за подарки, представленные богдохан
видѣ *дани*, онъ великодушно пожалуетъ по
такіе же подарки. Мы выписываемъ подли
слова:

«Съ другой стороны должно признать, чт
же два слова суть самые вѣрные посредни
сближенію съ Китаемъ: стоитъ только при

ебя зависимымъ отъ него и положить въ договоръ остоянно представлять дань въ извѣстные годы. Симъ средствомъ нынѣ пользуются разные мелкіе владѣтели въ Азіи, и посланцы ихъ частенько посѣщаютъ столицу Китая, потому-что за доставляемую дань получаютъ равноцѣнную награду и сверхъ сего пользуются безденежнымъ проѣздомъ черезъ китайскія владѣнія и безпошлиннымъ ввозомъ своихъ товаровъ въ Пекинъ» (стр. 150).

Это любопытное мѣсто можетъ быть принято за типъ всѣхъ разсужденій нашего ученаго синолога о Китаѣ: оно превосходно показываетъ, съ какой точки зрѣнія смотритъ онъ на предметы. При всемъ должномъ уваженіи къ причинамъ постояннаго клоненія его въ пользу Китайцевъ, нельзя не замѣтить, что едва ли пристрастіе было когда-либо простираемо такъ далеко. Авторъ очевидно понимаетъ дѣло въ томъ смыслѣ, что эта дань, эти поздравленія — не что̀ иное какъ церемоніи пекинскаго придворнаго этикета, которыми не должно обижаться, и которымъ, хорошо постигнувъ ихъ духъ и сущность, не трудно было бы подвергнуться для важныхъ торговыхъ выгодъ. Иначе и невозможно растолковать этого мѣста приличнымъ образомъ. Но такой политики не можетъ усвоить себѣ никакая держава, у которой есть чувство своей силы и своего достоинства. Съ какой стати Западу давать даже мнимую дань богдохану, когда Западъ явно можетъ брать дѣйствительную дань съ него? Даже и съ новымъ годомъ всегда слабѣйшій поздравляетъ *сильнѣйшаго*; еслибы богдоханъ хо-

рошо вникнулъ въ духъ устава о десяти тысячахъ церемоній, то онъ давно бы, въ новый годъ, прислалъ поздравительный адресъ Европѣ, а изъ ждалъ бы его отъ нея. Во всякомъ случаѣ, когда, статья, которая начинается увѣреніемъ, что «*при сношеніяхъ европейскихъ державъ съ китайскимъ дворомъ* два обстоятельства донынѣ «полагаютъ неотвратимое препятствіе къ политическому *сближенію Европы съ Китаемъ*» и что эти препятствія заключаются только въ двухъ словахъ — «дань и поздравительный адресъ»; когда такая статья, послѣ такого вступленія, заключается тѣмъ, что здѣсь выписали о простомъ средствѣ «*сближенія* съ Китаемъ» при помощи *договоровъ*, которыми «стоитъ только *признать себя зависимыми отъ него и представлять дани въ извѣстные годы*», то читатель, при всемъ почтеніи къ познаніямъ автора, совершенно въ правѣ изумиться этому заключенію.

Не трудно было бы доказать исторіею всего Востока, что авторъ ошибается, приписывая такую важность препятствіямъ къ сближенію, содержащимся въ двухъ пустыхъ китайскихъ словахъ *гунъ* и *бяо*. Чтобы убѣдить читателя, какъ они *неотвратимы*, онъ даетъ полную исторію учрежденія означаемаго этими двумя словами. Но ни изъ этой исторіи, ни изъ исторіи всего Китая, мы не видимъ, чтобы «дань» и «поздравленіе» когда-либо относились къ государствамъ сильнѣе Китая, и къ народамъ, которыхъ онъ не побѣждалъ и не въ-состояніи побѣдить. Почитая это учрежденіе чисто китайскимъ, народнымъ, священнымъ, онъ

етъ, что оно, отъ начала азіятскихъ мо-
донынѣ, господствуетъ во всей Азіи, гдѣ
таксеркса до нынѣшняго бухарскаго хана,
владѣтель, во тмѣ напыщенныхъ титуловъ,
етъ себя владыкою и убѣжищемъ вселен-
для внушенія страха своимъ подданнымъ,
тся увѣрить ихъ невѣжество, будто онъ
йшій государь въ мірѣ, а всѣ другія дер-
— его рабыни. Автору, при сочиненіи книги
аѣ, вѣроятно, не было извѣстно, что до
опольскаго мира и несчастной борьбы съ
скимъ пашою, наша Европейская Турція
яла тѣ же самыя притязанія какъ и Под-
ая имперія: подарки, посылаемые ей евро-
ми государями, объявлялись ихъ «данью»
народомъ, и церемоніяльныя аудіенціи
ъ у Порты провозглашаемы были изъявле-
ихъ покорности и вѣрнаго подданства.
ь раскрыть перваго турецкаго исторіографа,
, на любой страницѣ, убѣдиться въ этой
. Авторъ не видитъ, что та же самая на-
омедія разъигрывается и въ Китаѣ, не по
историческихъ преданій или изъ уваженія
щеннымъ понятіямъ, а просто для при-
и своей слабости обманомъ и внушенія пре-
енной мысли о своемъ могуществѣ народу,
ій стараются содержать въ полномъ не-
того, что происходитъ за предѣлами его
ы. Это именно, а не два пустыя слова, *гунъ*
, заставляетъ богдохановъ такъ упорно
иваться отъ всѣхъ выгодъ свободнаго тор-
сношенія съ европейскими державами, и

ученый авторъ, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, наружныя формы китайскаго политическаго шарлатанства напрасно принялъ за дѣло. Нынѣшняя война Китая съ Англіей важнѣе для судебъ его, нежели какъ онъ, вѣроятно, предполагаетъ; съ ней начнется его паденіе, и оно будетъ быстро, потому-что это столкновеніе съ Европой впервые обнаружитъ сосѣднимъ народамъ и самимъ Китайцамъ всю слабость манджурскаго истукана, окружающаго себя призраками ложнаго владычества надъ вселенной. Капитанъ Эллiотъ будетъ для Маньджуровъ тѣмъ же, чѣмъ принцъ Евгеній былъ для Оттомановъ: паденіе страшныхъ азіятскихъ колоссовъ начиналось всегда отъ одного удара, который вдругъ показывалъ ихъ непрочность умамъ, ослѣпленнымъ оффиціяльными иперболами и штукарствомъ правителей. Есть надежда, что Европа вступитъ вскорѣ въ полныя сношенія съ Поднебесьемъ, не признавая себя «*зависимою* отъ него» и не представляя ему «дани въ *извѣстные годы*».

Послѣ вопроса о средствахъ «сближенія съ Китаемъ», самая любопытная задача для насъ состоитъ въ томъ, какъ эти триста шестьдесятъ милiоновъ людей, сжатые въ предѣлахъ тѣснаго пространства, существуютъ не пожирая другъ друга; и здѣсь мы должны отдать полную справедливость труду ученаго русскаго синолога. Всѣ его изысканія о статистикѣ Китая чрезвычайно интересны, и многіе, открытые имъ факты, новы. Можно даже сожалѣть, что онъ не посвятилъ по-

обнымъ изъисканіямъ гораздо бо́льшаго числа
раницъ и двѣ трети своей книги принесъ въ
ертву мелочному и утомительному описанію
сѣхъ возможныхъ церемоній и обрядовъ, извѣ-
ныхъ уже изъ другихъ источниковъ. На одну
зъ этихъ статистическихъ статей, именно о мѣ-
ахъ народнаго продовольствія въ Китаѣ, мы
читаемъ нужнымъ обратить предпочтительное
ниманіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могутъ триста шесть-
есятъ милліоновъ душъ жить на пространствѣ
орока семи милліоновъ десятинъ пахатной земли,
о есть, по *восьми* человѣкъ на десятинѣ? Одна-
ожъ они живутъ, и, какъ кажется, живутъ хо-
ошо, особенно въ южномъ Китаѣ. Въ Дзянъ-су,
нхой и Дже-дзянѣ, считается около ста милліо-
овъ жителей подъ управленіемъ одного намѣст-
ика. Населеніе тамошнихъ городовъ чрезмѣрно:
юдямъ негдѣ селиться на землѣ; они строятъ
ебѣ дома на лодкахъ и живутъ на водѣ. Лѣтъ
ятнадцать тому назадъ, европейскія газеты за-
лючали въ себѣ рескриптъ китайскаго импера-
ора на имя одного изъ южныхъ правителей, ко-
орому его богдоханское величество повелѣвалъ
ать строгій выговоръ одному городу за его
ерзкое желаніе открыть у себя публичный те-
гръ: преимущество это, писалъ сынъ неба, пре-
оставлено по законамъ только городамъ перваго
втораго разрядовъ, а этотъ дрянной городишко
ретьяго разряда, мѣстечко въ сто двадцать ты-
ячъ жителей, осмѣливается помышлять о теа-
рѣ!... Несмотря на такое многолюдство, эта

страна почитается въ Китаѣ землей пз
утѣхъ, средоточіемъ промышленности,
вкуса. Китайцы говорятъ: «На небѣ ест
рай, на землѣ два, *Су* и *Хапъ*.» Су и Хан
ные города южныхъ провинцій Дзянъ-с
дзяна. Какъ сѣверный Китай вполови
многолюденъ чѣмъ южный, то здѣсь,
считать, не по восьми человѣкъ, а по дв
и болѣе. Но въ Китаѣ вездѣ получа
жатвы въ лѣто: въ сѣверномъ сѣютъ,
роздно, пшеницу и просо, и собираютъ с
поля два посѣва, одинъ послѣ другаго:
номъ рисъ, дважды втеченіи года, дает
самъ-сотъ и болѣе. Значительное количе
привозится изъ Индіи и съ острововъ. Пр
безземельѣ, о сѣнокосахъ и паровыхъ
думать нечего: ихъ не знаютъ въ Ки
слѣдовательно, и нѣтъ скотоводства,
тѣмъ земледѣліе въ самомъ цвѣтущем
яніи. Это кажется невѣроятнымъ русск
телю: но въ Китаѣ давно уже дошли до
которое теперь только сдѣлано въ Евро
вляетъ ея сельскихъ хозяевъ, а именно,
воживаніе земли не есть необходимое ус
жая, и что влажность можетъ превосход
нить его. Поэтому система орошенія
безпрерывнаго поддерживанія въ ней п
влажности, посредствомъ искусственных
неній, доведена въ той странѣ до совер
Всѣ усилія сельскихъ хозяевъ и прав
устремлены на эту великую статью зе
При большой умѣренности Китайцевъ

требуемой, но и самимъ климатомъ, при отвращеніи къ мясу всѣхъ четвероногихъ, исключая одного свинаго, эти средства къ продовольствію огромнаго народонаселенія весьма достаточны въ обыкновенный годъ. Но въ несчастное лѣто, когда поднимаются тучи саранчи, когда продолжительная засуха уничтожаетъ подкорную воду и орошеніе полей дѣлаетъ невозможнымъ, когда Желтая Рѣка и другія рѣки, усиленныя потоками продолжительныхъ дождей въ отдаленныхъ горахъ, разрываютъ искусственныя береговыя насыпи, и, наводняя свои обширныя равнины, истребляютъ города и селенія, въ эти ужасные годы многолюдный Китай представляетъ самое печальное зрѣлище. Тогда-то поднебесное правительство обязано показать всю свою дѣятельность, искусство, попечительность; и, къ чести его должно сказать, что, въ эти *общія бѣдствія*, оно отлично исполняетъ свое дѣло. Не надобно однакожъ преувеличивать его мудрости, какъ это сдѣлано въ нашей книгѣ: личный страхъ заставляетъ его быть заботливымъ и даже прозорливымъ. Какъ владѣтели Китая не-шутя выдаютъ себя за родныхъ сыновъ неба и, поэтому, законныхъ облагателей поднебесья и успѣли увѣрить въ томъ народъ, то народъ естественно всѣ такія «общія бѣдствія» относитъ къ ихъ личной винѣ: значитъ, сынъ неба не ладитъ съ своимъ батюшкою, небомъ, согрѣшилъ, плохо исполняетъ дѣло, для котораго отправленъ на землю; небо на него разсердилось, и онъ одинъ всему виноватъ. Начинаются нареканія, потомъ сейчасъ вспыхиваютъ

мятежи, а тамъ мятежъ превращается въ
междоусобіе. Государь постится, проситъ пр
у Неба и его супруги, Земли, приноситъ торж
ныя покаянія, а между-тѣмъ мандарины всѣм
ствами спѣшатъ кормить голодный народъ,
спасти свои головы и правительство, котор
содержитъ, и прекратить поводъ къ безпоря
При всемъ лихоимствѣ и всей алчности по
ныхъ чиновниковъ, эта причина весьма
точна къ обезпеченію благоустройства м
народному продовольствію въ Китаѣ.
бѣдствія» раздѣлены на десять степеней, п
урона, который они причиняютъ жителям
пасные хлѣбные магазины, казенные и
ственные, устроены повсемѣстно, и мы
вѣрить ученому автору, что они всегда п
содержатся въ исправности, несмотря на о
веніе «самыхъ умѣренныхъ» мандариновъ
себѣ только $^{6}/_{10}$ на Желтой Рѣкѣ, а $^{7}/_{10}$
гихъ рѣкахъ. По свѣденіямъ, которыя наш
нитый синологъ извлекъ изъ китайскихъ
тикъ, въ этихъ магазинахъ всегда находитс
нимъ числомъ, сорокъ одинъ милліонъ кулей

Многія статьи этой книги богаты новы
ными, что̀ даетъ ей большую цѣнность, д
чиненіе любопытнымъ даже для тѣхъ, к
знакомы съ литературою, касающеюся
Если мы немножко взыскательны вразсу
другихъ частей книги, это также похвала
мы считаемъ его въ состояніи дать нам
неніе о Китаѣ гораздо лучше, важнѣе и
пытнѣе мелочнаго описанія церемоній и

и проникнуть въ Поднебесье нѣсколько
ке его лакированной поверхности. Самою
ю статьею во всей книгѣ мы осмѣлимся на-
ь поясненіе на отвѣты адмирала Крузен-
на покойному Вирсту о Китаѣ. Это поясне-
ообще ничего не поясняетъ; отвѣты госпо-
Крузенштерна остаются почти всѣ въ своей
, и авторъ, желая противорѣчить ему, часто
кается явнымъ пристрастіемъ и обнаружи-
ъ, что онъ не понялъ вопроса. Напримѣръ
что авторъ говоритъ о банкирскихъ и торго-
ь векселяхъ, можетъ подать поводъ къ пред-
женію, что ему недостаточно извѣстна сущ-
ь и польза векселей въ коммерціи. Многія
ія поясненія принадлежатъ къ той же кате-
и, а одно изъ нихъ даже и очень необыкно-
ю. Вирстъ спрашивалъ: употребляются ли въ
тонь прейссъ-куранты? Господинъ Крузен-
рнъ отвѣчалъ: употребляются, но только на
пейскихъ языкахъ. Отецъ Іакинѳъ поясняетъ:
ень вѣроятно (это не *вѣроятно*, а *достовѣрно*),
Европейцы, торгующіе въ Кантонѣ, имѣютъ
йссъ-куранты на европейскихъ языкахъ, но
ько для себя, а не для Китайцевъ. *Къ чести*
опейскихъ народовъ, имѣющихъ торговыя связи
Китаемъ, надобно сказать, что они въ Кан-
нѣ производятъ торгъ съ Китайцами на иско-
канномъ англійскомъ или португальскомъ на-
ніяхъ, а въ Кяхтѣ на изуродованномъ рус-
мъ языкѣ». Въ какой степени это можетъ
ситься *къ чести* или *безчестью* европейскихъ
одовъ, что ихъ купцы и шкипера объясняются

съ Китайцами какъ могутъ и умѣютъ, и къ чему клонится эта насмѣшка, изумленный читатель рѣшительно не понимаетъ. Во всѣхъ коммерческихъ гаваняхъ Азіи, Африки и Америки, существуютъ такія исковерканныя нарѣчія, и никто еще не порицалъ за нихъ чести европейскихъ народовъ. Далѣе авторъ говоритъ, что въ Пекинѣ (вопросъ былъ о *Кантонѣ*) во всѣхъ лавкахъ есть прейссъ-куранты, повѣшенные на стѣнѣ или напечатанные брошюрками. Да для кого же эти прейссъ-куранты лавочниковъ занимательны? Вирстъ объ нихъ и не спрашивалъ: онъ разумѣлъ биржевые прейссъ-куранты, les prix-courrants de la place, а не частные. Однѣ только эти «газеты коммерческихъ цѣнъ», какъ признакъ правильно организованной торговли, и могутъ возбуждать любопытство европейскаго политическаго эконома. Биржъ въ Китаѣ нѣтъ: такъ нѣтъ и прейссъ-курантовъ! Объ чемъ тутъ спорить! Главная иностранная торговля производится въ Кантонѣ: тамъ только можетъ существовать родъ биржи, и тамъ могутъ водиться настоящіе прейссъ-куранты. Вирстъ объ нихъ спрашивалъ, и господинъ Крузенштернъ очень хорошо его понялъ и отвѣчалъ правильно. Не разбирать по колечку всю эту длинную цѣпь недоразумѣній было бы и скучно и безполезно. Разсмотримъ немножко обширнѣе только одинъ пунктъ этихъ вопросовъ, отвѣтовъ и объясненій, какъ самый важный и самый любопытный.

Вирстъ желалъ знать, есть ли въ Китаѣ *наслѣдственное дворянство*, кромѣ личнаго. Нашъ знаменитый мореплаватель, который такъ же хо-

рошо какъ и онъ, понималъ что̀ значитъ *дворянство*, въ европейскомъ смыслѣ слова, отвѣчалъ ему, что есть одно только личное. Ученый синологъ оспариваетъ это: онъ утверждаетъ, будто въ Китаѣ есть и личное и *наслѣдственное дворянство*, и вы увидите какое:

«*Въ Китаѣ есть дворянство и личное и наслѣдственное.* Личными дворянами считаются всѣ чиновники и получившіе ученую какую-либо степень. Преимущества ихъ предъ простолюдинами въ томъ состоятъ, что они освобождены отъ земскихъ повинностей и колѣнопреклоненій въ судѣ; избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, которое замѣнено снятіемъ чиновъ, лишеніемъ должностей и вычетомъ жалованья. Даже отъ смертной казни за извѣстныя преступленія дозволено откупаться. *Наслѣдственными дворянами должно считать дальнихъ родственниковъ нынѣ царствующаго въ Китаѣ дома. Они всѣ имѣютъ чинъ восьмаго класса, и получаютъ солдатское жалованье.*»

Кто̀ же когда-либо называлъ въ Европѣ *дворянствомъ* родственниковъ царствующаго дома! Они принадлежатъ къ династіи, а не къ народу, и за недостаткомъ въ прямыхъ наслѣдникахъ, могутъ даже въ извѣстныхъ случаяхъ одинъ за другимъ вступать на престолъ. И развѣ двѣ или три сотни родственниковъ *одного* дома, какія бы ни были ихъ привилегіи, чинъ и жалованье, составляютъ политическое сословіе?.... Такой парадоксъ объясняется только предвзятымъ намѣреніемъ доказывать, что въ Китаѣ все есть, все точно *такъ же какъ* въ Европѣ, не только госу-

дарственные кабинеты, министерства, прокурор-
ства, просвѣщеніе, но и всѣ роды дворянства.
Ученый синологъ нашелъ тамъ даже и *геральдію*,
не сообразивъ, что геральдія безъ геральдики
и гербовъ существовать не можетъ. Если бъ мы
призваны были дать отвѣтъ или поясненіе на во-
просъ о существованіи или несуществованіи дво-
рянства въ Китаѣ, то мы говорили бы совсѣмъ
иначе. Мы сказали бы—Нѣтъ, въ Китаѣ не знают
никакого дворянства, ни наслѣдственнаго, н
личнаго. Наслѣдственнаго дворянства тамъ пол
жительно нѣтъ, потому что, въ государствѣ, с
стоящемъ изъ трехъ-сотъ шестидесяти милл
новъ жителей, полтораста или двѣсти человѣк
дальнихъ родственниковъ царствующаго дома,
образующихъ никакого политическаго сослов
нельзя назвать дворянствомъ, безъ явнаго пр
вращенія смысла этого слова. А какъ-скоро нѣ
дворянства наслѣдственнаго, то тѣмъ самымъ нѣ
и личнаго, какъ не бываетъ младшаго брата, к
гда нѣтъ и не было старшаго: личное дворянст
есть вещь совершенно относительная, и «дворя
ствомъ» называется оно только черезъ уподобл
ніе правъ этого дополнительнаго благородна
класса нѣкоторымъ правамъ полнаго и насто
щаго дворянства. Извѣстное число привиллег
пожалованныхъ какому-нибудь сословію, еще
даетъ ему права на дворянскій титулъ. Въ пр
тивномъ случаѣ, всѣ сословія въ государст
были бы дворянствами, потому что всѣ, кро
послѣдняго, пользуются разными изъятіями и
общаго закона. Но если, допуская полную свобо

употребленію словъ, захотимъ называть дво-
янствомъ сословіе самое привиллегированное и
мое сильное въ государствѣ, то въ Китаѣ,
строенномъ по системѣ патріархальнаго пра-
енія, есть конечно дворянство, только оно не на-
ѣдственное, и не личное, а лично-наслѣдствен-
е, свойственное этой системѣ, которая безъ
го невозможна. Настоящее китайское дворян-
во—отцы семействъ или старшіе въ родѣ; дѣти
внуки — ихъ вассалы. Они политическіе пред-
авители всего, что̀ моложе ихъ возрастомъ, и
льзуются огромною властію; правительственная
асть непосредственно опирается на нихъ какъ на
рвое въ государствѣ сословіе; законы заботливо
ерегаютъ ихъ права и окружаютъ ихъ санъ ве-
чайшимъ почтеніемъ; оскорбленіе ихъ при-
ается равнымъ оскорбленію величества и госу-
рственной измѣнѣ; дѣти и внуки подвергаются
ертной казни за всякое неуваженіе къ этимъ
лжайшимъ намѣстникамъ верховной власти
дъ ними — смерть за поношеніе дѣда, бабки,
да или матери, также мужнина дѣда и бабки,
екра и свекрови — смерть за своевольное оста-
еніе ихъ дома и раздѣлъ съ дѣдомъ, бабкою,
домъ или матерью — смерть за отказъ въ ра-
гѣ на пропитаніе ихъ — за утаеніе траура по
мъ — за ложное объявленіе, гдѣ бы то ни было,
о они уже не существуютъ — за семейный раз-
ръ съ ними — за неповиновеніе ихъ волѣ, и
къ далѣе; наконецъ, они имѣютъ еще право
одавать дѣтей и внуковъ въ рабство какъ свою
одальную собственность, на-время или на всю

жизнь, и, замѣтьте, чиновные и нечиновны
въ равной степени, состоятъ подъ этою п
ною властію, доколѣ, послѣ смерти своихъ в
линовъ-родителей, не сдѣлаются сами таки
властелинами надъ потомствомъ. Это совер
права и преимущества великихъ феодатарі
барововъ среднихъ вѣковъ надъ своими
лами. Другаго «дворянства» въ патріарха
системѣ правленія и быть не можетъ. Въ м
хіяхъ аристократическихъ — дворяне, въ
архальныхъ—отцы семействъ: вотъ соотвѣт
ныя и совершенно равныя другъ съ другом
литическія сословія!

Трауръ, о которомъ здѣсь упомянуто, с
ляетъ одну изъ самыхъ тягостныхъ обязанн
этого родственнаго вассальства. Онъ п
жается не менѣе двадцати-семи мѣсяцевъ:
продолженіе этого времени, посвященнаго
знакамъ глубочайшей печали, не позволено
мяса, выходитъ изъ дому, участвовать въ
шествахъ, слушать музыку, заниматься обще
ною службою, знать супружеское ложе. Сто
не брѣютъ головы, и три года носятъ плат
самаго толстаго посконнаго холста. Чино
военный или гражданскій, гдѣ бы онъ ни
получивъ извѣстіе о кончинѣ дѣда, бабки,
или матери, долженъ тотчасъ оставить слу
возвратиться на родину, для исполненія обр
траура. Сорокъ девять дней сынъ не хор
тѣла своего отца или матери, и плачетъ
ихъ гробомъ. Иногда, во все время траура,
съ трупомъ плотно покрытымъ золою и в

ю для предохраненія отъ зловонія, остается въ мѣ: каждый день поутру дѣти предлагаютъ окойнику пищу и чай, а въ праздничные дни овершаютъ возліянія виномъ и производятъ лачъ. Геродотовы Скиѳы соблюдали почти та ой же трауръ по своихъ государяхъ.

1841.

II.

По поводу сочиненія О. Іакинѳа: *Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи.* 1848. *Четыре части.*

Никто безспорно не сдѣлалъ въ Европѣ столько для славы и чести Китая, какъ нашъ знаменитый русскій синологъ. Каждое новое твореніе почтеннѣйшаго отца Іакинѳа—новый монументъ, воздвигнутый исторіи, внутреннему благоустройству, мудрости или промышлености великаго народа Азіи, защищаемаго и любимаго имъ тѣмъ справедливѣе, что никто лучше его не знаетъ этого *вѣчнаго государства*, о которомъ, во многихъ отношеніяхъ, господствовали на Западѣ многія ошибчивыя понятія еще весьма недавно, несмотря на проницательность оріенталистовъ, посвятившихъ себя изученію самой восточной части Востока. Число важныхъ, капитальныхъ фактовъ, извлеченныхъ имъ изъ тьмы китайской грамоты, количество свѣта, пролитаго имъ на самые запу-

танные вопросы по части исторіи и законодат
ства этой любопытной страны, почти невѣроя
Сколько предметовъ, прежде непонятныхъ
чрезвычайно затруднительныхъ даже для с
логовъ, объяснились самымъ и простымъ и не
даннымъ образомъ съ-тѣхъ-поръ какъ онъ в
перо въ руку! Указаніе на нихъ, къ сожалѣ
здѣсь невозможно, потому-что каждая такая ст
потребовала бы длинныхъ поясненій, для чит
лей, непричастныхъ путаницѣ китайской ф
логіи; но тѣмъ не менѣе права почтеннѣйш
отца Іакинѳа на признательность ученаго св
несомнѣнны. Если столь богатыя приноше
на пользу науки не всѣ извѣстны западной
диціи, или не всѣ вполнѣ прославились въ ор
тальномъ мірѣ, причиною тому, конечно, отча
—самая форма его сочиненій, такъ сказать, сл
комъ китайская: нѣсколько той ясности, той увл
тельности изложенія, которыя такъ нравятся на
западнымъ варварамъ, много содѣйствовали бы
громогласной извѣстности трудовъ его, не ум
шая вовсе ихъ важнаго, основательнаго и учен
характера. Почтенный нашъ синологъ такъ гор
любитъ все китайское, дотого сроднился съ ки
щиною, съ манерою поднебесныхъ писателей,
особенными оборотами самой крайней восточ
мысли, что, большею частію, русская его фр
кажется, какъ-будто носитъ надъ суровымъ лб
и сжатыми въ лаконизмъ губами мандаринскій
лотой шарикъ первой степени: она, несомнѣ
привела бы въ восторгъ весь пекинскій При
десяти тысячъ церемоній, и оттого не можетъ

большаго успѣха на Западѣ, гдѣ церемоніи
огѣ несравненно хитрѣе и гдѣ притомъ
оніи эти совсѣмъ другія.

которые подумаютъ, будто мы осуждаемъ
о синолога за это пристрастіе къ Китаю, за
ой мандаринскій слогъ его, не поймутъ вовсе
мысли. Мы желаемъ только указать на весь-
мѣчательное дѣйствіе китайской атмосферы
адныхъ людей и, вообще, на иностранцевъ.
омъ иноземномъ народѣ есть какая-то при-
льная сила, которой вліяніе непреодолимо и
инно. Скорѣе чѣмъ Римъ пошлаго титла сво-
ѣчный городъ», тѣмъ болѣе неумѣстнаго, что
ъ съ Римомъ есть города древнѣе Рима,
достоинъ безпримѣрнаго отличія—получить
ніе «*вѣчнаго* государства». Всѣ прочія цар-
рушившись однажды, преобразовались въ
нныя политическія тѣла, дали на своихъ раз-
ахъ мѣста другимъ народамъ, другимъ язы-
понятіямъ, нравамъ, вѣрамъ, законодатель-
ь. Китай, напротивъ, неизгладимый, и неиз-
ій съ незапамятныхъ временъ, разрушался
двадцать, десять разъ дѣлался добычею чуже-
инковъ, каждый разъ перемѣнялъ названіе,
таки остался Китаемъ—съ тѣми же нрава-
ъ тѣми же понятіями—съ тѣми же законами
какъ за четыре тысячи лѣтъ. Приливы
дныхъ началъ, народностей и народонаселе-
е размыли его, не перекрасили, даже не обез-
ли. Всю насильственную примѣсь чужаго,
бы она преобладающею ни казалась сначала,
есьма скоро переварилъ въ нѣдрахъ своихъ,

— «Вы вѣрите напечатаннымъ въ Е
«несеніямъ?... вы полагаете, что Канто
«въ самомъ дѣлѣ взятъ?... Все — ложь,
«чванство!...»

—«Какъ? взятіе Кантона — выдумка?

— «Сущая басня!... Помилуйте! да вѣ
«то время были въ Пекинѣ!... мы лучш
«всѣ эти дѣла!... Мы говорили съ очевид
«знающими Китайцами... мы читали всѣ о
«ныя бумаги китайскаго правительств
«Англичанамъ взять Кантонъ!... Они там
«появились; ихъ побили и прогнали... и
«было объ нихъ рѣчи».

— «Это однакожъ странно!.. Такія
«выдумываются для Европы, въ которой в
«все мгновенно можно вывести на чистую
«посрамленію краснобаевъ. Взятіе города,
«вовсе не брали, если угодно, можетъ
«выдумано дерзкимъ полководцемъ, д
«щимъ въ отдаленной сторонѣ, но трид
«ліоновъ денегъ полученной съ города
«ціи, согласитесь, выдумать нельзя, потом
«—наличныя деньги; въ нихъ надо да
«контролю».

— «А между-тѣмъ, вотъ, выдумали!»

— «Такъ, по-вашему, и эта контрибу
«рую нынче Китай торжественно обяза
«тить Великобританіи въ четыре срока
«ныя издержки и которой первый срокъ
«платежъ, недавно привезли въ Лондонъ

— «Выдумка!... вздоръ!... небывальщ

!... возятъ собственныя свои деньги и по-
ают ихъ за китайскія!...
Китайцы, слѣдственно, не были побѣждены?»
Никогда!... Помилуйте, да мы тогда находи-
въ Пекинѣ!... Ну, что значатъ Англія для
я!... глотокъ!... Можно ли сравнивать ихъ въ
ъ-нибудь отношеніи?...»
Но вѣдь всѣ мы читали трактатъ?...
Какой трактатъ?»
Да трактатъ нанкинскій, заключенный въ
инѣ, второй столицѣ Китая, которая была
, подобно Кантону, ничтожнымъ отрядомъ
пейцевъ...
И вы этому вѣрите!?!...
Да вамъ покажутъ куски знаменитой Фарфо-
й Башни, которой Англичане обили прикла-
всѣ углы, чтобы взять обломки ея съ собой
мять...»
И вы вѣрите?»
Какъ же не вѣрить!... трактатъ напечатанъ...
тайски и по-англійски... поднесенъ къ подпи-
королевы... представленъ въ парламентъ...»
«И все — сущая выдумка, будьте въ
увѣрены! Ну, скажите сами, станетъ ли!...
й!... заключать!... съ Англіей!... или съ кѣмъ
о ни было!... трактаты!... Да это противно
нымъ китайскимъ законамъ! Богдоханъ, отъ
гранныхъ народовъ, можетъ принимать толь-
ань и поздравленія съ новымъ годомъ... а
ить съ ними въ сношенія другаго рода ему
къ нельзя... все государство возстало бы...

танные вопросы по части исторіи и законодательства этой любопытной страны, почти невѣроятны. Сколько предметовъ, прежде непонятныхъ или чрезвычайно затруднительныхъ даже для синологовъ, объяснились самымъ и простымъ и неожиданнымъ образомъ съ-тѣхъ-поръ какъ онъ взялъ перо въ руку! Указаніе на нихъ, къ сожалѣнію, здѣсь невозможно, потому-что каждая такая статья потребовала бы длинныхъ поясненій, для читателей, непричастныхъ путаницѣ китайской филологіи; но тѣмъ не менѣе права почтеннѣйшаго отца Іакинѳа на признательность ученаго свѣта несомнѣнны. Если столь богатыя приношенія на пользу науки не всѣ извѣстны западной эрудиціи, или не всѣ вполнѣ прославились въ оріентальномъ мірѣ, причиною тому, конечно, отчасти —самая форма его сочиненій, такъ сказать, слишкомъ китайская: нѣсколько той ясности, той увлекательности изложенія, которыя такъ нравятся намъ, *западнымъ варварамъ*, много содѣйствовали бы къ громогласной извѣстности трудовъ его, не умаляя вовсе ихъ важнаго, основательнаго и ученаго характера. Почтенный нашъ синологъ такъ горячо любитъ все китайское, дотого сроднился съ китайщиною, съ манерою поднебесныхъ писателей, съ особенными оборотами самой крайней восточной мысли, что, большею частію, русская его фраза, кажется, какъ-будто носитъ надъ суровымъ лбомъ и сжатыми въ лаконизмъ губами мандаринскій золотой шарикъ первой степени: она, несомнѣнно, привела бы въ восторгъ весь пекинскій Приказъ десяти тысячъ церемоній, и оттого не можетъ она

ѣть большаго успѣха на Западѣ, гдѣ церемоніи
слогѣ несравненно хитрѣе и гдѣ притомъ
ремоніи эти совсѣмъ другія.

Тѣ, которые подумаютъ, будто мы осуждаемъ
шего синолога за это пристрастіе къ Китаю, за
ковой мандаринскій слогъ его, не поймутъ вовсе
шей мысли. Мы желаемъ только указать на весь-
примѣчательное дѣйствіе китайской атмосферы
западныхъ людей и, вообще, на иностранцевъ.
ъ этомъ иноземномъ народѣ есть какая-то при-
гательная сила, которой вліяніе непреодолимо и
стоянно. Скорѣе чѣмъ Римъ пошлаго титла сво-
о *«вѣчный* городъ», тѣмъ болѣе неумѣстнаго, что
домъ съ Римомъ есть города древнѣе Рима,
итай достоинъ безпримѣрнаго отличія—получить
азваніе *«вѣчнаго* государства». Всѣ прочія цар-
ства, рушившись однажды, преобразовались въ
азличныя политическія тѣла, дали на своихъ раз-
алинахъ мѣста другимъ народамъ, другимъ язы-
амъ, понятіямъ, нравамъ, вѣрамъ, законодатель-
твамъ. Китай, напротивъ, неизгладимый, и неиз-
ѣнный съ незапамятныхъ временъ, разрушался
азъ двадцать, десять разъ дѣлался добычею чуже-
леменниковъ, каждый разъ перемѣнялъ названіе,
все-таки остался Китаемъ—съ тѣми же нрава-
и—съ тѣми же понятіями—съ тѣми же законата-
и—какъ за четыре тысячи лѣтъ. Приливы
ородныхъ началъ, народностей и народонаселе-
й, не размыли его, не перекрасили, даже не обез-
цвѣтили. Всю насильственную примѣсь чужаго,
какою бы она преобладающею ни казалась сначала,
ъ весьма скоро переварилъ въ нѣдрахъ своихъ,

уподобилъ себѣ, превратилъ въ чистую кровь
тайскую. Это необычайное нравственно-народ
явленіе, можетъ-статься, объясняется тѣмъ ф
ческимъ закономъ, который служитъ основан
прочности вселенной: чѣмъ огромнѣе и плот
центральная масса, тѣмъ сильнѣе притягив
она къ себѣ всѣ окружныя меньшія массы. А м
китайщины огромна! Сказать — Китай, зна
сказать — половина всего человѣчества, не б
и не менѣе. На пространствѣ почти равномъ
пейской Россіи толпится тамъ слишкомъ чет
ста милліоновъ человѣкъ; а на всей землѣ
тается не болѣе восьми сотъ пятидесяти или де
сотъ милліоновъ. Половина человѣчества!...
одномъ мѣстѣ!... въ одномъ народѣ!... подъ о
формою!... подумайте только, какую страшную
кательную силу должна эта необъятная нравс
ная масса извергать на все, что̀ погружаетс
сферу ея дѣйствія. Въ этой силѣ есть что-т
хожее на чародѣйство. Нѣтъ ничего легче
окитаиться — даже въ наше образованное в
— и вопреки собственному своему желанію.
Европейцы, съ какими предубѣжденіями н
правились бы въ Китай, какъ бы много ни д
о своей образованности, и какъ бы ни през
все несходное съ роднымъ, европейскимъ, про
нѣсколько лѣтъ въ этой странѣ, возвраща
сущими китайскими патріотами. Много стр
они тамъ отъ невѣжественной гордости нар
отъ нетерпимости, отъ презрѣнія туземцев
всему чужому, и, несмотря на это, все там
имъ чрезвычайно нравится — все превосход

учше быть нельзя. Восторгъ доходитъ иногда фанатизма, готоваго вѣрить всѣмъ хвастовамъ, и самымъ грубымъ плутнямъ многоцеренныхъ сыновъ Поднебесья. Случалось, въ эпоху слѣдней войны между Англіей и Китаемъ, встрѣть и слушать весьма умныхъ и образованныхъ ропейцевъ, которые во время этихъ любопытхъ событій еще проживали въ Пекинѣ, но вскопотомъ воротились въ Европу: они, право, были ѣе закоренѣлые Китайцы нежели Китайцы са- Если вы у нихъ спрашивали:

— «Объясните намъ, пожалуйста, какъ это слулось, отъ какого чуда зависѣло, что городъ, оголюдный—въ Кантонѣ вѣдь болѣе милліона ителей!—богатый—очень богатый—когда въ нѣ сутки могъ заплатить тридцать милліоновъ нтрибуціи!—хорошо укрѣпленный и снабженій сильнымъ гарнизономъ — тамъ находилось тьдесятъ четыре тысячи человѣкъ войска съ ромною артиллеріей!—что этотъ городъ былъ чти безъ сопротивленія взятъ англійскимъ отдомъ въ полторы тысячи человѣкъ, передъ торымъ эти пятьдесятъ четыре тысячи героевъ ложили оружіе, проходя церемоніяльнымъ марэмъ?»

— «И вы этому вѣрите?...» обыкновенно возрали вамъ путешественники, возвратившіеся изъ кина, глядя на васъ съ душевнымъ сожалѣніемъ. ы вѣрите такимъ сказкамъ?»

— «Какія это сказки! Это факты... историчеіе... несомнѣнные!... Читайте оффиціяльныя досенія».

— «Вы вѣрите напечатаннымъ въ Европѣ до-
«несеніямъ?... вы полагаете, что Кантонъ былъ
«въ самомъ дѣлѣ взятъ?... Все — ложь, выдумка,
«чванство!...»

—«Какъ? взятіе Кантона — выдумка?»

— «Сущая басня!... Помилуйте! да вѣдь мы въ
«то время были въ Пекинѣ!... мы лучше знаемъ
«всѣ эти дѣла!... Мы говорили съ очевидцами, со
«знающими Китайцами... мы читали всѣ оффиціаль-
«ныя бумаги китайскаго правительства... Куда
«Англичанамъ взять Кантонъ!... Они тамъ только
«появились; ихъ побили и прогнали... и болѣе не
«было объ нихъ рѣчи».

— «Это однакожъ странно!.. Такія басни не
«выдумываются для Европы, въ которой все гласно,
«все мгновенно можно вывести на чистую воду, къ
«посрамленію краснобаевъ. Взятіе города, котораго
«вовсе не брали, если угодно, можетъ еще быть
«выдумано дерзкимъ полководцемъ, дѣйствую-
«щимъ въ отдаленной сторонѣ, но тридцати мил-
«ліоновъ денегъ полученной съ города контрибу-
«ціи, согласитесь, выдумать нельзя, потому-что это
«—наличныя деньги; въ нихъ надо дать отчетъ
«контролю».

— «А между-тѣмъ, вотъ, выдумали!»

— «Такъ, по-вашему, и эта контрибуція, кото-
«рую нынче Китай торжественно обязался упла-
«тить Великобританіи въ четыре срока за воен-
«ныя издержки и которой первый срокъ, первый
«платежъ, недавно привезли въ Лондонъ...

— «Выдумка!... вздоръ!... небылъвальщина!... ко-

«дія!... возятъ собственныя свои деньги и по-
«казываютъ ихъ за китайскія!...

— «Китайцы, слѣдственно, не были побѣждены?»

— «Никогда!... Помилуйте, да мы тогда находи-
«лись въ Пекинѣ!... Ну, что значитъ Англія для
«Китая!... глотокъ!... Можно ли сравнивать ихъ въ
«какомъ-нибудь отношеніи?...»

— «Но вѣдь всѣ мы читали трактатъ?...

— «Какой трактатъ?»

— «Да трактатъ нанкинскій, заключенный въ
«Нанкинѣ, второй столицѣ Китая, которая была
«взята, подобно Кантону, ничтожнымъ отрядомъ
«Европейцевъ...

— «И вы этому вѣрите!?!...

— «Да вамъ покажутъ куски знаменитой Фарфо-
«ровой Башни, которой Англичане обили прикла-
«дами всѣ углы, чтобы взять обломки ея съ собой
«на память...»

— «И вы вѣрите?»

— «Какъ же не вѣрить!... трактатъ напечатанъ...
«по-китайски и по-англійски... поднесенъ къ подпи-
«санію королевы... представленъ въ парламентъ...»

— «И все — сущая выдумка, будьте въ
«томъ увѣрены! Ну, скажите сами, станетъ ли!...
«Китай!... заключать!... съ Англіей!... или съ кѣмъ
«бы то ни было!... трактаты!... Да это противно
«кореннымъ китайскимъ законамъ! Богдоханъ, отъ
«иностранныхъ народовъ, можетъ принимать толь-
«ко дань и поздравленія съ новымъ годомъ... а
«входить съ ними въ сношенія другаго рода ему
«никакъ нельзя... все государство возстало бы...

«Англичане надуваютъ всю Европу самою не
«подобною, самою смѣшною небывальщин
— «Почему же вы полагаете однихъ Ан
«плутами въ этомъ дѣлѣ?... Вѣдь сами вы
«на мѣстѣ войны. Вы слышали только р
«Китайцевъ и читали реляціи ихъ правит
«какъ мы слышали разсказы Англичанъ
«ихъ оффиціяльныя донесенія? Такъ ж
«могли бы вы, кажется, предположить, чт
«ханское правительство надуло своихъ Ки
«ложными реляціями, скрывъ отъ нихъ н
«свои неудачи и свой срамъ, но даже и вс
«а Китайцы, народъ тщеславный и, слѣд
«но, довѣрчивый, легковѣрный, надули
«свою очередь, хвастливо повторяя передъ
«что...
— «Какъ это можетъ быть!... О! такт
«знаете Китая!... тамъ ничего нельзя скр
«переиначить; все дѣлается по законамъ,
«но и неукоснительно слѣдуетъ вѣчнымъ
«ложнымъ правиламъ... высшія мѣстныя
«ства присылаютъ донесенія свои прямо г
«тотъ передаетъ ихъ въ надлежащіе госуд
«ные совѣты и коллегіи, которыя разобр
«судивъ дѣло, представляютъ его въ вид
«да вторично богдохану, и на слѣдующій
«этотъ самый докладъ, съ рѣшеніемъ г
«выставленъ на стѣнѣ публичной залы,
«приходятъ читать его, списывать для с
«знакомыхъ или для печати... За малѣй
«грѣшность противъ формы или противъ

«виновные, несмотря на санъ, значеніе и милость, «подвергаются жесточайшимъ наказаніямъ...

— «А если формы такъ хорошо закрываютъ «истину, что и самъ богдоханъ до нея не добьет- «ся, при всемъ благомъ своемъ намѣреніи?...

— «Въ Европѣ, пожалуй!... доказательство тому «—англійскія выдумки. Но въ Китаѣ... нѣтъ, ни- «когда!... это тамъ невозможно. О! вы не знаете «Китая!... не знаете удивительнаго китайскаго по- «рядка... во всемъ!... въ малѣйшей бездѣлицѣ!... «Спросите у насъ: вѣдь мы долго жили въ Пекинѣ «и имѣли время наглядѣться, изучить, сравнить, «повѣрить...»

Противъ такой восторженности нѣтъ возраженій. Она могла бы идти за невѣроятность, еслибы не повторялась ежедневно при первой встрѣчѣ со счастливцами, всѣхъ языковъ и народовъ, которые, въ Китаѣ, умирали отъ скуки, а вырвавшись оттуда, не надивятся мудрой и блаженной сторонѣ—

.....гдѣ чай-дерево цвѣтетъ.

Но самый уже фактъ такого восторженнаго пристрастія, внушаемаго страною своимъ гостямъ, чрезвычайно примѣчателенъ, тѣмъ болѣе что гости, какъ мы сказали — люди свѣдущіе и положительные. Должно же тутъ, въ этомъ странномъ государствѣ, въ этомъ невообразимомъ обществѣ, быть что-то удивительное до очарованія, что-то невольно увлекающее къ себѣ Европейцевъ, на зло всѣмъ претерпѣваемымъ ими непріятностямъ. Растолкованіе столь рѣдкаго нравственнаго явленія важно *и для философических* размышленій и для

всякаго разумнаго любопытства; и, должно
правду, ученый нашъ синологъ помощію
численныхъ твореній своихъ о Китаѣ и Кит
почти уже объяснилъ намъ загадку. Мы
темные, не бывавшіе въ Китаѣ, мы, по ц
ному выраженію поднебесной учтивости, *за*
льніе, начинаемъ уже кое какъ понимать С
ное Государство—и благо намъ *хунъ-мау-ж*
«рыжимъ человѣкамъ»: — едва ли не утѣш
нѣе всего, въ настоящее время, созерцать,
отдаленнѣйшаго Востока, этотъ незыблем
тогъ вѣчно-одинаковаго, вѣчно-тихаго и
счастливаго человѣчества, которое своихъ
тысячъ церемоній не промѣняетъ на всѣ е
скія хартіи, и своей наслѣдственной мудр
отдастъ—и по дѣломъ!—за наши прогрес
вершенствованія и успѣхи.

Мы говоримъ, что почтеннѣйшій отецъ І
уже *почти* объяснилъ загадку, и это сказ
на-обумъ: потому-что, даже и послѣ посл
четырехъ томовъ его о Китаѣ, которые
лежатъ передъ нами, многое, весьма многое
ся непонятнымъ. А между-тѣмъ, въ этихъ
рехъ томахъ—цѣлый рудникъ новыхъ св
новыхъ взглядовъ, новыхъ истолкованій, к
изъ всѣхъ Европейцевъ, одинъ онъ мог
доставить. Если онъ и теперь еще не вполн
стигъ своей великой цѣли, причиною это
опять полагаемъ принятую имъ недавна
переодѣвать китайское государство въ евро
правительственныя формы, для большаго уд
читателей; подводить дѣла и вещи Подн

подъ наши техническіе термины; сравнивать между собою предметы существенно несравниваемые, крайній Востокъ съ крайнимъ Западомъ; находить сходства тамъ, гдѣ гораздо разительнѣе подѣйствовала бы на наше воображеніе вѣрная и живая картина противоположности или кореннаго различія. Въ этомъ нарядѣ Китай можетъ казаться намъ только плохою Европой: а изображенный просто, безъ натяжекъ и приноровленій, въ своемъ особенномъ, инородномъ и иноразумномъ видѣ, въ своихъ подлинныхъ, оригинальныхъ, китайскихъ формахъ и пріемахъ, онъ бы явился навѣрное превосходнымъ Китаемъ!... онъ бы оправдалъ вполнѣ энтузіазмъ китаелюбцевъ! Зачѣмъ усиливаться доказать, что все европейское находится также и въ Китаѣ? что *Китай — государство устроенное, не по азіятскимъ, а по европейскимъ понятіямъ?* (Предисловіе, VII). Боже мой, да это отнюдь не похвала Китаю!... Если бы подобная мысль не была простымъ парадоксомъ, пришедшимъ въ голову ученому и умному человѣку для удовольствія поддерживать остроумно невозможное, Китай погибъ бы въ нашемъ мнѣніи. Какъ-будто все европейское—умно, чудо мудрости и верхъ совершенства!... Увы! посмотрите на западъ, на югъ... и подивитесь *понятіямъ европейскимъ*... Нѣтъ, Европа далеко не обладаетъ монополіей на все умное въ человѣчествѣ, и отъ уподобленія ей Китая. Китай не можетъ ничего выиграть въ разумѣніи самихъ же разсудительныхъ Европейцевъ. *Умное*—вещь чрезвычайно относительная; *образованное*—*и того болѣе!* Можно быть и умнымъ и обра-

зованнымъ по различнымъ методамъ. Въ этихъ китайскихъ черепахъ, отлитыхъ по другой модели самою природою, должна быть и другая логика, другое глубокомысліе, другая мудрость. Покажите намъ все это въ подлинникѣ, съ его невиданною физіономіей, съ его отличительнымъ типомъ: мы и поймемъ легче, и скорѣе усмотримъ красу.

Рама, въ которую оправлено авторомъ такое богатое собраніе данныхъ и воззрѣній, порядочно новая; можно сказать, непредвидѣнная, неожиданная. Китай разобранъ имъ по волоскамъ, на *вопросы* и *отвѣты*. Вопросы о Китаѣ всѣ—европейскіе; отвѣты на нихъ—не такъ-то.... они, позволительно сказать, нѣсколько египетскіе, и требуютъ много труда, чтобы постигнуть ихъ сущность. Напримѣръ, на вопросъ: всѣ ли Китайцы равны передъ закономъ?—отвѣтъ гласитъ: всѣ Китайцы совершенно равны передъ закономъ; а, между-тѣмъ, въ другихъ мѣстахъ книги вы находите, что Китаецъ можетъ, по закону, откупиться деньгами, нетолько отъ тѣлеснаго наказанія, но и отъ изгнанія, для чего, разумѣется, надо, чтобы у него были деньги, и даже порядочныя. Слѣдовательно, богатый и бѣдный Китаецъ уже не равны передъ закономъ. Вопросъ: обезпечена ли въ Китаѣ частная собственность законами?—этотъ вопросъ также рѣшенъ утвердительно; частная собственность сказано, совершенно обезпечена китайскими законами; но нѣсколько далѣе вы находите, что, по закону же, «если частное лицо *по чрезвычайному бо* «*гатству своему становится опаснымъ для об* «*щественнаго спокойствія*.... въ сихъ случаяхъ ему

«щество ихъ *безъ важныхъ законныхъ причинъ* опи-
«сывается въ казну и отбирается въ пользу богдо-
«хана.» Такой способъ обращенія съ частною соб-
ственностью извѣстенъ и въ Турціи, и въ Персіи,
и повсюду на Востокѣ.

Ясно, что подобные вопросы напрасны и невоз-
можны, когда рѣчь идетъ о такихъ странахъ, гдѣ
собственность сосредоточивается вся въ главѣ об-
щества, представляющемъ небо, и куда тщеслав-
ныя требованія равенства еще вовсе не проника-
ли, да и проникнуть не могутъ, какъ противныя
мѣстной логикѣ.

Китай однакожъ, какъ мы видѣли, можно успѣ-
шно защищать: государство это образовано, явно,
не по европейскимъ началамъ; но въ устройствѣ
его должно непремѣнно заключаться многое от-
лично хорошее, когда онъ такъ восхищаетъ собою
умныхъ Европейцевъ, и хотя это отлично хорошее
китайское не прилагается къ нашимъ обществамъ,
такъ далеко не похожимъ, ни духомъ, ни нравомъ,
ни стремленіемъ, на общество сыновъ Поднебесья;
однакожъ оно достойно не только нашего любо-
пытства, но и уваженія. Оставивъ вопросы и от-
вѣты книги въ сторонѣ, мы постараемся найти на
тѣ же страницахъ, въ самомъ устройствѣ Китая,
причину этого энтузіазма западныхъ путешествен-
никовъ.

Поразительнѣе всего въ этомъ случаѣ—невооб-
разимая простота правительственнаго дѣйствія въ
такомъ многолюдномъ государствѣ, простота, слу-
жащая вмѣстѣ и величайшею похвалою кротости
китайскаго народнаго характера, изъ котораго она

проистекаетъ, и доказательствомъ ограниченности его политическихъ, мануфактурныхъ и коммерческихъ предпріятій, придающей большое однообразіе быту тамошнихъ людей. Провинціи китайскія равны западнымъ державамъ по народонаселенію: *тридцать милліоновъ жителей* въ провинціи, въ томъ, что̀ авторъ такъ несвойственно называетъ *губерніей* (!)—тамъ ни по чемъ. На Западѣ, для содержанія тишины и порядка въ такой плотной массѣ людей, съ разнородными западными стремленіями и при безпокойномъ, восторженномъ или напряженно дѣятельномъ нравѣ большей части западныхъ племенъ, нужны были бы сто тысячъ чиновниковъ, арміи, флоты, крѣпости, и провинціяльный бюджетъ въ тысячу милліоновъ деньгами, по-крайней-мѣрѣ. Въ Китаѣ, *губерніей* въ тридцать милліоновъ человѣкъ управляетъ какая-нибудь сотня чиновниковъ, изъ которыхъ самые важные держатъ при себѣ не болѣе пяти или шести дьяковъ и писцовъ, называмыхъ въ книгѣ нашей *канцелярскими служителями*. Штатъ этихъ *губерній*, то есть, провинцій, чрезвычайно простъ, но послѣ почтеннѣйшаго отца Іакинѳа довольно трудно объяснить его. Во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ онъ, вмѣсто того, чтобы привесть предметъ къ настоящей простотѣ его и къ самому строгому выраженію, находилъ особенное удовольствіе преображать его въ фантастическіе образы посредствомъ обманчивыхъ красокъ европейскаго политическаго языка. Стараясь всѣми силами, и во что̀ бы то ни стало, европеизировать Китай и Китайцевъ, чтобы выказать ихъ какъ-можно болѣе

ли и милыми, онъ всегда примѣнялъ, и те-
примѣняетъ, повсюду, къ ихъ приказамъ и
ъ нынѣшнія русскія правительственныя на-
, которыхъ смыслъ такъ точно опредѣленъ
нятіи всякаго современнаго читателя, что
ній этихъ ни къ чему другому въ мірѣ при-
ъ невозможно, не произведя множества за-
ній въ умѣ и безпрестанной сбивчивости
зсказъ. Такъ, у него постоянно являются въ
ской *губерніи* (провинціи) китайскіе *военные* и
анскіе губернаторы, губернскіе *прокуроры*,
ѣдатели *казенныхъ палатъ*, и тому подобное,
явственно, ни одинъ изъ этихъ терминовъ
дствуетъ нисколько съ сущностью предме-
, которому онъ приклеенъ произвольно. На-
ръ, чѣмъ бы вы думали занимаются китай-
азенныя палаты?.. онѣ занимаются *и граждан-
дѣлами!..* Страсть эта превращать значе-
шихъ словъ самыхъ положительныхъ рѣши-
о необъяснима въ серіозномъ писателѣ; но
омощи такого злоупотребленія западныхъ по-
ескихъ терминовъ авторъ имѣлъ удоволь-
отыскать въ Китаѣ все, что̀ онъ видитъ въ
и въ Европѣ: *губерніи*, *губернаторовъ*, воен-
и гражданскихъ, *прокуроровъ*, *министерства*,
ій, *цензуру*, *лордовъ*, *перовъ* и даже *государ-
ные чины*, которые, между-тѣмъ, просто—
думы, составляемой, по особеннымъ случа-
изъ *головъ* разныхъ приказовъ и ихъ *товари-
въ* точности то же самое, что̀ *полное собраніе*
а въ Константинополѣ.
это правительственное образованіе, такъ не-

умѣстно переодѣваемое на нынѣшній европей
фасонъ посредствомъ неправильнаго употребл
терминовъ, существовало уже у Монголовъ,
таръ, и прежнихъ Турковъ, разнесено ими по
Азіи, сообщилось отчасти прежней Руси, гос
ствовало и у насъ, и донынѣ болѣе или м
сохраняется у всѣхъ восточныхъ народовъ и
мять великаго Чингисхана. Составъ китайс
правительственныхъ мѣстъ, называемыхъ
ромъ *палатами*, *коллегіями* и *министерст*
удивительно сходенъ съ составомъ старин
приказовъ «Московскаго Государства»; въ К
какъ и у насъ, до уничтоженія этого мнимаго
пензма Петромъ Великимъ, въ каждомъ при
присутствуютъ *головы*, одинъ или два боярин
товарищи, *дьякомъ* и *подъячими*, и дѣла вед
точно также. Если ужъ слѣдовало переимено
китайскую правительственную іерархію, то б
всего было употребить для этого наши стари
термины—*приказъ*, *голова*, *товарищъ*, *дьякъ*, *вое*
намѣстникъ, *намѣстничество*. Китайскій ти
такъ называемыхъ министровъ, въ буквал
переводѣ значитъ—человѣкъ, который *кла*
помогаетъ, или *низкопоклонный помощникъ*. У
му автору книги извѣстно, что титулъ этотъ
но переведенъ на другіе языки: слово *везирь*
визирь имѣетъ тотъ же самый смыслъ, оно
щее восточное, и автору слѣдовало употреб
его предпочтительно. Въ самомъ дѣлѣ, кита
дзянъ-сяо суть чистые азіятскіе *визири*; назв
санъ, должности и отношенія—совершенно т
Мнимые *военные генералъ-губернаторы* автора

чевно прославились въ нашей отечественной исторіи подъ именемъ *баскаковъ*; это тѣ же «царскіе намѣстники», которыхъ весь свѣтъ знаетъ подъ названіемъ *пашей* (*пай-ша*, намѣстникъ царя, pro rege). Къ чему, послѣ этого, нуженъ былъ весь этотъ новоевропейскій маскарадъ среди староазіятскаго Поднебесья? Благодаря ему, мы не знаемъ, какъ и называть китайскіе чины и мѣста, чтобы согласить показаніе книги съ дѣйствительностью. Названій, употребляемыхъ авторомъ, принять однакожъ невозможно никакъ: *баскаковъ* и *пашей* мы не станемъ называть военными генералъ-губернаторами, которыхъ права, обязанности и подчиненность такъ же опредѣлительны для насъ какъ и самое званіе. Употребимъ слова постарѣе и поближе къ дѣлу.

Во всемъ военномъ и гражданскомъ распредѣленіи нынѣшняго Китая, съ перваго взгляда, бросаются въ глаза духъ учрежденій Чингисхана, его «Уложеніе,», знаменитое донынѣ на всемъ Востокѣ, введенное нѣкогда въ Китай побѣдоносною династіей этого геніяльнаго Монгола, разстроенное и ослабѣвшее впослѣдствіи, и опять принесенное сюда изъ степи Маньджурами, которыхъ дари гордятся происхожденіемъ отъ *бѣлой кости* Чингисхановой. Вмѣсто невозможныхъ сближеній съ Европой, авторъ гораздо болѣе удовлетворилъ бы этнографовъ и оріенталистовъ, изучивъ сущность Чингисхановыхъ учрежденій и показавъ намъ, что̀ изъ нихъ еще существуетъ въ маньджурскомъ Китаѣ, а что̀ измѣнилось по обстоятельствамъ, *и въ какой* степени. Нынѣшняя дина-

стія въ особенности дробитъ власть болѣе
лѣе, приставляя разныхъ *товарищей* и *надзи*
лей къ главнѣйшимъ сановникамъ: однакож
—вовсе не коллегіяльное правленіе, а толь
довѣрчивое стѣсненіе прямаго правительстве
дѣйствія.

Китай, котораго владыка носитъ монго
титулъ *хана*, или великаго хана (по-мандьж
богдо-ханъ, по-китайски *хуанъ-ди*, *ханъ-царь*),
тораго авторъ, неизвѣстно почему, постоянн
зываетъ «императоромъ», какъ-будто слова
кій ханъ» были чужды русскому уху—Кита
дѣленъ, въ административномъ отношеніи, п
гольски и по-турецки: именно, государство
ся не на губерніи, а на *страны*, или *намѣ*
чества (у Турковъ *иль*, или *вилеты*, управл
намѣстниками, по-турецки—бейлербеями, ил
ными пашами, имѣющими чинъ визирей);
стничества—на *воеводства* (у Турковъ *ли*
санджакъ, собственно «знамя», въ просторѣ
«паша.ыкъ», состоящій подъ управленіемъ
джакъ-бея, воеводы, второстепеннаго паши)
водства—на *уѣзды* (у Турковъ *нахіё*); уѣзд
округи, которыми правятъ въ Турціи голов
росты, аги или примасы.

Авторъ, введя по всему Китаю европейск
ны и титулы, не говоритъ даже, какъ они
ственно называются по-китайски, и—что̀ ещ
саднѣе—излагаетъ порядокъ ихъ не совсѣм
но. Мы принуждены взять изъ другаго,
вѣрнаго, источника, списокъ провинціяль
властей.

Намѣстничества китайскія, какъ у Монголовъ и Турковъ, дѣлятся на нѣсколько *фу* и *чоу*, или воеводствъ, различной важности.

Фу и *чоу* дѣлятся на *хянь* или *сянь*, которые можно назвать уѣздами.

Хянь или *сянь* дѣлятся на *сюньдзяньсы*, или округи, которые въ свою очередь состоятъ изъ извѣстнаго числа деревень, общинъ, *дзунь*.

Намѣстничествомъ управляютъ:

I. Два намѣстника, или намѣстникъ и его товарищъ: одинъ изъ нихъ *дзунду*, или *читай*, бываетъ чиномъ старше другаго, и въ публичныхъ церемоніяхъ занимаетъ первое мѣсто, но приказать второму намѣстнику ничего не можетъ: они —товарищи по должности, рѣшаютъ дѣла съобща, и только въ случаяхъ разногласія представляютъ вопросъ въ Пекинъ, великому хану или его визирямъ, помощникамъ.

II. Второй намѣстникъ, или товарищъ намѣстника, называется *сюньфу*. Часто намѣстникъ съ своимъ товарищемъ раздѣляютъ между собою воеводства, *фу* или *чоу*, и завѣдываютъ ими каждый отдѣльно отъ другаго: этою стачкою избѣгаютъ они [н]агоразумно, но не совсѣмъ законно, разногласія, [с]оръ и взаимныхъ доносовъ.

III. Кого ученый нашъ синологъ называетъ китайскимъ *губернскимъ прокуроромъ*, рѣшительно [н]ѣтъ возможности угадать, такъ какъ онъ нико[г]о изъ этихъ *лордовъ*, *перовъ*, *министровъ*, *директоровъ*, *губернаторовъ*, *прокуроровъ* китайскихъ, по-[к]итайски не называетъ. По подлиннымъ спискамъ [п]ровинціяльныхъ чиновъ, послѣ намѣстника *дзун-*

ду и его товарища *сюньфу*, первымъ чиновникомъ намѣстничества значится *дитусьо чинъ*, то есть чинъ, или мандаринъ по учебной части*. Этотъ *дитусьо*, кромѣ надзора за обученіемъ грамотѣ и преподаваніемъ науки о Великомъ Корнѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ имѣетъ вліяніе на дѣла мѣстной военной части. Въ какомъ смыслѣ онъ переименованъ въ прокуроры, которыхъ должность въ Европѣ—совершенно спеціяльная, юридическая, мы не понимаемъ. Въ нужномъ случаѣ онъ заступаетъ мѣсто намѣстника и его товарища. Это—въ точности турецкій *кяхья*.

IV. Четвертый чинъ намѣстничества, *бучинсы*, есть знаменитый чинъ баскака, собирателя или «выжимателя» казенныхъ доходовъ, который въ то же время вмѣшиваетя во всѣ гражданскія дѣла и начальствуетъ надъ низшими чиновниками провинціи. При немъ дворецкій, родъ дьяка, *дзинли*, печатникъ, *джауму*, и казначей, *гудасы*. Этотъ же порядокъ существуетъ почти во всей Азіи.

V. Судья, *ганьчадзи*, слѣдуетъ за баскакомъ. Это—турецкій кадій, и ничего болѣе. Собственно, онъ долженъ разбирать всѣ уголовныя дѣла, но въ Китаѣ, подобно тому какъ и во всей Азіи, палачи составляютъ непремѣнную принадлежность

---

* Слово *чинъ*, въ значеніи—«должность», званіе, отъ котораго происходитъ слово *чиновникъ*, есть собственно китайское, вѣроятно перенесенное къ намъ Монголами. Это то слово *чинъ*, Португальцы перевели своимъ словомъ *мандаринъ*. Славянское слово *чинъ*, которое значитъ «дѣйствіе», factum, только случайно сходствуетъ съ нимъ звуками.

амѣстниковъ, которые тутъ же судятъ и
кого ни вздумается полицейскимъ обра-
къ, что судьѣ, его дьяку, *джаому*, и его
ику, *сыйо*, остается очень немного дѣла
е хуже—остаются всѣ дѣла безприбыль-
ли справедлива аксіома, что сочиненія ко-
хъ и сатирическихъ писателей — вѣрнѣй-
очники данностей о нравахъ страны и эпо-
прочитавъ нѣсколько романовъ и комедій
ихъ, должно признаться, что этотъ классъ
ковъ китайскихъ безнравственностью сво-
тупаетъ ни турецкимъ, ни персидскимъ ка-
сли только не превосходитъ ихъ, несмотря
оянное удивленіе автора поднебесному пра-

Шестое мѣсто въ провинціяльной іерархіи
тъ *яньюньсы*, соляной смотритель, съ сво-
чупомъ, который смотритъ за перевозкою
ъ соляныхъ городковъ въ другія мѣста,
имъ или дьякомъ, *дзиньли*, помощникомъ,
и казначеемъ, *гудасы*.

Наконецъ хлѣбный голова, *ляндау*, или смо-
казенныхъ запасныхъ магазиновъ, и по-
ъ его, главный магазинщикъ, *дзандасы*.

во главное управленіе намѣстничества. Вое-
, на которыя оно дѣлится, и изъ кото-
дни бываютъ побольше и называются *фу*,
твами, а другія—менѣе значительныя, и
ы подъ именемъ *чоу*, или областей, упра-
непосредственно воеводами и головами,
чичоу. Мандаринъ *чичоу*, голова области—
ниже мандарина *чифу*, головы воеводства.

При каждомъ воеводѣ состоитъ по нѣскольку *тунджи*, собственно товарищей ему, но на дѣлѣ приказчиковъ, размѣщенныхъ по разнымъ частямъ воеводства и распоряжающихся тамъ и отъ его и отъ своего имени вмѣстѣ. Дворецкій или намѣстникъ воеводы называется *туннянь;* за нимъ слѣдуютъ голова воеводской учебной части, *хьочинъ* или *сьочинъ*, его дворецкій или дьякъ, *дзиньли*, учитель, *сюньдао*, и тюремщикъ, *сыйо*.

Въ уѣздѣ, *хянь* или *сянь*—тотъ же порядокъ. Уѣздный голова называется *чисянь*. Его товарищъ, *дзуданъ*, подобно товарищамъ намѣстниковъ и воеводъ, для избѣжанія споровъ, правитъ особою частью уѣзда и чинитъ судъ и расправу отдѣльно. Третье лицо и здѣсь—смотритель по учебной части и грамотности, *сянь сьодзяюй*; четвертое—уѣздный учитель *сюндау*; пятое—приказчикъ, *дзубу*, родъ чиновника по особымъ порученіямъ при уѣздномъ головѣ и его товарищѣ, баскакъ въ маленькомъ видѣ; шестое — деревенскій приставъ, *сюньдзюнь*, съ дьякомъ, *тяньшы;* седьмое—*хубусу*, водяной приставъ, турецкій су-баши.

Общинами, деревнями, улицами городовъ, правятъ старосты, сотники и десятники. Каждые десять домовъ имѣютъ своего голову, или десятника, который смотритъ за соблюденіемъ въ нихъ правилъ благочинія и долженъ знать поименно каждаго ихъ жильца.

Каждый изъ этихъ *чиновъ*, или мандариновъ, отъ самаго старшаго до самаго младшаго, *держитъ свой приказъ*, то есть, сидитъ у себя дома и творитъ судъ и расправу отдѣльно, на свой собствен-

счетъ. Если законъ назначилъ его собствен-
лько товарищемъ къ другому или далъ ему
ища, эти почтенные господа совѣщаются
у собою только въ такихъ случаяхъ, гдѣ ну-
дѣйствовать дружно, чтобы избѣгнуть бѣды.
мнимое *коллегіальное* правленіе Китая: кру-
порука хищниковъ и плутовъ. Всѣ они мѣ-
вои покупаютъ по тарифу взяточничества,
итанному весьма точно въ Пекинѣ, и съ без-
ѣрною, даже для Азіи, наглостью, вовсе не-
ваемому отъ всеобщаго свѣденія, и живутъ
ами. Но какъ законъ повелѣваетъ, взятки,
осимыя мандаринамъ, *отбирать въ дворцовую*
, то, для вящшей безопасности и бо́льшаго
тва мандаринской жизни, знатная часть этихъ
дъ отдаютъ взятки свои на откупъ спеку-
мъ, какъ въ Европѣ отдаются разныя статьи
наго сбора.

и каждомъ такомъ *приказѣ*, въ намѣстниче-
воеводствѣ, уѣздѣ и общинѣ, находится по
льку человѣкъ *лимы*, писцовъ, сторожей и
ихъ приказныхъ, обыкновенно не получаю-
никакого жалованья и питающихся мелки-
яточками.

и бы ученый авторъ книги изслѣдовалъ въ
время правительственное устройство, поряд-
обычаи другихъ странъ Востока, онъ бы удо-
рился, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего ни
о, ни особенно замѣчательнаго. Такая же
а господствуетъ во всей Азіи. Даже и *сьочи-*
ачальники учебной или грамотной части, су-
зуютъ въ другихъ мѣстахъ. Это—областные

муфти, или *улема-баши*, «начальники *ученыхъ*», то есть, богослововъ и юрисконсультовъ въ турецкихъ, персидскихъ и узбекскихъ владѣніяхъ. За исключеніемъ торжественныхъ экзаменовъ, которымъ въ Китаѣ придана государственная важность, все остальное найдете и у мусульманъ; у нихъ также званіе «ученаго», *алимъ*, *улема* — въ большомъ уваженіи и пользуется различными преимуществами передъ лицомъ закона; точно также существуютъ ученыя степени; и, также какъ въ Китаѣ, безъ степени, полученной въ *медресѣ*, высшемъ училищѣ, семинаріи, или академіи, никто не можетъ занять ни судейской, ни мечетной, ни учительской должности. *Шеріатъ*, «законъ», духовное, гражданское, уголовное, военное и политическое законовѣденіе, капитальная статья знанія, передъ которою всякая власть преклоняется, въ точности соотвѣтствуетъ китайскому *Да-сьо*, Великому Ученію, и по правительственной важности, и по общественному назначенію. Въ Европѣ, правда, мало имѣютъ объ этомъ понятія, хотя знаменитое твореніе Мураджи-Доссона стоитъ въ библіотекахъ уже лѣтъ пятьдесятъ: никто однакожъ изъ тѣхъ, которымъ предметъ извѣстенъ и которые старались отдать справедливость всему хорошему въ восточныхъ учрежденіяхъ, не вздумалъ видѣть въ образованіи сословія улемовъ и безчисленныхъ мусульманскихъ академій или семинарій, правительственнаго устройства, образованнаго, *не по азіятскимъ, но чисто по европейскимъ понятіямъ*.

Не безполезно, можетъ-статься, будетъ для этой книги еще напомнить ей, что даже и *княжескій*

приказъ—не китайская особенность въ Азіи. Во всѣхъ мусульманскихъ странахъ есть такіе же князья какъ въ Китаѣ: это—*эмиры*, люди отъ колѣна Пророка, пользующіеся точно такими же правами, большею частью также бѣдные, и также составляющіе бремя династій, которыя должны кормить ихъ. Начальникъ княжескаго приказа у мусульманъ называется *эмиръ-эль-умера*. Въ каждой провинціи есть *накибъ*, или смотритель за нуждами и поведеніемъ такихъ князей. Азія по всему пространству своему одинакова.

Несложность провинціяльнаго правленія въ Китаѣ, общая Китаю съ цѣлымъ Востокомъ, безспорно—большое преимущество при невѣроятной населенности провинцій. Мы видѣли, какъ мало чиновниковъ требуетъ это правленіе для своего дѣйствія. Въ самомъ значительномъ намѣстничествѣ не бываетъ болѣе пяти сотъ мандариновъ. Въ безлюдныхъ мусульманскихъ намѣстничествахъ, гдѣ и число чиновниковъ и должности ихъ—тѣ же самыя, пять сотъ хищниковъ, живущихъ лихоимствомъ—разореніе для трехъ или четырехъ сотъ тысячъ жителей. Но что̀ значитъ пять сотъ такихъ пьяницъ для китайской провинціи въ двадцать или тридцать милліоновъ душъ! Авторъ, въ цѣломъ Китаѣ, на 400,000,000 душъ народонаселенія, насчитываетъ только 10,000 мандариновъ, отъ «низкокланяющагося помощника» богдоханскаго до приказнаго сторожа включительно: это представляетъ по 1 мандарину на 40,000 жителей. Если бы каждый изъ нихъ награбилъ въ годъ, круглымъ числомъ, 10,000 рублей серебромъ, что̀,

конечно, не вѣроятно, такъ и тогда уже всѣ несправедливости блюстителей Великаго Корня обошлись бы народу въ четвертакъ на брата. При ничтожности китайскихъ законныхъ податей, эта незаконная, но тѣмъ неменѣе дѣйствительная, подать—болѣе чѣмъ ничтожество, не говоря уже о томъ, что одинъ представитель закона не можетъ стѣснить сорока тысячъ человѣкъ его формами, какъ бы формы эти ни были взыскательны: и онъ, и законъ, и формы, исчезаютъ въ этой толпѣ, непринужденно руководствующейся заученными съ дѣтства церемоніями. Вотъ гдѣ—тайна китайскаго благоденствія и романической привязанности сыновъ Поднебесья къ своимъ старинным учрежденіямъ, несмотря на несовершенство законовъ и на лихоимство законоисполнителей. Въ пустынныхъ и непромышленыхъ областяхъ исламизма, жители, при всемъ фанатизмѣ и невѣжествѣ, далеко не такъ восхищены своимъ національнымъ правительственнымъ порядкомъ. Они вопіютъ, и если позволяютъ обирать себя безъ сопротивленія, то единственно потому, что боятся увеличенія горя отъ новыхъ хищниковъ при перемѣнѣ существующаго порядка. Но, когда они освобождены Русскими или Англичанами отъ гнета своихъ природныхъ восточныхъ властей, привязанность къ правосуднымъ спасителямъ скоро и легко замѣняетъ у нихъ племенную и даже религіозную непріязнь къ Европейцу. У Китайцевъ этого не бываетъ; гдѣ бы ни находились, они встрѣчаютъ болѣе стѣсненій отъ европейской честности, обремененной законными формальностями, чѣмъ отъ

мандаринскаго сговорчиваго лихоимства, и вездѣ лакуютъ они только о своемъ несравненномъ поднебесьѣ.

Государственный доходъ Китая, по весьма подробному вычисленію, которое никто не усомнится признать самою любопытною и даже единственною, истинно важною частью новой книги, составляетъ до сорока четырехъ милліоновъ ланъ, то есть до 1,000,000 пудовъ серебра, или около 150,000,000 рублей. Сюда не входятъ разные акцизные сборы деньгами и вещами. Положимъ, что эти сборы, надвѣсъ или обвѣсъ въ пользу казны и мандариновъ и взятки при взысканіи податей, простираются на такую же сумму. Все составитъ не болѣе 500,000,000 рублей серебромъ, что, при 400,000,000 душъ народонаселенія, дастъ по 1 рублю 25 копѣекъ на душу. Общій итогъ взятокъ мы оцѣнили въ 25 копѣекъ съ души. Считая широко, Китаецъ, въ общей сложности, платитъ въ годъ не болѣе полутора рубля. Это невообразимо мало. Во Франціи съ каждаго человѣка приходится въ пользу казны болѣе 10 цѣлковыхъ, въ Англіи до 20.

Но мы слишкомъ щедры къ мандаринамъ. Зачѣмъ беремъ мы для нихъ по 25 копѣекъ съ души? Развѣ они не довольны тѣмъ, что крадутъ у богдохана? Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій, авторъ нашъ, защищая ихъ удивительную умѣренность, показывалъ, по оффиціяльнымъ свѣденіямъ, что «самые честные» между ними, именно мандарины Желтой Рѣки, изъ отпускаемыхъ имъ на казенныя издержки денегъ удержи-

ваютъ въ карманѣ своемъ *только* семьдесятъ
центовъ. Мы согласимся даже, чтобы, въ о
сложности, честные и нечестные удерживали
ко пятьдесятъ процентовъ. Если полный гос
ственный доходъ, съ акцизами и обвѣсами,
стирается до 400,000,000 рублей серебромъ
нихъ *только* 200,000,000 остается въ рукахъ
саждателей Великаго Корня, такъ вѣдь э
10,000 человѣкъ мандариновъ, представит
20,000 рублей серебромъ въ годъ для ка
Еще по 10,000 рублей серебромъ вольными
ками: итого, годовой доходъ каждаго манд
малаго и великаго, былъ бы, кромѣ жало
30,000 рублей. Этого для нихъ слишкомъ
Ни въ какомъ случаѣ нельзя считать болѣе
го цѣлковаго пожертвованіе въ пользу го
ства на долю одного Китайца. Какая ничт
тяжесть для такого трудолюбиваго и пром
наго племени!....

Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы п
жить автору одинъ вопросъ, котораго сам
не предлагаетъ себѣ — и напрасно! — а и
на какихъ данныхъ основано вычисленіе
356,000,000 китайскаго народонаселенія п
чалѣ нынѣшняго столѣтія, умножившихся в
весьма естественно, до 400,000,000?

Мы такъ привыкли вѣрить на-слово знам
му нашему синологу, что донынѣ никому из
и въ голову не приходило оспаривать основ
ность его показанія, заимствованнаго, по сл
его, изъ оффиціяльной статистики Китая. Н
насъ—мы ему вѣримъ совершенно—но для

ку и ясности дѣла пора бы представить свѣту подробный разсчетъ населенности китайскихъ городовъ и уѣздовъ, каковъ представилъ покойный Моррисонъ, тоже великій синологъ, большой и общеуважаемый знатокъ китайщины. Мы не можемъ наконецъ, при столь быстро возрастающемъ количествѣ книгъ отца Іакинѳа о Китаѣ, умолчать о томъ странномъ обстоятельствѣ, что Моррисонъ, пользовавшійся въ 1817 году оффиціяльнымъ твореніемъ китайскаго правительства, весьма извѣстною нашему автору статистикою *Дацинъ-и-тунджи*, а именно изданіемъ, принадлежащимъ исходу прошедшаго столѣтія и послѣднимъ годамъ Цянлуна, находитъ народонаселенія, въ собственномъ Китаѣ, только 143,000,000, а съ войскомъ и лодочными жителями около 150,000,000. Грозіе, правда, имѣлъ въ рукахъ своихъ другой источникъ, который онъ называетъ *Джунъ минъшу*, «Счисленіемъ народа», и по которому народонаселеніе Китая выходило гораздо значительнѣе. Синологи, бывшіе при англійскомъ посольствѣ, въ 1798 году, показывали съ своей стороны до 250,000,000, также по оффиціяльнымъ документамъ. Моррисонъ сознается, что онъ не знаетъ, на чемъ основано это вычисленіе, и что въ Кантонѣ самые ученые авторитеты не могли объяснить ему, откуда оно почерпнуто. Самымъ достовѣрнымъ руководствомъ на этотъ случай онъ полагаетъ оффиціяльную статистику, о которой мы сейчасъ говорили.

Свидѣтельство незабвеннаго англійскаго ученаго такъ уважительно въ глазахъ европейской критики, что вмѣсто многихъ нежданныхъ для науки

конечно, не вѣроятно, такъ и тогда уже всѣ несправедливости блюстителей Великаго Корня обошлись бы народу въ четвертакъ на брата. При ничтожности китайскихъ законныхъ податей, эта незаконная, но тѣмъ неменѣе дѣйствительная, подать—болѣе чѣмъ ничтожество, не говоря уже о томъ, что одинъ представитель закона не можетъ стѣснить сорока тысячъ человѣкъ его формами, какъ бы формы эти ни были взыскательны: и онъ, и законъ, и формы, исчезаютъ въ этой толпѣ, непринужденно руководствующейся заученными съ дѣтства церемоніями. Вотъ гдѣ—тайна китайскаго благоденствія и романической привязанности сыновъ Поднебесья къ своимъ старинымъ учрежденіямъ, несмотря на несовершенство законовъ и на лихоимство законоисполнителей. Въ пустынныхъ и непромышленыхъ областяхъ исламизма, жители, при всемъ фанатизмѣ и невѣжествѣ, далеко не такъ восхищены своимъ національнымъ правительственнымъ порядкомъ. Они вопіютъ, и если позволяютъ обирать себя безъ сопротивленія, то единственно потому, что боятся увеличенія горя отъ новыхъ хищниковъ при перемѣнѣ существующаго порядка. Но, когда они освобождены Русскими или Англичанами отъ гнета своихъ природныхъ восточныхъ властей, привязанность къ правосуднымъ спасителямъ скоро и легко замѣняетъ у нихъ племенную и даже религіозную непріязнь къ Европейцу. У Китайцевъ этого не бываетъ; гдѣ бы ни находились, они встрѣчаютъ болѣе стѣсненій отъ европейской честности, обремененной законными формальностями, чѣмъ отъ

мандаринскаго сговорчиваго лихоимства, и вездѣ алкуютъ они только о своемъ несравненномъ Поднебесьѣ.

Государственный доходъ Китая, по весьма подробному вычисленію, которое никто не усомнится признать самою любопытною и даже единственною, истинно важною частью новой книги, составляетъ до сорока четырехъ милліоновъ ланъ, то есть до 1,000,000 пудовъ серебра, или около 250.000,000 рублей. Сюда не входятъ разные акцизные сборы деньгами и вещами. Положимъ, что эти сборы, надвѣсъ или обвѣсъ въ пользу казны и мандариновъ и взятки при взысканіи податей, простираются на такую же сумму. Все составитъ не болѣе 500,000,000 рублей серебромъ, что, при 400,000,000 душъ народонаселенія, дастъ по 1 рублю 25 копѣекъ на душу. Общій итогъ взятокъ мы оцѣнили въ 25 копѣекъ съ души. Считая широко, Китаецъ, въ общей сложности, платитъ въ годъ не болѣе полутора рубля. Это невообразимо мало. Во Франціи съ каждаго человѣка приходится въ пользу казны болѣе 10 цѣлковыхъ, въ Англіи до 20.

Но мы слишкомъ щедры къ мандаринамъ. Зачѣмъ беремъ мы для нихъ по 25 копѣекъ съ души? Развѣ они не довольны тѣмъ, что крадутъ у богдохана? Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій, авторъ нашъ, защищая ихъ удивительную умѣренность, показывалъ, по оффиціальнымъ вѣдѣніямъ, что «самые честные» между ними, именно мандарины Желтой Рѣки, изъ отпускаемыхъ имъ *на казенныя* издержки денегъ удержи-

ваютъ въ карманѣ своемъ *только* семьдесятъ
центовъ. Мы согласимся даже, чтобы, въ о
сложности, честные и нечестные удерживали
ко пятьдесятъ процентовъ. Если полный гос
ственный доходъ, съ акцизами и обвѣсами,
стирается до 400,000,000 рублей серебромъ
нихъ *только* 200,000,000 остается въ рукахъ
саждателей Великаго Корня, такъ вѣдь эт
10,000 человѣкъ мандариновъ, представитъ
20,000 рублей серебромъ въ годъ для каж
Еще по 10,000 рублей серебромъ вольными
ками: итого, годовой доходъ каждаго манда
малаго и великаго, былъ бы, кромѣ жалов
30,000 рублей. Этого для нихъ слишкомъ м
Ни въ какомъ случаѣ нельзя считать болѣе
го цѣлковаго пожертвованіе въ пользу гос
ства на долю одного Китайца. Какая ничто
тяжесть для такого трудолюбиваго и промы
наго племени!...

Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы пр
жить автору одинъ вопросъ, котораго самъ
не предлагаетъ себѣ — и напрасно! — а им
на какихъ данныхъ основано вычисленіе е
356,000,000 китайскаго народонаселенія пр
чалѣ нынѣшняго столѣтія, умножившихся н
весьма естественно, до 400,000,000?

Мы такъ привыкли вѣрить на-слово знаме
му нашему синологу, что донынѣ никому изъ
и въ голову не приходило оспаривать основа
ность его показанія, заимствованнаго, по сло
его, изъ оффиціяльной статистики Китая. Не
насъ—мы ему вѣримъ совершенно—но для

ту и ясности дѣла пора бы представить свѣту подробный разсчетъ населенности китайскихъ городовъ и уѣздовъ, каковъ представилъ покойный Моррисонъ, тоже великій синологъ, большой и общеуважаемый знатокъ китайщины. Мы не можемъ наконецъ, при столь быстро возрастающемъ количествѣ книгъ отца Іакинѳа о Китаѣ, умолчать о томъ странномъ обстоятельствѣ, что Моррисонъ, пользовавшійся въ 1817 году оффиціяльнымъ твореніемъ китайскаго правительства, весьма извѣстною нашему автору статистикою *Дацинъ-и-тунджи*, и именно изданіемъ, принадлежащимъ исходу прошедшаго столѣтія и послѣднимъ годамъ Цянлуна, находитъ народонаселенія, въ собственномъ Китаѣ, только 143,000,000, а съ войскомъ и лодочными жителями около 150,000,000. Грозіе, правда, имѣлъ въ рукахъ своихъ другой источникъ, который онъ называетъ *Джунъ минъшу*, «Счисленіемъ народа», и по которому народонаселеніе Китая выходило гораздо значительнѣе. Синологи, бывшіе при англійскомъ посольствѣ, въ 1798 году, показывали съ своей стороны до 250,000,000, также по оффиціяльнымъ документамъ. Моррисонъ сознается, что онъ не знаетъ, на чемъ основано это вычисленіе, и что въ Кантонѣ самые ученые авторитеты не могли объяснить ему, откуда оно почерпнуто. Самымъ достовѣрнымъ руководствомъ на этотъ случай онъ полагаетъ оффиціяльную статистику, о которой мы сейчасъ говорили.

Свидѣтельство незабвеннаго англійскаго ученаго такъ уважительно въ глазахъ европейской критики, что вмѣсто многихъ нежданныхъ для науки

вопросовъ и разразительныхъ для читателя отвѣтовъ, которыми нашъ авторъ обременилъ себя въ этихъ четырехъ томахъ, несравненно полезнѣе было бы, кажется, разсмотрѣть и рѣшить какъ слѣдуетъ чрезвычайно важный и донынѣ весьма темный вопросъ о настоящемъ народонаселеніи Китая. Мы безпрекословно готовы вѣрить, что документы, на которые онъ опирается—самые вѣрные изъ всѣхъ, но, послѣ Моррисона, надобно доказать это, и доказать неоспоримо—надо критически сравнить источники его, Грозіе и англійскаго посольства — надо ясными доводами обнаружить ихъ неточность и утвердить подлинность тѣхъ, которымъ дано предпочтеніе—надо наконецъ, подобно ему, дать подробную выписку изъ этихъ документовъ, признаваемыхъ за самые непреложные, съ показаніемъ числа душъ въ каждомъ городѣ и въ его уѣздѣ. Тогда только, но не прежде, задача будетъ рѣшена окончательно и для всѣхъ равно. Трудъ такой совершенно достоинъ ученой заботливости отличнѣйшаго русскаго синолога, и мы не скроемъ отъ него, что пока онъ этого не сдѣлаетъ, повторительныя показанія его о 350,000,000 и 400,000,000 жителей въ Китаѣ останутся законною истиною только передъ лицомъ личной нашей довѣренности, которой въ Европѣ послѣдуютъ вѣроятно немногіе—можетъ-статься и никто!...

Должно замѣтить, въ пользу документовъ нашего автора, что оффиціяльная статистика Китая, которою руководствовался Моррисонъ, показываетъ число жителей по «дверямъ вѣдомостямъ», *мынь-бай*, или доскамъ, вывѣшеннымъ на наруж-

ной двери дома, на которыхъ хозяинъ обязанъ, подъ тяжкимъ штрафомъ, отмѣчать имена и прованія всѣхъ живущихъ подъ его кровлей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и по которымъ десятники составляютъ свои списки. Эти «дверныя вѣдомости» часто бываютъ невѣрны. Люди зажиточные имѣютъ разныя уважительныя причины скрывать многочисленность своей дворни, какъ вывѣски богатства домовладѣльца—вѣрно потому, что *частная собственность такъ совершенно* обезпечена *китайскими законами*—и показываютъ у себя какъ-можно менѣе слугъ. Дѣло это слаживается прекрасно между ними и десятниками. Одни только бѣдняки, по признанію самого Моррисона, содержатъ «дверныя вѣдомости» съ примѣрнымъ правдолюбіемъ: законъ китайскій для нихъ неумолимъ: они это знаютъ, и не хотятъ имѣть никакого непріятнаго случая съ десятниками. Слѣдственно, народонаселеніе должно на-дѣлѣ быть значительнѣе того, которое представляетъ оффиціяльная статистика. Но *несравненно* значительнѣе оно не можетъ быть по этой одной причинѣ: людей богатыхъ повсюду очень немного, гораздо менѣе нежели какъ обыкновенно полагаютъ. Много, если такимъ образомъ скроютъ милліоновъ десять въ цѣломъ государствѣ. И то сказать—что какъ всѣ вообще китайскія народныя переписи сочиняются по «дверным вѣдомостямъ», то трудно предположить, чтобы десятники сдѣлали исключеніе изъ своихъ завѣтныхъ правилъ въ угоду тѣмъ документамъ, которые, противорѣча оффиціяльной статистикѣ, обнаруживаютъ народонаселеніе болѣе чѣмъ вдвое

вопросовъ и разразительныхъ для читателя
товъ, которыми нашъ авторъ обременилъ се
этихъ четырехъ томахъ, несравненно полезнѣ
ло бы, кажется, разсмотрѣть и рѣшить какъ
дуетъ чрезвычайно важный и донынѣ весьм
ный вопросъ о настоящемъ народонаселеніи
тая. Мы безпрекословно готовы вѣрить, что
менты, на которые онъ опирается—самые вѣ
изъ всѣхъ, но, послѣ Моррисона, надобно
зать это, и доказать неоспоримо—надо кри
ски сравнить источники его, Грозіе и англій
посольства — надо ясными доводами обнар
ихъ неточность и утвердить подлинность
которымъ дано предпочтеніе—надо наконец
добно ему, дать подробную выписку изъ
документовъ, признаваемыхъ за самые непр
ные, съ показаніемъ числа душъ въ каждо
родѣ и въ его уѣздѣ. Тогда только, но не пр
задача будетъ рѣшена окончательно и для
равно. Трудъ такой совершенно достоинъ у
заботливости отличнѣйшаго русскаго синол
мы не скроемъ отъ него, что пока онъ этого н
лаетъ, повторительныя показанія его о 350,0
и 400,000,000 жителей въ Китаѣ останутся
ною истиною только передъ лицомъ личной
довѣренности, которой въ Европѣ послѣдую
роятно немногіе—можетъ-статься и никто!..

Должно замѣтить, въ пользу документовъ
го автора, что оффиціяльная статистика К
которою руководствовался Моррисонъ, по
ваетъ число жителей по «дверямъ вѣдомост
мынь-бай, или доскамъ, вывѣшеннымъ на н

ной двери дома, на которыхъ хозяинъ обязанъ, подъ тяжкимъ штрафомъ, отмѣчать имена и прозванія всѣхъ живущихъ подъ его кровлей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и по которымъ десятники составляютъ свои списки. Эти «дверныя вѣдомости» часто бываютъ невѣрны. Люди зажиточные имѣютъ разныя уважительныя причины скрывать многочисленность своей дворни, какъ вывѣски богатства домовладѣльца—вѣрно потому, что *частная собственность такъ совершенно* обезпечена *китайскими законами*—и показываютъ у себя какъ-можно менѣе слугъ. Дѣло это слаживается прекрасно между ними и десятниками. Одни только бѣдняки, по признанію самого Моррисона, содержатъ «дверныя вѣдомости» съ примѣрнымъ правдолюбіемъ: законъ китайскій для нихъ неумолимъ: они это знаютъ, и не хотятъ имѣть никакого непріятнаго случая съ десятниками. Слѣдственно, народонаселеніе должно на-дѣлѣ быть значительнѣе того, которое представляетъ оффиціяльная статистика. Но *несравненно* значительнѣе оно не можетъ быть по этой одной причинѣ: людей богатыхъ повсюду очень немного, гораздо менѣе нежели какъ обыкновенно полагаютъ. Много, если такимъ образомъ скроютъ милліоновъ десять въ цѣломъ государствѣ. И то сказать—что какъ всѣ вообще китайскія народныя переписи сочиняются по «дверным ъ вѣдомостямъ», то трудно предположить, чтобы десятники сдѣлали исключеніе изъ своихъ завѣтныхъ правилъ въ угоду тѣмъ документамъ, которые, противорѣча оффиціяльной статистикѣ, обнаруживаютъ народонаселеніе болѣе чѣмъ вдвое

многочисленнѣе противъ ея итоговъ, и которымъ слѣдуетъ нашъ авторъ. Множество другихъ столько же сомнительныхъ обстоятельствъ связаны съ тѣмъ же вопросомъ: излагать ихъ было бы безполезно: должно надѣяться, что ученый нашъ синологъ, для чести Китая и для пользы всеобщей статистики, приведетъ все это въ совершенную ясность, и вычисленіямъ своимъ, донынѣ слишкомъ неположительнымъ для читателя, придастъ ту неоспоримость, которой требуетъ наука.

Мы почти никогда не имѣемъ счастія быть согласными съ нимъ въ мнѣніяхъ—именно, только въ мнѣніяхъ, въ выводахъ, въ воззрѣніяхъ, а не въ фактахъ: но, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о положительныхъ свѣденіяхъ, мы всегда преклонялись съ полнымъ уваженіемъ передъ его безконечною китайскою эрудиціей, и всегда будетъ намъ пріятно указать на ихъ новость и важность для историческихъ наукъ. Нынче, насчетъ мнѣній или воззрѣній, мы съ нимъ еще въ большемъ разладѣ чѣмъ когда-либо: онъ хочетъ показать намъ въ Китаѣ настоящую Европу, а мы, по его же книгѣ видимъ въ этомъ благословенномъ Китаѣ еще болѣе чѣмъ настоящую Азію—Азію преувеличенную—самую азіятскую Азію, какую только можно себѣ представить европейскимъ воображеніемъ. Конечно, многое въ этомъ разногласіи нашемъ зависитъ отъ того, какъ онъ понимаетъ Европу и какъ мы понимаемъ Азію, но, какъ бы ни было, тѣмъ, чего доселѣ мы коснулись, нельзя кончить пренія. Оно интересно. Оно требуетъ развитія, по которому читатели могли бы разсудить между на-

ки, сдѣлать заключеніе и приговоръ по дѣлу. Продолженіе необходимо тѣмъ болѣе, что мы вовсе не коснѣемъ въ заблужденіи насчетъ цѣли книги. Авторъ, мы это видимъ и знаемъ, принялъ методу вопросовъ и отвѣтовъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы аформически, безотвѣтно, уничтожить всѣ дѣланныя ему возраженія, предупредить всѣ еще могущія возникнуть сомнѣнія, и доставить окончательно торжество понятіямъ своимъ о высокой образованности Китая, нравственной и политической. Мы, съ своей стороны, смѣемъ думать, что этою книгою онъ именно докончилъ Китай, которому, послѣ ея вопросовъ и отвѣтовъ, уже не встать — а погибнуть горькой Азіей — во мнѣніи Европы. Чѣмъ и доказывается, что книга должна быть чрезвычайно любопытна, и по способу изложенія, и по содержащимся въ ней фактамъ, когда она неизбѣжно приводитъ къ заключенію, діаметрально противоположному основной мысли писателя! Вы увидите, какъ она любопытна.

Мы сказали о незначительности податей и налоговъ въ Китаѣ, которые, на 400,000,000 народонаселенія, съ акцизами, надвѣсами или правильнѣе — обвѣсами, съ пошлинами, штрафами и взятками, не превосходятъ 400,000,000 рублей серебромъ. Это — почти государственный доходъ Франціи, страны бѣдной, мелкособственной и трудолюбивой какъ и Китай, но въ которой число жителей почти въ двѣнадцать разъ менѣе китайскаго. Франція, въ самомъ дѣлѣ, во многихъ отношеніяхъ, по образу раздѣленія собственности, по *мелочному характеру* промышленности и торгов-

ли, по корыстолюбію, тонкости и способностямъ жителей, представляетъ большія аналогіи съ этимъ государствомъ, но съ разницею чрезвычайно выгодною для Китая по важной статьѣ земледѣлія, которое, въ Китаѣ — превосходнѣйшее въ мірѣ, а во Франціи — едва-ли не самое плохое въ Европѣ. Допустивъ всѣ эти сходства и эти разницы, по надлежащемъ сравненіи, государственный доходъ Китая долженъ бы, по меньшей мѣрѣ, быть въ десять или въ двѣнадцать разъ значительнѣе государственнаго дохода Франціи и простираться за 4,000,000,000 рублей серебромъ. Между-тѣмъ онъ, собственно, со всѣми акцизами и обвѣсами, не превышаетъ 400,000,000, и изъ этой еще суммы двѣ трети постоянно бываютъ расхищаемы мандаринами, а всѣ нужды огромнаго государства удовлетворяются какою-нибудь сотнею милліоновъ. Это ужъ совершенно по-азіятски; европейскаго здѣсь ничего не видно. Въ Европѣ, на Западѣ, фискальность велика, подати огромны, это правда: но зато и доходы государствъ необыкновенно значительны, а какъ всѣ эти доходы издерживаются правительствами на пользу самихъ же жителей, на ихъ просвѣщеніе, образованіе, удобства и выгоды, на обезпеченіе имъ правосудія и безопасности, на содержаніе дорогъ, каналовъ, гаваней, доковъ, шлюзовъ, на распространеніе торговли, на оживленіе ремесленной и мануфактурной промышленности примѣромъ, образцами, льготами и заказами различныхъ поставокъ, то это значитъ, что чѣмъ больше доходъ казны, тѣмъ больше пользы для государства

громность налоговъ, какъ-скоро жители въ состояніи уплачивать ихъ, отнюдь не показываетъ гнетенія, а напротивъ показываетъ богатство страны, и полезно тѣмъ, въ нравственномъ отношеніи, что оно же побуждаетъ жителей къ трудолюбію, экономіи, предпріимчивости. Лѣнь, эгоизмъ, невѣжество, могутъ негодовать на высокіе налоги и мечтать о способахъ уменьшенія ихъ, но тѣмъ не менѣе высокіе налоги — первый признакъ и сильнѣйшій рычагъ успѣховъ во всѣхъ родахъ образованности и промышлености. Уничтожьте всѣ налоги, всѣ общественныя нужды, и никто не станетъ трудиться *свыше* личной потребности, никто не будетъ промышлять, затѣвать, отличаться, и общество погрузится въ варварство. Чѣмъ выше налоги и чѣмъ легче они уплачиваются, тѣмъ богаче, образованнѣе и сильнѣе государство. Высокіе налоги даютъ правительствамъ средства быть безконечно благодѣтельными, сильными безъ несправедливости, дѣятельными безъ стѣсненія для подданныхъ, и становятся цѣлью ихъ всеобъемлющей попечительности. Гдѣ государственный доходъ—такой ничтожный какъ въ Китаѣ, тамъ уже ничего европейскаго быть не можетъ, потому что въ Европѣ хорошее происходитъ именно изъ огромности государственныхъ доходовъ и расходовъ, изъ необходимости для жителей удовлетворять ихъ, и изъ необходимости для прозорливой власти поощрять всѣми стредствами ихъ просвѣщеніе, промышленость, торговлю, собственность, дѣятельность, длятого, чтобы они въ состояніи были быстро и легко удовлетворять. Скудость го-

сударственнаго дохода—коренной признакъ азіятства, мѣрило правительственнаго бездѣйствія на пользу страны, и Китай дотого—чистая Азія, что онъ соблюдаетъ, въ этомъ случаѣ, строгую пропорцію съ Турціей. По народонаселенію, Оттоманская Турція—двадцатая доля Китая, и государственный доходъ ея, тотъ, который былъ съ достовѣрностью извѣстенъ до Махмудовыхъ преобразованій — двадцатая доля китайскаго, именно, 20,000,000 рублей. Можетъ ли правительство съ такимъ доходомъ, быть благодѣтельно для страны, при самомъ лучшемъ желаніи съ его стороны?

Въ Европѣ все рѣшительно происходитъ отъ правительствъ, отъ многосложности нуждъ государственныхъ, и отъ огромныхъ расходовъ и доходовъ, которыхъ они требуютъ. Здѣсь начало всего добра и блага—отъ правительства. Въ Азіи напротивъ, отъ правительствъ—начало всего горя и зла, гнетъ, произволъ, грабежъ, разореніе. Тамъ все хорошее происходитъ прямо отъ самихъ жителей, отъ ихъ добраго нрава, трудолюбія и умственныхъ способностей. Правительства на пользу ихъ не дѣлаютъ ровно ничего, и лучшія изъ азіятскихъ правительствъ именно тѣ, которыя заботятся только о *выжатіи* (техническій азіятскій терминъ) своего скуднаго казеннаго дохода изъ *бѣдной пастви* (тоже техническій терминъ), а паствѣ этой предоставляютъ полную свободу промышленаго дѣйствія, по способностямъ и трудолюбію каждаго, не стѣсняя ихъ никакими уложеніями ни правилами. Въ этомъ отношеніи, китайское правительство, безспорно — самое лучшее изъ всѣхъ азіятскихъ

о, можно сказать, неподражаемо, единственно. но никому и ничему не мѣшаетъ — по самой тественной причинѣ — потому, что ничего не ѣлаетъ; потому, что, при ничтожности государственныхъ доходовъ, у него нѣтъ денегъ для содѣйствія, и оно не въ состояніи держать достаточнаго числа мандариновъ для помѣхи. Стѣсненія юрмами благочинія и фискальности быть не ожетъ тамъ, гдѣ на милліонъ жителей приходится всего человѣкъ двадцать блюстителей законовъ порядка, считая въ томъ числѣ «и сторожей присутственныхъ мѣстъ». За сотнею тысячъ дѣйствующихъ лицъ едва бываетъ одинъ смотритель ъ какою-нибудь властью!

Личная безопасность, честь и достояніе, обезпеченныя одною только малочисленностью притѣснителей и хищниковъ, благочиніе, предоставленное большею частью благонравію, церемонности и елигіознымъ чувствамъ самаго народа, правосудіе авыворотъ, безладица повсюду, публичныхъ обствъ никакихъ, но полная свобода торговли промышлености, полное право для каждаго ѣлать съ собою, съ своимъ умомъ, съ своими юсобностями что̀ угодно, никого не спрашиваясь, гдѣ не записываясь, не подвергаясь никакимъ видѣтельствамъ и видамъ, вотъ — Азія, со всею воей безладицей и всѣмъ житейскимъ волшебгвомъ!

Для большей ясности позволительно будетъ ести одинъ анекдотъ, изъ воспоминаній путешественника, не совсѣмъ чуждаго автору этихъ страницъ. Находясь однажды въ Константинополѣ,

онъ счелъ нужнымъ, послѣ страшнаго пожара, отправиться съ своимъ соболѣзнованіемъ и своими утѣшеніями къ одному европейскому семейству, которое въ ту ночь потеряло пять домовъ и все имущество отъ огня, подкинутаго мятежными янычарами въ знакъ неудовольствія своего къ визирямъ султана. Глава этого семейства былъ незначительный французскій негоціантъ. Посѣтитель его былъ очень молодъ и судилъ о странѣ по понятіямъ политической экономіи, привезеннымъ съ собою изъ Европы. «Я, право, не понимаю», сказалъ молодой посѣтитель, втеченіи бесѣды, погорѣлому хозяину, который, къ удивленію его, вовсе не казался такъ страшно опечаленнымъ, какъ онъ предполагалъ: «не понимаю, какъ вы, съ ва«шимъ состояніемъ, можете жить въ этомъ ужас«номъ городѣ; каждый день на улицахъ — бунтъ, «каждую ночь — пожаръ; чума, тревоги, обманы, «отсутствіе правосудія, безпорядокъ....» Хозяинъ улыбнулся. — «До бунтовъ, неправосудія, безпо«рядковъ, обмановъ, мнѣ нужды нѣтъ, отвѣчалъ «онъ: по примѣру всѣхъ мирныхъ правовѣрныхъ, «я не вмѣшиваюсь въ политическія дѣла; наше «дѣло — сторона: таковъ здѣсь законъ мудрости, «тяжбъ ни съ кѣмъ не завожу; а въ обманъ по«возможности не вдамся: надо быть осторожнымъ; «и это не трудно, при небольшой сноровкѣ. Въ «заразительность чумы я не вѣрю, по общему «убѣжденію страны. А что касается до пожаровъ, «то позвольте мнѣ сказать вамъ по-турецки: *Ал«лахъ керимъ!*... Богъ щедръ!... Зачѣмъ же здѣсь «не жить? Что бѣды, если у васъ въ одну ночь

горитъ пять домовъ, когда вы въ одинъ мѣсяцъ можете нажить пять другихъ, новыхъ? Свобода промысла и торговли—великое дѣло! Мнѣ здѣсь никто и ничто не мѣшаетъ. Я могу предпринимать такіе обороты, какіе мнѣ кажутся самыми выгодными, не опасаясь встрѣтиться на пути съ тарифомъ, уложеніемъ, положеніемъ, ограниченіемъ, запрещеніемъ. Гдѣ я найду такую землю на нашемъ любезномъ Западѣ?... Въ моемъ отечествѣ? во Франціи?... слуга покорный! Тамъ всѣ мои лучшія соображенія затравятъ регламентами. Я жилъ и торговалъ во Франціи, бился какъ рыба объ ледъ, не добился до порядочнаго куска хлѣба. Переѣхалъ сюда, къ варварамъ—совсѣмъ другое дѣло, другое счастіе—съ тѣмъ же умомъ!... Опасно—спору нѣтъ, но зато же у восточныхъ и славятся мудрость змѣи и хитрость кошки: эти два качества здѣсь необходимы всякому и, съ ними, Востокъ—рай, повѣрьте мнѣ.»—Рай для хитрецовъ?—«Ну, да! Здѣсь всѣ.... хитрецы.»

Таковъ точно и Китай. Доказательство — собственныя слова автора, который повторительно въ разныхъ мѣстахъ книги утверждаетъ, что въ торговыхъ и ремесленныхъ сословіяхъ нѣтъ ни списковъ, ни гильдій, ни повинностей.... что каждый можетъ свободно заниматься чѣмъ и гдѣ ему угодно.... что нѣтъ ни паспортовъ, ни билетовъ, ни подорожныхъ.... что Китаецъ переселяется или предпринимаетъ промыселъ по своему усмотрѣнію, ни у кого не спрашиваясь, и не встрѣчая никакого замѣшательства... что на сырыя произведенія нѣтъ никакой пошлины; мануфактурныя издѣлія ниче-

го не платятъ; по дорогамъ, рѣкамъ и поля
какихъ сборовъ не существуетъ... запре
изъятія, ограниченія неизвѣстны; словомъ,
что̀ хочешь, иди куда глаза глядятъ, пром
какъ любо, наживай сколько душѣ угодно:
мандарину въ руки не попадайся — ограб
прибьетъ!... уничтожитъ!... а впрочемъ с
ростью кошки и мудростью змѣи какъ не уве
ся отъ мандарина!

Трудно было бы дать характеристику В
болѣе разительную и болѣе вѣрную какъ э
сужденіе цареградскаго погорѣлаго. В
здѣсь—весь на-лицо, съ своей неурядицей, с
ими пороками, бѣдствіями, ужасами и съ с
преимуществами. Преимущества эти, конечн
жительны. Они поразили и европейскихъ эк
стовъ: отсюда—школа такъ-называемой «с
ной торговли», которая, черезъ туманы в
парныхъ теорій, собственно добивается тол
того, чтобы соединить хорошее восточное съ
шимъ европейскимъ. Но возможно ли это,
эти два *хорошія* проистекаютъ изъ двухъ т
противоположныхъ началъ, каковы пассив
активное? бездѣйствіе и дѣйствіе? когда хо
восточное основано на ничтожности казе
доходовъ, на нищенствѣ, безсиліи и прину
номъ невмѣшательствѣ правительственной
въ жизнь народную, предоставленную добр
ному своему теченію, а хорошее европейск
виситъ именно отъ высокихъ налоговъ и бог
средствъ этой власти, дающихъ ей возмож
быть попечительною, дѣятельною, вездѣ п

твующею и вездѣ полезною? Они несогласимы Надо избрать то или другое. Но, при безпристратной оцѣнкѣ того и другаго хорошаго, нельзя же не признать, что наше европейское хорошее, хорошее положительное, въ тысячу разъ лучше, вѣрнѣе и благороднѣе азіятскаго хорошаго, отрицательнаго и страдательнаго.

Теперь мы можемъ дать понятіе о внутреннемъ устройствѣ китайской мануфактурной и торговой промышлености, придерживаясь по возможности выраженій автора. Оно любопытно.

Китай, какъ и вся Азія, производитъ по-мелочно. Въ Пекинѣ нѣтъ ни одной большой фабрики, да и другіе торговые города не славятся обширными фабричными заведеніями. Обширность мануфактуръ замѣняется множествомъ мелкихъ заведеній, а болѣе фабричная работа, особенно шелковыя издѣлія, отдаются мастеровымъ въ домы. Въ нѣкоторыхъ сложныхъ издѣліяхъ работа одной и той же вещи раздѣляется; въ производствѣ искусственныхъ цвѣтовъ одни рѣжутъ изъ травяной сердцевины листы, другіе составляютъ изъ нихъ цвѣты; крашеніе цвѣтовъ производится черезъ третьи руки. Работа роговыхъ фонарей, отъ мочки сайгачьихъ роговъ до послѣдней спайки частей въ одно цѣлое, проходитъ черезъ шесть рукъ. Китайцы не употребляютъ почти никакихъ природныхъ двигателей; даже водяныхъ мельницъ мало, а вѣтренныхъ и вовсе нѣтъ. Мелютъ муку и обдираютъ крупу въ жерновахъ, движимыхъ руками или скотомъ. О многосложныхъ машинахъ Китайцы и понятія не имѣютъ; и авторъ пола-

гаетъ, что, по чрезвычайному многолюдству
деніе европейскихъ машинъ можно считат
сбыточнымъ — какъ-будто машины, умнож
количество и роды производствъ, не треб
еще болѣе рукъ и не создавали еще болѣе
тій, чѣмъ ручная работа! Авторъ вѣроятн
тѣлъ сказать — *по многоневѣжеству* Китай
а не по *многолюдству*.

Числа непроизводящаго класса авторъ пр
зительно принимаетъ слѣдующія:

Гражданскихъ чиновниковъ съ штатными канцеляр служителями въ дѣйствительной службѣ до..	1
Ученыхъ, получившихъ степени.....	6
Учащихся, еще неполучившихъ ученыхъ степеней.....	2,50
Писцовъ, классъ извѣстный на Востокѣ подъ названіемъ *кятибовъ*, то-есть, вольнопрактикующихъ подъячихъ, которыхъ авторъ называетъ «заштатными» канцелярскими служителями.....	2,00
Безбрачнаго духовенства обѣихъ религій до....	
Китайскихъ войскъ и съ офицерами, то-есть, съ урядниками, до.....	6

Изъ чего слѣдовало бы, что въ Китаѣ, изъ
мужчинъ только 1 состоитъ подъ ружьемъ.
вѣстно, что во Франціи подъ ружьемъ наход
1 изъ 35 (не считая національныхъ страже
въ Пруссіи 1 изъ 25.

Изъ производящихъ, самый многочисле
классъ составляютъ земледѣльцы, за ними
говцы, ремесленники и фабриканты. Перед
комъ самый почтенный классъ — земледѣ
скій, но въ общемъ мнѣніи купечество пред

ъ аристократію. Народъ [illegible]
[illegible]андариновъ и простолюдиновъ, между кото-
и ученые образуютъ особенный классъ [illegible]
щійся разными привилегіями. *Благородныхъ*
Китаѣ нѣтъ, несмотря на всѣ увѣренія [illegible]
[illegible]ей: князья отъ роду царствующаго [illegible]
[illegible]утъ быть названы *дворянствомъ*; а [illegible]
[illegible]ы, люди жалованные грамматами на одно, [illegible]
три поколѣнія, классъ давно [illegible]
[illegible]токѣ и весьма немногочисленный [illegible]
простолюдины, только съ [illegible]
Простолюдины раздѣляются на [illegible]
[illegible]нопашцевъ, торговыхъ [illegible]
[illegible]овары живутъ по [illegible]
[illegible]тся вываркою [illegible]
[illegible]нѣ. Военнопашцы [illegible]
[illegible]мѣсту; но [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

шины наказываютъ денежною пенею. Къ такимъ общинамъ принадлежатъ въ Пекинѣ торгующіе хлопчато-бумажными издѣліями, жасминными цвѣтами; въ южномъ Китаѣ хозяева чайныхъ усадьбъ и вообще оптовые купцы. Поставленныхъ ста шинами цѣнъ покупатели понизить не могутъ. Такъ вотъ гдѣ настоящая китайская аристократія — купцы! Они держатъ все и всѣхъ въ своей власти. Они распорядители общественной фортуны, классъ, имѣющій свою внутреннюю организацію и руководствующійся духомъ сословія. Непонятно, какъ книга этого не примѣтила. Установленіе цѣнъ общинами простирается на извѣстное пространство, и мелочные торгаши не подходятъ подъ установленія, такъ, что оптовые купцы — настоящій господствующій классъ въ обществѣ. Но таковъ Востокъ и «Тысяча одной Ночи».

Правительство содержитъ три шелковыя фабрики, гдѣ работаютъ для двора разныя шелковыя ткани въ такомъ количествѣ, какое признано достаточнымъ для годоваго потребленія великаго хана и его царедворцевъ. Образцы дворцовыхъ тканей въ узорахъ перемѣняются черезъ каждые десять лѣтъ. Самыя лучшія шелковыя ткани работаются въ Ханъ-джоу-фу.

Каждый, исключая мандариновъ и ученыхъ, лично можетъ заниматься торговлею, не зная никакихъ повинностей. Только въ Пекинѣ содержатель лавки перваго разряда платитъ правительству ежегодно пять ланъ, а втораго разряда два съ половиною лана серебра; содержатели лавокъ третьяго разряда, мелочныхъ, ничего

платятъ. Этимъ налогомъ ограничивается сборъ съ пекинской торговли и деньги эти идутъ на содержаніе городовыхъ сторожей, которые обязаны въ сухое время ежедневно поливать большія и среднія улицы, а въ дождливое сгребать грязь на средину улицы, потомъ провяливать ее на солнцѣ и снова разравнивать по улицѣ.

Но есть общій во всемъ Китаѣ пошлинный сборъ съ особеннаго рода лавокъ, для которыхъ авторъ пріискалъ очень учтивое названіе *ссудныя лавки:* по его мнѣнію, онѣ *тамъ замѣняютъ казенные ссудные банки*, а по-нашему онѣ не что иное какъ извѣстныя на всемъ Востокѣ *лавки ростовщиковъ*. Желающій открыть *ссудную*, то есть, ростовщицкую лавку, лавку мошенничества и общественной безнравственности, потому что эти то лавки и торгуютъ государственными должностями, даютъ деньги на покупку мѣстъ [illegible] ки мандариновъ, и такъ далѣе [illegible] такое благородное [illegible] изъ *казенной палаты* [illegible] годно обязанъ [illegible] Юнь-нань и Гуй-джоу [illegible] чествахъ [illegible] пяти ланъ [illegible] по три, въ [illegible] серебра. [illegible] богатѣйшія [illegible] выхъ [illegible] сложныхъ [illegible] нѣтъ. Въ [illegible] наго [illegible]

ною торговлею; но Англичане, по послѣднему договору, освободились отъ стѣснительнаго посредничества этихъ маклеровъ. Вся иностранная торговля поручена была тамъ тринадцати маклерамъ, составившимъ родъ привилегированной компаніи подъ названіемъ *Гунъ-ханъ*, но каждый изъ тринадцати *ханистовъ* торговалъ на свой счетъ, отдѣльно отъ товарищей. Привилегія состояла въ томъ, что одни они имѣли право промѣнивать внутренніе товары на иностранные.

Въ Китаѣ, маклеръ — лицо посредствующее въ оптовомъ торгу между купцомъ и лавочникомъ, по какой-нибудь вѣтви торговли. Онъ избирается мѣстнымъ начальствомъ изъ капитальныхъ торговцевъ, съ поручительствомъ другихъ маклеровъ по той же торговлѣ, и получаетъ письменное свидѣтельство на должность. «Маклеръ, принимая отъ «пріѣзжихъ оптовыхъ торговцевъ товары для про«дажи, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ на себя обя«занность къ немедленной уплатѣ послѣ продажи; «въ случаѣ же неисправнаго платежа со стороны «покупщика, у маклера отбирается письменное сви«дѣтельство на три мѣсяца. Это есть срокъ, впро«долженіи котораго ежели уплата будетъ кон«чена, то свидѣтельство возвращается маклеру; «въ противномъ случаѣ, маклеръ обязанъ запла«тить. Ежели со стороны маклера сдѣланъ будетъ «какой-либо обманъ, то какъ у маклера, такъ и у «поручителей его, отбираются маклерскія свидѣ«тельства на срокъ, данный для уплаты. Ежели «маклеръ уплатитъ въ назначенный срокъ, то мак«лерскія свидѣтельства всѣмъ возвращаются; въ

«противномъ случаѣ, уплата доправляется съ мак-
«леровъ-поручителей. Ежели обманъ сдѣланъ бу-
«детъ покупщикомъ, то назначается ему срокъ
«для уплаты; а ежели онъ не въ состояніи упла-
«тить всего, то недостающее обязанъ доплатить
«маклеръ. Ежели самъ маклеръ воспользуется сум-
«мою, слѣдующею гостямъ, то назначается срокъ
«для описи и продажи имущества его на уплату;
«а чего недостанетъ, то обязаны доплатить макле-
«ра-поручители. Впрочемъ, ошибки и обманы со
«стороны маклеровъ весьма рѣдко случаются. Въ
«должность маклеровъ избираются пожизненно, и
«единожды избранный маклеръ можетъ быть уво-
«ленъ по старости, по болѣзни, или по разстрой-
«ству въ состояніи. Мѣсто его занимается новымъ
«маклеромъ. Маклерскія свидѣтельства, въ отно-
«шеніи къ пошлинѣ, ежегодно съ нихъ взимаемой,
«раздѣляются на три степени, высшую, среднюю,
«и низшую; а пошлина съ свидѣтельствъ, по от-
«ношенію къ мѣсту и предмету торговли, прости-
«рается отъ 1 до 150 рублей серебромъ. Число
«маклерскихъ свидѣтельствъ по всѣмъ городамъ,
«крѣпостямъ и торжкамъ, ограничено закономъ,
«и маклерское мѣсто можетъ быть прибавлено въ
«такомъ только случаѣ, если откроется гдѣ-нибудь
«новый торжокъ. Нынѣ во всемъ Китаѣ считает-
«ся 177,872 маклерскихъ мѣстъ.»

Изъ этого уже видно, какъ сильна аристократія оптовыхъ торговцевъ, какъ она обезпечила свои пользы, какую могучую дала себѣ организацію и какъ безцеремонно обратила богдоханское правительство въ орудіе защиты своихъ выгодъ

и безопасности своихъ оборотовъ. Еслибы авторъ не искалъ европейства во всемъ китайскомъ, эта примѣчательная особенность тамошняго общественнаго устройства не ускользнула бы отъ его вниманія, и онъ бы могъ насказать много любопытнаго о поднебесномъ haut-commerce, который всѣмъ владѣетъ посредствомъ денежки. Количество процентовъ, взимаемыхъ маклерами по каждой вѣтви торговли, зависитъ отъ взаимнаго условія между торгующими, и не опредѣлено законами. Каждый маклеръ есть оцѣнщикъ, уравнитель цѣнъ и смотритель за злоупотребленіями мелкихъ лавочниковъ по своей торговлѣ. Хлѣбные маклера смотрятъ за мѣрами, вѣсами и добротою хлѣба, для выгоды оптовыхъ барышниковъ.

Капиталистовъ между купечествомъ много; есть и милліонеры. Къ этому разряду принадлежатъ соляные откупщики; ростовщики, или по выраженію автора, тщательно скрашивающаго китайщину европейскими цвѣтками — *банкиры* (!), содержатели *ссудныхъ* лавокъ; хозяева магазиновъ съ шелковымъ товаромъ въ Пекинѣ и другихъ большихъ городахъ; чайные торговцы въ Кантонѣ, и такъ далѣе.

Эти ростовщики, бичъ и срамъ Азіи, наряженные *банкирами* въ книгѣ и покровительствуемые богдоханскою казною въ Китаѣ, стоютъ особеннаго вниманія. Съ одной стороны, они показываютъ рѣшительную систему книги, не раскрыть, а *прикрыть* Китай передъ читателемъ, неизвѣстно для какой пользы; съ другой, ту истину, что китайское правительство, слабое для добра, не со-

Встится ни малѣйше наносить вредъ промышленности и государству, какъ-скоро видитъ въ томъ личную свою выгоду. Еще яснѣе видно это изъ поведенія его относительно къ купеческому мореходству. Вмѣсто того чтобы устроить военный флотъ, для содержанія купеческаго въ безопасности и подчиненности, оно запретило торговое мореплаваніе!...

«Съ того времени, какъ мятежничій флотъ, въ началѣ нынѣшней династіи составившійся изъ китайскихъ купеческихъ кораблей, привелъ пекинскій дворъ въ большое безпокойство, *морское судоходство, даже рыболовное, стѣснено большими ограниченіями*. Въ Маньджуріи, покрытой дремучими лѣсами, дозволяется строить суда не длиннѣе тридцати двухъ футовъ, *съ одною мачтою и безъ палубы*. Въ губерніяхъ Джи-ли и Шаньдунъ строеніе судовъ и лодокъ совершенно запрещено. Далѣе на югъ, въ поморскихъ странахъ, купеческіе корабли дозволяется строить двухмачтовые, но передній, то-есть, носовый поперечный брусъ имѣть не длиннѣе восемнадцати футовъ. Поперечный брусъ означаетъ ширину судна, и судно, имѣющее поперечный брусъ въ восемьнадцать футовъ, должно имѣть девяносто футовъ длины. На кораблѣ, отходящемъ въ море съ товарами, дозволяется имѣть пушекъ не болѣе двухъ, ружей не болѣе восьми, тесаковъ и луковъ не болѣе десяти, пороху не болѣе тридцати гиновъ. Судохозяева обязаны и ружья и пушки брать съ казенныхъ заводовъ по билетамъ отъ мѣстнаго начальства. Каждый купеческій корабль, при отъѣздѣ въ море, долженъ представить по себѣ поручительство десяти другихъ судохозяевъ, которые подвергаются отвѣтственности за невозвращеніе отходящаго корабля. Всѣ эти предосторожности имѣютъ одну цѣль: чтобы не допустить южныхъ Китайцевъ составить изъ купеческихъ кораблей флотъ для содѣйствія инсургентамъ на сѣверѣ, гдѣ народное возстаніе противъ нынѣшнихъ завоевателей Китая почти чрезъ

ною торговлею; но Англичане, по послѣднему договору, освободились отъ стѣснительнаго посредничества этихъ маклеровъ. Вся иностранная торговля поручена была тамъ тринадцати маклерамъ, составившимъ родъ привилегированной компаніи подъ названіемъ *Гунъ-ханъ*, но каждый изъ тринадцати *ханистовъ* торговалъ на свой счетъ, отдѣльно отъ товарищей. Привилегія состояла въ томъ, что одни они имѣли право промѣнивать внутренніе товары на иностранные.

Въ Китаѣ, маклеръ — лицо посредствующее въ оптовомъ торгу между купцомъ и лавочникомъ, по какой-нибудь вѣтви торговли. Онъ избирается мѣстнымъ начальствомъ изъ капитальныхъ торговцевъ, съ поручительствомъ другихъ маклеровъ по той же торговлѣ, и получаетъ письменное свидѣтельство на должность. «Маклеръ, принимая отъ «пріѣзжихъ оптовыхъ торговцевъ товары для про«дажи, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ на себя обя«занность къ немедленной уплатѣ послѣ продажи; «въ случаѣ же неисправнаго платежа со стороны «покупщика, у маклера отбирается письменное сви«дѣтельство на три мѣсяца. Это есть срокъ, впро«долженіи котораго ежели уплата будетъ кон«чена, то свидѣтельство возвращается маклеру; «въ противномъ случаѣ, маклеръ обязанъ запла«тить. Ежели со стороны маклера сдѣланъ будетъ «какой-либо обманъ, то какъ у маклера, такъ и у «поручителей его, отбираются маклерскія свидѣ«тельства на срокъ, данный для уплаты. Ежели «маклеръ уплатитъ въ назначенный срокъ, то мак«лерскія свидѣтельства всѣмъ возвращаются; въ

«противномъ случаѣ, уплата доправляется съ мак-
«леровъ-поручителей. Ежели обманъ сдѣланъ бу-
«детъ покупщикомъ, то назначается ему срокъ
«для уплаты; а ежели онъ не въ состояніи упла-
«тить всего, то недостающее обязанъ доплатить
«маклеръ. Ежели самъ маклеръ воспользуется сум-
«мою, слѣдующею гостямъ, то назначается срокъ
«для описи и продажи имущества его на уплату;
«а чего недостанетъ, то обязаны доплатить макле-
«ра-поручители. Впрочемъ, ошибки и обманы со
«стороны маклеровъ весьма рѣдко случаются. Въ
«должность маклеровъ избираются пожизненно, и
«единожды избранный маклеръ можетъ быть уво-
«ленъ по старости, по болѣзни, или по разстрой-
«ству въ состояніи. Мѣсто его занимается новымъ
«маклеромъ. Маклерскія свидѣтельства, въ отно-
«шеніи къ пошлинѣ, ежегодно съ нихъ взимаемой,
«раздѣляются на три степени, высшую, среднюю,
«и низшую; а пошлина съ свидѣтельствъ, по от-
«ношенію къ мѣсту и предмету торговли, прости-
«рается отъ 1 до 150 рублей серебромъ. Число
«маклерскихъ свидѣтельствъ по всѣмъ городамъ,
«крѣпостямъ и торжкамъ, ограничено закономъ,
«и маклерское мѣсто можетъ быть прибавлено въ
«такомъ только случаѣ, если откроется гдѣ-нибудь
«новый торжокъ. Нынѣ во всемъ Китаѣ считает-
«ся 177,872 маклерскихъ мѣстъ.»

Изъ этого уже видно, какъ сильна аристократія оптовыхъ торговцевъ, какъ она обезпечила свои пользы, какую могучую дала себѣ организацію и какъ безцеремонно обратила богдоханское правительство въ орудіе защиты своихъ выгодъ

и безопасности своихъ оборотовъ. Еслибы авторъ не искалъ европейства во всемъ китайскомъ, эта примѣчательная особенность тамошняго общественнаго устройства не ускользнула бы отъ его вниманія, и онъ бы могъ насказать много любопытнаго о поднебесномъ haut-commerce, который всѣмъ владѣетъ посредствомъ денежки. Количество процентовъ, взимаемыхъ маклерами по каждой вѣтви торговли, зависитъ отъ взаимнаго условія между торгующими, и не опредѣлено законами. Каждый маклеръ есть оцѣнщикъ, уравнитель цѣнъ и смотритель за злоупотребленіями мелкихъ лавочниковъ по своей торговлѣ. Хлѣбные маклера смотрятъ за мѣрами, вѣсами и добротою хлѣба, для выгоды оптовыхъ барышниковъ.

Капиталистовъ между купечествомъ много; есть и милліонеры. Къ этому разряду принадлежатъ соляные откупщики; ростовщики, или по выраженію автора, тщательно скрашивающаго китайщину европейскими цвѣтками — *банкиры* (!), содержатели *ссудныхъ* лавокъ; хозяева магазиновъ съ шелковымъ товаромъ въ Пекинѣ и другихъ большихъ городахъ; чайные торговцы въ Кантонѣ, и такъ далѣе.

Эти ростовщики, бичъ и срамъ Азіи, наряженные *банкирами* въ книгѣ и покровительствуемые богдоханскою казною въ Китаѣ, стоютъ особеннаго вниманія. Съ одной стороны, они показываютъ рѣшительную систему книги, не раскрыть, а *прикрыть* Китай передъ читателемъ, неизвѣстно для какой пользы; съ другой, ту истину, что китайское правительство, слабое для добра, не со-

вѣстится ни малѣйше наносить вредъ промышленности и государству, какъ-скоро видитъ въ томъ личную свою выгоду. Еще яснѣе видно это изъ поведенія его относительно къ купеческому мореходству. Вмѣсто того чтобы устроить военный флотъ, для содержанія купеческаго въ безопасности и подчиненности, оно запретило торговое мореплаваніе!...

«Съ того времени, какъ мятежничій флотъ, въ началѣ нынѣшней династіи составившійся изъ китайскихъ купеческихъ кораблей, привелъ пекинскій дворъ въ большое безпокойство, *морское судоходство, даже рыболовное, стѣснено большими ограниченіями.* Въ Маньджуріи, покрытой дремучими лѣсами, дозволяется строить суда не длиннѣе тридцати двухъ футовъ, *съ одною мачтою и безъ палубы.* Въ губерніяхъ Джи-ли и Шаньдунъ строеніе судовъ и лодокъ совершенно запрещено. Далѣе на югъ, въ поморскихъ странахъ, купеческіе корабли дозволяется строить двухмачтовые, но передній, то-есть, носовый поперечный брусъ имѣть не длиннѣе восемнадцати футовъ. Поперечный брусъ означаетъ ширину судна, и судно, имѣющее поперечный брусъ въ восемьнадцать футовъ, должно имѣть девяносто футовъ длины. На кораблѣ, отходящемъ въ море съ товарами, дозволяется имѣть пушекъ не болѣе двухъ, ружей не болѣе восьми, тесаковъ и луковъ не болѣе десяти, пороху не болѣе тридцати гиновъ. Судохозяева обязаны и ружья и пушки брать съ казенныхъ заводовъ по билетамъ отъ мѣстнаго начальства. Каждый купеческій корабль, при отъѣздѣ въ море, долженъ представить по себѣ поручительство десяти другихъ судохозяевъ, которые подвергаются отвѣтственности за невозвращеніе отходящаго корабля. Всѣ эти предосторожности имѣютъ одну цѣль: чтобы не допустить южныхъ Китайцевъ составить изъ купеческихъ кораблей флотъ для содѣйствія инсургентамъ на сѣверѣ, гдѣ народное возстаніе противъ нынѣшнихъ завоевателей Китая почти чрезъ

каждыя двадцать лѣтъ возобновляется. Нынѣшнее правительство *морскою торговлею Китая пожертвовало собственной безопасности.* Закономъ опредѣлено только ежегодно отпускать въ Японію не болѣе тридцати кораблей, изъ которыхъ семь назначаются для привоза казенной мѣди, а шесть для купеческихъ товаровъ.»

И вотъ *государство, образованное не по азіятскимъ, а по европейскимъ понятіямъ!* Замѣчательно, что Турки, до греческой революціи, съ такимъ же европеизмомъ и съ тою же цѣлью стѣсняли всячески у своихъ подданныхъ купеческое мореходство, которое просвѣщенныя правительства поощряютъ всѣми мѣрами, но что, какъ въ Китаѣ такъ и въ Турціи, продажность чиновниковъ умѣла подъ-рукою уменьшить бѣду и обогащать государство на зло и вопреки и тому и другому правительству.

По заграничному привозу приходятъ въ Китай, изъ Европы, шерстяныя ткани въ разныхъ видахъ, карманные часы, зеркала и пушной товаръ, изъ Японіи красная мѣдь для правительства, фарфоровая и лаковая посуда и трепанги, съ острововъ Южнаго Океана рыба, говядина, рачьи шейки сушеныя, красное и черное дерево, слоновый зубъ, мушкатные орѣхи, арекъ, гуммигутъ, желтый воскъ, хлопчатая бумага, малакское олово, золото въ пескѣ, ласточкины гнѣзда, трепанги, черный горошчатый перецъ, изюмъ и виноградныя вина. Отвозные товары прежде были — чай и шелковыя издѣлія, но теперь въ Англію вывозятъ множество фарфоровой посуды, лаковыхъ издѣлій и разной китайщины. Прекраснѣйшій ки-

йскій фарфоръ, европейской формы, нынче въ
ндонѣ — за безцѣнокъ.

Въ отпускѣ товаровъ за-границу видны тѣ же
ры предосторожности или страха, которыя со-
юдаются при отпускѣ купеческихъ кораблей въ
ре: къ вывозу запрещены оружіе, селитра, сѣ-
горючая, мѣдь, желѣзо, воловьи рога, шелкъ,
елковичные черви, китайскіе законы, географія
географическія карты. На китайскомъ купече-
омъ кораблѣ, отходящемъ въ море, дозволено
пускать шелковыхъ тканей не болѣе тридцати
ехъ тюковъ, каждый во сто двадцать гиновъ,
шелку не болѣе тысячи двухъ сотъ гиновъ. Се-
бро строго запрещено къ вывозу, и внѣшняя
рговля поэтому производится одною мѣною то-
ровъ. Запрещеніе на ввозные товары ограни-
ивается однимъ иностраннымъ оружіемъ и опіу-
мъ.

Поведеніе манджурскаго правительства относи-
ельно къ серебру ознаменовано высшею степенью
щничества и невѣжества. Извѣстно, что въ Ки-
аѣ нѣтъ ни золотой ни серебряной монеты, и
го серебро въ слиткахъ, старинный русскій *рубль*,
веденный у насъ Монголами, замѣняетъ деньги.
еребро считаютъ на *ланы*, которые почти равны
ашему фунту. *Четверть* такого лана или фунта
еребра въ слиткѣ, по-татарски *рубь*, дала начало
аже и слову нашему *рубль*. Китайское правитель-
тво въ платежахъ податей требуетъ непремѣнно
истаго серебра въ слиткахъ, а само уплачиваетъ
алованье латунными жетонами, нанизанными на
итку, и неимѣющими почти никакого внутренняго

го достоинства. Жетоны эти, или *чохи*, авторъ нашъ преображаетъ въ *мѣдную монету*, тогда какъ это просто — латунныя ассигнаціи. Закономъ положено равнять ланъ чистаго серебра тысячѣ мѣдной монеты, и китайское правительство пользуется этимъ при выдачѣ войскамъ жалованья жетонами.

Бумажные, не *деньги*, а денежные ярлыки, находятся въ обращеніи въ каждомъ городѣ и даже въ каждомъ торговомъ мѣстечкѣ. Они выпускаются мѣнялами за ихъ печатью и ходятъ только въ томъ мѣстѣ, гдѣ существуютъ мѣняльныя лавки, давшія ихъ въ видѣ росписки въ принятіи слитковъ серебра для постепенной выдачи за него жетонами на расходы. Мѣнялы, по выдачѣ всѣхъ денегъ, написанныхъ въ ярлыкѣ, уничтожаютъ его. При минувшихъ двухъ династіяхъ Юань и Минъ правительство выпускало такіе же ярлыки въ видѣ кредитныхъ билетовъ, но настоящая династія отмѣнила ихъ. Въ ростовщицкихъ лавкахъ, называемыхъ авторомъ *банками*, ростовщикъ, по книгѣ *банкиръ*, даетъ также ярлыкъ для полученія суммы въ другомъ городѣ въ такой же лавкѣ (*банкъ!*), ему же принадлежащей, *а переводовъ на посторонніе банки* (!) *не бываетъ*. Это — обычай всего Востока. Существуютъ и заемные ярлыки, и заемныя письма. Такой вексель выдается магазиномъ, лавкою или лицомъ, съ приложеніемъ своей печати, и обезпечивается вѣрнымъ залогомъ, или поручительствомъ магазина или лавки болѣе надежныхъ. Проценты для частныхъ займовъ, по мнѣнію автора, *умѣренны*

«Въ Пекинѣ, на большую сумму *не болѣе одного, «на среднюю — двухъ процентовъ въ мѣсяцъ!* Впро- «чемъ какъ займы и ссуды дѣлаются на различ- «ныхъ условіяхъ, то и проценты, смотря по усло- «віямъ, различны. *Напримѣръ, занявшій 100, на «условіи съ слѣдующаго дня начать уплату ежед- «невно по 1, платитъ не болѣе полупроцента въ «мѣсяцъ, но только съ полной заемной суммы до «конца уплаты.* Правительство ссужаетъ частныхъ «людей за одинъ процентъ въ мѣсяцъ». Авторъ все это находитъ и скромнымъ и законнымъ!...

Серебро и жетоны, какъ ходячія монеты, при недостаткѣ въ томъ или другомъ, взаимно имѣютъ вліяніе на курсъ свой. Весною и осенью, при взносѣ поземельнаго оброка въ казну, курсъ на серебро поднимается во всемъ государствѣ; потому-что земледѣльцы за свои произведенія на рынкахъ получаютъ жетоны, а оброкъ обязаны вносить серебромъ. Въ Пекинѣ въ тотъ мѣсяцъ, когда жалованье войску выдается жетонами, курсъ на серебро также повышается; въ противныхъ случаяхъ — наоборотъ. Война съ Англіею возвысила курсъ на серебро пятидесятью процентами. Денежный курсъ — одна изъ регалій китайскаго высшаго купечества, одно изъ сильнѣйшихъ средствъ его самовластно обирать карманы Поднебесья по своему усмотрѣнію. Каждое значительное мѣсто имѣетъ свой курсъ на серебро; въ каждомъ мѣстѣ назначается онъ маклерами мѣняльнаго сословія. Всѣ эти маклера имѣютъ сборное мѣсто, гдѣ каждый изъ нихъ занимаетъ особливую комнату со столомъ и вѣсками. Мѣнялы

поутру приносятъ серебро, и, свѣсивъ, оставляютъ у нихъ. Повѣренные отъ лавокъ, въ то же время приходятъ къ маклерамъ объявить, кто сколько желаетъ вымѣнять серебра на жетоны, на дневной оборотъ, и уходятъ. Около десяти часовъ маклера, сообразивъ требованія серебра съ требованіемъ жетоновъ, установляютъ курсъ того дня. Около полудня повѣренные получаютъ отъ маклеровъ нужное имъ количество размѣнныхъ пластинокъ латуни и относятъ ихъ въ лавки. Все это дѣлается на слово, безъ росписокъ, какъ и повсюду на Востокѣ, гдѣ также мѣнялы, *саррафъ*, считаются коммерческими тузами и управляютъ торговлей. Въ южномъ Китаѣ ходятъ испанскіе піастры, но китайское правительство никогда не принимало ихъ въ казну; и нынче Англичане, для уплаты пошлины, переливаютъ европейскую серебряную монету въ слитки у китайскихъ литейщиковъ, которые за пробу серебра подлежатъ отвѣтственности. Кромѣ піастровъ, другой иностранной монеты не видно.

Серебро строго запрещено къ вывозу за-границу; золото слишкомъ дорого противъ европейской цѣны и рѣдко, и оно только въ издѣліяхъ вывозится. Количество прочихъ металловъ, извлекаемое изъ рудниковъ, едва достаточно для мѣстнаго потребленія. Жетоны не имѣютъ внутренняго достоинства, и никѣмъ не вывозятся. Переливать жетоны въ издѣлія нѣтъ никакой выгоды, но, вмѣсто переливанія, въ южномъ Китаѣ, отливаютъ жетоны вѣсомъ вполовину легче казенныхъ.

Изъ государственныхъ доходовъ, чего не расхитятъ мандарины, то обращается преимущественно на непосредственныя выгоды ихъ пріятелей, оптовыхъ торговцевъ. Отсюда единственно и происходитъ заботливость китайскаго правительства о водяныхъ сообщеніяхъ.

Западная половина и сѣверные предѣлы Китая переплетены кряжами горъ; усиливаясь таяніемъ снѣговъ и дождями, рѣки въ лѣтнее время заносятъ тамъ многія мѣста пескомъ, или прорываютъ плотины и разливаются по равнинамъ. При ежегодной починкѣ плотинъ и гатей, и прочищаніи руслъ, правительство значительныя работы исправляетъ само, а прочія, касающіяся болѣе выгодъ земледѣлія, возлагаетъ на мѣстныхъ жителей въ видѣ земской повинности. Малые каналы, особенно для орошенія полей, или для спуска излишнихъ водъ, поддерживаются мѣстными же жителями. Ежегодное прочищаніе Хлѣбнаго Канала и починка плотинъ Желтой Рѣки производятся правительствомъ. Въ 1843 году, починка прорванной плотины на Желтой Рѣкѣ стоила около 35,000,000 рублей серебромъ. Но авторъ вѣроятно ошибается въ этомъ итогѣ, на который можно было бы построить желѣзную дорогу черезъ весь Китай, или вырыть новую Желтую Рѣку, при дешевизнѣ наемной платы въ томъ краю. Правда, что *мандарины Желтой Рѣки, самые умѣренные изъ всѣхъ, удерживаютъ въ свою пользу* изъ расходныхъ суммъ *только семьдесятъ процентовъ:* по этому *умѣренному* разсчету починка плотины въ 1843 году стоила бы настоящимъ образомъ только

10,000,000 рублей серебромъ, но и эта сумма невѣроятна. Морскія плотины въ Дзянъ-нань и Джедзянъ, нѣкогда устроенныя для выгодъ земледѣлія, по обширности своей поддерживаются правительствомъ, но *только изъ хозяйственныхъ суммъ*. Проселочныя дороги съ мостами починиваются земскою повинностью, а большія правительствомъ. Малые перевозы содержаться частными людьми, а большіе правительствомъ. Работа по малымъ дорогамъ по побочнымъ каналамъ и рѣчнымъ берегамъ, производится вся наймомъ, подъ надзоромъ мандариновъ, а съ мѣстныхъ жителей, вмѣсто повинности натурою, собираютъ деньгами.

На ежегодныя починки плотинъ и прочищеніе рѣкъ и каналовъ въ большомъ размѣрѣ, исключая приморскихъ плотинъ, собирается особенный налогъ серебромъ въ тѣхъ намѣстничествахъ, гдѣ лежатъ эти водяныя сообщенія. Если этихъ сборовъ не достаточно, то заимствуютъ изъ государственныхъ доходовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на ежегодныя водяныя работы опредѣлены извѣстныя суммы; въ другихъ, гдѣ ничего не назначено, употребляютъ остатки отъ окладныхъ суммъ. Предохранительныя водяныя работы по рѣкамъ Янъ-дзы и Хань, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправляются на счетъ казны, а въ прочихъ на счетъ мѣстныхъ жителей. Починка мостовъ и исправленіе большихъ дорогъ производится по распоряженію намѣстниковъ.

«Хорошихъ дорогъ мало; даже большія дороги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно по глинистой почвѣ, въ дождливое время трудны для проѣзда. Только дороги, лежа-

«щія по твердому грунту и проложенныя чрезъ каменныя «горы, находятся въ хорошемъ состояніи. Торговыя сообщенія наиболѣе производятся водяными путями; и потому правительство болѣе обращаетъ вниманіе на прочищеніе каналовъ и починку плотинъ, нежели на исправленіе большихъ дорогъ. Въ южномъ Китаѣ почти не «знаютъ гужевой перевозки тяжестей.»

Продажа соли принадлежитъ правительству. Ежегодное потребленіе соли авторъ полагаетъ въ 96,000,000 пудъ. Изъ этого видно, что или контрабанда солью неимовѣрна, или соляные мандарины ужасно обкрадываютъ великаго хана, или народонаселеніе далеко не такъ значительно, какъ вычислилъ почтенный авторъ, потому-что менѣе тридцати фунтовъ соли въ годъ никакъ нельзя полагать круглымъ числомъ на человѣка, принявъ въ разсчетъ всѣ потребности и употребленія, въ которыя соль входитъ. Но не видно, впрочемъ, на чемъ итогъ этотъ основанъ и откуда онъ почерпнутъ. Ловля соболей и сборъ дорогаго корня жень-шень принадлежатъ дворцовому казначейству, въ извѣстномъ количествѣ. Соль китайская — выварная изъ морской воды и изъ соляныхъ ключей. Морская приготовляется по всему восточному берегу казенными соловарами, которые платятъ правительству подушное отъ шестидесяти до ста двадцати копѣекъ серебромъ и отъ пятнадцати до сорока фунтовъ соли съ души; сверхъ того, небольшую подать съ земли, на которой соль выварпваютъ, и акцизъ съ каждаго котла, въ которомъ соль приготовляется. Всю вываренную соль правительство беретъ себѣ по указной цѣнѣ. Откупщики платятъ казнѣ за билеты, по

которымъ получаютъ соль изъ казенныхъ магазиновъ, акцизъ за каждый куль соли и пошлину при проходѣ черезъ нѣкоторыя таможни. Соль должны они продавать въ извѣстныхъ мѣстахъ, не переступая межи, по цѣнѣ, утвержденной для каждаго мѣста. Вѣсы даются имъ отъ правительства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверѣ употребляютъ соль ископаемую и самосадку: за нее съ мѣстныхъ жителей собирается денежный оброкъ, причисленный къ поземельному сбору. Откупщики избираются произвольно, безъ торговъ, мандаринами, изъ богатѣйшихъ купцовъ: можно себѣ представить, какія злоупотребленія проистекаютъ отсюда. Но это показываетъ опять, какъ сильна купеческая аристократія, въ пользу которой правительство принуждено терпѣть такой убытокъ въ своихъ доходахъ. Для каждаго мѣста назначено извѣстное годовое количество соли, разумѣется по стачкѣ между богатѣйшими купцами и мандаринами.

Не имѣя почти внѣшней торговли, Китай, *государство образованное, не по азіятскимъ, а по европейскимъ понятіямъ*, долженъ былъ бы, кажется, не знать въ предѣлахъ своихъ таможенъ. Но, къ несчастію, и здѣсь, по этой капитальной статьѣ, мы встрѣчаемъ Востокъ въ полномъ смыслѣ и во всей силѣ. Государство прорѣзано *внутри* множествомъ произвольныхъ таможенныхъ чертъ, на которыхъ взимаютъ пошлину со всего, съ крайнимъ невѣжествомъ пользъ внутренней промышлености, съ варварскимъ безчувствіемъ къ народному и государственному благосостоянію.

Чѣмъ дальше идетъ вещь или издѣліе отъ мѣста произведенія или точки выхода своего, тѣмъ болѣе пошлина на нихъ вырастаетъ и, слѣдовательно, тѣмъ дороже они обходятся или становятся. Китай, въ этомъ отношеніи, даже перещеголялъ всю остальную Азію, гдѣ внутреннія линіи таможенъ преслѣдуютъ повторительными пошлинами только иностранные товары. Здѣсь, напротивъ, установлены пошлины со всего: 1) пошлины съ одѣянія; 2) пошлины съ съѣстныхъ вещей; 3) пошлины съ употребительныхъ вещей; 4) пошлины съ мелочныхъ вещей; 5) пошлины съ продажнаго скота; 6) пошлины съ мѣры купеческихъ кораблей и судовъ. Проѣзжій платитъ пошлину за все, что̀ при немъ есть, торговецъ со всѣхъ произведеній земли и промышлености.

Авторъ даетъ намъ подробные образчики тарифовъ разныхъ мѣстъ и списокъ таможенныхъ заставъ, изъ котораго оказывается, что государство угнетено не менѣе какъ двадцатью четырьмя внутренними таможенными линіями. Добро бы еще эти пошлины и эти стѣсненія свободнаго движенія доставляли значительный доходъ казнѣ на государственныя потребности и народныя выгоды; а то самое устройство таможенной части показываетъ, что все здѣсь обдумано и установлено для обогащенія мандариновъ, для угнетенія мелкихъ торгашей и частныхъ путешественниковъ, и для обезпеченія барышей богатаго купечества, передъ которымъ всѣ китайскіе законы покорно преклоняютъ голову. Читатели этой книги съ необыкновеннымъ трудомъ станутъ раздѣлять уди-

вленіе ученаго автора благоустройству и законодательной мудрости Поднебесья, узнавъ, что *на каждой таможнѣ есть свой тарифъ*, и что *таможеннымъ такого-то мѣста предписано собрать въ годъ пошлины столько-то*, съ предоставленіемъ ихъ произволу, съ кого брать, а съ кого не брать, въ случаѣ излишка, и сколько съ чего брать, въ случаѣ недочета, потому-что недоборъ они должны доплачивать изъ своего кармана; а съ мандаринами спорить невозможно: жалоба частнаго человѣка, нечиновнаго, на мандарина, никогда не находитъ себѣ ни правосудія ни покровительства, да и законы всѣ объ ябедѣ такъ написаны, чтобы отбить охоту у обиженныхъ къ подачѣ жалобъ и тяжбъ. Не говоря уже о недостаточности доказательствъ, которой оцѣнка предоставлена совершенно продажному мнѣнію судьи, всякое преувеличеніе обиды въ жалобѣ наказывается какъ самое взводимое преступленіе; кто писалъ или сочинялъ прошеніе, наказывается какъ соучастникъ этого преступленія; даже кто *разсуждалъ вслухъ* о чужой обидѣ, наказывается какъ *соумышленникъ*.

Мало того, что съ васъ, безвиннаго проѣзжаго— потому-что купца отъ не-купца отличить невозможно, особеннаго купеческаго сословія нѣтъ въ Китаѣ, и всякій, по мандаринскому произволенію, можетъ быть признанъ купцомъ, всякая вещь товаромъ — мало того, что съ васъ берутъ пошлину за что̀ хотятъ: на каждой таможнѣ вы должны еще купить себѣ ея *печатный мелкими буквами тарифъ* и заплатить за него полтинникъ серебромъ, такъ, что, проѣхавъ весь Китай, черезъ двадцать

линіи таможенъ, вы ничего при себѣ не
за одни тарифы заплатите двѣнадцать руб.
омъ, если не поладите съ мандаринами.
ъ ученаго автора на эти китайскія учре-
такъ любопытенъ, что мы должны при-
вопросъ и отвѣтъ его о благодѣтельныхъ
и слѣдствіяхъ поднебесной таможенной
ы.

ось. Пошлины взимаются ли просто для дохо-
государственныхъ, или *для поощренія промышленой области* передъ другою, внутренней противъ
й?

ѣтъ. Пошлины взимаются чисто для государствен-
ходовъ, и раздѣляются на положительныя и над-
ія, на прямыя и косвенныя. Положительными по-
и называются тѣ, которыя утверждены были при
чальномъ изданіи тарифа. Впослѣдствіи, по возвы-
ся на все цѣнамъ, и пошлины были возвышены,
еремѣною тарифа, а надбавкою. Сіи положительныя
авочныя пошлины должно назвать прямыми, по-
о составляютъ чистый государственный доходъ.
венными пошлинамъ причисляется: а) акцизный
ъ товаровъ, производимый въ нѣкоторыхъ горо-
содержаніе присутственныхъ мѣстъ (то есть, по
— въ пользу мандариновъ), или для прикрытія
ихъ общественныхъ издержекъ; напримѣръ въ гу-
ъ Дзянъ-Су, Аньхой, Дже-Дзянъ и Ху-Бэй произ-
на починку плотинъ; б) *сборъ пошлинъ съ одного
жа*, не касаясь товаровъ; в) береговой сборъ съ
; г) *сборъ съ риса и пшеницы водою привозимыхъ;*
ъ съ *крѣпостей и билетовъ на владѣніе судами*, и
ь съ судовыхъ *канатовъ*, и прочая. *Для предуп-
нія злоупотребленій въ таможняхъ, количество годо-
шлинъ и положительныхъ и надбавочныхъ опредѣ-
ономъ*. Предписывается только собрать нѣсколько
ротивъ опредѣленнаго, а недостатокъ *директоры*
заны пополнять собственными деньгами. *Прави-*

тельство наиболѣе поощряетъ производящую и частію обработывающую промышленость, а это *поощреніе* заключается *въ непосредственномъ надзорѣ* (!?!). Промѣнивающая промышленость находитъ себѣ *большое поощреніе въ свободѣ, которою пользуется внутренняя торговля въ Китаѣ.*»

Прекрасна свобода съ двадцатью четырмя линіями таможенъ и съ такими хищниками каковы мандарины!... Однакожъ, торговля и промышленость процвѣтаютъ и движутся свободно. Это — фактъ. Какъ?... Да такъ; потому-что мандариновъ сравнительно съ народонаселеніемъ очень мало, какъ для удержанія контрабанды, такъ и для *поощреній* (!) *непосредственнымъ надзоромъ*, и что, съ мудростью змѣи и хитростью кошки, при волшебномъ дѣйствіи взятки на восточныя сердца Востока даже и не примѣтно на Востокѣ и Китая нѣтъ въ Китаѣ.

И лучшимъ доказательствомъ этой истины служитъ ничтожность результата такого множества таможенныхъ линій, такой массы стѣсненій, такого богатаго рудника поводовъ къ придиркамъ. Весь таможенный сборъ вычисленъ авторомъ въ 4.000,000 ланъ серебра, что̀ представляетъ, по числу народонаселенія, едва шесть копѣекъ серебромъ съ души, и, въ общемъ бюджетѣ, едва одиннадцатую часть всего государственнаго дохода. И изъ шести копѣекъ столько хлопотъ! столько преградъ! столько неудобствъ!... Дальновидность Синяго Дракона совсѣмъ не велика. Для оцѣнки этихъ шести копѣекъ довольно вспомнить, что, во Франціи напримѣръ, казна взимаетъ, посредствомъ таможеннаго сбора до десяти фран-

хъ съ половиною рублей серебромъ) съ
ъ впрочемъ списокъ всѣхъ статей госу-
аго дохода Китая.

сборъ съ 25.926,667 душъ, записанныхъ въ
1711 году, простирается до 3.182.000 лан. сер.
й сборъ простирается до... 26.500,000 » »
ыварки и продажи соли..... 7.480.000 » »
ь товаровъ..... 3.848,000 » »
ыхъ именованій..... 2.300,000 » »
онъ до..... 4.100,000 мѣшков.

хлѣба оцѣнивается въ лянъ серебра: слѣдова-
гый государственный доходъ простирается до
янъ, что составляетъ около 1.000,000 пудъ
ь этотъ счетъ не входятъ разные акцизные
ыгами и вещами.»

аѣ, когда новая династія водворяется,
ѣтъ долгомъ издать и законы новые, съ
бы они были неизмѣнны и вѣчны; од-
неизмѣнные законы мало-по-малу измѣ-
осредствомъ дополнительныхъ постано-
даваемыхъ каждымъ богдоханомъ. На-
дати, по ученію китайской сапіенціи,
также быть постоянны и неизмѣнны.
ѣніи нынѣшней маньджурской династіи
го по-китайски значитъ *Чистые;* и ти-
ово *маньджу* значитъ тоже *Чистые;*
слова «Цинъ» и «Маньджу», составля-
ютъ одинъ другаго — при водвореніи
настоящей династіи Цинъ, подати и
ли также опредѣлены при первонаталь-
авленіи законовъ.

ствіи постепенное возвышеніе цѣнъ на все
еминуемой надбавки налоговъ, что по-време-
изводилось *подъ разными предлогами*, съ край-

нею осторожностью и умѣренностью, дабы не произвести неудовольствій въ народѣ, которому съ дѣтства въ учебникахъ твердятъ, что возвышеніе податей и налоговъ противно правиламъ мудраго правленія, и что Сынъ Неба какъ отецъ подданныхъ по сердоболію къ нимъ, долженъ употреблять государственные доходы съ крайнею бережливостью.»

Любопытны очень эти *предлоги* и средства этой *крайней осторожности*, придумываемыя Чистыми для возвышенія податей: напримѣръ, номинальное число наложенныхъ фунтовъ серебра остается всегда одно и то же и фунтъ вѣсомъ остается тотъ же. Какъ же взять болѣе того, что̀ однажды наложено? Очень просто: обвѣсить вносящаго подать! Это натуральное средство и употребляетъ казна великаго хана. Она безъ церемоніи *обвѣшиваетъ*. Но ученый авторъ, находя удовольствіе тщательно прикрывать всѣ маньджуро-китайскія дикости, утверждаетъ, что она только *надѣвываетъ*. Оно учтивѣе, но результатъ тотъ же: все-таки свѣсятъ серебро ваше и хлѣбъ вашъ такъ, чтобы изъ трехъ взыскиваемыхъ фунтовъ вышло настоящихъ четыре.

«Статьи государственныхъ доходовъ, бывъ единожды установлены при первоначальномъ составленіи законовъ, остаются неизмѣнными. Подати состоятъ въ подушномъ и поземельномъ окладѣ, двухъ, постоянныхъ источникахъ государственнаго дохода. Къ налогамъ принадлежатъ:

Надвѣсъ на окладные серебро и хлѣбъ;

Таможенныя пошлины;

Сборъ съ билетовъ на распродажу соли;

Сборъ съ билетовъ на распродажу чая;

Сборъ съ билетовъ, выдаваемыхъ на нѣкоторыя торговыя заведенія въ городахъ.

Сборъ съ билетовъ на пріискъ золота въ розсыпяхъ;

кцизный сборъ съ добываемыхъ металловъ;
кладной сборъ съ рыбныхъ ловель;
азныя мелочныя пошлины:
кцизный и пошлинный сборъ, производимый для по-
нтія мѣстныхъ общественныхъ расходовъ, какъ-то
ержаніе канцелярій при судебныхъ мѣстахъ, и проч.».

Авторъ полагаетъ, что богдоханская казна взи-
тъ не болѣе полутора рубля серебромъ съ де-
сины доходной земли въ видѣ поземельныхъ.
ѣнная цѣна земли и цѣна рабочаго дня не
ведены имъ въ извѣстность въ *государствен-*
мъ хозяйствѣ Китая, подъ тѣмъ предлогомъ,
о онѣ не вездѣ одинаковы. Но предлогъ этотъ
оправданіе Довольно было показать въ одномъ
стѣ цѣну дня работы, показавъ въ то же время
ну хлѣба, мяса, соли, дровъ, одежды въ этомъ
мѣстѣ: пропорція была бы извѣстна, а про-
рціи только и нужно знать въ *государственномъ*
зяйствѣ. Низшую цѣну земли авторъ находитъ
жкою, и въ примѣръ выставляетъ то, что въ
рестностяхъ Пекина платятъ въ годъ до 25
блей серебромъ за десятину хорошей земли.
го собственно значатъ здѣсь *окрестности* и что
этой десятинѣ разводится, этого нельзя знать.
окрестностяхъ Петербурга платятъ 150 и 200
блей серебромъ въ годъ за десятину земли подъ
ороды, и нерѣдко возлѣ этихъ дорогихъ деся-
ъ лежатъ цѣлыя сотни десятинъ превосходной
ли, пустопорожнія и нетронутыя, которыя
отно отдали бы въ наемъ за десять цѣлковыхъ
которыхъ не берутъ, даже и не спрашиваютъ.
рестности — такое неясное слово, особенно въ
омъ случаѣ, что оно ничего не рѣшаетъ.

Государственные расходы Китая автор
ключаетъ въ двѣнадцати статьяхъ: I. Изд
на жертвоприношенія, закономъ опредѣле
II. Жалованье гражданскимъ чиновникамъ
держаніе канцелярскихъ служителей; III.
выя деньги гражданскимъ чиновникамъ; IV
лованье войскамъ зеленаго знамени, произв
серебромъ и рисомъ; V. Столовыя деньги
рамъ зеленаго знамени; VI. Содержаніе в
выхъ канцелярій зеленаго знамени; VII.
ванье маньджурскимъ гарнизонамъ, произв
серебромъ и рисомъ; VIII. Вспоможеніе з
нымъ солдатамъ въ губерніяхъ на совершен
ковъ и похоронъ; IX. Содержаніе почты (
X. Содержаніе богадѣленъ и воспитательны
мовъ; XI. Содержаніе училищъ; XII. Раз
опредѣленные расходы, простирающіеся ея
до 400,000 ланъ серебра.

Всѣ расходы по двѣнадцати статьямъ,
тамъ 1812 года, простирались до 27.070
расходы на жалованье князьямъ, чиновни
на содержаніе войскъ въ столицѣ до 6.
ланъ серебра. Изъ этого слѣдовало бы зак
что бюджетъ китайскій представляетъ не
равновѣсіе въ итогахъ, философскій кам
нансовъ, тщетно отыскиваемый въ Евр
давняго времени, но еще и значительный о
доходовъ въ экономіяхъ, которыя авторъ
ваетъ *хозяйственными суммами*. Это не с
похвально. Государство китайское не *по*
скимъ понятіямъ образовано даже и въ так
стой вещи какъ передержка въ ежегодн

каждая копѣйка, расходуемая государ- ыплачется на пользу страны, что нужды и не слышится! Слѣдъ пошлины больше ь сеть средствъ — всегда полезно. Но [illegible] великаго хана не нуть этого. Часть остаточныхъ суммъ, рыхъ провинціяльныхъ казначействъ въ тѣ казначейства, гдѣ собствен- недостаточны для покрытія мѣстныхъ такъ, ежегодно посылается серебра:

ріо на жалованье чиновни-	1.300,000	ланъ.
на починку плотинъ по Жел- и Хлѣбному Каналу............	600,000	»
жегодное содержаніе войскъ..	670,000	»
а содержаніе трехгодичныхъ гъ	300,000	»
ь на покупку мѣди для двухъ , или жетонныхъ дворовъ въ	1.000,000	»
г на покупку цинку и свинца ке жетонныхъ дворовъ..........	200,000	»

і маньджурской государственно-хозяй- іудрости и ея благодѣяній на пользу ѣятельности, въ дополненіе къ двад- ремъ внутреннимъ таможеннымъ ли- вительно какъ способствующимъ сно- иженію торговли, существуетъ еще за- ый и любопытный, который не позво- айцу трогаться съ мѣста. Но это — не стыхъ, а коренной китайскій, происте- ъ понятій народа о святынѣ и прав- , отличительное и основное учрежденіе ювой камень его вѣчности, его непо-

движности и даже его спокойствія — черта неизвѣстная остальному Востоку. Поклоненіе предкамъ, святость родоваго кладбища, долгъ погребаться на немъ и обязанность исполнять тутъ же непреложные обряды траура, дѣлаютъ изъ Китайца прозябаемое, растущее вѣчнымъ кустомъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ выросла нѣкогда первая его вѣточка. Крѣпостнаго права нѣтъ. Китаецъ не твердъ землѣ, но онъ твердъ родинѣ, онъ прикованъ къ ней цѣпью, болѣе или менѣе длинною, болѣе или менѣе удобною для движенія въ ту и другую сторону, но цѣпью священною и нерасторжимою, которая нерѣдко, изъ дальней отлучки, тащитъ его неодолимо къ могилѣ родителей, къ тѣнямъ предковъ, подъ завѣтную иву родоваго кладбища, въ минуту быть-можетъ лучшихъ его начинаній, отважнѣйшихъ предпріятій, въ самый разгаръ его счастія или его честолюбія. Ударилъ часъ грустныхъ обрядовъ, и онъ долженъ все бросить, чтобы бѣжать на родину и смѣшать слезы свои съ прахомъ поколѣній и лицъ, предшествовавшихъ его существованію. Законъ этотъ, кромѣ своей трогательности, не чуждъ благодатныхъ послѣдствій для нравственности людей и для тишины общества. Какъ средство обуздать безпокойные или честолюбивые характеры, стремящіеся отвсюду въ главные центры общества, чтобы смущать или потрясать ихъ своими происками, ничего замысловатѣе невозможно было бы придумать законодательнымъ геніемъ. Поклоненіе предкамъ — единственная религія Китайца, признанная закономъ, и, для этого, Китаецъ, гдѣ

бы ни жилъ, въ спискахъ всегда числится на родинѣ. Переселеніе стѣснено законами; не дозволяется даже переселяться, ни вновь распахивать земель въ Монголіи.

Злоупотребленіе, невѣжество и безсиліе маньджурское нашли средство сдѣлать изъ хорошаго закона бичъ страны, орудіе къ нищетѣ самаго многочисленнаго и важнаго класса, запретивъ хлѣбопашцамъ пользоваться хорошею землею за предѣлами собственнаго Китая подъ предлогомъ сохраненія въ нихъ религіознаго чувства къ предкамъ и къ мѣсту ихъ упокоенія. Но взятка вѣроятно исправляетъ и это неудобство. Взятка — рычагъ всего добра и блага въ Китаѣ. Между-тѣмъ тотъ же самый законъ служитъ основаніемъ — правительству, къ запрещенію подданнымъ выходить въ чужіе краи — самымъ Китайцамъ, къ отвращенію ихъ отъ выходовъ за-границу и отъ всего иностраннаго.

Но довольно о «государственномъ хозяйствѣ». Прибавимъ къ нимъ нѣсколько чертъ поднебесной юриспруденціи, и заключимъ разсужденіе о мнимомъ европеизмѣ этой отъявленной Азіи оставленіемъ подобной мечты въ покоѣ, вполнѣ заслуженномъ ею.

Главная идея уголовнаго и гражданскаго законодательства Китая — та же какъ другихъ восточныхъ законодательствъ, унять страсть къ ябедѣ строгостью судебнаго обращенія и съ истцомъ и съ обвиненнымъ, и этимъ принудить спорщиковъ къ миру, уменьшить число процессовъ, водворить *согласіе*. И истецъ и обвиненный прежде

всего заключаются въ тюрьму, потому-что если истецъ не докажетъ прописаннаго имъ въ прошеніи, то *самъ онъ подвергается тому наказанію, которое въ противномъ случаѣ слѣдовало бы обвиненному.* Если истецъ, подавъ прошеніе на противника, обвиняемаго въ преступленіи, бѣжитъ и не явится въ судъ къ сроку, то преступнику возвращается свобода, а истецъ, если будетъ пойманъ, наказывается какъ преступникъ. Жалобы принимаются только по личнымъ дѣламъ: какое бы ни было преступленіе, никто не имѣетъ права преслѣдовать преступника, если самъ онъ лично не пострадалъ отъ него. По личной обидѣ, если проситель введетъ въ жалобу свою посторонніе лица, или преувеличитъ преступленіе, или обойдетъ инстанціею, то прежде всего наказывается онъ за эти страшныя вины, наказывается по-китайски, тяжко, жестоко, а потомъ уже приступаютъ къ разбору причиненной ему обиды. Если обида — общая, какъ напримѣръ при угнетеніи областей мандаринами, при сборѣ противозаконныхъ налоговъ, и такъ далѣе, жалоба должна быть принесена *всѣми* жителями селенія или города: отъ одного изъ обиженныхъ прошеніе не важно и онъ наказывается какъ ябедникъ. Во всякой обидѣ жалобу долженъ сочинять и писать истецъ лично, и даже самая мысль о жалобѣ не должна быть внушена ему другими: *сочиняющихъ жалобы другимъ предавать суду* (слова автора, II, 108); *подучающихъ другихъ къ подачѣ жалобъ предавать суду* (тамъ же). «Если истецъ вовсе не да-«малъ подавать жалобы, а другой со стороны ис-

шилъ мысль и побудилъ его къ тому, то *послѣдній считается зачинщикомъ*, а *истецъ его сообщникомъ*. Если истецъ самъ вознамѣрился подать жалобу, а другой со стороны утвердилъ его въ намѣреніи, то *послѣдній судится одинаково съ преступникомъ*; если преступникъ *приговоренъ къ смертной казни, то ябедникъ* (тотъ, кто утвердилъ истца въ справедливомъ намѣреніи его жаловаться на преступленіе) *наказывается одною степенью ниже его* *. Кто со стороны *судилъ только о существѣ дѣла, а не началъ подавать жалобы*, тотъ *судится легче ябедника* **».

Это невѣроятное законодательство, достойное дикарей, представлено очень важно въ числѣ мудрыхъ учрежденій, безъ всякаго замѣчанія объ его страшномъ варварствѣ. Какъ и по другимъ статьямъ, вы здѣсь видите только преувеличенную Азію. Духъ законовъ тотъ же, повсемѣстный азіятскій — личное преслѣдованіе вины обиженнымъ, а не оскорбленною общественною безопасностью, право возмездія, и явное намѣреніе вос-

---

* Напримѣръ: если преступникъ приговоренъ къ разрѣзанію на четыре части, то какъ уже слишкомъ жестоко было бы разрѣзывать на столько же частей и того бѣдняка, кто потерпѣвшему отъ преступленія и желающему подать жалобу сказалъ только — *хорошо, подавай* — законъ китайскій позволяетъ разрѣзать его не болѣе какъ на двѣ части, распилить по-поламъ. Это называется — *состраданіемъ*, оказываемымъ отъ закона преступникамъ, по выраженію книги.

** Тому отпиливаютъ одну голову, или, еще одною степенью *ниже, того назначаютъ* въ вѣчную ссылку.

всего заключаются въ тюрьму, потому-что если истецъ не докажетъ прописаннаго имъ въ прошеніи, то *самъ онъ подвергается тому наказанію, которое въ противномъ случаѣ слѣдовало бы обвиненному*. Если истецъ, подавъ прошеніе на противника, обвиняемаго въ преступленіи, бѣжитъ и не явится въ судъ къ сроку, то преступнику возвращается свобода, а истецъ, если будетъ пойманъ, наказывается какъ преступникъ. Жалобы принимаются только по личнымъ дѣламъ: какое бы ни было преступленіе, никто не имѣетъ права преслѣдовать преступника, если самъ онъ лично не пострадалъ отъ него. По личной обидѣ, если проситель введетъ въ жалобу свою постороннія лица, или преувеличитъ преступленіе, или обойдетъ инстанціею, то прежде всего наказывается онъ за эти страшныя вины, наказывается по-китайски, тяжко, жестоко, а потомъ уже приступаютъ къ разбору причиненной ему обиды. Если обида — общая, какъ напримѣръ при угнетеніи областей мандаринами, при сборѣ противозаконныхъ налоговъ, и такъ далѣе, жалоба должна быть принесена *всѣми* жителями селенія или города: отъ одного изъ обиженныхъ прошеніе не важно и онъ наказывается какъ ябедникъ. Во всякой обидѣ жалобу долженъ сочинять и писать истецъ лично, и даже самая мысль о жалобѣ не должна быть внушена ему другими: *сочиняющихъ жалобы другимъ предавать суду* (слова автора, II. 108); *подучающихъ другихъ къ подачѣ жалобъ предавать суду* (тамъ же). «Если истецъ вовсе не думалъ подавать жалобы, а другой со стороны вну-

шилъ мысль и побудилъ его къ тому, то *послѣдній считается зачинщикомъ*, а *истецъ его сообщникомъ*. Если истецъ самъ вознамѣрился подать жалобу, а другой со стороны утвердилъ его въ намѣреніи, то *послѣдній судится одинаково съ преступникомъ*; если преступникъ *приговоренъ къ смертной казни, то ябедникъ* (тотъ, кто утвердилъ истца въ справедливомъ намѣреніи его жаловаться на преступленіе) *наказывается одною степенью ниже его* *. Кто со стороны *судилъ только о существѣ дѣла, а не началъ подавать жалобы*, тотъ *судится легче ябедника* **».

Это невѣроятное законодательство, достойное дикарей, представлено очень важно въ числѣ мудрыхъ учрежденій, безъ всякаго замѣчанія объ его страшномъ варварствѣ. Какъ и по другимъ статьямъ, вы здѣсь видите только преувеличенную Азію. Духъ законовъ тотъ же, повсемѣстный азіятскій — личное преслѣдованіе вины обиженнымъ, а не оскорбленною общественною безопасностью, право возмездія, и явное намѣреніе вос-

---

* Напримѣръ: если преступникъ приговоренъ къ разрѣзанію на четыре части, то какъ уже слишкомъ жестоко было бы разрѣзывать на столько же частей и того бѣдняка, кто потерпѣвшему отъ преступленія и желающему подать жалобу сказалъ только — *хорошо, подавай* — законъ китайскій позволяетъ разрѣзать его не болѣе какъ на двѣ части, распилить по-поламъ. Это называется — *состраданіемъ*, оказываемымъ отъ закона преступникамъ, по выраженію книги.

** Тому отпиливаютъ одну голову, или, еще одною степенью *ниже, того* назначаютъ въ вѣчную ссылку.

препятствовать подачѣ жалобъ. Мусульманское законодательство основано на тѣхъ же началахъ: но — какое сравненіе! — сколько оно образованнѣе и толковѣе китайскаго! Цѣли своей достигаетъ оно очень просто, отсутствіемъ всякихъ инстанцій, безъ выставки въ законѣ всѣхъ этихъ несправедливостей и жестокостей для устрашенія истцовъ, которыхъ оно не смѣшиваетъ съ ябедниками. Въ Китаѣ, напротивъ, цѣль сохранена, и допущены инстанціи, какъ-будто для поощренія страсти къ ябедѣ, которую желаютъ пресѣчь въ самомъ корнѣ, въ чувствѣ обиды. Что же сказать о другихъ началахъ, о приложеніи закона? Приложеніе направлено вовсе, не въ пользу общества, даже не въ пользу обиженнаго, а въ пользу казны. Законъ позволяетъ виновному, отъ наказанія откупиться, какъ въ средніе вѣка въ Европѣ, взносомъ денежной пени по тарифамъ, разсчитаннымъ съ соблюденіемъ той же безконечной постепенности, какая принята для наказаній. Отъ ударовъ по пятамъ можно откупиться очень дешево: по копѣечкѣ мѣдью за каждый изъ первыхъ десяти ударовъ; а тамъ — нѣсколько подороже. Отъ ссылки можно также откупиться, и, послѣ того какъ въ первой части книги положительно утверждается, что *всѣ Китайцы равны передъ закономъ*, во второй, на страницѣ 93, вы читаете: «*Достаточные могутъ вносить искупъ, а недостаточные должны идти въ ссылку.*» Хорошо равенство! Отъ смертной казни положенъ также искупъ, но не для всѣхъ ровно, и не по одной цѣнѣ для всякаго, кому это право предоставлено.

для простолюдиновъ право это чрезвычайно ограничено. Напротивъ, оно распространено до крайности для людей, получившихъ высшее образованіе, которые, кажется, по-справедливости, должны бы наказываться еще неумолимѣе чѣмъ невѣжды и непросвѣщенные преступники. Оно очень милостиво для грамотныхъ и чиновныхъ, для мандариновъ и ученыхъ, словомъ для всѣхъ, имѣющихъ право носить шарики на шапкахъ, и которыхъ авторъ неизвѣстно почему называетъ «благородными».

Вотъ главный тарифъ выкуповъ. За вины, по которымъ приговариваются къ простой смерти, именно, къ удавленію, опредѣленному за смертоубійство въ ссорѣ и дракѣ, замѣняется это наказаніе принятіемъ въ казну богдохана выкупа $12^{84}/_{100}$ ланъ серебра. «Полная вѣчная ссылка, положенная за случайныя поврежденія съ тяжкою болѣзнію, замѣняется вносомъ $10^{645}/_{1000}$ ланъ серебра. Полная временная ссылка, опредѣленная за поврежденія съ увѣчьемъ, замѣняется взносомъ $7^{27}/_{100}$ ланъ; за вину, заслуживающую двухгодичную ссылку, вносится $5^{322}/_{1000}$ ланъ; за вину, заслуживающую ссылку на годъ — $3^{548}/_{1000}$ ланъ; за вину, заслуживающую 100 ударовъ планкою — $1^{774}/_{1000}$ ланъ; за 80 ударовъ — $1^{429}/_{1000}$ ланъ, за 50 ударовъ — $8^{87}/_{100}$ чинъ, за 40 ударовъ $7^{9}/_{100}$ чинъ, за 30 ударовъ $5^{32}/_{100}$ чинъ, за 20 ударовъ $3^{54}/_{100}$ чина. Сверхъ того, виновный платитъ за лекарства для излеченія отъ поврежденій.

Чиновные, за вину, заслуживающую отсѣченіе головы и удавленіе, вносятъ *пожертвованіе:*

Чиновникъ отъ перваго до шестаго класса..	12,000 лянъ.
Чиновникъ седьмаго и восьмаго класса.....	5,000 »
Чиновникъ отъ девятаго до двѣнадцатаго класса.....	4,000 »
Чиновникъ отъ тринадцатаго до восемьнадцатаго класса, магистры и кандидаты.....	2,500 »
Студентъ Педагогическаго Института (!?!)...	2,000 »
Чиновникъ внѣклассный.....	1,200 »

«За вину, заслуживающую вѣчную ссылку и ссылку въ гарнизонъ, каждый вноситъ искупа $^6/_{10}$; за вину, заслуживающую временную ссылку, за освобожденіе отъ ношенія шейной колодки и наказанія большою планкою $^4/_{10}$ противъ вышеизложеннаго пожертвованія за откупъ отъ смертной казни: но такіе не могутъ остаться при должности. Отъ наказанія планкою дозволяется также откупаться, смотря по обстоятельствамъ преступленія. Искупъ этотъ дозволяется вносить просомъ или серебромъ, какъ-то:

	За наказаніе большою планкою.		За наказаніе малою планкою.	
	Мѣшки.	Ланы.	Мѣшки.	Ланы.
Чиновники отъ перваго до шестаго класса.....	2,500	1,200	1,200	600
Чиновники седьмаго и восьмаго класса.....	2,000	1,000	1,000	500
Чиновники отъ девятаго до двѣнадцатаго класса	1,600	800	800	400
Чиновники отъ тринадцатаго класса и ниже, магистры и кандидаты	1,200	600	600	300
Студенты.....	400	200	200	100
Внѣклассные.....	200	100	100	50.

Необходимо было привесть одну изъ этихъ невѣроятныхъ табличекъ для образчика, но осталь-

е, конечно, не заслуживаетъ любопытства обра-
ованнаго читателя, въ которомъ китайская юрис-
уденція не можетъ возбудить ничего кромѣ
зращенія. Должно сожалѣть, что ученый авторъ
обратилъ своихъ изслѣдованій скорѣе къ исто-
ческой сторонѣ этихъ дикихъ установленій.
о они? произведеніе степной маньджурской му-
ости, законы династіи Чистыхъ, или древніе ки-
йскіе, болѣе или менѣе измѣненные новыми
ладателями страны.

«Народное просвѣщеніе» Китая ни чуть не про-
ѣщеннѣе и не умнѣе «*государственнаго хозяй-
ва*» и судебнаго законодательства этой блажен-
й страны, обожаемой нашею ученою книгою.
о еще хуже, еще диче, еще безтолковѣе. Объ
мъ мы уже имѣли случай говорить однажды
ольно подробно по поводу другой книги того
автора, и не считаемъ необходимымъ шевс-
ь вторично это особенное китайское европей-
о, направленное съ примѣчательнымъ искус-
омъ къ полному затмѣнію разума.

1849.

МАНИФЕСТЪ ДАРІЯ,

СЫНА ИСТАСПОВА, И ПРОЧІЕ КАМЕНОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХЪ ЦАРЕЙ ПЕРСІИ.

—

Важное и неожиданное событіе прогремѣло въ ученомъ мірѣ филологовъ, археологовъ и оріенталистовъ. Шумъ, удивленіе восторгъ, недовѣрчивость, еще не прекратились. Армейскій маіоръ англійской службы разобралъ, прочелъ и перевелъ многочисленныя и длинныя надписи древней Персіи, временъ Кировъ, Даріевъ и Ксерсесовъ, сочиненныя *на неизвѣстномъ языкѣ* и начертанныя на памятникахъ и утесахъ *неизвѣстною грамотою.*

Съ-тѣхъ-поръ какъ путешествія Европейцевъ начали мало-по-малу раскрывать тайны волшебнаго Востока, странныя фигуры, которыми покрыты древнія, уцѣлѣвшія стѣны, входы въ гробницы, высѣченныя въ скалахъ, и даже кирпичи, находимыя въ развалинахъ, возбуждали любопытство и упражняли догадливость западныхъ ученыхъ. Одни видѣли въ нихъ таинственныя письмена, другіе принимали ихъ просто за архитектурныя украшенія, за арабески и вавилоны въ

особенномъ родѣ и вкусѣ. Первые образцы этихъ загадочныхъ рисунковъ, привезенные въ Европу, находились на кирпичахъ древней Ассиріи, взятыхъ преимущественно изъ грудъ щебня, которыя почитались развалинами Вавилона. Кирпичи эти представляютъ въ срединѣ небольшой квадратный оттискъ, явственно родъ штемпеля, наполненный такими фигурами.

Впослѣдствіи многіе путешественники старались копировать цѣлыя надписи этого рода, сохранившіяся на стѣнахъ зданій и кладбищныхъ горъ въ разныхъ мѣстахъ Востока, особенно — въ Пасаргадахъ, нынѣшнемъ Мургабѣ, гдѣ предполагалась гробница Кира — на городищѣ древняго Персеполя, и по близости его, въ окрестностяхъ Гилле, гдѣ такія надписи слывутъ нынче подъ названіемъ *накши Рустёмъ*, «изваяній Рустёма», баснословнаго героя персидской старины — на городищахъ Экбатаны (нынче Гамадана) и Сузы (въ нынѣшнемъ Хузистанѣ или Сузистанѣ) — на берегахъ озера Вана, гдѣ былъ Семирамиградъ и гдѣ цѣлые утесы покрыты ими — и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Египта и Сиріи. Нибуръ, Керъ-Портеръ и Ричъ доставили намъ этихъ копій болѣе прочихъ. На нѣсколькихъ писанныхъ вазахъ и на одномъ перстнѣ открыты такія же надписи.

Тѣ, которые были увѣрены, что это не арабески, а настоящія письмена, часто пытались найти къ нимъ ключъ, соображая между-собою формы и расположенія фигуръ, но первыя усилія ученаго любопытства давали результаты, совершен-

но отчаянные. Найдено сперва болѣе *тысячи*, потомъ болѣе *пятисотъ* различныхъ фигуръ! Это значило бы нѣчто въ родѣ китайской грамоты, въ которой каждая фигура — отдѣльное слово. Такихъ письменъ, безъ руководства опытнаго учителя, нѣтъ возможности разгадать. Но между-тѣмъ, при ближайшемъ сравненіи ихъ между собою, нѣкоторые получили убѣжденіе, что, большею частью, онѣ изображены на *трехъ языкахъ*, подобно тому какъ надпись знаменитаго Розетскаго Камня, гдѣ одно и то же всенародное объявленіе вырѣзано на священномъ языкѣ жрецовъ Изиды, іероглифами, на языкѣ египетскаго общества, простонародною грамотою, и на языкѣ тогдашняго правительства, языкѣ Птоломеевъ, то-есть, греческомъ. Этотъ-то греческій переводъ, который можно было читать и понимать безъ затрудненія, и послужилъ основаніемъ ко всѣмъ открытіямъ въ области іероглифической мудрости. Но здѣсь такого пособія не было: ни греческаго, ни другаго какого-нибудь понятнаго перевода не оказывалось. Однакожъ присутствіе трехъ различныхъ языковъ въ одной и той же надписи, выводилось само собою. Надписи древняго Востока нерѣдко представляютъ видъ трехъ столбцовъ, въ которыхъ иныя фигуры повторяются въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ въ одномъ и томъ же порядкѣ, а остальныя слѣдуютъ другимъ системамъ расположенія. Значитъ, группы фигуръ, совершенно схожія между собою, не измѣняющіяся нисколько во всѣхъ трехъ столбцахъ, должны быть *имена собственныя*, а прочее — текстъ, состоящій

изъ словъ трехъ разнородныхъ языковъ. Это заключеніе подтверждалось отчасти и формою самыхъ письменъ, которая являла какъ-бы *три почерка* одной и той же грамоты. Два, по-крайней-мѣрѣ, почерка были явственны: въ одномъ, острыя палочки, изъ различной укладки которыхъ состояли фигуры, въ тупомъ концѣ представляютъ какъ-бы головки гвоздей; въ другомъ, конецъ этотъ раздвоенъ какъ въ стрѣлѣ. Отсюда первый почеркъ названъ грамотою *гвозообразною*, cuneiformis, а другой *стрѣльчатою*, sagittiformis — arrow-headed у англійскихъ оріенталистовъ. Въ надписяхъ вавилонскихъ почеркъ гвоздеобразный господствуетъ почти исключительно, тогда какъ стрѣльчатый, болѣе изящный или чище отдѣланный, принадлежитъ памятникамъ другихъ областей, особенно южной Персіи, Парѳіи и Арменіи. Въ стрѣльчатомъ почеркѣ есть еще два различія, происходящія отъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ въ укладкѣ стрѣлокъ: по-видимому разница эта происходитъ отъ разницы въ языкахъ, на которыхъ изложено содержаніе.

Три языка въ надписяхъ азіятской старины, по числу трехъ почерковъ, допущены. Еще въ Гереново время г. Гротефендъ въ каждой надписи видѣлъ пять почерковъ и пять алфавитовъ. Три языка можно было допустить съ достаточнымъ правдоподобіемъ. Одинъ изъ этихъ языковъ по-видимому долженъ быть тотъ, на которомъ говорили въ Вавилонѣ и Ниниві, языкъ халдейскій, или ассійрискій, самый древній. Другой — языкъ жителей Персеполя, столицы древ-

ней Персіи: слѣдовательно — древне-персидскій. Третьему языку остается только быть мидійскимъ, языкомъ народа Мидовъ, или Медовъ, правильнѣе *Мадовъ* или *Мазовъ*, которыхъ слава и образованность старѣе персидской; нето, древне-армянскимъ или парѳскимъ. Впрочемъ и тотъ, и два другіе, сомнительны.

Языкъ столицы древней Персіи, языкъ Персеполитянъ, былъ единственный изъ трехъ каменописныхъ языковъ азіятской древности, на столбцы котораго можно было устремить усилія дешифрёрскаго искусства съ надеждою на какой-нибудь результатъ! Но этотъ языкъ совершенно неизвѣстенъ! Мы знаемъ нѣсколько персидскихъ языковъ — новоперсидскій, или языкъ *Ари*, вѣроятно нарѣчіе древней Аріи, ставшее придворнымъ, *дери*, и повсемѣстнымъ въ Персіи, возрожденной послѣ ига Аравитянъ — языкъ курдскій — языкъ афганскій — языкъ зендскій, нарѣчіе священныхъ книгъ Парсовъ, огнепоклонниковъ, послѣдователей исковерканнаго Зороастрова ученія, уцѣлѣвшихъ отъ гоненій магометанъ—языкъ *пеглеви*, или «богатырскій», который могъ быть и не быть парѳскимъ, какъ зендскій могъ быть и не быть мидійскимъ — языкъ санскритскій, тоже одно изъ древне-персидскихъ нарѣчій, занесенное въ Индію завоевателями изъ древнихъ Персовъ. Замѣтимъ, что и языкъ ново-персидскій занесенъ туда же въ позднѣйшее время завоевателями, пришедшими изъ странъ нынѣшней Персіи, такъ что въ Индію, между коренныхъ индостанскихъ языковъ, попали этимъ путемъ съ сѣверо-

запада два языка или нарѣчія персидскія, одно старинное, извѣстное подъ именемъ языка санскритскаго и оставшееся только въ книгахъ, и одно новое, пользующееся донынѣ употребленіемъ у благовоспитаннаго класса. Всѣ эти пять или шесть персидскихъ нарѣчій дотого различны формами, что, понимая одинъ изъ нихъ, вы еще не понимаете другаго. Они состоятъ между собою въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ, между славянскими, языки великороссійскій, польскій, богемскій, словацкій, галицкій, болгарскій, илирійскій; какъ, между новолатинскими, италіянскій, французскій, испанскій, португальскій, романскій (въ южной Франціи, Піемонтѣ и части Швейцаріи) и романясскій (въ Молдавіи и Валахіи); какъ между германскими, нѣмецкій, шведскій, голандскій, англійскій, англосаксонскій, готскій и старо-исландскій. Который изъ шести извѣстныхъ языковъ персидскихъ могъ быть языкомъ династіи Кировъ и Даріевъ? По всей вѣроятности, ни одинъ: правительственнымъ и моднымъ нарѣчіемъ легко могло прослыть тогда другое, особенное, того же корня, но нынче совсѣмъ потерянное.

Положимъ, что при помощи шести болѣе или менѣе извѣстныхъ языковъ персидскихъ можно было бы понять болѣе или менѣе вѣрно каменописный разсказъ на этомъ особенномъ, потерянномъ языкѣ одного корня съ ними. Но прежде всего надо увидѣть этотъ языкъ потерянный, приподнять занавѣсъ его невѣдомой грамоты, разоблачить ея таинственные звуки. Повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фигуръ въ одномъ и томъ же

порядкѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ столбцовъ, писанныхъ на трехъ языкахъ, указывая прямо на собственныя имена, и *множество* этихъ фигуръ въ предполагаемыхъ собственныхъ именахъ, заставили предположить, что они изображены настоящими буквами, что каждая фигура—буква стрѣльчатаго алфавита, что грамота эта—азбучная, а не силлабическая какъ еврейская или словообразная подобно китайской. Ипотеза подкрѣплялась еще и тѣмъ, что послѣ каждой группы такихъ буквъ повторяется постоянно одинъ и тотъ же знакъ — стрѣльчатая черточка—какъ-бы родъ препинанія, предназначенный раздѣлять слова одно отъ другаго. Болѣе точное сличеніе формы фигуръ въ столбцахъ, писанныхъ, предположительно, на древне-персидскомъ языкѣ, представляло въ послѣднемъ результатѣ только около сорока положительныхъ различій — значитъ, *около сорока буквъ* въ алфавитѣ — громада звуковъ ужасная, но, кое-какъ, вѣроподобная и даже возможная. Да не въ числѣ буквъ главное дѣло: вопросъ прежде всего состоялъ въ томъ, съ которой стороны читать эти буквы, отъ правой ли къ лѣвой, какъ у Евреевъ, Аравитянъ и нынѣшнихъ Персіянъ, или отъ лѣвой къ правой, какъ у Грековъ, Этрусковъ, Римлянъ, Финикійцевъ, и какъ теперь у насъ? Мнѣнія были разногласны: нѣкоторые утверждали даже, что надо читать перпендикулярно, съ верху внизъ, какъ читаютъ Китайцы, Маньджуры, Монголы, и какъ однажды писали Сирійцы, которые впрочемъ и теперь *пишутъ* перпендикулярно, хотя и читаютъ отъ пра-

вой руки къ лѣвой. Каждый слѣдовалъ своему убѣжденію, но всѣ единодушно искали открыть въ группахъ стрѣльчатыхъ буквъ, изображающихъ собственныя имена, что-нибудь похожее на слова собственныхъ именъ *Даріуш* — *Гуштаспъ* (Истаспъ) — *Ксарса* — *Кореш* (Киръ) — *Кабуш* (Камбизъ) — *Артахсаста* (Артаксеркъ) — какъ вѣроятно слова эти произносились въ подлинномъ выговорѣ, по указаніямъ библейскимъ, пеглійскимъ и ново-персидскимъ.

Основанія дешифровки въ такомъ случаѣ ясны: слово *Даріуш* можетъ находиться только тамъ, гдѣ въ группѣ оказывается шесть стрѣльчатыхъ буквъ или фигуръ совершенно разныхъ. Если за нею послѣдуетъ группа семи различныхъ буквъ, изъ которыхъ три будутъ схожи съ буквами первой группы, именно третья съ пятою (*ш*) и пятая со второю (*а*), и вторая съ пятою (*у*), такъ это — *Гуштасп*, Истаспъ, отецъ Дарія. Открывъ такія двѣ группы можно уже знать девять стрѣльчатыхъ буквъ, четверть всего алфавита — *а*, *г*, *д*, *и*, *р*, *с*, *т*, *у*, *ш*. Въ группѣ *Хсарса*, вторая изъ шести стрѣльчатыхъ фигуръ должна быть одинакова съ пятою (*с*), а третья съ шестою (*а*), и пять изъ нихъ, два *а*, два *с*, и одно *р*, находится по-мѣстамъ въ группахъ *Даріуш* и *Гуштасп:* шестая въ такомъ случаѣ будетъ несомнительно *х*. Группы *Кабушъ* и *Кореш* должны также слѣдовать одна за другою, какъ отчество за именемъ, и обѣ, имѣя по пяти фигуръ, начинаться одинаковою фигурою (*к*). Изъ нихъ можно извлечь четыре новыя буквы для раждающагося алфавита, *к*,

порядкѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ столбцовъ, писанныхъ на трехъ языкахъ, указывая прямо на собственныя имена, и *множество* этихъ фигуръ въ предполагаемыхъ собственныхъ именахъ, заставили предположить, что они изображены настоящими буквами, что каждая фигура—буква стрѣльчатаго алфавита, что грамота эта—азбучная, а не силлабическая какъ еврейская или словообразная подобно китайской. Ипотеза подкрѣплялась еще и тѣмъ, что послѣ каждой группы такихъ буквъ повторяется постоянно одинъ и тотъ же знакъ — стрѣльчатая черточка—какъ-бы родъ препинанія, предназначенный раздѣлять слова одно отъ другаго. Болѣе точное сличеніе формы фигуръ въ столбцахъ, писанныхъ, предположительно, на древне-персидскомъ языкѣ, представляло въ послѣднемъ результатѣ только около сорока положительныхъ различій — значитъ, *около сорока буквъ* въ алфавитѣ — громада звуковъ ужасная, но, кое-какъ, вѣроподобная и даже возможная. Да не въ числѣ буквъ главное дѣло: вопросъ прежде всего состоялъ въ томъ, съ которой стороны читать эти буквы, отъ правой ли къ лѣвой, какъ у Евреевъ, Аравитянъ и нынѣшнихъ Персіянъ, или отъ лѣвой къ правой, какъ у Грековъ, Этрусковъ, Римлянъ, Финикійцевъ, и какъ теперь у насъ? Мнѣнія были разногласны: нѣкоторые утверждали даже, что надо читать перпендикулярно, съ верху внизъ, какъ читаютъ Китайцы, Маньджуры, Монголы, и какъ однажды писали Сирійцы, которые впрочемъ и теперь *пишутъ* перпендикулярно, хотя и читаютъ отъ пра-

вой руки къ лѣвой. Каждый слѣдовалъ своему убѣжденію, но всѣ единодушно искали открыть въ группахъ стрѣльчатыхъ буквъ, изображающихъ собственныя имена, что-нибудь похожее на слова собственныхъ именъ *Даріуш* — *Гуштаспъ* (Истаспъ) — *Ксарса* — *Кореш* (Киръ) — *Кабуш* (Камбизъ) — *Артахсаста* (Артаксерксъ) — какъ вѣроятно слова эти произносились въ подлинномъ выговорѣ, по указаніямъ библейскимъ, пеглійскимъ и ново-персидскимъ.

Основанія дешифровки въ такомъ случаѣ ясны: слово *Даріуш* можетъ находиться только тамъ, гдѣ въ группѣ оказывается шесть стрѣльчатыхъ буквъ или фигуръ совершенно разныхъ. Если за нею послѣдуетъ группа семи различныхъ буквъ, изъ которыхъ три будутъ схожи съ буквами первой группы, именно третья съ пятою (*ш*) и пятая со второю (*а*), и вторая съ пятою (*у*), такъ это — *Гуштасп*, Истаспъ, отецъ Дарія. Открывъ такія двѣ группы можно уже знать девять стрѣльчатыхъ буквъ, четверть всего алфавита — *а*, *г*, *д*, *и*, *р*, *с*, *т*, *у*, *ш*. Въ группѣ *Хсарса*, вторая изъ шести стрѣльчатыхъ фигуръ должна быть одинакова съ пятою (*с*), а третья съ шестою (*а*), и пять изъ нихъ, два *а*, два *с*, и одно *р*, находится по-мѣстамъ въ группахъ *Даріуш* и *Гуштасп*: шестая въ такомъ случаѣ будетъ несомнительно *х*. Группы *Кабушъ* и *Кореш* должны также слѣдовать одна за другою, какъ отчество за именемъ, и обѣ, имѣя по пяти фигуръ, начинаться одинаковою фигурою (*к*). Изъ нихъ можно извлечь четыре новыя буквы для раждающагося алфавита, *к*,

б, о, е. Остальныя найдутся сами собою: въ чтеніи неизвѣстнаго, какъ и вездѣ, лиха бѣда начать. Возлѣ именъ царей должны еще быть ихъ титулы, слова *шахъ*, царь, *шахи бузуркъ*, великій царь, *шахи шахинъ*, царь царей, *педеръ*, отецъ, *пюсеръ*, сынъ, *Фарсъ*, Персія, и тому подобныя слова, неподлежащія сомнѣнію, потому-что они почти неизмѣнны во всѣхъ шести персидскихъ языкахъ, которые мы знаемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу составился такимъ догадочнымъ образомъ довольно полный алфавитъ буквъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ. Сперва одна пеглійская надпись, объясненная удачно покойнымъ Сильвестромъ де-Саси, а потомъ зендское и санскритское правописанія, пособили дѣлу, и, наконецъ, полныя слова родились отъ этихъ мучительныхъ изслѣдованій, но слова такія, которыя ужаснули самихъ родителей. Вмѣсто ожидаемаго *Даріушъ* вышелъ Darayauahaiousch, вмѣсто *Хсерса* — Khashayaraschaoua, вмѣсто *шахъ* — khaschaeayachiya, и такъ далѣе. Покойный де-Саси извинялъ этотъ неблагопристойный видъ новооткрытыхъ древнихъ персидскихъ рѣченій тѣмъ, что у Грёнландцевъ (!) есть слова еще длиннѣе этого, и что русскій языкъ также представляетъ саженныя слова и нерѣдко ужаснѣйшія скопленія гласныхъ, напримѣръ, въ словахъ souoieia, moieia (*своея*, *моея*), которыя однакожъ тѣ сѣверные люди произносятъ довольно гладко, безъ большаго поврежденія своихъ ртовъ и грудей.

Усилія новѣйшихъ изслѣдователей, особенно господъ Бюрнуфа, Боппа, Вестергаарда, Лассена,

нѣсколько смягчили въ послѣднее время эти рогатыя и невозможныя формы болѣе удачнымъ опредѣленіемъ значенія нѣкоторыхъ стрѣльчатыхъ буквъ, но, все-таки, отдавая должную справедливость усердію и проницательности этихъ знаменитыхъ ученыхъ, нельзя не согласиться, что языкъ, добытый ими изъ стрѣльчатой грамоты, не только кореннымъ образомъ не сходенъ ни съ зендскимъ, ни съ санскритскимъ, которымъ старались они уподобить его, не только не персидскій по наружному виду, но и рѣшительно не человѣческій. Такія слова, такой языкъ, невозможны, не говоря уже о томъ важномъ неудобствѣ, что, въ объясненіяхъ всѣхъ новѣйшихъ стрѣлко-читателей, въ ихъ переводахъ, основанныхъ на аналогіяхъ зендскихъ и на санскритскомъ корнесловіи, вмѣсто толковыхъ и дѣлообразныхъ надписей, онъ представляетъ разсудительному читателю однѣ только противорѣчія и безсмыслицы.

Даже переводы господина Лассена, которые съ меньшимъ ожесточеніемъ царапаютъ логику, не могутъ быть вполнѣ исключены изъ этого неблагопріятнаго приговора.

Въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько лѣтъ тому*, имѣлъ я случай изобразить болѣе подробно печальную исторію этихъ попытокъ и этихъ неудачъ, которыя нынче надо забыть поскорѣе, когда счастливый случай дастъ всѣмъ оріенталистамъ, при-

---

* См. въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» статью *Гвоздеобразная грамота. — Изд.*

косновеннымъ къ дѣлу о стрѣлкообразіи, средство загладить прошедшіе грѣхи противъ здраваго смысла довольно достовѣрнымъ чтеніемъ того, что̀ прежде составляло предметъ слишкомъ самонадѣяннаго гаданія. Должна остаться только память посильнаго приношенія, оказаннаго каждымъ изъ причастныхъ на пользу опредѣленія извѣстнаго числа первыхъ элементовъ задачи. Честь счастливаго вдохновенія, которымъ она рѣшится, принадлежитъ — увы! — постороннему человѣку, профану, не-оріенталисту, остъ-индскому маіору, котораго скука бросила въ Персіи въ гвоздесловіе и который одержалъ надъ нимъ весьма блистательную, хоть еще далеко не полную побѣду.

Маіоръ Роллинсонъ (Rawlinson), будучи причисленъ къ великобританскому посольству въ Тегеранѣ, посѣщалъ по дѣламъ службы и по собственному любопытству разныя мѣста, ознаменованныя памятниками прежнихъ обладателей страны и гвоздеобразно-стрѣльчатыми надписями, и почувствовалъ къ этимъ таинственнымъ письменамъ страстное увлеченіе истинно дипломатическаго дешифрёра. Лишенный, положеніемъ своимъ въ глуши южной Персіи, всѣхъ пособій европейской учености и почти по одному зная слуху объ усиліяхъ разныхъ оріенталистовъ открыть ключъ къ стрѣльчатой грамотѣ, онъ постарался познакомиться съ зендскимъ, санскритскимъ и пехлійскимъ нарѣчіями въ добавокъ къ практическому свѣденію въ нынѣшнемъ персидскомъ, и приступилъ къ дѣлу на точномъ основаніи правилъ дешифрёрскаго искусства. Онъ, конечно, пользовал-

ся, передъ своими западными соперниками, тѣмъ преимуществомъ, что могъ работать въ виду подлинныхъ надписей, а не по копіямъ, снятымъ съ бо̀льшею или мѣньшею отчетливостью, но успѣхомъ своимъ онъ безспорно обязанъ одному себѣ: сомнительныя западныя открытія въ стрѣльчатой азбукѣ не подали ему почти никакой важной указки, и если потомъ часть ихъ оказалась сходною съ собственными выводами господина Ролинсона, это должно приписать слѣдствію простаго случая. Нельзя, чтобы нѣсколько дешифрёровъ, трудящихся въ разныхъ мѣстахъ надъ какимъ-нибудь тайнымъ писаніемъ по одинаковымъ правиламъ искусства, не были согласны въ значеніи хоть нѣсколькихъ буквенныхъ знаковъ, не прочли одинаково хоть нѣсколько словъ; но вѣнецъ, въ такихъ случаяхъ, принадлежитъ исключительно тому, кто прочелъ все писаніе съ соблюденіемъ *почти* повсюду логическаго смысла. Въ дешифрёрскомъ искусствѣ принято за несомнѣнную, опытомъ доказанную истину, что всякое тайное писаніе *механическое,* то есть основанное на постоянной орѳографіи, можетъ быть прочитано, какъ-скоро языкъ угаданъ дешифрёромъ. Слѣдовательно, нѣтъ оправданія для тѣхъ, которые не успѣли; всѣ равно знали, что языкъ надписей долженъ принадлежать къ персидскимъ нарѣчіямъ, и причина неудачъ тутъ просто — недостатокъ въ логикѣ, терпѣніи и искусствѣ.

Господинъ Ролинсонъ долженъ быть благодаренъ своимъ предшественникамъ и соперникамъ только за указаніе на родъ языка, на которомъ

стрѣльчатыя надписи вѣроятно писаны, и за превосходные труды ихъ по предмету приведенія въ ясность и систему остатковъ зендскаго, пехлійскаго и санскритскаго нарѣчій, позволившіе ему легко познакомиться съ этими необходимыми пособіями, которыя и сдѣлались для него достаточнымъ факеломъ. Но, если побѣда его не безусловно полна, если еще остается многое исправить и упростить въ его дешифровкѣ, если онъ получилъ языкъ довольно правильный, логическій, котораго смыслъ ясенъ для всякаго знакомаго съ языками персидскаго корня, но котораго форма все-таки невозможна, неправдоподобна, не человѣческая, за это можетъ онъ смѣло упрекнуть своихъ ученыхъ соперниковъ, приведшихъ его въ заблужденіе неясностью своихъ понятій о коренныхъ свойствахъ всѣхъ древнихъ алфавитовъ. Странно, что оріенталисты по званію, они могли, въ такомъ древнемъ алфавитѣ, каковъ стрѣльчатый, предположить строгую буквенность нынѣшнихъ европейскихъ азбукъ, и думали читать древне-персидскія слова такъ точно, какъ-будто слова были написаны нѣмецкими или итальянскими буквами! Господинъ Ролинсонъ, увлеченный ихъ примѣромъ, читалъ какъ всѣ они, буквенно, и произвелъ, по необходимости, слова дикія, невѣроятныя, формы рогатыя и запутанныя. Онъ не примѣтилъ — потому-что никто изъ оріенталистовъ-гвоздеелововъ не объяснилъ этого ни себѣ, ни ему — что языка съ тремя только гласными (*а, и, у*) быть не можетъ, что такой языкъ противенъ природѣ и законамъ человѣческаго голоса, что какъ-скоро въ письме-

нахъ встрѣчаются только три знака, уподобляющіеся нашимъ буквеннымъ гласнымъ *а, и, у*, такъ это не гласныя, а простые мелодическіе, или діатоническіе знаки *равновѣсія, пониженія* и *повышенія* голоса, соотвѣтствующіе въ точности арабскимъ знакамъ *насбъ*, *хафдъ* и *раф'ъ*, которые значатъ именно это равновѣсіе, пониженіе, возвышеніе. У Аравитянъ такіе знаки пишутся внѣ строчекъ, *надъ* буквами и *подъ* буквами; въ стрѣльчатой и гвоздеобразной грамотѣ они писались *между* буквами: по положеніе не перемѣняетъ ни мало ихъ сущности; они только указанія на степень тона, который должно употребить при произношеніи буквъ, почитаемыхъ въ такомъ случаѣ всѣ безъ исключенія за согласныя. Слѣдовало поэтому прежде всего устранить изъ состава словъ всѣ подобные знаки; для ясности можно было поставить ихъ внѣ строчекъ, сверху и снизу, по нынѣшнему обычаю Восточныхъ: тогда, господинъ Ролинсонъ, съ удивленіемъ и радостью, вдругъ увидалъ бы передъ собою слова, совершенно натуральныя, обыкновенныя, знакомыя, языкъ простой и гладкій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ окончаній очень похожій на нынѣшній персидскій, и имена собственныя во всей точности такія же, какія даютъ намъ Геродотъ, Ктесіасъ, историки Александра Великаго, и Священное Писаніе. А это — главное. Собственныя имена — основаніе всей дешифровки. Покуда они не получатъ своей натуральной и неоспоримой формы, стрѣльчатые тексты не могутъ почитаться рѣшительно разобранными: значитъ — мы не умѣемъ читать ихъ,

когда вмѣсто *Дарíушъ* Евреевъ и Dareios Грековъ, произносившихъ тоже — Da-ri-us, получаемъ Dârayawahush! Греки не могли ошибаться въ этомъ случаѣ: алфавитъ у нихъ былъ буквенный, способный выразить всѣ наклоненія голоса, Іонія находилась подъ владычествомъ Дарія, и іонійскимъ Грекамъ, къ которымъ принадлежалъ и самъ Геродотъ, нельзя же было не знать точнаго правописанія имени своего царя. И, въ самомъ дѣлѣ, это знали они въ совершенствѣ. Устраните только изъ текста тоническіе знаки, принимаемые донынѣ за буквы, за гласныя *a*, *i*, *u*, и поставьте ихъ по мѣстамъ, внѣ строчекъ, и дикія слова Dârayawahush k'hshayathiya wazarka превращаются вдругъ въ ΔΑΡΕΙΟΣ ΞΑΓΙΥΖΕΡΚ, чисто греческое правописаніе чистѣйшихъ и правильнѣйшихъ словъ персидскихъ: *Дарíусъ шехй вюзеркъ*, «Дарíусъ, царь великій». Такъ точно написалъ бы слова эти Геродотъ по своей греческой ороографіи! Изъ чего видно мгновенно еще и то, что греческое правописаніе отнюдь не Греками выдумано, что оно искони было употребительно на Востокѣ, и что одними только греческими буквами можно переписать стрѣльчатые тексты въ видѣ натуральнаго и удобопонятнаго языка, прибавивъ къ этимъ буквамъ три тоническіе знака Аравитянъ, тоже не ими изобрѣтенные, а принадлежащіе существенно къ системѣ первобытныхъ алфавитовъ.

Это интересное преображеніе я представлю вполнѣ наглядным образомъ во второй статьѣ съ надлежащимъ развитіемъ филологическихъ началъ, на которыхъ оно должно быть основано и

по которымъ, дѣйствительно, совершается съ неимовѣрною правильностью, не грѣша ни въ одномъ случаѣ ни натяжкою, ни произволомъ. Исполнивъ трудъ со всею нужною тщательностью, я считаю себя вправѣ утвердительно сказать заранѣе, что лишь только мы перепишемъ тексты по этому порядку, мѣста, затруднявшія и господина Ролинсона, и его германскаго комментатора, господина Бенфея, выйдутъ совершенно ясными, и новый, отлично логическій смыслъ родится добровольно тамъ, гдѣ прежде господствовали ипотеза и корнесловныя натяжки, какъ напримѣръ въ знаменитыхъ строкахъ Даріева Манифеста, разсказывающихъ, будто-бы, о религіозной революціи, невѣроятной, невозможной, о которой тутъ нѣтъ ни одного слова.

Языкъ, раждающійся изъ этой, филологически столь естественной, переписки, въ высшей степени занимателенъ для русскаго читателя: кромѣ разительнаго сходства своего съ нынѣшнимъ персидскимъ, мы видимъ въ немъ множество словъ и формъ славянскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ, которыми всѣ эти четыре языка тѣсно связываются между собою; видимъ, откуда взялись многія наши слова спорнаго происхожденія, какъ образовались многія формы, нынче для насъ самихъ непонятныя. Вы знаете съ дѣтства царя Кіаксара. Греки писали: ΚΥΑΞΑΡΗΣ (Кюаксарисъ), но, судя по еврейскому выговору этого имени, здѣсь пропущено еще одно Υ: слѣдовало писать ΚΥΑΞΥΑΡΗΣ (Кюаксюарисъ), потому-что въ еврейской формѣ оно звучитъ *А-хсуарусъ*, вмѣсто *Уа-хсуарусъ*,

съ пропускомъ начальнаго *y*, по неудобности написать его по-еврейски въ началѣ слова. Изъ этого видно, что Іонійцы, которые ввели это правописаніе, KYA произносили какъ латинское qua. Кто бы подумалъ, что это мидійское слово, въ подлинныхъ выговорахъ Uâ-suâ-rhsa, Uô-hsuô-darh, Uâ-hsuâ-rhda, Uô-suô-darh съ пропускомъ придыханія, Uô-suô-d съ пропускомъ rh, и наконецъ Suô-darh, съ пропускомъ начальнаго Uô, такъ близко къ нашему *Господарь* и къ его четыремъ или пяти формамъ, *господарь, господь, государь, сударь, судерь*, что нельзя не признать ихъ за тождественные? Первый слогъ Uâ или Uô — потому-что персидское â скорѣе ô чѣмъ â въ настоящемъ выговорѣ — этотъ слогъ извѣстенъ; онъ не что иное какъ частица усиливающая значеніе; онъ существуетъ и у насъ — *гой — гой еси*. Что значитъ suôdh, suôdarh (*суодь, суодарь*) или hsuôdh, hsuôdarh (*ксуодь, ксуодарь*) — не знаю. Въ ново-персидскомъ оно превратилось въ *ширъ;* но *ръ* здѣсь — только окончаніе; настоящее слово должно быть *ши*, зендское и санскритское *кси*, владѣть, слово, отъ котораго происходитъ и scheh, шахъ, владѣтель. Вмѣсто Uô, употреблялась и другая начальная усилительная частица, *арга, арта, арда*, и получались слова *арда-суодарь* и *арта-ксудрса, арта-судрта* (архисударь), *Артаксерксъ*.

Возьмемъ теперь другое древне-персидское слово ā: (*гай*), сказывать, называть. Это — чистое великополянское слово gajać, zagaić, польское gadać, сказывать, русское *гадать*, предсказывать, санскритское gad, ново-персидское jad, зендское

жай, *жаэ*, *жадь*, англо-саксонское say, нѣмецкое sag(en), славянское *зовъ*, *зову*, *звать*, нормандское quad, готское hwat, греческое φάω φάυ, англійское quote — всѣ одного и того же значенія — сказывать, называть, упоминать. Я вскорѣ буду имѣть случай представить неопровержимое доказательство изъ Книгъ Езры, что стрѣльчатый знакъ, соотвѣтствующій греческому твердому придыханію (h) произносился, зендскимъ образомъ, какъ *ж* въ древне-персидскомъ языкѣ, въ которомъ придыханій никакихъ не было. Слѣдовательно ἅϊ (*гай*) должно выговаривать *жай*. Но, покамѣстъ, будемте произносить его такъ, какъ оно пишется по греческой орѳографіи, ἅϊ (*гай*). Въ этомъ видѣ, оно ближе всего къ великополянской формѣ — *гаять*, сказывать. Страдательное причастіе настоящаго времени будетъ, въ множественномъ числѣ, *гаямые*, сказываемые, называемые. И въ томъ же видѣ встрѣчаемъ мы его въ стрѣльчатой надписи Дарія, если переписать греческими буквами: ἅ (га) — ειᾶ (я) — μέ (мы) — αι (е) — *гаямые* или *жаемые*, въ значеніи «зовомые, называемые». Но въ древне-персидскомъ слово это — сложное, оно составлено изъ *гай*, называть, и *эмые*, суть, были (греческіе ἐιμι, есмь). Слѣдовательно, наша форма *гадаемые* равносильна выраженію: *гада-были*.

Звука *ш* въ древне-персидскомъ языкѣ положительно не было, какъ и въ греческомъ: въ томъ и въ другомъ онъ замѣнялся звукомъ *кс* (латинскимъ x) или *хс* (chs), который не что иное какъ

превращенный звукъ *сх* (sch), произносимый въ однихъ нарѣчіяхъ какъ *сх* или *ск*, въ другихъ какъ *ш*. Голандцы, напримѣръ произносятъ sch какъ *сх*, Нѣмцы какъ *ш*, Шведы и Датчане какъ *ск*, Греки, Римляне и древніе Персы навыворотъ какъ *кс*. Замѣтимъ еще, что *кс*, въ тѣхъ языкахъ, которые звука этого не допускаютъ у себя, превращается обыкновенно въ *кн*. Греческое же твердое придыханіе въ древне-персидскомъ произносилось какъ *ж*. Слово *шахъ*, schêhî, ΞΑΓΊ, придется поэтому произнести *ксѣжи*. Но вѣдь это просто старинное xieźe Великополянъ, польское xiąźe, наше *кнезь*, князь, германское knig, könig! *Даріусъ ксѣжи вюзеркъ* будетъ значитъ — *Даріусъ, князь великій*. И что сходство словъ xieźe ΞΑΓΊ (*ксѣжи*) не случайное, а подлинное, коренное, доказательство тому мы имѣемъ въ формѣ *ксетва*, xiestwo, *кнезьство*, находимой въ томъ же языкѣ, въ значеніи «царство». Она пишется ΞΕΘΑ, но Θ, то есть, *тх* (t'hh) въ этомъ языкѣ, въ которомъ нѣтъ придыханій, въ самомъ мягкомъ выговорѣ, произносится какъ *тв*, а въ болѣе жесткомъ какъ *тр*, картавя *р* такъ, чтобы оно образовало звукъ посредственный между *х*, *р* и *в*, но болѣе всего похожій на *в*. Это — общее свойство всѣхъ языковъ и нарѣчій, въ которыхъ нѣтъ звука *л*. Въ древне-персидскомъ его не было. *Бабилусъ, Арбела*, писали на немъ *Бабирусъ, Арбера:* слѣдовательно, картавили *р* (Babihrhwus) подобно Китайцамъ, приближаясь къ звуку *в*, которымъ удобно замѣняются и *р* и *л*. Примѣры такого выговора не рѣдки и въ Европѣ, особенно между дѣтьми; на восточ-

ной половинѣ Азіи и на островахъ Тихаго Океана они почти повсемѣстны.

Изъ числа народовъ, которыхъ коренной выговоръ извѣстенъ мнѣ практически, Аравитяне и Турки произносятъ эту букву Θ чище всѣхъ — t'hh — съ нѣкоторою напыщенностью, cum emphasi, отчего она и названа *эмфатическою*, «напыщенною». Это — именно t'hh, то есть, t съ двумя hh; и ее надо отличить отъ обыкновеннаго, мягкаго t, еврейскаго thau, нашего *ть*, которое собственно есть t'h, то есть, t съ однимъ h. Въ русскомъ языкѣ также нѣтъ придыханій: мы выражаемъ придыхательное h посредствомъ *ь;* наше *ъ* равно двумъ *ьь* (hh), и букву Θ мы можемъ себѣ представить такъ: *тьь* или *тъ*, произнося его твердо, отнюдь не какъ простое *т*, хотя въ грамматикахъ нашихъ донынѣ не сдѣлали между ними никакого различія, не замѣтивъ, что въ словахъ, напримѣръ, *тонутъ*, *творятъ*, мы имѣемъ два разныхъ *т*, *т* простое и *т* съ двойнымъ придыханіемъ, *тъ*, t'h. Въ словѣ *тратятъ* есть три разныхъ *т*, *т* простое, лишившееся придыханій hh или *ъ*, которыя превратились въ *р* (trh), *т* съ однимъ придыханіемъ, *ть*, t'h и *т* съ двумя придыханіями, *тьь*, *тъ*, или t'hh. Это придыхательное h, переходя изъ одного нарѣчія въ другое во всѣхъ языкахъ превращается въ *с*, s. Въ звукѣ Θ (t'hh, *тьь*, *тъ*) иногда оба придыханія принимаютъ видъ s и образуется tss, иногда одно только, второе же остается придыханіемъ t's'h, *тсь*, что̀ равно *ць*. Такимъ образомъ и у насъ въ русинскихъ нарѣчіяхъ изъ *даютъ* (*даютьь*) возникаетъ *даютсь*,

дающь. Греки эту букву Θ, t'hh, *тьь, тъ*, произносили очень близко къ *тв*, почти какъ *тф*, изъ чего возникло у насъ ложное произношеніе ѳиты, ничѣмъ не отличающееся отъ *ф* или *хв*, звука, впрочемъ, совершенно отличнаго отъ греческаго Ф, которое собственно есть *пх*, правильнѣе p'hh, *пьь, пъ*, какъ Латины въ самомъ дѣлѣ и писали, ph, отличая его отъ своего f, равнаго звуку hw, *хв*. Что русское *ф* есть собственно *хв*, это доказывается выговоромъ Малороссіянъ, которые *философ*ъ, *фатальный*, произносятъ *хвилосовъ, хватальный*, тогда какъ русинскія и другія нарѣчія болѣе приближаются къ греческому Ф, выговаривая — *пъилосопъ, пъатальный*. Англичане, какъ извѣстно, оба hh въ буквѣ Θ, t'hh, превращаютъ въ ss, и самое t произносятъ большею частью такъ невнятно, что оно слышится почти какъ третье s отсюда ихъ th, правильнѣе t'hh, получаетъ выговоръ близкій къ sss, испанскому ç, которое то же Θ, t'hh, *тьь, тъ*, или trh зендское, санскритское и древне-персидское, съ картавленнымъ r. Этимъ и объясняется, какъ могло древне-персидское, зендское и санскритское слово *Θi* (произноси: trhi, картавя r), что̀ значитъ *три, трое*, превратиться въ персидскомъ въ *сьи*. Знаніе этого обстоятельства чрезвычайно важно, какъ мы вскорѣ увидимъ, при разборѣ стрѣльчатыхъ писаній.

Но въ эту минуту я не хочу оставлять любопытнаго вопроса о звукѣ *Θ*, t'hh, тьь, тъ, trh, не показавъ вмѣстѣ дальнѣйшихъ свойствъ его. Звука hh нѣтъ ни у насъ, ни въ интонаціи другихъ европейскихъ народовъ, исключая однихъ Тосканцевъ.

Чистый звукъ hh нынѣ извѣстенъ однимъ только Аравитянамъ и Евреямъ даже и въ колыбели языковъ, Азіи. Въ персидскихъ языкахъ также нѣтъ его. Народы, неумѣющіе интонировать чистое hh, разлагаютъ его, превращая то одно изъ двухъ hh, въ другіе сродные звуки, то оба вмѣстѣ. У народовъ, которые картавятъ, въ hh прежде всего слышится r. Въ Европѣ, кромѣ Евреевъ, одни только Испанцы такъ произносятъ свое гортанное *хота*, j, картавленное hh. Въ этомъ произношеніи, гдѣ одно изъ двухъ hh превращается въ r, картавленное hh тѣмъ только разнится отъ чистаго картавленнаго r, что въ hh первое h остается, а второе переходитъ въ r (hr), тогда какъ въ картавленномъ r, первое h становится r, а второе остается придыханіемъ (rh). Такъ эти превращенія понимали и древніе, когда писали свои ῤῥ и rh, съ придыханіями. Какъ придыханіе h при различныхъ интонаціяхъ легко переходитъ то въ k, то въ g, то въ s, z, ж, звукъ hr (картавленное hh) самъ собою становится гармонически, то *гр*, то *кр*, то *ср*, *зр*, *жр*, обратный же звукъ rh (картавленное r, у насъ *рь*, у Богемцевъ r, у Поляковъ rz), добровольно дѣлается *рс*, *рз*, *рж*. Если изъ двухъ hh одно превращается въ k, а другое остается придыханіемъ, тогда получается звукъ kh (ch), наше и греческое *х*. Еслибы въ нашей русской интонаціи было *кь*, мы не могли бъ произнесть нашего *х*, потому-что и *кь* и *х* равныя звуку kh, а двухъ разныхъ интонацій какого-нибудь звука въ одномъ же языкѣ не бываетъ. Племена персидскаго и арамитическаго происхожденія, которыя ча-

сто интонируютъ *кь*, не могутъ выговорить греческаго и нашего *х*: вмѣсто *х* имъ слышится s'h и они всегда превращаютъ его въ тонкое, шипящее *ш* (*шь*), очень близкое къ *сь* и къ португальскому z, въ словѣ, напримѣръ, Narvaëz. Отсюда и Англичане свое мягкое *ш* стали писать sh. Народы, у которыхъ нѣтъ чистаго h, естественно превращаютъ его въ k и тогда sh становится sk, въ выворотномъ выговорѣ ks, x. Sh отнюдь не настоящее, твердое *ш*: это послѣднее возникаетъ изъ превращенія обоихъ hh въ s и поэтому равно двумъ ss. Богемцы и пишутъ ss вмѣсто нашего *ш*. Изъ чего видно, что народы, въ первобытномъ состояніи, придумывая свои орѳографіи, лучше и чище чувствовали свойства своихъ звуковъ, нежели мы нынѣшніе: мы вообще полагаемъ, что это — произвольныя и условныя сочетанія буквенныхъ знаковъ, а между-тѣмъ произвольнаго тутъ ничего нѣтъ — все согласно съ природою, съ сущностью человѣческаго голоса, которую мы теперь, ставъ слишкомъ мудрыми, плохо постигаемъ.

Ясное понятіе обо всѣхъ этихъ тонкостяхъ и подробностяхъ необходимо при разборѣ стрѣльчатаго правописанія: иначе никогда мы его не постигнемъ, и все останется въ хаосѣ. Не слѣдуетъ ли заключить прямо изъ всего до-сихъ-поръ приведеннаго въ достаточную очевидность, что если въ древне-персидскомъ языкѣ было *кь*, такъ не могло быть ни *х* ни *ш*; если не было h — ни чистаго ни картавленнаго — а его положительно не было, потому-что *Хуарезмъ* они писали *Уарезмъ*, безъ всякаго придыханія—такъ всѣ мнимыя h дол-

жны быть греческія ε?... потому-что этою буквою, какъ мы увидимъ послѣ, замѣнялось въ древности h у народовъ, которые его не произносили. Между-тѣмъ, у господъ стрѣлкочитателей, отъ всѣхъ возможныхъ h, kh, k'h, ch, sch, sh, обобраться нельзя. Не мудрено, что такимъ образомъ они добываютъ изъ гвоздей языкъ ни на что̀ не похожій.

Но кончимъ сперва дѣло о звукѣ t'hh, *тьь*, *тъ*. Мы видѣли разныя превращенія звука hh. Въ соединеніи съ t, онъ естественно, смотря по интонаціи, долженъ получать слѣдующія гармоническія произношенія: thr, ths, thk, trh, trs, trz, *трж*, *трь*, t'sh и *тш* (русское *ч*), tss (англійское th), tsk, tkh, *тх*, *ткь*, *тщ*, *тъ* (равное глухому *д*, или dt), и такъ далѣе. Эти буквы могутъ быть произносимы вмѣстѣ или разбиты гласными, то-есть гласная звука t'hh—t'hh*a*, t'hh*o*, t'hh*u*, и прочая—можетъ остаться на концѣ слога, или перейти внутрь его; и тогда естественно возникаютъ слоги: this, thus, thar, thor, thur, tros, trus, tusk, *тащ*, *тощ*, *тиш*, *туш*, *так*, *ток*, *тух*, и множество другихъ подобныхъ, которые всѣ безъ изъятія уже первоначально заключены въ буквѣ Θ, или t'hh, и изъ нея сами собою развиваются. Интонація этой, какъ и всякой другой буквы, заключающей въ себѣ придыханія, можетъ быть и оборотная, то-есть, начинаться съ придыханій—hht; *тъ* можетъ сдѣлаться *тт*: тогда изъ hht, *тт*, раждаются kht, *кт*, *хт*, *шт*, *чт*, sht, szt, zst, *жст*, kst, skt, а съ гласными *хто*, *хотъ*, *хит*, *хат*, *кто*, *што*, *что*, shut, szat, zest, *жест*, *куст*, *скот*, *ста*, и прочая. У нѣкоторыхъ наро-

довъ два придыханія hh превращаются въ одинъ носовой звукъ n и изъ hht или *ьт*, и образуется nt: такимъ образомъ наше *сѣ*(а)*ть* — въ другихъ славянскихъ языкахъ становится sw(*а*)nt, swient. Древне-персидскій языкъ, подобно русскому, недопускалъ такихъ превращеній. Въ немъ нѣтъ носовыхъ nt, ng, nk, nb, и прочая.—Одно изъ двухъ придыханій hh иногда замѣняется выдыханіемъ v или f: тогда изъ hht, *вт* или *ьт*, добровольно возникаетъ *вст*, *фст*. Но *ст*, *тс* образуются изъ выворота простаго t, t съ однимъ придыханіемъ, t'h—потому-что безъ придыханія ни одной согласной быть не можетъ: всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ по-крайней-мѣрѣ одно h, и сочинители гвоздеобразной грамоты, *прекраснѣйшей изъ всѣхъ грамотъ*, какъ сказано въ одной надписи Ксеркса, превосходно чувствовали это: оно видно изъ ихъ правописанія. При средней интонаціи, когда t находится между двумя придыханіями — hth — *ьть* — мы получаемъ sth, kth, str, *сть*, и такъ далѣе. У народовъ, которые чисто интонируютъ t'hh, такихъ слоговъ нѣтъ и быть не можетъ. Изъ d'hh (греческой дельты Δ, арабскаго *dhhad*, нашего *дъ* или *дьь*) точно такимъ же образомъ раждаются *здр*, *жьд*, *вздъ*, и прочая; изъ p'hh — *пъ*, *пьь* — возникаютъ *пьс*, *псь*, *ьпс*, *ьсп*, *спь*, *всп*, и прочая, и прочая. Когда мы говоримъ *дать* (собственно *дъать*), намъ стоитъ только перемѣнить интонацію, и мы естественно скажемъ *вздать* или *воздать* — мы принуждены законами звука сказать такъ — мы тутъ ничего не прибавляемъ и не убавляемъ—со стороны человѣка нѣтъ въ этомъ случаѣ ни вы-

думки ни произволу—буквы, которыя намъ кажутся прибавочными, были уже заключены въ первоначальной, основной буквѣ, и обнаружились сами собою при усиленіи, ослабленіи или перемѣнѣ интонаціи, отъ бо̀льшей или мѐньшей издержки воздуха. Всѣ измѣненія нашихъ глаголовъ, именъ и другихъ частей рѣчи зависятъ отъ этого закона. По роду интонацій, принятыхъ нашими предками, мы такъ *должны* говорить. Изъ системы этихъ интонацій особенная гармонія каждаго языка развивается сама собою; и потому введеніе иностраннаго слова въ рядъ словъ отечественныхъ всегда производитъ непріятное впечатлѣніе: оно *иначе интонировано*, и производитъ диссонансъ съ интонаціями нашихъ родныхъ словъ; превращенія придыханій происходятъ въ немъ въ другомъ, непривычномъ для насъ, порядкѣ.

Мы можемъ тотчасъ испытать достоинство этой теоріи на дѣлѣ, посредствомъ приложенія. Возьмемъ самое затруднительное мѣсто въ стрѣльчатыхъ надписяхъ. Если только попадемъ мы на настоящую систему интонаціи древняго персидскаго языка, все должно стать просто и понятно. Мы видѣли, и ни господинъ Ролинсонъ, ни его коментаторъ, господинъ Бенфей, не отвергаютъ, что знакъ trh (grassayé) находится въ этой азбукѣ, также какъ въ зендской и санскритской, и мы достаточно убѣждены нынче, что это trh не что̀ иное какъ греческое Θ, нѣсколько иначе интонированное, оттого что въ греческомъ выговорѣ были придыханія, а въ древне-персидскомъ вовсе ихъ не существовало. Какъ скоро стрѣльчатое trh равно

греческой *Θ*, такъ десяти θитъ въ этомъ алфавитѣ быть не могло—была только одна—и то, что два ученые толкователя надписей принимаютъ за thh, сверхъ знака trh, должна быть совсѣмъ другая буква. Буква эта находится въ словѣ хеh, царь, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть одна изъ коренныхъ буквъ слова, h. Слѣдовательно она h, во всей точности греческое твердое придыханіе. Но какъ оно выговаривалось? — потому-что у древнихъ Персовъ придыханій не было:—въ какую букву превращалось оно? Мы это сейчасъ увидимъ. Въ началѣ книги Езры пророкъ, говоря о Кирѣ, употребляетъ одно персидское слово—*гизберъ*—въ значеніи «государственный казначей» персидскій. Это слово сохранилось и въ ново-персидскомъ языкѣ, и притомъ сохранилось въ двухъ формахъ, съ придыханіемъ, и безъ придыханія, которое замѣнено носовымъ звукомъ *н*: *гehберъ* и *генжберъ*, вмѣсто *гижберъ*, казнособиратель, слово составленное изъ *гeh*, *гижъ* или *генжъ*, сокровище, казна, и *беръ*, нести, брать, тащить. Слѣдовательно придыханіе h выговаривалось какъ *ж* въ древне-персидскомъ. У Езры написано *гизберъ* потому, что звука *ж* нѣтъ въ еврейской азбукѣ. Какъ *з* оно не могло произноситься, потому-что въ стрѣлчатой азбукѣ есть другой знакъ для *з*, который—несомнительное з. Слово же *гижъ*, вмѣсто *гeh* и *генжъ*, находится въ одной изъ надписей, отдѣльно, и значитъ также «казна», «сокровище». Но замѣтимъ, что если не было придыханія, было зато по-необходимости выдыханіе, согласная въ родѣ французскаго u и нѣмецкаго ü, произношеніемъ

близкая къ нашему *ю* или латинскому v. Іонійскіе Греки, у которыхъ выдыханія видно не было, замѣняли его придыханіемъ и ΥΣΤΑΣΠ (üistasp) древнихъ Персовъ писали ʻΥΣΤΑΣΠ (hüstasp). Вѣроятно, у Персовъ имя это произносилось очень близко къ нашему *юстаспъ*, потому-что въ ново-персидскомъ языкѣ пишутъ *Гюштаспъ*: измѣненіе мягкаго *ю* въ *гю* правильно и весьма обыкновенно въ языкахъ, не употребляющихъ этого выдыханія. По этому примѣру, и прочія древне-персидскія слова, начинающіяся съ ü или *ю*, обязаны въ ново-персидскомъ начинаться съ *гю*. Напримѣръ, ново-персидское *гюжъ*, корень, родъ, родина, коренное, родное, въ древнемъ языкѣ должно являться *üжъ* или *южъ*. Въ самомъ дѣлѣ, оно такъ и является. Господа Ролинсонъ и Бенфей читаютъ это слово *viha*. Нельзя и желать сильнѣйшаго доказательства, что ихъ th—не th, не *θ*, а чистое *ж*: оно встрѣчается и тамъ, гдѣ *ж* не превращеніе придыханія, а коренная буква. А какъ-скоро знакъ, равный греческому твердому придыханію, произносился какъ *ж*, и th г. Ролинсона есть положительно *ж*, такъ его jh будетъ *з*, его j будетъ *зь*, его h будетъ греческое ε, его ch будетъ *ц*, и такъ далѣе—одно слѣдуетъ изъ другаго по кореннымъ законамъ звука—вся система чтенія измѣнится—языкъ выйдетъ совершенно другой.

Мы обстоятельно видѣли, какъ и почему древне-персидское trh равно ново-персидскому *съ*: слѣдовательно, всѣ древнія слова, въ составъ которыхъ входитъ знакъ trh, должны въ ново-персидскомъ, если они сохранились, являться со звукомъ *съ*, и

означать то же самое. Такъ, загадачное и небывалое niyatrhârayam, которое съ помощію санскритскихъ корней г. Ролинсонъ переводитъ — *я возстановилъ*, а г. Бенфей, наоборотъ — *я уничтожилъ*, усматривая въ немъ цѣлый религіозный переворотъ и измѣняя для этого натуральное значеніе ближайшихъ словъ, это niyatrhârayam, по устраненіи діатоническихъ знаковъ простое NIΘrhAPIM, должно въ ново-персидскомъ быть NIΣAPIM. И, въ самомъ дѣлѣ, оно тамъ есть. *Нисариденъ* или *нишариденъ* значитъ — расточать дары, оказывать щедроты. Вмѣсто фразы натянутой и сомнительной въ каждомъ словѣ — *то, что Гомадъ Магъ*, ложный Смердисъ, *повелѣлъ* (*боготворить*), *я это уничтожилъ*—мы получимъ фразу простую и ясную. Выйдетъ смыслъ самый логическій, естественно проистекающій изъ предъидущаго: *то, что самозванецъ награбилъ, я щедро назадъ роздалъ.*

Что же заставило переводчиковъ предполагать здѣсь рѣчь о религіозномъ переворотѣ? Подбирая разные санскритскіе корни къ странному слову niyatrhârayam, они нашли, что слово это можетъ значить и *возстановилъ* и *уничтожилъ*, и «да» и «нѣтъ», смотря по корню; а между-тѣмъ въ первой половинѣ фразы есть глаголъ, по ихъ чтенію, viyaka, довольно схожій съ однимъ зендскимъ глаголомъ, который значитъ — *повелѣлъ*. Толкованіе: если тутъ сказано — самозванецъ *повелѣлъ*, такъ въ отвѣтѣ, niyatrhhrârayam будетъ значить — *я уничтожилъ*: это говоритъ одинъ. Нѣтъ, говоритъ другой: *повелѣть* все-равно что и *запретить*;

viyaka — будетъ здѣсь значить — *запретить*, а niyatthârayam — *возстановить*: что самозванецъ *запретилъ*, я то *возстановилъ* *. Что жъ могъ онъ запретить? Въ томъ же періодѣ есть слово *гюжъ*, корень, родъ, родина, коренное, природное, нынче по-персидски *гюжъ*. Переводчики читаютъ его vitha: оно въ этомъ видѣ сходно съ древне-германскимъ vithe, vite, боги, духи, и вотъ г. Бенфей толкуетъ: *духи*—и *природное*—двѣ идеи въ одномъ словѣ!... такъ это значитъ — природные, отечественные боги! пенаты! И смыслъ періода рѣшенъ. Религіозная революція совершилась. *Kar*, станъ, войско,

---

* Между-тѣмъ viyaka, въ настоящемъ видѣ своемъ, за устраненіемъ мелодическихъ знаковъ yik (jik, *йікъ*) не можетъ быть иное что какъ прошедшее совершенное отъ jih, въ ново-персидскомъ tchih, tschiden, tschinde, накопить, награбить, латинское veh(ere), vec(tus), нѣмецкое ziehen (ціенъ, но собственно, какъ произносятъ въ Швейцаріи, *цьигъ*), древнецкое *цягнуць*, русское *тянуть*, *тяга*, польское *цёгнонцъ*, исландское teka, стянуть, похитить, англійское take, взять. Въ старо-персидскомъ уничтоженъ носовой звукъ n передъ k, потому-что такихъ звуковъ не допускалось. Въ ново-персидскомъ и нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ онъ проявляется, въ томъ *nd*, а въ тѣхъ *ng*, что рѣшительно тождественно. Старо-персидское ji (*йі*) въ новомъ превращается правильно въ *чи*, въ нѣмецкомъ, древнецкомъ или бѣлорусскомъ и польскомъ въ *ци*, въ русскомъ и нормандскомъ въ *ти*, *тя*, *та*. При перемѣнѣ интонаціи это *йікъ* превратится въ *сьвикъ*, *зьвигъ*, *двиг*, и выходитъ *двигать*, *сдвигать*, что по-нормандски говорится vig и vik. Вотъ мы и воротились къ древне-персидской формѣ. Значеніе этого слова не можетъ ни на минуту подлежать сомнѣнію: *йікъ* или мнимое viyaka положительно ново-персидское *чидъ*, накопилъ, нахватalъ, награбилъ, стянулъ, vexit, vec-(tigal).

военное сословіе, будетъ значить *государство*. Githa похоже на санскритское geha, *домъ*: ну, домъ, это храмъ; стоитъ только подразумѣть — домъ божій, такъ какъ дѣло идетъ о богахъ, vitha. А дѣло собственно идетъ о *гнжсь*, *генжсь*, сокровищахъ, богатствахъ и почестяхъ, отнятыхъ самозванцемъ, не у боговъ, а у *гюжей*, у коренныхъ родовъ, у столбовыхъ вельможъ, которые, какъ извѣстно, пользовались въ Персіи наслѣдственными санами и чинами. Meni — *честь*, *почесть* (по-польски *меніе*, mienie). Честь, почесть? — да это почести, отдаваемыя богамъ!... Оставалось только одно затруднительное слово a-bitsaris. Посредствомъ различныхъ сближеній съ санскритскимъ, дотого тонкихъ, что и понять ихъ нельзя, г. Бенфей выводитъ заключеніе, что это должно значить der Schützer, охранитель, покровитель: слѣдовательно, это — Ормузда, персидскій Юпитеръ! Негодный магъ, самозванецъ, *запретилъ* было поклоняться Ормуздѣ, перемѣнилъ государственную религію, ниспровергъ боговъ; явился Дарій, и возстановилъ все, *храмы*, божескія почести, или *богопочитаніе* и *молитвы*, древнія литургіи.

Да такъ натягивая прямое значеніе словъ, столь же легко можно было открыть въ этой фразѣ и всеобщій потопъ! Der Schützer Ормузда — не кто иной какъ дѣепричастіе глагола *бицари*, помиловать, умилостивиться. Слово донынѣ существуетъ въ ново-персидскомъ языкѣ: *бижарѐ* или *пижари* значитъ — милостивецъ. Древняя форма *а-бицари* соотвѣтствуетъ славянскому дѣепричастію съ окончаніемъ *ши* — помиловавши, размилостивившись — и

греческому дѣйствительному причастію прошедшаго времени съ окончаніемъ ѱ. *Карѐ а'бицарисъ* значитъ только — *къ войску* (военному сословію, дворянству) *умилостивившись*. Вотъ весь этотъ періодъ, въ томъ видѣ, какъ должно читать и произносить его. Знакъ *à* есть *а* длинное, произносимое между *а* и *о*; *б*—длинное *о*, oomega; *ѐ* — двойное *э*, и такъ далѣе; *ç*—двойное шипящее мягкое *сс*, почти *ссь;* всѣ *р* выговариваются картавя; *д* въ словахъ *Дарiусъ, адемъ, Мадъ*, есть громкая дѣльта, твердое *д*, съ легкимъ оттѣнкомъ звука *з*.

Жáдй. Дáрiуçъ. кспжй. ксетвемъ (xetrhem).
Рѣче (gada) Дарiусъ царь (xięźe): Царство (xiestwo),
ти. эцó. э'мойемъ. домóе. per'áberdem ѐ.
что(ѫ) изо (ex) нашего дому взятое было (ѫv)
б. адемъ (почти *азамъ*). *педь-педемъ. э'кюнóмъ*
о-ное азь (я) назадъ учинилъ.
(эчюнôмъ). *адемъ-çимъ. гáжб. убстáемъ.*
Я (*азь*) его (esch) на-мѣсто (gàh) возставилъ.
ижá. прôмацм. ѐ. ôжá. адемъ. э'кю-
Какъ (*иже*) прежде (primò) было, такъ (*тоже*) я (*азь*) учи-
нóмъ. (э'чюнôмъ). *эда'на. ть. Гомадъ. и. Ма-*
нилъ. Это что Гомадъ (ô,le) Магъ
гуçъ. йiкъ. адемъ. нитвáрiмъ (nitrharîm).
стянулъ (похитилъ), азь (я) щедро-роздалъ.
карѐ. э'бицáрисъ. гижем-ца. меньем-ца.
(къ) войску умилостивившись, богатства (que) почести (que).
южибисъ. ть-дыçъ. Гомадъ. и. Магуçъ.
кореннымъ, тѣмъ же у которыхъ Гомадъ (ô,le) Магъ
атьинá. адъамъ. кáремъ. гáжб. убстаемъ.
отнялъ, азь (я) войску на-мѣсто (назадъ) возставилъ

Па́рсем-ца́. Мадем (почти *ма́земъ*)-*ца́.*
(доставилъ). Персію (que), Мидію (Медію, землю Мазовъ) (que),
'да. эніё. деѣо́, ижа. про́маци. о́жа́.
да и иныя области, какъ (*иже*) прежде (primo qui) такъ
адемъ. ти. per'а́berdem. педьи. а́berem. оçна
(*тоже*) азь (τὸν, *то*) взятое назадъ взялъ. Черезъ
Ормёздае. имъ. адемъ. э'кюно́мъ (э'чюно́мъ). *Адемъ.*
Ормузду это (in) азь учинилъ. Азь
ам' э-такси́. ѣда. южемъ.
все устроивалъ (ἔταξει), пока (*егда*) корень (родовую вот-
темъ. э'мойемъ. га́жо́. уо́стаемъ.
чину) (τῇ, *ту*) нашу на-мѣсто (назадъ) возставилъ (себѣ
ижа́. про́маци. о́жа́. адемъ. ам'
доставилъ) Какъ (*иже*) прежде (primo), такъ азь все
э-такси́. оçна. Ормёздае. ижа́. Гомадъ. и.
устроилъ, чрезъ Ормузду, какъ-бы Гомадъ (ὁ, *тотъ*)
Магуçъ. южемъ. темъ. э'мойемъ. ни.
Магъ корня (вотчины) (τήν, *той*) нашей никогда и
пер'а́бере.
не бралъ.

Безспорно, что съ помощію славянскихъ языковъ можно яснѣе отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ этихъ строкъ и лучше почувствовать духъ этого языка, чѣмъ посредствомъ англійскаго или нѣмецкаго. Какое здѣсь множество словъ греческихъ, латинскихъ, но преимущественно, славянскихъ! Между-тѣмъ, это языкъ кореннымъ образомъ персидскій. Его можно назвать — персидскимъ языкомъ съ греческой грамматикой и славянскими формами. Всѣ тѣ же слова существуютъ и въ новоперсидскомъ, но тамъ они такъ измѣнены другими формами, что вовсе уже не являютъ славян-

ской наружности. *Ижâ*, напримѣръ, не что̀ иное какъ новоперсидское *инчѐ*; но кто бы могъ догадаться, что *инчѐ* новоперсидское и *иже* славянское—одно и то же слово! *Адемъ*—слово сложное, составленное изъ adh, я (азь), и em, мой. Въ новоперсидскомъ adh исчезло; осталось только em и men (меня), которое есть и въ древне-персидскомъ. Не любопытно ли узнать изъ стрѣльчатой грамоты образованіе латинскаго primus, primò? Въ надписяхъ Дарія слово *прѣма* написано всегда раздѣльно, pr' ôma, чтобы показать, что оно состоитъ изъ pro, до, и ima, того; до-того, прежде. Но самое интересное слово въ этихъ строкахъ безспорно—oçnâ, чрезъ. Мы видѣли, что ç есть превращеніе придыханія h, зависящее отъ особенной интонаціи, принятой въ языкѣ. Возстановимъ h: мы получимъ ohna. Это очень похоже на нѣмецкое ohne, безъ. И въ самомъ дѣлѣ оно то и есть. Перемѣну значенія, изъ *чрезъ* на *безъ*, можно постигнуть только при помощи славянской филологіи. Великополяне до-сихъ-поръ вмѣсто *чрезъ* употребляютъ *безъ* и, наоборотъ, вмѣсто *безъ*—*чрезъ*. Они пишутъ: *итти чрезъ мостъ*, а говорятъ *итти безъ мостъ*; пишутъ — *рѣка безъ моста*, но въ разговорѣ выражаются — *рѣка чрезъ моста*. Эта странность не безпримѣрна и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ: откуда она происходитъ — не знаю, но ясно, что въ древности она была общая многимъ языкамъ бѣлой породы, возникшимъ изъ одного источника, когда ohne на берегахъ Персидскаго Залива могло значить *чрезъ*, а у Нѣмецкаго Моря *безъ*. Г. Бенфей, который длинное *o* при-

тельно ясенъ, что никому и не предст
чтобъ можно было понять и перевести эт
іодъ иначе. Смыслъ такъ простъ, слогъ та
венъ, содержаніе фразъ такъ естественн
исполнено логики, что царь Дарій иначе
рить не могъ. Поэтому, въ оправданіе дл
этого длиннаго разсужденія, я долженъ п
переводъ буквальный г. Ролинсона и его
татора, г. Бенфея. — Слова, выставленныя
вомъ и отмѣченныя вопросительнымъ з
будутъ тѣ, которыхъ не встрѣтили мы п
борѣ періода.

«*Приказалъ извѣстить* (?) Дарій царь:
«(?), похищенную у нашего рода, возвра
«ему назадъ. Я поставилъ государство *счаст*
«(?) какъ прежде. Я *приказалъ* (?) не *покло*
«(?) тому, чему Гумата Магъ *училъ* (?). Я во
«вилъ *храмъ и богопочитаніе Хранители*
«и боговъ, все что Гумата Магъ и имъ по

«*Такъ-то* (?) я *трудился* (?), *по-милости* (?) *Аура-*«*мазды*, *чтобы* (?) Гумата Магъ *опять народа* (?) «нашего у насъ не похитилъ!»

Чтобы Гумата Магъ *опять не похитилъ*! А по разсказу той же надписи, Дарій началъ съ того, что самозванца, Гомада Мага, убилъ! Это ужъ совершенно излишняя предосторожность — *трудиться такъ, чтобы* мертвый *опять* не похитилъ престола! Вы спросите, откуда взялась въ этомъ переводѣ мысль о такомъ страстномъ желаніи царя Дарія: *поставить счастливымъ* свое государство! Кажется, о *счастіи* тамъ рѣчи не было? — По аналогіи съ санскритскими и зендскими корнями, за *счастіе* и *счастливый* объяснители надписи приняли самое употребительное новоперсидское слово gâh, древне-персидское *гâжъ*, мѣсто: gâhô, или *гâжъ* не что иное какъ творительный падежъ этого слова (въ греческомъ правописаніи γαω) и значитъ только loco, loco suo, на-мѣсто, назадъ. Впрочемъ вмѣсто *гâжъ*, принявъ *ж* за h и не устранивъ мелодическихъ знаковъ, они читаютъ gathuwa, слово, въ которомъ можно видѣть всѣ блаженства міра, потому-что оно вовсе непонятно и ни на что не похожо. О *милости* Ормузды также не было тамъ упоминанія; но по тѣмъ же аналогіямъ зендскимъ и санскритскимъ предлогъ *оçпâ* (ohne), чрезъ, обратился въ любовь и милость. Нѣтъ ничего опаснѣе какъ переводить съ неизвѣстнаго нарѣчія, опираясь на одни только наружныя сходства словъ его со словами другихъ нарѣчій того же языка. Вотъ примѣръ — сербская фраза, взятая на удачу: *изlазе три пута*; послѣ многихъ

весьма тонкихъ соображеній, основываясь на наружныхъ сходствахъ этихъ словъ съ русскими и не слишкомъ дорожа строгою логикой, вы, пожалуй, переведете — *выльзло изъ него три пуда* — и объявите, что сербскій стрѣльчатый языкъ вы разобрали. Между-тѣмъ фраза значитъ: *выходитъ три раза*. О трехъ пудахъ тутъ въ поминѣ не было.

Едва ли теперь нужно, противъ переводовъ г. Ролинсона и Бенфея, выставлять другой переводъ, отчетливѣе подстрочнаго. На всякій случай, для удобства при сравненіи, вотъ настоящее содержаніе:

«Сказалъ Дарій царь: царство, которое у дома «нашего похищено было, я обратно пріобрѣлъ. Я «его возстановилъ, какъ оно было прежде. То, «что Гомадъ Магъ награбилъ, я щедро роздалъ «обратно. Милуя войско (военное сословіе, дворянство), богатства и почести, по корнямъ (по-родно), «тѣмъ, у кого Гомадъ Магъ отнялъ, я войску «возвратилъ. Персію, Мидію и прочія области, по-«прежнему, я, послѣ похищеній (ихъ было много), «соединилъ. Черезъ Ормузду я это сдѣлалъ. Я все «распоряжался, пока вотчины нашей вполнѣ не «возстановилъ. Какъ что прежде было, я во всемъ «распорядился черезъ Ормузду такъ, какъ-будто-«бы Гомадъ Магъ вотчины нашей и не похищалъ».

Эта форма царскаго объявленія можетъ показаться нынче странною, но она совершенно подлинная. Въ началѣ книгъ Езры мы имѣемъ еврейскій переводъ одного указа или объявленія царя Кира, Дарієва предмѣстника. Священный историкъ го-

воритъ о милосердіи къ Евреямъ, которое сердцу Кира, въ самый первый годъ его царствованія, внушилъ Сущъ-Богъ, или Самосущій Богъ, Ihwâ Alohay. — Ihwa, *Егова*, есть, какъ извѣстно, причастіе настоящаго времени отъ глагола hua, *былъ*, и значитъ—*сущій*, ens, étant. Слово Alohay заключаетъ въ себѣ по этимологіи, идею *силы*. И оба слова означаютъ — Сущая или Самосущая Сила, Богъ. Ясное понятіе объ этомъ необходимо для филологическаго уразумѣнія Кирова указа. Далѣе сказано, что Киръ тотчасъ повелѣлъ обрадовать *рѣчью* — qôl, то есть, черезъ глашатаевъ — по всему царству своему, а *также и письменами*, miktab, слѣдующія слова: «Сказалъ Корешь, царь «Персіи, такъ: все царство земли этой дала мнѣ «Самосущая Сила небесъ, Ihwa Alohay». Замѣтимъ немедленно, что Ihwa Alohay въ еврейскомъ переводѣ этого персидскаго указа должно по-необходимости замѣнять подлинное персидское слово *Ормузда*. Почему Евреи такъ переводили это слово? Отвѣтъ очень простъ: *Ормузда*, собственно Uer-mözd, значитъ буквально то же самое. Uer есть причастіе настоящаго времени отъ глагола è или uè, *былъ*, и значитъ—сущій, ens, étant, германское wer-dend. Mözd, выворотное mödz, не требуетъ длинныхъ выводовъ: это слово находится въ томъ и въ другомъ видѣ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, *можль*, modz, мочь, можно, моштно, мощно, mocno, и во всѣхъ германскихъ, mögd, Macht mögen, наше *могу*, *можешь*, и такъ далѣе. Mözd или mözda, по выговору разныхъ восточныхъ племенъ, которыя букву *м* безпрестанно измѣ-

няютъ въ б, естественно превращается въ bozda или buzda; zd дѣлается у нихъ удвоеннымъ d, и вотъ какимъ образомъ, изъ Mözda образуется Budda, знаменитое названіе верховнаго существа у буддистовъ. *Ор-музда* или *Ор-будда*, это — все-равно. Изъ чего можно было бы заключать, если угодно, что вѣра Будды существовала уже при Кирѣ. Возвратимся къ его указу.

Мы должны, слѣдовательно, такъ переводить граммату съ еврейскаго перевода: «Сказалъ Кореш, царь Персіи: «Все царство земли этой далъ «мнѣ Ормузда. Онъ потребовалъ отъ меня соору- «женія храма ему въ Іерусалимѣ, что̀ въ Іудеѣ. «Кто между вами — изъ его народа (изъ народа «Іерусалима, а не Ормузды), съ тѣми да будетъ «Богъ ихъ, пусть идутъ въ Іерусалимъ и строятъ «храмъ Самосущему Богу Израиля: это — Богъ «іерусалимскій. Всѣмъ, остающимся, изо всякаго «мѣста, которые — чужіе тамъ, пусть люди того «мѣста дадутъ серебра и золота, и рухляди и скота, «изъ милосердія, для храма того Бога, что̀ въ «Іерусалимѣ.» Первая фраза этого указа, отъ слова до слова, повторяется въ надписяхъ Дарія: *все царство этой земли далъ мнѣ Ормузда.* Мы встрѣтимъ ее не однажды въ текстѣ главной его надписи. Указъ Кира, какъ мы видѣли, былъ обнародованъ также и *письменами*, стало быть, по обыкновенію древности, былъ вырѣзанъ письменами на камнѣ, на утесѣ: онъ можетъ еще отыскаться между гвоздеобразными надписями вавилонской страны, и, при помощи текста Езры, послужить къ ихъ дешифровкѣ.

Другой такой же указъ Кира сохранился въ еврейскомъ переводѣ въ концѣ послѣдней главы «Хроникона», гдѣ также начинается онъ, какъ и у Дарія, словами: «Сказалъ Корешъ царь: все царство «земли этой далъ мнѣ Ормузда; онъ потребовалъ «отъ меня» и прочая. Нѣтъ сомнѣнія, что такой важный для Евреевъ документъ былъ переведенъ ими буквально; и поэтому трудно понять для чего г. Бенфей слово *жади* переводитъ—*приказалъ обнародовать* — вмѣсто *сказалъ*, какъ у Езры и въ «Хрониконѣ». Но па это находитъ онъ свои причины въ санскритскомъ корпесловіи.

Труды и изслѣдованія маіора Ролинсона продолжались около восьми лѣтъ. Онъ началъ заниматься стрѣльчатыми надписями еще въ 1838 году. Плодомъ этихъ усилій было небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «The Persian Cuneiform Inscription at Behistun, decyphered and translated by Major H. C. Rawlinson», представленное лондонскому азіятскому обществу въ исходѣ прошлаго года и напечатанное въ его журналѣ, съ приложеніемъ восьми таблицъ снимка надписи. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ общее обозрѣніе стрѣльчатыхъ и гвоздеобразныхъ надписей, но главный предметъ его — огромная надпись Дарія, Истаспова сына, находящаяся въ Багистанѣ, нынѣшнемъ Бисутунѣ, городищѣ, сосѣднемъ съ Кирманшахомъ. Надпись эта, состоящая слишкомъ изъ тысячи строкъ, вырѣзана на скалѣ тремя почерками, на трехъ языкахъ, для свѣденія трехъ главныхъ поколѣній, населявшихъ имперію, персидскаго, ассирійскаго и.... полагаютъ, мидійскаго:

но это не совсѣмъ вѣроятно. Мидійцы принадлежали къ персидской породѣ. Едва ли этотъ третій языкъ не армянскій. Какъ бы то ни было, надпись, кромѣ удовольствія проникнуть въ таинственное, представляетъ особенный интересъ изслѣдователямъ. Она чрезвычайно важна для исторіи. Во-первыхъ, это единственная подлинная страница исторіи древнихъ Персовъ, а во-вторыхъ одна уже она рѣшаетъ многіе спорные вопросы. Среди басней Геродота, противорѣчій Ктесіаса и Ксенофонта, и нелѣпостей Фирдоусія, критика была не въ состояніи сличить не только факты, но даже и собственныя имена, такъ что въ этомъ хаосѣ, можно было сомнѣваться во всѣхъ дѣяніяхъ Даріевъ и Ксерсесовъ. Но вотъ теперь передъ нами одинъ изъ офиціяльныхъ документовъ ихъ правительства, манифестъ Камбизова преемника, Дарія Истаспова, объ очищеніи имперіи отъ самозванцевъ и возстановленіи прежняго порядка. Сказаніе Геродота согласуется съ этимъ памятникомъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но не подтверждается въ главномъ: по его разсказу, Дарій былъ родоначальникомъ новой династіи, между-тѣмъ какъ въ манифестѣ, представляя свою родословную и исчисляя предковъ, Дарій говоритъ, что онъ — девятый царь Персіи изъ рода Ахаменидовъ и что Персія его—*корень*, вотчина. Между-тѣмъ одно мѣсто манифеста, къ сожалѣнію весьма истертое, заставляетъ думать, что отецъ Дарія, Истаспъ, не былъ царемъ, что онъ еще командовалъ войскомъ Дарія послѣ его воцаренія.

Вся исторія объ избраніи Дарія на престолъ,

объ его лошади и его конюшемъ, оказывается сущею баснею. Дарій положительно говоритъ, что онъ царь Персіи по праву наслѣдства, одному Ормуздѣ обязанъ престоломъ, Ормузда сдѣлалъ его царемъ, и онъ никого не благодаритъ за свое избраніе. Между-тѣмъ ни Кира, ни Камбиза не показываетъ онъ въ своей родословной, называя ихъ просто *царями изъ нашего дома*. Все это ужасно темно. Противорѣчіе можно согласить только тѣмъ предположеніемъ, что Дарій былъ царевичъ изъ младшей линіи. Самозванца, воцарившагося по смерти Камбиза, зоветъ онъ въ манифестѣ постоянно Гомадомъ. Самозванецъ былъ магъ: это согласно съ Геродотомъ. Онъ принялъ имя убитаго брата Камбизова и назывался *Берди*. У Геродота онъ — *Смердисъ*. Это различіе въ именахъ приводитъ въ большіе хлопоты тѣхъ, которые долго вѣрив Геродоту, желали бы теперь спасти честь *отца исторіи* и какъ-нибудь согласить его народныя сказки съ положительными фактами. Но испугъ ихъ напрасенъ. Въ этотъ разъ Геродотъ правъ. *Берди*, *Мерди* и *Смерди* — одно и то же имя, три различныя интонаціи одного и того же начальнаго звука, *б:* bherdi — wherdi — mherdi — hmerdi — smerdi — та же исторія *Ор-музды* и *Будды*. Старая Смирна, *Смѣрна*, собственно *Смюрна*, или то мѣсто, гдѣ были ея дачи, донынѣ у мѣстныхъ жителей называется *Бюрна*, *Бюрн*-абâдъ. Вотъ положительное доказательство превращенія *б* въ *см* въ той же сторонѣ, изъ которой Геродотъ вышелъ. Превращеніе *Берди* въ *Смерди* доказываетъ только то, что онъ свѣ-

денія свои объ исторіи Персовъ почерпнулъ не изъ ихъ же показаній, не изъ книгъ, а изъ простонародныхъ разсказовъ, бывшихъ въ ходу въ Малой Азіи, гдѣ такъ выговаривали это имя. Впрочемъ и въ самомъ манифестѣ Дарія, какъ мы увидимъ, одинъ изъ самозванцевъ, которыхъ было девять кромѣ Гомада Мага, чуть-чуть не названъ *Смерди:* его уже зовутъ *Мерди*, вмѣсто *Берди*. Вспомнимъ еще, что у Юстина Smerdis называется Mergis. Вотъ уже начальное s и исчезло, въ третьемъ выговорѣ. Слогъ gis совершенно равносиленъ слогу dis, какъ въ венгерскомъ: Mádyar и Magyar, потому-что это d есть собственно dt, особенный родъ звука t, который всюду переходитъ въ g.

Бисутунъ или Бистунъ есть названіе мѣста, гдѣ нѣкогда находился *Багистанъ* или *Багистанъ*, пышная столица Дарія, любимый его городъ въ южной Мидіи. Какъ «Богъ» и по древне-персидски *Богъ* (bogh, begh, beh), то г. Бенфей подъ словомъ *Багистанъ* разумѣетъ «божіе мѣсто», Богоградъ.

Но оно также легко можетъ значить и «виноградный садъ»: таковъ и донынѣ, въ ново-персидскомъ языкѣ, смыслъ слова *Багистанъ*, а преданіе, заимствованное Діодоромъ Сицилійскимъ изъ Ктесіаса, гласило, что Семирамида, пришедши въ южную Мидію съ сильнымъ войскомъ, остановилась здѣсь, въ долинѣ, у подножія горы, изъ которой вытекалъ прекрасный источникъ, и такъ была восхищена мѣстоположеніемъ, что развела тутъ огромнѣйшій *рай*, paradeisos, *парадиса* по-древне-персидски, *фердоусъ*, по-нынѣшнему, что

значитъ именно — садъ, виноградникъ, тоже что *бāгистāнъ*. Діодорово описаніе мѣста вполнѣ согласуется съ окрестностями *Бисутуна*. По словамъ Ктесіаса, который самъ былъ въ Багистанѣ, у Артаксерса Мнемона, и поэтому принятъ Діодоромъ въ руководители, Семирамида на одномъ утесѣ этой горы велѣла изваять свое изображеніе, окруженное фигурами ста ея тѣлохранителей, и возлѣ этой картины вырѣзать надпись *сирійскою грамотою*. Картина, въ описанномъ мѣстѣ, сохранилась.

Вѣнценосную фигуру съ бородою и лукомъ, которая давитъ ногою опрокинутаго на спину плѣнника и читаетъ нравоученіе девяти стоящимъ плѣнникамъ, Ктесіасъ принялъ за Семирамиду! Но промахъ Ктесіаса понятенъ: картина такъ высоко на скалѣ, что снизу, съ земли, едва замѣтна. Ктесіасъ повѣрилъ толкамъ жителей столицы о содержаніи недоступной глазу картины. Однакожъ, этимъ ясно доказывается, что Персы исторіи своей не писали, когда при Артаксерксѣ Мнемонѣ произведеніе Дарія приписывали они уже баснословной Семирамидѣ. Въ серединѣ картины, надъ плѣнниками, видѣнъ въ воздухѣ богъ Ормузда. За вѣнценосною фигурой стоятъ два оруженосца. Вокругъ Ормузды расположены доски или столбцы, покрытые гвоздеобразными и стрѣльчатыми письменами. Они-то и есть манифестъ царя Дарія, разобранный Роллинсономъ. Письмена эти Ктесіасъ называлъ *сирійскою* грамотою. Какъ кажется, тотъ же самый родъ писанія у Геродота названъ граматою *ассирійскою:* незначительная

разница въ наименованіяхъ можетъ происходить отъ описки въ Діодоровомъ экземплярѣ Ктесіаса или отъ описокъ въ нашихъ рукописяхъ исторіи Діодора.

Главная фигура картины — самъ царь Дарій лично. И положеніе тѣла, избранное имъ для своего портрета, и содержаніе всѣхъ его надписей доказываютъ, что у него была страсть говорить рѣчи. Надъ нимъ надпись:

Адемъ. Да́ріуçъ. ксѣжѝ. озеркь. ксѣжѝ.
Азь я Даріусъ, кнезь (xięźe) великій, кнезь
ксѣжьено́мъ. ксѣжѝ. Па́рсѝ. ксѣжѝ. деѣно́мъ.
кнезей (ζαι-ίενῶν), кнезь Персіи, кнезь областей,
Юçта́çпа-и пютва́ (pütrhâ, rh grassayé). *Арçа-*
Юстаспѣ сынъ (puto, putello, puçeau), Арса-
ма-и. непо̀. Ака́мениçѝ. — Жа́дѝ. Да́ріусъ.
мѣ внукъ (nepos) Ахаменисскій. Рѣче Даріусъ
ксѣжѝ. Мъна́. пида́. Юçта́çпа. Юçта́çпа-и.
кнезь. Мнѣ батько (pedèr) Юстаспа; Юстаспѣ
пида́. Арçа́мъ. Арçа́ма-и. пида́. Арьера́мнъ. Арье-
батько Арсама, Арсамѣ батько Арьерамна, Арье-
ра́мна-и. пида́. Циçийçъ. Циçийça-и. пида́.
рамнѣ батько Цисписъ (Teispis), Циспису батько
Ака́мениçъ. — Жа́дѝ. Да́ріуçъ. ксѣжѝ. ѻи-ра́ди.
Ахаменисъ. — Рѣче Даріусъ кнезь: того-ради
(οἷμ) *ымъ. Ака́мениçѝ. жаѣмые.*
мы Ахаменисскими рѣкомые (гаемые, гадаемые).
эцо. перьвѝдь. ама́дѐ. эмеи.
Изъ (ez, ex) первыхъ (искони) явившіеся есьмы (εἶμην).
эцо. перьвдѝь. и. э'мойемъ. дома́.
Изъ первыхъ (искони) (η, la, *членъ*) наша домъ (семья)

[illegible]
8. [illegible]
Восемь ([illegible]) [illegible]
(и болѣе [illegible]

Замѣчанія [illegible] члены, столь [illegible] съ греческими и съ нѣмецкими; родительный падежъ множественнаго числа (*дамъ*, произносится [illegible]. [illegible] греческій (ὤν), съ превращеніемъ [illegible] звука и въ нѣе гнусящее [illegible] по свойству древне-персидскаго языка, который всѣ носовые звуки отвергаетъ; и греческія формы глагола *быть*. Кстати о мягкомъ *д*, которое отлично отъ греческой Δ (dh) и соотвѣтствуетъ нѣмецкому dt, произносимому неопредѣленно, какъ *о* и какъ t. Одно изъ свойствъ этого звука состоитъ въ томъ, что онъ, какъ t произносится между t и k, а какъ d, получаетъ выговоръ средній между *дь* и *гь;* напримѣръ, *русстіе*, и *русскіе;* Madyar (Мадяръ) и Magar. Это же мягкое *дь*, td дѣлается *ць*, перейдя черезъ *кь*: *русстіе*, *русскіе*, *русціе*. Въ древне-персидскомъ оно также иногда дѣлалось *ць*: мы уже видѣли *прѣмаци* вмѣсто *прѣмаки* или *прѣмики* (нынѣшняго *беръ-дики*). Слѣдовательно, мягкое *дь* была буква непостоянная въ выговорѣ, и произносилась, смотря по мѣстоположенію, какъ dt, какъ t, какъ d, какъ *кь*, *ць*, *чь*, даже какъ *h*. Это со

вершенно венгерское gy, безпрестанно мѣняющее выговоръ, а иногда и вовсе не произносимое. На концахъ слоговъ и словъ оно навѣрное значило въ древне-персидскомъ то же что̀ *гь*, потому-что часто превращалось въ такихъ случаяхъ въ *й*, какъ мы это неоднократно увидимъ. Поэтому должно полагать, что *перь-видь* навѣрное произносилось *перьвикь*, или *перьвигь* — близко къ славянской формѣ — *первыхъ*, которая отсюда возникла. *Довьдя*, долго (*довго* у южныхъ Славянъ) конечно произносилось *довьгя* въ языкѣ древнихъ Персовъ. Оборотное *ым*, вмѣсто *мы*, очень занимательно: оно именно такъ написано стрѣльчатою грамотой какъ-бы написалъ древній Грекъ по своей орѳографіи, желая выразить славянское *ымъ* — οἶμ; русскіе Нѣмцы пишутъ почти также — üim. *Ои-ради*, въ значеніи — *того ради*, не могло не поразить читателя, но оно и донынѣ сохраняется въ персидскомъ языкѣ — *вей-рай*, или *вей-ра* — съ потерею буквы dt или съ отсѣченіемъ цѣлаго послѣдняго слога dti. Со всѣмъ тѣмъ, признаюсь, я никогда не подозрѣвалъ, чтобы нынѣшнее персидское *ра*, окончаніе дательнаго падежа и другихъ, было то же наше *ради*, пока принятая мною система чтенія стрѣльчатыхъ письменъ, которая казалась мнѣ самою раціональною по уваженіямъ сравнительной филологіи, не представила вдругъ чистаго *ои-ради* тамъ, гдѣ донынѣ читали awayahya-ratiyiya и не открыла въ то же время другихъ славянскихъ созвучій. Словъ смысломъ, видомъ и окончаніями подобныхъ славянскимъ — множество въ однѣхъ этихъ уже строкахъ. О при-

ни съ окончаніемъ *емые* уже сказано. Нѣсколь-
ловъ являютъ формы латинскія; но самое лю-
тное въ этомъ отношеніи слово — *довьдя-
емъ*, или *довьгятарнемъ*, гдѣ первая половина
етъ форму славянскаго слова *долго, довго;* се-
на, *тер*, частица, означающая сравнительную
ень, обща и персидскому и греческому язы-
», но потерянная въ латинскомъ, а окончаніе
, признакъ нарѣчія, принимаетъ видъ латин-
, такъ что все слово, *довьдятернемъ*, стано-
я латинскимъ—diuturnum. Послѣ этого нельзя
инѣваться въ происхожденіи и значеніи стран-
слова tur въ словѣ diuturnus.

адписи подъ или надъ фигурами десяти само-
цевъ несравненно короче, но не менѣе зани-
льны.

НАДЪ ПЕРВОЮ ФИГУРОЮ ЛЕЖАЧЕЮ.

Імъ. *Гомáдъ. и. Магуçъ. а'дурузый.*
Это Гомадъ (ŏ, le) Магъ Одурачивалъ (вздо-
бжá. э'жé (ἐφή). *адемъ Бердй.*
, лгалъ) такъ: говорилъ — азь Бердй (Смердй)
ь. *и. Кюроçъ. пютвá* (pütrhâ). *адемъ.*
(εἰμί). (ŏ,le) Кира сынъ; азь
кй. *эмми.*
зь есмь (εἰμί).

НАДЪ ДРУГОЙ ФИГУРОЮ, СТОЯЧЕЮ.

Імъ. *Атвинъ* (Atrhin). *а'дурузый* *бжá.*
Это Атвинъ. Вздорилъ [illegible]

э'жѣ. *адемъ.* *ксѣжи.* *Уози.*
говорилъ — азь князь Хозіи (Сузіи, Хозистана).

НАДЪ ТРЕТЬЕЮ ФИГУРОЮ.

Имъ. *Надыдабиръ.* *а'дурузьи.* *бжа.* *э'жѣ.*
Это Недыдабиръ. Лгалъ такъ: говорилъ
адемъ. *Небукодрацаръ.* *эмьи.* *и.* *Набоньтеи.*
Азь Небуходнецаръ есмь (б, le) Набонтея (Να-
пютва (pütrhâ). *адемъ.* *ксѣжи.* *эмьи.*
βοντιδος) сынъ. Азь князь есмь
Бабирб (Babirhô, *r grassayé*).
на Вавилонѣ.

НА ПЛАТЬѢ ЧЕТВЕРТОЙ ФИГУРЫ.

Имъ. *Фраортисъ.* *а'дуризьи.* *бжа.* *э'жѣ.*
Это Фраортисъ. Лгалъ такъ: говорилъ
адемъ. *Ксетвидъ* (Xetrhid). *эмьи.* *Уоксадареи.*
— Азь Ксетвидъ есмь, Уоссадарева
домбе. *адемъ.* *ксѣжи.* *эмьи.* *Мадьи.*
дома. Азь князь есмь Мидіи (Медовъ, Мазовъ).

Если звуки имени этого самозванца, *Ксетвидъ*, или Xetrhid, обратить въ ново-персидское произношеніе, *кс* равно будетъ слогу scheh, а trhid слогу *сьид* или *шидъ;* придыханіе h должно въ такомъ случаѣ превратиться передъ s въ носовой звукъ *н* или *м.* Мы получимъ scheh-sid, schensid или schemsid. Едва ли это не есть знаменитое ново-персидское *Джемшидъ.* Во всякомъ случаѣ, окончательный слогъ въ обоихъ именахъ — одинъ и тотъ же: trhid и schid равносильны. *Уоксадареи,*

:адаревъ, или уѳсвадаревъ домъ — домъ Кіак-а, послѣдняго царя Мидовъ, Медовъ или Ма-ь, Madh, которыхъ имя сохраняется въ назва-*Мазен*дерана. Названіе это новѣйшіе Персіяне тутъ донынѣ съ буквою *dh*, хотя въ ихъ произ-ленiи всякое различіе между dh и z давно ис-ло.

Iадъ пятою фигурою написано: «Это — Мер-. Лгалъ такъ: говорилъ — Я Уменисъ, Уѳзьи узіи) кнезь».

Iадъ шестою: «Это — Цитвадакмъ. Лгалъ къ: говорилъ — Я кнезь Асгардіи, Уоксада-ва дому».

Iадъ седьмою: «Это Юсдадъ. Лгалъ такъ: ворилъ — Я Берди́ (Смерди́) есмь, Кюроса сынъ; кнезь есмь».

Iадъ восьмою: «Это — Аракъ. Лгалъ такъ: ворилъ — Я Небукоднецаръ, Набонтея сынъ; кнезь на Вавилонѣ».

Iадъ девятою: «Это — Фраадъ. Лгалъ такъ: ворилъ — Я кнезь есмь на Маргѣ» *(Мургабъ, ріана)*.

Iадъ десятою фигурою, въ остроконечномъ мыцкомъ калпакѣ: «Это — Сарукъ, Сакъ». ъ, то-есть, Ногаецъ, Монголъ.

Сакъ или *секъ* по-персидски, *нохай* или *ногай* монгольски, равно значатъ — собака. Имя Со-ьяго Народа, или Ногайцевъ — весьма древ-въ исторіи. Отсюда почти допотопная сказка

вершенно венгерское gy, безпрестанно мѣняющее выговоръ, а иногда и вовсе не произносимое. На концахъ слоговъ и словъ оно навѣрное значило въ древне-персидскомъ то же что̀ *ь*, потому-что часто превращалось въ такихъ случаяхъ въ *й*, какъ мы это неоднократно увидимъ. Поэтому должно полагать, что *перь-видь* навѣрное произносилось *перьвикь*, или *перьвиць* — близко къ славянской формѣ — *первыхъ*, которая отсюда возникла. *Довьдя*, долго (*довго* у южныхъ Славянъ) конечно произносилось *довыя* въ языкѣ древнихъ Персовъ. Оборотное *ым*, вмѣсто *мы*, очень занимательно: оно именно такъ написано стрѣльчатою грамотой какъ-бы написалъ древній Грекъ по своей орѳографіи, желая выразить славянское *ымъ* — σῖμ; русскіе Нѣмцы пишутъ почти также — üim. *Оиради*, въ значеніи — *того ради*, не могло не поразить читателя, но оно и донынѣ сохраняется въ персидскомъ языкѣ — *вей-рай*, или *вей-ра* — съ потерею буквы dt или .съ отсѣченіемъ цѣлаго послѣдняго слога dti. Со всѣмъ тѣмъ, признаюсь, я никогда не подозрѣвалъ, чтобы нынѣшнее персидское *ра*, окончаніе дательнаго падежа и другихъ, было то же наше *ради*, пока принятая мною система чтенія стрѣльчатыхъ письменъ, которая казалась мнѣ самою раціональною по уваженіямъ сравнительной филологіи, не представила вдругъ чистаго *ои-ради* тамъ, гдѣ донынѣ читали awaya-hya-ratiyiya и не открыла въ то же время другихъ славянскихъ созвучій. Словъ смысломъ, видомъ и окончаніями подобныхъ славянскимъ — множество въ однѣхъ этихъ уже строкахъ. О при-

астіи съ окончаніемъ *емые* уже сказано. Нѣсколько словъ являютъ формы латинскія; но самое любопытное въ этомъ отношеніи слово — *довьдярнемъ*, или *довьгятарнемъ*, гдѣ первая половина являетъ форму славянскаго слова *долго, довго;* середина, *тер*, частица, означающая сравнительную степень, общая и персидскому и греческому языкамъ, но потерянная въ латинскомъ, а окончаніе *емъ*, признакъ нарѣчія, принимаетъ видъ латинскій, такъ что все слово, *довьдятернемъ*, становится латинскимъ—diuturnum. Послѣ этого нельзя сомнѣваться въ происхожденіи и значеніи страннаго слова tur въ словѣ diuturnus.

Надписи подъ или надъ фигурами десяти самованцевъ несравненно короче, но не менѣе занимательны.

НАДЪ ПЕРВОЮ ФИГУРОЮ ЛЕЖАЧЕЮ.

Имъ. Гомáдъ. и. Магуçъ. а'дурузьй.
Это Гомадъ (о́, le) Магъ Одурачивалъ (вздо-
бжá. э'жé (ἐφὴ). *адемъ Бердй.*
жилъ, лгалъ) такъ: говорилъ — азъ Бердй (Смердй)
мьи. и. Кюроçъ. пютвá (pütrhâ). *адемъ.*
есмь (εἰμὶ). (о́,le) Кира сынъ; азъ
сьжй. эмьи.
князь есмь (εἰμὶ).

НАДЪ ДРУГОЙ ФИГУРОЮ, СТОЯЧЕЮ.

Имъ. Атвинъ (Atrhin). *а'дурузьй. бжá.*
Это Атвинъ. Вздорилъ (лгалъ) такъ:

э'жé. адемъ. ксѣжѝ. Уозѝ.
говорилъ — азь кнезь Хозіи (Сузіи, Хозистана).

НАДЪ ТРЕТЬЕЮ ФИГУРОЮ.

Имъ. Надыдабиръ. а'дурузьѝ. ôжá. э'жé.
Это Недыдабиръ. Лгалъ такъ: говорилъ
адемъ. Небукодрацаръ. эмъи. и. Набоньтеи.
Азь Небуходнецаръ есмь (ó, le) Набонтея (Na-
пютвá (pütrhâ). *адемъ. ксѣжѝ. эмъи.*
βοντιδος) сынъ. Азь кнезь есмь
Бáбирô (Babirhô, *r grassayé*).
на Вавилонѣ.

НА ПЛАТЬѢ ЧЕТВЕРТОЙ ФИГУРЫ.

Имъ. Фраортиçъ. а'дуризьѝ. ôжá. э'жé.
Это Фраортисъ. Лгалъ такъ: говорилъ
адемъ. Ксетвидъ (Xetrhid). *эмъи. Уоксадареи.*
— Азь Ксетвидъ есмь, Уоссадарева
домóе. адемъ. ксѣжѝ. эмъѝ. Мадьѝ.
дома. Азь кнезь есмь Мидіи (Медовъ, Мазовъ).

Если звуки имени этого самозванца, *Ксетвидъ*, или Xetrhid, обратить въ ново-персидское произношеніе, *ксе* равно будетъ слогу scheh, а trhid слогу *съид* или *шидъ;* придыханіе h должно въ такомъ случаѣ превратиться передъ s въ носовой звукъ *н* или *м*. Мы получимъ scheh-sid, schensid или schemsid. Едва ли это не есть знаменитое ново-персидское *Джемшидъ*. Во всякомъ случаѣ, окончательный слогъ въ обоихъ именахъ—одинъ и тотъ же: trhid и schid равносильны. *Уоксадаревъ*,

садаревъ, или уѳсвадаревъ домъ — домъ Кіаа, послѣдняго царя Мидовъ, Медовъ или Маь, Madh, которыхъ имя сохраняется въ назва- *Мазен*дерана. Названіе это новѣйшіе Персіяне ютъ донынѣ съ буквою *dh*, хотя въ ихъ произленіи всякое различіе между dh и z давно исло.

Надъ пятою фигурою написано: «Это — Мер-. Лгалъ такъ: говорилъ — Я Уменисъ, Уѳзьи узіи) кнезь».

Надъ шестою: «Это — Цитвадакмъ. Лгалъ къ: говорилъ — Я кнезь Асгардіи, Уоксадава дому».

Надъ седьмою: «Это Юсдадъ. Лгалъ такъ: ворилъ — Я Берди́ (Смерди́) есмь, Кюроса сынъ; кнезь есмь».

Надъ восьмою: «Это — Аракъ. Лгалъ такъ: ворилъ — Я Небукоднецаръ, Набонтея сынъ; кнезь на Вавилонѣ».

Надъ девятою: «Это — Фраадъ. Лгалъ такъ: ворилъ — Я кнезь есмь на Маргѣ» *(Мургабъ, ріана)*.

Надъ десятою фигурою, въ остроконечномъ мыцкомъ калпакѣ: «Это — Сарукъ, Сакъ». къ, то-есть, Ногаецъ, Монголъ.

Сакъ или *секъ* по-персидски, *нохай* или *ногай* монгольски, равно значатъ — собака. Имя Сольяго Народа, или Ногайцевъ — весьма древе въ исторіи. Отсюда почти допотопная сказка

о средне-азійскомъ народѣ съ собачьими головами и лаемъ, Kynokephali, извѣстная съ самой глубокой древности. Saki или Sagi, Малые Ногайцы и Mahasagi или Masagi (Масагеты), то-есть Великіе Саки, Великіе Собаки, Великіе Ногайцы, являются въ другой надписи Дарія подъ соединеннымъ названіемъ *Саки-Маки*. Это *Гогъ* и *Магогъ* библейскихъ преданій (maha Gog, masa Gog, Великіе Гоги, Масагеты), *Джюджъ* и *Ма-Джюджъ* арабскихъ писателей, Малые и Великіе Жоуженцы китайскихъ лѣтописей, соплеменники Бабера и его предтечи, завоевавшіе Бактріану, Кабуль и Индію за полторы тысячи лѣтъ до него. При Даріи Истасповомъ они уже владѣли частью нынѣшней Бухаріи и Хорасана.

Эти простыя надписи, въ которыхъ запутаться невозможно, да и самыя фигуры барельефа служатъ уже хорошею указкою содержанію длиннаго манифеста, вырѣзаннаго надъ ними. Смыслъ періодовъ нерѣдко можетъ быть угаданъ и рѣшенъ съ помощью самой картины. Если чтеніе неизвѣстныхъ словъ представляетъ языкъ вѣроподобный съ соблюденіемъ всѣхъ грамматическихъ условій и филологическихъ данныхъ, если переводъ этихъ словъ согласенъ съ сюжетомъ барельефа и простыми подписями подъ фигурами, такъ это уже весьма достаточное основаніе къ довѣрію просвѣщенныхъ любителей исторіи. Но чтеніе — дѣло не легкое. Буквы подобрать можно довольно удачно. Но нужно еще открыть орѳографію, безъ чего никогда не будетъ ни достовѣрности въ чтеніи, ни полнаго убѣжденія въ

смыслѣ. Опытъ такого труда мы сдѣлаемъ въ слѣдующей статьѣ *. Для этого прежде всего необходимо сравнить первобытные алфавиты между собою и опредѣлить достоинство каждой ихъ буквы въ отношеніи къ нынѣшнимъ. Такое сравненіе можетъ дать результаты неожиданные и бросить совершенно новый свѣтъ на вопросъ о чтеніи стрѣльчатыхъ письменъ.

1848.

---

* Вторая статья не была написана. *Изд.*

ПАМЯТНИКИ НИНИВІИ.

—

По поводу сочиненій: *The Monuments of Nineveh, from dra made on the spot by* Austen Layard, *etc.* (Лондонъ, 1848, и *Monument de Ninive, découvert par* P. Botta, *dessiné p* Flandin, *etc.* (Парижъ, 1847—1849, folio).

I.

Новая Помпея открыта въ сердцѣ Азіи - еще какая Помпея! — не мелкодомный горо провинціяльной глуши и послѣднихъ суме древности, но колоссальный памятникъ свѣ и величественнаго утра вселенной, «притча во цѣхъ» старины, столица прославленной въ с ніяхъ всего человѣчества, первой послѣ по значительной державы на землѣ, какъ увѣр весьма положительно наши всеобщія исторіи. Нинивія, сосѣдка, сестра и соперница Вави которую между халдейскими городами въ стинѣ называли ha oir ha gdula, «городомъ кимъ», эти исполинскіе чертоги, созданіе ск ныхъ героевъ и героинь языческой повѣ Нинѣ и Семирамидѣ, обошедшей всю много ную древность и превратившейся наконецъ в

рію, эта чудная Ассирія, колыбель перваго ве-
чія и перваго политическаго могущества, кото-
ю воображеніе ближайшаго потомства, изъ удив-
нія ея памятникамъ, населяло богатырями, строи-
лями и колдунами, этотъ первобытный народъ
ссирійскій, распространившій власть свою отъ
нда до Дона, богатый, затѣйливый, странный,
тораго бытъ и дѣянія исчезли изъ памяти лю-
ей, когда еще исторія Греціи не начиналась,
се это неожиданно вышло на дневной свѣтъ
зъ горъ песку и золы, благодаря *терпѣливому
сердію* двухъ частныхъ *любителей древностей*.
Мы свободно *ходимъ по дворцамъ и палатамъ*
нихъ загадочныхъ изобрѣтателей просвѣщенія
оскоши и гордости, оцѣниваемъ ихъ силу и ихъ
скусство, разсматриваемъ ихъ архитектуру, зда-
іе, статуи, рѣзныя картины, [illegible] видимъ въ
тихъ картинахъ ихъ подвиги, бытъ, занятія, нра-
ы, вѣру, утварь, орудія, письмена, [illegible]
работу міра, состоявшую изъ [illegible]
[illegible] положеніяхъ, [illegible]
[illegible] древность называла *ассирійскими* [illegible]
[illegible] читаемъ ихъ подлинную исторію [illegible]
[illegible] звуки ихъ языка [illegible]
[illegible] буквъ и современемъ [illegible]
[illegible] удовлетворительно. Такое открытіе [illegible]
[illegible] возбудить общаго восторга [illegible]
[illegible] мірѣ. Всѣ любители [illegible]
[illegible] первой послѣпотопной [illegible]
[illegible] съ жадностью [illegible]
[illegible] сокровище новыхъ [illegible]
[illegible] Если [illegible]

и преувеличилъ находку въ нѣкоторомъ от
шеніи, это совершенно простительно. Для
очарованій всегда время терпитъ. Соображе
естественно, идетъ послѣ наслажденія. Когда ж
восторговъ простынетъ, мы еще посмотримъ, чт
Нинивію отрыли мы для своихъ ученыхъ пот
Теперь уже можно, какъ кажется, приступ
къ разсмотрѣнію дѣла съ достаточнымъ хла
кровіемъ. Чудо еще свѣжо: но восторги прост
ютъ такъ скоро въ нынѣшней атмосферѣ!

Теперь мы начинаемъ нѣсколько яснѣе п
няго видѣть въ туманѣ первобытной исторіи
шего рода. Вторженіе варварства, случивш
вскорѣ послѣ начала христіанской эры, кото
погасивъ вдругъ искусство и науку, остано
на долгое время успѣхи гражданственности и
госостоянія, не было первымъ нападеніемъ д
сти на образованность. Такихъ переходовъ
просвѣщенія въ невѣжество, изъ утонченност
грубость, человѣчество испытало уже нѣско
Свѣтъ вспыхивалъ и погасалъ на землѣ нес
кратно. По-крайней-мѣрѣ мы теперь опред
тельно различаемъ два такихъ переворота, то
два переворота самые значительные, самые
ные и явственные — потому-что каждый изъ
оставилъ послѣ себя огромныя развалины.
судьбахъ человѣчества случилось нѣчто о
похожее на «великія эпохи» и «внезапныя сѣ
которыя геологія усматривала въ устройств
ры земнаго шара. Была *эпоха первозданная*,
ха первозданной образованности, первозд
славы, гордости, роскоши, первозданныхъ

ъ городовъ и исполинскихъ памятниковъ, пер-
аннаго богатства и величія, изображающая
ою, въ нѣкоторой степени, эпоху гранитовъ и
льтовъ. За нею послѣдовала «внезапная смѣ-
и наступила эпоха второзданная; другіе на-
ы, другія зданія, другое искусство, другія вѣ-
новая нравственность и новая образованность.
мѣры сооруженій въ ней гораздо умѣреннѣе,
ны менѣе тверды, зданія менѣе прочны, какъ
горозданныя почвы геологіи, но болѣе разно-
азныя и болѣе красивыя; вѣра менѣе крова-
; вообще видно болѣе стремленія къ изяществу
ѣгѣ. Первообразованная эпоха была безъ ис-
іи: по-крайней-мѣрѣ человѣкъ не сохранилъ
ней никакихъ достовѣрныхъ преданій. Эта
ообразованная эпоха, извѣстная теперь подъ
емъ *классической древности*, напротивъ, пере-
намъ повѣсть о своихъ дѣяніяхъ, по-край-
мѣрѣ за вторую половину своего существова-
Опять внезапная смѣна—великій переворотъ—
гъ мы живемъ теперь въ эпохѣ третичной обра-
нности, соотвѣтствующей третичнымъ поч-
ь, на которыхъ стоятъ наши города и зданія,
эпохѣ образованности еще болѣе кроткой, еще
ѣе пристрастной къ изяществу и скорому на-
денію, но уже вовсе обмельчавшей по части
оительства и совершенно не заботящейся о
чности своихъ твореній.

ыло время, когда на землѣ, почти еще мокрой,
а оставленной волнами потопа, человѣчество
ало вдругъ успѣвать въ искусст
ъ, наукахъ, *гражданственност*

ПАМЯТНИКИ НИНИВІИ.

По поводу сочиненій: *The Monuments of Niniveh, from drawings made on the spot by* Austen Layard, *etc.* (Лондонъ, 1848, folio), и *Monument de Ninive, découvert par* P. Botta, *dessiné par* E. Flandin, *etc.* (Парижъ, 1847—1849, folio).

I.

Новая Помпея открыта въ сердцѣ Азіи — да еще какая Помпея! — не мелкодомный городокъ провинціяльной глуши и послѣднихъ сумерокъ древности, но колоссальный памятникъ свѣтлаго и величественнаго утра вселенной, «притча во языцѣхъ» старины, столица прославленной въ сказаніяхъ всего человѣчества, первой послѣ потопа значительной державы на землѣ, какъ увѣряютъ весьма положительно наши всеобщія исторіи. Эта Ниниві́я, сосѣдка, сестра и соперница Вавилона, которую между халдейскими городами въ Палестинѣ называли ha oir ha gdula, «городомъ великимъ», эти исполинскіе чертоги, созданіе сказочныхъ героевъ и героинь языческой повѣсти о Нинѣ и Семирамидѣ, обошедшей всю многобожную древность и превратившейся наконецъ въ ис-

торію, эта чудная Ассирія, колыбель перваго величія и перваго политическаго могущества, которую воображеніе ближайшаго потомства, изъ удивленія ея памятникамъ, населяло богатырями, строителями и колдунами, этотъ первобытный народъ ассирійскій, распространившій власть свою отъ Инда до Дона, богатый, затѣйливый, страшный, котораго бытъ и дѣянія исчезли изъ памяти людей, когда еще исторія Греціи и не начиналась, все это неожиданно вышло на дневной свѣтъ изъ горъ песку и золы, благодаря терпѣливому усердію двухъ частныхъ любителей древностей. Мы свободно ходимъ по дворцамъ и палатамъ этихъ загадочныхъ изобрѣтателей просвѣщенія, роскоши и гордости, оцѣниваемъ ихъ силу и ихъ искусство, разсматриваемъ ихъ архитектуру, ваяніе, статуи, рѣзныя картины, надписи, видимъ въ этихъ картинахъ ихъ подвиги, бытъ, занятія, нравы, вѣру, утварь, орудія, письмена, эту первую грамоту міра, состоявшую изъ скученныхъ въ разныхъ положеніяхъ стрѣлокъ, которую греческая древность называла *ассирійскими письменами*, почти читаемъ ихъ подлинную исторію, почти слышимъ звуки ихъ языка: мы уже знаемъ нѣсколько буквъ и современемъ будемъ читать ее удовлетворительно. Такое открытіе не могло не возбудить общаго восторга въ повѣйшемъ образованномъ мірѣ. Всѣ любопытства обратились къ первой послѣпотопной столицѣ. Вся ученость бросилась съ жадностью на такое безцѣнное сокровище новыхъ свѣденій и новыхъ понятій о быломъ. Если энтузіазмъ, въ первое мгновеніе,

и преувеличилъ находку въ нѣкоторомъ отношеніи, это совершенно простительно. Для разочарованій всегда время терпитъ. Соображеніе, естественно, идетъ послѣ наслажденія. Когда жаръ восторговъ простынетъ, мы еще посмотримъ, что за Ниневію отрыли мы для своихъ ученыхъ потѣхъ.

Теперь уже можно, какъ кажется, приступить къ разсмотрѣнію дѣла съ достаточнымъ хладнокровіемъ. Чудо еще свѣжо: но восторги простываютъ такъ скоро въ нынѣшней атмосферѣ!

Теперь мы начинаемъ нѣсколько яснѣе прежняго видѣть въ туманѣ первобытной исторіи нашего рода. Вторженіе варварства, случившееся вскорѣ послѣ начала христіанской эры, которое, погасивъ вдругъ искусство и науку, остановило на долгое время успѣхи гражданственности и благосостоянія, не было первымъ нападеніемъ дикости на образованность. Такихъ переходовъ изъ просвѣщенія въ невѣжество, изъ утонченности въ грубость, человѣчество испытало уже нѣсколько. Свѣтъ вспыхивалъ и погасалъ на землѣ неоднократно. По-крайней-мѣрѣ мы теперь опредѣлительно различаемъ два такихъ переворота, то есть два переворота самые значительные, самые важные и явственные — потому-что каждый изъ нихъ оставилъ послѣ себя огромныя развалины. Въ судьбахъ человѣчества случилось нѣчто очень похожее на «великія эпохи» и «внезапныя смѣны», которыя геологія усматривала въ устройствѣ коры земнаго шара. Была *эпоха первозданная*, эпоха первозданной образованности, первозданной славы, гордости, роскоши, первозданныхъ массив-

ныхъ городовъ и исполинскихъ памятниковъ, первозданнаго богатства и величія, изображающая собою, въ нѣкоторой степени, эпоху гранитовъ и базальтовъ. За нею послѣдовала «внезапная смѣна» и наступила эпоха второзданная; другіе народы, другія зданія, другое искусство, другія вѣры, новая нравственность и новая образованность. Размѣры сооруженій въ ней гораздо умѣреннѣе, стѣны менѣе тверды, зданія менѣе прочны, какъ и второзданныя почвы геологіи, но болѣе разнообразныя и болѣе красивыя; вѣра менѣе кровавая; вообще видно болѣе стремленія къ изяществу и нѣгѣ. Первообразованная эпоха была безъ исторіи: по-крайней-мѣрѣ человѣкъ не сохранилъ объ ней никакихъ достовѣрныхъ преданій. Эта второобразованная эпоха, извѣстная теперь подъ именемъ *классической древности*, напротивъ, передала намъ повѣсть о своихъ дѣяніяхъ, по-крайней-мѣрѣ за вторую половину своего существованія. Опять внезапная смѣна—великій переворотъ—и вотъ мы живемъ теперь въ эпохѣ третичной образованности, соотвѣтствующей третичнымъ почвамъ, на которыхъ стоятъ наши города и зданія, въ эпохѣ образованности еще болѣе кроткой, еще болѣе пристрастной къ изяществу и скорому наслажденію, но уже вовсе обмельчавшей по части строительства и совершенно не заботящейся о прочности своихъ твореній.

Было время, когда на землѣ, почти еще мокрой, едва оставленной волнами потопа, человѣчество начало вдругъ успѣвать въ искусствахъ, ремеслахъ, наукахъ, гражданственности, богатствѣ и

роскоши съ удивительною быстротою; и тогда-то создался, по-видимому, первый міръ образованности, міръ едва-ли не обширнѣе пространствомъ второобразованнаго міра, который мы называемъ *классическимъ* или *древнимъ*. Это была эпоха колоссальнаго великолѣпія, исполинскихъ построекъ, гигантскихъ затѣй неопытной пышности, мечтавшей пережить время. Человѣкъ стремился къ непоколебимой прочности своихъ памятниковъ, поднимаясь въ то же время въ страшную вышину. Къ этой эпохѣ принадлежатъ первыя послѣ потопа сооруженія Вавилоніи, огромныя четвероугольныя платформы Месопотаміи, которымъ второобразованная древность давала общее названіе *семирами* и на которыхъ виднѣлись еще тогда массивныя развалины первозданныхъ городовъ и дворцовъ, получавшія отъ той же второобразованной древности обыкновенное наименованіе *ниневъ*; египетскія пирамиды и курганы троянскаго взморья, казнохранилища или анбары Ветхихъ въ Пелопонесѣ, циклопскія стѣны и другія исполинскія постройки обѣихъ Греціи и Этруріи, колоссальныя сооруженія Азтековъ, то есть неизвѣстныхъ «Строителей» въ Мексикѣ, и такъ далѣе.

Все это было современно и носитъ на себѣ отпечатокъ одинаковыхъ идей, одинъ и тотъ же характеръ умственный, нравственный и даже религіозный. И все это было вдругъ или довольно быстро опрокинуто, разорено, уничтожено нашествіемъ дикихъ и свирѣпыхъ племенъ, которыхъ жадность подстрекалась видомъ накопленныхъ богатствъ и удобствъ жизни. Въ этомъ первомъ

наводненіи грубости и невѣжества погибли всѣ познанія первообразованнаго человѣка, его искусство, его наука и даже всѣ извѣстія о событіяхъ его славной эпохи. Забыто все — до названій этихъ величественныхъ городовъ, которыхъ огромныя руины, *нінниви* (удареніе на первомъ *и*) долго еще виднѣлись на искусственныхъ платформахъ, обширныхъ и высокихъ четвероугольныхъ подстройкахъ, *шемирами*, изумлявшихъ многія послѣдующія поколѣнія своей смѣлостью и своей колоссальностью въ областяхъ, которыя потерявъ свои первобытныя названія, прозвались *ассиріями*, то есть областями *памятниковъ* или, какъ восточные говорятъ, «слѣдовъ», *ашшура*, *атура*. Мы увидимъ, что *Ассирій* и *Ниниій* было нѣсколько и что онѣ лежали въ разныхъ мѣстахъ, вездѣ, гдѣ эти поколѣнія видѣли у себя древнія городскія подстройки съ развалинами, *шемирамы* съ *нінами*, откуда и языческая иносказательная повѣсть о царѣ Нинѣ и супругѣ его Семирамидѣ, строителяхъ этихъ чудесъ.

Сходства этой системы городостроительства въ Месопотаміи, Египтѣ, Этруріи и Мексикѣ позволяютъ, если угодно, предполагать, что, въ первообразованную эпоху, Америка состояла въ сообщеніи съ Азіей, Африкою и Европою и была имъ хорошо извѣстна посредствомъ обширнаго и смѣлаго мореходства. По-крайней-мѣрѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Человѣкъ, который производилъ подобныя постройки, былъ силенъ, смѣлъ, предпріимчивъ и промышленъ. Связь двухъ свѣтовъ могла расторгнуться совершенно первымъ наше-

ствіемъ дикарей, и, когда Европа снова сблизилась съ Америкою черезъ Коломба, человѣкъ тамъ находился еще при началѣ второй эпохи образованности, а здѣсь онъ уже прошелъ вторую, испытавъ вторичное вторженіе варварства въ просвѣщеніе, и начиналъ третичную эпоху. Тамъ изъ дикарей, разорившихъ первозданные города, образовались Мексиканцы-Монтесумы; здѣсь, изъ перваго наплыва варваровъ, возникли, на родинѣ первообразованныхъ народовъ, Халдейцы съ своимъ новымъ *Вавилономъ*, продолжающимся донынѣ въ *Багдадѣ* *; возникли Египтяне оивскіе, саисскіе и мемфисскіе, неимѣющіе ничего общаго ни по роду, ни по образованности, съ Египтянами пирамидъ; возникли Финикійцы, Карѳагенцы, Персы разнаго названія, Греки, Этруски, и наконецъ Римляне, уничтоженные съ своей образованностью вторымъ нашествіемъ дикости.

Изъ того, что въ халдейской землѣ былъ Вавилонъ, *Бабель*, или что нынче въ этой сторонѣ находится *Багдадъ*, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы халдейскій Вавилонъ или нынѣшній Багдадъ находились въ томъ же мѣстѣ, гдѣ первые послѣ потопа люди сооружали Вавилонскій Столпъ. Это только воспоминанія, произвольныя обновленія первобытнаго, славнаго въ преданіяхъ, имени. Точно такъ же наша Одесса основана въ мѣстоположеніи, довольно отдаленномъ отъ пепелища древней

---

* *Багъ — дадъ* значитъ на персидскомъ языкѣ, *Богъ — далъ;* по-халдейски *Бабель* значитъ буквально то же самое: *ба*, далъ; *бель*, Богъ.

Одессы. Былъ тамъ потомъ и подлинный городъ *Никиви*, или Ниневія, такъ названный въ честь преданію о *ниневахъ*, но неимѣвшій съ ними ни съ ихъ эпохою ничего общаго; даже нѣсколько городовъ такого названія. Одинъ изъ этихъ городовъ, самый значительный, былъ очень хорошо извѣстенъ Евреямъ въ осьмомъ вѣкѣ до Рождества Христова. Онъ уже существовалъ при Моисеѣ и упомянутъ въ «Пятикнижіи» при исчисленіи халдейскихъ городовъ, но въ то время онъ еще не былъ *великій* городъ. Тогда титулъ «великаго», ha oir ha gdula, давали совсѣмъ другому городу, именно, Ресену. Въ осьмомъ вѣкѣ гордая Ниневія, въ апогеѣ своей славы и знатности, и не задолго до своего паденія, называлась уже *городомъ великимъ*, но совсѣмъ не по матеріяльному величію города, а какъ-бы для отличія отъ другихъ, мелкихъ Ниневій, или по причинѣ, которую мы увидимъ впослѣдствіи. Нисколько не видно изъ современныхъ географическихъ указаній, чтобы эта Ниневія была дѣйствительно огромнымъ городомъ. Въ Палестинѣ назначали ему только двѣнадцать темъ — сто двадцать тысячъ — жителей, не болѣе. И онъ принадлежитъ вполнѣ ко второй эпохѣ образованности. Это — городъ совершенно халдейскій, основанный выходцами изъ Вавилоніи, богатый, знатный, но сравнительно новѣйшій. Цари его, *Пулъ*, завоеватель Сиріи и Месопотаміи (около 760 года), *Тиглатъ-Пилесаръ*, который покорилъ царство іудейское (740), *Салманасаръ* овладѣвшій Самаріей (730), *Сеннехерибъ*, предводитель неудачнаго похода противъ Іудеи и Египта,

носятъ чистыя халдейскія имена и жили всѣ въ осьмомъ столѣтіи до Рождества Христова. Въ этомъ городѣ не было ни чертоговъ Нина, ни висячихъ садовъ Семирамиды. Такіе цари и царицы ассирійскіе, жившіе будто-бы за *двѣ тысячи* лѣтъ до нашей эры, вовсе не извѣстны жителямъ Палестины. Они явственно — вымыселъ языческой притчи. При всей своей важности, впрочемъ очень кратковременной, Ассирія извѣстныхъ Евреямъ государей Ниневіи не выходила никогда изъ предѣловъ Месопотаміи и Сиріи, и о такой Ассиріи, которая бы распространялась *отъ Инда до Дона* и существовала, по Геродоту, до *шести*, а по Ктесіи до *четырнадцати столѣтій*, въ Палестинѣ не слыхивали.

Но, въ такомъ случаѣ, гдѣ же могла находиться прославленная Ниневія Нина и Семирамиды, Ниневія языческихъ преданій? Разумѣется, нигдѣ! Она была — миѳъ, иносказательная повѣсть о многочисленности памятниковъ, разбросанныхъ отъ Инда до Дона, и о величіи людей, которые ихъ воздвигли въ первообразованной эпохѣ, къ которой сказка и относила это воображаемое царство и этотъ предполагаемый городъ баснословной пышности. И сами язычники не знали, гдѣ Ниневія ихъ находилась: одни назначали ей мѣсто при Евфратѣ, другіе при Тигрѣ—явное доказательство, что они говорили о мечтательномъ городѣ, тѣмъ болѣе, что въ то же время были подлинныя Ниневіи, въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ мѣстахъ, и одна изъ нихъ просуществовала безъ славы до седьмаго столѣтія нашей эры. Импера-

торъ Ираклій, въ персидскій походъ свой, стоялъ передъ *городомъ Ниневіей* и подъ нимъ перешелъ рѣку Забъ, которая, какъ видно изъ арабскихъ писателей даже, и называлась *Ниневійскою* Рѣкою, Nahar *Niniwii*, до весьма позднихъ временъ. Недалеко отъ этого мѣста, насупротивъ города Мусула, есть и теперь еще бѣдная деревушка, которую зовутъ *Ниниви*, но она, вѣроятно, такъ названа только оттого, что лежитъ на холму древняго мусора, въ которомъ погребены первозданныя руины, *ниниве*, и небольшая четвероугольная подстройка той же эпохи, *шемирамъ*. Едва-ли здѣсь могъ находиться, втеченіи второобразованнаго времени, какой-нибудь городъ съ названіемъ Ниневіи.

Ассирійское государство, *старо-ассирійское*, принятое у насъ въ рядъ великихъ древнихъ державъ по пустословнымъ греческимъ показаніямъ, эта страшная и удивительная Ассирія Нина, Семирамиды и Сарданапала, можетъ смѣло быть вычеркнута изъ всеобщей исторіи: ея никогда не бывало; она создалась въ воображеніи языческихъ сказочниковъ, и столица ея, мечтательная Ниневія, была только поэтическимъ преображеніемъ настоящей, извѣстной Евреямъ Ниневіи, большой, если угодно, но не очень — не больше важнѣйшихъ городовъ Финикіи и Сиріи. Сто двадцать тысячъ жителей — не показываютъ баснословнаго города, ни по пышности, ни по пространству, особенно при извѣстной многоэтажной постройкѣ халдейскихъ домовъ.

Изъ всѣхъ письменныхъ свидѣтельствъ о дѣлахъ и предметахъ древней Азіи, еврейскія сви-

дѣтельства одни несомнѣнны и уважительны. Каждый это знаетъ и чувствуетъ. Поэтому, чтобы согласить преувеличенія языческихъ сказокъ съ географическими свидѣтельствами Евреевъ, многіе старались, и теперь еще усерднѣе стараются, придать словамъ достовѣрныхъ показаній смыслъ, совершенно произвольный. Ктесія, греческій врачъ при дворѣ Артаксеркса-Втораго, вывезъ изъ столицы Персіи извѣстіе, будто-бы окружная стѣна Ниневіи, вышиною *во сто футовъ*, толщиною *въ три проѣзда колесницы* (пять саженъ), имѣла *четыреста восемьдесятъ стадій* (слишкомъ восемьдесятъ верстъ) протяженія. Между-тѣмъ изъ одного еврейскаго географическаго указанія видно, что отъ Тигра *ходили къ Ниневіи* (*Ниневія же была городъ великій весьма*) *походъ трехъ дней*, и что *въ городѣ* можно было *ходить походъ одного дня*. Французскіе археологи, отдавшіе парижской Академіи Надписей отчетъ въ предпріятіи господина Ботты, по примѣру впрочемъ нѣкоторыхъ прежнихъ толкователей, нашли нужнымъ относить въ этомъ географическомъ показаніи слова *походъ трехъ дней* къ вставной фразѣ, читая: *Ниневія же городъ великій весьма, походъ трехъ дней*, что, по ихъ мнѣнію, значитъ: *окружность Ниневіи представляла три дня пути*. И эти три дня они считаютъ совершенно равными четыремъ стамъ восьмидесяти стадіямъ Ктесіи или восьмидесяти нашимъ верстамъ. Такимъ образомъ фактъ безпримѣрной огромности Ниневіи показался утвержденнымъ согласнымъ показаніемъ и еврейскихъ свидѣтельствъ и языческихъ преданій.

Но такое объясненіе болѣе чѣмъ произвольно. Во-первыхъ никогда слово «походъ», *метлехъ*, не означало *ходьбы вокругъ чего-нибудь*, но всегда указываетъ на путь по прямой линіи, на непосредственное разстояніе. Если бы выраженіе *походъ трехъ дней* относилось къ городу, это значило бы скорѣе, что Нинивія представляла въ длину *три дня пути* и, слѣдовательно, въ окружности имѣла бы она по-крайней-мѣрѣ десять дней пути. Во-вторыхъ *три дня пути* гораздо болѣе четырехъ-сотъ восьмидесяти стадій: день пути считался всегда тридцать пять верстъ. Поэтому городъ имѣлъ бы сто пять верстъ протяженія вдоль и болѣе трехъ сотъ пятидесяти верстъ въ окружности. Такіе размѣры окружной стѣны ни съ чѣмъ несообразны. Да сверхъ-того прямой порядокъ словъ еврейскаго географическаго указанія выражаетъ только то, что, *походомъ трехъ дней* ходили *до* города Нинивіи, а не *въ* городѣ или *кругомъ* города, а Нинивія сама была *городъ великій весьма*, но величина его не показана опредѣлительно.

Выпускаютъ изъ виду, какъ-бы нарочно, самое важное обстоятельство. Въ тогдашнюю эпоху владычества городовъ, составлявшихъ отдѣльныя державы, еврейское слово oir, такъ же какъ греческое polis и латинское urbs принимались всегда въ смыслѣ города съ его территоріей, съ подвластнымъ ему округомъ, съ городскою *волостью* или владѣніемъ. Вспомнивъ это, очень понятно, какъ, пройдя *до* границы нинивійской городской волости три дня пути, или сто пять верстъ, по-

жно было идти еще одинъ день или тридцать пять верстъ въ самой волости, въ самомъ *оиръ*, прежде чѣмъ достичь городскихъ воротъ.

Ничего естественнѣе этого простаго и совершенно древняго смысла нельзя себѣ представить. Тридцать пять верстъ пути отъ границы городскаго владѣнія до воротъ города предполагаютъ по-крайней-мѣрѣ семьдесятъ или восемьдесятъ верстъ для всей длины волости, если городъ находился въ центрѣ своей территоріи, и до двухъ сотъ сорока верстъ въ ея окружности. Для Месопотаміи, и для тогдашнихъ городовъ, это — огромнѣйшее владѣніе: ни іудейскіе, ни финикійскіе, ни греческіе, ни италійскіе города того времени далеко не считали за собою такого пространства своей хозяйственной земли. Надлежало быть очень сильнымъ народомъ, чтобы пользоваться подобною волостью, и достовѣрное географическое показаніе естественно и основательно прибавляетъ вставную фразу: *Ниневія же была городъ великій весьма* — великій oir — великій polis — magna urbs, въ тогдашнемъ значеніи словъ oir, polis и urbs. Развѣ, говоря о Римѣ, въ словѣ urbs не заключалось всегда и *Римское Поле*, то есть, римская волость, гдѣ граждане имѣли свои усадьбы? Развѣ въ Римѣ Карѳагенъ называли когда-нибудь иначе какъ urbs, хотя онъ, кромѣ своей территоріи, обладалъ еще половиною сѣвернаго берега Африки, Сициліей и Испаніей? Территорія, то есть правительствующая вмѣстѣ съ городомъ городская область могущественной карѳагенской державы была, какъ извѣстно, очень невелика, еще менѣе

Римскаго Поля. Могла ли территорія гордой Ниневіи быть обширнѣе нашего порядочнаго уѣзда, когда мы положительно знаемъ, что въ небольшой провинціи месопотамской Ашшурѣ или Атурѣ, то есть, Ассиріи, вскорѣ послѣ потопа были основаны четыре города: *Нинив*е, *Негоботъ*, *Кала* и *Ирръ*, которые пользовались всѣ самостоятельностью? когда изъ той же полосы, изъ Месопотаміи, или тигро-евфратскаго Междурѣчья нападали въ близкую къ тому времени эпоху на Содомъ и прочіе города Пятиградія еще четыре царя четырехъ союзныхъ владѣній, царь Шиннара, царь Эллама, царь Гоима и царь *Элласара*, то есть, Лариссы, города, лежавшаго въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Ниневіи.

Да чего болѣе! показанія арабскихъ географовъ совершенно разрѣшаютъ задачу о томъ, какъ должно разумѣть въ европейскомъ географическомъ свидѣтельствѣ слова *оиръ*, городъ, и *Нинив*е, Ниневія. Абубекръ-Ахмедъ-ибнъ-Вахшіе говоритъ: «Ниневіей, *Нинив*и, прежде при Набатейцахъ (жи«теляхъ халдейскаго происхожденія), называли об«*ласть*, заключающуюся между двумя рѣками, ко«торыя въ наше время именуются Великимъ и Ма«лымъ Забомъ; область эта простирается вдоль «обѣихъ рѣкъ, занимаетъ все пространство между «ними и доходитъ до горъ (Курдистана). «Такъ вотъ и границы ниневійской волости! вотъ *оиръ Нинив*е, въ которой можно было идти *день пути*, прежде чѣмъ достичь городскихъ воротъ. Прибавимъ еще, что еврейское свидѣтельство, упомянувъ, что въ ниневійскомъ *оирѣ заключается* болѣе ста двадца-

ти тысячъ жителей, присовокупляетъ: *и множество скота*. Не ясно ли, что *оиръ*, urbs, означаетъ здѣсь всю волость съ городомъ, а не одинъ только собственный городъ!

Но если городъ съ своей волостью представлялъ только сто двадцать тысячъ душъ народонаселенія и множество скота, то мы не видимъ, можно ли ссылаться на еврейскія свидѣтельства, чтобы удостовѣрить кого-нибудь въ основательности греческихъ разсказовъ о безпримѣрной огромности и пышности Ниневіи. Напротивъ, по точному смыслу еврейскихъ географическихъ данныхъ, это—очень скромный городъ въ своей законной чертѣ, какъ бы онъ силенъ ни былъ за этою чертою.

Но положимъ—и этого забывать не должно при правосудномъ разбирательствѣ дѣла — что въ Палестинѣ, при этой статистикѣ Ниневіи, считали, по обычаю всей древности, однихъ только свободныхъ гражданъ. Сто двадцать тысячъ гражданъ, имѣющихъ право носить оружіе — женскій полъ, разумѣется, не въ счетъ — это много, даже очень много, втрое болѣе противъ Аѳинъ въ самое блестящее время ихъ могущества. Взявъ аѳинскую пропорцію свободныхъ людей къ несвободному классу, и причисливъ еще женщинъ, мы получимъ для народонаселенія Ниневіи, города съ областью, въ общемъ итогѣ, около полтора милліона. Для территоріи, заключенной между двумя Забами, это —великолѣпно; но ни чуть не изумительнѣе Виртембергскаго Королевства, и главный городъ такой волости очень легко могъ не быть значительнѣе Штутгардта. Отсюда, до окружной стѣны въ

восемьдесятъ верстъ протяженія, еще очень далеко, при многоэтажной архитектурѣ домовъ, при тѣснотѣ улицъ, и при необходимости допустить, что по-крайней-мѣрѣ три четверти рабовъ жили за стѣною, въ волости, и обработывали землю ниневійскихъ гражданъ. Притомъ же и стѣны этой, несмотря на ея исполинскіе размѣры въ толщину и въ вышину, нигдѣ слѣдовъ не находятъ. Очевидно, Ктесія говоритъ о другой Ниневіи, о Ниневіи сказочной, а не о подлинной и исторической.

И можно ли Ктесію упрекать за это? Конечно, нѣтъ. Для древняго Грека-язычника, какъ бы онъ уменъ и ученъ ни былъ, всякая удивительная или занимательная сказка была исторіей. Мудрѣйшій изъ Грековъ, Платонъ, прозванный «божественнымъ», понималъ историческое дѣло точно также. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые греческія сплетни доселѣ принимаютъ за чистую монету и вносятъ ихъ важно во всеобщую исторію!

Нужно ли осязательное доказательство, что Ктесія повторяетъ однѣ народныя басни современнаго ему Востока въ разсказѣ своемъ объ Ассиріи, Нинѣ, Семирамидѣ и Сарданапалѣ и имѣетъ въ предметѣ сказочную Ниневію, а не одну изъ тѣхъ, которыя дѣйствительно существовали и были всѣмъ извѣстны въ его время? Сочиненіе Ктесіи, какъ извѣстно, потеряно. Но Діодоръ Сицилійскій, почерпнувшій всю свою мудрость восточную изъ этого сочиненія, оставилъ намъ пространную выписку изъ него въ своей «Исторической Библіотекѣ». Въ этой выпискѣ сказано, что во время осады Ниневіи арміями Белеса и Арбака, *Евфратъ* высту-

пилъ вдругъ изъ береговъ, наводненіе разрушило часть городской стѣны, и въ этотъ проломъ непріятель прошелъ въ городъ. И этотъ *Евфратъ* неоднократно появляется на сценѣ въ повѣсти Ктесіи. Между-тѣмъ всѣ прочіе утверждаютъ, и мы знаемъ положительно, что Ниневія лежала при Тигрѣ, у впаденія въ нее рѣки Заба, которую Греки прозвали по-своему Lykos, а не при *Евфратѣ*. Кто виноватъ въ такой грубой, такой невѣжественной ошибкѣ? Одни бранятъ Ктесію, называя его шарлатаномъ и вралемъ, другіе Діодора, который будто-бы читалъ безъ очковъ и плохо выписалъ изъ такого «драгоцѣннаго» сочиненія. Но можно ли допустить, чтобы Ктесіи, долго жившему въ Персіи, и Діодору, римлянину, когда римскіе легіоны стояли въ виду города, который вскорѣ прозвался Augusta colonia Niniva Claudia, неизвѣстно было, при какой рѣкѣ находится настоящая Ниневія? Но они объ настоящей-то и не думали. Имъ какое дѣло до исторической и географической истины? Развѣ объ этомъ хлопотали въ древности? Развѣ исторія не состояла тогда въ томъ, чтобы разсказывать занимательныя вещи, а не разсказывать правду? Они дѣлаютъ, что дѣлала вся древность: повторяютъ любопытные вымыслы, принятые народною повѣстью; это и есть — *исторія*. Магометъ *исторіей* называетъ сказки въ родѣ «Тысячи одной Ночи»: а онъ навѣрное не былъ глупѣе доктора Ктесіи и зналъ что говорилъ. «Исторіей» считалась у древнихъ всякая повѣсть, въ которой упоминались имена извѣстныхъ царей, героевъ и городовъ, вводимыя

очинителями сказокъ для прикрытія вымысла и для вящшаго удовольствія читателя. Предавъ проклятію *исторіи*, Магометъ спасъ исторію: Аравияне стали сочинять простыя лѣтописи, на которыхъ наконецъ она основалась. Къ такимъ же проклятымъ *исторіямъ* принадлежатъ и всѣ древнія языческія *исторіи* объ Ассиріи. И Ктесія и Діодоръ заботятся положительно только о сказочной Ниневіи, которая и для нихъ и для ихъ читателей несравненно интереснѣе настоящей. Сказка же помѣщала свою Ниневію при Евфратѣ. При Тигрѣ ей невозможно было предположить такого чуднаго города: сравненіе съ дѣйствительностью тотчасъ убило бы всю занимательность вымысла. И зачѣмъ, спрашивается, не вѣрить, что Ктесія прочиталъ всѣ эти басни о Нинѣ, Семирамидѣ, Сарданапалѣ и объ ихъ Ниневіи въ книгохранилищѣ царя Персовъ, что онъ все это выписалъ изъ царскихъ рукописей? Развѣ мы не знаемъ, какъ древніе Персы писали свою собственную исторію? Шахъ-намѣ сочинена по древнимъ *царскимъ книгамъ*: а есть ли въ ней малѣйшій слѣдъ исторической или географической истины?

Тѣ изъ древнихъ языческихъ писателей, которые, слышавъ о настоящей Ниневіи на Тигрѣ, о Ниневіи, извѣстной Палестинѣ, о Ниневіи Пула, Салманасара, Сеннехериба, помѣщали при этой рѣкѣ сказочную Ниневію Нина, Семирамиды и Сарданапала, тѣ-то напротивъ, стоютъ всякой брани и обиды со стороны нынѣшнихъ академиковъ и профессоровъ. Они мудрствовали, они говорили не то, что слышали, произвольно пере-

правляли сказку, существенную исторію тогдашняго міра. Они—лжецы, а не Ктесія, честный врачъ, отличный *историкъ*, который усердно собираетъ *исторіи*, душевно вѣритъ всякому сказочному вздору и буквально повторяетъ его какъ очень любопытную *исторію*.

Мы сказали, что Ниневій было нѣсколько, и это —фактъ. Кромѣ возвышенія, состоящаго изъ зарытыхъ въ щебнѣ древнихъ руинъ, которое лежитъ насупротивъ Мусула и донынѣ называется *Ниневіи*, въ среднихъ вѣкахъ Якути и другіе арабскіе географы и писатели, постоянно показывали еще двѣ Ниневіи, одну Ниневію-Островскую, *Ниневи эль-Джезире*, заключенную между двумя Забами, на восточной сторонѣ Тигра, въ области Ассурѣ, у Сирійцевъ Атурѣ, у Страбона Атурія, а другую Ниневію-Вавилонскую, *Ниневи Бабель*, область, лежащую въ Вавилоніи, слѣдовательно область *евфратскую*. Всѣ они въ этой второй Ниневіи помѣщаютъ городъ *Кербелу-Хусейнову*, сосѣдній съ Багдадомъ, а иные причисляютъ къ ней и Хульванъ. Слѣдовательно, Ктесія не совсѣмъ неправъ. Сказка свой возлюбленный баснословный городъ Ниневію предполагала въ евфратской и вавилонской области Ниневіи, недалеко отъ Кербелы, въ мѣстахъ, которымъ тоже даютъ иногда общее имя *Атура* или *Асура*. Сравнивъ повѣсть Геродота о Вавилонѣ съ Ктесіевыми подробностями о Ниневіи, нельзя не видѣть, что сказка смѣшивала эти два города, такъ, что ни тотъ ни другой писатель не знали навѣрное, что̀ собственно относится къ Вавилону Бела, и что̀ къ Нини-

ііи Нина и Семирамиды. Древнему Вавилону Бела Геродотъ приписываетъ такую же четверогольную подстройку, какая находится въ Ниневіи-на-Тигрѣ. Окружныя стѣны, вавилонская у Геродота, и ниневійская у Ктесіи, представляютъ одинаковую обширность. А между-тѣмъ стѣнъ этихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака ни въ настоящей Ниневіи, ни въ настоящемъ Вавилонѣ! А изъ Страбона мы знаемъ, что подобныхъ четвероугольныхъ подстроекъ, остатковъ первозданнаго городостроительства, было много и по Тигру и по Евфрату, и что съ каждою изъ нихъ соединялось имя Семирамиды. Не ясно ли, что самыя эти подстройки и были *семирами?* Въ олицетвореніи притчи они представляли супругу, которой олицетворенный мужъ — видѣвшіяся на нихъ развалины колоссальныхъ зданій первообразной эпохи. Гдѣ было побольше такихъ памятниковъ первообразованной, забытой эпохи, *ниневи*, или «слѣдовъ», *аширъ*, *атуръ*, тамъ и вся область принимала названіе Ниневіи или Ассиріи, Атуріи.

Всѣ эти обстоятельства и уваженія нужно было изложить предварительно, чтобы поставить читателя, обыкновенно мало знакомаго съ восточными древностями, въ состояніе обозрѣвать открытія господъ Леярда и Ботты съ достаточнымъ приготовленіемъ къ предмету. О Ниневіи Нина и Семирамиды, Ниневіи Ктесіевой, которая вошла въ курсы нашей всеобщей исторіи и о которой писали эти предпріимчивые гости Востока и ихъ ученые покровители лондонскіе и парижскіе, нечего и мечтать; такой Ниневіи никогда не води-

лось на свѣтѣ. Была одна только нинивійская держава, съ столицею, извѣстною подъ именемъ Нинивія; была Нинивія или Ассирія политическая и историческая, несомнѣнно и достовѣрно богатая и сильная втеченіи нѣкотораго времени; но это—Нинивія Пула и Сеннехериба, Нинивія, извѣстная Евреямъ, Нинивія семисотыхъ годовъ до Рождества Христова. Одна эта Ассирія и Нинивія должны быть принимаемы разсудительною всеобщею исторіей. Давно пора вырвать изъ нея блистательно-уродливыя страницы, на которыхъ довѣрчивая наша эрудиція выдаетъ за возстановленную исторію Ассиріи странный чертогъ, выстроенный ею изъ древней лжи и древней истины, очень ученую, весьма искусно подобранную, но тѣмъ не менѣе смѣшную и чудовищную смѣсь языческихъ притчъ, подхваченныхъ у Грековъ, съ положительными свидѣтельствами Палестины, о двухъ разныхъ и, по существу своему, не согласимыхъ Нинивіяхъ, сказочной и подлинной. Какое право имѣемъ мы бранить Ктесію добродушно повторяющаго тогдашнія народныя *исторіи* своихъ единовѣрцевъ о Нинивіи и Ассиріи, когда сами очень важно разсказываемъ объ нихъ такіе нестерпимые вздоры нашего ученаго издѣлія?

Я забылъ еще одно вступительное обстоятельство, очень нужное къ свѣденію при обозрѣніи открытій господъ Леярда и Ботты. Гдѣ собственно была выстроена извѣстная Евреямъ Нинивія, этого невозможно опредѣлить по ихъ географическимъ свидѣтельствамъ. Положительно извѣстно только то, что она находилась при

Тигрѣ, на восточной сторонѣ этой рѣки. Но всѣ туземныя преданія, перешедшія длинный рядъ вѣковъ, назначаютъ ей мѣсто около нынѣшняго города Мусула, лежащаго на пути изъ Алепа въ Багдадъ. Здѣсь донынѣ есть деревня, которую зовутъ *Ниниви*. Здѣсь, въ другомъ мѣстѣ, показываютъ могилу пророка Іоны, *Неби-Юнусъ*, равно почитаемую христіанами и магометанами. Поблизости отсюда впадаетъ въ Тигръ *Забъ*, у Грековъ Zabatos или Lykos, который еще въ тринадцатомъ столѣтіи туземцы называли *Ниневійскою Рѣкою*. Тутъ же между двумя *Забами*, Большимъ и Малымъ, по свидѣтельству арабскихъ географовъ, находилась одна изъ двухъ областей, носившихъ названіе *Ниневій* въ ихъ время, уже почти въ исходѣ среднихъ вѣковъ, именно *Ниневія-Островская*. Лѣтъ черезъ триста послѣ Сеннехериба, какъ нельзя болѣе достовѣрнаго царя этой Ниневіи, Александръ-Великій, по словамъ его историковъ, здѣсь же занялъ городъ по имени *Ниневію*. Спустя пять столѣтій, Римляне имѣли въ этихъ мѣстахъ свое военное поселеніе, извѣстное еще Тациту, и котораго медали, съ надписью Augusta Niniva Claudia (императорское поселеніе *Ниніва Клавдіева*), существуютъ во многихъ нумизматическихъ собраніяхъ: ихъ находятъ въ окрестностяхъ Мусула, правильнѣе *Моусыла*. Еще пять столѣтій спустя, императоръ Ираклій нашелъ здѣсь, у Заба, городъ *Ниневію*. Если къ этому прибавить новыхъ пять столѣтій, то мы очутимся среди арабскихъ писателей, показывающихъ тутъ же и рѣку и область такого же названія. Сло-

вомъ, безпрерывная цѣпь одногласныхъ и совершенно уважительныхъ свидѣтельствъ, проходящая черезъ восемьнадцать и болѣе столѣтій, не позволяетъ сомнѣваться, что во всѣ эти времена *Ниневія* — по-крайней-мѣрѣ одна изъ Ниневій — находилась здѣсь именно. Но между Сеннехерибомъ и Александромъ-Великимъ, незадолго до македонскаго завоевателя, проходилъ этими мѣстами десяти-тысячный вспомогательный корпусъ Грековъ, котораго знаменитое отступленіе такъ обстоятельно описано предводителемъ его, Ксенофонтомъ, обожателемъ Сократа и истины. Кажется, что перейдя Забъ, корпусъ этотъ долженъ бы, подобно Александру-Великому, наткнуться прямо на Ниневію. Ничего не бывало. Ксенофонтъ прошелъ по берегу Тигра, и *Ниневіи* нигдѣ не оказалось. Онъ нашелъ въ этомъ мѣстѣ два *старинные* мидійскіе города, очень близкіе другъ къ другу, и одинъ изъ нихъ назывался *Ларисса*, а другой *Меспила*, разумѣется, по мидійскому произношенію (*сп* змѣсто *с*), что̀ по другимъ выговорамъ выходитъ *Мессила*. Это были извѣстный Евреямъ *Элласаръ* и нынѣшній Мусулъ или *Моусылъ*. Какъ же объяснить это? задача — очень трудная. Ксенофонтъ навѣрное не забылъ бы похвастаться, что онъ былъ въ Ниневіи. Въ Лариссѣ своей онъ видѣлъ примѣчательную пирамиду, и эта пирамида отыскана теперь въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, у впаденія Заба въ Тигръ, тамъ именно, гдѣ, по всѣмъ показаніямъ, должна бы находиться Ниневія.

Для тѣхъ, которые очень умѣренно прель-

цены исторіей походовъ Александра Великаго, ставленною намъ греческимъ правдолюбіемъ— мы принадлежимъ къ этому числу — вопросъ начительно облегчается тѣмъ размышленіемъ, то, говоря вообще, историки этого героя сдѣали въ своихъ посильныхъ писаніяхъ все возожное и отъ нихъ зависящее, чтобы заслужить ебѣ названіе отъявленныхъ лжецовъ. Александръ ъ глаза не видывалъ Нинивіи: онъ, вѣрно, былъ ъ Мусулѣ или Лариссѣ, а они, зная, что въ томъ сѣстѣ, между двумя Забами, находится *область* Нинивія, одинъ изъ этихъ городовъ украсили, лога ради, титуломъ старинной Нинивіи, которая, послѣ библейскаго паденія своего, никогда уже не вставала. Или, быть-можетъ, Александръ Великій, на томъ же основаніи сосѣдства области и рѣки Нинивій, повелѣлъ Лариссѣ именоваться отнынѣ впредь Нинивіей въ честь сказкамъ о Нинѣ и Семирамидѣ, подобно тому, какъ Римляне потомъ велѣли Месопилѣ или Мусулу называться *Клавдіевой Нинивіей.* Что̀ касается до византійскихъ описаній Ираклiева похода, то ихъ *Нинивія*—чистая риторика: какъ не возстановить, при такомъ удобномъ случаѣ, имени города Нинивіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недавно была Клавдіева Нинивія и гдѣ цѣлая область между двумя Забами, и даже самый *Забъ*, у туземцевъ называются *Нинивіи?* Несомнѣнно, въ Нинивію тутъ переименованъ произвольно, старинный *Элласаръ*, въ греческомъ произношеніи Ксенофонта *Ларисса*, нынѣшній *Нимродъ.*

Теперь мы можемъ перейти къ любопытнымъ

открытіямъ господъ Леярда и Ботты. Новость, разнообразіе и занимательность отрытыхъ предметовъ такъ велики, что имъ слѣдуетъ посвятить отдѣльную и довольно подробную статью.

II.

Мы старались дать общій очеркъ двухъ главныхъ эпохъ древняго міра, которыя сами собою опредѣляются при возрѣніи на два совершенно различные характера строительныхъ памятниковъ. Чтобы найти вѣрную нить руководства въ этомъ хаосѣ и оградить воображеніе свое отъ искушенія, которымъ увлекаются многіе, сочинять странныя теоріи и творить насильственные выводы, нужно прежде всего ясно понять сущность этихъ двухъ эпохъ названныхъ нами *первообразованною и второобразованною.*

Первообразная эпоха начинается непосредственно отъ потопа и продолжается до временъ Авраамовыхъ или до начала исторіи. Это—эпоха первозданныхъ городовъ и исполинскихъ построекъ; эпоха первобытныхъ Вавилонцевъ, Старо-Египтянъ, построившихъ пирамиды, но еще не знавшихъ ни многобожія Гермеса-Тревеликаго ни іероглифическаго письма, Пеласговъ, Циклоповъ, или *Одноглазниковъ*, обожателей бога съ однимъ глазомъ, и другихъ невѣдомыхъ народовъ, сильныхъ, образованныхъ, промышленыхъ, богатыхъ, пристрастныхъ къ колоссальности и впослѣдствіи прозванныхъ глухими именами *Строителей* (Teucri у Грековъ, Aztek у Мексиканцевъ),

Каменьщиковъ или *Известщиковъ* (Titani у Грековъ, Tolkek у Мексиканцевъ) или, вообще, *Великановъ*. Повѣсть о враждѣ этихъ Великановъ съ Юпитеромъ ясно показываетъ, что всѣ эти народы предшествовали ученію матеріализма о эѳирѣ и теоріямъ юпитерическаго многобожія, которыя восторжествовали надъ ихъ первобытнымъ вѣрованіемъ. Имъ принадлежатъ громадныя стѣны, сложенныя изъ огромныхъ камней, городскія четвероугольныя подстройки и, особенно, какъ характеристическій погребальный монументъ, *пирамиды*, которыя впрочемъ не что̀ иное какъ курганы. Пирамида — архитектурное воспроизведеніе насыпнаго кургана. На египетскихъ пирамидахъ еще нѣтъ іероглифовъ: они принадлежатъ совсѣмъ другой эпохѣ, гораздо древнѣйшей, чѣмъ іероглифическое письмо и теорія многобожія, раздѣленнаго на вѣру простонародную и вѣру тайную, которая и употребляла эту сокровенную грамоту.

Второобразная эпоха, это — рядъ вѣковъ, заключенный между двумя вторженіями дикости въ образованность, между двумя паденіями гражданственности и искусства, между основаніемъ новыхъ обществъ около временъ Авраамовыхъ и нашествіемъ Варваровъ на Римскую Имперію послѣ Христа. Это — эпоха собственно извѣстная намъ подъ названіемъ *древности* или, точнѣе, *классической древности*. Это — промежутокъ времени, въ который изъ наплыва, на земли первообразованныхъ народовъ, дикихъ племенъ, расплодившихся въ степяхъ, возникли, образовались и пали Халдейцы, Персы, Египтяне ѳиво-мемфисскіе, схѣдо-

тели называли ихъ chomata, *насыпями*. Онѣ существовали до Александра-Великаго. Мѣстами эти возвышенія скучены, мѣстами разбросаны, и состоятъ изъ накопленій древняго мусора, покрытаго большею частью толстымъ слоемъ растительной земли, на которой, какъ на пепельныхъ холмахъ Помпеи, растутъ во многихъ мѣстахъ деревья, въ другихъ разведены виноградники или построены деревни, въ иныхъ разросся бѣлотерновникъ или скудно живутъ кусты жесткихъ травъ въ безплодной пыли. По именамъ нынѣшнихъ деревень главнѣйшія изъ этихъ насыпей именуются *Хорсабадъ*, *Коюнджукъ*, *Неби-Юнусъ* (Пророкъ Іона), *Ниниве* и *Нимродъ*. Самая сѣверная изъ нихъ—Хорсабадъ, лежащая верстахъ въ пятнадцати къ сѣверо-востоку отъ Мусула; самая южная—*Нимродъ*, при Тигрѣ, недалеко отъ впаденія Большаго Заба, гдѣ Александъ-Великій, по словамъ своихъ историковъ, и императоръ Ираклій, по увѣренію Византійцевъ, встрѣтили городъ *Нинивію*, гдѣ арабскіе географы среднихъ вѣковъ показываютъ область, извѣстную въ ихъ время подъ названіемъ *Ниниви-Островской*, но гдѣ между-тѣмъ Ксенофонтъ съ своимъ корпусомъ нашелъ только *старинный мидійскій городъ Ларисcу*, Элассаръ по еврейской географіи, съ примѣчательною старинною пирамидою, которой остатки отысканы г. Лейардомъ, въ томъ же мѣстоположеніи, именно въ нимродской насыпи, на платформѣ, служившей подстройкою древнему городу.

Надо прежде всего знать, что̀ такое—эти платформы, разбросанныя по Ассиріи и Вавилоніи и

вавшіяся искони *шемирамъ*, или семирамида-
то—болѣе или менѣе обширныя, очень проч-
настилки нежженаго кирпичу, вышиною отъ
и до семи саженъ, въ видѣ правильныхъ
ероугольниковъ, восходящихъ пирамидально,
ть отлого, какъ наши крѣпостныя стѣны. На-
ные бока ихъ имѣли первоначально одежду
каменныхъ плитъ; плоская вершина была то-
ымощена плитами. На такихъ-то пирамидаль-
ь подстройкахъ стояли въ первообразованную
у города съ своими дворцами, храмами и на-
щими пирамидами; и на нихъ-то, впослѣдствіи,
дко основывались города второобразованной
и, напримѣръ, позднѣйшіе Вавилонъ и Нини-
Отсюда случалось, что среди новозданнаго
да, обитаемаго второобразнымъ народомъ, по-
авшимъ тѣла свои въ подземельяхъ, стояли
миды, твердые погребальные памятники пер-
разованныхъ людей, хоронившихся въ насып-
ь или каменныхъ курганахъ. Пирамиды эти
ственно славились гробницами *царя Нина*,
ь болѣе, что тутъ же, рядомъ съ пирамидами,
лубочайшей классической древности виднѣ-
еще и другіе *нины* или *ниневы*, руины зданій
ообразованной эпохи. Эти остатки жители ново-
наго города часто употребляли какъ матерія-
на свои архитектурныя производства, строя
нихъ на готовыхъ платформахъ дворцы въ
мъ вкусѣ, храмы другимъ божествамъ и до-
ля себя какъ владѣтелей *странъ памятни-*
или *сльдовъ*, assura, athura, то-есть, асси-

рій *. Эти пирамидальныя подстройки строго сообразуются въ боковыхъ линіяхъ своихъ съ кардинальными сторонами горизонта, сѣверомъ, востокомъ, югомъ и западомъ, подобно египетскимъ пирамидамъ и мексиканскимъ такого же рода сооруженіямъ. Теперь онѣ образуютъ собою основаніе мусорныхъ горъ, или насыпей, создавшихся изъ щебня кирпичныхъ построекъ, производившихся на нихъ въ различныя столѣтія.

Въ нимродской насыпи, на днѣ, погребена очень обширная пирамидальная городская подстройка, или платформа, имѣвшая въ вышину до семи саженъ. Южный бокъ ея тянется параллельно къ Забу, а западный примыкаетъ къ Тигру, противъ слѣдовъ древняго ассирійскаго моста со шлюзомъ, или *Нимродовымъ Порогомъ*, на Тигрѣ. Языческія сказанія о баснословномъ царствѣ Нина и Семирамиды безпрестанно смѣшиваютъ Ниневію съ Вавилономъ и Ассирію тигрскую съ Ассиріей евфратскою. Вотъ почему въ камняхъ остатковъ этого шлюза можно еще и теперь узнать слѣды *бронзовыхъ крюковъ* или спай моста, помѣщаемаго Ктесіей на Евфратѣ, въ Вавилоніи, которой и великій *Нимродъ*, какъ мы видимъ по названію мѣста,

---

* Какъ сказано въ предъидущей статьѣ, подъ названіемъ *ассирій* должно разумѣть всякую область, наполненную руинами первообразованной эпохи. Ниневій и ассирій было нѣсколько, и сказочныя преданія перемѣшивали ихъ между собою. Наконецъ уже исторія присвоила названіе *Ассиріи* по-превосходству области, орошаемой Тигромъ и Забами, гдѣ находилась историческая Ниневія, извѣстная Евреямъ, падшая за семь стохѣтій до Рождества Христова.

утился здѣсь же на Тигрѣ. Вершина нимродской сыпи волниста, и мѣстоположеніе ларисской пимиды, упоминаемой Ксенофонтомъ, означается ней особеннымъ высокимъ горбомъ, близъ сѣро-западнаго угла платформы, которой остальія площадь покрыта фундаментами и стѣнами азныхъ зданій. Нѣкоторые думаютъ, что эта-то ирамида превратилась въ сказочныхъ преданіяхъ ъ мавсолей Нина. Далеко еще не всѣ архитектурые остатки платформы раскрыты, однакожъ черкъ вершины насыпи нигдѣ не показываетъ ѣста, похожаго на могилу Семирамидина *Pan*, aradisos. Сказка свою Нинивію очевидно сочинила зъ набора легендъ, относящихся къ первозданымъ руинамъ множества различныхъ точекъ игро-евфратскаго междурѣчья. Разбирать ее рѣительно не стоитъ труда.

Разрывая щебень насыпи около центра ея, г. еярдъ наткнулся, случайно, на довольно значиельной глубинѣ, на многочисленныя гробницы, ень древнія, чисто построенныя изъ жженаго ирпича, безъ извести, и закрытыя большими алеастровыми плитами съ рѣзьбою. Нѣкоторыя изъ ихъ гробницъ состояли изъ глиняныхъ жжеыхъ саркофаговъ съ крышками. Можно было, по праведливости, почесть такое открытіе окончательнымъ въ этомъ мѣстѣ и не предполагать ниего болѣе подъ кладбищемъ. Но г. Леярдъ приказалъ рыть глубже и, спустясь аршина на три одъ уровень древняго кладбища, къ немалому дивленію своему нашелъ стѣны дворцовъ и храовъ, явственно разрушенныхъ пожаромъ, разва-

лины пирамиды и другіе остатки зданій, построенныхъ непосредственно на платформѣ. Такія же алебастровыя плиты, какъ на гробницахъ, и съ такими же скульптурными изображеніями, служили еще мѣстами одеждою этимъ стѣнамъ или лежали возлѣ нихъ на мостовой платформы. Сравненіе крышекъ гробницъ съ этими плитами показало, что для закрытія могилъ алебастровыя доски добыты были отсюда и обрѣзаны по величинѣ гробовъ. Вотъ безспорно двѣ эпохи бытія, раздѣленныя столѣтіями. Какіе люди погребались на этомъ кладбищѣ, учрежденномъ надъ этими дворцами, храмами, пирамидами? Въ одной гробницѣ былъ женскій скелетъ, разсыпавшійся въ прахъ отъ перваго прикосновенія. При немъ найдены три глиняныя вазы, два серебряные браслета, шпилька для волосъ, родъ печати, и остатки ожерелья съ бусами цвѣтными, стеклянными, агатовыми, сердоликовыми и аметистовыми. Застежкою ожерелью служилъ маленькій *лежачій левъ*, а серединнымъ украшеніемъ *трубочка* съ рѣзьбою въ родѣ рѣзьбы нашихъ печатей, и съ изображеніемъ *короля стоящаго на колесницѣ и охотящагося за дикимъ быкомъ*.

Въ другихъ гробницахъ подобраны мѣдныя зеркала, блюда, вазы, жертвенныя ложки, и разныя статьи домашней утвари.

Разборъ этой рухляди, особенно эта рѣзная *трубочка*, статья исключительно ассирійская, и этотъ *царь на колесницѣ*, эта *охота за дикимъ быкомъ*, сюжетъ безпрестанно повторяющійся въ большомъ размѣрѣ въ стѣнныхъ скульптурахъ асси-

рійскихъ дворцовъ, разрытыхъ на платформахъ въ Коюнджукѣ, Хорсабадѣ, и здѣсь, въ Нимродѣ, разрѣшаютъ всякое сомнѣніе относительно къ эпохѣ и племени, которымъ принадлежатъ гробницы. Кладбище и зарытыя подъ нимъ зданія явственно относятся къ одному и тому же народу, къ одной и той же вѣрѣ, но кладбище устроилось здѣсь долгое время спустя послѣ паденія города и пожара дворцовъ. Положительно здѣсь была, при владычествѣ Мидійцевъ, *Ларисса*, старинный *мидійскій городъ*, который видѣлъ Ксенофонтъ. Но здѣсь же, скажутъ, подъ Ларриссою, могла быть Ниневія, извѣстная Евреямъ, которая рушилась лѣтъ за семьсотъ до Рождества Христова. Могла— и не могла. Мы это увидимъ. Между-тѣмъ нѣкоторые домашніе предметы, египетскаго издѣлія, найденные въ гробницахъ, достаточно указываютъ на время основанія кладбища. Его должно причесть по-необходимости къ эпохѣ, въ которую Ассирія и Египетъ были соединены подъ властью одного народа, когда, послѣ покоренія Египта, сообщенія съ этою землею, служебныя и торговыя, стали постоянными, и вкусъ къ египетскимъ произведеніямъ и диковинкамъ распространился въ правительствующемъ и богатомъ классѣ. Это значитъ, что нимродское ассирійское кладбище относится явственно къ эпохѣ владычества Персовъ, къ четырехъ-сотымъ годамъ до Рождества Христова, и современно проходу Ксенофонта. Отсутствіе греческихъ вазъ и другихъ предметовъ эллинскаго издѣлія служитъ удостовѣреніемъ, что оружіе Александра-Великаго еще не открывало здѣ-

шнихъ дорогъ сѣверо-западной торговлѣ, еще не подчиняло страны аѳинскимъ людямъ: иначе, произведенія греческой промышлености непремѣнно нашлись бы здѣсь между рѣдкостями и любимыми вещами усопшихъ, которыя хоронились вмѣстѣ съ ними по общему обычаю эпохи. Въ гробницахъ Этруріи, состоявшей въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Греціей, Финикіей и Египтомъ всегда находятъ рядомъ съ вещами мѣстнаго этрускаго издѣлія, произведенія ремесленниковъ Коринѳа, Тира и Мемфиса.

Проходя этими мѣстами незадолго до Александра, Ксенофонтъ могъ слѣдовательно видѣть это кладбище тогдашнихъ жителей Лариссы, точно такъ же какъ видѣлъ онъ пирамиду, погребальный памятникъ, стоявшій на платформѣ со временъ первообразованной эпохи. Но, навѣрное, всей пирамиды тогда уже нельзя было видѣть. Нижняя часть ея, по-необходимости, была зарыта въ щебнѣ до высоты кладбища, подъ которымъ, на самой платформѣ, скрывались дворцы второзданнаго города, истребленнаго огнемъ. Если бы этотъ подъ-кладбищный городъ былъ Нинивія, въ которой проповѣдывалъ Пророкъ Іона, то накопленіе земли отъ мостовой платформы до высоты кладбища произошло бы втеченіи двухъ сотъ лѣтъ, не болѣе, а остальное накопленіе, отъ кладбища до нынѣшней вершины холма, накопленіе не многимъ по-толще перваго, составилось бы только въ двѣ тысячи четыреста лѣтъ. Такая несоразмѣрность въ постепенномъ возвышеніи почвы достаточна для убѣжденія въ томъ, что подъ-

кладбищный городъ не можетъ быть извѣстная Евреямъ, историческая Ниневія Пула, Салманасара и Сеннехериба, кончившаяся въ исходѣ седьмаго вѣка до Рождества, а долженъ быть Элассаръ, опустошенный гораздо прежде, надъ которымъ послѣ многихъ столѣтій выстроилась подвластная Мидійцамъ Ларисса, иногда называвшаяся Ниневіей по названію всей области, заключенной между двумя Забами и Тигромъ.

Въ оправданіе этой несоразмѣрности можно сказать, что уже болѣе тысячи лѣтъ не строятся на нимродскомъ возвышеніи; слѣдовательно, оно со времени опустѣнія Лариссы не могло увеличиваться въ высоту, и быстрота накопленія земли между платформою и поверхностью кладбища вовсе не противна правдоподобію при употребленіи, для построекъ, нежженаго кирпичу, такъ легко превращающагося въ почвенную массу, когда каменная одежда стѣнъ отвалилась послѣ пожара и зданія оставлены безъ поддержки. Во всякомъ случаѣ подъ-кладбищный второзданный городъ, во время своего существованія, съ этою пирамидою первозданной эпохи, и вѣроятно съ другими еще памятниками, уцѣлѣвшими отъ ея временъ, представлялъ такой же видъ смѣси архитектурныхъ эпохъ, какъ и самый Римъ, гдѣ еще въ блистательнѣйшее время его могущества удивлялись величію колоссальныхъ подстроекъ Капитолія, Cloaca Maxima и Agger Servii Tullii, несокрушимыхъ сооруженій другой эпохи и другаго народа, котораго даже и самое имя было забыто. Римскія народныя сказанія приписывали эти памятники

Этрускамъ, старинным обладателямъ страны, и баснословным царямъ Рима отъ этрусскаго рода, наслѣдникамъ Ромула. Но мы нынче знаемъ положительно, что метода стѣностроенія у Этрусковъ была совсѣмъ другая, и что даже въ собственных ихъ городахъ находились подстройки, подобныя капитолійскимъ и несомнѣнно принадлежащія къ такъ-называемымъ *циклопскимъ* работамъ, къ остаткамъ первообразованной эпохи, къ трудамъ неизвѣстнаго народа, котораго мѣсто заняли Этруски. Мнимый мавсолей Порсенны и другія пирамидальныя сооруженія въ собственной землѣ Этрусковъ, какъ и мнимый мавсолей Нина въ Ассиріи, безспорно принадлежали тому же неизвѣстному народу.

Какъ назвать этотъ загадочный народъ, или эти народы первообразованной эпохи, оставившіе послѣ себя такія могучія зданія? Пользуясь намеками сказокъ греческой древности, новѣйшая историческая ученость подхватила въ нихъ имя Пеласговъ и оно теперь въ большомъ ходу. *Пеласгами* называются, у строителей ипотезъ, всѣ образованные народы, предшествовавшіе классической древности, и племя Пеласговъ, послѣ Нибура, распространяется страшно болѣе и болѣе. Нынче оно уже признается всеобщимъ первобытнымъ обладателемъ вселенной отъ Инда до Альпъ; и Этрусковъ, которые, по своимъ преданіямъ, вышли изъ Лидіи, многіе почитаютъ за послѣдній остатокъ Пеласговъ. Спору нѣтъ, что между скульптурными сюжетами Ассирійцевъ и живописными памятниками Этрусковъ замѣчается много соотношеній; но ме-

тода строенія какъ Этрусковъ такъ и Ассирійцевъ совсѣмъ не сходна съ тою, которую прежде именовали циклопскою, а теперь охотно называютъ пеласгическою. И Ассирійцы и Этруски — люди вторичной образованности, и не могутъ имѣть прямой связи съ тѣмъ первообразованнымъ племенемъ, на развалинахъ городовъ котораго они развели свои города и которое ученая мода велитъ теперь называть гуртомъ Пеласгами. Конечно, когда настоящее имя неизвѣстно, всякое названіе хорошо; но, забирая слова для исторической терминологіи въ греческихъ сказкахъ, можно было бы, кажется, найти что-нибудь получше слова «Пеласги». Сказанія называютъ Пеласгами народъ, обитавшій въ Греціи до нашествія и поселенія въ ней дикихъ Эллиновъ, или Грековъ. Не все первообразованное населеніе земли было однимъ народомъ, и частное имя одного поколѣнія нельзя распростанять на всѣ поколѣнія современныя. По гомерической терминологіи, которая относится къ до-эллинской эпохѣ, къ невѣдомому времени первообразованныхъ людей-силачей, одна часть дѣйствующихъ на сказочно-политической сценѣ народовъ, именно часть европейская, называется *Ветхими*, Danai, а другая, обитавшая въ Азіи, *Строителями*, Teucri. Тѣ и другіе принадлежатъ равно къ породѣ великановъ, но азіятскихъ Строителей поддерживаетъ ассирійскій эөиръ *Бѣшенникъ*, Memnon, а европейскихъ Ветхихъ западный эөиръ *Живъ*, Zeus, Юпитеръ. Разность въ названіяхъ двухъ частей неизвѣстнаго и безъименнаго *населенія допущено* здѣсь очевидно по причинѣ

различія между двумя ученіями объ эвирѣ и двумя системами многобожія, восточною и западною. Насъ, которые языческими расколами не занимаемся, эти тонкости не обязуютъ. Мы могли бы очень прилично принять терминъ *Ветхіе* какъ общее наименованіе строительныхъ народовъ первообразованной эпохи, западныхъ и восточныхъ. *Ветхими*, Veteres, Vieux, превосходно назывались бы всѣ тѣ народы, которымъ такъ неумѣстно даютъ теперь общее имя Пеласговъ, одного поколѣнія Ветхихъ, а *Древними*, античными, Antiqui, Anciens, можно было бы именовать народы второобразованной эпохи, или классической древности *.

---

* Одно маленькое замѣчаніе. *Ветхіе* въ понятіи древнихъ были *великаны*. Но любопытно вспомнить, что до послѣднихъ временъ древности существовали народы, которыхъ всегда называли *великанами*, хотя и знали, что они не великаны. Готъ, Gauth, Joth, Gothun, Jothun, значитъ *великанъ*. Геты, Getta, Jetta, то же что̀ Готы, собственно поколѣнія гото-славянскія, опять значитъ великаны: податски jette и теперь еще сохраняетъ тотъ же самый смыслъ, *великанъ*. Агатирсы, Agathyrs, Angadirs, опять *великаны*, собственно *славные великаны*. Боруссы, Bo-rus (на Днѣпрѣ) также значитъ — *великаны-щиты*. Исторія щита всегда соединялась съ повѣстью о ветхихъ людяхъ великанской породы, даже и у Грековъ; доказательство—щитъ Ахилла. Повсюду, не только въ Европѣ, но даже и въ Азіи, гдѣ *Русь* значило то же, что̀ у Грековъ *Скивъ*, названіе великановъ приписываемо было народамъ готскаго происхожденія, съ которыми всегда смѣшивали Славянъ, какъ ихъ частью подданныхъ, частью союзниковъ. Не значитъ ли это, на темномъ языкѣ преданій древности, что Ветхіе, или Строители исполинскихъ зданій, были люди славяно-

Не налагая ни на кого этой терминологіи, мы позволимъ себѣ употреблять ее здѣсь иногда, по причинѣ преимущества, представляемаго ея краткостью и простотою. *Ветхими* мы будемъ называть тѣхъ первобытныхъ людей, основателей исполинскихъ послѣ-потопныхъ городовъ, которые и для *Древнихъ* были уже «Ветхими», Veteres, Danai; потому-что повсемѣстность Пеласговъ отвергаетъ здравая логика, а *Древнихъ* необходимо именовать Древними, оставивъ ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ привыкли ихъ видѣть, именно, въ классической древности.

Каждая изъ этихъ двухъ эпохъ гражданственности и образованности имѣла свою отдѣльную архитектуру. *Ветхость*, это — время пирамидъ, время циклопскаго стѣнотворенія, многоэтажнаго, наклоннаго, гладкаго, вообще безъ наружныхъ

готской породы? Замѣчу еще, что и въ миѳологіи готскаго язычества, въ эпоху древности, ветхіе Славяне, *Ваны*, признаются такими же великанами, какъ и ветхіе *Готы* или *Іоты*. Уже при концѣ древности стали различать Славянъ отъ Готовъ. Прежде они были нераздѣльны, и въ сказкахъ и въ народныхъ названіяхъ. Тѣ и другіе упорно удерживали вмѣстѣ имя *великановъ*, подъ разными его формами, конечно въ память исполинскихъ построекъ, которыя преданіе имъ приписывало. Въ понятіи о великанахъ не должно искать ничего другаго кромѣ понятія, представляемаго словомъ *силачи*. Дѣло шло о тѣхъ ветхихъ *Силачахъ*, которые двигали эти страшныя массы камней для построекъ, называемыхъ циклопскими. Циклопы, *Одноглазники*, связаны съ силачами-строителями, потому-что сюда примѣшивается еще понятіе или преданіе объ обожаніи бога съ однимъ глазомъ во лбу.

украшеній, даже безъ надписей, съ огромными правильными линіями, и преимущественно на природныхъ или искуственныхъ возвышеніяхъ. *Древность*, это—эпоха пзящнаго зодчества, съ барельефами, живописью, съ надписями, съ соблюденіемъ большой чистоты и прямизны въ линіяхъ, но съ допущеніемъ большой пестроты въ украшеніяхъ и съ примѣчательнымъ уменьшеніемъ размѣровъ. Образованность, родившаяся въ среднихъ вѣкахъ, придумала опять себѣ совсѣмъ другую архитектуру, которая, при фантастической кривизнѣ и запутанности линій, искала соединить громадность съ легкостью. Несмотря на мгновенное отступленіе отъ сущности этого зодчества въ пользу Грековъ и Римлянъ, которымъ бросились мы подражать и подражали очень неудачно, оно останется зодчествомъ нашей новѣйшей образованности, какъ продолженія и развитія образованности, начавшейся вмѣстѣ съ нимъ въ среднихъ вѣкахъ. Подражанія случались и у Древнихъ. Египтяне, напримѣръ, и даже древніе Греки въ Египтѣ, во многихъ случаяхъ подражали Ветхимъ въ наклонности линій и массивности, но эти прихоти моды легко узнаются, и по неизбѣжному смѣшенію системъ строенія и по размѣрамъ.

Послѣ этихъ замѣчаній сойдемъ подъ ассирійское кладбище, на нимродскую платформу.

Прорывъ около саженп въ глубину подъ гробницами, господинъ Леярдъ, какъ уже сказано, неожиданно открылъ разрушенныя пожаромъ стѣны обширнаго зданія, очевидно дворца, котораго залы и комнаты ясно означались этими остатками

ѣнъ, сложенныхъ изъ нежженаго кирпича. Одеа этихъ стѣнъ была нѣкогда алебастровая, стоявшая изъ большихъ плитъ или досокъ, поытыхъ съ одной стороны скульптурными карнами. Многія изъ нихъ были взяты на крышки я гробницъ. Другія лежали въ безпорядкѣ, пеломанныя или пережженныя, на платформѣ выщенной въ этомъ мѣстѣ жженымъ кирпичомъ. о самое любопытное обстоятельство — открытіе ѣлой сотни такихъ плитъ, поставленныхъ у стѣы на ребро въ рядъ, плотно одна къ другой, акъ страницы большой книги. Слѣды желѣзныхъ рюковъ показывали, что плиты эти были отораны отъ стѣнъ сгорѣвшаго дворца. Рѣзная сторона ихъ представляла одинъ длинный барельефъ, плиты были собраны по порядку сюжетовъ. сно, что эти алебастровыя доски, неповрежденыя огнемъ, но очень старыя, отчасти попорченыя еще на стѣнахъ продолжительнымъ дѣйствіемъ воздуха, предназначались служить одеждою овому дворцу, строившемуся въ другомъ мѣстѣ, ѣроятно на другой платформѣ, въ другомъ гоодѣ, когда какой-то переворотъ, какое-то внезапое бѣдствіе, остановили работы и заставили всѣхъ абыть, и о ломкѣ сожженнаго города, и объ украшеніи существующаго. Новое доказательство — то историческая Ниневія, павшая въ семисотыхъ одахъ, не могла здѣсь находиться. Городъ этотъ разрушенъ очень давно до снятія плитъ со стѣнъ тариннаго дворца, и если верхнее кладбище было современно Ксенофонту, то едва-только могли плиты эти быть собраны около начала седьмаго сто-

покорить своей власти современные
ніе города, въ томъ числѣ и Элласаръ (Н
сжечь ихъ, разорить, и потомъ обирала
нія для украшенія своихъ чертоговъ.

Удостовѣреніе въ существованіи этого
— переносить скульптурную одежду стар
зданій на новыя, воздвигаемыя въ друг
стахъ, чрезвычайно запутываетъ вопр
относительной древности строеній, отры
на ассирійскихъ платформахъ. Барельеф
стариннаго стиля, съ надписями другихъ
съ именами другихъ царей, съ изображен
двиговъ и нравовъ другихъ поколѣній, мо
ходиться на стѣнахъ дворцовъ, относите
вѣйшихъ, въ чужихъ городахъ, въ мѣста
эти цари никогда не царствовали. Разобра
хаосъ совсѣмъ не легко. Антикваріи, восх
новостью открытій, должны очень осторо
водить изъ нихъ факты для исторіи. П
запутывается еще болѣе неизбѣжными

накладывали новыя одежды; каменныя плиты съ нихъ переносились на постройки въ другомъ стилѣ и для другой цѣли. Каждый новый царь по-необходимости починивалъ и поправлялъ верхнюю часть платформы, около своего дворца или подъ новымъ зданіемъ, предположеннымъ къ построенію. Это неизбѣжно, потому-что платформы, каменныя снаружи, были наполнены внутри очень непрочнымъ матеріяломъ, нежженнымъ кирпичомъ, на который Древніе настилали мостовую бо̀льшею частью изъ дурно обожженныхъ кирпичей. На кирпичахъ всегда находится штемпель съ именемъ царя, для котораго они дѣланы. Но что̀ же доказываетъ этотъ штемпель? Одну только починку платформы по повелѣнію того царя, чье имя тутъ находится, а не сооруженіе ея, или постройку зданій на ней, въ его правленіе. Для такихъ починокъ навѣрное еще употреблялись старые, хорошо сохранившіеся кирпичи изъ разрушившихся зданій или даже изъ другихъ, оставленныхъ платформъ, со штемпелями давно умершихъ строителей. Словомъ, относительно къ эпохѣ сооруженія или къ послѣдовательности времени нельзя вывести ничего достовѣрнаго по этимъ штемпелямъ, надписямъ и барельефамъ, которые уже хотятъ употребить въ дѣло какъ неопровержимое документы.

Хотя разсказы Ктесіи и Геродота заставляютъ думать, что цѣлые тигро-евфратскіе города помѣщались на искусственныхъ возвышеніяхъ, или платформахъ, chomata, однако это невозможно для самыхъ знаменитыхъ городовъ. Какъ бы

многоэтажны ни были дома этихъ городовъ, платформы, нынче намъ извѣстныя, нимродская, хорсабадская, коюнджукская, слишкомъ малы для нѣсколько значительнаго числа жителей. Гораздо вѣроятнѣе, что на пирамидальныхъ платформахъ, сооруженныхъ Ветхими, Древніе помѣщали только дворцы своихъ царей, храмы божествъ-хранителей и главныя общественныя зданія, съ немногимъ числомъ улицъ, а остальная часть большаго города, въ видѣ предмѣстій, была располагаема на равнинѣ, вокругъ платформы. Въ Мексикѣ столица Монтесумы представляла точно такой же планъ: четвероугольное возвышеніе исполинской постройки и *ветхой* эпохи, съ дворцами, садами, храмами и главными заведеніями находилось внутри города.

Раскапыванія, произведенныя на нимродской платформѣ, уже обнаружили нѣсколько значительныхъ зданій. Всѣ эти зданія разрушены пожаромъ, и — странное дѣло! — всѣ зданія, открытыя донынѣ на платформахъ коюнджукской и хорсабадской, также представляютъ несомнѣнные признаки пожара. Тѣ, которые вѣрятъ въ сказочную Нинивію Нина и Семирамиды, имѣвшую, будто-бы, по показаніямъ *царскихъ книгъ*, читанныхъ Ктесіей въ Персіи, слишкомъ восемьдесятъ верстъ окружности, и хотятъ непремѣнно отыскать эту Нинивію здѣсь, хотя самъ Ктесія помѣщалъ ее на Евфратѣ, въ Вавилоніи, а не въ Ассиріи, пользуются этимъ примѣчательнымъ обстоятельствомъ общаго пожара, чтобы заключить всѣ три платформы въ одинъ древній городъ

Окружная стѣна такого города, разумѣется, представляла бы непремѣнно гигантское развитіе болѣе чѣмъ въ восемьдесятъ верстъ — даже гораздо болѣе. Но во-первыхъ, слѣда нѣтъ такой стѣны. Господинъ Ботта принужденъ сознаться, что, несмотря на благое желаніе свое открыть признакъ ея во что̀ бы ни стало, онъ не видитъ возможности допустить существованія подобной стѣны въ здѣшнихъ мѣстахъ. И дѣйствительно, быть не можетъ, чтобы на протяженіи почти ста верстъ ни въ одной точкѣ не уцѣлѣлъ хотя обломокъ такой высокой, широкой и прочной твердыни, о какой повѣствуетъ греческій докторъ. Во-вторыхъ, какъ уже было показано, нѣтъ ни малѣйшей причины заставлять Ктесію такъ грубо ошибаться. Кто жъ велитъ читать «Тигръ» тамъ, гдѣ онъ пишетъ «Евфратъ». Ниниві́я языческихъ сказокъ дѣйствительно предполагалась въ Вавилоніи, на Евфратѣ, и народная молва имѣла къ тому благовидное основаніе. Мы привели непреложныя свидѣтельства о томъ, что была географическая область Ниниві́я-Вавилонская возлѣ самаго Ва̀вилона, отчего въ преданіяхъ дѣла́ и зданія вавилонскія и ниниві́йскія слились въ одно понятіе, темное, иперболическое, невозможное. Послѣдній царь сказочной Ниниві́и, Сарданапалъ, погибъ, говорятъ, въ пожарѣ своего дворца передъ глазами соединенныхъ силъ Кіаксара, царя Мидіи, и Набопалесара, царя Вавилоніи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ огромномъ пожарѣ, поглотившемъ вдругъ всѣ дворцы и храмы платформъ хорсабадской, коюнджукской и нимродской, царю

Сарданапалу можно было сгорѣть превосходно для оправданія Ктесіевой легенды: какъ не сгорѣть въ пожарѣ, покрывавшемъ пятьсотъ-шестьдесятъ квадратныхъ верстъ однимъ пламенемъ!.. а такова площадь круга, имѣющаго восемьдесятъ четыре версты въ окружности. Но главное затрудненіе въ томъ, что о царѣ Сарданапалѣ у Евреевъ нѣтъ ни слова, и, по точнымъ словамъ притчи объ этомъ сладострастномъ царѣ, онъ сгорѣлъ совсѣмъ въ другой Ниневіи, въ той, которая находилась въ Вавилоніи, у самыхъ воротъ Вавилона. Такъ какъ же! два такіе великіе государя какъ царь вавилонскій и царь ассирійскій сидѣли оба на одной десятинѣ? Царь Набопалесаръ могъ бы изъ своей спальни осаждать и сжечь царя Сарданапала. Странно! Но еще страннѣе то, какимъ-образомъ отецъ или дѣдъ Сарданапала не улучили способной минуты сжечь по сосѣдству Вавилонъ, заранѣе, изъ предосторожности! И, несмотря на очевидную сказочность такихъ нелѣпыхъ повѣстей, ихъ торжественно вносятъ въ исторію!

Никто, конечно, не станетъ обвинять насъ въ неумѣстномъ упрямствѣ за то, что мы, вопреки заключеніямъ очень ученыхъ антикваріевъ, не признаемъ правильнымъ пожара въ пятьсотъ шестьдесятъ квадратныхъ верстъ, для того чтобы въ дворцахъ, разрытыхъ господами Леярдомъ и Боттою, имѣть удовольствіе признать пышную Ниневію Ктесіевой легенды, называемой исторіей, и въ золѣ ихъ увидать сказочный пепелъ царя Сарданапала. Нѣтъ никакого доказательства, чтобы зданія трехъ платформъ сгорѣли всѣ въ одинъ

день: напротивъ, мы встрѣтимъ очень уважительные поводы думать, что разрушеніе огнемъ зданій каждой платформы происходило въ отдѣльную эпоху, при другомъ поколѣніи. Какъ слѣдовъ окружной стѣны такого города нигдѣ не находится въ окрестностяхъ двухъ Забовъ, то по-необходимости надо согласиться, что тѣ платформы принадлежали тремъ разнымъ городамъ. Мы знаемъ, изъ еврейскихъ указаній, что въ небольшой области Ашшурѣ, или Ассиріи, были около временъ Моисея четыре города въ близкихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, города равно такіе же важные какъ и Ниневія, потому-что въ исчисленіи они выставлены рядомъ съ нею. Это совершенно согласно съ тогдашнимъ устройствомъ политическихъ обществъ, когда каждый городъ былъ самостоятельнымъ владѣніемъ и имѣлъ своего царя или свое народное управленіе. Прославленное богатство тигро-евфратскихъ городовъ не могло создаться безъ очень дѣятельной торговли. Города эти, слѣдственно, были торговые, какъ Сидонъ, Тиръ, Беритъ въ Финикіи, какъ Тарквиніи, Вольси, Веи, Клузи и другіе города въ Этруріи, какъ города Великой и Малой Греціи, Іоніи, Малой Азіи, Сиріи, Палестины, и почти всего тогдашняго міра. Близкіе, богатые и сильные города естественно соперничали и враждовали между собою. Римъ сжегъ Карѳагенъ, лишь только преодолѣлъ его. Карѳагенъ безспорно готовилъ такую же судьбу Риму. Взявъ соперничествующій городъ, разграбить и сжечь его было закономъ международнаго права во всѣ эпохи владычества

городовъ. Что сдѣлалъ бы Любекъ, взявъ Гамбургъ, при своемъ къ нему расположеніи? Непремѣнно сжегъ бы его, для того, чтобы вся гамбургская торговля обратилась на Любекъ. Дайте волю Гамбургу, онъ возьметъ и сожжетъ и Любекъ и Бременъ, и Амстердамъ на-придачу. Ничто не мѣшаетъ предположить и у ассирійскихъ городовъ совершенно естественную готовность и моду сожигать себя взаимно при удобныхъ случаяхъ. Эти города истребили огнемъ другъ друга постепенно, безъ помощи всеобщаго пожара. Вотъ и все тутъ.

Кромѣ отсутствія слѣдовъ окружной стѣны, которая, положимъ, какъ-то исчезла до основанія, недостатокъ въ огромной пирамидѣ, сооруженія существенно неисчезающемъ, рѣшительно противится допущенію въ этой сторонѣ Ниневіи языческихъ сказаній. Разумѣется, что знаменитый мавсолей Нина долженъ находиться въ Ниневіи Нина, Семирамиды и Сарданапала. Гдѣ же онъ здѣсь? Это, по сказаніямъ, была восьми-этажная пирамида, служившая основаніемъ колоссальному чертогу. Это былъ *столпъ столповъ*. Ничтожные размѣры пирамиды, находящейся на нимродской платформѣ, пирамиды единственной въ этихъ окрестностяхъ, никакъ не позволяютъ принять ее за этотъ прославленный памятникъ. Притомъ же — я опять повторю — по словамъ этихъ сказаній, мавсолей Нина находился при Евфратѣ, а не при Тигрѣ — въ Ниневіи Вавилонской. Не ясно ли, что языческія сказанія называли Вавилонскій Столпъ Гробницею Нина, и Столпотвореніе библей-

ское смѣшивали съ дѣяніями мечтательной ихъ Ниниviи? Этою воображаемою *Ниниviей* были вообще *нины*, могучія руины Ветхихъ, и ихъ Нинъ, Нинія, Семирамида, Сарданапалъ, были *цари руинъ*, властелины-символы, которыми народная молва объясняла себѣ причины возвышенія и паденія этой ветхой, неизвѣстной, разрушенной державы. Только объ этихъ четырехъ царяхъ *ниniviйскихъ*, изъ всей династіи, продолжавшейся кто говорилъ полторы тысячи, кто двѣ тысячи лѣтъ, и знаютъ сказанія. Очень натурально! Для сказанія болѣе и не нужно. Объяснивъ начало и конецъ *царства руинъ*, оно и довольно. Былъ доблестный царь *Нинъ* (царь Руина), и была доблестная царица *Семирами* (царица Платформа), которые обладали вселенной и построили всѣ эти чудеса. Царица Платформа, а по нашему Подстройка, измѣнила царю Руинѣ по слабости своего матеріяла — погубила сердечнаго — и онъ опрокинулся. Царство ихъ продолжалось вѣка и столѣтія; а кто царствовалъ, неизвѣстно. Но послѣдній царь отъ ихъ доблестнаго рода былъ сладострастный и слабый царь *Сарданапалъ* (что̀ вѣроятно значитъ: царь *Нѣга*) — ѣлъ, пилъ, спалъ да веселился — оружіемъ владѣть не умѣлъ — и пришли два мощные врага, цари храбрые и воинственные, и осадили царя Нѣгу — и не любо было царю Нѣгѣ выйти въ поле и сражаться — и сгорѣлъ царь Нѣга во дворцѣ своемъ золотомъ. Вотъ и вся *исторія!* Что̀ же тутъ притчѣ говорить болѣе! Въ притчѣ, за неимѣніемъ въ томъ нужды, не упоминалось о другихъ *царяхъ руинахъ*, жившихъ въ огромномъ

всей династіи, если бы эти имена находили
сочиненіи доктора? Какъ можно подумать, ч
Ктесія, сочинитель книги о царяхъ Азіи, д
вольно перескочилъ съ перваго царя династ
послѣдняго, если бы въ *царскихъ книгахъ* Пер
то есть въ сборникахъ легендъ о древних
ряхъ, упоминалось о какихъ-нибудь царяхъ
вившихъ въ промежуточное время?

Нимродская пирамида чрезвычайно зани
тѣхъ, которые непремѣнно хотятъ найти
Нинивію Нина и Семирамиды, обвиняя Кте
Діодора Сицилійскаго въ грубомъ незнаніи
женія и названій месопотамскихъ рѣкъ. Он
ходится на сѣверо-западномъ углу платфор
обѣ, потерявъ каменную одежду, представля
нынѣ взваленными одна на другую грудам
жженаго кирпича. Но изъ свидѣтельства К
фонта извѣстно, что и платформа и пирамида
нѣкогда обложены снаружи каменными пли

дить двадцати саженъ надъ площадью платформы. въ основаніи же она имѣла по двадцати-восьми саженъ съ каждой стороны. Слѣдовательно, по размѣрамъ своимъ, она менѣе Малой Пирамиды египетской въ Джизе, насупротивъ Каира. Господинъ Леярдъ приказалъ прорыть ее въ двухъ мѣстахъ и въ разныхъ направленіяхъ, но эта операція не обнаружила никакихъ комнатъ внутри. Слѣдовательно, этотъ памятникъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подать Древнимъ повода къ разсказамъ или преданіямъ о *восьми-этажной* пирамидѣ Нинова мавсолея — busta Nini, какъ называетъ Овидій — *курганъ преогромный* — *превысокій курганъ*, по выраженіямъ Ктесія и Аминты. Между-тѣмъ по-близости пирамиды найденъ господиномъ Леярдомъ базальтовый обелискъ съ надписью ассирійскимъ стрѣльчатымъ или, если угодно, гвоздеобразнымъ почеркомъ, и знаменитый гвозде-читатель маіоръ Ролинсонъ, по свидѣтельству господина Леярда, разобралъ въ этой надписи *имя царя Нина*. Это ужъ слишкомъ! Маіоръ Ролинсонъ отлично читаетъ старо-персидскіе гвозди, но кажущаяся глазамъ система ассирійской грамоты, при всемъ подобіи стрѣлокъ, изъ которыхъ образуются буквы трехъ почерковъ, ассирійскаго, мидійскаго и старо-персидскаго, такъ различна отъ двухъ прочихъ, такъ сложна, непостоянна и запутана, что донынѣ никому не удалось постигнуть ее даже приблизительно. Подъ этими буквами явственно скрывается нѣсколько языковъ, кромѣ халдейскаго, и оттого нельзя сообразить тутъ никакихъ правилъ правописанія.

также и писанія Ветхихъ, на ихъ языкѣ
вѣстнаго корня. Господину маіору Ролинс
вѣрное очень хотѣлось прочитать на об
имя царя Нина, и одно изъ словъ надписи о
читалъ *Нинъ*. Это — не трудно. Настоящая
состоитъ въ томъ, чтобы по той же самой
прочитать всю надпись, и чтобы изъ этого
вышли человѣческій языкъ, опредѣлительн
вописаніе и совершенно правильный смыс

Рядомъ съ обелискомъ находился двор
торый теперь расчищенъ трудами господ
ярда. Вообще края платформы были нѣко
ставлены большими зданіями, между ко
въ срединѣ ея, вѣроятно, заключались
площади, жилые дома, и прочая. Кромѣ-т
самымъ краямъ платформы необходимо п
окружная стѣна — и вотъ почему за платф
на равнинѣ, нѣтъ слѣдовъ тѣхъ окружныхъ
о которыхъ говорили Древніе *. Съ этою

съ этими возлѣ не[illegible]
ассирійскій город[illegible]
своей платформ[illegible]
предположить боль[illegible]
мѣстья, должен[illegible]
московскій Кремл[illegible]
порядочной пирамид[illegible]
тельное подобіе древне[illegible]
была Ниниві[illegible] какъ [illegible]
дра Великаго и императ[illegible]
углу, между Тигр[illegible]
сомнѣнно была Ларисса [illegible]
вотъ затрудненіе, [illegible]
обращаютъ вниманія. [illegible]
пирамида была *у города*, [illegible]
же могъ онъ не примѣ[illegible]
высоко, на платформѣ, [illegible]
впереди города?... Разнѣ[illegible]
въ смыслѣ: *на краю города*[illegible]

Огромная высота [illegible]
зданій не принадлеж[illegible]
сирійцевъ. Это [illegible]
сторонѣ, а не [illegible]
древніе ассирі[illegible]
другихъ платфо[illegible]
рямъ Ниниви [illegible]
и комнатъ [illegible]
анфиладами [illegible]
залу огромн[illegible]
и выходо[illegible]
мейскихъ [illegible]
для сохранен[illegible]

получали воздухъ и нѣсколько свѣту посредствомъ дверей, выходящихъ на дворъ. У нынѣшнихъ Итальянцевъ и Испанцевъ заведены повсюду окна, но только для того, чтобы не пропускать ни одного луча солнечнаго свѣта: они — вѣчно закрыты ставнями и завѣшены нѣсколькими плотными гардинами; въ комнатахъ всегда — ночь, въ избѣжаніе духоты. Древніе жители этихъ странъ разсчитывали довольно основательно, что въ такомъ случаѣ гораздо короче — вовсе не дѣлать оконъ. Темнота — та же, и еще, на-придачу, нѣтъ сквознаго вѣтра. Но они тщательно избѣгали анфиладъ. Какимъ же образомъ Ассирійцы получали въ своихъ послѣдовательныхъ и безвыходныхъ комнатахъ чистый наружный воздухъ? — не говоря уже о свѣтѣ: въ землѣ солнца онъ излишенъ. Страшный споръ поднялся между антикваріями объ этомъ любопытномъ вопросѣ. Нѣкоторые доказывали, что надъ ассирійскими залами были устроены своды и въ нихъ подѣланы окна, для освѣщенія внутренности зданія. Но освѣщеніе въ такомъ климатѣ противно удобству жизни: дѣло въ воздухѣ, а не въ свѣтѣ.

Наконецъ разъисканія господина Леярда прояснили задачу. Въ одномъ изъ открытыхъ имъ барельефовъ, различилъ онъ изображеніе внутренности ассирійской комнаты. На верху стѣнъ находились ряды коротенькихъ пиластровъ. Промежутки между пиластрами закрывались рѣшетками, и воздухъ всегда имѣлъ свободное теченіе надъ головами жильцовъ. На пиластрахъ были укрѣплены балки, которыя снизу подпирались часты-

ми деревянными колоннами, такъ что комната была наполнена столбами. На этомъ лѣсу столбовъ прочно лежалъ потолокъ, который, образуя въ то же время плоскую крышу зданія, бывалъ уставленъ растеніями и цвѣтами. По вечерамъ, и въ началѣ ночи, древніе Ассирійцы, какъ и нынче Аравитяне и Персіяне, выходили туда прохаживаться или сидѣть — *нюхать воздухъ* и *соболить*, какъ говорятъ тамъ обыкновенно, то есть, освѣжиться и поболтать при лунномъ свѣтѣ. Вотъ висячіе сады Ниниви!

Открытіе это очень интересно. Оно превосходно объясняетъ значеніе самой непонятной части карнакскаго дворца въ египетскихъ Ѳивахъ, гдѣ цѣлый лѣсъ огромныхъ каменныхъ колоннъ, глубокій и широкій, сверху прикрытый потолкомъ изъ большихъ каменныхъ плитъ, приводитъ путешественниковъ въ удивленіе и въ недоумѣніе. Но это просто — внутренность большой залы, надъ которою находился висячій садъ. Таково навѣрное было устройство и тѣхъ памятниковъ ветхой эпохи, которые древность прославляла подъ названіемъ Семирамидиныхъ Садовъ. Эта часть египетскихъ Ѳивъ, чуждая іероглифовъ, какъ и пирамиды, и отличающаяся особеннымъ характеромъ исполинскаго зодчества, принадлежитъ непремѣнно Ветхимъ. Многіе другіе остатки ихъ сооруженій должны находиться между колоссальными руинами стовратнаго города: но какъ открыть эти остатки? Преемники Ветхихъ, древніе ѳивскіе цари отъ рода Египтянъ іероглифической вѣры и образованности, столько разъ пере-

промежуткѣ времени между первымъ ихъ царемъ и послѣднимъ, и потому Ктесія не упоминаетъ объ нихъ; и потому Діодоръ Сицилійскій не выписываетъ именъ ихъ изъ Ктесіи. Какъ можно предположить, чтобы такой компиляторъ какъ Діодоръ забылъ выписать изъ Ктесіи рядъ именъ всей династіи, если бы эти имена находились въ сочиненіи доктора? Какъ можно подумать, чтобы Ктесія, сочинитель книги о царяхъ Азіи, добровольно перескочилъ съ перваго царя династіи на послѣдняго, если бы въ *царскихъ книгахъ* Персовъ, то есть въ сборникахъ легендъ о древнихъ царяхъ, упоминалось о какихъ-нибудь царяхъ, правившихъ въ промежуточное время?

Нимродская пирамида чрезвычайно занимаетъ тѣхъ, которые непремѣнно хотятъ найти здѣсь Ниневію Нина и Семирамиды, обвиняя Ктесію и Діодора Сицилійскаго въ грубомъ незнаніи положенія и названій месопотамскихъ рѣкъ. Она находится на сѣверо-западномъ углу платформы, и обѣ, потерявъ каменную одежду, представляются нынѣ взваленными одна на другую грудами неженаго кирпича. Но изъ свидѣтельства Ксенофонта извѣстно, что и платформа и пирамида были нѣкогда обложены снаружи каменными плитами, какъ и всѣ прочія руины Месопотаміи. Этотъ полководецъ-писатель называетъ ларисскую пирамиду, просто, *каменною*, lithynê. Здѣшняя платформа, какъ и двѣ другія платформы, имѣла вышины слишкомъ шесть саженъ надъ поверхностью равнины. По измѣренію англійскаго резидента Рича, вышина самой пирамиды не могла превосхо-

дить двадцати саженъ надъ площадью платформы, въ основаніи же она имѣла по двадцати-восьми саженъ съ каждой стороны. Слѣдовательно, по размѣрамъ своимъ, она менѣе Малой Пирамиды египетской въ Джизе, насупротивъ Каира. Господинъ Леярдъ приказалъ прорыть ее въ двухъ мѣстахъ и въ разныхъ направленіяхъ, но эта операція не обнаружила никакихъ комнатъ внутри. Слѣдовательно, этотъ памятникъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подать Древнимъ повода къ разсказамъ или преданіямъ о *восьми-этажной* пирамидѣ Нинова мавсолея — busta Nini, какъ называетъ Овидій — *курганъ преогромный — превысокій курганъ*, по выраженіямъ Ктесіи и Аминты. Между-тѣмъ по-близости пирамиды найденъ господиномъ Леярдомъ базальтовый обелискъ съ надписью ассирійскимъ стрѣльчатымъ или, если угодно, гвоздеобразнымъ почеркомъ, и знаменитый гвозде-читатель маіоръ Ролинсонъ, по свидѣтельству господина Леярда, разобралъ въ этой надписи *имя царя Нина*. Это ужъ слишкомъ! Маіоръ Ролинсонъ отлично читаетъ старо-персидскіе гвозди, но кажущаяся глазамъ система ассирійской грамоты, при всемъ подобіи стрѣлокъ, изъ которыхъ образуются буквы трехъ почерковъ, ассирійскаго, мидійскаго и старо-персидскаго, такъ различна отъ двухъ прочихъ, такъ сложна, непостоянна и запутана, что донынѣ никому не удалось постигнуть ее даже приблизительно. Подъ этими буквами явственно скрывается нѣсколько языковъ, кромѣ халдейскаго, и оттого нельзя сообразить тутъ никакихъ правилъ правописанія.

Стрѣльчатая грамота, отъ которой несомнѣнно происходятъ всѣ извѣстные алфавиты, должна быть изобрѣтеніе еще эпохи Ветхихъ, перешедшее къ Древнимъ, которые измѣняли различно и способъ составленія буквъ изъ стрѣлокъ и методы употребленія самыхъ буквъ. Между надписями ассирійскаго почерка легко могутъ находиться также и писанія Ветхихъ, на ихъ языкѣ неизвѣстнаго корня. Господину маіору Ролинсону навѣрное очень хотѣлось прочитать на обелискѣ имя царя Нина, и одно изъ словъ надписи онъ прочиталъ *Нинъ*. Это — не трудно. Настоящая задача состоитъ въ томъ, чтобы по той же самой методѣ прочитать всю надпись, и чтобы изъ этого чтенія вышли человѣческій языкъ, опредѣлительное правописаніе и совершенно правильный смыслъ.

Рядомъ съ обелискомъ находился дворецъ, который теперь расчищенъ трудами господина Лейарда. Вообще края платформы были нѣкогда обставлены большими зданіями, между которыми, въ срединѣ ея, вѣроятно, заключались улицы, площади, жилые дома, и прочая. Кромѣ-того по самымъ краямъ платформы необходимо шла еще окружная стѣна — и вотъ почему за платформами, на равнинѣ, нѣтъ слѣдовъ тѣхъ окружныхъ стѣнъ, о которыхъ говорили Древніе *. Съ этою стѣною,

* Стѣна дѣйствительно была *на* платформѣ; городъ — за этою стѣною. «А у того города (Лариссы) была пирамида каменная.... *Стѣна впереди города большая*.... Миды въ немъ живутъ. Подстройка (платформа) была тесанаго камня, раковистой породы. *На ней же* сооружена крѣпкая каменная стѣна». Ксенофонтъ, Anabasis, III, 4.

съ этими возлѣ нея дворцами, храмами, зданіями, ассирійскій городъ, въ исправномъ состояніи, на своей платформѣ, кругомъ которой можно еще предположить болѣе или менѣе обширныя предмѣстья, долженъ былъ чрезвычайно походить на московскій Кремль, которому не достаетъ только порядочной пирамиды, чтобы представлять разительное подобіе древней Нинивіи — если здѣсь была Нинивія, какъ увѣряютъ историки Александра Великаго и императора Ираклія. Но здѣсь, въ углу, между Тигромъ и Большимъ Забомъ несомнѣнно была Ларисса (Элосаръ). Однакожъ вотъ затрудненіе, и очень важное, на которое не обращаютъ вниманія. Ксенофонтъ говоритъ, что пирамида была *у города*, а не въ городѣ. Какъ же могъ онъ не примѣтить того, что она стояла высоко, на платформѣ, за стѣною, которая была *впереди города?*... Развѣ слова *у города* понимать въ смыслѣ: *на краю города, у самой стѣны?*...

Огромная высота и неумѣренная многоэтажность зданій не принадлежали къ обычаямъ и вкусу Ассирійцевъ. Это — черты зодчества Ветхихъ въ той сторонѣ, а не Древнихъ. Всѣ донынѣ разрытые древніе ассирійскіе дворцы на нимродской и на другихъ платформахъ, завѣщанныхъ Ветхими царямъ Нинивіи — одноэтажны и безъ оконъ. Залы и комнаты въ нихъ вообще обширны и слѣдуютъ анфиладами, стѣны не низки, двери изъ залы въ залу огромны, но оконъ нигдѣ слѣда не открыли, и выходовъ изъ комнатъ на дворъ нѣтъ. Въ помпейскихъ домахъ, гдѣ также окна не допускались, для сохраненія въ комнатахъ свѣжести, комнаты

получали воздухъ и нѣсколько свѣту посредствомъ дверей, выходящихъ на дворъ. У нынѣшнихъ Итальянцевъ и Испанцевъ заведены повсюду окна, но только для того, чтобы не пропускать ни одного луча солнечнаго свѣта: они — вѣчно закрыты ставнями и завѣшены нѣсколькими плотными гардинами; въ комнатахъ всегда — ночь, въ избѣжаніе духоты. Древніе жители этихъ странъ разсчитывали довольно основательно, что въ такомъ случаѣ гораздо короче — вовсе не дѣлать оконъ. Темнота — та же, и еще, на-придачу, нѣтъ сквознаго вѣтра. Но они тщательно избѣгали анфиладъ. Какимъ же образомъ Ассирійцы получали въ своихъ послѣдовательныхъ и безвыходныхъ комнатахъ чистый наружный воздухъ? — не говоря уже о свѣтѣ: въ землѣ солнца онъ излишенъ. Страшный споръ поднялся между антикваріями объ этомъ любопытномъ вопросѣ. Нѣкоторые доказывали, что надъ ассирійскими залами были устроены своды и въ нихъ подѣланы окна, для освѣщенія внутренности зданія. Но освѣщеніе въ такомъ климатѣ противно удобству жизни: дѣло въ воздухѣ, а не въ свѣтѣ.

Наконецъ разъисканія господина Леярда прояснили задачу. Въ одномъ изъ открытыхъ имъ барельефовъ, различилъ онъ изображеніе внутренности ассирійской комнаты. На верху стѣнъ находились ряды коротенькихъ пиластровъ. Промежутки между пиластрами закрывались рѣшетками, и воздухъ всегда имѣлъ свободное теченіе надъ головами жильцовъ. На пиластрахъ были укрѣплены балки, которыя снизу подпирались часты-

ли деревянными колоннами, такъ что комната была наполнена столбами. На этомъ лѣсу столбовъ прочно лежалъ потолокъ, который, образуя въ то же время плоскую крышу зданія, бывалъ усталенъ растеніями и цвѣтами. По вечерамъ, и въ началѣ ночи, древніе Ассирійцы, какъ и нынче Аравитяне и Персіяне, выходили туда прохаживаться или сидѣть — *нюхать воздухъ* и *соболить*, какъ говорятъ тамъ обыкновенно, то есть, освѣжиться и поболтать при лунномъ свѣтѣ. Вотъ висячіе сады Ниниви!

Открытіе это очень интересно. Оно превосходно объясняетъ значеніе самой непонятной части карнакскаго дворца въ египетскихъ Ѳивахъ, гдѣ цѣлый лѣсъ огромныхъ каменныхъ колоннъ, глубокій и широкій, сверху прикрытый потолкомъ изъ большихъ каменныхъ плитъ, приводитъ путешественниковъ въ удивленіе и въ недоумѣніе. Но это просто — внутренность большой залы, надъ которою находился висячій садъ. Таково навѣрное было устройство и тѣхъ памятниковъ ветхой эпохи, которые древность прославляла подъ названіемъ Семирамидиныхъ Садовъ. Эта часть египетскихъ Ѳивъ, чуждая іероглифовъ, какъ и пирамиды, и отличающаяся особеннымъ характеромъ исполинскаго зодчества, принадлежитъ непремѣнно Ветхимъ. Многіе другіе остатки ихъ сооруженій должны находиться между колоссальными руинами стовратнаго города: но какъ открыть эти остатки? Преемники Ветхихъ, древніе ѳивскіе цари отъ рода Египтянъ іероглифической вѣры и образованности, столько разъ пере-

дѣлывали ихъ зданія для своего употребленія, столько надѣлали барельефовъ на этихъ первозданныхъ стѣнахъ въ честь своимъ подвигамъ и своимъ потѣхамъ, столько нарѣзали безконечныхъ іероглифовъ для своихъ суевѣрныхъ молитвъ и своихъ тщеславныхъ генеалогій, что ветхій характеръ строеній совершенно утратился. Во времена Авраама Ѳивы уже были въ развалинахъ. Столица новыхъ Египтянъ находилась въ Нижнемъ Египтѣ. Не видно, чтобы эти вторые обладатели нильской долины произвели что-нибудь колоссальное или великое. Они тщеславно приписывались къ роду Ветхихъ и дѣла ихъ выдавали за дѣла своихъ предковъ; но всѣ исполинскія сооруженія на пользу земледѣлія какъ здѣсь такъ и въ Ассиріи и Вавилоніи, эти необычайные водоемы, эти искусственныя озера съ пирамидами, эти величественные шлюзы и мосты, какъ и эти затѣйливые лабиринты и въ Египтѣ и на Критѣ, какъ и эти казнохранилища или амбары въ Греціи, все это — труды могучихъ первообразованныхъ людей.

Намъ остается теперь обозрѣть барельефы ассирійскихъ дворцовъ и отмѣтить въ этихъ драгоцѣнныхъ документахъ тѣ подробности, которыя могутъ насъ познакомить съ вѣрою, обычаями и искусствомъ одного изъ примѣчательнѣйшихъ народовъ древности — азіятскихъ Кароагенцевъ.

III.

Прежде чѣмъ станемъ разсматривать сюжеты скульптурныхъ картинъ, которыми покрыты стѣ-

ны разрытыхъ ассирійскихъ зданій, нужно еще разъ воротиться на-мгновеніе къ архитектурной формѣ и стилю этихъ строеній. Я попрошу читателей обратить особенное вниманіе на размѣры стѣнъ и покоевъ; потому-что размѣры могутъ доставить намъ нѣкоторыя указанія на назначеніе памятниковъ, доселѣ раскопанныхъ. Въ мірѣ древнесловія рѣшено, что это — дворцы и царскіе чертоги, и такъ ихъ называютъ всѣ; такъ и мы называли эти зданія въ двухъ предъидущихъ разсужденіяхъ. Но сомнѣніе очень позволительно въ настоящемъ случаѣ, несмотря на важность авторитетовъ, которыми утверждено общепринятое мнѣніе.

Памятники эти, какъ уже извѣстно, находятся на платформахъ, или обширныхъ пирамидальныхъ подстройкахъ, сложенныхъ изъ нежженаго кирпича и имѣвшихъ форму правильныхъ четвероугольниковъ, которыхъ стороны съ точностью выведены по кардинальнымъ сторонамъ горизонта, подобно египетскимъ пирамидамъ и другимъ сооруженіямъ первообразованной эпохи Ветхихъ. Наклонныя стѣны платформъ снаружи были нѣкогда одѣты огромными плитами камня базальтовой или, какъ Ксенофонтъ видѣлъ въ Ларисѣ, раковистой породы. Размѣры этихъ искусственныхъ возвышеній довольно значительны, хотя и далеко не соотвѣтствуютъ Ктесіевымъ размѣрамъ городской подстройки къ его баснословной Ниніи или, все-равно, Геродотовымъ размѣрамъ подстройки къ его равно баснословному Вавилону. Хорсабадская платформа, напримѣръ, одна изъ

меньшихъ, но опредѣлительно измѣренная г. Боттою, представляетъ въ длину и въ ширину болѣе чѣмъ по полторы версты, именно, *восемь-сотъ шестьдесятъ саженъ* въ одну сторону, отъ сѣвера къ югу, и *восемь-сотъ двадцать саженъ* въ другую. Вышина всѣхъ платформъ одинакова, отъ шести до семи саженъ надъ поверхностью равнины. Это — вышина прекраснаго трехъ-этажнаго дома. Сверху, платформы были вымощены также каменными плитами; но на *дворахъ* такъ-называемыхъ *дворцовъ*, которые тутъ находятся, мостовая обыкновенно состоитъ изъ двухъ рядовъ жженаго кирпича, лежащихъ одинъ на другомъ такъ, что въ верхнихъ кирпичахъ штемпель съ гвоздеобразною надписью или предполагаемымъ *именемъ царя* обращенъ книзу и скрытъ отъ зрителя, а въ нижнихъ — кверху. Между двумя рядами кирпичей положенъ слой тонкаго рѣчнаго песку, пропитаннаго асфальтомъ. Кирпичи сплочены тою же смолою, которая такъ крѣпко прильнула къ нимъ, что бо́льшею частью надо выжечь асфальтъ, чтобы обнаружить штемпель безъ порчи. Кирпичи имѣютъ по девяти вершковъ съ краю и не съ большимъ два вершка въ толщину. Плиты на боковой и на верхней одеждѣ платформы были, по-видимому, колоссальной длины и ширины, при почти аршинной толщинѣ, замѣчаемой теперь въ обломкахъ. На платформы всходили и взъѣзжали по покатымъ спускамъ, родѣ тѣхъ, какіе построены у насъ по пристанямъ на набережныхъ Невы. Слѣды такихъ взъѣздовъ существуютъ по угламъ хорсабадской плат-

формы. По краямъ платформъ возвышались башни въ извѣстныхъ разстояніяхъ и шла толстая стѣна, которой вышины теперь опредѣлить нельзя, но которой толщина была дѣйствительно непомѣрна, если судить по толщинѣ хорсабадскаго вала, образовавшагося изъ ея розсыпи. Этотъ валъ представляетъ основаніе въ *двынадцать саженъ* поперегъ. Положимъ, что окружная стѣна, развалившаяся послѣ снятія каменной одежды, имѣла половину основанія нынѣшней насыпи. Шесть саженъ толщины — для *трехъ колесницъ, рядомъ*, проѣздъ вполнѣ достаточенъ. И хотя — шесть саженъ — сказать ужасно, однако повѣрить можно, посмотрѣвъ истинно циклопское преувеличеніе всѣхъ размѣровъ въ ближайшихъ архитектурныхъ подробностяхъ: напримѣръ, эту почти *трехъ-саженную* толщину стѣнъ въ покояхъ низкихъ одно-этажныхъ зданій, прятавшихся за окружною стѣною; или эту *семи-аршинную ширину* дверей изъ комнаты въ комнату. Люди, строившіе себѣ такія жилища, какъ-будто предвидѣли погибель своего племени, какъ-будто, этимъ преувеличеніемъ размѣровъ, умышленно хотѣли внушить отдаленнымъ вѣкамъ суевѣрныя убѣжденія въ исполинствѣ первобытной человѣческой породы.

Хорсабадская платформа — одна изъ четырехъ подобныхъ сооруженій на тѣсномъ пространствѣ нинивійской стороны. Три прочія находятся въ мѣстахъ, называемыхъ *Карамли*, *Нимродъ* и *Коюнджукъ* (Овчарня); возвышеніе, на краю котораго построена деревня *Нинивe*, насупротивъ города

Мусула. Соединивъ прямыми линіями эти четыре точки, отдаленныя другъ отъ друга среднимъ разстояніемъ верстъ по двадцати пяти, получается четвероугольникъ, неправильный, вовсе не сообразующійся съ кардинальными сторонами горизонта. Я указываю нарочно на это обстоятельство: одно уже оно опровергаетъ всѣ доводы тѣхъ, которые хотятъ почитать четыре платформы ниневійской стороны за части или углы одного и того же огромнаго города, для того, чтобы оправдать безтолковую Ктесіеву повѣсть объ окружной стѣнѣ въ четыреста восемьдесятъ стадій, или *восемьдесятъ три версты*, съ вышиною саженъ въ четырнадцать и толщиною въ *пять* или *шесть*.

Нимродская и коюнджукская платформы, явственно, были значительнѣе хорсабадской. Среднюю величину для четырехъ платформъ можно, очень умѣренно, назначить по *Тысячѣ саженъ* съ краю, въ квадратѣ, для каждой. Такимъ-образомъ средняя окружность ихъ выходитъ по *восьми* верстъ или *сорока восьми стадій* и средняя поверхность по *четыре* квадратныя версты. Изъ этого разсчета позволительно вывести то весьма простое заключеніе, что въ народныхъ повѣстяхъ, повторяемыхъ Ктесіей о Ниневіи Нина и Семирамиды, и Геродотомъ о Вавилонѣ Бела и Нимрода, къ числу 48 видимо прибавленъ нуль (480), единственно для бо́льшаго удивленія слушателей. Такіе примѣры умноженія довольно обыкновенны въ невѣжественныхъ разсказахъ толпы.

При всей ничтожности такихъ платформъ въ сравненіи съ невѣроятною величиною двухъ го-

родскихъ подстроекъ, прославленныхъ этими повѣстями, во всякомъ случаѣ каждая изъ нихъ порознь — въ полномъ смыслѣ слова гигантская подстройка, достойная Титановъ, Циклоповъ, Оллбримовъ, Іеттовъ и всякаго званія великановъ. Египетскія пирамиды рѣшительно ничто передъ ними: всѣ, вмѣстѣ взятыя, не составили бы онѣ массою своей десятой доли одной изъ платформъ нинивійской стороны. Да кромѣ того на этихъ платформахъ стояли нѣкогда пирамиды гораздо больше обыкновенныхъ египетскихъ. Та, которая донынѣ находится въ углу нимродской платформы, размѣрами своими уступаетъ только тремъ самымъ знаменитымъ пирамидамъ Нила: правильнѣе сказать — двумъ; потому-что между третьею пирамидою Джизы и нимродскою разница совершенно ничтожна. Онѣ почти равны. Въ археологическихъ разысканіяхъ, гдѣ каждый охотно увлекается любимыми идеями географическими, этнографическими, артистическими или философскими, довольно принято — не мѣшать предвзятымъ теоріямъ вопросами, которыхъ рѣшеніе зависитъ отъ ариѳметики. Никто и не считаетъ. Но если прибѣгнуть къ самому простому разсчету, то каждая изъ этихъ платформъ, кажущихся такими бездѣльными, что ихъ включаютъ по четыре и по пяти въ одинъ предполагаемый городъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, каждая изъ нихъ въ состояніи испугать наше воображеніе исполинскими количествами нужныхъ для сооруженія ея матеріяловъ, трудовъ и издержекъ; каждая можетъ задать намъ вопросъ, очень трудный къ рѣшенію — какими

могущественными людьми, съ какими сверхъестественными средствами, и для какой полезной цѣли, предпринимались подобныя постройки?

Сколько нужно было кирпичу, чтобы соорудить одну такую платформу? Сосчитаемъ. Ассирійскіе кирпичи имѣютъ девять вершковъ длины и, слѣдовательно, четыре съ половиною вершка ширины. Для покрытія одной квадратной сажени требуется 50 такихъ кирпичей. Какъ толщина ихъ два вершка, то въ составъ кубической сажени войдетъ кирпичей 1,200. Нашихъ обыкновенныхъ кирпичей, которыхъ длина шесть вершковъ, ширина три, а толщина полтора вершка, идетъ на кубическую сажень 4,000. Средняя величина платформы 1,000 саженъ въ квадратѣ, при 7 саженяхъ вышины: она представляетъ 7,000,000 кубическихъ саженъ, на которыя, слѣдовательно, нужно 8,400,000,000 ассирійскихъ кирпичей или 28,000,000,000 нашихъ обыкновенныхъ. Прибавивъ еще 500,000 кубическихъ саженъ на окружную стѣну и сторожевыя башни, которыхъ по краямъ хорсабадской платформы было, какъ кажется, десять, по три съ каждой длинной стороны четвероугольника, и по двѣ съ каждой короткой — г. Ботта открылъ слѣды только девяти — общая масса кирпичей будетъ простираться, по ассирійскимъ размѣрамъ, до 9,000,000,000, а по нашимъ до 30,000,000,000. Ни фундаменты, ни каменная одежда не приняты здѣсь въ разсчетъ: эти двѣ статьи удваиваютъ и количество труда и издержки.

Квадратная сажень прочной трехъ-кирпичной

стѣны въ нашихъ городскихъ домахъ вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ песку и извести, 1,000 кирпичей. Домъ, съ улицы трехъ-этажный, въ десять саженъ длины и шесть саженъ вышины, съ дворомъ, имѣющимъ десять саженъ въ квадратѣ и кругомъ обстроеннымъ въ четыре этажа, принимаютъ за среднюю величину каменныхъ строеній въ главныхъ европейскихъ столицахъ. Такой домъ, за исключеніемъ оконъ, дверей и другихъ отверстій, имѣетъ надъ землею до 1,200 квадратныхъ саженъ каменныхъ стѣнъ различной толщины, которыя требуютъ милліонъ шести-вершковыхъ кирпичей, и даютъ совершенно просторное помѣщеніе сотнѣ жителей разнаго пола и возраста, полагая по двѣнадцати квадратныхъ саженъ каменной стѣны на человѣка. О фундаментахъ мы не говоримъ, потому-что не считали ихъ и въ платформахъ. Но въ этотъ широкій счетъ двѣнадцати квадратныхъ саженъ каменныхъ стѣнъ надъ землею на человѣка входятъ уже и всѣ публичныя зданія города. Такимъ-образомъ, мы найдемъ, что для собственнаго городскаго народонаселенія, за исключеніемъ предмѣстій, въ которыхъ всегда живетъ болѣе четверти общаго итога столичныхъ жителей, въ Лондонѣ употреблено надъ землею, для полутора милліона душъ, 15,000 милліоновъ шести-вершковыхъ кирпичей или другой каменной массы въ плиткахъ такого же размѣра какъ кирпичи; въ Парижѣ, для семисотъ тысячъ душъ, 7,000 милліоновъ; въ Берлинѣ для двухъсотъ пятидесяти тысячъ жителей, 2,500 милліоновъ; въ Петербургѣ для трехъсотъ пятидесяти тысячъ

душъ, 3,500 милліоновъ кирпичей, считая также безъ предмѣстій, въ которыхъ полагается еще до ста тысячъ жителей, въ стѣнахъ бо́льшею частью не каменныхъ. Все это составитъ около 30,000 милліоновъ нашихъ кирпичей, равныхъ 9,000 милліонамъ кирпичей ассирійскихъ. Большія каменныя плиты, здѣсь на фундаментахъ зданій, тротуарахъ, набережныхъ, мостовыхъ, а тамъ на одеждѣ платформъ, окружныхъ стѣнъ и башенъ, равномѣрно устраняются: этотъ прибавочный строительный матеріялъ можно полагать уравновѣшивающимся съ обѣихъ сторонъ.

Что́жъ выходитъ изъ этого естественнаго и, кажется, убѣдительнаго вычисленія? Да болѣе ничего какъ только то, что въ одну изъ четырехъ платформъ нинивійской стороны, еслибъ нынче пришлось ее построить, нужно было бы ввалить весь Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Неаполь и почти весь Петербургъ, все, что́ Европа можетъ представить великолѣпнѣйшаго по части городостроенія, все что́ созидали столѣтія, поколѣнія поколѣній, самые могучіе, самые просвѣщенные и самые промышленые народы новѣйшаго міра, все чѣмъ этотъ міръ гордится, на что́ излилъ онъ главную дѣятельность свою, и что́ стоило ему безчисленныхъ трудовъ, разорительныхъ усилій и, навѣрное, половины его сложнаго трехъ-вѣковаго богатства. И что́ же затѣйщикъ такого предпріятія, изготовивъ, свезши, обдѣлавъ и сложивъ какъ слѣдуетъ каменный строительный матеріялъ, достаточный на пять огромнѣйшихъ столицъ, воздвигъ бы изъ него, разумѣется

послѣ восьмидесяти или девяноста лѣтъ трудовъ и при содѣйствіи двухъсотъ или трехъсотъ тысячъ человѣкъ постоянныхъ работниковъ? Величественный городъ? Нѣтъ: только подстройку подъ будущій городъ, котораго нельзя и начинать строить, пока она не кончена, не осѣла и не укрѣпилась. Городъ еще впереди. Все это — одно отдаленное приготовленіе къ нему. И, послѣ такой ужасной издержки времени, работы, дѣятельности, терпѣнія и денегъ двухъ или трехъ поколѣній, все еще ожидающихъ начала города, гдѣ же тутъ быть когда-нибудь величественной столицѣ, на тѣсномъ пространствѣ четырехъ квадратныхъ верстъ пирамидальной платформы? Непонятно, какъ можно, по штемпелю наружныхъ кирпичей, которыхъ надписи такъ сомнительны въ чтеніи, тотчасъ приписывать *такому-то царю* построеніе и платформы и открытыхъ на ней зданій, когда на отдѣлку одной платформы явственно недостаточно и жизни и средствъ двухъ или даже трехъ поколѣній! Это обстоятельство предстаетъ неотразимою уликою противъ общепринятой мысли, будто платформы собственно и первоначально воздвигаемы были для городовъ, и тѣ же люди, которые сооружали эти искусственныя возвышенія, обзаводились на нихъ дворцами и домами. Платформы и города на нихъ, очевидно принадлежатъ къ двумъ различнымъ и очень отдаленнымъ эпохамъ, если только на платформахъ были, и могли быть, когда-нибудь города. Ветхіе строили платформы для какой-то другой цѣли. Древніе, послѣ нихъ, учреждали, на этихъ гото-

выхъ твердыняхъ, быть-можетъ свои цитадели. Но первобытное назначеніе платформъ навѣрное было гораздо возвышеннѣе и священнѣе простой потѣхи жить высоко на гигантскомъ и разорительномъ фундаментѣ. Присутствіе на платформахъ пирамидъ, этихъ архитектурныхъ кургановъ, уже отчасти указываетъ на это особенное назначеніе, которое впослѣдствіи, я надѣюсь, обнаружится намъ еще яснѣе.

Каждый угадываетъ, что я намекаю на погребальное святилище. Да и почему же высокой пирамидальной платформѣ не быть Campo-santo?

Предположеніе вовсе не такъ дерзко, какъ оно можетъ показаться сначала. Во-первыхъ, памятники такого рода создаются вѣками для вѣчности, строятся сложнымъ народонаселеніемъ и сложными деньгами столѣтій, и, въ такомъ случаѣ, продолжительность времени, нужнаго на сооруженіе платформы, эта непомѣрная проволочка, которой невозможно допустить для подстройки къ предначертанному городу, становится очень понятною, когда дѣло идетъ объ учрежденіи незыблемаго и неприступнаго некрополя, трупогорода, или того, что̀ нынѣшніе Италіянцы называютъ «Святымъ полемъ» или «Святою землею», Campo-santo или Terra-santa. Во-вторыхъ, сама наглая пышность подобнаго памятника нисколько не противна законамъ нашей слабой и тлѣнной натуры. Человѣкъ всегда готовъ ничего не пожалѣть въ честь и удобство своему драгоцѣнному праху, даже и при преобладаніи духовныхъ религіозныхъ понятій, которыя научаютъ пре-

зрѣнію плоти. Каждый, кто видѣлъ, согласится со мною, что новое болонское Campo-santo, основанное недавно бѣдными средствами нищенствующей Италіи, нынче уже великолѣпнѣе всего города Болоніи, древняго, знаменитаго и наслѣдственно пристрастнаго къ архитектурному изяществу. Что̀ значитъ столичный городъ Неаполь передъ своимъ удивительнымъ «Святымъ полемъ»? Это кладбище едва ли не величественнѣе самаго Везувія! Въ-третьихъ, наконецъ, если платформы первоначально строились для помѣщенія на нихъ городовъ, какъ сплетни древнихъ велятъ намъ думать и вѣрить, то позволительно спросить: какимъ же образомъ вода была проводима на платформы, въ эти воздушные города, на высоту чердаковъ нашего трехъ-этажнаго дома? Водопроводовъ нигдѣ и слѣда не видно. Да они и невозможны въ этой сторонѣ: вся Месопотамія—равнина. Изъ Тигра или Евфрата вода не могла приходить. Никакими насосами нельзя поднять воду выше четырехъ саженъ: это извѣстно еще со временъ Торичелли. А платформы имѣютъ до семи саженъ въ вышину! Развѣ согласимся съ остроумнымъ предположеніемъ одного изъ ученѣйшихъ антикваріевъ, что спуски или взъѣзды, открытые по угламъ хорсабадской платформы, подѣланы были *нарочно для водовозовъ, доставлявшихъ воду для поливки висячихъ садовъ Семирамиды.* Для поливки висячихъ садовъ — такъ: на это не нужно очень много воды. Но для *дворцовъ,* которые осѣнялись этими садами?... для *гаремовъ*, которые тотъ же ученый открылъ ря-

домъ съ *дворцами?* для царедворцевъ, для стражей, для обывателей?... Вѣроятно, его объясненіе взъѣздовъ на платформу не совсѣмъ серіозно. Иначе, пришлось бы предположить въ то же время, что самое изобрѣтеніе такихъ высокихъ подстроекъ подъ города было не что̀ иное какъ интрига водовозовъ, которые хотѣли самоуправно грабить ассирійскихъ и вавилонскихъ гражданъ и присовѣтовали царямъ Нину и Белу и царицѣ Семирамидѣ строить города, для потѣхи, какъ можно повыше отъ земли и воды.

Должно еще замѣтить, что одна изъ четырехъ платформъ нинивійской стороны, именно хорсабадская, лежитъ въ пятнадцати верстахъ отъ Тигра, совершенно въ безводномъ положеніи, и что пирамиды и подземные трупогорода въ Египтѣ построены почти въ такомъ разстояніи отъ Нила — всегда на *возвышеніяхъ;* только, возвышенія здѣсь образованы самою природою, которая освободила искусство отъ напраснаго труда.

Четыре могучіе трупогорода въ такихъ близкихъ разстояніяхъ другъ отъ друга нисколько не противны вѣроятности, если между ними или по близости долго находилась большая столица сильнаго и богатаго племени. Но четыре такія разорительныя и мѣшкатныя подстройки подъ города, вотъ что̀ было бы непонятно безъ отважной ипотезы, уполномочивающей насъ почитать за доказанное, что тутъ нѣкогда, въ одномъ мѣстѣ и въ одно время жили были четыре страшные и странные народа, которые не знали на что̀ тратить время и богатства, и бросали, по-*пустякамъ*, сами

покамѣстъ безъ кола и двора, подъ каждую изъ своихъ замышляемыхъ столицъ—кирпичу и камня на пять огромнѣйшихъ столицъ вселенной!

Это *по-пустякамъ* — не мое слово. Оно принадлежитъ пророку бусурмановъ, Магомету, и сказано именно по случаю этихъ первобытныхъ людей. Мало того — четыре въ одномъ мѣстѣ большія пирамидальныя платформы, въ которыя зарыто строительнаго матеріяла на двадцать столицъ для двѣнадцати или тринадцати милліоновъ жителей. Азіятецъ Страбонъ, лучшій изъ греческихъ географовъ, увѣряетъ, и мы это замѣтили, что еще въ его время, при началѣ христіанской эры, подобныхъ платформъ существовало много по Тигру и по Евфрату, и что народная молва почитала ихъ повсюду за столицы Нина и Семирамиды, за нинивіи. Но вотъ еще, насчетъ многочисленности подобныхъ памятниковъ первообразованной или, если угодно, пеласгической эпохи, свидѣтельство очень уважительное, и которое, сколько помнится, никѣмъ еще не употреблено въ дѣло. По преданіямъ Аравитянъ, самымъ древнимъ и самымъ могущественнымъ племенемъ на землѣ были *Aadie*, Адиты, что̀ значитъ «Прошедшіе». Это — первые люди, и, разумѣется, по разсужденію Аравитянъ, «Прошедшіе» были люди отъ арабскаго рода, какъ Danai, «Ветхіе», были по греческимъ соображеніямъ, праотцами Грековъ. Въ одной главѣ Алкорана (XXVI, 128), Аллахъ обращается къ Адитамъ и говоритъ: «Что̀ же! станете ли вы опять *строить чудо на всякомъ возвышеніи по-пустякамъ?*» Эти слова показываютъ два важныя об-

стоятельства. Съ одной стороны видно, что еще даже въ седьмомъ вѣкѣ Азія была усѣяна неуступающими платформамъ *чудесами*, которыхъ обильно настроили Прошедшіе или Ветхіе при началѣ *вселенной*, что̀ значитъ, собственно «обитаемой», которыя породили древнюю сказку о вселенскомъ царствѣ Нина и Семирамиды. Съ другой стороны замѣчательно здѣсь то, что для строительныхъ «чудесъ» первобытной эпохи нужны были непремѣнно *возвышенія*, какъ для египетскихъ пирамидъ. Слѣдовательно, всѣ эти «чудеса», которыхъ остатки такъ долго видѣлись повсюду и, мѣстами, сохраняются донынѣ, имѣли одинаковый съ пирамидами погребальный характеръ. И слѣдовательно тамъ, гдѣ природныхъ возвышеній не находилось, какъ напримѣръ на большой месопотамской равнинѣ, Ветхіе, по своимъ религіознымъ понятіямъ о жизни за гробомъ, необходимо должны были съ великимъ трудомъ и страшными издержками воздвигать искусственныя *возвышенія*, или платформы, для помѣщенія на нихъ пирамидъ, кургановъ и тому подобныхъ погребальныхъ зданій. Это заключеніе кажется совершенно логическимъ.

Взойдемъ на платформы. Посмотримъ такъ-называемые *дворцы*.

Эти зданія имѣютъ форму совершенно правильныхъ четвероугольниковъ и расположены всегда, по-крайней-мѣрѣ, сколько донынѣ обнаружено раскапываніемъ, въ такомъ порядкѣ, что совокупностью своею они образуютъ *дворы*, которыхъ бываетъ даже по нѣскольку сряду: такъ, на хор-

сабадской платформѣ, значительно расчищенной французскимъ консуломъ, г. Боттою, найдено до пяти *дворовъ*, обстроенныхъ зданіями различной величины и сообщающихся между собою. Это совершенно согласно съ условіями жилыхъ строеній и тотчасъ подало мысль признать одни зданія главными дворцами или резиденціями ассирійскихъ царей, другія теремами или гаремами, прочія службами, караульнями, молельнями, и такъ далѣе. Нельзя было не вспомнить, что цари древней Персіи, по еврейскимъ описаніямъ, собирали и угощали вельможъ своихъ на дворцовыхъ *дворахъ*, которые, для такихъ случаевъ, были убираемы дорогими тканями и покрываемы сверху порфирами. Даже и самое названіе царскихъ резиденцій, *дворъ*, происходитъ въ большей части языковъ отъ этого древняго обычая угощеній на *дворѣ*. Съ незапамятныхъ временъ, какъ это извѣстно и черезъ греческую литературу, *стоять передъ дверью*, *стоять у порога* или *стоять на дворѣ* означало у восточныхъ — служить царю, состоять при царской особѣ. Въ надписяхъ Даріевъ и Артаксерксовъ, царскій *дворъ* нерѣдко именуется «порогомъ», *остане*, словомъ доселѣ употребляемымъ Персіянами и Турками въ томъ же смыслѣ. Altissima porta, la Sublime porte, «Высокая дверь» или, какъ принято у насъ переводить «Высокая Порта», есть всѣмъ извѣстный оффиціяльный титулъ оттоманскаго двора и не что иное, какъ буквальное переложеніе восточнаго выраженія *дери аліё* (*деръ*, дверь, дворъ; *аліё*, высокій). Въ западныхъ языкахъ, слова curia, corte, cour, Hof, и тому подоб-

ныя, соединяютъ въ себѣ также постоянно понятія о дворѣ передъ дверью и о царскомъ мѣстопребываніи; и употребительная до пошлости фраза faire la cour — собственно не что̀ иное, какъ обновленіе старинной восточной — *стоять передъ дверью* или *стоять на дворѣ*, въ смыслѣ *прислуживать владыкѣ*. Это повсемѣстное слiяніе идей *двери, порога, двора*, съ идеями царскаго жилища и царской службы состоитъ въ весьма тѣсной связи съ любопытнымъ архитектурнымъ фактомъ, котораго уразумѣніе необходимо въ настоящемъ случаѣ. Двери огромныхъ размѣровъ и особенной пышности — коренное условіе царскихъ чертоговъ въ памятникахъ древнѣйшаго зодчества. Важность дверей, не какъ простаго входа въ зданія, а какъ символа власти, была такъ велика, что, для большей ясности дѣла, кромѣ настоящихъ входныхъ дверей, строили еще передъ ними, на дворцовомъ *дворѣ*, отдѣльныя двери, въ видѣ колоссальныхъ воротъ, съ очень высокимъ порогомъ. И дѣйствительно, въ зданіяхъ, разрытыхъ на платформахъ нинивійской стороны, не только входныя и комнатныя двери отличаются необычайными размѣрами и украшеніями, но и на дворахъ найдены слѣды отдѣльныхъ дверей, эмблематическихъ воротъ верховной власти. Послѣ того, кажется, не можетъ и быть сомнѣнія, что это — подлинные дворцы. Но надо замѣтить, что египетскіе цари воздвигали такія же отдѣльныя двери, исполинской величины, не только передъ настоящими дверями своихъ личныхъ резиденцій, но и передъ дверями сооружаемыхъ ими храмовъ.

какъ признаніе царственности боговъ или, просто, въ видѣ государственнаго герба, какъ знакъ царскаго сооруженія. Слѣдственно, двери особеннаго архитектурнаго характера — еще не такое неопровержимое доказательство царскаго мѣста пребыванія, какимъ по.волительно ихъ представлять. Они могутъ означать только священныя мѣста, или царскія постройки съ особеннымъ предназначеніемъ.

Замѣчательнѣе гораздо, по мнѣнію моему, то, что фасады всѣхъ главнѣйшихъ зданій, отрытыхъ на платформахъ и называемыхъ дворцами, подведены, какъ и самыя платформы, подъ кардинальныя стороны горизонта, подобно египетскимъ пирамидамъ, которыя—положительно гробницы, потому-что заключаютъ въ себѣ саркофаги — каменные гробы — и, даже, болѣе ничего не заключаютъ. Соображеніе погребальнаго памятника съ горизонтомъ понятно: кругъ горизонта, въ символическомъ олицетвореніи Гермесъ, или Меркурій, раздѣлялъ эѳиръ въ свѣтломъ видѣ отъ эѳира въ темномъ его состояніи, царство свѣта отъ царства тьмы, куда Меркурій (горизонтъ, Горизонтъ Душеводъ) низводилъ самъ лично души усопшихъ. Слѣдовательно, это — чисто погребальная идея. Напротивъ, далеко не такъ ясна, при постройкѣ жилаго дома, эта необходимость въ печальномъ напоминаніи о переходѣ послѣ смерти въ обитель мрака. Кажется, что изъ учтивости къ хозяину, древняя архитектура могла бы на новоселье пріискать, въ числѣ символовъ, что-нибудь повеселѣе этой зловѣщей примѣты.

Внутренность зданій, на платформахъ, состоитъ изъ залъ и комнатъ, различной величины, совершенно прямолинейныхъ, но, вообще, очень узкихъ въ сравненіи съ ихъ длиною. Одна изъ нимродскихъ залъ, напримѣръ, имѣетъ *двадцать двѣ сажени* длины, а ширины — только тридцать три фута, не сполна *пять* саженъ. Это — длина огромной залы дворянскаго собранія въ Петербургѣ, взятой вмѣстѣ съ галереей за колоннадою; между колоннами, длина ея восемьнадцать саженъ, а ширина почти одиннадцать, кромѣ четырехъ саженъ, остающихся по сторонамъ, за колоннами. Другія большія залы, на коюнджукской и на хорсабадской платформахъ, представляютъ саженъ по шестнадцати и по восемьнадцати, при почти четырехъ-саженной ширинѣ. Вслѣдствіе этой несообразности размѣровъ, всѣ залы и комнаты похожи болѣе на корридоры чѣмъ на покои. Нерѣдко въ узкой поперечной стѣнѣ, которой все протяженіе аршинъ двѣнадцать или четырнадцать, огромная дверь одна занимаетъ семь и даже, какъ въ нимродской залѣ, *восемь аршинъ* мѣста, такъ, что по сторонамъ остается до угловъ не болѣе чѣмъ по два, по три аршина. При такой ширинѣ дверей, если сообразить, что стѣны не имѣли сполна и двухъ саженъ вышины, и взять необычайную толщину ихъ, слишкомъ *восемь аршинъ*, или почти три сажени, въ капитальныхъ, и не менѣе сажени въ самыхъ тонкихъ, то подобная система стѣностроенія едва ли можетъ быть оправдана потребностями или удобствами жилаго зданія. Нѣкоторымъ угодно думать, будто четвердостью кир-

пича, сушенаго безъ огня, на солнцѣ, можно объяснить эту преувеличенную толщину, которая часто цѣлою третью превосходитъ высоту. Но въ Египтѣ донынѣ строятъ высокіе жилые дома изъ такого же матеріяла; толщина стѣнъ тамъ очень умѣренна, и строенія, при надлежащей поддержкѣ, сохраняются долго и прочно, несмотря на страшную пяти-мѣсячную сырость въ періодическія эпохи разлива Нила. Кажется, что строители нинивійской стороны были движимы другими уваженіями, стремясь къ вѣковой неразрушимости этихъ памятниковъ. Она могла требовать только отъ погребальныхъ зданій, вслѣдствіе особенныхъ религіозныхъ понятій.

Слѣды выжженныхъ пожаромъ балокъ на высотѣ двухъ саженъ доказываютъ, что потолокъ, служившій вмѣстѣ плоскою крышей строенію, находился въ этомъ разстояніи отъ пола. Подъ балками нѣтъ никакихъ пиластровъ, или подстроекъ, между которыми оставались бы промежутки, или въ которыхъ могли бы быть подѣланы отверзтія, для свободнаго теченія воздуха въ верхней части комнатъ. Оконъ, какъ сказано, нигдѣ не оказывается. Предположенія о возможности отверзтій въ потолкахъ *для воздуха и свѣта*, совершенно несбыточны при плоскомъ устройствѣ крышъ: эти зданія положительно лишены были и свѣта и воздуха.

Каменная одежда стѣнъ, наружная и внутренняя, состояла изъ длинныхъ и узкихъ, приложенныхъ стоймя плитъ, или досокъ мраморовиднаго гипса, вышиною въ четыре съ половиною аршина

и толщиною въ полъ-аршина, при весьма различной ширинѣ. Плиты эти покрывали собою стѣну отнизу до узенькаго карниза, который заключался въ простомъ валикѣ съ выемнымъ выступомъ надъ нимъ, въ родѣ египетскаго карниза. Надъ карнизомъ, подъ самымъ потолкомъ, какъ видно изъ найденныхъ г. Боттою обломковъ, шелъ еще плоскій фризъ, шириною почти въ аршинъ, изъ облитаго разноцвѣтною глазурью кирпича съ узорами и фигурами. Плиты, обыкновенно, покрыты барельефною рѣзьбою, изображающею *военные подвиги* или *домашнія занятія* какого-нибудь царя. Иногда фигуры этой любопытной рѣзьбы колоссальны, во всю высоту плитъ, отнизу до карниза; но, большею частью, въ половинѣ плитъ идетъ кругомъ комнаты, между двумя плоскими выступными линіями, узкая лента надписи гвоздеобразными литерами, и тогда скульптурныя картины, нѣкогда расписанныя яркими красками, расположены двумя полосами, подъ надписью и надъ нею, съ фигурами въ половину натуральнаго роста.

Въ нѣкоторыхъ зданіяхъ стѣны снаружи были обложены твердымъ базальтовымъ камнемъ. Ни колоннъ ни пиластровъ нигдѣ не открыто ни малѣйшаго признака. Полъ — удивительное дѣло! — былъ настланъ, просто, изъ нежженаго кирпича, между-тѣмъ какъ дворы мостились жженымъ кирпичомъ въ два ряда и даже каменными плитами! Въ томъ, что на полахъ этихъ чертоговъ не было каменныхъ плитъ, или, другими словами, что они были вовсе безъ половъ, удостовѣряетъ то важное

обстоятельство, что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ верхній слой нежженаго кирпичу вдѣланы вровень съ поверхностью платформы отдѣльныя каменныя плиты, съ надписями, или совсѣмъ гладкія, для какой-то особенной цѣли. Пылкое воображеніе тѣхъ, которые видятъ въ этихъ памятникахъ пріемныя залы, гостиныя, спальни, кабинеты и терема славныхъ царей ассирійскихъ, тотчасъ устлало эти полы великолѣпными коврами. Месопотамія всегда славилась этого рода издѣліями, и примѣчательно, что съ глубочайшей древности и донынѣ узоръ ихъ все остается тотъ же: при Ксерксахъ, какъ и при покойномъ султанѣ Махмудѣ, они отличались извѣстнымъ всякому узоромъ персидскихъ шалей, такъ называемыми *пальмами*. Но все же это не освобождаетъ жилаго строенія отъ необходимости въ твердомъ полу подъ ковромъ или цыновкою, по-крайней-мѣрѣ въ досчатомъ, если не въ каменномъ кирпичѣ очень скоро были бы протоптаны ногами глубокія ямы. Ясно, что по этимъ чертогамъ не ходили, что они были всегда заперты и не предназначались для жилья.

Таковъ общій видъ этихъ загадочныхъ зданій. Нѣтъ сомнѣнія, что очень удивительна и до чрезвычайности странна эта прямолинейная архитектура, безъ колоннъ, безъ пиластровъ, безъ всякихъ зодческихъ украшеній, кромѣ легкаго карнизнаго валика, безъ оконъ и безъ половъ, съ длинными и узкими покоями, съ широкими дверями, съ низкими дверями, съ низкими массивными стѣнами, съ разноцвѣтными фризами, съ рѣзными и расписными картинами, которыхъ, за совершен-

нымъ отсутствіемъ дневнаго свѣта, даже и нельзя было видѣть. Вспомните, что искусственному освѣщенію ихъ препятствовали прегражденіе доступа наружному воздуху и самая яркость красокъ, такъ легко уничтожаемая копотью отъ лампадъ и ночниковъ. Слѣдовательно, вся эта пышность была брошена въ вѣчный мракъ! Но все въ этой архитектурѣ такъ вѣрно и живо напоминаетъ форму, расположеніе и убранство высѣченныхъ въ горной скалѣ *погребальныхъ дворцовъ* ѳивскихъ царей Верхняго Египта, что тѣ только, которые не видали дивныхъ подземелій *Бибанъ-эль-мулюкъ*, не поражаются сходствомъ разрытыхъ ассирійскихъ памятниковъ съ ними. *Дворцами*, какъ кажется, и назывались нѣкогда эти много-комнатныя гробницы; потому-что сохраняющееся по преданію нынѣшнее арабское названіе мѣста, *Бибанъ-эль-мулюкъ*, значитъ дѣйствительно «дворцы царей», хотя такого рода чертоги, совершенно скрытые въ нѣдрахъ скалы, имѣя входы, заваленные каменьями, снаружи никому не подаютъ мысли о существованіи дворцовъ въ этой части ливійскаго горнаго кряжа. Только это—*дворцы* для «жизни за гробомъ», а не для житейскихъ наслажденій, и разница между ѳивскими ипогеями и зданіями ниневійскихъ платформъ собственно только та, что здѣсь мы видимъ «погребальные дворцы» въ землѣ, на природной горной высотѣ, а тамъ точно такіе же «погребальные дворцы» надъ землею, на искусственныхъ возвышеніяхъ платформъ, за отсутствіемъ горъ по-близости городовъ, лежавшихъ при Тигрѣ.

Въ такомъ случаѣ знаменитое открытіе гг. Леярда и Ботты, которымъ полнится земля, принадлежало бы, просто, къ разряду тѣхъ открытій, довольно обыкновенныхъ въ наше время, которымъ мы обязаны недавнимъ знакомствомъ съ гробницами ѳивскихъ царей и съ гробницами Этрусковъ. Этимъ не уменьшается важность ученаго подвига и удивительность добытыхъ изъ забвенія остатковъ былаго міра. Напротивъ, только основанія великаго энтузіазма нашего по случаю событія оказываются въ нѣкоторой степени ложными. Мы по-напрасну возмечтали, будто уже видимъ передъ собою древнюю Нинивію, ходимъ по комнатамъ царей ея и можемъ опредѣлить образъ ихъ жизни. Мы разрыли только ихъ гробницы — все, что могло уцѣлѣть здѣсь отъ нинивійской эпохи—и что отъ тѣхъ же временъ уцѣлѣло и въ другихъ мѣстахъ—однѣ могилы, одни погребальные памятники.

Касательно колоннъ я позволю себѣ одно сближеніе. Мы знаемъ изъ еврейскихъ свидѣтельствъ съ одной стороны, а съ другой изъ Страбона, что архитектура халдейскихъ народовъ была богата колоннами. Какъ же здѣсь ихъ нѣтъ? Это слѣдовало бы объяснить. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ древности есть еще осязательное показаніе памятниковъ: остатки зодчества древнихъ Персовъ, которые всѣ свою образованность заимствовали у халдейскихъ народовъ, именно у Ассирійцевъ, и имъ одолжены были своей письменностью, своей умозрительной мудростью, своими искусствами, отличаются особеннымъ оби-

ліемъ колоннъ. Нынче даже доказано, что іоническій и дорическій стили вышли отсюда. Что же значитъ это отсутствіе колоннъ въ низкихъ и массивныхъ зданіяхъ, открытыхъ на платформахъ? Но любопытно, что и архитектура Египтянъ была также многоколонная. Ѳивы завалены колоннами всѣхъ возможныхъ видовъ. А между-тѣмъ въ *погребальныхъ дворцахъ* ѳивскихъ царей, въ тамошнихъ подземельяхъ, тоже нѣтъ ни колоннъ, ни пилястровъ, и вообще никакихъ архитектурныхъ украшеній, кромѣ простаго карниза, состоящаго изъ *тора*, или валика, съ выемнымъ выступомъ, какъ и въ зданіяхъ платформъ нинивійской стороны. Видно, погребальная архитектура слѣдовала особеннымъ законамъ, опредѣляемымъ религіей. Но видно также изъ этого, что зданія платформъ не были жилые дома; что они—могилы, въ которыхъ, по обычаю Египтянъ и Этрусковъ, для усопшаго отдѣлывали вѣчную квартиру, состоящую изъ бо́льшаго или меньшаго числа комнатъ, смотря по сану и богатству, гдѣ хоронили его быть-можетъ какъ въ Этруріи, въ сидящемъ положеніи, въ креслахъ, въ воинскихъ доспѣхахъ, съ золотымъ уборомъ на головѣ и на груди, вмѣстѣ съ любимыми имъ при жизни вещами и среди писанныхъ или рѣзныхъ по всѣмъ стѣнамъ изображеній, представляющихъ его подвиги, мірскіе и духовные, его добродѣтели, его занятія, потѣхи могущество, богатство, и такъ далѣе.

Скульптурные сюжеты зданій на платформахъ на всякомъ шагу подтверждаютъ это заключеніе. Какъ всѣ эти, такъ-называемые, «дворцы» въ

Нимродѣ, Коюнджукѣ и Хорсабадѣ, принадлежатъ къ одному и тому же роду и стилю, то достаточно описать одинъ изъ нихъ, чтобы дать совершенно удовлетворительное понятіе о всѣхъ. Мы возьмемъ коюнджукскій «дворецъ», менѣе великолѣпный чѣмъ нимродскій, но гораздо лучше сохранившійся.

Чтобы недолго разъискивать смыслъ скульптурныхъ изображеній и напрасно не сомнѣваться, взглянемъ прежде всего на одно незначительное, но самое новое открытіе въ нинивійской сторонѣ. Оно сдѣлано уже послѣ гг. Леярда и Ботты, и только въ нынѣшнемъ году обнародовано. Г. Россу, который продолжаетъ раскапыванія въ окрестностяхъ Мусула на иждивеніи Британскаго Музея, удалось найти и вскрыть возлѣ коюнджукской платформы подлинную и несомнѣнную могилу какого-то значительнаго Ассирійца—низкій и тѣсный кирпичный склепъ въ землѣ, съ человѣческимъ остовомъ и разными вещами. Только одинъ барельефъ украшаетъ эту скромную вѣчную обитель: *человѣческая фигура, съ крыльями, въ возлетающемъ видѣ, обведенная правильно-круглымъ кольцомъ*. О смыслѣ этой эмблемы ни малѣйшаго спора быть не можетъ: значеніе ея мы знаемъ въ совершенствѣ изъ безчисленныхъ примѣровъ египетской идеографіи. Это — *душа*, воспаряющая въ *пространство* для сліянія своей *эѳирной* сущности съ *эѳиромъ* міра, вездѣ находящемся въ природѣ, въ которомъ она должна блаженствовать его *блаженствомъ*. *Крыльями* древняя символистика всегда и повсюду выражала эѳиръ, его летучее свойство и,

въ то же время, эѳирную или божественную сущность. Крылья эти считались именно орлиными или ястребиными крыльями, двухъ птицъ, летающихъ за облака, выше воздуха, уже въ чистомъ эѳирѣ, и привятыхъ поэтому, одна у Грековъ и Римлянъ, а другая у Египтянъ, въ эмблемы эѳира, какъ жизни. *Кольцо* или *кругъ* означало міръ, всемірное пространство, и, какъ извѣстно изъ ученія пиѳагорейцевъ, вмѣстѣ также совершенство и блаженство. Въ египетскихъ скульптурахъ находимъ мы самое ясное и самое замысловатое изображеніе міра, по пантеистической теоріи многобожія, которое представляло себѣ міръ эѳиромъ, создавшимъ все изъ себя и все обратно въ себя разрѣшающимъ, вмѣстѣ началомъ и концомъ всего, вмѣстѣ веществомъ и божествомъ: это — извѣстная эмблема святыни, надъ всѣми воротами и дверями храмовъ, *голубой шаръ съ двумя распростертыми крыльями;* иногда вмѣсто шара простое кольцо съ голубымъ полемъ и крыльями, или, какъ у Римлянъ, орелъ, держащій въ когтяхъ кольцо; иногда шаръ съ крыльями (міръ-эѳиръ), заключенный въ кольцо, то есть въ кругъ, для означенія совершенства, безпредѣльности и блаженствующаго состоянія эѳира; и почти всегда, по обѣимъ сторонамъ крылатаго шара или кольца, два *царскіе змѣя*, символъ мудрости, жизни и безсмертія. Въ гробницахъ египетскихъ, съ крылатымъ шаромъ или кольцомъ соединяется постоянно крылатая фигура—*душа* эѳирнаго свойства, вышедшая изъ всемірнаго эѳира и обратно сливающаяся съ эѳиромъ, всеобщимъ божествомъ. Надпись тутъ же

удостовѣряютъ, что это подлинно—душа умершаго. Эта самая эмблема безпрестанно повторяется и въ скульптурахъ ассирійскихъ зданій. Послѣ этого можетъ ли еще оставаться сомнѣніе касательно ихъ назначенія?

Первая комната коюнджукскаго «дворца», означенная на планѣ г. Леярда литерою А, довольно обширная, примыкала къ главному входу, который совершенно уничтоженъ. Фасадъ, наружная дверь и ея принадлежности остаются поэтому неизвѣстными; но ихъ легко можно возстановить воображеніемъ по другимъ зданіямъ, въ которыхъ главные входы сохранились. Самою замѣчательною принадлежностью были здѣсь, навѣрное, два колоссальные крылатые сфинкса, и ужъ, конечно, не каменные, а бронзовые, потому что и слѣда ихъ не осталось. Каменная одежда стѣнъ этой комнаты и другихъ комнатъ, состоящая изъ гипсовыхъ плитъ вышиною почти въ четыре съ половиною аршина и шириной въ три аршина шесть вершковъ, отличается тѣмъ отъ одежды зданій нимродскихъ и хорсабадскихъ, что рѣзьба здѣсь не раздѣлена на двѣ полосы барельефовъ лентою гвоздеобразной надписи, а покрываетъ всю высоту плитъ своими колоссальными фигурами. Рисунокъ менѣе красивъ чѣмъ въ Нимродѣ, но отдѣлка тщательнѣе и чище. Надписей вообще здѣсь очень мало. Къ сожалѣнію, верхняя часть стѣны въ комнатѣ А совсѣмъ разрушена: уцѣлѣла только нижняя, очень поврежденная огнемъ, на которой можно однакожъ различить въ одномъ мѣстѣ длинный рядъ воиновъ и военноплѣнныхъ, слѣ-

дующихъ страною, покрытой горами и лѣсомъ, а въ другомъ жертвенный треножникъ, священныя орудія, храмовыя вазы. Замѣчательно, что горы, точно какъ въ египетскихъ барельефахъ, изображены тѣмъ же условнымъ родомъ сѣтки, который представляютъ намъ еще и нынче китайскія картины.

Слѣдующая комната B, была главною залою зданія: совершенно—расположеніе ниевскихъ подземелій въ Бибанъ-эль-мулюкъ. Одинъ конецъ ея разрушенъ до основанія. Длины имѣла она не менѣе двадцати-трехъ саженъ, а ширины только пять саженъ и два аршина. Барельефы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, расположены четвероугольниками въ видѣ картинъ. Въ одномъ изъ нихъ изображено взятіе города приступомъ, который побѣдители зажигаютъ со всѣхъ концовъ: дома въ городѣ высокіе, четырехъ и пяти - этажные, какіе, по показанію Геродота, и были въ Месопотаміи; пламя выходитъ во всѣ окна и двери. Кажется, что у здѣшнихъ полководцевъ было принято правиломъ—взявъ городъ, сжечь его, потому-что изображенія приступовъ постоянно украшены пожаромъ, какъ здѣсь, такъ и въ Нимродѣ и Хорсабадѣ. Не удивительно послѣ этого, что зданія на всѣхъ платформахъ ниневійской стороны разрушены, одинаково, огнемъ. Но еще болѣе достойно замѣчанія то, что, по неопровержимому показанію барельефа, въ частныхъ жилыхъ строеніяхъ этой стороны были *окна* и *этажи*; въ царскихъ жилыхъ дворцахъ и подавно слѣдовало бъ быть и тому и другому, даже въ немаломъ количествѣ. Такъ по-

чему же въ этихъ дворцахъ, если они — *дворцы* и резиденціи, нѣтъ ни оконъ ни этажей, какъ и въ египетскихъ погребальныхъ подземельяхъ? по какому особенному уваженію ассирійскіе цари однимъ себѣ предоставляли преимущество жить впотьмахъ и безъ воздуха, тогда-какъ всѣ ихъ подданные и сосѣди имѣли возможность освѣщать дневнымъ свѣтомъ и провѣтривать свои комнаты? Нѣтъ, мы не открыли ни Нинивіи, ни Элласора. Это—кладбища, а не города.

Въ другой картинѣ, подъ предъидущею, или въ другомъ четвероугольникѣ маршируютъ войска: каждый рядъ воиновъ, или корпусъ, отличается особенною формою щитовъ и оружія. Возлѣ воиновъ идутъ служители съ награбленною въ покоренномъ городѣ добычею, несутъ домашнюю утварь и колесницы, ведутъ лошадей. Взятый и зажженный городъ выстроенъ на возвышенности. Въ сторонѣ видны виноградныя лозы съ кистями. Вверху была надпись, но пожаръ зданія едва оставилъ слѣдъ ея.

Одно, очень поврежденное отдѣленіе стѣны представляло также взятіе города, который, вѣроятно, находился на вершинѣ горы, потому-что въ уцѣлѣвшей части барельефа воины въ разнообразныхъ положеніяхъ съ большимъ трудомъ карабкуются на гору, упираясь въ скалу копьями и вѣтвями, тогда-какъ другіе сходятъ уже съ горы съ добытыми у врага плѣнниками и отрѣзанными головами. Рядомъ ведутъ толпу плѣнниковъ въ крѣпость. Далѣе, внутренній видъ крѣпости, съ окружною стѣною, съ угловыми баш-

нями, нарисованный по-китайски, огромнымъ плоскимъ планомъ. За крѣпостью стоятъ военноплѣнные, скованные цѣпями. Внутри твердыни царь сидитъ на престолѣ—а кто онъ таковъ, то сказано гвоздями въ надписи надъ головою—и принимаетъ поклонъ отъ своего визиря и отъ царедворцевъ; за царемъ стоятъ два евнуха, одинъ съ вѣеромъ, а другой съ опахаломъ для удаленія мухъ; вокругъ расположены палатки и дома, которыхъ внутренность видна зрителю. Въ этой чрезвычайно любопытной части барельфа домашнія занятія, орудія и утварь людей такого отдаленнаго врямени, столы, стулья, диваны, кровати, кувшины для охлажденія воды, все, достойно изученія.

Въ противоположномъ концѣ залы барельефъ представляетъ взятіе приморскаго укрѣпленнаго города. Морская вода изображена зигзагами, какъ у Египтянъ, и, для бо́льшей отчетливости представленія, рыбы высовываютъ головы изъ волнъ. Берегъ занятъ кораблями и гребными судами. Корабли снабжены мачтами и парусами и имѣютъ по двѣ палубы; съ нижней палубы выходятъ наружу ряды веселъ, приводимыхъ въ дѣйствіе скрытыми тамъ гребцами. Народъ и воины спасаются изъ города на корабли и гребныя суда съ имѣніемъ и оружіемъ. Одежда ихъ чужестранная, не похожая на ту, которую носятъ жители крѣпости, гдѣ сидитъ царь на престолѣ. У женщинъ на головѣ—родъ высокаго остроконечнаго кокошника, наподобіе тѣхъ странныхъ уборовъ, которые употребляются въ Ливанскихъ горахъ

около Бейрута и Сайды, древнихъ Берита и Сидона. На городскихъ воротахъ, построенныхъ на краю воды, стоитъ мужчина и подаетъ ребенка женщинѣ, которая протягиваетъ къ нему руки съ корабля. По всѣмъ признакамъ, приморскій городъ этотъ принадлежалъ Финикіянамъ; и если бы можно было доказать достовѣрнымъ разборомъ надписей, что царь, котораго мы видѣли въ крѣпости, былъ одинъ изъ царей Ниниви, извѣстной Евреямъ, то изображенная здѣсь сцена объяснилась бы событіями восьмаго вѣка до Рождества Христова. По несчастію, почти всѣ надписи истерты. Да когда бы намъ и удалось прочесть удовлетворительно ассирійскіе переводы староперсидскихъ надписей эпохи Даріевъ и Артаксерксовъ, этотъ успѣхъ еще не былъ бы достаточнымъ ручательствомъ въ вѣрности чтенія собственныхъ именъ и словъ, уцѣлѣвшихъ на платформахъ. Эпоха древнѣе, языкъ могъ быть другой, а системы составленія буквъ изъ гвоздей, или стрѣлокъ, такъ перемѣнчивы, такъ много зависятъ отъ различій въ вѣкахъ и народахъ, что въ послѣднемъ результатѣ всегда получилось бы неотразимое сомнѣніе. Мы найдемъ скоро другое менѣе затѣйливое и болѣе вѣрное средство опредѣлить эпоху.

Изъ главной залы есть два выхода въ смежныя комнаты, одинъ—огромная дверь въ томъ концѣ, гдѣ находится изображеніе приморскаго города, ведущая въ маленькую комнату, другой—маленькая дверь, только въ *одну сажень* ширины, въ боковой стѣнѣ, для перехода въ большую комнату, которой всѣ четыре стѣны уцѣлѣли, съ одеждою

и барельефами, безъ значительныхъ поврежденій. Въ этой комнатѣ г. Леярдъ снялъ самые примѣчательные рисунки своего атласа. Прочія комнаты находятся въ болѣе или менѣе полномъ разрушеніи. Сюжеты скульптурныхъ картинъ во всѣхъ этихъ комнатахъ—совершенно тѣ же, какъ и въ зданіяхъ нимродской платформы, вскрытыхъ также г. Леярдомъ, и въ «дворцѣ» хорсабадской платформы, расчищенномъ г. Боттою. Достаточно указать на содержаніе ихъ общими словами. Все это — или военныя сцены, въ которыхъ берутъ крѣпости, взлѣзаютъ на горы, жгутъ и грабятъ дома, рѣжутъ жителей, вяжутъ и ведутъ плѣнниковъ, уносятъ добычу, отгоняютъ скотъ; царь ѣдетъ на колесницѣ и стрѣляетъ изъ лука—стрѣлы его, какъ и въ египетскихъ барельефахъ, пронзаютъ цѣлые ряды враговъ — къ нему сносятъ головы, отрубленныя у убитыхъ враговъ—онъ раздаетъ награды или смотритъ на длинные ряды марширующихъ воиновъ различнаго оружія —или охотничьи представленія: царь преслѣдуетъ дикаго быка или льва — царь борется со львомъ, побѣждаетъ его и душитъ на своей груди—левъ борется съ быкомъ и уничтожаетъ быка — быки или львы являются длинными рядами, подобно тому какъ являются ряды воиновъ въ военныхъ картинахъ;—или наконецъ религіозные образы: крылатая фигура въ кругу — царь между двумя крылатыми фигурами—царь съ пятью символами вокругъ головы, поклоняющійся мистическому дереву рая, въ сопровожденіи одной или двухъ крылатыхъ фигуръ, эмблемъ земной души его и

двойственности свойствъ эѳира, и тому подобное. Очень замѣчательны, по этой части, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, особенно на порогахъ дверей, изображенія лотосоваго цвѣтка, капитальнаго символа метемпсихозистовъ, древнихъ и нынѣшнихъ. Ученіе о переселеніяхъ душъ изъ однихъ тѣлъ въ другія было, слѣдовательно, господствующимъ въ этой сторонѣ, лежащей на половинѣ пути между Египтомъ и Индіей, и отсюда, видно, пошло оно далѣе, за Индъ, куда вскорѣ древніе Персы занесли вмѣстѣ съ своимъ оружіемъ и свой старо-персидскій языкъ, извѣстный нынче подъ названіемъ санскритскаго. Но этого мало: лотосовый цвѣтокъ, эмблема перехода души изъ тѣла въ тѣло, брошенная на порогъ при переходѣ изъ одной комнаты въ другую, ясно доказываетъ, что комнаты имѣли каждая свое мистическое значеніе, положительно погребальное. Если бы число комнатъ въ этихъ разрушенныхъ зданіяхъ не было иногда сомнительно, то не трудно было бы даже показать, съ планами г. Леярда и Ботты въ рукѣ, что и самыя числа комнатъ соотвѣтствуютъ мистическимъ числамъ ученія о переселеніяхъ душъ послѣ смерти.

Я не говорилъ доселѣ, и съ умысломъ, о самомъ знаменитомъ и, дѣйствительно, самомъ примѣчательномъ предметѣ или украшеніи этихъ комнатъ, длятого, чтобы кончить разборомъ его разсужденіе о вѣроятномъ назначеніи платформъ и находящихся на нихъ зданій. Передъ дверями изъ главной залы въ маленькую комнату и передъ дверями изъ той же залы въ большую комнату, въ

Коюнджукѣ, стоятъ по-парно огромные сфинксы, которые точно такъ же сторожатъ здѣсь входы въ комнаты, какъ колоссальный сфинксъ въ Джизѣ сторожитъ входъ въ египетскія пирамиды. Во всѣхъ донынѣ вскрытыхъ зданіяхъ, на платформахъ находятся сфинксы у дверей важнѣйшихъ по смыслу своему комнатъ, и если прибавить, что на нимродской платформѣ, рядомъ съ комнатами, расчищенными г. Леярдомъ, находится и пирамида, то я рѣшительно не вижу, какую важную разницу въ наружномъ или внутреннемъ видѣ можно показать между этими ассирійскими кладбищами и египетскимъ кладбищемъ въ Джизѣ, гдѣ возлѣ пирамидъ и знаменитаго сфинкса Абугоуля вся каменная почва мѣста изрыта погребальными комнатами точно такой же архитектуры. Что тамъ комнаты подъ землею, а здѣсь надъ землею, это не страшный доводъ: геологическое строеніе края объясняетъ причину такого оттѣнка. Все же, и здѣсь и тамъ, пирамиды, сфинксы и комнаты, подземныя и надземныя, равно находятся на *возвышеніяхъ;* а для трупогорода это — главное.

Сфинксъ составлялъ, для древней непосвященной толпы, образецъ высочайшей и мудрѣйшей загадки. Самыя завѣтныя таинства вѣры эоинстовъ-многобожниковъ сливались въ этомъ странномъ спаяніи двухъ тѣлъ, человѣка и четвероногаго. Въ сфинксахъ, какъ извѣстно, человѣческая голова и грудь соединяются съ туловищемъ льва, барана или, все-равно, быка, съ крыльями или безъ крыльевъ, что̀ собственно зависитъ отъ матеріяла, отъ искусства и отъ воли. Какъ быкъ, такъ и ба-

ранъ, равно были посвящены Юпитеру, олицетворенію всемірнаго эѳира, какъ источника жизни, какъ Живбога, и прибавленіе крыльевъ, идеографическаго знака эѳирности, составляло въ этомъ случаѣ одну только роскошь символистики. Въ зданіяхъ платформъ сфинксы состоятъ изъ человѣческой головы по грудь, а иногда и далѣе, съ колпакомъ и богатою бородою, и изъ бычачьяго туловища съ крыльями. Найдены также и сфинксы, состоящіе изъ человѣка и льва, даже составныя группы этихъ чудовищъ, сфинксъ-быкъ и сфинксъ-левъ, поставленные задомъ другъ къ другу для показанія ихъ противоположности. Но самые великолѣпные монументы платформъ — сфинксы-быки, крылатые. Тѣ, которые сторожатъ входъ изъ главной коюнджукской комнаты въ большую комнату, изсѣчены изъ цѣльныхъ массъ камня, имѣвшихъ по семи аршинъ во всѣхъ направленіяхъ. Одинъ изъ такихъ сфинксовъ, взятыхъ г. Боттою изъ хорсабадскихъ зданій, перевезенъ въ Парижъ и находится въ Луврѣ.

Не обладая заповѣдною мудростью древнихъ первожрецовъ, которые одни понимали сфинкса въ совершенствѣ, мы однакожъ знаемъ теперь съ достовѣрностью, изъ болѣе точнаго сближенія безчисленныхъ памятниковъ искусства и лучше понятыхъ указаній литературы, что быкъ, или, по другимъ языческимъ толкамъ, баранъ, означалъ *мокрое жизненное начало* эѳира, а левъ *сухое* или *огненное жизненное начало*. Различныя страсти и грѣхи распредѣлялись по этимъ двумъ началамъ: лѣность, трусость, тупость ума, сладострастіе и

прочее, а между-прочимъ и *смерть*, были относимы къ мокрому началу, изображаемому бараномъ или быкомъ; кровожадность, гнѣвъ, гордость и такъ далѣе — къ сухому началу, въ символическомъ языкѣ—льву. Эти ряды быковъ и львовъ, въ барельефахъ зданій на платформахъ, слѣдовательно — ряды страстей и грѣховъ. Эти преслѣдованія быка царемъ — вовсе не охота, а борьба царя со страстями мокраго жизненнаго начала. Все это аллегоріи, какъ и число, расположеніе и величина комнатъ. Да едва-ли еще, въ такомъ случаѣ, и эти военныя сцены—подлинные историческіе подвиги: полно, не произвольныя ли онѣ сочиненія мистической мудрости, не иносказательныя ли начертанія общихъ царскихъ добродѣтелей и занятій, безъ всякаго фактическаго значенія? Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что крылатые быки у дверей нѣкоторыхъ комнатъ вѣщаютъ недоброе—смерть и возвращеніе къ всемірному летучему веществу, слѣдствіе мокраго жизненнаго начала эопра. Въ этихъ комнатахъ, неиначе, были положены или посажены бренные останки царей.

Къ какой же эпохѣ могутъ, по всей вѣроятности, принадлежать зданія платформъ съ этими барельефами и этими сфинксами? На этотъ вопросъ не трудно отвѣчать. Руины колоссальныхъ кладбищъ и въ Ассиріи и въ Египтѣ прошли явственно и несомнѣнно двѣ эпохи, ветхую и древнюю. Какъ въ Джизѣ, на Нилѣ, пирамиды относятся къ невѣдомымъ временамъ первообразованныхъ людей и первобытныхъ вѣрованій, предшествовавшимъ язычеству и іероглифическому письму, а возлѣ

лежащія подземелья трупогорода съ погребальными комнатами сооружены уже втеченіи второобразованныхъ вѣковъ при позднѣйшей вѣрѣ многобожниковъ-матеріялистовъ, точно такъ же и въ нинивійской сторонѣ на Тигрѣ пирамидальныя платформы и находящіяся на нихъ пирамиды суть памятники тѣхъ первыхъ могущественныхъ поколѣній, которыя мы назвали Ветхими, а погребальные «дворцы» съ комнатами на платформахъ— постройки второобразованныхъ народовъ, остатки той эпохи, когда уже идеи многобожія, основанныя на теоріи вездѣ-присутствующаго и все-творящаго эѳира были въ полномъ развитіи и цвѣтѣ. Можно даже опредѣлить столѣтіе, въ которое возникли эти зданія Древнихъ на пирамидальныхъ подстройкахъ, и возлѣ пирамидъ, Ветхихъ. На восточномъ берегу Средиземнаго Моря, близъ того мѣста, гдѣ находился важный финикійскій городъ Беритъ, и гдѣ въ наше время находится Бейрутъ, есть утесъ при Собачьей-Рѣкѣ, *Нагаръ эль-кельбъ*, которую древніе писатели называли Lykos. Африканскіе и азіятскіе завоеватели избрали его памятникомъ или предѣломъ для своихъ подвиговъ, и оставили на немъ свои побѣдныя надписи. Одинъ изъ египетскихъ царей, котораго Греки именовали Сесострисомъ, начерталъ здѣсь свое имя, отчество и свои титулы, іероглифами. Рядомъ есть надпись гвоздеобразною грамотою ассирійскаго почерка. Этого почерка, какъ сказано, мы навѣрное никогда не разберемъ такъ удовлетворительно, какъ разобрали гвоздеобразный старо-персидскій; да и не нужно для рѣшенія дѣла. Простое сличеніе мо-

жетъ на этотъ разъ замѣнить разборъ. Г. Леярдъ увѣряетъ, и уже поступившее въ печать изданіе скопированныхъ имъ надписей должно вскорѣ подтвердить его замѣчаніе, что въ имени и отчествѣ царя, нарисованнаго въ большой залѣ коюнджукской платформы, всѣ литеры тѣ же, и слѣдуютъ одна за другою въ томъ же порядкѣ, какъ и въ гвоздеобразной надписи ассирійскаго царя, оставившаго свое имя при Собачьей-Рѣкѣ. Изъ еврейскихъ показаній мы знаемъ, что экспедиціи ниневійскихъ царей въ эту сторону происходили всѣ въ восьмомъ вѣкѣ до Рождества Христова. Слѣдовательно, погребальные дворцы платформъ, принадлежащіе всѣ безъ исключенія къ одному стилю, одной работѣ, одной вѣрѣ и одной эпохѣ, не старѣе восьмаго вѣка. Когда эти дворцы были уже разграблены, выжжены и оборваны, когда они и память объ нихъ уже исчезли въ накопившейся надъ ними грудѣ мусора, жители городовъ ниневійской стороны все еще продолжали погребаться на этихъ вѣчныхъ трупогородахъ, и мы видѣли кладбище ихъ, открытое г. Леярдомъ въ землѣ, цѣлою саженью выше надъ нимродскимъ погребальнымъ дворцомъ.

Но изъ словъ Ксенофонта должно заключить, что впослѣдствіи уже не кладбища, а города, строились на платформахъ. Этой идеи всѣ придерживаются. Нужно однакожъ замѣтить, что разсказъ Ксенофонта совсѣмъ не такъ ясенъ, какъ утверждаютъ тѣ, которые хотятъ подкрѣпить имъ баснословныя повѣствованія, подобранныя въ народной молвѣ Ктесіей и Геродотомъ. Правда, въ гре-

ческой древности ходила молва, будто платформы были первоначально городскими подстройками, и басни того времени приписывали двумъ изъ нихъ несбыточный размѣръ почти во сто верстъ въ окружности. Но Ксенофонтъ, описывая стѣну города Лариссы, отнюдь не говоритъ того, будто Ларисса находилась на искусственномъ пирамидальномъ возвышеніи, chôma. Мы сами вообразили это произвольно, по наущенію этихъ басенъ. Напротивъ, я уже замѣтилъ, во второй статьѣ, важное противорѣчіе такой идеѣ въ словахъ предводителя Десяти Тысячъ. Онъ показываетъ, что пирамида, которую мы теперь видимъ на платформѣ, находилась *у города* Лариссы, а не *въ городѣ*. Слѣдовательно городъ не былъ на платформѣ, и описываемую имъ каменную городскую стѣну не слѣдуетъ смѣшивать съ старинною каменною одеждою платформы. Въ его время платформа уже была обобрана и одежда ея, навѣрное, употреблена Мидійцами на обнесеніе каменною стѣною города ихъ, Лариссы; погребальные дворцы на платформѣ скрывались уже въ горѣ щебня: надъ ними уже было устроено новое кладбище, и пирамида торчала одна на этой безвидной насыпи. Городъ, явственно, находился возлѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Ксенофонтъ разсказываетъ, что жители Лариссы, испуганные неожиданнымъ появленіемъ греческаго корпуса, убѣжали изъ города *на пирамиду*. Ларисса, поэтому, лежала прямо на равнинѣ.

Но г. Леярдъ твердо вѣритъ, что платформы служили подстройками подъ настоящіе города, и что Ларисса красовалась на нимродской платфор-

мѣ. Онъ не соображаетъ того, что такой городъ былъ бы безъ воды, безъ колодца, безъ фонтана. Для этого предпріимчиваго изслѣдователя, сверхъ того, несомнительно, что древняя Ниневія, при владычествѣ Мидійцевъ, прозвана была Лариссою. Г. Ботта, съ своей стороны, видитъ Ниневію тамъ, гдѣ онъ производилъ самыя удачныя раскапыванія, на хорсабадской платформѣ. Маіоръ Ролинсонъ, напротивъ, убѣжденъ, что Ниневія находилась *на* коюнджукской платформѣ, и гдѣ и донынѣ существуетъ деревня по имени *Нѝнниве:* въ прошломъ мѣсяцѣ читалъ онъ въ лондонскомъ Археологическомъ Обществѣ разборъ свой ассирійской надписи тамошняго обелиска, въ которой, какъ ему кажется, можно различить имена *Нина, Ниніи* и *Сарданапала* (??!). Но г. Ролинсонъ, какъ кажется, забываетъ, что платформы, по точному разсчету, который мы имъ сдѣлали, представляютъ каждая не болѣе какъ четыре квадратныя версты средней обширности, а по выраженіямъ еврейскихъ свидѣтельствъ, Ниневія была *городъ великій весьма— Боѣ мой, какой великій городъ!...* Ниневія, слѣдственно, не могла помѣщаться ни на одной изъ четырехъ платформъ и, подобно Лариссѣ, была построена на равнинѣ, разумѣется, возлѣ своей погребальной платформы, возлѣ *рунъ* ветхой эпохи, которыя искони назывались *нинив*е. Онѣ-то вѣроятно и теперь еще сохраняютъ этотъ титулъ въ имени деревни *Нѝнниве*, лежащей на одномъ краю ихъ, насупротивъ Мусула, мидійской Меспилы. Г. Рауль-Рошетъ, желая удовлетворить всѣхъ и согласить все несогласимое, четыре платформы на

пространствѣ пяти сотъ квадратныхъ верстъ соединяетъ въ одинъ городъ, обноситъ ихъ Ктесіевой стѣною верстъ во сто, на платформахъ строитъ ассирійскимъ царямъ жилые дворцы, съ теремами и службами, сожалѣетъ только о томъ, что при этихъ низенькихъ зданіяхъ не на чемъ ему развести висячихъ садовъ въ честь греческимъ сказкамъ; самый же городъ располагаетъ между четырьмя угловыми платформами, и потомъ, все это заразъ сожигаетъ однимъ общимъ пожаромъ. О прочихъ системахъ нинивійской топографіи я не упоминаю. Противъ всѣхъ ихъ, безъ изъятія, предстаетъ непреложное свидѣтельство арабскихъ географовъ, которые показываютъ, что подлинно, въ мѣстномъ употребленіи, вся страна между двумя Забами, отъ Тигра до горъ Курдистана, была долго и постоянно называема *Нйнниви*, и что въ то же самое время была еще и другая область *Нйнниви*, на Евфратѣ, тоже въ странѣ платформъ ветхой эпохи.

Общій выводъ изъ всего этого очень простъ. Надо наконецъ сознаться, что мы вовсе не знаемъ, какъ собственно назывался городъ, который Евреи по прозванію между-забской страны или по сосѣдству съ нимъ платформъ Ветхихъ, именовали *Нинве* или *Нйниве*. Слово *нинивe* явственно не собственное имя, а общее простонародное названіе городовъ, лежащихъ возлѣ такихъ платформъ. Какъ городовое прозваніе, это имя было непостоянно и очевидно переходило отъ одного первенствующаго города къ другому, отъ Лариссы къ Мессилѣ, и обратно, отъ нихъ еще къ двумъ другимъ городамъ, имѣвшимъ погребальныя платформы свои

въ Хорсабадѣ и въ Карамли, и отсюда далѣе, даже на Евфратъ, къ городамъ, построеннымъ у вавилонскихъ платформъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ и у извѣстныхъ писателей, все это безразлично были *Ниниміи*, между-тѣмъ какъ у себя, въ своей нинивійской сторонѣ, каждый изъ четырехъ городовъ отличался своимъ особеннымъ названіемъ. Достовѣрно только то, что цари той *Ниниміи*, которой мужи и люди ходили воевать Іудею и Финикію въ восьмомъ вѣкѣ до Рождества Христова, единственной Нинивіи, достигшей историческаго могущества, хотя и кратковременнаго, погребены на коюнджукской платформѣ; и что слѣдовательно, городъ ихъ, *великій весьма* въ то столѣтіе, былъ расположенъ возлѣ этого гигантскаго сооруженія Ветхихъ — возлѣ этого *чуда*, *построеннаго по-пустякамъ* Прошедшими, какъ изъясняется Магометъ.

1852.

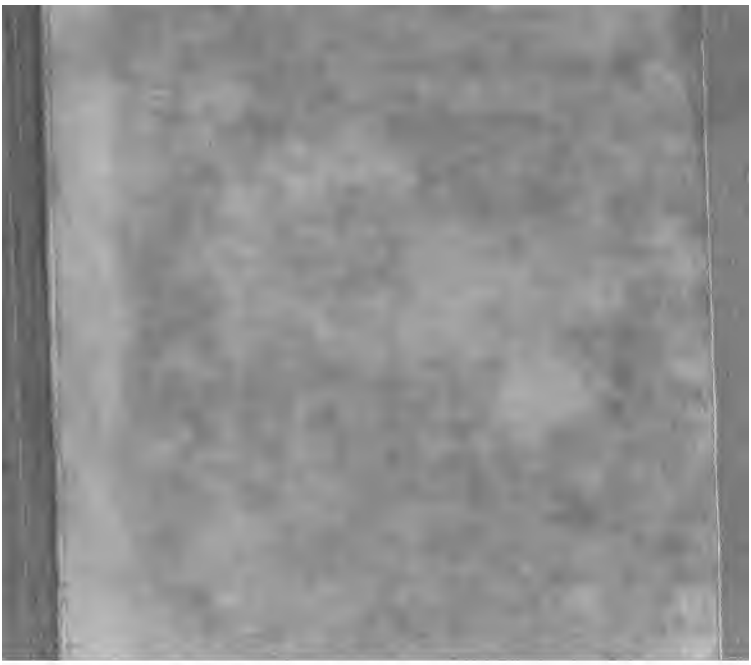
КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Исторія. Древности. Этнографія.

Казаки. Происхожденіе ихъ. Защита Азова.... 3
Калмыки. Ойраты. Уйгуры..... 27
Литва, Свитригайло и Коцебу..... 37
Способности и мнѣнія новѣйшихъ путешественниковъ по Востоку..... 69
Два примѣчанія къ Геродотову описанію Скиеіи. 115
О происхожденіи имени Руссовъ..... 149
Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузиновъ..... 169
Мехмедъ-Али..... 199
Чуваши, ихъ происхожденіе и вѣрованія..... 215
Сокъ достопримѣчательнаго. Записки Ресми-Ахмедъ-Эфендія, турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ..... 234
Китай и Китайцы..... 344
Манифестъ Дарія, сына Истаспова, и прочіе каменописные памятники древнихъ царей Персіи..... 480
Памятники Нинивіи..... 532



Stanford University Libraries
3 6105 013 757 344
AC
65
.S28
v.6

DATE DUE

NOV 26 199 ILL

OCT 20 1986

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305